ВОСТОКЪ, РОССІЯ

и

СЛАВЯНСТВО.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

К. Леонтьева.

Томъ 2-й.

МОСКВА.
Типо-литографія И. Н. Кушнерова и К°, Пименовская ул., домъ Кушнеровой.
1886.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ГРАМОТНОСТЬ И НАРОДНОСТЬ . . . . . 1— 33

II. ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ „ВАРШАВСКАГО ДНЕВНИКА“ 1880 года: 9 января. *О либерализмѣ вообще.*—10 января. *О томъ же.*—11 января. *Религія—краеугольный камень охраненія.*—12 января. *Двадцатипятилѣтіе царствованія.*—19 января. *Тургеневъ и Маркевичъ.*—25 января. *Россія и Австрія.*—28 января. *Исторія города Петербурга* и т. д.—29 января. *Панславизмъ.*—1 февраля. *Культурная борьба въ Германіи.*—7 февраля. *Почему мы нерѣдко чужими мнѣніями дорожимъ больше чѣмъ нашими собственными?*—15 февраля. *Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ.*—21 февраля. *Русскія войска въ Варшавѣ.*—28 февраля. *„Голосъ“ и французскіе якобинцы.*—1 марта. *Газета „Новости“ о дворянскомъ пролетаріатѣ.*—13 марта. *Убійство Куммерау; Турція и Франція по отношенію къ Россіи.*—22 марта. *Журналъ „Русская Мысль“.*—31 марта. *Г. Колюпановъ, земскій дѣятель.*—9 апрѣля. *По поводу поста въ Парижѣ.*—10 апрѣля. *Неотчуждаемость дворянскаго участка и борьба съ крамолой.*—23 апрѣля. *О субсидіяхъ.* . . . 35—112

III. КОШЕЛЕВЪ И ОБЩИНА . . . . . 113—123

IV. ЧѢМЪ И КАКЪ ЛИБЕРАЛИЗМЪ НАШЪ ВРЕДЕНЪ? . . . . . 123—142

V. Г. КАТКОВЪ И ЕГО ВРАГИ НА ПРАЗДНИКѢ ПУШКИНА . . . . 143—158

VI. КАКЪ НАДО ПОНИМАТЬ СБЛИЖЕНІЕ СЪ НАРОДОМЪ . . . . . 159—176

VII. ПРАВОСЛАВІЕ И КАТОЛИЦИЗМЪ ВЪ ПОЛЬШѢ . . . . . 177—185

VIII. ОСТЗЕЙЦЫ . . . . . 185—190

IX. КРИТИКА: 1. *Новый драматическій писатель.*—2. *Еще о „Дикаркѣ“ г. Островскаго и Соловьева.*—3. *„Въ сорочкѣ родилась“, повѣсть г-жи Коваленской.*—4. *Разоренное гнѣздо.*—5. *Психическій міръ женщины.*—6. *Письмо къ г. Астафьеву.*—7. *„Переломъ“ Б. Маркевича.*—8. *Современные церковные вопросы Т. И. Филиппова.*—9. *Т. И. Филипповъ и о. Склобовскій.*—10. *„Чѣмъ люди живы?“ Гр. Л. Толстаго.*—11. *Рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго на праздникѣ Пушкина* . . . . . 191—3 09

Библиотека "Руниверс"

X. ВОСПОМИНАНІЯ И РАЗНЫЕ ОТРЫВКИ: 1. *Памятникъ въ Бозѣ почившему Императору Александру II.*—2. *Памятникъ Кутузову въ Филяхъ.*—4. *Разсказъ діакона о 12-мъ годѣ.*—4. *Ѳед. Ив. Иноземцевъ и другіе врачи 50-хъ годовъ.*—5. *Пасха на Аѳонѣ.*—6. *Разбойникъ Сотири.*—7. *Два представителя индустріи.*—8. *Встрѣча съ Лессепсомъ.*—9. *Поученіе Никанора, епископа Херсонскаго* . . . 311—394

XI. СКВОЗЬ НАШУ ПРИЗМУ: 1. *Благоразумные Чехи.* — 2. *Японская дама.*—3. *Наслѣдство Хрущева.*—4. *Полезно ли самоуправство на улицѣ?*—5. *Мы „Страну" сглазили!*—6. *Ужасная взятка и возвышенная честность.*—7. *Революціонеры и прогрессисты.*—8. *Свобода проповѣди.* — 9. *Общество болгарскихъ естествоиспытателей.* — 10. *Небывалое торжество.* — 11. *Одиночное заключеніе.*— 12. *Дама куритъ въ церкви.* — 13. *Пророчество кѣлецкаго сапожника.*—14. *Прозрачная щука.*— 15. *Человѣкъ въ бараньей шкурѣ.*— 16. *Волки въ овечьихъ шкурахъ* . . . . . 395—420

Библиотека "Руниверс"

„Не всякая *реакція* враждебна прогрессу въ настоящемъ смыслѣ этого слова, какъ замѣтилъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ критиковъ современной европейской литературы, котораго никто не заподозритъ въ равнодушіи къ прогрессу *); реакція сама по себѣ вовсе не совпадаетъ съ понятіемъ регресса,—напротивъ, *всякая реакція, которая исправляетъ современное представленіе о прогрессѣ и дополняетъ его, является новымъ элементомъ прогресса.*"

(Вл. Герье: „Народность и прогрессъ".*)*

Напрасный трудъ! Нѣтъ, ихъ не вразумишь!
Чѣмъ либеральнѣй, тѣмъ они пошлѣе!
Цивилизація—для нихъ фетишъ,
Но не доступна имъ ея идея **);
Какъ передъ ней ни гнитесь, господа,
Вамъ не снискать признанья отъ Европы:
Въ ея глазахъ вы будете всегда
Не *слуги* просвѣщенья, а *холопы!*

Ѳ. Тютчевъ.

---

*) *Брандесъ?*—Авт.

**) *Разнообразіе* и *сила* личнаго и національнаго развитія. Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ и Дж. Ст. Милль.—Авт.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ГРАМОТНОСТЬ И НАРОДНОСТЬ.

(Заря; 1870 года).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

I.

Много мы читали и слышали о безграмотности русскаго народа и о томъ, что Россія есть страна, гдѣ *„варварство вооружено всѣми средствами цивилизаціи“*. Когда это пишутъ и говорятъ Англичане, Французы и Нѣмцы, мы остаемся равнодушными, или радуемся тому внутреннему ужасу за дальнее будущее Запада, который слышится подъ этими затверженными безъ смысла строками.

Къ несчастію, подобное неосмысленное понятіе о Россіи и Русскихъ существуетъ и у тѣхъ народовъ, которыхъ связываютъ съ нами племенная близость, или вѣра и политическая исторія. Случай заставилъ меня довольно долго прожить на Дунаѣ. Жизнь на берегахъ Дуная очень поучительна. Не говоря уже о близости такихъ крупныхъ національныхъ и политическихъ единицъ, какъ Австрія, Россія, Турція, Сербія, Молдавія и Валахія, — посѣщеніе одной такой области, какъ Добруджа, не можетъ пройти безслѣдно для внимательнаго человѣка.

Въ этой турецкой провинціи живутъ подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ, на одной и той же почвѣ, подъ однимъ и тѣмъ же небомъ: Турки, Татары, Черкесы, Молдаване, Болгары, Греки, Цыгане, Евреи, нѣмецкіе колонисты и *Русскіе нѣсколькихъ родовъ:* Православные Малороссы (удалившіеся сюда отчасти изъ Сѣчи Запорожской, отчасти позднѣе во времена крѣпостнаго права), Великороссы - Старообрядцы (Липоване), Великороссы-Молоканы и православные Великороссы. Если прибавить сюда и берега Молдавіи, которые такъ близки — Измаилъ, Галацъ, Вилково и т. д., то этнографическая картина станетъ еще богаче, и въ молдавскихъ городахъ, сверхъ вышеисчисленныхъ русскихъ иновѣрцевъ, найдемъ еще и скопцовъ въ большомъ количествѣ. Между извозчиками, напримѣръ, которые въ фаэтонахъ возятъ по Галацу, очень много скопцевъ. То же самое, какъ слышно, было до послѣдняго времени въ Яссахъ и Бухарестѣ.

Систематическое, сравнительное изученіе быта племенъ, населяющихъ берега нижняго Дуная, могло бы дать, я увѣренъ, замѣчательные результаты. Обстоятельства не позволили мнѣ этого сдѣлать, но

Библиотека "Руниверс"

я уже доволенъ и тѣмъ, что сама жизнь дала мнѣ безъ внимательнаго и правильнаго изслѣдованія. Я дорожу особенно двумя добытыми результатами: живымъ нагляднымъ знакомствомъ съ русскимъ простолюдиномъ, *перенесеннымъ на чужую почву*, и еще знакомствомъ *со взглядами нашихъ политическихъ друзей на насъ и на нашъ народъ**).

Одинъ аѳинскій Грекъ, весьма способный, образованный и занимавшій въ теченіи своей жизни должности не совсѣмъ ничтожныя; извѣстный, сверхъ того, какъ человѣкъ русской партіи вступилъ однажды съ мной въ разговоръ о нашей родинѣ вообще.

Онъ горячо жаловался на то, что „Россія велика, да не сердита", ставилъ въ примѣръ намъ свою маленькую Грецію, которая схватывается съ огромной Турціей. (Этотъ разговоръ происходилъ въ 1868 году еще до несчастнаго исхода Критскихъ дѣлъ). Я защищалъ умѣренную русскую политику, доказывалъ ему, что самое безсиліе Греціи есть въ извѣстномъ смыслѣ сила и что всякое несвоевременное движеніе наше ввергло бы и Грековъ въ неисчислимыя бѣдствія. Онъ все стоялъ на своемъ и приписывалъ умѣренность нашей политики *необразованности нашего народа*. „Оттого, — говорилъ онъ,—Россія и не сердита, что народъ пробудить трудно на жертвы въ пользу идеи... *Подите, пробудите русскаго мужика!*"

Я не стану излагать здѣсь своихъ возраженій, скажу только, что онъ измѣнилъ потомъ свои взгляды и, уѣзжая въ Аѳины, благодарилъ меня за то, что я открылъ ему много, чего онъ и не подозрѣвалъ въ Россіи.

Немного погодя, послѣ первой моей бесѣды съ этимъ *весьма просвѣщеннымъ* Грекомъ, я шелъ вечеромъ въ Галацѣ по площади, которая прилегаетъ прямо къ набережной Дуная. У самаго берега этого стоятъ постоянно, по договору, небольшія военныя суда великихъ державъ. Они всѣ стоятъ подрядъ; но экипажи живутъ особнякомъ, и каждый по своему. Поютъ матросы на всѣхъ судахъ, но чаще и лучше всѣхъ поютъ хоромъ наши.

---

*) Въ 68 году я имѣлъ еще право называть Грековъ „нашими политическими друзьями". Это было, можетъ быть, лучшее время въ исторіи новѣйшихъ сношеній нашихъ съ Греками, (этими главными и самыми сильными представителями Православія на Востокѣ). Въ то время еще не кончилось геройское возстаніе Критянъ и бракъ Короля Георгія съ Русской Великой Княжною считался тогда наилучшимъ выраженіемъ вѣковыхъ Греко-Россійскихъ симпатій и залогомъ крѣпкаго союза въ будущемъ. Легкомысленная демагогія Аѳинскихъ политиковъ съ одной стороны, а съ другой—простодушное потворство нашего общества Болгарскому либеральному и *анти-церковному* движенію—испортили все дѣло если не въ конецъ, то надолго. Правда—рано или поздно мы и безъ того столкнулись бы съ Греками за обладаніе Босфоромъ. Но тутъ *есть изъ-за чего! Царьградъ и вольности Болгарской буржуазіи*—развѣ можно это равнять?

Библиотека "Руниверс"

Каждый вечеръ они поютъ то церковные стихи, то народныя грустныя пѣсни, то удалыя солдатскія. На берегу около канонерской лодки „Чатыръ-Дагъ“ — всегда въ это время собирается народъ послушать русскихъ. Сидѣлъ и я долго на камнѣ и слушалъ.

Совсѣмъ было ужь темно, когда я удалился; передо мной шли разговаривая *два грека, простые матросы* съ *купеческихъ судовъ*.

— Хорошо поютъ русскіе!—сказалъ одинъ.

— Только поютъ!—отвѣчалъ другой.

— Погоди, *проснутся и они*,—возразилъ первый.

— Дожидайся, чтобы они *проснулись!*...

Съ этими словами греки вошли въ переулокъ, а я пошелъ въ другую сторону и, когда вспомнилъ слова моего аѳинскаго друга, столь сходныя со словами матросовъ, мнѣ стало больно не за русскихъ и за ихъ безграмотную простоту, а за грековъ и за ихъ грамотное незнаніе. Я грековъ люблю и мнѣ жаль, что они, влачась во всѣхъ понятіяхъ за политически ненавистной имъ Европой, просмотрятъ и проглядятъ сами великую, назрѣвающую славяно-русскую культуру, которая одна только въ силахъ обновить исторію.

Спустя нѣсколько времени, мнѣ случилось быть въ Измаилѣ и гулять по бульвару, на которомъ *еще цѣлы* полосатые *русскіе столбы* подъ фонарями.

Въ Измаилѣ все еще пахнетъ Россіей: пролетки и телеги съ дугами, рубашки на выпускъ (также какъ и въ Тульчѣ) бюрократически-правильные бульвары, - гостиный дворъ, въ которомъ продаютъ и теперь русскіе купцы даже и *кумачь красный*... Посреди площади стоитъ около бульвара соборъ, выстроенный по плану, сходному съ планомъ калужскаго и другихъ губернскихъ соборовъ новѣйшей казенной постройки.

Въ соборѣ половина службы идетъ по русски, а половина по румынски; на колокольнѣ соборной звучатъ густые русскіе колокола...

Многіе изъ румынъ и грековъ, живущихъ въ Измаилѣ, говорятъ по русски...

О русскомъ управленіи многіе сохранили здѣсь недурную память...

И такъ я гулялъ на бульварѣ; со мной ходило двое молодыхъ людей; одинъ былъ грекъ полу-русскаго воспитанія; другой—молдаванъ полу-французскаго воспитанія.

Не помню который изъ нихъ началъ сравнивать Тульчу съ Измаиломъ и, вѣроятно, желая угодить моему русскому чувству, сказалъ:

— Конечно, на каждомъ шагу видно, что Измаилъ былъ въ рукахъ просвѣщенной націи, а Тульча—турецкій городъ. Здѣсь *прямыя* улицы, бульваръ *правильный*... и т. д.

Я отвѣчалъ ему на это: — Тульча нисколько не похожа на турец-

Библиотека "Руниверс"

кій городъ и это очень жаль; турецкіе города крайне живописны; Тульча похожа на новороссійскій уѣздный городокъ, безпорядочно построенный *самимъ народомъ*; и этимъ она, пожалуй,—лучше Измаила, въ которомъ Россія являлась не столько народными, сколько полу-европейскими своими сторонами. Нѣтъ спора, — я самъ выросъ въ губернскомъ городѣ, и видъ Измаила какъ нельзя болѣе близокъ душѣ моей, — но это не мѣшаетъ мнѣ желать, чтобы русское начальство, когда ему впредь придется украшать или строить города, менѣе бы увлекалось геометрическими вкусами новѣйшей Европы.

Молодые единовѣрцы, видимо, наши не поняли меня и возражали совсѣмъ не на то.

Такимъ образомъ завязался разговоръ, который кончился такъ:

— Сознайтесь, — сказалъ я молдавану, — что душѣ вашей ближе французы, чѣмъ русскіе; вы цѣните больше французскій умъ и характеръ, чѣмъ нашъ; я не говорю о политическихъ отношеніяхъ... Это совсѣмъ другое...

Молдаванъ отвѣчалъ мнѣ на это искренно:

— Я сознаюсь вамъ, что я простолюдина французскаго ставлю выше русскаго мужика; но русскаго, равнаго образованіемъ съ французомъ, я цѣню и люблю больше и француза, и англичанина, и всякаго другаго европейца!...

Я тогда спросилъ у него: кто ему больше нравится,—русскій ли учитель или молодой чиновникъ новаго поколѣнія, честный, скромный, трудолюбивый, но безличный, живущій послѣдними модными мыслями запада; человѣкъ, котораго по образу жизни, по манерамъ, по разговору, одеждѣ, симпатіямъ, можно отнести къ буржуазіи всякаго народа,—*или же*...

Тутъ я указалъ молдавану на одного придунайскаго старообрядца, старца въ высшей степени замѣчательнаго по личному своеобразному характеру своему, по политическому вліянію и, наконецъ, потому, что, вращаясь во всѣхъ возможныхъ слояхъ общества, вступая въ теченіи долгой своей жизни въ сношенія съ людьми высшаго круга различныхъ націй, онъ остался вѣренъ своему русскому старообрядчеству во всемъ, начиная отъ рубашки на выпускъ и кончая отреченіемъ отъ табаку и чая.

Молдаванъ сказалъ, что онъ, конечно, предпочитаетъ перваго русскаго второму.

— Послѣ этого разговоръ между нами невозможенъ, — отвѣчалъ я.—Чтобы вы могли понять меня, вамъ надо *забыть все, что вы знали*, и слушать меня долго и часто, увлекаясь не желаніемъ переспорить, а жаждой понять...

Молодые люди молча подивились моимъ претензіямъ и мы разстались.

Библиотека "Руниверс"

Я разсказалъ о грекахъ и молдаванахъ; я могъ бы разсказать тоже о болгарахъ и, вѣроятно, о сербахъ, которыхъ, впрочемъ, я знаю меньше.

Всѣ единоплеменники и единовѣрцы наши цѣнятъ насъ на столько, на сколько мы европейцы: имъ и въ голову не приходитъ цѣнить въ насъ *то*, что въ насъ собственно русское.

Тѣ изъ нихъ, которые расположены политически къ намъ, цѣнятъ въ насъ: во 1-хъ, православное или славянское государство съ милліономъ штыковъ; во 2-хъ, по европейски воспитанныхъ свѣтскихъ людей, которые шириной своей образованности по словамъ самихъ европейцевъ, превосходятъ многихъ; въ 3-хъ, наши военныя способности; въ 4-хъ, они цѣнятъ чрезвычайно высоко, въ одинъ голосъ съ европейцами, наши дипломатическія способности и дальновидную глубину нашей политики. (Правы ли они или нѣтъ, не знаю!).

Наконецъ, они признаютъ все „свободолюбіе“ и всю серьеность реформъ, предпринятыхъ нынѣшнимъ правительствомъ нашимъ.

Но что такое нашъ народъ? Что такое эта *масса*, этотъ океанъ, который они считаютъ безгласнымъ и безсмысленнымъ, потому что онъ чуждъ мелочнымъ и сухимъ демагогическимъ движеніямъ?—Этого они не знаютъ и не могутъ узнать, пока *мы сами* еще немногимъ въ этомъ отношеніи стоимъ выше ихъ.

Нѣкоторые изъ славянъ и грековъ, съ которыми *я* говорилъ объ этихъ предметахъ, считали меня какимъ-то демократомъ; имъ это простительно, но какъ простить русскихъ, которые до сихъ поръ не понимаютъ, что здѣсь дѣло о *народномъ*, а не *просто*-народномъ.

Будь наше высшее общество своеобразнѣе нашего народа, надо было бы предпочесть его духъ, его образцы, его обычаи, его идеалы, а не простонародные.

Такіе примѣры есть въ исторіи. Парижанинъ *болѣе французъ*, чѣмъ хлѣбопашецъ французскій. У хлѣбопашца французскаго серьезнаго, тяжелаго, упорнаго въ земельномъ трудѣ, больше сходства съ нѣмецкимъ хлѣбопашцемъ, чѣмъ у парижскато франта и демагога съ нѣмецкимъ ученымъ (особенно прежнихъ временъ).

Лордъ англійскій (особенно прежній лордъ) какъ физіономія, какъ типъ, какъ характеръ, быть можетъ, болѣе олицетворялъ собою Англію чѣмъ англійскій матросъ; или по крайней мѣрѣ столько же.

У насъ вышло на оборотъ. Это чувствуется всѣми.

Во время послѣдней восточной войны, въ одномъ изъ итальянскихъ городовъ, на карнавалѣ, выѣхала на площадь колесница съ комической группой, изображавшей борцовъ Восточнаго вопроса: турокъ былъ въ классической своей одеждѣ; англичанинъ, кажется, изображенъ былъ въ видѣ матроса; французъ (это я помню навѣрное) въ видѣ парижскаго франта, а „русскій въ видѣ *мужика*“.

Такъ писали тогда въ газетахъ.

Библиотека "Руниверс"

II.

Изъ всѣхъ расположенныхъ къ намъ политически единоплеменниковъ и единовѣрцевъ нашихъ — Чехи, мнѣ кажется, скорѣй другихъ могли бы понять и оцѣнить Россію съ той точки зрѣнія, на которую я лишь намекнулъ въ первой нашей главѣ.

Они это могутъ именно вслѣдствіе большей своей образованности, вслѣдствіе большаго *пресыщенія* западничествомъ.

Европейская образованность другихъ политическихъ друзей нашихъ еще слишкомъ зелена, чтобы они были въ силахъ пресытиться однообразнымъ идеаломъ западной культуры. Они еще parvenus европеизма и не въ силахъ еще даже и теоретически подняться надъ нимъ...

Повторяю, это имъ извинительно; въ этомъ виноваты много и мы сами.

Къ несчастію, и между Чехами много есть людей *пропитанныхъ*, но не *пресыщенныхъ* европеизмомъ. Это видно по печатнымъ мнѣніямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Къ тому же западная публицистика, упоенная вещественной силою совокупно взятаго Запада, его механическими открытіями и распространеніемъ въ немъ мелкаго знанія (въ ущербъ высшему творчеству духа), поетъ диѳирамбъ сама себѣ и своей мѣщанской почвѣ, не подозрѣвая, что *душа убываетъ* вокругъ нея, не замѣчая, что геній жизни съ грустью собирается угасить свой факелъ...

Западная мысль поетъ на старые (когда-то юные) мотивы диѳирамбы Западу и съ презрѣніемъ относится къ нашему народу.

Славяне слушаютъ это и мысль ихъ колеблется...

Еще не такъ давно въ одной изъ столькихъ враждебныхъ намъ газетъ былъ представленъ краткій отчетъ состоянія грамотности въ русской арміи. Отчетъ этотъ былъ взятъ иностраннымъ писателемъ изъ нашихъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и заключалъ въ себѣ слѣдующее обращеніе къ чехамъ: „Самъ г. Катковъ сообщаетъ въ своей газетѣ, что грамотныхъ солдатъ въ русской арміи *5* на *сто* *)! Что можетъ быть общаго у чеховъ, столь ученыхъ, столь образованныхъ и т. д. съ русскими? Чехи говорятъ, что они въ Россіи ищутъ лишь *умственнаго вождя*... Намъ кажется, что первое необходимое качество путеводителя есть способность ясно видѣть. „Dans le royaume des aveugles les borgnes sont rois и т. д“.

Иностранный порицатель нашей безграмотности указываетъ на *самого* г. Каткова, т.-е. на одного изъ самыхъ знаменитыхъ и вліятельныхъ русскихъ патріотовъ...

*) цифры не помню.

Библиотека "Руниверс"

Не знаю, что̀ отвѣтилъ бы г. Катковъ на это, еслибы онъ обратилъ вниманіе на эту замѣтку. Можетъ быть и онъ, и многіе другіе находятъ лучшимъ отвѣчать презрительнымъ молчаніемъ на всѣ подобныя нападки. Русскіе привыкли къ нимъ; но я думаю, что не всегда эта метода хороша: молчаніе можетъ быть приписано смущенію передъ горькою правдой.

Я-же нахожу, что эта правда не горька. Да! Въ Россіи еще много безграмотныхъ людей; въ Россіи много еще того, что̀ зовутъ „варварствомъ". *И это наше счастье, а не горе.* Не ужасайтесь, прошу васъ;— я хочу сказать только, что нашъ безграмотный народъ болѣе чѣмъ мы хранитель народной физіономіи, безъ которой не можетъ создаться своеобразная цивилизація.

Я не хочу сказать, что народъ нашъ совсѣмъ ненадо учить грамотѣ, что его не слѣдуетъ просвѣщать;—я скажу только: наше счастье въ томъ, что мы находимся „im Werden", а не стоимъ *на* вершинѣ, какъ Англія, у вершины, какъ нѣмцы и, тѣмъ болѣе, не начали еще спускаться внизъ, какъ французы.

Герценъ вначаль выражалъ какія-то надежды на будущее французскаго работника; и въ этомъ, какъ и во многомъ, онъ ошибался. Не разъ уже было замѣчено, что французскій работникъ портится, и пошлѣетъ, когда онъ дѣлается зажиточнымъ буржуа.

У самого Прудона вырвались слѣдующія слова:—„la fortune loin d'urbaniser l'homme du peuple, ne sert le plus souvent qu'à mettre en relief sa grossiereté". (La Guerre et la Paix; т. I глава IV).

Итакъ, вообразимъ же себѣ, что самый, столь несбыточный во Франціи революціонный и соціальный идеалъ удался бы и пустилъ въ этой странѣ прочные корни; что крупная собственность была бы запрещена закономъ, какъ запрещены теперь рабство и убійство. Что же бы вышло? Обновилась ли бы народная физіономія француза? Ничуть;—она стерлась бы еще болѣе. Вмѣсто нѣсколькихъ сотенъ тысячъ богатыхъ буржуа, мы бы получили милліоновъ сорокъ мелкихъ буржуа. По роду занятій, по имени, по положенію общественному они были бы не буржуа; по уму, по нравамъ, по всему тому, что, помимо политическаго положенія, составляетъ сумму качествъ живаго лица и и зовется его духовной физіономій или характеромъ,—они были бы буржуа.

Личность у людей, сила живаго своеобразія была бы еще болѣе убита, чѣмъ теперь во Франціи.

Не таково положеніе наше!

Не обращаясь вспять, не упорствуя въ неподвижности, принимая все то, что обстоятельства вынуждаютъ насъ принять разумно, безъ торопливости деревенскаго „parvenu", принимающаго мѣдь за золото, лишь бы мѣдь была въ модѣ у европейцевъ, мы можемъ, если пой-

Библиотека "Руниверс"

мемъ вполнѣ и сами себя и другихъ, не только сохранить свою народную физіономію, но и довести ее до той степени самобытности и блеска, въ которой стояли поочередно, въ разныя историческія эпохи, всѣ великія націи прошедшаго.

Замѣчательно, что въ послѣднее десятилѣтіе всякій шагъ, который мы дѣлали по пути *европеизма*, болѣе и болѣе приближалъ насъ къ нашему народному сознанію. Безцвѣтная и безвкусная, но видимо полезная (за неимѣніемъ другаго) вода всеобщаго просвѣщенія только подняла и укрѣпила русскіе всходы, поливая наши, намъ самимъ незнакомыя поля. Чтобы это было яснѣе, я обращусь къ примѣрамъ. Ихъ множество.

Крѣпостное состояніе и крѣпостное право въ Россіи было, конечно, явленіе весьма своеобразное. (Худо ли оно, хорошо ли было, не о томъ здѣсь рѣчь). Во всей западной Европѣ уже не было ничего подобнаго ко второй половинѣ 19-го вѣка. Казалось бы, что, уничтожая крѣпостную зависимость нашихъ крестьянъ, мы приблизились къ Европѣ... Съ одной стороны—да; съ другой, напротивъ, отдалились. О нашей земской общинѣ до окончанія Крымской войны никто не думалъ. Помѣщики и чиновники видѣли ее безсознательно, не думая о ней. Литераторы или вовсе не знали объ ней, или смѣялись надъ горстью славянофиловъ, „которые, Богъ знаетъ, о чемъ думаютъ и заботятся". Полемика журналовъ отъ 56 года до нашего времени, труды коммиссій по освобожденію крестьянъ, уяснили вопросъ „общины". Она стала краеугольнымъ камнемъ нашего земскаго и государственнаго быта.—Порицаютъ ее только немногіе, крайніе „европеисты", которые не вѣрятъ въ возможность иной цивилизаціи, кромѣ ґермано-романской; да тѣ землевладѣльцы, которые бы желали ввергнуть крестьянина въ нищету, чтобы онъ дешевле бралъ за работу и зависѣлъ бы отъ ихъ воли, какъ зависитъ въ Англіи фабричный работникъ отъ произвола жестокаго и грубаго фабриканта.

Европейцы, чуя въ насъ для нихъ что-то невѣдомое, приходятъ въ ужасъ; при видѣ этого грознаго, какъ они говорятъ, „соединенія самодержавія съ коммунизмомъ", который на западѣ *есть кроваван революція, а у насъ монархія и вѣра отцовъ.*

Другой примѣръ—нашъ нигилизмъ. Нигилисты хотѣли бы, между прочимъ, чтобы Россія была „plus européenne que l'Europe". То, что дома Добролюбовъ, Писаревъ и другіе облекали ловко въ иносказательныя, то легкія, то серьезныя формы, Герценъ изъ-за ограды Англійскаго „habeas corpus" проповѣдывалъ на весь міръ.

Людямъ этимъ недоставало истиннаго понятія о національности; имъ не претилъ европеизмъ, если онъ только проявлялся въ революціонной формѣ.

Даже Герценъ, который гораздо выше по своему философскому

Библиотека "Руниверс"

воспитанію, чѣмъ были его доморощенные и молодые помощники (ибо онъ развился въ 40 годахъ) и тотъ долго восхвалялъ, напримѣръ, французскаго работника, тогда какъ *хорошему* русскому—видъ французскаго блузника съ его заученными сентенціями и дерзкими ухватками долженъ быть крайне противенъ и скученъ...Наконецъ и онъ, самъ Герценъ, разочаровался въ европейскомъ простолюдинѣ; онъ понялъ, что ему, этому рабочему хочется стать *среднимъ буржуа* и *больше ничего*. Такой пошлости Герценъ человѣкъ изящно воспитанный и глубокій—любить конечно не могъ, но наши „домашніе" отрицатели изъ разночинцевъ не были разборчивы.

Итакъ, что же могло быть опаснѣе подобнаго космополитическаго направленія для нашей народной физіогноміи?

И что-жь? Въ то время, когда въ Петербургѣ издатели „Современника" восхищали страстную, но оторванную отъ народной почвы молодежь и изумляли даже весьма умныхъ провинціаловъ, которые не могли постичь за что они все бранятъ и чего имъ хочется; въ то время, когда кроткій Михайловъ печаталъ свои кровавыя прокламаціи, совѣтуя въ нихъ идти дальше французовъ временъ террора, и Бога звалъ „мечтой", въ Москвѣ являлись „Парусъ", „День" и „Русская Бесѣда".—Славянофилы изъ „старинныхъ" мечтателей обратились въ людей-утѣшителей, въ людей „положительнаго идеала" посреди этой всеобщей моды отрицанія.

Славянофилы явились на защиту „народной святыни", на защиту церкви, общины, народныхъ нравовъ и преданій. И множество людей помирились съ ихъ *мечтами* за нѣкоторые практическіе ихъ выводы.

Въ то же время Кохановская печатала свои прекрасныя и пламенныя повѣсти; въ нихъ съ неслыханной дотолѣ у насъ смѣлостью и жаромъ изображались старинные русскіе нравы и не столько нравы простолюдина, сколько нравы деревенскихъ дворянъ, по многому, однако, близкихъ къ національной почвѣ. Не былъ при этомъ забытъ и простолюдинъ. Повѣсть: „Кирило Петровъ и Настасья Дмитріева" (мѣщанинъ и мѣщанка) на вѣки украсила нашу словесность.

Въ этихъ повѣстяхъ „европеизмъ" только выносился мѣстами; ненависть къ нему и дышала между строчками, и выражалась явно.

Въ самомъ Петербургѣ началъ тогда же выходить журналъ „Время", который шелъ въ упоръ „Современнику". Въ немъ, пожалуй, положительное направленіе было еще шире, чѣмъ у славянофиловъ; въ немъ участвовалъ критикъ, до сихъ поръ у насъ не оцѣненный какъ слѣдуетъ, Аполлонъ Григорьевъ. Придетъ время, конечно, когда поймутъ, что мы должны гордиться имъ болѣе, чѣмъ Бѣлинскимъ, ибо если бы перевести Григорьева на одинъ изъ западныхъ языковъ и перевести Бѣлинскаго, то безъ сомнѣнія, Григорьевъ иностранцамъ показался бы

Библиотека "Руниверс"

болѣе русскимъ нежели Бѣлинскій, который былъ ничто иное, какъ талантливый прилагатель европейскихъ идей къ нашей литературѣ.

Но „Время“ хотя имѣло большой успѣхъ, только постепенно уясняло свою задачу, и скоро погубило себя одной умно написанной, но безтактно напечатанной статьей *). Нигилизмъ Современника побудилъ въ однихъ задремавшія воспоминанія о церкви, столь родной семейнымъ радостямъ дѣтства и молодости; въ другихъ чувство государственное; въ третьихъ ужасъ за семью и т. д. *Современникъ* и *нигилизмъ*, стремясь къ крайней всегражданственности, насильно возвращали насъ къ „почвѣ“.

Наконецъ поднялась буря въ Польшѣ; полагая, что Россія потрясена Крымскимъ пораженіемъ и крестьянскимъ переворотомъ, надѣясь на нигилистовъ и раскольниковъ, Поляки хотѣли посягнуть на цѣлость нашего государства!

Недовольствуясь мечтой о свободѣ собственно польской земли, они надѣялись вырвать у насъ Бѣлоруссію и Украйну... Вы знаете, что было! Вы знаете, какой гнѣвъ, какой крикъ негодованія пронесся по всей Россіи при чтеніи нотъ нашихъ непрошенныхъ наставниковъ.. Какой восторгъ привѣтствовалъ отвѣты князя Горчакова и адресы Царю со всѣхъ концовъ Державы.

Съ тѣхъ поръ всѣ стали *нѣсколько* болѣе славянофилы... Ученіе это „въ *раздробленномъ видѣ*“ пріобрѣло себѣ больше прежняго поклонниковъ. И если въ наше время трудно найдти славянофиловъ совершенно строгихъ и полныхъ, то и *грубыхъ европеистовъ* стало все-таки меньше, я думаю...

Вотъ къ чему привела у насъ общечеловѣческая демагогія...

---

*) Во „Времени“ же была разъ высказана мысль, что Бѣлинскій, если бы дожилъ до нашей эпохи, то бросилъ бы ту плоскую положительность, которой онъ сталъ было поклоняться послѣднее время, и сдѣлался бы славянофиломъ. Мнѣ замѣчаніе это кажется вѣрнымъ. Какъ бы ни былъ уменъ и даже геніаленъ мыслитель, онъ очень часто не предвидитъ крайнихъ послѣдствій того ученія, которому онъ служитъ; я тоже думаю, что такой пламенный эстетикъ, каковымъ былъ Бѣлинскій, обратился бы къ московскому духу при первомъ появленіи Добролюбова и Писарева. Все это такъ, но этого не случилось: Бѣлинскій, также какъ и Григорьевъ, скончался не въ года упадка, а въ полной силѣ развитія ума и таланта. Поэтому *послѣднее слово* ихъ особенно важно для опредѣленія ихъ исторической роли. Послѣднее слово Бѣлинскаго было: *крайній европеизмъ* и *положительность*. Таковъ онъ былъ въ статьяхъ „Современника“ и особенно въ отвратительномъ письмѣ своемъ къ Гоголю, съ которымъ знакома вся Россія. Послѣднее слово Апол. Григорьева было, напротивъ, *народность* и *своеобразіе русской жизни*. Незадолго до смерти своей, въ маленькой газеткѣ „Якорь“, не имѣвшей успѣха (какъ и слѣдовало ожидать по національной незрѣлости нашей публики) онъ хотѣлъ развивать такую мысль: „Все, что прекрасно въ книгѣ, прекрасно и въ жизни, и прекраснаго въ жизни не надо уничтожать;“ въ частности онъ приложилъ эту мысль къ защитѣ юродивыхъ, столь поэтичныхъ въ точныхъ и реальныхъ описаніяхъ нашихъ романистовъ, но имѣлъ въ виду развить ее и шире.

Библиотека "Руниверс"

Еще два примѣра. Земскія учрежденія наши въ частности сами по себѣ довольно своеобразны; но все-таки общая идея ихъ была къ намъ занесена съ Запада и вызвана освобожденіемъ крестьянъ. Это приложеніе западной идеи къ нашей жизни сблизило наше просвѣщенное сословіе съ простымъ народомъ: дворянство, оторванное отъ него эмансипаціей, сошлось съ нимъ опять на основаніяхъ болѣе гуманныхъ. Волей-неволей, встрѣчаясь съ крестьянами въ собраніяхъ, оно должно стать болѣе русскимъ не только по государственному патріотизму (въ чемъ не было никогда у насъ недостатка) но и вообще по духу и, Богъ дастъ, по бытовымъ формамъ...*)

Суды наши уже, конечно, вовсе не своеобразны; они заимствованы цѣликомъ. Но въ судахъ являются люди всѣхъ сословій и странъ нашей великой отчизны, всякаго воспитанія; въ нихъ разсматриваются и судятся всевозможныя страсти, преступленія, суевѣрія, и всякій согласится, что не всякое преступленіе низко и что многія суевѣрія трогательны и драгоцѣнны для народа.

Образованный классъ нашъ въ судахъ изучаетъ бытъ и страсти нашего народа. Онъ и здѣсь учится болѣе понимать родное, хотя бы въ грустныхъ его проявленіяхъ.

Вотъ любопытные образцы, взятые изъ газетъ:

1. Дѣло раскольника Куртина.

По словамъ Владимірскаго корреспондента газеты *Голосъ*, въ мѣстной уголовной палатѣ производилось дѣло о нѣкоемъ Куртинѣ, раскольникѣ

---

*) *Примѣчаніе 1885 года.*

Я напоминаю еще разъ, что писалъ эту статью заграницей, въ 68-мъ году и въ Россію вернулся только въ 74-мъ. Во многомъ мнѣ на родинѣ пришлось разочароваться; я воображалъ, что „свобода“ дастъ намъ больше того *своеобразія*, о которомъ я мечталъ.— Но увы! я слишкомъ скоро убѣдился, что хотя *прежнія Правительственныя системы наши со временъ Петра I-го и вносили въ нашу жизнь слишкомъ много европейскаго*, но все таки и съ этой стороны взятое,—государственное начало въ Россіи оказалось *самобытнѣе свободно-общественнаго.*

Общество русское истекшаго 25-лѣтія вездѣ, гдѣ только ему давали волю, ничего самобытнаго и созидающаго не съумѣло выдумать.—Ни въ земствѣ, ни въ судахъ, ни даже въ печати!.. „Гнилой Западъ“ (*да*!—*гнилой*!) такъ и брыжжетъ, такъ и смердитъ отовсюду, гдѣ только „интеллигенція“ наша пробовала воцаряться!—Быть можетъ „Земству“ и предстоитъ будущность и даже многозначительная, но это возможно, мнѣ кажется, только при двухъ условіяхъ: во 1-хъ, чтобы распредѣленіе поземельной собственности приняло болѣе органическій (т. е. *принудительный*) видъ, чтобы съ одной стороны крестьянская (общинная) земля стала бы на вѣки *неотчуждаемою* и никогда на *личные* участки недробимою;—а съ другой, чтобы и дворянское (личное) землевладѣнье приняло бы тоже, при понуждающемъ дѣйствіи законовъ, болѣе *родовую и сословную форму*, т. е. чтобы *отчужденье* изъ *предѣловъ рода и сословія* тоже все болѣе и болѣе затруднялось. Во 2-хъ нужно, чтобы церковныя школы исподволь совершенно бы вытѣснили либерально-земскія.

Библиотека "Руниверс"

Спасова согласія, *заклавшемъ роднаго сына своего въ жертву*... Спасово согласіе есть одинъ изъ толковъ безпоповщинскихъ и самыхъ крайнихъ. Онъ иначе называется *нѣтовщиною*, потому что раскольники этого толка учили и учатъ доселѣ, что нѣтъ нынѣ въ мірѣ ни православнаго священства, ни таинствъ, ни благодати и желающимъ содержать старую вѣру остается только прибѣгать къ Спасу, который самъ вѣдаетъ какъ спасти насъ бѣдныхъ. Раскольнику Спасова согласія не остается, такимъ образомъ, ничего въ жизни; эта безнадежность приводитъ фанатиковъ часто къ самымъ ужаснымъ результатамъ. Вотъ содержаніе исторіи дѣтоубійства, совершеннаго Куртинымъ. Вязниковскаго уѣзда, деревни Слободищъ, крестьянинъ спасовецъ Михаилъ Ѳедоровъ Куртинъ (57 лѣтъ) зарѣзалъ роднаго сына своего, 7-ми лѣтняго мальчика, Григорія, въ убѣжденіи, что это угодно Спасу. Подробности этого кроваваго процесса ужасны, но въ тоже время очень естественны въ спасовцѣ. Вотъ какъ разсказывалъ самъ Куртинъ на судѣ о своемъ дѣтоубійствѣ: „Однажды ночью печаль моя о томъ, что всѣ люди должны погибнуть въ нынѣшнія времена сдѣлалась такъ велика, что я не могъ уснуть ни на минуту и нѣсколько разъ вставалъ съ постели, затепливалъ свѣчи передъ иконами и молился со слезами на колѣняхъ о своемъ спасеніи и спасеніи семейства своего. Тутъ мнѣ пришла на умъ мысль спасти сына своего отъ погибели вѣчной, и такъ какъ сынъ мой Григорій, единственное дѣтище, былъ очень рѣзовъ, веселъ и смышленъ не по лѣтамъ, то я, боясь, чтобъ онъ послѣ смерти моей не развратился въ вѣрѣ и не погибъ на вѣкъ въ геенѣ вѣчной, рѣшился его зарѣзать. Съ этою мыслью я вышелъ на зарѣ въ заднія ворота и сталъ молиться на восходъ, прося у Спаса знаменія, что если послѣ молитвы придетъ мнѣ снова мысль эта въ голову съ правой стороны, то я принесу сына въ жертву Богу, а если слѣва, то нѣтъ, потому что, по мнѣнію нашему, помыслъ съ правой стороны есть мысль отъ ангела, а съ лѣвой—отъ дьявола. По окончаніи длинной молитвы помыселъ этотъ пришелъ съ правой стороны, и я съ веселіемъ въ душѣ возвратился въ избу, гдѣ сынъ мой спалъ вмѣстѣ съ женою моею на конникѣ (родъ широкой лавки). Опасаясь препятствій со стороны жены, я нарочно разбудилъ ее и послалъ за овчинами въ дер. Перво, а самъ, оставшись съ сыномъ, сказалъ ему: встань, Гришенька! Надѣнь бѣлую рубаху, я на тебя полюбуюсь“. Сынъ надѣлъ бѣлую рубаху и легъ на лавку въ передній уголь. Куртинъ подложилъ ему его шубку въ головы и заворотивъ вдругъ подолъ рубашки, нанесъ ему нѣсколько ударовъ ножемъ въ животъ. Мальчикъ затрепеталъ и началъ биться, такъ что постоянно натыкался на ножъ отца, отчего на животѣ его оказалось множество ранъ. Тогда отецъ, желая прекратить страданія сына разомъ, распоролъ ему животъ сверху до низу... Мальчикъ потерялъ силу сопротивляться, но не умеръ въ тотъ же моментъ. Заря, занявшаяся на во-

Библиотека "Руниверс"

гокѣ, свѣтила дѣтоубійцѣ въ окно при совершеніи преступленія; но огда сынъ былъ зарѣзанъ, то въ окнахъ вдругъ появились первые лучи осходящаго солнца и багровымъ свѣтомъ упали на лицо невинной жервы. Куртинъ, по его словамъ, при этой случайности встрепенулся, руки го дрогнули, ножъ выпалъ изъ рукъ и онъ упалъ передъ образомъ а колѣни съ молитвою, прося Бога принять милостиво новую жертву. Когда я—говорилъ Куртинъ въ судѣ—стоялъ передъ образами на коѣняхъ и сынъ мой плавалъ въ крови, то вошла вдругъ въ избу возратившаяся жена моя и, съ перваго взгляда узнавъ все случившееся, пала отъ страха на землю передъ мертвымъ сыномъ. Тогда я поднявшись съ пола, на которомъ стоялъ на колѣняхъ, сказалъ женѣ: „иди і объявляй обо всемъ старостѣ. Я сдѣлалъ праздникъ святымъ“.

Дѣтоубійца Куртинъ, заключенный въ острогъ, прежде рѣшенія дѣла морилъ себя голодомъ...

2. Дѣло казака Кувайцева.

Изъ Оренбурга. (Кор. Голоса). Въ одной изъ казацкихъ станицъ жилъ казакъ Войковъ; у него была жена-красавица. Старъ ли былъ, некрасивъ ли Войковъ, но только полюбился ей другой казакъ, Кувайцевъ. Кувайцевъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, но жены своей онъ не любилъ, хотя она была женщина не старая и работящая, женился онъ на ней изъ *жалости—сирота была круглая*; до встрѣчи съ женою Войкова они жили душа въ душу. Разъ войсковой старшина, проѣзжая черезъ деревню, гдѣ жили Войковъ и Кувайцевъ, остановился у Войкова отдохнуть, старшинѣ стало скучно; услужливый Войковъ, ничего не подозрѣвавшій о связи Кувайцева со своею женою, предложилъ позвать Кувайцева, который былъ извѣстенъ въ деревнѣ за потѣшника. Позвали Кувайцева, выпили водочки, Кувайцевъ посмѣшилъ компанію, сказокъ насказалъ и затѣмъ разошлись. Въ эту же ночь у Войкова изъ чулана, припертаго только чуть державшимся засовомъ, было похищено разное носильное платье, *большею частію принадлежавшее къ гардеробу жены.* Кто укралъ искали и не нашли. Вскорѣ послѣ этого жена Войкова умерла. Скученъ сталъ Кувайцевъ, не слыхать его лихихъ пѣсень, не рядится онъ въ шутовскій костюмъ (г. докладчикъ показывалъ его публикѣ; Богъ знаетъ что такое: тутъ и бархатъ и золото и кости, и все это перемѣшано самымъ затѣйливымъ образомъ) на потѣху села; на жену и смотрѣть не хочетъ; только съ дѣтьми нѣженъ, ласкаетъ ихъ.

Прошло много времени послѣ этого, какъ вдругъ Кувайцевъ, безъ всякой видимой причины, сталъ, по прежнему, веселъ и пѣсни запѣлъ. Утромъ какъ-то разъ жена Кувайцева, перестилая постель, находитъ подъ тюфякомъ отрубленные человѣческіе палецъ и руку; тутъ же и клокъ волосъ длинныхъ и маленькихъ курчавыхъ. Кожа руки высохла

Библиотека "Руниверс"

и набита была хлопкомъ и разною дрянью. Она этотъ палецъ, руку и волосы представила въ волостное правленіе. Началось дѣло. Кувайцева арестовали; сдѣлали обыскъ въ его домѣ и нашли тѣ вещи, которыя пропали у Войкова, кромѣ того нашли: печать, на которой было вырѣзано: „*Оренбургское полицейское управленіе*“ и бумажку, на которой было *написано* (подлинное выраженіе докладчика) тоже, что и на печати; нашли много разныхъ книгъ, большею частію духовныхъ, или же пѣсенники.

При допросѣ, Кувайцевъ, не отпираясь ни мало, показалъ: 1) что найденная рука, палецъ и волосы принадлежатъ умершей женѣ Войкова. Отыскали могилу, откопали и нашли трупъ Войковой, почти разложившійся, съ отрубленною лѣвою рукою и безъ пальца на правой; волосы съ головы и другихъ мѣстъ были обрѣзаны. На Войковой не нашли тѣхъ одеждъ, въ которыхъ она была похоронена.

— Зачѣмъ ты сдѣлалъ это? спрашиваетъ Кувайцева судебный слѣдователь.

— Зачѣмъ? Тоска меня мучила, покоя не зналъ я; свѣтъ Божій не милъ сталъ—что было дѣлать! Разъ цыгане селомъ проходили; одна цыганка, видя мою кручину, взялась вылѣчить меня: „ступай ты, говоритъ, на могилу къ ней, отрой тѣло ея, отсѣки лѣвую руку и большой палецъ съ правой и обрѣжь волосы. На утренней и на вечерней зарѣ выходи ты въ поле и отсѣченною рукою ея обчерти около себя кругъ, пальцемъ ея съ другой руки отчерти, а волосами въ это время обкуривайся“. Я поблагодарилъ цыганку и сдѣлалъ, какъ она приказала. Ходилъ я три дня на заряхъ и на четвертый все какъ рукой сняло. Развѣ иногда, и то рѣдко, грусть прошибала.

— А одежду зачѣмъ снялъ съ нея?

Нужно замѣтить, что одежда была такъ плоха, что на нее не польстился бы и нищій.

— Такъ, для памяти,—узнь больно мила была мнѣ, Войкова-то.

— Ты укралъ у Войкова изъ чулана платье?

— Я вещей Войкова не воровалъ. Ссора у насъ была разъ съ нею; она мнѣ и говоритъ: возьми ты все, что подарилъ мнѣ, не хочу я отъ тебя ничего и указала мнѣ, что все это лежитъ въ чуланѣ. Я тоже былъ въ сердцахъ на нее и выходя отъ мужа-то ея, тронулъ запоръ у чулана, — онъ подался, я и забралъ тѣ вещи, которыя я же подарилъ. Воровства, значитъ, здѣсь нѣтъ: свое взялъ.

— А какъ же у тебя очутились вещи не только жены Войкова, но и самаго Войкова.

— Темно было тогда, я вещи то бралъ, ну и торопился больно— впотьмахъ то и захватилъ мужнины вещи.

— Что ты дѣлалъ съ печатью и какимъ образомъ она къ тебѣ попала?

Библиотека "Руниверс"

— Что это за печать и что съ нею дѣлать можно было я не знаю,—нашелъ я ее въ Оренбургѣ, вотъ и все.

Пѣсенники, найденные у Кувайцева, почти всѣ съ поправками, прибавленіями и замѣтками, сдѣланными рукою Кувайцева; нѣкоторыя пѣсни вовсе измѣнены, а другія мѣстами. Въ поправкахъ и измѣненіяхъ видно грустное настроеніе Кувайцева. Предсѣдатель, докладывавшій дѣло, прочелъ нѣкоторыя изъ этихъ поправокъ. На вопросъ, зачѣмъ онъ дѣлалъ эти поправки? Кувайцевъ отвѣчалъ, что слова пѣсень часто не подходятъ подъ музыку, которую онъ сочинялъ на эти пѣсни, ну онъ и измѣнялъ ихъ. Находясь въ тюрьмѣ, Кувайцевъ писалъ письма къ своимъ дѣтямъ; письма эти писаны стихами.

Мои милые орляточки,
По отцѣ своемъ стосковалися и т. д.

Во время своего заключенія Кувайцевъ собирался бѣжать, для чего и приглашалъ, какъ видно изъ письма, отобраннаго у него въ тюрьмѣ, товарищей; бѣжать хотѣлъ онъ на Кавказъ и говорилъ, что у него и оружіе заготовлено подъ поломъ. Нѣсколько ружейныхъ стволовъ и порохъ дѣйствительно найдены въ подпольѣ. При повальномъ обыскѣ о немъ отозвались одни съ пренебреженіемъ, какъ шутѣ, другіе сказали, что онъ плохой работникъ и казакъ и что даже (?) онъ самъ бабье дѣло дѣлаетъ, т.-е. бѣлье и платье себѣ шьетъ.

Предложены на рѣшеніе слѣдующіе вопросы:

1) Какъ смотрѣть на разрытіе могилы? Какъ на преступленіе, или какъ на суевѣрное безумство? и т. д.

Конечно, никто не станетъ оспаривать у суда права карать поступки, подобные поступкамъ Куртина и Кувайцева. Но, по высокому выраженію московскихъ славянофиловъ, обыкновенный судъ, точно такъ же какъ и справедливая полицейская расправа суть проявленія лишь *„правды внѣшней“*, и ни государственный судъ, ни *судъ*, такъ называемаго, *общественнаго мнѣнія*, ни полицейская расправа, не исчерпываютъ безконечныхъ правъ личнаго духа, до глубины котораго не всегда могутъ достигать общія правила законовъ и общія повальныя мнѣнія людей.

Судья обязанъ карать поступки, нарушающіе общественный строй, но тамъ только сильна и плодоносна жизнь, гдѣ почва своеобразна и глубока даже въ незаконныхъ своихъ произведеніяхъ. Куртинъ и Кувайцевъ могутъ быть героями поэмы болѣе, чѣмъ самый честный и почтенный судья, осудившій ихъ вполнѣ законно.

Въ Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи *порядка и благочинія* быть можетъ болѣе чѣмъ въ средѣ другихъ болѣе крупныхъ политическихъ единицъ; въ нихъ невозможны, конечно, не только Куртины, но и Кувайцевы, но за то въ Бельгіи, Голландіи и Швейцаріи невоз-

Библиотека "Руниверс"

можны и великіе своеобразные поэты, и если бы Бельгію и Швейцарію завоевала Франція, а Голландію—Германія, человѣчество могло бы почувствовать лишь *механическое* потрясеніе, но не ощутило бы ни малѣйшей духовной утраты. *).

Характеръ трагическаго въ жизни народа въ высшей степени важенъ. Иной характеръ имѣетъ трагическое въ благородныхъ ущельяхъ Черногоріи и Крита, иной въ Парижскихъ и Петербургскихъ „углахъ"!

Ужасно проявленіе вѣры въ преступленіи Куртина! Но ужасное или благотворное, все же это проявленіе *вѣры*, вѣры, противъ которой XIX вѣкъ ведетъ холодную, правильную и безпощадную осаду! Куда обратится взоръ человѣка, полнаго ненависти къ инымъ бездушнымъ и сухимъ сторонамъ современнаго европейскаго прогресса? Куда, какъ не къ Россіи, гдѣ въ средѣ православія еще возможны великіе святители подобные Филарету, и гдѣ самый расколъ представляетъ не одни ужасныя (хотя и трогательныя въ своемъ родѣ) явленія, но и картины въ высшей степени утѣшительныя и почтенныя, подобныя слѣдующей, взятой тоже изъ газеты:

Духовный судъ у молоканъ.

Въ 51 № „Современныхъ Извѣстій" помѣщена интересная статья о наказаніяхъ, существующихъ у молоканъ за дурное обращеніе мужей съ женами; приводимъ изъ этой статьи слѣдующій разсказъ: когда мужъ оскорбитъ жену свою словомъ, или ударитъ хотя слегка въ горячахъ, то жена въ первое же ввскресенье,—если мужъ до сего времени не испроситъ у ней прощенія,—заявляетъ о семъ при молитвенномъ воскресномъ богослуженіи совѣту, состоящему изъ лицъ самой глубокой древности, старше которыхъ нѣтъ на селѣ, которые *публично, судотворенiемъ* послѣ богослуженія разбираютъ обиду и на основаніи библіи рѣшаютъ этотъ вопросъ безапелляціонно. При этомъ, если мужъ и жена не заявляютъ о разводѣ, они налагаютъ на виновнаго наказаніе церковное (гражданскихъ наказаній у нихъ не существуетъ). Лѣстница этихъ церковныхъ наказаній довольно длинная. Виды наказаній, между прочимъ, слѣдующіе: 1) торжественное извиненіе обидчика предъ обиженнымъ; 2) постъ на 10, 20, 30, 40 дней и на годъ; 3) раздаяніе милостыни бѣднымъ; 4) вкладъ на обезпеченіе вдовъ и сиротъ околодка; 5) покаяніе при богослуженіи предъ собраніемъ; 6) отлученіе отъ участія при общественномъ богослуженіи въ продолженіи недѣли, мѣсяца, полугода и года (это наказаніе полагается за тяжкія вины); 7) присутствованіе при богослуженіи обще-

*) Самыя либеральныя учрежденія этихъ странъ, въ смыслѣ поученія (если ужь признавались въ равенствѣ и „говорильняхъ" поучительность..) вовсе не нужны для этого, и безъ нихъ есть Англія, Соединенные Штаты и даже новая Италія.

Библиотека "Руниверс"

ственномъ, но съ обязанностію стоять, обратясь въ уголъ къ стѣнѣ; 8) лишеніе права на братское привѣтствіе на улицѣ при встрѣчахъ; 9) лишеніе права пѣть при богослуженіи и читать библію и т. п.— Намъ удалось быть при одномъ общественномъ богослуженіи молоканъ, и слышать разбирательство жалобы молоканки на мужа, который обозвалъ ее словомъ браннымъ (бранное слово вообще у молоканъ рѣдкость); разбирательство производилъ церковный совѣтъ публично, предъ 300—400 человѣкъ, пришедшихъ на богослуженіе, состоявшій изъ убѣленныхъ сѣдинами старцевъ, изъ коихъ нѣкоторымъ было за 100 лѣтъ. По выслушаніи жалобы тотчасъ развернута была библія (огромнаго формата, извѣстная у насъ подъ именемъ параллельной) и изъ нея прочитаны тексты объ отношеніяхъ мужа къ женѣ и жены къ мужу. „Мужъ, читалъ сѣдой, какъ лунь, членъ церковнаго совѣта, отдавай женѣ должное, подобно и жена мужу; жена не властна надъ своимъ тѣломъ, а мужъ, равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, а жена. Внемлите сему, взывалъ старикъ, не свои словеса говорю вамъ, а словеса библіи вѣчныя и неизмѣнныя". Жены, дочери, парни, дѣти, бывшіе при богослуженіи, слушали внимательно слово наставленія, произносимое старцемъ, коему было за плечами 96 лѣтъ. „Худое обращеніе мужа съ женой легко можетъ повести жену къ нарушенію брачнаго союза, говорилъ другой членъ совѣта, такой же, какъ и первый, и тогда хотя жена не будетъ безъ вины предъ Господомъ Богомъ, но мужъ самъ *первый дастъ отвѣтъ* предъ Господомъ Богомъ за грѣхи жены, ибо ему было повелѣно любить жену свою, какъ Христосъ возлюбилъ церковь, а Христосъ самого себя предалъ за нее, чтобы освятить ее, очистить и представить ее себѣ славною церковію, неимѣющею пятна или порока... А ты не только не исполняешь заповѣдей Бога, но и вводишь жену во искушеніе. Не помилуетъ тебя Господь! Покайся по христіански и спроси у жены твоей прощеніе! Утѣшь насъ и не посрами наше общество истинныхъ христіанъ, котораго ты сдѣлался недостойнымъ!"

Признаемся, мы были поражены этой сценой разбирательства мужа и жены, а когда мужъ обнялся съ женою, поцѣловалъ ее публично, въ виду всего собранія, и испросилъ у нея прощеніе въ своей винѣ, собраніе запѣло благодарственный Богу гимнъ, то были тронуты не шутя. При подробныхъ распросахъ мы узнали, что ссоры мужа и жены у молоканъ до того рѣдки, что нѣкоторые, прожившіе весь вѣкъ свой, не сказали другъ другу браннаго слова.

Согласитесь, что какъ въ 1-й трагической картинѣ, такъ и во 2-й, траги-комической и грустной, и въ послѣдней утѣшительной, нѣтъ ничего избитаго и пошлаго. И въ той, и другой, и въ третьей слышится что-то новое и неслыханное, чувствуется присутствіе нетронутыхъ и самородныхъ силъ...

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ еще одинъ и послѣдній примѣръ.

Что можетъ быть болѣе всегражданственнаго, какъ всемірная промышленная выставка?

Однако, что мы видимъ?

Русская изба, ея кружевныя убранства, созданныя простымъ топоромъ мужика, привлекли вниманіе иностранцевъ; всѣ хвалятъ одежду русскую, которую, конечно, для выставки постарались показать лицомъ (а это то и *есть развитіе своего*; не въ томъ дѣло, чтобы быть *просто-народнымъ*, а въ томъ, чтобы быть *народнымъ!*).

Русскій трактиръ Корещенка былъ всегда полонъ, русская кухня всѣмъ понравилась. Еще небольшой примѣръ того, что я зову народнымъ творчествомъ, развитіемъ *своего*; у насъ въ трактирахъ нѣтъ обычая держать за конторками женщинъ... Это обычай европейскій. Чтобы картина русская была полнѣе, чтобы привлечь въ трактиръ еще болѣе иностранцевъ, г. Корещенко принялъ этотъ чуждый обычай; но красавица его была не въ кринолинѣ и чепчикѣ; она была въ сарафанѣ и кокошникѣ.

Національное своеобразіе не можетъ держаться однимъ охраненіемъ; обстоятельства вынуждаютъ нерѣдко принимать отчасти что-нибудь чужое для полнаго развитія своего народнаго въ высшее національное.

Послѣ всемірной выставки появилась въ Россіи, между прочимъ, мода на разную деревянную утварь, росписанную золотомъ и красной краской. Къ сожалѣнію надо замѣтить, что мода эта принялась оттого, что *иностранцамъ* понравилась на выставкѣ эта русская утварь; самимъ бы нашимъ и въ голову не пришло полюбить эти мужицкія миски. Жалко это видѣть, но что же дѣлать? Въ широкихъ государственныхъ, промышленныхъ и вообще національныхъ вопросахъ нельзя брать въ разсчетъ однѣ избранныя души; надо брать въ разсчетъ большинство людей, и потому надо радоваться всякому средству, хотя бы и мелкому, но наводящему на добрый путь.

Понятна заботливость правительства и хлопоты общества о новыхъ таможенныхъ уставахъ и, вообще, понятно желаніе опредѣлить, что выгоднѣе той или другой націи: свобода ли ввоза, или покровительственная и запретительная система, но всѣ подобные вопросы принимаютъ иной видъ, *какъ только подумаешь что было бы, если бы вкусы и потребности самого общества измѣнились?*

Наклонности потребителя, его выборъ, его вкусъ—вотъ основа всего. Оставляя въ сторонѣ вопросы о томъ, что выгодно и невыгодно для прозводителей, о внѣшне-государственныхъ условіяхъ, при коихъ они своей дѣятельностью могутъ обогащать страну, любопытно и плодотворно было бы не только научно разсмотрѣть исторію развитія національныхъ вкусовъ и модъ, но и вести особую пропаганду для утвержденія самобытныхъ вкусовъ у славянъ, столь падкихъ на чужое.

Библиотека "Руниверс"

Возьмемъ примѣръ изъ сосѣдней страны. Въ Турціи и Христіане, и Мусульмане, и Евреи носятъ фески. Вслѣдствіе дурныхъ распоряженій турецкаго правительства большинство фесокъ ввозится изъ Австріи, вмѣсто того, чтобы производиться въ самой Турціи. Я слышалъ много жалобъ на это. Но положимъ, что турецкое правительство распорядилось бы иначе, и всѣ фески, потребляемыя турками и христіанами, дѣлались бы въ Турціи; фабрики фесокъ достигли бы высокой степени богатства, и деньги были бы въ рукахъ турецкихъ подданныхъ. Но если бы въ то же самое время христіане, движимые ненавистью ко всему, что имъ напоминаетъ Востокъ и рабство, *и по слабому развитію въ нихъ чувства изящнаго сбросили бы этотъ головной уборъ* *), и если бы въ то же время молодое поколѣніе вліятельныхъ турокъ надѣло бы безобразный европейскій цилиндръ, дабы блеснуть свободолюбіемъ и европеизмомъ,—что бы сталось съ фабриками и къ чему привели бы всѣ правительственныя мѣры?.. Теперь хоть часть фесокъ дѣлается въ Турціи, а тогда бы никто не дѣлалъ ихъ и еще бы однимъ своеобразнымъ предметомъ стало меньше на свѣтѣ...

Отъ развитія *народнаго вкуса* въ высшемъ русскомъ обществѣ, которое вездѣ славится тонкостью своего *общечеловѣческаго* вкуса, зависитъ будущность не только русской, но, вѣроятно, и всей славянской промышленности.

III.

Теперь, когда мы на ясныхъ примѣрахъ показали, что съ 1856 года и до сихъ поръ все, что, казалось, должно бы насъ приблизить къ Западной Европѣ, отдаляло насъ отъ нея и служило къ большему нашему обращенію внутрь себя самихъ, мы можемъ сказать, что всѣми этими результатами мы обязаны нашему простому Великорусскому народу и, до извѣстной степени, *его безграмотности*.

Удаленный отъ высшаго сословія, нисколько не сходный съ нимъ ни въ обычаяхъ, ни въ одеждѣ, ни въ интересахъ, страдавшій нерѣдко отъ самовластія помѣщиковъ и неправосудія чиновныхъ властей народъ нашъ встрѣчался съ европеизированнымъ дворяниномъ, какъ соотечественникомъ, только на полѣ битвы и въ православной церкви.

Нравы дворянства и чиновничества смягчались постепенно подъ вліяніемъ идей (конечно гуманныхъ), выработанныхъ западнымъ про-

*) *Примѣчаніе 1885 года.* Систовскіе болгары такъ и сдѣлали въ 77-мъ году;— Едва только наши перешли Дунай, они въ ознаменованіе „свободы“ сняли *пунцовыя фески* и надѣли *черныя европейскія шляпы*.—Хороша свобода! Лакейская зависимость отъ вкусовъ или отъ идеаловъ, во всемъ (кромѣ всеразрушающихъ машинъ)—измельчавшей и выцвѣтшей Европы! — Хороши, впрочемъ, съ этой стороны и *мы*, русскіе! чего-же требовать отъ болгаръ...

Библиотека "Руниверс"

свѣщеніемъ; уже задолго до 1861 года обращеніе съ нисшими стало лучше; но оно еще было недостаточно хорошо и зависимость была еще слишкомъ велика, чтобы народъ могъ чувствовать себя не чуждымъ этому европеизированному фрако-сюртучному міру, прощать ему его иноземныя формы.

Жалокъ тотъ историкъ, который не умѣетъ видѣть, что въ безконечной сложности и глубинѣ всемірной жизни извѣстное зло нерѣдко глубокими корнями связано съ извѣстнымъ добромъ!

Разъединеніе сословій въ Россіи было велико; вражды систематической, положимъ, между ними не было; но, повторяю, разъединеніе ихъ было такъ велико, что Бѣлинскій (въ 1847 или 1846 г., въ Петербургскомъ Сборникѣ) выражался, на сколько помню, такъ:—„если у насъ собрать въ одну комнату художника, купца, писателя, чиновника, военнаго и свѣтскаго человѣка, то они не найдутъ о чемъ между собой говорить“.

Если такое отчужденіе существовало не только между тѣми слоями народа, которые были опредѣлены въ нашемъ Сводѣ „Законами о Состояніяхъ“, но и между людьми одного состоянія (напр. чиновникомъ и художникомъ, чиновникомъ-дворяниномъ и военнымъ—дворяниномъ), то на какомъ же отдаленіи должны были стоять другъ отъ друга, напримѣръ, земледѣлецъ и знатный петербургской бюрократъ?

Нѣтъ спора, Церковь и Государство и, отчасти, помѣщичье право, заставлявшее многихъ дворянъ жить въ деревнѣ, поддерживали связь, но эта связь въ обыденной жизни была не такъ замѣтна, какъ отчужденіе.

Что это происходило не отъ одной разницы правъ и не отъ одного преобладанія сильныхъ надъ слабыми, на это доказательствъ много. Купецъ первой гильдіи и милліонеръ конечно имѣлъ больше, по крайней мѣрѣ *фактическихъ* правъ сравнительно съ своимъ рабочимъ, чѣмъ какой нибудь бѣдный чиновникъ или учитель—дворянинъ. Однако, народъ на купца, который *не носилъ фрака, содержалъ посты и строилъ церкви, смотрѣлъ болѣе какъ на своего человѣка,* чѣмъ на такого чиновника или учителя, какіе бы добрые и честные и бѣдные люди они ни были. Здѣсь не было, какъ въ новой Франціи, антагонизма между бѣдностью и богатствомъ (и не могло быть по самой *сложности нашего* прежняго устройства); *здѣсь былъ антагонизмъ между европеизмомъ и народностью.*

Гуманность тутъ не помогала. Гоголь, Тургеневъ и другіе вѣрно изображали, какъ холодно принималъ нашъ народъ неловкое добродушіе европеизированныхъ дворянъ-прогрессистовъ.

Солдаты и тѣ нерѣдко звали „бабой“ и не любили начальника мягкаго и предпочитали ему „молодца“ суроваго, грубаго, но въ пріемахъ, въ рѣчахъ, въ обычаяхъ котораго дышало русское начало.

Библиотека "Руниверс"

И такъ, если не брать въ разсчетъ переходные оттѣнки, а только однѣ рѣзкія крайности, то вообще можно было раздѣлить русское общество на двѣ половины: одну народную, которая ничего кромѣ своего русскаго не знала, и другую космополитическую, которая своего русскаго почти вовсе не знала.

Это зло, (если только неравенство правъ есть зло) при помощи нашихъ нынѣшнихъ преобразованій, принесло безцѣнные плоды, и мы теперь можемъ обратиться къ нему съ исторической благодарностью.

Законное отдѣленіе „Состояній" и бытовое различіе слоевъ внесло въ нашу слишкомъ простую и несложную Славяно-русскую жизнь ту сложность и то разнообразіе, безъ которыхъ не возможно *цивилизованное* т. е. *развитое своеобразіе*, безъ которыхъ не мыслима полная и широкая жизнь, достойная великаго народа.

Истина этой послѣдней моей мысли доказывается исторіей какъ нельзя поразительнѣе. Какъ бы ни были въ подробностяхъ своего строя и своей жизни различны другъ отъ друга: древній Египетъ, древняя Греція и Римъ, *прежняя* Франція, *прежнія* Германія и Англія, Италія среднихъ вѣковъ, Мусульманскія государства, достойныя вниманія историка;— всѣ они имѣли одну общую черту: они были сложны и въ національныхъ предѣлахъ ихъ кипѣло болѣе или менѣе глубокое разнообразіе.

Сверхъ этого вообще необходимаго для истинной цивилизаціи условія, прежнее сословное отдаленіе сознательной части нашего общества отъ наивной его части принесло ту пользу, что сохранило простой народъ въ бо́льшей неприкосновенности.

Считая дворянъ и чиновниковъ почти не русскими за ихъ иноземныя формы, народъ и не думалъ подражать имъ и, упорно сохраняя *свое*, глядѣлъ на насъ нерѣдко съ презрѣніемъ.

Европеизмъ Петра Великаго, Екатерины II и Александра I-го утончилъ нервы Россіи; народъ въ удаленіи своемъ сохранилъ намъ то полносочіе, которымъ мы можемъ изумить весь міръ, если съумѣемъ имъ воспользоваться.

Сначала, въ Московскій періодъ нашей исторіи, намъ мѣшали развиваться излишняя простота и однообразіе нашей жизни и недостатокъ общей сознательности. Потомъ, въ тотъ періодъ (до 1856 года), который можно назвать чисто-петербургскимъ, намъ по своему мѣшало развиться излишнее разъединеніе, несходство людей между собою. Только теперь, когда различные слои нашего общества еще хранятъ свою физіогномію, а стѣны, начавшія уже подъ конецъ безплодно тѣснить ихъ, рушились по мановенію Державной руки мы можемъ выработать съ теченіемъ времени что-либо *міровое свое*.

Европеизированная часть нашего народа уже усвоила себѣ всѣ высшіе (философскіе) и нисшіе (временно-практическіе) плоды всемірнаго сознанія, а народъ еще хранитъ въ столь многомъ свято свое родное

Библиотека "Руниверс"

(какъ бы грубо оно ни было, это не бѣда), и *облеченіе общихъ идей въ родныя формы можетъ принести и уже во многомъ принесло богатую жатву.*

Эти общія идеи, какого бы они ни были порядка: философскаго, художественно-творческаго или просто жизненно-практическаго, проходя сквозь народныя, мѣстныя формы, могутъ пріобрѣсти ту степень новизны и оригинальности, которая современемъ можетъ обновить несомнѣнно старѣющій міръ.

Тотъ народъ наилучше служитъ и всемірной цивилизаціи, который свое національное доводитъ до высшихъ предѣловъ развитія; ибо однѣми и тѣми же идеями, какъ бы ни казались они современникамъ хорошими и спасительными, человѣчество постоянно жить не можетъ.

IV.

Я скажу заблаговременно мое общее заключеніе; ибо я знаю, что взглядъ мой на это такъ уклоняется отъ принимаемыхъ нынѣ болѣе или менѣе всѣми взглядовъ, и любовь къ смѣлости и своеобразію мысли такъ остыла въ наше время, что я боюсь заставлять ждать читателей до конца.

Мое общее заключеніе не безусловное противъ грамотности, а противъ *поспѣшнаго и* тѣмъ болѣе противъ *обязательнаго* обученія. И это я говорю не съ точки зрѣнія *свободы*: *развитіе* не всегда сопутствуетъ *свободѣ* *)—а съ точки зрѣнія народнаго своеобразія, безъ котораго, по моему, великому народу не стоитъ и жить.

Надобно, чтобы образованная часть русскаго народа (такъ называемое общество) приступила бы къ просвѣщенію необразованной части его только тогда, когда она сама (т. е. образованная часть) будетъ зрѣлѣе. Обязательная грамотность у насъ тогда только принесетъ хорошіе плоды, когда помѣщики, чиновники, учителя, т. е. люди *англо-французскаго* воспитанія, сдѣлаются *всѣ* еще гораздо болѣе славянофилами, нежели они сдѣлались подъ вліяніемъ нигилизма, Польскаго мятежа и европейской злобы. Если такъ—то какъ же я сказалъ вначалѣ статьи, что мы всѣ стали нѣсколько болѣе славянофилы, чѣмъ прежде? Да, я сказалъ:—*нѣсколько болѣе*; но это еще очень мало, это *ничтожно* въ сравненіи съ тѣмъ, что могло бы быть.

Чистыхъ, строгихъ Славянофиловъ, въ которыхъ были бы совокуплены всѣ элементы, составляющіе полную картину Московскаго Славянофильства, у насъ очень мало; но, нѣтъ сомнѣнія, что ученіе это; въ *раздробленномъ видѣ* сдѣлало у насъ значительные успѣхи въ послѣдніе 10 лѣтъ.

---

*) Смотри I-й томъ „Византизмъ и Славянство".

Библиотека "Руниверс"

Но этого не достаточно. Если и въ раздробленномъ видѣ славянизмъ или руссизмъ нѣсколько болѣе прежняго разлились по нашему обществу, то это, какъ уже выше было доказано, благодаря тому, что *корни* у насъ *свои*.—Если же не доросшее до полнаго руссизма общество примется *мѣнять не кстати* самые *корни* эти, то уже тогда „безцвѣтная вода“ всемірнаго сознанія будетъ поливать не національные всходы, а космополитическіе, и Россія будетъ столько же отличаться отъ другихъ Европейскихъ государствъ, настолько напр. Голландія отличается отъ Бельгіи. Но мы желали бы, чтобы Россія ото всей Западной Европы отличалась на столько, на сколько Греко-Римскій міръ отличался отъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ древней исторіи или наоборотъ.

Самый успѣхъ „Дня“, „Русской бесѣды“, „Времени“, „Эпохи“ и „Якоря“ сравнительно съ другими болѣе космополитическими изданіями доказалъ, между прочимъ, что даже и *теоретически* наше общество еще не доросло до настоящаго руссизма, не говоря уже о практическихъ его пріемахъ. Надо, чтобы за народъ умѣли взяться; *надо, чтобы намъ не испортили эту роскошную почву, прикасаясь къ которой мы сами всякій разъ чувствуемъ въ себѣ новыя силы.*

У насъ уже были поразительные примѣры изъ другаго разряда дѣлъ подтвержденіе моего мнѣнія. Если не ошибаюсь, въ „Днѣ“ было разъ замѣчено, что крѣпостное право хотя и было великое зло, но чтобы быть исторически справедливымъ, нужно прибавить, что оно послужило для крестьянской общины „предохранительнымъ колпакомъ отъ посягательства просвѣщенной бюрократіи“.

Дѣйствительно, значительная часть помѣщиковъ была, лѣтъ 50—60 тому назадъ, немногимъ ученѣе собственныхъ крѣпостныхъ; другая думала лишь объ увеселеніяхъ и военной службѣ; третья, болѣе солидная, о практическихъ пользахъ своихъ. На ту часть земли, которая по указу 1861 года досталась нынѣ крестьянской общинѣ, всякій изъ дворянъ смотрѣлъ какъ на свою неотъемлемую собственность и никому, конечно, не было и нужды раздавать крестьянамъ участки въ личное владѣніе.

Случись тогда разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, народъ нашъ или былъ бы свободнымъ пролетаріемъ, или владѣлъ бы мелкой собственностью, которая быстро стала бы переходить въ руки ловкихъ людей, особенно при нѣкоторыхъ кочевыхъ наклонностяхъ русскаго селянина. (Впрочемъ, эти кочевыя наклонности ему до сихъ поръ очень полезны въ другихъ отношеніяхъ).

Въ то время государственные люди наши еще не выучились искать спасенія въ чемъ-либо *незападномъ*; высшее общество стыдилось всего своего; Славянофиловъ еще не было; не писали Хомяковъ, Аксаковы, Кирѣевскій. Нигилистовъ также еще не было; а нигилисты, помимо косвенной неоцѣненной пользы, которую они принесли, возбудивъ про-

Библиотека "Руниверс"

тивъ своего крайняго космополитизма государственное и національное воздѣйствіе, принесли еще и прямую пользу, поддерживая учрежденіе земской общины; конечно, они ожидали не того, что случилось; всѣ почти они были люди очень молодые и въ практической жизни неопытные; они спѣшили только опередить коммунизмомъ Европу на пути ея же мечтаній; они не предвидѣли, что земская община будетъ у насъ въ высшей степени охранительнымъ началомъ и предупредитъ развитіе буйнаго пролетаріата; ибо въ ней нѣкотораго рода коммунизмъ существуетъ уже „defacto", а не въ видѣ идеала, къ коему слѣдуетъ рваться, ломая преграды.

На самомъ Западѣ тогда еще толковъ о соціализмѣ, о нищетѣ рабочихъ не было такъ много;—не было еще страха *экономическихъ революцій*.

Теперь же, когда въ 1861 году былъ изданъ указъ объ освобожденіи крестьянъ, общество наше было зрѣлѣе и этотъ переворотъ совершился на мудрыхъ основаніяхъ, изученіе которыхъ только болѣе заставляетъ дивиться глубинѣ и широтѣ задуманнаго и исполненнаго плана. И такъ, въ 1861 году общество наше было зрѣло для эмансипаціи, но для обученія народа, повторяю, мнѣ кажется, оно еще не достаточно подготовлено;—какъ-то страшно поручить ему святыню народнаго духа, страшно дать ему волю обработывать *самую почву* нашу, измѣнять самые корни наши.

Говоря „общество", я не разумѣю только людей независимыхъ, не служащихъ, не противополагаю „общество" "государству": я говорю и объ учителяхъ-чиновникахъ, или, лучше сказать, о цѣлой системѣ ученія, будетъ ли это обученіе въ рукахъ вольныхъ воскресныхъ школъ, или въ рукахъ учителей, содержимыхъ казною. Если бы дѣло шло только о томъ, чтобы обучить людей географіи, или ариѳметикѣ, или о томъ, чтобы поддерживать въ нихъ общія понятія моральности, честности и т. п., то конечно все русское общество служащее и неслужащее зрѣло для этого.

Если бы даже дѣло шло только объ обще-европейскомъ прогрессѣ, то нѣтъ наивысшихъ его проявленій, которыя намъ не были бы доступны и легки въ видѣ простаго подражанія. Но тутъ дѣло идетъ о предметѣ, который для насъ, Славянъ, долженъ быть если не дороже, то по крайней мѣрѣ не дешевле общей нравственности и общей науки. И зачѣмъ робкія уступки! Предметъ этотъ—національное своеобразіе, безъ котораго можно быть большимъ, огромнымъ государствомъ, но нельзя быть великой націей. Предметъ этотъ долженъ быть намъ дороже всего... Почему же? А потому, что общая нравственность и общая наука не уйдутъ отъ насъ; а національное своеобразіе легко можетъ уйдти у Славянъ въ XIX вѣкѣ!

Здѣсь не мѣсто доказывать, почему національное своеобразіе можетъ

Библиотека "Руниверс"

быть не только *средствомъ*, но и *цѣлью само-себѣ;* это повлекло бы насъ далеко.

Къ тому же я увѣренъ, что многіе поймутъ меня теперь и съ полуслова.

Тѣхъ же, которые не согласятся, что *національность* можетъ быть, а у Славянъ и *должна быть пока сама себѣ цѣлью*, я попрошу согласиться хотя съ тѣмъ, что *грамотность* уже сама себѣ цѣлью никакъ не можетъ быть...

Всякій согласится, что она есть лишь средство.

Всѣ сторонники грамотности смотрятъ на нее съ этой точки зрѣнія. Одни надѣются укрѣпить въ народѣ чувство религіозное и нравственное; надѣются сдѣлать народъ болѣе мягкимъ въ домашнихъ нравахъ его, болѣе благочиннымъ и добропорядочнымъ; другіе, напротивъ, подъ разными благовидными предлогами, имѣютъ въ виду рано или поздно всучить простолюдину Бюхнера или революціонныя книги.

Но никто не довольствуется тою мыслью, что народъ будетъ умѣть читать и писать и знать четыре правила ариѳметики.

Сраженіе при Садовѣ, гдѣ грамотные прусскіе солдаты разбили менѣе грамотныхъ австрійскихъ солдатъ, дало новое орудіе въ руки защитниковъ грамотности „à tout prix“.

Конечно поклонники реализма, которымъ особенно хотѣлось бы объевропеить нашъ народъ, радуются этому примѣру больше другихъ;— но онизабываютъ одно изъ основныхъ правилъ науки весьма реальной— медицины, которая говоритъ: „post hoc“ не значитъ „propter hoc“. Битва двухъ большихъ армій есть явленіе такое громадное и сложное;—здѣсь въ теченіи нѣсколькихъ часовъ рѣшаются историческія судьбы двухъ государствъ или народовъ и, если послѣдствія такихъ битвъ неисчислимы, то и причины ихъ, конечно, очень сложны. Никто не станетъ отрицать, что талантъ генерала, способъ вооруженія, усталость или свѣжесть и сытость грамотныхъ или безграмотныхъ солдатъ, позиція, наконецъ, самыя ничтожныя случайныя причины рѣшаютъ судьбу битвъ. Извѣстно, что мы въ Крыму проиграли сраженіе при Черной рѣчкѣ отъ пустыхъ недоразумѣній между начальниками; подъ Ватерлоо растолстѣвшій Наполеонъ оказался болѣе нерѣшительнымъ и медленнымъ, чѣмъ сухой Блюхеръ; и самая битва при Садовѣ имѣла бы, вѣроятно, иной исходъ, еслибы вторая Прусская армія не подоспѣла около полудня. Все это извѣстно и ясно; но *газетная* публицистика думаетъ о цѣляхъ, а не объ истинѣ: это ея неизбѣжный порокъ; видѣть можно по разнымъ сторонамъ въ одно время,—но идти и вести другихъ можно только въ одну сторону, — одна же сторона никогда не исчерпываетъ предмета.

И такъ, военный вопросъ не рѣшаетъ въ пользу грамотности.

Посмотримъ, что скажетъ вопросъ о нравственности и домашнемъ

Библиотека "Руниверс"

благочиніи, о трудолюбіи и т. п. вещахъ. Нѣтъ спора, нашъ Великороссъ по природѣ „вивёръ“.—Пламенная религіозность его сочетается, какъ у Итальянца, нерѣдко съ большимъ женолюбіемъ и любовью къ кутежу. (Въ характерѣ русскаго простолюдина есть нѣчто до сихъ поръ для насъ самихъ неуловимое и необъяснимое, нѣчто крайне сложное, заставившее, напр., Тургенева сказать въ одномъ изъ своихъ романовъ: „русскій мужикъ есть тотъ таинственный незнакомецъ, о которомъ говоритъ г-жа Радклифъ“).

Какъ бы то ни было, православный и безграмотный русскій земледѣлецъ любитъ „жить“ какъ парижскій грамотный работникъ; а православный и безграмотный Болгаринъ обстоятеленъ, экономенъ и аккуратенъ, какъ грамотный нѣмецкій крестьянинъ. Безграмотный русскій крестьянинъ охотно почитаетъ власти, подобно грамотному стараго духа Нѣмцу и безграмотному Болгарину *). А Грекъ, и городской и деревенскій, и грамотный и неграмотный одинаково сдерживается съ трудомъ, подобно городскому французу.

Въ Добруджѣ недавно умерли двое стариковъ—одинъ сельскій Болгаринъ; другой—тульчинскій рыбакъ старообрядецъ. Оба были въ высшей степени замѣчательны какъ представители: одинъ—узскій Болгарской, другой—широкой Великорусской натуры. Къ несчастію, я забылъ ихъ имена; но если бы кто нибудь усомнился въ истинѣ моихъ словъ, то я могъ бы сейчасъ же навести справки и представить самыя имена этихъ своеобразныхъ Славянъ.

Оба были для простолюдиновъ очень богаты.

Болгарину было подъ 80 или даже подъ 90 лѣтъ. Онъ безвыѣздно жилъ въ своемъ селеніи. Работалъ самъ безъ устали; при немъ жила огромная семья его. У него было нѣсколько сыновей: всѣ женаты, конечно, съ дѣтьми и внуками; старшіе изъ сыновей сами уже были сѣдые старики; но и эти сѣдые старики повиновались отцу, какъ дѣти. Ни одного піастра, заработаннаго ими, не смѣли они скрыть отъ своего патріарха или израсходовать безъ спроса. Денегъ было въ семьѣ много; большая часть зарывалась въ землю, чтобы не добрались до нихъ Турецкіе чиновники. Несмотря на всю зажиточность свою, огромная семья эта по буднямъ питалась только лукомъ и чернымъ хлѣбомъ, а баранину ѣла по праздникамъ.

Примѣчаніе 1885 года.

*) Болгары подъ вліяніемъ „свободы и цивилизаціи, надѣвшей на нихъ шляпы и панталоны“ очень скоро исправились отъ этого порока, отъ почтенія къ властямъ, которое покойный Карлейль считалъ *высшимъ качествомъ* въ народѣ. Недавно Болгарское простонародье въ Филиппополѣ нагрубило даже Русскому Генеральному Консулу, когда онъ на улицѣ увѣщевалъ людей—оставить въ покоѣ грековъ, вывѣсившихъ свои національные флаги въ день рожденія Короля. Кто-то изъ этой злой уже „просвѣтившейся“ толпы сказалъ даже г. Сорокину такъ:—„Приказывай *своимъ русскимъ*, а мы *свободные* Болгары“! Это называется народная признательность братьевъ Славянъ за пролитую нами кровь!—Вотъ что значитъ—*шляпа и панталоны*!

Библиотека "Руниверс"

Старообрядецъ нашъ жилъ иначе; онъ былъ бездѣтенъ, но у него былъ семейный братъ. Братъ этотъ постоянно жаловался, что старикъ дариться и помогаетъ ему мало; но старообрядецъ *предпочиталъ товарищей родни*.

У него была большая рыбачья артель. Къ зимѣ рыбная ловля кончалась и огромные заработки свои старый Великороссъ распредѣлялъ по своему. Разсчитывалъ рыбаковъ, отпускалъ тѣхъ, кто не хотѣлъ съ нимъ остаться; давалъ что нибудь брату; закупалъ провизію, водки и вина на цѣлую артель и содержалъ всю молодежь, которая оставалась при немъ на всю зиму *безъ обязательной работы*. Съ товарищами этими здоровый старикъ кутилъ и веселился до весны, проживалъ всѣ деньги и снова весной принимался съ ними за трудъ. Такъ провелъ онъ всю свою долгую жизнь, возражая на жалобы брата, что *„онъ любитъ своихъ ребятъ“!* Часто видали стараго рыбака въ хохлацкомъ кварталѣ Тульчи; онъ садился посреди улицы на землѣ, обставлялъ себя виномъ и лакомствами и восклицалъ:

— Хохлушки! идите веселить меня!

Молодые Малороссіянки, которыя хотя и строже нравами своихъ сѣверныхъ соотечественницъ, но пошутить и повеселиться любятъ, сбѣгались къ сѣдому „коммунисту“, пѣли и плясали около него, и цѣловали щеки, которыя онъ имъ подставлялъ.

Все это, замѣтить кстати (и весьма кстати!), не мѣшало ему быть строгимъ исполнителемъ своего церковнаго устава.

Любопытно также прибавить, что про рыбака старообрядца мнѣ съ восторгомъ разсказывалъ старый польскій шляхтичъ, эмигрантъ 36 года; а про скупаго хлѣбопашца Болгарина съ уваженіемъ говорилъ Грекъ-купецъ.

И Греки и Болгары по духу домашней жизни своей одинаково *буржуа*, одинаково расположены къ тому что сами же Нѣмцы обозвали филистерствомъ.

Тогда какъ размашистые рыцарскіе вкусы польскаго шляхтича ближе подходятъ къ казачьей ширинѣ Великоросса.

Я не хочу этимъ унизить Болгаръ и черезъ мѣру возвысить Великороссовъ. Я скажу только, что Болгары даже „коренные“,—сельскіе по духу своему менѣе своеобразны, чѣмъ простые Великороссы. Они болѣе послѣднихъ похожи на *всякихъ другихъ* солидныхъ селянъ.

Серьёзныя и скромныя качества, отличающія Болгарской народъ, могутъ доставить ему прекрасную въ своемъ родѣ роль въ Славянскомъ мірѣ, столь разнообразномъ и богатомъ формами.

Но „творческій“ геній (особенно въ наше столь неблагопріятное для творчества время) можетъ сойти на главу только такого народа, который и разнохарактеренъ въ самыхъ нѣдрахъ своихъ и во всецѣлости

Библиотека "Руниверс"

наиболѣе на другихъ не похожъ. Таковъ именно нашъ Великорусскій великій и чудный океанъ!

Быть можетъ мнѣ бы возразилъ кто нибудь, что русскіе (и особенно настоящіе Москали) именно вслѣдствіе того, что они разгульны и слишкомъ расположены быть „Питерщиками", мало расположены къ капитализаціи, а капитализація нужна.

На это я приведу два примѣра: одинъ изъ Малороссіи, другой изъ Великорусской среды:

„Въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ разсказываютъ слѣдующее происшествіе, бывшее недавно въ Полтавѣ. Въ тамошнее казначейство явились одѣтые по простонародному крестьяне—мужъ и жена. У обоихъ полы отдулись отъ какой-то ноши. Мужъ обратился къ чиновнику съ вопросомъ: можно ли ему обмѣнить кредитные билеты стараго образца на новые?

— „А сколько ихъ у тебя? спрашиваетъ чиновникъ.

— „Якъ вамъ сказать?... право, я и самъ не знаю.

Чиновникъ улыбнулся.

— „Три, пять, десять рублей? спрашиваетъ онъ.

— „Да, нѣтъ, больше. Мы съ женою цѣлый день считали, да не сосчитали...

При этомъ изъ подъ полы оба показали кипы ассигнацій. Естественно явилось подозрѣніе относительно пріобрѣтенія владѣльцами такой суммы. Ихъ задержали и сочли деньги: оказалось 86 тысячъ.

— „Откуда у васъ деньги?

— „Прадѣдъ складывалъ, складывалъ дѣдъ, и мы складывали; было— отвѣтомъ.

По произведенному дознанію, подозрѣнія на нихъ не оправдались и крестьянину обмѣняли деньги.

Тогда они вновь являются въ казначейство.

— „А золото мѣняете, добродію?

— „Мѣняемъ. Сколько его у васъ?

— „Коробочки двѣ...

Живутъ эти крестьяне въ простой хатѣ и неграмотны".

Но скажутъ мнѣ: „это очень не хорошо"; надо, чтобы деньги не лежали, какъ у этаго хохла или у стараго Болгарскаго патріарха; надо, чтобы они шли въ оборотъ. Когда бы эти люди были грамотны, они поняли бы свою ошибку.

Но въ отвѣтъ на эти слова я возьму въ руки новый фактъ и стукну имъ тѣхъ бѣдныхъ русскихъ, которые не въ силахъ мнѣ сочувствовать.

Въ Тульчѣ живетъ и теперь одинъ старообрядецъ Филиппъ Наумовъ. Онъ грамоты не знаетъ; умѣетъ писать только цифры для своихъ счетовъ. Онъ не только самъ не куритъ и не пьетъ чая и носитъ рубашку на выпускъ; но до того твердъ въ своемъ уставѣ, что, бывая часто въ

Библиотека "Руниверс"

трактирахъ и кофейняхъ для угощенія людей разныхъ вѣръ и націй, заключающихъ съ нимъ торговыя сдѣлки, онъ, угощая ихъ, не прикасается самъ ни къ чему. Даже вина и водки, которыя старообрядствомъ не преслѣдуются, онъ никогда не пьетъ. Онъ не любитъ никого приглашать къ себѣ; ибо, пригласивъ, надо угощать, а угостивъ, надо разбить, выбросить или продать посуду, оскверненную иновѣрцами (хотя бы и православными). Онъ имѣетъ нѣсколько сотъ тысячъ піастровъ капитала *въ постоянномъ оборотѣ*, нѣсколько домовъ; изъ нихъ одинъ большой на берегу Дуная отдается постоянно въ наемъ людямъ со средствами: консуламъ, агентамъ торговыхъ компаній и т. п. Самъ онъ съ семьей своей, съ красавицей женой и красавицей дочерью и сыномъ, живетъ въ небольшомъ домикѣ, съ воротами русскаго фасона, и украсилъ премило и преоригинально бѣлыя стѣны этаго дома *широкой синей съ коричневымъ шахматой полосой, на половинѣ высоты*.

Онъ очень честенъ и несмотря на суровость своего религіознаго удаленія отъ иновѣрцевъ, слыветъ добрымъ человѣкомъ. По многимъ сдѣлкамъ своимъ онъ росписокъ не даетъ;—постояльцы, когда платятъ ему за домъ, не требуютъ съ него росписки въ полученіи; *ему вѣрятъ и такъ*. Сверхъ всего этого онъ одинъ *изъ первыхъ* въ Тульчѣ (гдѣ столько предпріимчивыхъ разноплеменныхъ людей) задумалъ выписать изъ Англіи *паровую машину* для большой мукомольной мельницы и, вѣроятно, богатство его послѣ этого утроится, если дѣло это кончится успѣшно.

Одинъ весьма ученый, образованный и во всѣхъ отношеніяхъ достойный Далматъ, чиновникъ австрійской службы, съ которымъ я былъ знакомъ, всегда съ изумленіемъ и удовольствіемъ смотрѣлъ на Ф. Наумова.

— Мнѣ нравится въ этомъ человѣкѣ то (говорилъ мнѣ австріецъ), что онъ при всемъ богатствѣ своемъ ничуть не желаетъ стать буржуа; но—остается казакомъ или крестьяниномъ.

Вотъ и эта черта Великорусская.

Болгаринъ или Грекъ, какъ завелъ бакалейную или галантерейную лавочку и выучился грамотѣ, такъ сейчасъ и снялъ восточную одежду, (всегда или величавую или изящную) купилъ у жида на углу неуклюжій сюртукъ и панталоны такого фасона, какого никогда и не носили въ Европѣ, и въ дешевомъ галстухѣ (а то и безъ галстуха) съ грязными ногтями пошелъ себѣ дѣлать съ тяжкой супругой своей визиты à l'européenne; европейскіе визиты, въ которыхъ блескъ разговора состоитъ въ слѣдующемъ: „Какъ ваше здоровье?“—Очень хорошо! „А ваше какъ здоровье?“—Очень хорошо!—„А ваше? Благодарю васъ“. Что вы подѣлываете? „Кланяюсь вамъ“. А вы что подѣлываете? „Кланяюсь вамъ“.—А супруга ваша что дѣлаетъ? „Кланяется вамъ“.

Нѣтъ! Великороссъ можетъ все, что можетъ другой Славянинъ; но

Библиотека "Руниверс"

онъ сверхъ того способенъ на многое, на что ни другой Славянинъ, ни Грекъ или Французъ и др. Европейцы не способны!

Возьмемъ хоть опять того гуляку-старообрядца, о которомъ я говорилъ въ началѣ этого примѣчанія. Болгаринъ или Сербъ если склоненъ къ сластолюбію и женолюбію, то изъ него скорѣе выйдетъ лицемѣръ въ родѣ „Jacque Ferrand“ въ Парижскихъ Тайнахъ, чѣмъ „Лихачъ-Кудрявичъ“ Кольцова.

Я съ ужасомъ слыхалъ на востокѣ отъ 18—20 лѣтнихъ, едва обученныхъ грамотѣ мальчиковъ такія слова:

— Надо ѣсть дома постное *для слугъ* и *простаго народа*; а потихоньку отъ нихъ отчего же не ѣсть скоромное. Какой же образованный человѣкъ можетъ выносить постное кушанье? Это въ пору желудку рабочаго человѣка!

На Востокѣ въ грамотномъ сословіи нѣтъ *идеализма ни личнаго, ни религіознаго, ни философскаго, ни поэтическаго.*

Развить и возобновить его на Востокѣ могутъ только Русскіе, когда у нихъ самихъ пройдетъ нынѣшнее утилитарное одуреніе!

И такъ, судя по этимъ краткимъ и спѣшно изложеннымъ примѣрамъ и по множеству другихъ, можно сказать, что грамотность сопутствуетъ всевозможнымъ нравственнымъ качествамъ какъ изъ круга семейной, такъ и государственной жизни.

Теперь обратимся къ уму.

Неужели мы смѣшаемъ грамотность съ развитіемъ ума и талантов

Кто же это сдѣлаетъ? Грамотность можетъ отчасти способств вать ихъ развитію, какъ и развитію нравственныхъ свойствъ; но эт му развитію способствуютъ и тысячи другихъ обстоятельствъ пом грамотности.

Русскій мужикъ *очень развитъ*, особенно въ нѣкоторыхъ п ніяхъ. Онъ уменъ, тонокъ, предпріимчивъ; въ немъ много поэ скаго и музыкальнаго чувства; мѣстами онъ неопрятенъ; но мѣс очень чистъ и всегда молодецъ. Онъ умѣетъ изворачиваться въ кихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ растеряются грамотные, но туп французскіе, или нѣмецкіе поселяне.

Герцену надо отдать, при этомъ случаѣ, справедливость; онъ говорилъ про русскаго мужика, „онъ не образованъ, но онъ разви

Почему же, за немногими исключеніями, у насъ люди почти всѣх ній не рѣдко и безсознательно съ любовью обращаются къ нашему толюдину? Неужели только изъ демократической гуманности? Нѣтъ есть другое... Всякій членъ, оторванный быстрымъ и сначала н ственнымъ европейскимъ воспитаніемъ нашего общества, поним что въ нашемъ простомъ народѣ отчасти скрытъ, отчасти уже я нашъ *національный характеръ*.

Библиотека "Руниверс"

И дѣйствительно, въ гармоническомъ сочетаніи нашихъ сознатель-
ъ началъ съ нашими стихійными, простонародными началами ле-
ъ спасеніе нашего народнаго своеобразія. *Принимая Европейское,*
о употреблять всѣ усилія, чтобы переработывать его въ себѣ такъ,
ъ переработываетъ пчела сокъ цвѣтовъ въ несуществующій внѣ
а ся воскъ.

Для всякой живой цивилизаціи столько же необходимы начала наив-
, какъ и сознательныя. Безъ наивныхъ элементовъ жизни, развѣ
ожны были бы Кольцовъ и Шевченко? Въ области чистой логики
атематики нѣтъ ничего національнаго и поэтому ничего живаго;
е сложно и туманно.

Сложныя обстоятельства въ жизни великихъ народовъ, неподдаю-
и чистому разсчету, разнообразіе страстей, степени родовъ воспи-
вліяютъ не только на развитіе живыхъ и полныхъ характеровъ
амой жизни, но и на искусство и на мышленіе и даже на науку.
одномъ изъ нашихъ русскихъ журналовъ (кажется во „Времени")
сказано, что всѣ произведенія искусства и мысли, которыя пріоб-
міровое значеніе, потому именно и стали міровыми, что они были
сшей степени національны.

Поэтому здѣсь слѣдуетъ такой родъ доводовъ:

Если мы допустимъ, что великому народу не стоитъ жить только
цѣ *большаго государства*, и что ему должно имѣть хотя сколько
ъ *свою культуру*, то изъ этого будетъ ясно, *что надо самой*
быть своеобразной.

Если же жизнь должна быть своеобразна,—а своеобразіе сохраниться
ъ нашемъ народѣ лучше, чѣмъ въ нашемъ высшемъ и ученомъ
свѣ, то надо дорожить этимъ своеобразіемъ и не обращаться съ
ороплиро, дабы не погубить своей исторической физіономіи, не
ть историческихъ правъ на жизнь и духовный перевѣсъ надъ
и.

Такъ, мы возвратились къ тому, откуда пошли.

думаю, что *даже и теперь* усердствовать съ просвѣщеніемъ
à l'européenne вовсе нѣтъ нужды.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ

Варшавскаго Дневника 1880 года.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Варшава, 9 января.

Въ предъидущихъ статьяхъ нашихъ мы старались разъяснить, что мы понимаемъ подъ словами *русскій консерватизмъ*, *русское охраненіе* *). Сегодня мы будемъ говорить о противоположномъ принципѣ, такъ называемаго, *либерализма*.

Мы говоримъ *либерализмъ—просто*, не прибавляя эпитета *русскій*. Это преднамѣренно и понятно.

Все созидающее, все охраняющее то, что разъ создано исторіей народа, имѣетъ характеръ болѣе или менѣе обособляющій, отличительный, противополагающій одну націю другимъ... Все либеральное—безцвѣтно, обще-разрушительно, безсодержательно въ томъ смыслѣ, что оно одинаково возможно вездѣ.

Англійскій прежній, аристократическій конституціонализмъ—консервативенъ; ибо онъ возможенъ только въ Англіи и обособленъ; во всѣхъ другихъ государствахъ этотъ самый созданный Англіей видъ консерватизма принимаетъ разрушительный характеръ, *ибо онъ демократизируется* по условіямъ исторической почвы. Охраненіе въ странахъ католическихъ иное, чѣмъ въ націяхъ православныхъ; консерватизмъ турокъ не похожъ на охраненіе буддистовъ; *но либерализмъ вездѣ одинаково враждебенъ тѣмъ историческимъ началамъ, въ дисциплинѣ которыхъ выросъ тотъ или другой народъ. Либерализмъ есть отрицаніе всякой крайности, даже и самой высокой, всякаго стѣсненія, всякаго стиля.* Онъ вездѣ *одинъ*, вездѣ одинаково отрицателенъ; вездѣ одинаково *разлагаетъ* націю *медленно и легально*, но *вѣрно*... И чѣмъ честнѣе либерализмъ, чѣмъ онъ искреннѣе, чѣмъ неподкупнѣе,—тѣмъ вреднѣе. Съ такими либералами, которые ищутъ лишь въ „мутной водѣ рыбу ловить", сладить легко. Но что дѣлать съ людьми, искренно вѣрующими въ тѣ „великіе принципы 89 года", которые теперь распространились вездѣ и признаются аксіомой соціальной жизни?...

---

*) *Примѣчаніе 1885 года.* Эти статьи принадлежали другому автору, котораго я назвать по имени безъ его разрѣшенія не имѣю права.

К. Л.

Библиотека "Руниверс"

Свобода! Освобожденіе!... Но *отчего и* во *имя чего*? Во имя какихъ это новыхъ созидающихъ, то есть *стѣснительныхъ* принциповъ? Христіанство, напримѣръ, способствуя столь сильно расторженію стѣснительныхъ узъ древняго гебраизма, римской государственности, эллинскихъ преданій и обычаевъ, предлагало міру новую дисциплину, новыя, несравненно болѣе суровыя стѣсненія.

Гдѣ подобные организующіе (т.-е. ограничивающіе) задатки въ современномъ космополитическомъ, равно всюду приложимомъ либерализмѣ? Ихъ нѣтъ, этихъ задатковъ!

Свобода для свободы, habeas corpus и т. п., свобода дѣлаетъ все, *кромѣ зла*... Но что такое *зло*—развѣ это такъ ужь ясно?...

Законность?... Но гражданскій законъ самъ за собою не признаетъ незыблемаго характера религіознаго догмата... Онъ мѣняется... И еще вопросъ — лучше ли стали люди, выше, *полнѣе ли* прежняго съ тѣхъ поръ, какъ осторожное и „постепенное" вывѣтриваніе и подмываніе демократическаго прогресса разрушаетъ все больше и больше великолѣпныя зданія религіозныхъ и сословныхъ государствъ?

Или, можетъ быть, люди, утративъ нѣкоторыя старыя доблести, стали при новыхъ порядкахъ гораздо счастливѣе прежняго?

Нѣтъ! Они не стали ни лучше, ни умнѣе, ни счастливѣе!... Они стали мельче, ничтожнѣе, бездарнѣе; ученѣе въ массѣ, это правда, но за то и глупѣе.

Ибо глупо, напримѣръ, такъ слѣпо вѣрить, какъ вѣритъ нынче большинство людей, по европейски воспитанныхъ, въ нѣчто невозможное, въ конечное царство правды и блага на землѣ, въ мѣщанскій и рабочій, сѣрый и безличный земной рай, освѣщенный электрическими солнцами и разговаривающій, посредствомъ телефоновъ, отъ Камчатки до Мыса Доброй Надежды... Глупо и стыдно, даже людямъ, уважащимъ *реализмъ*, вѣрить въ такую *не-реализуемую* вещь, какъ счастіе человѣчества, даже и приблизительное... Смѣшно служить такому идеалу, не сообразному ни съ опытомъ исторіи, ни даже со всѣми законами и примѣрами естествознанія. Органическая природа живетъ разнообразіемъ, антагонизмомъ и борьбой; она въ этомъ антагонизмѣ обрѣтаетъ единство и гармонію, а *не въ плоскомъ униссонѣ*. Если исторія есть лишь самое высшее проявленіе органической жизни на землѣ, то и тогда разумный реалистъ не долженъ быть ни демократомъ, ни прогрессистомъ въ нынѣшнемъ смыслѣ. Нелѣпо, оставаясь реалистомъ въ геологіи, физикѣ, ботаникѣ, внезапно перерождаться, *на порогѣ соціологіи*, въ утилитарнаго мечтателя. Смѣшно, отвергая всякую положительную, ограничивающую насъ *мистическую ортодоксію*, считая всякую подобную вѣру удѣломъ наивности или отсталости, поклоняться *ортодоксіи прогресса*, кумиру поступательнаго движенія...

Нѣтъ никакихъ вѣрныхъ, *научныхъ* данныхъ на то, что это быст-

Библиотека "Руниверс"

рое поступательное движеніе человѣчества, этотъ полетъ стремглавъ; безъ тормазовъ и парашютовъ не есть безвозвратное паденіе въ страшную бездну отчаянія...

Можно, пожалуй (при нѣкоторой ограниченности ума и при слабости общихъ познаній), *вѣрить сердцемъ* въ спасительность эмансипаціоннаго прогресса, охватившаго человѣчество съ конца прошлаго вѣка, и можно *не вѣрить* въ пользу этого либеральнаго прогресса. Но мы спрашиваемъ: гдѣ научный, точный критеріумъ, который давалъ бы намъ вполнѣ надежныя основы для подобной утѣшительной вѣры?

Ихъ нѣтъ для темнаго и страшнаго грядущаго; ихъ нѣтъ и въ настоящемъ.

Въ настоящемъ — гражданская равноправность и всеобщая юридическая свобода хотя и чрезвычайно велики во всей Европѣ и въ Америкѣ, сравнительно съ вѣками феодализма, религіозныхъ стѣсненій и рабства; но дѣйствительнаго, ощутительнаго, *субъективнаго*, такъ сказать, благоденствія или счастія, — „равенство и свобода“ эти не дали никому.

Явилось новое зло, распространились новыя страданія, непредвидѣнныя, нежданныя, неизвѣстныя, страшныя. Все человѣчество тоскуетъ; оно „скучаетъ“, какъ „скучала“, по словамъ Ламартина, либеральная (и только либеральная), мирная Франція Лудовика-Филиппа и Гизо. Люди, по мѣрѣ разлитія эмансипаціоннаго процесса, становятся вездѣ впечатлительнѣе, требовательнѣе; претензій въ толпѣ больше, но удовлетворить всѣмъ этимъ претензіямъ еще не найдено средствъ и, вѣроятно, не найдется.

Въ газетахъ и книгахъ всѣхъ странъ мы безпрестанно видимъ слова: „благоденствіе“, „благо народа“, „le bien-être matériel et moral de l'humanité“...

Но если не считать вѣнцомъ блаженства быстроту сообщеній, теплые вагоны, разныя удобства и право, данное почти вездѣ депутатамъ, мѣшать своимъ Правительствамъ дѣлать дѣло, то этого *настоящаго* „bien-être“, выражающагося не во внѣшнихъ только удобствахъ и не въ однихъ правахъ на политическую болтовню, а во внутреннемъ болѣе или менѣе сознательномъ довольствѣ судьбой, мы не видимъ нигдѣ.

Разрушивъ все старое, подкопавшись подъ всѣ прежнія вѣрованія, демократическій либерализмъ не далъ въ замѣнъ ничего созидающаго и прочнаго... Ибо хотя вѣчнаго на землѣ нѣтъ ничего, но существуютъ явленія сравнительно очень прочныя. *Прочно же у людей именно то, что по существу своему противорѣчитъ демократической свободѣ* и тому индивидуализму, который она обусловливаетъ. *Смѣсь страха и любви* — вотъ чѣмъ должны жить человѣческія общества, если они жить хотятъ... Смѣсь любви и страха въ сердцахъ...; священный

Библиотека "Руниверс"

ужасъ передъ извѣстными идеальными *предѣлами*; любящій страхъ передъ нѣкоторыми *лицами*; чувство искренное, а не притворное только *для политики*; благоговѣніе при видѣ даже одномъ иныхъ *вещественныхъ предметовъ*, при видѣ иконы, храма, утвари церковной...

Вотъ что созидаетъ націи, вотъ что ихъ единитъ, ведетъ къ побѣдамъ, славѣ и могуществу, *вотъ что задерживаетъ ихъ паденіе надолго даже и тогда, когда паденіе это вслѣдствіе разлитія демократическаго индивидуализма становится неотвратимымъ* въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ...

Но страха этого, страха *вольнаго* и принципіальнаго не хотятъ либералы; они его считаютъ несовмѣстнымъ съ *достоинствомъ* современнаго мѣщанина и всякій, самый плачевный въ своей демократической ограниченности, свободный швейцарскій гражданинъ, имъ кажется выше, чѣмъ Императоръ Ѳеодосій Великій, который въ Миланѣ не смѣлъ взойти въ церковь, пока ему не разрѣшилъ этого Святой Амвросій...

Хорошо *достоинство*, которое поставило идеаломъ человѣчеству *современнаго европейскаго труженника средней руки... и только!...*

Жалкій идеалъ!... Жалкіе люди... И чѣмъ искреннѣе, чѣмъ честнѣе, чѣмъ убѣжденнѣе, тѣмъ они хуже и вреднѣе въ своей наивной умѣренности, въ своей тихо и кротко разрушительной „постепеновщинѣ!"—Ихъ неловко карать, преслѣдовать, казнить... Но въ „легальной безопасности" своей, они для будущаго опаснѣе отъявленныхъ злодѣевъ, противъ которыхъ у всякаго государства есть мечъ, есть каторга, изгнаніе...

Но что дѣлать съ невинными и честными разрушителями?... Какъ ихъ убѣдить?...

Варшава, 10 января.

Выстрѣлъ повивальной бабки Засуличъ былъ дѣйствительно роковымъ, выстрѣломъ, какъ выразились тогда нѣкоторые изъ органовъ петербургской печати (кажется „Голосъ"). Онъ былъ сигналомъ поворота для многихъ; но поворотъ этотъ оказался противоположнымъ тому, котораго ожидали восхищенные поклонники преступницы, присвоившей себѣ право казнить заслуженныхъ государственныхъ дѣятелей. Борьба съ тѣхъ поръ стала открытой и безпощадной. Правительство было вынуждено, наконецъ, карать сурово отъявленныхъ враговъ государственнаго порядка. Испуганные либералы стали осторожнѣе; многіе изъ нихъ готовы даже считать себя консерваторами только потому, что они враги преступныхъ крайностей. Но (увы!) идеалъ ихъ все тотъ же, — идеалъ „постепеннаго" прогресса, т.-е. легальнаго шествія къ невозможному *царству блага и всеобщей правды на землѣ...* Зло также присуще нравственной природѣ человѣка, какъ боль и

Библиотека "Руниверс"

страданія его тѣлу. Но вѣра либераловъ и мирныхъ прогрессистовъ слѣпа. Иные изъ нихъ, напримѣръ, думаютъ, что все было бы хорошо, еслибъ *у насъ, какъ вездѣ, была конституція*: какъ будто бы въ другихъ странахъ конституція сдѣлала людей, добрѣе, умнѣе, честнѣе, здоровѣе и сытѣе!... Другіе жалуются на биржевую игру, на взятки въ новой, современной формѣ, на ошибки администраціи, на бездѣятельность того или другаго земства, на „непроизводительныя" затраты.... на грубое господство денегъ... На что только не жалуются у насъ люди!... Но скажите этимъ „мирнымъ" друзьямъ свободы и равенства, что всѣ эти явленія, возмущающія ихъ „легальныя" и европейскія сердца, суть не что иное, какъ плоды того „общечеловѣческаго эмансипаціоннаго" прогресса, который они чтутъ столь ребячески и слѣпо,—они засмѣются надъ вами или вознегодуютъ на васъ. Они скажутъ: „движеніе назадъ невозможно"... и успокоятся опять на томъ же, допуская, пожалуй, казни и всякія карательныя мѣры противъ явныхъ анархистовъ и убійцъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжая безсознательно приготовлять почву будущаго для ихъ преступныхъ дѣйствій. Подобнаго рода люди (а ихъ, къ несчастію, великое множество вездѣ въ наше время) похожи на дурно обученныхъ или недобросовѣстныхъ врачей, которые прижигаютъ, рѣжутъ и вообще лечатъ одними наружными средствами, не заботясь о внутреннемъ худосочіи, производящемъ ужасающія язвы...

Наставники юношества, профессора и педагоги продолжаютъ, вѣроятно, по прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало и безъ *необходимыхъ оговорокъ* колеблющихъ довѣріе *къ самимъ основамъ человѣческой науки*, толковать ученикамъ объ этихъ *вещественныхъ атомахъ*, которыхъ въ сущности *вовсе нѣтъ и быть не можетъ*, и съ раннихъ поръ парализуютъ метафизическій полетъ молодаго ума этою проповѣдью ложной атомистической теоріи. Ибо стоитъ только юношѣ сказать себѣ: *„я не знаю, что такое вещество и никогда не узнаю здѣсь на землѣ"*, чтобы шагъ за шагомъ, отъ сомнѣнія въ твердости и точности всѣхъ научныхъ основъ онъ бы скоро дошелъ до вѣры въ *духъ*, отъ вѣры въ духъ до вѣры въ личнаго Бога, отъ вѣры въ личнаго Бога до исканія *формъ* сношенія съ Нимъ, до *положительной религіи*; отъ положительной религіи до живаго патріотизма, до „страха Божія", до *любви* къ предержащимъ властямъ; ибо *истинное* христіанство учитъ, что *какова бы ни была, по личнымъ немощамъ своимъ, земная іерархія, она есть отраженіе небесной*. „И ангелы не равны между собою", говоритъ Церковь... Но атомистическая теорія вещества, предлагаемая *не въ видѣ только необходимой для реальныхъ наукъ метафизической уловки а въ видѣ чего-то яснаго и незыдлемаго*, спускаетъ надолго, если не на всегда, передъ мысленными очами молодаго человѣка точно какую-то завѣсу, какую-то грубую ткань изъ ма-

Библиотека "Руниверс"

ленькихъ черныхъ точекъ, за которой онъ уже ничего далѣе не видитъ!

Конечно, матеріализмъ общаго міросозерцанія вовсе не долженъ бы влечь за собою неизбѣжно либеральныхъ и прогрессивныхъ воззрѣній на соціальную жизнь. Прямой и ясной логической связи нѣтъ между вѣрою въ Бюхнера и вѣрою въ исправимость и счастье человѣчества, между поклоненіемъ одной *матеріи* и желаніемъ поставить всѣхъ людей въ одинаковое положеніе умѣреннаго и равноправнаго благополучія. Были матеріалисты, которые ненавидѣли демократическій прогрессъ и презирали его прозаическія надежды. Но это были почти всегда люди высокаго, изящнаго ума и обширныхъ познаній, люди, до которыхъ очень далеко не только большинству учащихся, но и многимъ изъ ученыхъ (но вовсе не особенно умныхъ) наставниковъ ихъ....

Прямой и положительной, логической нити нѣтъ, сказали мы, между матеріализмомъ и вѣрою въ прогрессъ; но есть (именно вслѣдствіе слабости и несвязности мысли у большинства людей), есть между ними какое-то историческое совпаденіе. Излишнее поклоненіе реальной наукѣ влечетъ за собою чрезмѣрныя надежды на всемогущество человѣческаго разума; а если разумъ всесиленъ, то отчего же бы ему не довести людей на землѣ до возможнаго совершенства и счастія? Надо только, если *не вдругъ* и не *насиліемъ*, *то постепенно* устранить всѣ препятствія. Не надо штурма! Штурмъ не разсчетливъ, онъ *пробуждаетъ уснувшую реакцію*, а нуженъ тихій, медленный, но вѣрный подкопъ.

Эгалитарная монархія лучше сословной, конституціонное государство лучше абсолютнаго (гдѣ „живая воля, живая душа", по прекрасной мысли Гоголя, стоитъ выше деревяннаго закона)... Къ тому же большинство вездѣ не мыслитъ, а движется лишь какимъ-то смутнымъ *подобіемъ* мысли. Всякая идея тогда только и господствуетъ, тогда только именно и правитъ событіями, когда она перешла почти въ инстинктъ.

Умѣренный либерализмъ оттого такъ и силенъ въ XIX вѣкѣ, что большинство либеральничаетъ также полусознательно, какъ мужикъ полусознательно крестится и держитъ посты.

Но ни сила, ни успѣхъ — вовсе еще не искомая истина и вовсе не благо. И холера—сила, и адвокаты революціоннаго стиля имѣютъ у насъ блестящій успѣхъ!... Но ни въ азіатской холерѣ, ни въ европейскихъ рѣчахъ какихъ нибудь Александровыхъ, мы не обязаны видѣть ни блага, ни искомой истины.

„Такъ думаетъ большинство"... Но большинство есть не что иное, какъ „собирательная бездарность", сказалъ прекрасно Дж. Ст. Милль, почитаемый самъ за прогрессиста.

Еще одно обычное изреченіе этихъ *умѣренныхъ* людей: „мы про-

Библиотека "Руниверс"

тивъ всякихъ крайностей, противъ всякаго насилія, сверху ли оно или снизу"...

Если это вашъ личный темпераментъ, ваша кротость, ваша доброта, — мы готовы чтить эти прекрасныя личныя свойства; но не возводите, ради Бога, потребностей вашего сердца въ государственный и общественный принципъ.

Государство обязано всегда быть грознымъ, иногда жестокимъ и безжалостнымъ, потому что общество всегда и вездѣ слишкомъ подвижно, бѣдно мыслью и слишкомъ страстно...

Вы возразите: „что-жь!... мы не мѣшаемъ карать и казнить нарушителей закона и порядка. Дайте намъ только въ частномъ покоѣ и мирномъ трудѣ *постепенно готовить будущее царство разума и правды*"...

Готовьте! Готовьте, честные граждане, готовьте будущее! Учите дѣтей вашихъ роптать на власти, учите ихъ тому, что прежде всего надо быть какимъ-то „честнымъ человѣкомъ", а религію, напримѣръ, можетъ имѣть всякій свою... Учите ихъ не любить *никакихъ* крайностей, учите набожность звать ханжествомъ, возмущаться *религіознымъ фанатизмомъ*, преданность службѣ царской и почтеніе къ начальству считать низкопоклонствомъ... Пренебрегайте „en principe" чинами, орденами... Въ земскихъ собраніяхъ играйте въ легкую, но все-таки оставляющую слѣды свои на дѣлахъ оппозицію...

Готовьте, готовьте будущее! Разсылайте поскорѣй по народнымъ школамъ анатомическіе атласы, чтобы крестьянскіе дѣти, эти *граждане прекраснаго грядущаго*, узнали бы скорѣй, что *души у человѣка нѣтъ нигдѣ*, а все одни *нервы* и *нервы*... (а если все нервы — то зачѣмъ идти на исповѣдь и слушаться становаго?)... Безпокойтесь прежде всего о томъ, чтобы простолюдинъ не думалъ, что „земля на трехъ китахъ стоитъ"... Это вѣдь такое преступленіе, такое несчастіе, *что мужикъ на васъ еще не совсѣмъ похожъ*!.. Спѣшите, спѣшите скорѣе снять съ него его яркую и живописную рубашку и надѣньте на него траурную, мрачную блузу, или сѣрую жакетку европейскаго *„увріе"*...

Въ судахъ по прежнему старайтесь вести эту *наглядную* и иллюстрированную „пропаганду свободы". Мировые судьи! сажайте въ тюрьмы хозяекъ, обруганныхъ горничными, какъ вы сдѣлали съ г-жею Энкенъ... Защитники юношей въ политическихъ процессахъ! продолжайте говорить, что русскимъ молодымъ людямъ можно потому простить нигилистическіе заговоры, демонстраціи и бунты, что у *нихъ нѣтъ другой героической поэзіи*... (какъ будто не было и нѣтъ героической поэзіи въ нашихъ кавказскихъ битвахъ, въ 12 году, и теперь, въ Туркестанѣ и Болгаріи, подъ царскими знаменами!?)...

Литераторы! пишите, пишите, пишите больше... и все въ томъже духѣ! Продолжайте, русскіе граждане, вашъ трудъ „легальнаго, постепеннаго и мірнаго разрушенія"...

Библиотека "Руниверс"

И что вамъ за дѣло до будущаго?.. На вашъ вѣкъ, быть можетъ, хватитъ еще одного либерализма, чтобъ не впасть въ тѣ рѣзкія крайности прогресса и реакціи, которыхъ вы такъ боитесь...

Après vous le déluge!..

Повторяемъ еще: если вы наивны, то вы жалкіе люди, глупые люди, презрѣнные люди!—Если же вы лукавы, то вы гораздо вреднѣе и преступнѣе *тѣхъ, которыхъ вы* сами теперь съ испуга соглашаетесь казнить...

Тонкій, медленный, неотразимый ядъ страшнѣе желѣзи и огня!

Варшава, 11 января.

Религія, преобладающая въ какомъ-нибудь народѣ, *вотъ краеугольный камень охраненія прочнаго и дѣйствительнаго. Когда вѣришь, тогда знаешь во имя чего стѣсняешься* и для чего (быть можетъ и съ невольнымъ ропотомъ нерѣдко, но безъ гордаго и явнаго протеста) переносишь лишенія и страданія...

Вообразимъ себѣ, что всѣ милліоны людей бѣднѣйшаго класса, составляющаго большинство во всѣхъ государствахъ, отказались отъ религіозныхъ преданій, въ которыхъ темныя толпы ихъ предковъ прожили вѣка; вообразимъ себѣ, что всѣ безъ исключенія подданные какой-нибудь державы говорятъ о „правахъ человѣка", о „равенствѣ и свободѣ", о „достоинствѣ", о томъ, что земля обращается около солнца въ 365 дней и столько-то секундъ.... еще о томъ, что есть, положимъ, *какой-то* Богъ (un Dieu des bonnes gens! какъ пѣлъ Беранже), а подати все таки велики при этомъ, и т. д.

Желали бы мы знать—какіе *принципы* могутъ противопоставить грознымъ требованіямъ подобной, „цивилизованной по нынѣшнему", толпы тѣ охранители, которыхъ обыкновенно зовутъ умѣренными либералами?..

Консерватизмъ чисто экономическій, такъ сказать, лишенный религіознаго оправданія, въ нравственной немощи своей, можетъ отвѣчать на требованія анархистовъ только *однимъ насиліемъ,* картечью и штыкомъ... Мы это и видимъ давно въ истинно-*передовой* странѣ Запада, во Франціи.

Тамъ давно уже нѣтъ никакого обще-идеальнаго принципа, вознесеннаго надъ всею націей...; тамъ періодически, лѣтъ черезъ 15—20, возобновляется борьба между капиталомъ и трудомъ, и капиталъ еще недавно, въ образѣ Тьера и рукой Макъ-Магона, побѣдилъ возстаніе недовольнаго труда. Мы признаемся откровенно, что не можемъ даже и притвориться сочувствующими той или другой сторонѣ. Для насъ одинаково чужды и даже отвратительны обѣ стороны—и свирѣпый коммунаръ, сжигающій тюильрійскія сокровища, и невѣрующій охра-

Библиотека "Руниверс"

нитель капитала, республиканецъ лавочникъ, одинаково враждебный и Церкви своей, и монарху, и народу... *Мы не понимаемъ даже вовсе того психическаго процесса*, подъ вліяніемъ котораго дѣйствуютъ эти люди прогресса,—*либеральнаго только снизу вверхъ*... Этотъ психическій процессъ намъ чуждъ и ненавистенъ до фанатизма... Изъ цѣлой французской націи, столь жестоко пострадавшей въ послѣднюю войну, въ насъ возбуждалъ нѣсколько болѣе сожалѣнія только самъ пожилой, больной и низверженный Императоръ, излюбленный избранникъ этой самой, ползавшей передъ нимъ буржуазіи, которая, во дни униженія и заслуженнаго позора своего, срывала на прежнемъ кумирѣ своемъ досаду своей собственной пустоты!... Мы не понимаемъ ни жалкихъ слезъ, пролитыхъ въ кабинетѣ Бисмарка надняхъ перешедшимъ въ вѣчность, отвратительнымъ Жюль Фавромъ; насъ не трогаютъ патріотическія хлопоты стараго Тьера; мы постичь не можемъ „дурной вкусъ" либеральной Франціи, предпочитающей теперь Гамбетту и Греви родовымъ своимъ королямъ и избраннымъ цезарямъ...

Александровы, Греви или Гамбетты (это вѣдь все равно) хороши на своемъ мѣстѣ, *когда намъ нужно выиграть процессъ*... И только!.. Мало-ли кто мнѣ нуженъ,—но какъ я, русскій человѣкъ, могу понять, скажите, что *сапожнику* повиноваться легче, чѣмъ *жрецу* или *воину*, жрецомъ благословенному?..

„Но это вѣдь Франція, *безумная* Франція! Что намъ за дѣло до внутреннихъ порядковъ Франціи"!.. Неправда-ли?... „У насъ есть Верховная Власть, „вы скажете," мы чтимъ ее глубоко, мы повинуемся ея помощникамъ и слугамъ, мы вездѣ, въ рѣчахъ, въ статьяхъ только и говоримъ *о единеніи у насъ Царя и Ею народа*".

„О! да не возглаголятъ уста мои дѣлъ человѣческихъ"... Вопросъ не въ томъ, что вы говорите и даже чувствуете (особенно теперь, когда грозные генералы и энергическіе полицеймейстеры понадобились вамъ для защиты вашихъ денегъ и очаговъ семейныхъ); вопросъ гораздо глубже. *Вопросъ въ великихъ историческихъ теченіяхъ* вѣка.

Давно было сказано и признано всѣми, что Франція—*передовая* страна... *Передовая* это не значитъ—*лучшая*; въ наше время, это, напротивъ, значитъ—*худшая*... Идти *скоро*, идти *впередъ*—не значитъ, непремѣнно къ высшему и лучшему... Идти все впередъ и все быстрѣе можно къ старости и смерти, къ безднѣ. Даже несомнѣнное улучшеніе нѣкоторыхъ сторонъ быта и нерѣдко самой нравственности не спасаютъ государство отъ гибели... Дисциплина *національныхъ нравовъ* для обществъ спасительнѣе самыхъ привлекательныхъ качествъ *общечеловѣческой нравственности*...

Многіе думаютъ, напримѣръ, что въ послѣдніе вѣка Рима господствовали только жестокость, сладострастная роскошь и развратъ. Но это ошибка... Рядомъ съ этими пороками распространялось христіанство,

Библиотека "Руниверс"

въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, въ средѣ *тѣхъ же римскихъ граждань*... Христіане не выселялись никуда, не выдѣлялись изъ остальной массы римлянъ; они принимали, несмотря на временныя гоненія, участіе во всѣхъ явленіяхъ общественной, семейной и государственной жизни;... они *должны были* вносить во все свои болѣе высокіе, болѣе добрые, идеальные вкусы и понятія,... они вліяли въ семьяхъ на самихъ язычниковъ. Но увеличивая, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ римской средѣ количество добрыхъ чувствъ и высокихъ поступковъ, они все-таки болѣе нежели кто либо, своею *общечеловѣческою* нравственностью *ускоряли расторженіе узъ собственно римской дисциплины*... Дисциплина же христіанская укоренилась *впослѣдствіи* на берегахъ византійскаго Босфора...

И такъ, говоримъ мы, даже и дѣйствительное улучшеніе нѣкоторыхъ сторонъ человѣческой жизни и самой человѣческой души—не обусловливаетъ непремѣнно пользу общества и крѣпость Государства. Греви, можетъ быть, и *честнѣе* Наполеона I-го, но положеніе Франціи было бы теперь иное, если бы она, уже изнуренная демократизаціей, могла бы произвести что-либо великое, подобное Наполеону...

Но въ новѣйшихъ движеніяхъ вѣка мы не видимъ даже и нравственнаго несомнѣннаго улучшенія... Оно и понятно. Если Божественная истина Откровенія не могла (и не *претендовала*, замѣтимъ, *никогда*) уничтожить зло и безнравственность на этой землѣ, а только обѣщала этотъ рай подъ *новымъ инымъ небомъ*, то что же могутъ существеннаго сдѣлать всѣ бѣдные Жюль-Симоны, Вирховы, Шульце-Деличи, всѣ эти люди, которые, по выраженію одного западнаго писателя, носятся всюду съ какою то „marotte humanitaire de peu de conséquence“...

Самые даровитые и вліятельные изъ этихъ людей должны считать за счастіе, если они, въ мірѣ нравственныхъ страданій и экономическихъ невзгодъ, достигаютъ на короткое время того результата, котораго достигаетъ въ мірѣ болѣзней медицина. По словамъ Пирогова: „самые хорошіе врачи едва-едва колеблятъ среднюю цифру смертности“!

И такъ, что же? Гдѣ же Франція? И зачѣмъ явилась на мигъ эта страна, такъ плачевно упавшая въ теченіе какого-нибудь полу-вѣка съ непрочныхъ, но пышныхъ и величавыхъ подмостокъ эгалитарнаго цезаризма въ смиренныя объятія почтеннаго Греви?! *).

Нѣтъ! Не на мигъ передъ мысленными очами нашими должна являться эта обреченная на гибельную передовую роль европейская

*) *Примѣчаніе 1885 года.* По поводу этой статьи и моего гоненія на г. Греви, французскій генеральный консулъ въ Варшавѣ жаловался на „Варшавскій Дневникъ“ генералъ губернатору г. Коцебу. „Президентъ *дружественной* Державы! и т. п.... (Ну ужъ *Держава* съ адвокатомъ вмѣсто Царя! и)... Гр. Коцебу не обратилъ на эту жалобу никакого вниманія.

К. Л.

Библиотека "Руниверс"

нація! Россія должна глядѣть на нее пристально: оттуда скоро польются, можетъ быть, снова потоки грязи и петролея...

Франція—это историческій „центръ Европы“... Ея первый король (Хлодовикъ) рѣшилъ мечемъ борьбу аріанства съ православіемъ въ пользу послѣдняго. Ея императоръ (Карлъ-Великій) создалъ окончательно папизмъ и отдѣлилъ католичество разъ навсегда отъ византизма... Французскіе рыцари впереди всѣхъ другихъ шли на защиту Гроба Господня... Побѣда монархіи надъ феодальностью дворянства была во Франціи одержана скорѣе и рѣшительнѣе. *Новый бытъ, новыя моды* и *обычаи* нигдѣ не нашли себѣ такого изящнаго и заразительнаго выраженія, какъ при дворахъ французскихъ королей... Въ нетерпѣливой Франціи, впервые свершилась революція во имя тѣхъ самыхъ „правъ человѣка“, о которыхъ въ другихъ странахъ тогда только немногіе думали... Въ этой же Франціи, раньше и яснѣе чѣмъ въ Англіи, Германіи, Италіи, обнаружились печальные плоды восторженныхъ порывовъ вооруженной либеральности, обнаружилась та истина, что вслѣдъ за паденіемъ сословнаго строя, должно воцариться господство денегъ и мелкой учености, грубая *плутократія* и болѣзненная, робкая *грамато-кратія*... И въ этой же странѣ впервые явилось, *какъ реакція* противу господства либеральной и оппозиціонной плутократіи, ученіе *экономическаго равенства*, ученіе вначалѣ мечтательное и кроткое, а позднѣе взявшее въ руки ружье, динамитъ и револьверъ...

То, что мы пишемъ вовсе не ново. Все это очень старо; все это гораздо и пространнѣе, и лучше нашего было сказано все въ той же *передовой* Франціи отчасти мыслителями крайней лѣвой стороны, отчасти защитниками феодальныхъ порядковъ и церкви. Жозефъ-де-Местръ и Прудонъ одинаково побѣдоносно доказывали всю несостоятельность умѣреннаго либерализма, всю его недостаточность и все ничтожество мѣщанскихъ конституцій. Но все это забыто: въ Россіи теперь какъ бы некогда и некому мыслить серьезно и внимательно читать...

А кто мыслитъ читая и читаетъ съ размышленіемъ, тотъ молчитъ гдѣ нибудь въ своей деревнѣ, или въ московскомъ домѣ, пожимая плечами...

И такъ, что-жь дѣлать?.. Неужели все погибло! Франція „центръ Европы“!.. Парижъ столица міра!..

Всѣ сдѣлаютъ позднѣе тоже, что и Франція... Во что же вѣрить?.. Чего ждать?.. Предаться роковому теченію?..

Нѣтъ! Нѣтъ! Тысяча разъ *нѣтъ*!.. Если бы мы не вѣрили въ возможность *основныхъ* измѣненій въ русскихъ понятіяхъ, и мы бы молчали...

Мы вѣримъ, мы имѣемъ смѣлость вѣрить, что Россія еще можетъ отстраниться отъ западно-европейскаго русла...

Мы еще вѣримъ въ силу *русскаго охраненія* и въ свѣжесть русскаго ума!...

Библиотека "Руниверс"

Неужели этотъ *умъ* не постигнетъ, наконецъ, что Европѣ болѣе не въ чемъ завидовать; что ложь дальнѣйшаго демократическаго и либеральнаго прогресса уже слишкомъ груба... что *идея* этого прогресса не научна, что идеалъ его неизященъ и не высокъ, ибо всеобщее равенство и всеобщая равноправность убійственны для разнообразнаго развитія духа и свойствъ людскихъ...

Неужели мы не поймемъ, наконецъ, что аѳонскій монахъ или набожный московскій купецъ, которые говорятъ: Бога *бойтеся*, Царя *чтите*, и при слухѣ о надеждахъ прогресса, съ удивленіемъ и невѣріемъ пожимаютъ плечами гораздо даже болѣе—реалисты, гораздо ближе къ реальной истинѣ, чѣмъ тѣ европейцы, которые какой-то *свободой безъ страха* хотятъ *дисциплинировать* государства...

Берегитесь! Близокъ страшный часъ... Откуда можетъ начаться пожаръ въ Европѣ, мы не знаемъ, но пламя таится подъ пепломъ.

Намъ нужно заранѣе закалить наши силы терпѣніемъ и *любовью* къ предержащимъ властямъ за то уже только, что *они Власть*, той любовью, которая дается страхомъ Божіимъ и вѣрой...

„Начало премудрости есть страхъ Божій, *плодъ же его любы*“....

Поменьше о „достоинствѣ человѣка Европейца“, ради Бога! Поменьше о благѣ всего *человѣчества*... Поменьше о *постепенности* даже... Поменьше и о той *любви безъ страха*, того христіанства à l'eau de rose, которымъ иные простодушно морочатъ и себя, и насъ...

Нѣтъ! христіанство есть одно, настоящее... Это христіанство—монаховъ и мужиковъ, просвирень и *прежнихъ* набожныхъ дворянъ.

Это великое ученіе, *для личной жизни сердца столь идеальное*, (столь нѣжное даже!) *для сдерживанія людскихъ массъ желѣзной рукавицей столь практическое и вѣрное*,—это ученіе не виновато, что *формы* его огрубѣли въ рукахъ людей простыхъ... Не Истина виной тому, что болѣе образованные люди почти всѣ забыли эту Истину въ погонѣ за миражемъ прогресса.

Религія въ общественной жизни подобна сердцу въ организмѣ животномъ. Это primum vivens, ultimum moriens націи.

Пока религія жива, все еще можно *измѣнить* и все спасти, ибо у нея на все есть отвѣты и на все утѣшенія. А гдѣ нѣтъ утѣшеній, тамъ есть кара и принужденіе, оправданныя не притворными фразами „горькой необходимости“ и т. п., а правомъ Божественнымъ, вполнѣ согласнымъ съ законами вещественной природы, ненавидящей равенство!

Варшава, 12 января.

Во всѣхъ русскихъ газетахъ печатаются теперь извѣстія о различныхъ приготовленіяхъ къ празднованію двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора. На земскихъ собраніяхъ и всюду совѣща-

Библиотека "Руниверс"

ются о томъ, какимъ добрымъ дѣломъ и въ какой формѣ ознаменовать годовщину вступленія на Престолъ Монарха, подъ державой Котораго свершилось въ Россіи столько знаменательныхъ событій и такъ много глубокихъ перемѣнъ.

Русское общество заранѣе готовится выразить горячую признательность свою человѣколюбивому Царю, съ такой славой правящему нами уже четверть вѣка и съ такой неуклонной энергіей идущему во главѣ народа Своего по пути его историческихъ судебъ...

Какъ истинные вѣрноподданные, и мы съ благоговѣйной радостью внимаемъ въ „преддверіи“ великаго дня, еще не возросшему до восторженныхъ и ликующихъ криковъ, смутному гулу и почтительному шопоту многомилліонныхъ русскихъ голосовъ...

Но уму нашему представляется одинъ печальный вопросъ... *Мы* радуемся, *мы* готовимъ народный тріумфъ Государю... Но *Онъ*?.. *Онъ* радуется-ли на насъ?.. Не сокрушено-ли Его сердце при мысли объ этомъ неблагодарномъ „обществѣ“, съумѣвшемъ извлечь почти одно лишь зло изъ Его великодушныхъ начинаній!..

Мы рабы лукавые и неблагодарные...

Мужикъ нашъ, освобожденный Государемъ отъ вѣковыхъ условій необходимаго *въ свое время* крѣпостнаго права, мужикъ адресовъ не пишетъ, альбомовъ не заказываетъ, праздниковъ „государственныхъ“ и „національныхъ“ не празднуетъ...: онъ *повинуется* не только *съ виду*, но и по *идеѣ*.

Онъ *молится* въ Церкви за Царя и Его Семью. Онъ не играетъ въ мелкую оппозицію, онъ не „либеральничаетъ“, не суется судить и рядить обо всемъ...

Онъ благодаренъ—и молится...

Онъ, по прекрасному выраженію нашего великаго романиста, Л. Толстаго, говоритъ и вѣритъ, что „Александръ Николаевичъ всѣхъ насъ *обдумываетъ*“!

Мужикъ, монахъ, купецъ стараго духа—вотъ истинно-русскіе граждане, а не *мы*... Мы—европейцы, мы—прогрессисты, мы, можетъ быть, прекрасные люди; многіе изъ насъ, конечно, въ личномъ отношеніи, въ смыслѣ общечеловѣческой нравственности, лучше и выше грубаго простолюдина нашего; но вполнѣ-ли мы *русскіе* по *идеалу*, по *особенностямъ* міровоззрѣнія нашего?

И чѣмъ бы мы были, и что бы мы въ силахъ были свершить, если бы эти милліоны „сѣрыхъ и возвышенно-темныхъ людей“ не тормозилибы благотворно нашъ неудержимый и безсмысленный полетъ?..

Что сдѣлали мы изъ реформъ, столь великодушно намъ данныхъ?.. Какой духъ внесли мы въ тѣ новыя и болѣе прежняго просторныя формы, которыя даны теперь русской жизни?..

Что мы дѣлали въ эти двадцать пять лѣтъ въ судахъ, въ админи-

Библиотека "Руниверс"

страціи, въ училищахъ, въ печати? Что мы писали, что мы говорили, что мы думали? До чего мы довели молодое поколѣніе нашимъ потворствомъ, нашей слабостью, отсутствіемъ въ насъ самихъ правилъ и ума?.. Нашими выдумками, наконецъ, что какой-то *регрессъ* невозможенъ...

А разобралъ-ли кто-нибудь внимательно и съ твердостью здраваго ума что такое *регрессъ* и *прогрессъ?* Не просто ли это—свѣтъ и тѣнь, жаръ и холодъ; только правая колея бѣгущей колесницы и лѣвая... *Почему же только лѣвая колея всегда хорота?* Почему на нее всегда должна склоняться эта колесница народной жизни?.. Почему жарѣ не смѣниться прохладой, и почему не спустить немного сторы, когда нервы начинаютъ раздражаться отъ несвоевременной и нездоровой яркости какого-нибудь (быть можетъ и ложнаго, слишкомъ искусственнаго) свѣта?...

А кто сказалъ, какой такой мыслитель разъ навсегда догматически рѣшилъ, что *настоящій* государственный прогрессъ всегда долженъ быть либеральнаго или эмансипаціоннаго свойства? Все въ свое время хорошо. Постепенное закрѣпощеніе народа нашего было въ *свое время* спасительнымъ прогрессомъ. Уничтоженіе вѣчевыхъ вольностей и удѣльной независимости было прогрессомъ; тотъ особаго рода демократическій феодализмъ выслуги, который утвердилъ у насъ Петръ I, еще болѣе дисциплинировалъ Русь, и при всѣхъ недостаткахъ этой отчасти искусственной системы, только послѣ ея утвержденія, Держава наша стала той исполинскою Державой, которой мы сыны. И далѣе: искусство и мысль стали у насъ возможны только тогда, когда Екатерина еще болѣе усилила у насъ неравенство легальнымъ возвышеніемъ дворянства надъ остальнымъ народомъ... Неужели не назвать своего рода прогрессомъ такія условія русской жизни, при которыхъ возможна стала преемственность Державина, Карамзина, Жуковскаго и Пушкина? *Мыслью своей* (не европейской) мы, правда, были очень бѣдны и тогда, весьма небогаты и теперь, несмотря на многорѣчіе печати; но, по крайней мѣрѣ, явилось *свое* искусство... а искусство у народа это именно то, что *переживаетъ въ вѣчной славѣ его самого...* Для того, кто не считаетъ блаженство и абсолютную правду назначеніемъ человѣчества на землѣ, нѣтъ ничего ужаснаго въ мысли, что милліоны русскихъ людей должны были прожить цѣлые вѣка подъ давленіемъ трехъ атмосферъ—чиновничьей, помѣщичьей и церковной, хотя бы для того, чтобы Пушкинъ могъ написать Онѣгина и Годунова, чтобы построился Кремль и его соборы, чтобы Суворовъ и Кутузовъ могли одержать свои національныя побѣды... Ибо слава (французская gloire—не правда ли, друзья? О, какъ вы нынче боитесь иныхъ словъ и не боитесь самыхъ дурныхъ дѣлъ, интеллигентные соотчичи мои!)..., ибо военная слава..., да, военная слава

Библиотека "Руниверс"

царства и народа, его искусство и поэзія—*факты*; это *реальныя явленія* дѣйствительной природы; это цѣли достижимыя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высокія. А то безбожно-праведное и плоско-блаженное человѣчество, къ которому вы исподоволь и съ разными современными ужимками хотите стремиться, такое человѣчество было бы гадко, если бы оно было возможно...

Всему своя пора,—сказали мы. Ударилъ и часъ освобожденія! Государю было *угодно* даровать народу иныя права. По основному закону нашей Имперіи, по существенному духу націи нашей, законно и *хорошо* все то, что исходитъ отъ Верховной Власти. Законно было закрѣпощеніе; законно и *хорошо* было раздѣленіе народа на сословія (или „состоянія"); все было хорошо въ свое время—и старые, закрытые суды, и тѣлесное наказаніе. *Законно* и *хорошо уничтоженіе* всего этого, не столько *по существу*, *сколько потому*, *что Верховной Власти было такъ угодно*... Мы *такъ* думаемъ, и не считаемъ того настоящимъ *русскимъ*, кто не *умѣетъ такъ думать*, хотя бы онъ былъ и самый честный, и самый полезный съ виду *въ дѣлахъ* своихъ человѣкъ...

Но если такъ, если Воля Монаршая священна *во всѣхъ случаяхъ*, даже и въ тѣхъ, когда „десница Божія отяготѣетъ на насъ", какъ при Грозномъ Иванѣ, то что же сказать объ *этой самой волѣ* теперь, когда она проявлялась лишь въ желаніяхъ облегчить во всемъ наши историческія узы... Когда къ святынѣ закона присовокупилось въ этой Волѣ столь искреннее *личное* человѣколюбіе?..

Сказать надо вотъ что: Правительство русское въ теченіе цѣлой четверти вѣка сдѣлало все то добро, которое было въ силахъ человѣческими средствами, сдѣлать. Простой народъ русскій, при всѣхъ *личныхъ* порокахъ своихъ, при всей своей грубости въ личныхъ дѣлахъ, исполненный великаго государственнаго такта, показалъ себя достойнымъ реформъ; но интеллигентное русское общество, развращенное до нельзя европейскими современными предразсудками, какимъ-то оппозиціоннымъ ухарствомъ и либеральнымъ фразерствомъ, извлекло изъ всѣхъ даровъ Правительства, почти на всѣхъ поприщахъ, больше вреда, чѣмъ блага.

Покаемся ли мы, наконецъ, хотя ко дню великаго народнаго торжества, и не рѣшимся ли мы просить могучаго Отца, чтобы впредь Онъ держалъ бы насъ грознѣе?..

Великій и необходимый, своевременный опытъ сдѣланъ... Но мы врядъ ли оказались достойными той доли свободы, которая намъ была дана!

Довольно же народной колесницѣ уклоняться все влѣво и влѣво!...

Библиотека "Руниверс"

Варшава, 19 января.

Всѣ русскія газеты, безъ исключенія, въ послѣднее время были заняты полемикой по поводу оскорбленій, нанесенныхъ другъ другу печатно, двумя русскими романистами: Иваномъ Тургеневымъ и Болеславомъ Маркевичемъ. Ходъ дѣла, мы полагаемъ, извѣстенъ.... Г. Маркевичъ напечаталъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* письмо, подъ псевдонимомъ *Иногороднаго Обывателя*. Письмо это обличало г. Тургенева въ потворствѣ „нигилизму", за то, что онъ за границей исправилъ и опубликовалъ записки одного молодаго человѣка, сидѣвшаго гдѣ-то въ тюрьмѣ за политическую неблагонадежность. Раздосадованный г. Тургеневъ на *гражданское* обвиненіе отвѣчалъ личностями; назвалъ совсѣмъ некстати своего противника „низкопоклонникомъ" и началъ дѣлать какіе-то „намеки тонкіе на то, чего не вѣдаетъ никто" и не обязанъ вѣдать, когда дѣло идетъ лишь о *политическихъ тенденціяхъ* того или другаго писателя.

Всѣ газеты вмѣшались въ эту распрю. Г. Катковъ вступился за своего сотрудника; онъ прекрасно различилъ въ своей апологіи политическій вопросъ отъ личнаго и доказалъ, что Тургеневъ, нападая на Маркевича *извѣстнымъ* образомъ, поступилъ весьма неблаговидно.

Г. Маркевичъ, кромѣ того, напечаталъ старое и дружеское письмо Тургенева (60-хъ годовъ), въ которомъ этотъ послѣдній благодаритъ г. Маркевича горячо за помощь и поддержку, оказанную ему „когда черепица упала ему, Тургеневу, на голову.... т.-е. когда его обвинили въ сочувствіяхъ Герцену. Въ этомъ письмѣ, г. Тургеневъ между прочимъ называетъ себя „монархистомъ" и т. д.

Бо̀льшая часть нашихъ газетъ на сторонѣ Тургенева; въ одной зовутъ Каткова „вѣчнымъ доносчикомъ"; въ другой говорятъ, что въ „сѣдины г. Тургенева" бросаютъ грязью.... Находятъ поведеніе г. Маркевича „безчестнымъ".... Новая петербургская газета *Страна* (издаваемая г. Леонидомъ Полонскимъ) первая взяла на себя отвѣтственность „сорвать маску" псевдонима съ *Иногородняго Обывателя Московскихъ Вѣдомостей* и назвала автора по имени, *курсивомъ*: — *Болеславъ Маркевичъ*.... Даже провинціальная газета, тифлисскій *Обзоръ*, и та защищаетъ Тургенева, и та называетъ г. Каткова все тѣмъ же *доносчикомъ*....

Хотимъ и мы сказать нѣсколько словъ объ этомъ дѣлѣ....

Желательно бы прежде всего понять, какъ это можно называть доносомъ *открытое*, *печатное* обвиненіе человѣка въ чемъ-нибудь такомъ, что намъ кажется вреднымъ для общества? Подъ словомъ „доносъ" мы въ разговорномъ языкѣ привыкли подразумѣвать поступокъ нѣсколько тайный и низкій, и даже съ оттѣнкомъ болѣе или менѣе личнаго разсчета.... Что же тутъ общаго съ тѣми открытыми и смѣлыми печатными обвиненіями въ „неблагонадежности" того или дру-

Библиотека "Руниверс"

гаго лица, въ гражданской недопустимости того или другаго дѣйствія? Со стороны сотрудника, присылающаго въ газету этотъ „доносъ“, разсчетъ можетъ быть одинъ—*построчная плата*.... Почему же не взять деньги за письма или статьи? Газетъ либеральныхъ, не „доносящихъ“, такъ сказать, у насъ гораздо вѣдь больше, чѣмъ тѣхъ, которыя стоятъ за „порядокъ“ и строгости!

Со стороны редактора у насъ теперь разсчета тоже большаго быть не можетъ въ избраніи крайней *правой стороны*.

Еще такая авторитетная газета, какъ *Московскія Вѣдомости*, можетъ пользоваться успѣхомъ, благодаря имени редактора. Но мы видимъ какая судьба постигаетъ у насъ всѣ новые *органы*, такъ называемаго охранительнаго или, пожалуй, хоть сколько-нибудь реакціоннаго направленія.... Какая судьба постигла *Русскій Міръ* первоначальной редакціи Черняева и Фадѣева? Какъ идутъ дѣла (интересно бы знать!) новой московской газеты *Востокъ*?... Мы не слышимъ о ней большаго шума.... Статистика одной извѣстной намъ губерніи (конечно, не математически-точная) показываетъ, что и *Московскія Вѣдомости* читаются и выписываются больше купечествомъ, а дворянство вообще предпочитаетъ газеты инаго, менѣе опредѣленнаго оттѣнка... Посчастливится ли *Берегу* г-на Цитовича больше другихъ—мы этого не знаемъ, хотя и желаемъ ему всей душой успѣха....

Итакъ, если мало разсчета въ наше время являться въ печати „обскурантомъ“, „реакціонеромъ“ и даже самымъ скромнымъ консерваторомъ, то чему же приписать выборъ подобной роли, какъ не искренности убѣжденій?... Человѣку „претятъ“ просто нѣкоторыя явленія современной жизни и онъ, отвращаясь отъ нихъ, съ усердіемъ и радостью отыскиваетъ въ этой же современной намъ жизни явленія противоположныя, остатки прежнихъ формъ, тѣни обычаевъ, принципы, которыми руководилось прежде большинство и руководствуются, къ счастію, еще и теперь иные люди....

За что же выраженіе *убѣжденій* звать доносомъ? Почему-жъ не *обличеніемъ*? Или это слово *обличеніе* годится только противу генерала, поступившаго самоуправно, противу отца, посѣкшаго ребенка, противу монаха, который въ простотѣ сердечной напился пьянъ, какъ русскій человѣкъ?... Если директриса института назвала дерзкую дѣвчонку „дерзкой дѣвчонкой“ и если я объ этомъ напечатаю, то это будетъ правдивое *обличеніе*. А если я напечатаю, что въ такомъ-то училищѣ учитель напримѣръ безпрестанно показываетъ и объясняетъ дѣтямъ невинныя зоологическія таблицы, на которыхъ инфузоріи перерождаются, съ едва замѣтной постепенностью, въ обезьяну и человѣка, то такая моя корреспонденція будетъ уже не честное обличеніе, а низкій доносъ.... Почему же это такъ? За что?

Библиотека "Руниверс"

Не низостью, не доносомъ надо бы называть подобныя дѣла, а ужъ скорѣе печальнымъ донъ-кихотствомъ, за *которое не всегда будутъ признательны даже и тѣ, кого вы защищаете*!...

Такъ случилось и въ исторіи Маркевича съ Тургеневымъ... Г. Маркевичу (какъ видно изъ его романовъ), многое не нравится въ современной жизни. Онъ, вѣроятно, и самъ знаетъ, что возвратиться *вполнѣ* къ прежнему и нельзя, и *ненужно*, ибо *крайности* нашего времени отчасти вызваны были *крайностями другаго порядка*. Онъ знаетъ, конечно, что *противу потока* прямо плыть нельзя; но онъ, и какъ художникъ, и какъ гражданинъ, имѣетъ право указывать въ романахъ своихъ на то, что еще не совсѣмъ погибло и что желательно было бы сохранить (ибо *сохранять на долго* можно многое; на это есть примѣры); и въ статьяхъ и письмахъ своихъ, онъ не можетъ (если у него есть убѣжденіе) не „обличать" всего того, что можетъ ускорить гибель тѣхъ остатковъ старины, которые ему кажутся изящными, благородными или полезными. Очень можетъ-быть, что при *прежнихъ порядкахъ*, многое изъ этой же самой старины было тому же автору не по сердцу. Напримѣръ, нѣкоторыя страницы въ „Запискахъ Охотника" и въ особенности повѣсти „Муму" и „Постоялый Дворъ" были написаны г. Тургеневымъ противу крѣпостнаго права. Г. Маркевичъ (какъ видно опять таки отчасти изъ романовъ его—„Марина изъ Алаго Рога" и еще болѣе „Двадцать пять лѣтъ тому назадъ") освобожденію сочувствуетъ или сочувствовалъ когда нибудь и потому не только „исполненіе", но и духъ такихъ повѣстей Тургенева какъ „Муму" и „Постоялый Дворъ" могли ему очень нравиться. Но... освобожденіе это давно совершилось... Оно (вмѣстѣ съ другими измѣненіями русскихъ учрежденій) глубоко отозвалось на бытѣ дворянства и изъ привиллегированнаго и весьма досужаго сословія превратило его въ обыкновенную, вездѣ нынче существующую, европейскую трудовую „интеллигенцію", и если хотите, буржуазію, съ небольшими мѣстными оттѣнками. Нѣтъ никакой нужды, прибавимъ, обманывать себя и скрывать, что экономическое положеніе этого класса русскихъ людей крайне трудно. Землевладѣльцы (какъ зовутъ теперь помѣщиковъ) почти всѣ раззорены, особенно сравнительно съ прежнимъ.

Это горе неизбѣжное, и мы только можемъ сказать себѣ „слава Богу, что не было *чего нибудь худшаго*!" Несмотря однако же на хозяйственное разстройство столь многихъ дворянъ, несмотря на глубокое измѣненіе всего общественнаго нашего строя,—*бытъ*, *чувства*, *идеалы*, *вкусы* остаются все прежними у многихъ членовъ этого, когда-то *опредѣленнаго сословія*, обращеннаго теперь силой обстоятельствъ въ весьма подвижной и смѣшанный классъ.

Вотъ эти-то идеалы, нѣсколько рыцарскіе и нѣсколько бюрократическіе, эти чувства и великодушные и властолюбивые, этотъ бытъ

Библиотека "Руниверс"

полу-патріархальный, полу-утонченный, эту пріятную и на посторонній взглядъ смѣсь „французскаго съ нижегородскимъ“, или у иныхъ великобританскаго съ лезгинскимъ (напримѣръ у какого нибудь образованнаго и богатаго военнаго), — вотъ это все хотѣлось бы подольше сохранить. Когда все это живетъ еще въ умахъ и сердцахъ, то оно найдетъ себѣ какіе нибудь обходные и новые пути для выраженія своего въ жизни.

Одинъ откажется отъ выгоднаго мѣста въ отъѣздъ, чтобы только жить въ своемъ старомъ недоходномъ имѣніи; власть или подобіе власти онъ найдетъ въ должности мироваго судьи или въ службѣ по земству. Въ земствѣ онъ будетъ противодѣйствовать распространенію *тѣхъ лѣстницъ зоологическаго восхожденія*, о коихъ мы говорили выше. Будетъ хоть изрѣдка посѣщать храмъ Божій; будетъ читать отборныя оригинальныя книги, которыхъ (пора же хоть въ этомъ смиренно сознаться) чѣмъ далѣе—тѣмъ меньше... Другой найдетъ, что въ военной службѣ, въ боевой жизни больше привлекательности и даже гораздо больше гражданской заслуги, чѣмъ въ адвокатурѣ, или плохомъ обычномъ литераторствѣ. Третій внесетъ въ свою семью здравую дисциплину въ сочетаніи съ изящными вкусами и добрыми чувствами... Четвертый станетъ (кто знаетъ?) монахомъ и будетъ служить церкви, благословляющей и школу, и хорошій судъ, и войско, и семью. Ставши, положимъ, профессоромъ или простымъ учителемъ, человѣкъ, желающій сохранить что нибудь изъ хорошихъ пріобрѣтеній прежнихъ вѣковъ, не будетъ внушать юношамъ непомѣрное и близорукое благоговѣніе передъ реальной наукой и не захочетъ поддерживать въ нихъ слишкомъ пламенныя надежды на общность самой пользы научныхъ приложеній...

И мало ли въ чемъ и какъ еще могли бы люди и въ наше время осуществить въ жизни свою потребность охраненія, еслибы желали этого!... Есть же умственныя пріобрѣтенія человѣчества, которыхъ отчасти формы, отчасти основные элементы дожили до насъ въ теченіи тысячелѣтій, дожили не въ искусствѣ или книгахъ, а въ дѣйствительности... Напримѣръ, религія индусовъ, государственныя понятія Китая, начала римскаго права, иныя библейскія идеи, молитвы и уставы.

Если *нужно было* измѣнить многое,—то отчего же не сберегать и то, что еще осталось отъ стараго? Это необходимо для равновѣсія жизни.

Такъ можетъ думать г. Маркевичъ и всякій другой „консерваторъ“... А разъ онъ такъ думаетъ,—его конечно раздражаютъ тѣ люди, которые ужъ очень помѣшаны на *движеніи для движенія* и, не довольствуясь вырываніемъ плевелъ, спѣшатъ вырвать и пшеницу... И уничтожая, они не показываютъ намъ впереди *ничего лучшаго*...

Если, напримѣръ, царство тѣхъ *сѣрыхъ кулаковъ*, которымъ стра-

Библиотека "Руниверс"

щаетъ насъ Тургеневъ въ *Нови* неотвратимо, то и тогда человѣкъ имѣетъ право способствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, къ удаленію минуты подобнаго исхода, способствовать, какъ можетъ или умѣетъ, на всѣхъ поприщахъ, въ литературѣ и наукѣ, въ земствѣ и судѣ, на службѣ и въ семействѣ. Г. Маркевичъ могъ даже *прежде* быть, какъ мы предположили, и самъ либераломъ... и потомъ измѣниться, когда сама жизнь переустроилась, и когда то, что касалось спасительнымъ лѣченіемъ при застоѣ, стало убійственнымъ ядомъ при лихорадочномъ раздраженіи... Такая перемѣна очень умна и добросовѣстна во всякомъ человѣкѣ, а тѣмъ болѣе въ художникѣ... *Честность художника—вовсе не честность купца или чиновника*. Честность художника состоитъ въ искренности и смѣлости мысли. Надо цѣнить прекрасное *вездѣ*, гдѣ мы его *думаемъ* видѣть, и надо *изображать* его такимъ, какимъ оно намъ представляется. Никакой художникъ не можетъ сказать, не впадая въ ложь, что Мирабо не былъ могучъ и обворожителенъ, что С. Жюстъ не былъ интересенъ, что экспедиція Гарибальди въ Сицилію не была исполнена лиризма и поэзіи. Это *долженъ* сказать и папистъ, и всякій реакціонеръ, если онъ желаетъ быть *честнымъ въ искусствѣ*.

А разъ человѣкъ, и особенно художникъ, доросъ до требуемой объективности, (а г. Маркевичъ доросъ, ибо онъ, не стѣсняясь тѣмъ, что его исправникъ Акулинъ даже *взяточникъ*—изобразилъ его весьма привлекательно); если, говоримъ мы, художникъ додумался давно до такой искренности, то ничто такъ не можетъ возмущать его, какъ качества противоположныя въ другомъ художникѣ, какъ такъ называемая „вѣрность прежнимъ убѣжденіямъ"... И на что *эта вѣрность* собственно художнику? Ему нужна *вѣрность вкуса и правда выраженія*. Именно *эстетику-то приличествуетъ* во времена неподвижности быть за движеніе, во времена распущенности за строгость; художнику прилично было быть либераломъ при господствѣ рабства; ему слѣдуетъ быть аристократомъ по тенденціи при демагогіи; немножко libre penseur (хоть немножко) при лицемѣрномъ ханжествѣ, набожнымъ при безбожіи.... то-есть не гнуть передъ толпой

„Ни помысловъ, ни шеи".

Подобная измѣна убѣжденіямъ не только похвальна въ художникѣ; она въ немъ *естественна*. Онъ ищетъ *гармоніи, а гармонія одностороннею быть не можетъ*.

Измѣняя подобнымъ образомъ прежнимъ убѣжденіямъ, подчиняя эти прежнія убѣжденія *вкусамъ* своимъ, еще прежде чѣмъ эти вкусы примутъ сами характеръ убѣжденій новыхъ, художникъ исполняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наилучшимъ образомъ долгъ гражданской совѣсти: ибо все изящное, въ какомъ бы то ни было родѣ, являясь въ дѣйствительности, не можетъ не крѣпить національной жизни; оно краситъ и славитъ ее.

Библиотека "Руниверс"

Указывая людямъ на это прекрасное, писатель служитъ родинѣ.

Такого рода должна быть честность художника и, вѣроятно, именно отсутствіе подобной-то честности у г. Тургенева раздражаетъ и г. Маркевича, и г. Каткова, и многихъ другихъ... Ибо возможно ли хоть на минуту повѣрить, чтобы г. Тургеневу въ самомъ дѣлѣ могли нравиться „Записки заключеннаго"?!

Варшава, 25 января.

Черныхъ точекъ на политическомъ горизонтѣ Европы опять, говорятъ, очень много. По видимому, берлинскій трактатъ не для одной лишь Россіи былъ *только временнымъ роздыхомъ* на пути ея историческихъ судебъ.

Вездѣ, и на юго-востокѣ, и на западѣ, къ чему-то готовятся, *чего-то* напряженно ждутъ.

Самъ безмолвный графъ Мольтке объявилъ, что увеличить еще германскую армію на многія тысячи необходимо, въ виду того, что Германская Имперія окружена могучими сосѣдями.

На Балканскомъ полуостровѣ не прекращается тихое, но зловѣщее броженіе. Мелкія государства запада вооружаются сильнѣе противъ прежняго...

Во Франціи, столь на долго, казалось, присмирѣвшей, теперь старое патріотическое чувство начинаетъ снова возвышать все громче и громче свой голосъ, всѣмъ намъ знакомый и привычный до того, что безъ него самый *концертъ* Европы казался бы страннымъ и неполнымъ— и при затишьѣ міра, и при громахъ войны.

Вотъ что сообщаетъ, напримѣръ, въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ своихъ изъ Парижа, корреспондентъ *Новаго Времени*, г. Молчановъ.

Чѣмъ ближе время къ веснѣ, тѣмъ съ большимъ безпокойствомъ взираютъ республиканцы на миръ Европы. Рѣчь Гаймерлэ въ Вѣнѣ, нѣмецкая пресса, путешествіе князя Гогенлоэ въ Берлинъ, отступленіе Черногорцевъ отъ Гусинья, споры Сербіи противъ австро-венгерскихъ притязаній о желѣзныхъ дорогахъ и коммерческомъ трактѣ, — все теперь интересуетъ и группируется во французскомъ умѣ темной тучей, рождающей вопросъ — когда грянетъ гроза? Люди, понимающіе какъ нуженъ миръ для крѣпости отечественной республики, сердятся теперь на берлинскій конгрессъ. До сихъ поръ французы, съ обычной легкостью, строили массу разнородныхъ предложеній на счетъ той роли и того барыша, которые могутъ достаться на долю ихъ отечества отъ сосѣдней грозы. Вчера мнѣ впервые пришлось услышать изъ устъ француза, имѣющаго важный чинъ, что *Германія должна — или отдать обратно завоеванныя провинціи, или она увидитъ въ Берлинѣ новую*

Библиотека "Руниверс"

французскую армію! Эта фраза была сказана публично, въ министерскомъ залѣ.

Въ томъ же *Новомъ Времени*, всегда, надо замѣтить, столь богатомъ матеріаломъ, мы находимъ переводъ (или сокращеніе—не знаемъ) статьи французской газеты „Temps“ о „новомъ движеніи Австро-Венгріи“. Мы не можетъ воздержаться, чтобы не привести вполнѣ и этотъ отрывокъ или сокращеніе, ибо выбросить изъ него нельзя ни единаго слова.

„Еще лѣтъ 20 тому назадъ, Австрія“, говоритъ Temps, „была преимущественно западною державою. Она играла преобладающую роль въ Германіи и Италіи; подъ ея вліяніемъ находился почти весь центръ Европы. Съ 1859 года картина мѣняется: сначала Австрія утрачиваетъ Ломбардію, потомъ она лишается всѣхъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ на Апеннинскомъ полуостровѣ; наконецъ, въ 1866 г., побѣда Пруссаковъ подъ Садовою вытѣсняетъ ее одновременно изъ Германіи и изъ ея послѣдней позиціи въ Италіи,—Венеціанской области. Такой переворотъ объясняется историческою необходимостью: наступила эра національностей и разноименной Австріи пришлось уступить мѣсто національнымъ государствамъ—Піемонту и Пруссіи. Съ тѣхъ поръ, Австрія стала мало по малу обращаться на Востокъ. Нота Андраши, окупація Босніи и Герцеговины, занятіе Новаго Базара по дорогѣ къ Салоникамъ; наконецъ, прибытіе Бисмарка въ Вѣну, въ сентябрѣ прошлаго года—вотъ главные этапные пункты на пути къ новой цѣли. Германія поддерживаетъ это новое движеніе, въ надеждѣ, что результатомъ его будетъ окончательное объединеніе ея, что и нѣмецкія провинціи Австріи войдутъ, наконецъ, въ составъ Имперіи. Надежда основательная, потому что провинціи эти сильно тяготѣютъ къ Германіи. Доказательствомъ служатъ постоянныя заявленія сочувствія ихъ къ общему отечеству и просьбы къ нему о заступничествѣ противъ преобладанія славянскаго элемента“. Авторъ статьи не думаетъ однако же, чтобы сліяніе Австрійскихъ нѣмецкихъ провинцій съ Германіей произошло такъ скоро. „Бисмаркъ конечно желаетъ этого, но съ другой стороны, онъ сознаетъ, что безъ содѣйствія нѣмецкаго элемента, Австрія не въ состояніи будетъ выполнить свою задачу на Востокѣ. Только тогда, когда эта задача будетъ выполнена, когда Австрія пуститъ корни на Балканскомъ полуостровѣ, стремленія Германіи къ окончательному объединенію могутъ быть осуществлены. Но стремясь на Востокъ, Австрія играетъ въ опасную игру. Всѣ народы Балканскаго полуострова окажутъ ей самое упорное сопротивленіе. Кромѣ того, на пути къ намѣченной цѣли она встрѣтитъ непремѣнно Италію и Грецію, не говоря уже о Россіи“.

Иныя газеты сообщаютъ, будто въ Австріи господствуетъ какое-то глухое безпокойство...

Новый министръ Гаймерле, въ рѣчахъ своихъ *спѣшитъ* однако

Библиотека "Руниверс"

увѣрить всѣхъ, что близкой опасности нѣтъ никакой для общаго мира, и что отношенія Австріи съ Россіей очень хороши. Мы вполнѣ вѣримъ добрымъ *намѣреніямъ* австрійскихъ министровъ, ибо мы убѣждены въ ихъ осторожности и въ ихъ хорошемъ знакомствѣ съ характеромъ и силами, *какъ сосѣднихъ странъ*, такъ и той Державы, которой они служатъ.

Мы сами думаемъ, что отношенія мирныя между Россіей и Австріей выгодны обѣимъ этимъ Державамъ. Но мы думаемъ это не потому, чтобы мы находили, будто всякая война и во всякое время есть *только народное бѣдствіе* и больше ничего. Предоставляемъ подобное мнѣніе г. Брайту, менонитамъ и квакерамъ. Нѣтъ, мы далеки отъ подобнаго бюргерскаго благоразумія въ нашемъ міросозерцаніи; мы откровенно сознаемся въ томъ небольшомъ варварствѣ нашемъ, по которому мы смѣемъ находить войны отъ поры до времени для человѣчества весьма полезными. Но думая такъ, мы не желаемъ, во *всѣхъ случаяхъ*, увлекаться односторонностью такъ называемаго „шовинизма", и, находя „воинственность" въ народахъ вообще качествомъ высокимъ и доблестнымъ, напоминаемъ только и самимъ себѣ, и другимъ, что *не всякая доблесть*, *во всякое время* и *при всѣхъ обстоятельствахъ*, плодотворна и полезна.

Можетъ быть, напримѣръ, новое столкновеніе между Германіей и Франціей и было бы полезно хотя для одной изъ этихъ двухъ Державъ; но открытая вражда между Россіей и Австріей была бы *теперь* несомнѣнно вредна и той, и другой...

Въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ увѣряютъ, будто бы г. Новиковъ (бывшій нашъ посолъ въ Вѣнѣ) называлъ Австрію „лучшимъ и самымъ естественнымъ другомъ Россіи".

Конечно, Австрія—Держава, имѣющая до сихъ поръ еще, несмотря на всѣ перемѣны послѣдняго времени, характеръ—болѣе консервативный, чѣмъ Франція, Италія, и даже новая Германія, сколоченная геніальною десницей *немного въ торопяхъ*...

Съ своей стороны, безъ сомнѣнія, и Россія еще не совсѣмъ, повидимому, отказалась отъ тѣхъ суровыхъ, но крѣпительныхъ преданій, которыя создали её.

Этихъ однихъ охранительныхъ условій достаточно для расположенія ко взаимымъ уступкамъ и доброжелательству.

Но есть еще и другія обстоятельства, которыя должны воздерживать отъ всякаго столкновенія другъ съ другомъ эти два сосѣднія государства,

Относительно Австріи достаточно будетъ намъ привести слова оригинальнаго французскаго „славянофила", Cyprien Robert... Вотъ что говоритъ онъ въ сочиненіи своемъ: *Le Monde Slave*.

Il est remarquable, que l' Autriche est la seule des grandes Puissances,

Библиотека "Руниверс"

qui n'ait jamais fait la guerre aux Russes. Ce fait a une raison plus profonde qu'on ne le pense. En effet, qu'une armée francaise occupe Vienne, le lendemain de son arriveée, elle négocie les conditions de son évacuation. Elle n'est retenue sur le sol autrichien par aucun rapport de consanguinité, par aucun intérêt national direct. Il n'en est pas de même d'une armée russe. Maitresse de Vienne,..... La Russie organiserait d'un *seul coup*, *sur l'Adriatique*, *en Hongrie et en Bohème*, *trois états indépendants*, *qu'elle pourrait*, *en se retirant*, *laisser derrière elle* (Le Monde Slave, t. 1. стр. 133).

Что касается до Россіи, то весь вопросъ въ томъ: выгодно ли ей или нѣтъ *торопить* осуществленіе... мы не скажемъ той мечты, а лучше скажемъ той *возможности*, которая обыкновенно зовется *панславизмомъ*...

Говоря, что федеральный панславизмъ не есть близкая *возможность*, а лишь пустая мечта мы не *другихъ обманемъ*, *а себя самихъ*...

Бояться надо не *названій* и не *ясности* въ наше время, но *недомолвокъ* и печальныхъ *недоразумѣній*.

И вотъ желая быть ясными, мы скажемъ такъ:

Вся Европа движется теперь *племенной идеей* и тотъ, кто дѣйствовалъ подъ этимъ знаменемъ за все послѣднее время, имѣлъ постоянно успѣхъ, ибо шелъ по теченію.

Но успѣхъ мгновенный всегда ли влечетъ за собою *прочное* благо?... Конечно—нѣтъ.

Панславизмъ по нашему есть весьма *опасная возможность*, приближеніе которой намъ нѣтъ выгоды ускорять необдуманно.

Панславизмъ если не одинаково, то въ разной мѣрѣ и въ разномъ родѣ, можетъ стать вреднымъ не только для Турціи и Австріи, но и для *самой Россіи*...

А почему, объ этомъ скажемъ въ другой разъ.

Варшава, 28 января.

Приготовленія къ празднованію двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора продолжаются... Національное торжество это, конечно, будетъ имѣть великій историческій смыслъ.

Желательно бы, разумѣется, чтобъ искренность и сила національнаго чувства приняли хоть при этомъ *особомъ*, исключительномъ случаѣ какую-нибудь и *форму особую*, наиболѣе русскую; чтобы эти чувства выразились въ чемъ-нибудь такомъ, что было бы въ одно и то же время *и прочно*, *и самородно*, *и наглядно*.

Мы слѣдили, насколько могли, внимательно за тѣми именно газетными извѣстіями, которыя знакомили насъ съ рѣшеніями и постановленіями земствъ, думъ, дворянскихъ собраній и другихъ тому подоб-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ общественныхъ учрежденій... Большая часть этихъ постановленій и рѣшеній, принятыхъ съ цѣлью ознаменовать годовщину восшествія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Императора, характера или *благотворительнаго*, или *педагогическаго*... *Нехитро* что-то!... Ужь очень незатѣйливо! Особенно—эта чесотка педагогіи!

Въ Петербургѣ пришли, впрочемъ, къ мысли постановить нѣчто особое: премію за лучшую „Исторію города Петербурга".

Въ *Голосѣ* была по этому поводу довольно хорошая статья. Со взглядами этой статьи мы отчасти согласны, отчасти нѣтъ.

Согласны мы въ томъ, во-первыхъ, что не легко найти человѣка, который бы за предполагаемое вознагражденіе, посвятилъ бы нѣсколько лѣтъ жизни такому большому, основательному (и, прибавимъ мы, очень сухому) труду: 5,000 руб. преміи за сочиненіе, въ которомъ обильный матеріалъ потребуетъ листовъ сто печатныхъ,— это значитъ не болѣе 50 руб. за листъ.

Если прибавить къ этому, что премію получитъ только тотъ, чье сочиненіе будетъ признано лучшимъ, а всѣ остальные соискатели останутся безъ вознагражденія за долгіе и безплодные труды свои, то, разумѣется, покажется, что рѣшеніе это было не совсѣмъ зрѣло обдумано.

И потомъ вопросъ: какого еще рода будетъ подобное сочиненіе „Исторіи Петербурга"... Если оно будетъ очень дѣльное, богатое матеріаломъ, ученое, но сухое и скучное, безъ остроумія, безъ изящества, безъ замѣчательныхъ мыслей и блестящаго, оригинальнаго освѣщенія, то оно не пріобрѣтетъ той популярности и того литературнаго значенія, которое необходимо для сочиненія, издаваемаго въ видѣ *памятника*...

Намъ кажется лучшимъ или вовсе отказаться отъ этого проекта, или, назначивъ премію *не въ пять, а въ пятьдесятъ тысячъ*, раздѣлить трудъ такимъ образомъ:

1) Устроить въ Петербургѣ нѣчто въ родѣ кратковременнаго съѣзда лучшихъ русскихъ литераторовъ — *художниковъ* (*имена ихъ всѣхъ извѣстны*), безъ всякаго вопроса о политическихъ и тому подобныхъ оттѣнкахъ, и пусть они выберутъ изъ среды своей двухъ или трехъ соискателей, разумѣется, съ ихъ согласія.

2) Назначить срокъ, къ которому сочиненіе должно быть готово.

3) Дать избраннымъ соискателямъ собственно ученыхъ помощниковъ для собиранія матеріала; подчинить хоть на этотъ разъ безличное знаніе личному таланту и уму.

4) Давать этимъ ученымъ помощникамъ за все время ихъ работы особую, не очень большую, но удовлетворительную плату; настоящимъ же соискателямъ преміи не платить все время ничего.

5) Не отвергать, при окончательномъ конкурсѣ, и постороннихъ лицъ,

Библиотека "Руниверс"

пожелающихъ къ сроку представить тоже свою *Исторію города Петербурга*...

6) Издать избранную книгу разомъ *тремя изданіями*, дешевымъ—съ дешевыми политипажами, роскошнымъ—съ раскрашенными гравюрами, и совсѣмъ безъ иллюстрацій.

Вотъ при такихъ условіяхъ, намъ кажется, книга могла бы имѣть современный успѣхъ и прочную цѣнность.

Становясь безпрестанно на точку зрѣнія петербуржцевъ, мы желали высказать лишь мнѣніе о томъ, какъ можно сдѣлать дѣло лучше, разъ уже оно предпринято.

Это объ изданіи „Исторіи Петербурга".

Теперь о „стипендіяхъ", объ открытіи новыхъ училищъ и о пожертвованіяхъ на цѣли благотворительныя.

Мы никакъ не можемъ, во-первыхъ, не отличать рѣзко больницъ, богадѣленъ и простыхъ, безхитростныхъ пріютовъ отъ „стипендій", отъ новыхъ школъ и т. п. Богадѣльни, больницы, пріюты для сиротъ и подкидышей безспорно всегда и вездѣ заслуживаютъ названія истинно *благо*творительныхъ учрежденій; но о „стипендіяхъ" и другихъ педагогическихъ мѣропріятіяхъ и жертвахъ нельзя сказать того же безъ оговорки.

Обезпечить убогаго солдата, прокормить бѣдную старуху, пріютить ребенка, успокоить больнаго, если даже нельзя вылѣчить его, все это дѣла святыя и полезныя... Но „педагогія" другое дѣло, *совсѣмъ другое дѣло*... Это дѣло обоюдо-острое. Если мы въ годовщину празднества *монархическаго*, т.-е. по существу своему въ высшей степени охранительнаго, будемъ (какъ мы выразились надняхъ же) *цѣловать Учителя и въ то же время шептаться съ синедріономъ*; если мы, съ одной стороны, будемъ говорить: „пріидите поклонимся и припадемъ!", а въ головѣ у насъ будутъ все только *атомы* да всеспасительныя машины, бездушіе матеріализма въ основахъ и безсмысліе *космополитическаго блага въ прикладной какой-то мечтѣ*... если съ такими задатками будутъ жертвователи и наставники приступать къ училищамъ, то слова *благо* мы къ такимъ *твореніямъ* не прибавимъ.

Въ заключеніе скажемъ, что всѣ эти постановленія земствъ, думъ и т. д. имѣютъ всѣ мало значенія; все это такъ незамѣтно, безгласно, ненаглядно, не *изобрѣтательно*.

Цѣль такая высокая, поводъ такой многозначительный, такой *русскій*, а всѣ эти добрыя наши чувства не получаютъ у насъ до сихъ поръ ни малѣйшаго *русскаго оттѣнка*...

Все истинно-высокое въ дѣлахъ національныхъ было и должно быть *своеобразно*; и только при условіи подобнаго, въ высшей степени *національнаго характера*, явленіе пріобрѣтаетъ потомъ и *міровое значеніе*.

Необходимо подумать о какомъ-нибудь общемъ для всей Россіи па-

Библиотека "Руниверс"

мятникъ, наглядномъ для всѣхъ классовъ народа нашего, оригинальномъ, прочномъ и прекрасномъ.

Онъ долженъ быть воздвигнутъ не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, ибо Москва всегда будетъ Москвою, *а Петербургъ*, несмотря на всю его *искусственно* созданную силу, *не избѣгнетъ глубокаго упадка при неудержимомъ, почти невольномъ тяготѣніи нашей исторіи на Югъ и Юго-Востокъ.*

Варшава, 29 января.

Въ послѣдней статьѣ нашей, говоря объ Австріи и ея отношеніяхъ къ нашему государству, мы заявляли, что вѣримъ искреннему желанію не только мира, но и согласія съ обѣихъ сторонъ. Правда, что общественное мнѣніе въ Австріи намъ не слишкомъ благопріятно; правда также, что тамъ есть сильныя партіи, мечтающія распространить и утвердить вліяніе Австро-Венгріи *на весь Балканскій полуостровъ:* несомнѣнно и то, что для Германіи очень выгодно „толкать" своего южнаго сосѣда все дальше и дальше на востокъ, и разбивъ Славянство пополамъ, держать эти двѣ половины въ постоянномъ антагонизмѣ подозрительности и вражды.

Но г. Геймерле сказалъ вѣдь *весьма кстати*, что „исторія должна учить государственныхъ людей умѣренности". Мы же прибавимъ: *„особенно австрійскихъ государственныхъ людей"*!... Приведенныя въ предъидущей нашей статьѣ слова Sygien Робэра подтверждаютъ наше мнѣніе съ простотой и выразительностью, быть можетъ, даже немного грубой.

Это объ Австріи... А объ Россіи что сказать?...

Въ публицистикѣ, до того всѣ привыкли къ извѣстнаго рода лживости, къ тонкимъ намекамъ и заученному фразерству, что необходимо говорить ясно для того, чтобы насъ поняли просто, и ничего бы лишняго, сверхъ сказаннаго нами, не искали.

Мы находимъ, что Россія должна съ своей стороны (до поры до времени впрочемъ) *оберегать Австро-Венгрію, не обращая никакого вниманія на раздражительность враждебныхъ намъ партій въ этомъ государствѣ.*

Та, слегка оборонительная политическая система, которой мы, повидимому, придерживаемся на Балканскомъ полуостровѣ, по нашему мнѣнію, и есть самая лучшая для насъ. „Развѣ большинство населенія Австріи не славянскаго племени? Не родственнаго намъ? Неужели Россія не выполнитъ *никогда* своего *славянскаго призванія?* Вѣдь слово *никогда* въ политикѣ произносить не надо; по крайней мѣрѣ, искренно вѣрить въ это слово не годится: Руэръ воскликнулъ три раза—„jamais, jamais, jamais!", а много ли протекло времени между этимъ энергиче-

Библиотека "Руниверс"

скимъ jamais! и выходомъ французскихъ войскъ изъ Рима?... Развѣ вы отвергаете *органическія*, роковыя силы въ исторіи"?

Вотъ что могутъ намъ возразить. Но мы скажемъ на это: нѣтъ, органическихъ и роковыхъ силъ мы не отрицаемъ; мы, напротивъ, расположены, быть можетъ, слишкомъ часто объ *нихъ напоминать*. Но въ числѣ роковыхъ этихъ силъ, есть и сила *личной воли* дѣйствующихъ на политическомъ поприщѣ людей, есть политическая *вмѣняемость*. Если отвергнуть это, то какъ же писать исторію? Какая же будетъ тогда разница между Бисмаркомъ и Эмилемъ Оливье?

Надо прежде всего *понимать условія времени*, и понявъ ихъ хорошо, сказать себѣ: „fait ce que doit—advienne ce qui pourra"!

Вотъ въ чемъ вопросъ. И въ этомъ-то смыслѣ мы находимъ прекраснымъ дѣломъ бережное, такъ сказать, обращеніе наше съ *хрупкой* Австро-Венгріей. Это нашъ долгъ не усиливать ничѣмъ разстройства этой и безъ нашей вины *другими* столько разъ потрясенной Державы. Наши собственные интересы должны дѣлать насъ въ этомъ случаѣ прямыми и твердыми, чтобы, по крайней мѣрѣ, съ нашей стороны, не было бы ни *вины*, ни *самообольщенія*... „Но Славяне?" возразятъ намъ опять... „Но наше *великое призваніе?*"...

Мы же скажемъ на это сперва вотъ что:

То, что вы зовете нашимъ *призваніемъ*, мы зовемъ—*опаснымъ бременемъ*, или еще хуже—быть можетъ, печальною неизбѣжностью, насиліемъ исторіи, а если хотите—то и *полнымъ паденіемъ петровской Руси, неизвѣстно еще чѣмъ замѣнимой*... Если вы этого желаете, то что же? Спѣшите на *пути призванія*; а если нѣтъ, то старайтесь удерживать всеславянское движеніе, ибо *западное* славянство ни на *Русь Кремля*, ни даже на *Россію Адмиралтейской площади* нисколько не похоже... *Національное начало*, лишенное *особыхъ* религіозныхъ оттѣнковъ и *формы*, въ современной, *чисто племенной наготѣ своей*, *есть обманъ*...

Племенная политика—есть одно изъ самыхъ странныхъ *самообольщеній* XIX вѣка.

Національнаго, въ дѣйствительномъ смыслѣ, въ племенномъ принципѣ нѣтъ ничего. Когда мы говоримъ: національная религія, національныя учрежденія, національное искусство, національная одежда,—мы всѣ понимаемъ другъ друга и самообольщенія при этихъ словахъ нѣтъ никакого. Всякій знаетъ, что мусульманство есть національная религія для Турокъ, что „право первородства" есть національное учрежденіе въ Англіи, что музыка Россини національна въ Италіи, что цвѣтная рубашка на выпускъ — національная одежда у русскихъ... Каждый понимаетъ, что все перечисленное служитъ для умственнаго, бытоваго, и отчасти даже для государственнаго *обособленія* племенъ и народовъ.

И тотъ, кто держится за это обособленіе, и тотъ, кто желаетъ

Библиотека "Руниверс"

постепеннаго „исчезновенія границъ“—одинаковымъ именемъ называютъ одинакія вещи. Люди, не согласные въ стремленіяхъ и вкусахъ, согласны по крайней мѣрѣ въ *представленіи*.

Но совсѣмъ иное мы видимъ, когда дѣло идетъ о національной *политикѣ*. Здѣсь, вотъ уже скоро полъ-вѣка, господствуетъ какое-то странное недоразумѣніе въ словахъ, какая-то удивительная лживость въ самой идеѣ!... Вездѣ люди говорятъ: „нація, народность, національный принципъ“; вездѣ стремятся пріобрѣсти для этой *своей*, для этой *особой* національности, больше свободы и правъ; вездѣ хотятъ „поднятія національнаго духа“, интригуютъ, борются, возстаютъ, ведутъ войны, льютъ кровь, приносятъ всякаго рода жертвы или за полное *государственное освобожденіе* націй, или, по крайней мѣрѣ, за большій просторъ этому *національному духу*. И что жъ выходитъ? *Прежнія* государства, построенныя *сознательно*, отчасти на правѣ божественномъ, отчасти на правѣ насилія (или завоеванія), и *отчасти только* на языкѣ и племени,—эти государства были въ высшей степени національны по независимости мысли, оригинальны по роду учрежденій и обычаевъ, по силѣ даже государственнаго патріотизма своего. Теперь государства, служа сознательно и преднамѣренно національному началу, служатъ въ сущности космополитизму. Побѣдители и побѣжденные служатъ ему одинаково... Пруссія и Франція до послѣдней войны по быту и духу *были менѣе сходны, чѣмъ теперь*. Освобожденные Болгары были *національнѣе* т.-е. своеобразнѣе „подъ Туркомъ“, чѣмъ подъ своей *бельгійской палатой*“.

И такъ, служа принципу *чисто племенной національности*, мы способствуемъ, сами того не желая и не сознавая,—космополитизму. Уравнивая права и степень свободы всѣхъ націй, мы способствуемъ сліянію ихъ быта, сначала въ верхнихъ слояхъ общества, а потомъ и въ низшихъ... Національно-политическій принципъ, проведенный въ жизнь, гдѣ оружіемъ, а гдѣ переработкою учрежденій—является на дѣлѣ лишь новымъ и могучимъ средствомъ космополитической, то есть *анти-національной* демократизаціи Европы... Всѣ равны, всѣ сходны, всѣ родственны... Одни успѣхи и одни неудобства; схожіе уставы—одинакій бытъ; сходные вкусы—сходное искусство; сходная философія жизни—одни и тѣ же требованія, одни и тѣ же качества и пороки, однородныя наслажденія и однородныя страданія... Вездѣ судъ присяжныхъ, вездѣ конституціи, вездѣ паръ и телеграфы, вездѣ аграрный вопросъ и стачки рабочихъ, вездѣ открытая борьба капитала и труда, вездѣ французская мелодрамма, итальянская опера и англійскій романъ...

Не въ томъ здѣсь дѣло: находимъ ли мы полезнымъ или вреднымъ для человѣчества этотъ *особый видъ* или *пріемъ* процесса всеобщей демократизаціи, процесса, надѣвшаго на себя въ этомъ случаѣ весьма

Библиотека "Руниверс"

лукаво и ловко національное одѣяніе... Дѣло въ томъ, что намъ хотѣлось только назвать вещь по имени, разобрать эту хитрую загадку...

Въ 50-хъ годахъ, даже нѣсколько позднѣе, и наши русскіе славянофилы, и западные мыслители сходнаго съ ними взгляда могли еще думать, что „подъятіе славянскаго духа", желаемое „сближеніе Славянъ", освобожденіе Юго-славянъ отъ власти иновѣрной,—однимъ словомъ, что большая противъ прежняго *гражданская свобода* Славянъ—немедленно выразится у нихъ въ большей *независимости ума*, въ *болѣе ясномъ національномъ творчествѣ* на всѣхъ поприщахъ и *на новыхъ путяхъ*, которые это отсталое, но будто бы „свѣжее" племя укажетъ остальному человѣчеству, уже утомленному долгой исторической борьбою... До сихъ поръ, однако, мы ничего подобнаго не замѣчаемъ ни у Сербовъ, ни у Болгаръ, ни у Славянъ австрійскихъ... Итакъ, „культурное" славянофильство—*до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ*, оказывалось мечтой, не то чтобы совсѣмъ уже не сбыточной, но мало-обѣщающей сбыться. Ибо для того, чтобы признать это *„культурное"* славянофильство совсѣмъ невозможнымъ, или для того напротивъ чтобы видѣть *первые признаки его осуществленія*, надо дожить до *полнаго разрѣшенія восточнаго вопроса* и до образованія той всеславянской федераціи, безъ которой и славянофилы не считали возможнымъ созданіе единой и своеобразной славянской цивилизаціи, одинаково отличной и отъ западныхъ формъ просвѣщенія, и отъ всѣхъ азіатскихъ культуръ.

Но если даже предположить, что „культурное" славянофильство было только мечтою,полной благородства и поэзіи, то о простомъ „политическомъ панславизмѣ" нельзя сказать того же. Политическій панславизмъ есть сила весьма реальная, и съ ней надо считаться всѣмъ: Австрійцамъ, Туркамъ, Нѣмцамъ,—и *намъ*...

Простой, *какой попало* панславизмъ, повторяемъ мы, не есть высокая мечта, подобно *культурному* славянофильству, онъ есть близкая и очевидная *возможность*. Но какая же намъ выгода, спрашиваемъ мы, спѣшить соединеніемъ нашей исторіи съ исторіей этихъ *западныхъ Славянъ*, въ которыхъ истинно-*славянскаго такъ мало, а либеральнаго и конституціоннаго такъ много*? Съ Юго-славянами Турціи у насъ есть еще иная связь, не племенная только (т.-е. ведущая къ обще-либеральному космополитизму), а вѣроисповѣдная, *обособляющая*, есть православная вѣра. И, несмотря на эту особаго рода связь, *чуждую*, по крайней мѣрѣ, если не враждебную западному индивидуализму и его предразсудкамъ, развѣ легко намъ справляться съ Болгарами и Сербами?... Справляться съ ними намъ иногда очень трудно, *именно потому, что они не враги, а братья и союзники*. Во многихъ случаяхъ, уже и теперь, несмотря на подавляющій перевѣсъ *собственно русскихъ* силъ, мы бываемъ часто вынуждены и нехотя сту-

Библиотека "Руниверс"

пать нашей исполинской стопою по слѣду, протоптанному маленькимъ, но цѣпкимъ копытцомъ Юго-славянъ...

И въ самомъ дѣлѣ, если бы еще были вѣрныя данныя для вѣры въ то, что всеславянство пойдетъ по пути Хомяковыхъ и Кирѣевскихъ, то можно было бы утѣшиться, промѣнявъ московско-невскій дуализмъ нашего петровскаго періода на періодъ вовсе новый, своеобразный по идеямъ и формамъ, на періодъ *многоцвѣтнаго* Славянства „въ великомъ единствѣ православія!“...

Но ни болгарскимъ депутатамъ, ни сербской интеллигенціи, ни тѣмъ болѣе чешскимъ ученымъ бюргерамъ, всѣмъ имъ не дать намъ *этого* величія! Зачѣмъ же намъ *спѣшить*?...

Что можетъ выйти изъ сопряженія младо-чеховъ съ Каравеловыми, Бильбасовыхъ *съ отщепившимися своевольно* болгарскими епископами, Штроссмайера съ Добролюбовыми, Ристичей и Христичей съ Поляковыми и Спасовичами?

Передъ подобнымъ призракомъ, въ одно и тоже время и некрасивымъ, и опаснымъ, можно, конечно, смиренно склонить выю, еслибы онъ уже сталъ въ самомъ дѣлѣ грозить намъ *матеріализаціей*...

Но *искать подобнаго* панславизма?... Но лить кровь за него? Но тревожить изъ-за этого сосѣда, столь полезнаго уже тѣмъ, что онъ однимъ фактомъ существованія своего задерживаетъ хоть сколько-нибудь острый ходъ того общеевропейскаго недуга, который всѣ зовутъ демократическимъ прогрессомъ, и однимъ изъ самыхъ тяжкихъ припадковъ котораго является въ наше время странная *галлюцинація племеннаго національизма*!...

Вотъ почему, мы такъ вѣримъ *искреннему* миролюбію и Россіи, и Австріи *)...

Варшава, 1 февраля, 1880 г., № 26.

Религіозно-политическій вопросъ (Kulturkampf) въ Пруссіи выступилъ надняхъ на сцену, по случаю преній въ ландтагѣ касательно бюджета министерства исповѣданій. Хотя рѣчи, произнесенныя какъ защитниками правительства, такъ и вождями клерикальной партіи не

---

*) *Примѣчаніе* 1885 г. Это писано въ печальные дни *1880 года*, когда мы висѣли надъ „бездной“... Россія казалась тогда *неизлѣчимо либеральной*... Въ 82 и 83 году стало мнѣ уже не такъ страшно за родину... Возвратилась вѣра въ то, что Россія еще носитъ въ собственныхъ нѣдрахъ своихъ цѣлительныя силы органическаго (т.-е. *не либеральнаго*) возрожденія, и что эти силы, при *несмишкомъ замедленномъ* разрѣшеніи Восточнаго вопроса должны *удесятериться*... Поэтому и письма мои о „Восточныхъ дѣлахъ“ (82 и 83 года) имѣютъ оттѣнокъ бо́льшей увѣренности и въ *культурной* (т.-е. не западной) будущности нашей отчизны.

Авторъ. (См. I томъ).

Библиотека "Руниверс"

отличались на этотъ разъ особенными разоблаченіями, а носили скорѣе характеръ взаимнаго препирательства за прошлое, но пренія эти имѣютъ ту важность, что министерство вновь заявило о своемъ намѣреніи не дѣлать требуемыхъ Римомъ уступокъ. Такимъ образомъ (выводятъ теперь нѣмецкія и французскія газеты) если соглашеніе и состоится, то существенныя уступки будутъ сдѣланы не Германскимъ канцлеромъ.

Произнесенныя рѣчи, сказали мы, касательно исторіи вопроса и различные ораторы, съ одинаковымъ жаромъ, каждый слѣдуя тенденціямъ своей партіи, поочередно нападали то на правительство, то на дѣйствія католическаго духовенства. Г. Фалькъ не упустилъ случая наговорить много въ защиту своей политики и майскихъ законовъ; г. Виндгорстъ, глава католической партіи въ Пруссіи, нападалъ и на то и на другое. Г. Путкаммеръ, воздерживаясь въ своей рѣчи отъ рѣзкихъ нападокъ, опредѣлилъ однако очень ясно, чего будетъ держаться Правительство. „Вы узнаете не безъ удовольствія, сказалъ министръ, что если намъ придется придти къ соглашенію съ Римомъ, то таковое будетъ непремѣнно заключено неиначе, какъ сообразно съ духомъ германскаго законодательства и не безъ участія представителей страны; это одно уже должно служить вамъ залогомъ, что если состоявшееся примиреніе и обезпечитъ интересы и нужды церкви, то оно въ въ тоже время сохранитъ права и интересы Прусской монархіи“. Смыслъ этихъ словъ, говорятъ главнѣйшіе нѣмецкіе органы, заключается въ томъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, окончательный проектъ соглашенія съ Папскимъ престоломъ будетъ представленъ на предварительное обсужденіе ландтага, или, быть можетъ еще, слова эти исключаютъ возможность заключенія конкордата съ Римомъ.

Комментируя эту часть рѣчи Путкаммера, Journal de Débats находитъ, что нельзя выражаться болѣе категорически и ясно и спрашиваетъ, чѣмъ она по существу отличается отъ всего того, что говорено было прусскимъ Правительствомъ въ теченіи семи лѣтъ по этому вопросу?

Такимъ образомъ, всѣ недавно распространившіяся въ газетахъ извѣстія о возможности наступленія вскорѣ момента примиренія оказываются преждевременными. Прусское правительство высказываетъ по прежнему лишь одно платоническое желаніе въ дѣлѣ столь для него важномъ, какъ возстановленіе религіознаго спокойствія. Римскія клерикальныя газеты, какъ напримѣръ, „Aurora“, ни разу впрочемъ не высказались за вѣроятіе распускавшихся слуховъ о близости соглашенія и не допускала мысли, чтобы князь Бисмаркъ могъ предоставить коллегамъ своимъ и парламенту рѣшеніе этого вопроса. Ватиканъ желаетъ вести переговоры о Kulturkampf'ѣ исключительно съ канцлеромъ, а онъ предоставлялъ ихъ до сихъ поръ своимъ помощникамъ. Этого одного

Библиотека "Руниверс"

уже достаточно, чтобы Папа и его совѣтники поняли неискренность дѣлаемыхъ предложеній.

Французскія нѣкоторыя газеты не скрываютъ своего удовольствія видѣть отдаленность рѣшенія вопроса о Kulturkampf'ѣ. Наиболѣе враждебною партіею князю Бисмарку въ Австріи была конечно католическая, поэтому если бы религіозная вражда въ Германіи прекратилась, то союзъ Австро-Германскій не встрѣтилъ бы рѣшительно уже никакихъ противниковъ въ Австріи и тѣсная дружба этихъ государствъ была бы конечно неблагопріятна для Франціи, особенно въ настоящее время, въ виду увеличенія состава Германской арміи и значительныхъ военныхъ силъ, содержимыхъ Австріею.

Но если министры и католическая партія въ Пруссіи остаются въ прежнемъ другъ къ другу непримиримомъ настроеніи и не находятъ еще нужнымъ сдѣлать взаимныя уступки, то нельзя того же сказать о газетной войнѣ министерскихъ Берлинскихъ органовъ съ клерикальными. Прежняя ярая полемика и нападки первыхъ на католичество совершенно уступили теперь мѣсто борьбѣ съ либерализмомъ. „Norddeutche Allgemeine Zeitung“ нѣсколько разъ уже объявляла, что Католическая Церковь должна быть уважаема, какъ великая нравственная сила, и что прусское правительство никогда не имѣло намѣренія внести въ ея устройство какихъ либо смущеній или раздоровъ, а тѣмъ паче нанести ударъ ея духовному авторитету. Всѣ эти заявленія, конечно, очень пріятны клерикальнымъ нѣмецкимъ органамъ и могутъ служить до извѣстной степени интересамъ католической партіи въ ожиданіи дня окончательнаго соглашенія съ правительствомъ.

Изъ послѣднихъ телеграммъ относительно продолжающихся преній въ ландтагѣ, по тому же вопросу, мы узнаемъ, что министерство дало сильный отпоръ католической партіи, возбудившей рѣчь о положеніи „старо-католиковъ“ и покровительствѣ имъ со стороны правительства. Мы думаемъ, что эта защита ограничилась лишь исполненіемъ *долга*; ибо прусское правительство утратило прежнія симпатіи свои къ старокатолическому движенію, съ тѣхъ поръ, какъ это движеніе обмануло возлагавшіяся на него надежды и князь Бисмаркъ увидалъ ошибочность своихъ разсчетовъ на ожидаемую имъ отъ старо-католиковъ поддержку. Движеніе это, какъ извѣстно, вмѣсто того, чтобы увеличиваться и тѣмъ наводить страхъ на Римъ, начало, напротивъ, послѣ нѣсколькихъ вспышекъ, гаснуть и давно уже не тревожитъ курію, а слѣдовательно и не можетъ служить орудіемъ для ея противниковъ.

Кончая настоящую статью, мы не можемъ не сообщить, что въ то время, какъ въ Германіи замѣтно проглядываетъ стремленіе успокоить религіозно-политическую распрю, въ Богеміи возбудилось внезапно пререканіе между католическимъ епископатомъ и правительствомъ, которое имѣетъ тотъ же характеръ Kulturkampf'а, какъ и въ Германіи.

Библиотека "Руниверс"

Это тѣмъ болѣе удивительно, что до сихъ поръ Австрія была постоянно внѣ религіозно-политическихъ ссоръ. Четыре католическіе епископа въ Богеміи заявили министерству исповѣданій требованіе о возстановленіи конфессіональныхъ школъ, увѣдомляя, что если ихъ просьбѣ не будетъ дано надлежащее исполненіе, то они не дозволятъ священникамъ принимать участія въ обученіи юношества, и напомнятъ вѣрующимъ объ ихъ христіанскихъ обязанностяхъ по отношенію къ *дѣтямъ ихъ, посѣщающимъ неодобренныя церковью училища*. Просьба епископовъ написана въ выраженіяхъ весьма рѣзкихъ, что и придаетъ ей особенную важность. Газета „Le Nord", обсуждая это событіе, удивляется особенно тому, что нынѣшняя австрійская система преподаванія въ школахъ и зависимость, въ которую эти заведенія поставлены всегда были отъ духовенства, могли подать поводъ Богемскимъ епископамъ обратиться съ подобнымъ требованіемъ къ правительству. Вслѣдствіе этого, сказанная газета не думаетъ, чтобы епископы въ этомъ случаѣ дѣйствовали по внушенію изъ Рима. Остается вопросъ: послѣдуютъ-ли прочіе епископы по тому же пути?

Таковы *факты*; наше же мнѣніе обо всемъ этомъ таково:—борьба эта во 1-хъ несправедливо была названа „культурною", ибо на сторонѣ Рима есть *своя культура, а на сторонѣ либерализма, кромѣ медленнаго и пошлаго разрушенія, нѣтъ еще пока ничего.*

Во 2-хъ, становясь даже на точку зрѣнія исключительно германскихъ интересовъ (и государственныхъ и культурныхъ), мы должны замѣтить слѣдующее: „Безъ зла и неудобствъ нѣтъ жизни и не будетъ... Неудобства и зло, вносимыя католицизмомъ въ жизнь Германіи при старыхъ порядкахъ, не помѣшали германскимъ народамъ прожить *государственно* болѣе 1,000 лѣтъ (считая, напр., отъ Карла Великаго); это зло и эти неудобства не помѣшали также Нѣмцамъ подарить человѣчеству столько великихъ твореній по всѣмъ отраслямъ мысли;—но при господствѣ либеральнаго духа въ націи, при уступкахъ этому духу со стороны Правительства, далеко-ли уйдетъ *новая* и *единая* Германія?.. Лавры *свѣжи*, но *прочны* ли они?

А культура?—Культура съ *прежнимъ зломъ* дала міру такое обиліе великихъ умовъ—что ихъ трудно исписать и на длинной хартіи исторіи, не только уже въ передовой статьѣ нашей скромной (по размѣрамъ) газеты...

Культура-же новая, *очищенная*,—въ области мысли даетъ намъ—или, безспорно, бездарныхъ Бюхнеровъ или Гартмановъ даровитыхъ, но *отрицающихъ дѣйствительную благотворность прогресса*... Въ области-же практическаго гражданства Ласкеровъ и Нобилинговъ.

Такіе величавые образы какъ императоръ Вильгельмъ, князь Бисмаркъ и графъ Мольтке—„не отъ *нынѣшняго* міра",—они люди *старые*, которыхъ судьба лишь заставила волей-неволей *новому* служить.

Библиотека "Руниверс"

Мы искренно желаемъ блага Германіи. Она слишкомъ вліятельна, чтобы ея *благія дѣла* не были *благимъ примѣромъ* и для всѣхъ другихъ.

Варшава, 7 февраля.

Считая долгомъ слѣдить внимательно за движеніемъ газетной литературы нашей, мы всегда готовы (не обращая вниманія на глубокую разницу исходныхъ точекъ и конечныхъ цѣлей) заплатить дань справедливости тѣмъ органамъ русской періодической печати, въ которыхъ мы встрѣчаемъ мысли и взгляды, заслуживающіе серьезнаго вниманія и уваженія.

Мы готовы сознаться даже въ одномъ чувствѣ, быть можетъ, и странномъ на первый взглядъ... Мы не скроемъ, что есть случаи, въ которыхъ мы гораздо больше, напримѣръ, дорожимъ мнѣніями чужихъ газетъ, чѣмъ нашими собственными взглядами...

О *Московскихъ Вѣдомостяхъ* мы распространяться не будемъ; мы конечно считаемъ за честь хотя *и далеко, не во всемъ* но во многомъ, сходиться съ этимъ вліятельнымъ органомъ первопрестольной столицы нашей.

Наша рѣчь теперь о петербургской печати.

Мы сознаемся, что *больше дорожимъ* иногда мнѣніемъ такихъ солидныхъ и распространенныхъ газетъ, какъ *Новое Время* или *Голосъ*, чѣмъ нашими собственными.

Какъ же это возможно?

А вотъ какъ. Газета наша мѣстная, почти провинціальная; она не имѣетъ ни того авторитета, ни той извѣстности, которыми пользуются газеты большія, столичныя, давнишнія и богатыя. Поэтому мы радуемся, когда въ этихъ послѣднихъ, болѣе нашего сильныхъ органахъ печати мы встрѣчаемъ мысли, факты и чувства, хоть сколько нибудь подтверждающіе то, что мы думаемъ про себя и пытаемся проповѣдывать другимъ.

Эта одна причина, болѣе простая.

Другое объясненіе нѣсколько сложнѣе.

Само собою разумѣется, что мы считаемъ себя правѣе другихъ. Иначе зачѣмъ же намъ было бы печатать-то, что мы печатаемъ?

Мы въ глазахъ нашихъ правѣе другихъ: это такъ; но правота наша (мы это очень хорошо понимаемъ!)—*особаго рода*. Мы дерзаемъ думать, что пища, предлагаемая нами, сама по себѣ взятая, хороша и крѣпительна; но въ тоже время, мы не обманываемъ себя и знаемъ, что желудки у большинства современныхъ людей для подобной пищи еще не подготовлены.

Все ясное, все опредѣленное и рѣзкое въ „Россіи 70-хъ годовъ“ перестало нравиться.

Библиотека "Руниверс"

Общественнымъ мнѣніемъ завладѣло нѣчто среднее, тягучее, безцвѣтное... Чѣмъ *неуловимѣе* — тѣмъ лучше! Оно и безопаснѣе, и понятнѣе для большинства, привыкшаго бродить въ туманѣ *недосказаннаго*.

Ничтожные оттѣнки, сводящіеся всѣ къ одной и той же *демократіи*, и къ одному и тому же европейскому или общечеловѣческому прогрессу — считаются *особымъ направленіемъ*... Мысль съузилась до нельзя и вращается всё въ тѣхъ же тѣсныхъ предѣлахъ; она колеблется между либерализмомъ немножко или *чуть-чуть* охранительнымъ и либерализмомъ очень либеральнымъ, очень прогрессивнымъ и очень грубымъ.

Утилитарныя пріобрѣтенія и завоеванія человѣческаго разума за послѣднее время всѣми считается *несомнѣннымъ* благомъ, истинами вѣчными и спасительными...

Убога стала западная мысль, задавленная машинами, а наша русская мысль—лишь блѣдная тѣнь этого убожества...

И вотъ, въ такое-то время, мы рѣшаемся разсыпать тѣ самые „перлы", надъ которыми такъ охотно смѣются петербургскія газеты... Другими словами мы дерзаемъ „метать бисеръ" нашъ передъ *многодумною толпою русскихъ образованныхъ читателей*...

Да! Мы знаемъ очень хорошо, что *претензіи* наши велики, и тѣмъ болѣе для мѣстной газеты. Мы готовы даже иногда приложить къ себѣ русскую поговорку: „на рогожѣ стоимъ, съ ковра кричимъ..." Таково лже-смиреніе нашей гордости! Мы позволяемъ себѣ говорить, напримѣръ, *что все движеніе человѣчества съ конца XVIII вѣка и до сихъ поръ*, движеніе, свершаемое подъ знаменемъ, на которомъ написано: „благоденствіе, равенство и свобода" есть *ошибка;* ошибка не столько въ *самомъ дѣйствіи*, сколько въ *названіи* и *цѣли*. Дѣлайте тоже, но назовите все это, по крайней мѣрѣ, *роковымъ* и *медленнымъ разрушеніемъ*... И тогда вы будете хоть въ *раціональномъ смыслѣ* правы. Вы назовете *мѣдный тазъ* вашего призванія *мѣднымъ тазомъ*, а не волшебнымъ шлемомъ Донъ-Кихота... Насъ тоже недавно кто-то назвалъ „Донъ-Кихотами", но между нашимъ донъ-кихотствомъ и либеральнымъ та разница, что мы *далеко видимъ*, но несомнѣнно гораздо меньше *успѣваемъ*, чѣмъ тѣ, кто ближе къ *дѣлу* и дальше отъ истины.

Мы понимаемъ, напримѣръ, что если мы назовемъ нѣкоторые вещи по имени, то это многихъ или ужаснетъ или насмѣшитъ, и они отвернутся отъ насъ. Мы все-таки не перестанемъ, конечно на сколько намъ позволятъ обстоятельства, называть эти вещи по имени ихъ; но мы знаемъ, что именно этимъ-то мы и *неловки*.

Свойственное намъ соединеніе прямоты и ясности съ неловкостью мы сами видимъ на каждомъ шагу...

Напримѣръ: говоримъ мы о православной вѣрѣ и заговорятъ другіе—великая разница.

Библиотека "Руниверс"

Мы скажемъ все это такъ, что многіе отвернутся и пожмутъ плечами; ибо *пища крута*...

А если начнутъ писать въ пользу христіанства другіе, то они возьмутся за это дѣло совсѣмъ иначе. Большинство читателей будетъ и согласно съ ними, и довольно, и намъ останется только безкорыстно и скромно радоваться чужой толковитости и чужому успѣху.

Скажите, напримѣръ, что *ученіе православія ближе къ реальной истинѣ жизни, чѣмъ грубыя и прозаическія мечты прогресса*...

Пожиманіе плечъ! „Сумбуръ!“ *Пища крута*!...

Скажите иначе, и все пойдетъ хорошо. Скажите хоть бы такъ — напримѣръ: „и вѣрующимъ *людямъ надо дать свободу*!“...

„А, вотъ это дѣло! Вотъ это понятныя рѣчи!...“ Это легкое и привычное русскимъ людямъ умственное млеко... Что-жъ дѣлать,—пусть пьютъ и млеко этой „свободы“, лишь бы въ церковь ходили, лишь бы въ Бога вѣрили, лишь бы обряды и уставы хоть сколько нибудь да почитали.

Возьмемъ для примѣра вопросъ о *старовѣрахъ*. Мы приступаемъ къ нему совсѣмъ не такъ, какъ другіе. Мы думаемъ, напр. вотъ что:

Старовѣры русскіе, очень полезный элементъ въ государствѣ нашемъ. Не сочувствуя, конечно, *лично и въ прямомъ духовномъ смыслѣ ихъ церковнымъ уклоненіямъ*, мы считаемъ старовѣрчество *однимъ изъ самыхъ спасительныхъ, прочныхъ тормазовъ нашего прогресса*. Вотъ что намъ дорого, и мы при этомъ съ удовольствіемъ вспоминаемъ слова одного турецкаго паши, съ которымъ мы случайно познакомились однажды на Дунаѣ: „*я боюсь* вашего государства, какъ опасной для насъ силы“,—говорилъ онъ,—„но *характеръ вашей націи* мнѣ чрезвычайно нравится! Русскіе люди, напримѣръ, старовѣры ваши, живя у насъ, *политикуютъ лишь для пользы религіи* своей; а *здѣшніе* христіане, всѣ эти Сербы и Болгары, наоборотъ, *прикидываются религіозными для своихъ политическихъ цѣлей*... Я люблю русскихъ за то, что они не думаютъ обо всѣхъ этихъ глупостяхъ, какъ *конституція* и т. п. А наши *български главы* (прибавилъ онъ смѣясь), на этомъ помѣшаны“...

Это говорилъ намъ Турокъ въ 1868 году; 1878 и 1879 года доказали наглядно, до чего онъ былъ правъ относительно Болгаръ.

Да, мы находимъ старовѣровъ очень полезными. Они *либеральны не въ принципѣ*, они смотрятъ на свободу только какъ на средство для цѣлей болѣе глубокихъ и болѣе почтенныхъ, чѣмъ цѣли и претензіи общеевропейскаго *индивидуализма*, приводящаго общества къ разслабленію, людей же къ однообразію и безличности.

Мы готовы привести также при этомъ и слова другого человѣка, *русскаго монаха* (т.-е. члена господствующей Церкви и члена очень дѣятельнаго). Онъ говорилъ намъ такъ: „это истинное *смотрѣніе* Божіе, это старовѣрчество наше. Безъ него куда бы только не ушли нѣкоторые члены нашего духовенства“...

Библиотека "Руниверс"

„*Смотрѣніе*! Смотрѣніе Божіе!...“ Къ чему это пересаливать! шепчетъ *умный* русскій человѣкъ и пожимаетъ опять плечами. Для того, чтобы такія рѣчи слушать съ удовольствіемъ, чтобы газету нашу не бросать съ презрѣніемъ, надо быть мужикомъ, или дьячкомъ, т.-е. недоросшимъ до поклоненія прогрессу, или-же, напротивъ *переросшимъ* это поклоненіе. Но такъ какъ большинство читателей отъ дьячка ушло, и до *переросшаго* меньшинства возвыситься не можетъ, то мы и вынуждены естественно радоваться всему тому, что подходитъ ближе насъ къ среднему уровню нашей интеллигенціи.

Мы рады, напримѣръ, чрезвычайно серьезной и либеральной статьѣ о старовѣрахъ, которую мы встрѣтили недавно въ одномъ изъ нумеровъ новой петербургской газеты *Страна*, издаваемой г. Полонскимъ.

Редакторъ желаетъ, чтобы старовѣровъ не стѣсняли. Читая эту статью, мы „честно“ радуемся, ибо понимаемъ, что г. Полонскій стоитъ гораздо ближе, если не ко всѣмъ, то ко многимъ читателямъ, чѣмъ мы...

Въ той же *Странѣ*, была еще другая очень дѣльная, очень хорошая статья объ улучшеніи быта православнаго духовенства.

Статья весьма живая, и даже удивившая насъ своею ясностью, послѣ тѣхъ первыхъ статей *Страны*, въ которыхъ говорилось что-то очень смутное о „культурныхъ“ русскихъ людяхъ...

Въ этой статьѣ о духовенствѣ, редакція говоритъ очень прямо и вѣрно, что у русскаго простолюдина одинъ нравственный критеріумъ: *это грѣшно* (т.-е. прибавимъ мы: несогласно съ ученіемъ Церкви).

Мы бы не удержались при этомъ еще, чтобы не посовѣтовать и образованнымъ людямъ предпочесть этотъ критеріумъ „грѣха“ всякой *раціональной добродѣтели*... и повредили бы дѣлу... Но петербургская газета поступаетъ иначе; она замѣчаетъ только слѣдующее:

„Но русскій человѣкъ съ образованіемъ европейскимъ, въ духовно-нравственномъ вліяніи уже не нуждается,—скажутъ намъ. Полно, такъ ли это? Русскій образованный человѣкъ, прежде всего, самъ не разобрался въ своихъ мысляхъ и все еще хочетъ носить на показъ какую-то выдуманную физіономію, не рѣшаясь открыто признаться себѣ и другимъ — каковъ онъ есть въ дѣйствительности; однако, предложите ему умереть безъ покаянія, хотя бы только обрядоваго,—и убѣдитесь, что 999 человѣкъ изъ тысячи скажутъ: нѣтъ... это мы только такъ, шутили“.

„Мало того: огромное большинство образованныхъ русскихъ и въ церковь ходятъ, и держатъ въ рукѣ свѣчу при выносѣ плащаницы и крестятся при этомъ большимъ крестомъ: что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ въ обыденной жизни, ежедневно, и не трижды, но многократно отрекаться при пѣніи любаго „пѣтела“.

„Индифферентизмъ, — такъ объясняется это обыкновенно. Индифферентизмъ—значитъ равнодушіе; а можно ли быть равнодушнымъ въ

Библиотека "Руниверс"

такихъ основныхъ вопросахъ? Не лучше ли, не возвышеннѣе ли было бы даже такое положеніе общества, что половина его состояла бы изъ отъявленныхъ свободныхъ мыслителей, а другая половина изъ фанатиковъ?"

„Можетъ быть, это положеніе и было бы достойнѣе людей, мыслящихъ серьезно. Но его нѣтъ и мы сознаемъ себя такими, каковы мы есть. Іерархи, судя по многократнымъ отзывамъ отчетовъ г. оберъ-прокурора Св. Синода, жалуются именно на индифферентизмъ, холодное отношеніе образованнаго общества къ вѣрѣ".

Все это очень вѣрно! Такъ вѣрно и умно, что мы не знаемъ, какъ выразить и благодарность нашу *Странѣ*...

Или еще новый примѣръ. Начнемъ мы думать и писать о *русскихъ монастыряхъ*... Тотчасъ же намъ монашеское міровоззрѣніе начинаетъ представляться идеаломъ... Монахи всѣ *пессимисты* относительно европеизма, свободы, равенства, и вообще относительно земной жизни человѣчества... Они думаютъ, что войны, распри семейныя, неравенство, болѣзни, „гладъ и трусъ" не только *неизбѣжны*, но иногда даже очень *полезны людямъ*... Можно просить, конечно, у Бога пощады себѣ, близкимъ и отчизнѣ, и *только*... Мы готовы сказать, что въ наше (*именно въ наше время*, когда сдѣлано столько для *лѣвой* стороны жизни), основаніе сноснаго монастыря полезнѣе учрежденія, пожалуй, двухъ университетовъ и цѣлой сотни реальныхъ училищъ...

Все это такъ. Все это должно бы казаться истиной даже съ *утилитарной* точки зрѣнія; ибо государство есть своего рода организмъ, которому нельзя дышать исключительно ни азотомъ полнаго застоя, ни пожирающимъ кислородомъ движенія и только движенія... И еслибы даже стало возможно когда-нибудь—*это столь намъ противное всемірное государство*, то и оно, чтобы дышать лѣтъ 1000, потребуетъ тоже извѣстной доли нашего консервативнаго азота. Но это все какъ-то странно слышать!...

А слово *свобода* такъ нынче всякому понятно!... Рѣшительно и ясно: „свобода есть право *дѣлать все*, *кромѣ зла*..." Неправда ли какъ понятно? Положимъ, что зло весьма условное понятіе. Но кто нынче объ этомъ станетъ много думать?... Некогда философствовать! Догматъ есть, критеріумъ готовъ „свобода, польза, человѣчество"...

Все это намъ слишкомъ давно знакомо, чтобы мы не понимали, какъ полезно для насъ, когда въ нашъ тонъ говорятъ о чемъ-нибудь люди, болѣе насъ вліятельные, болѣе насъ искусные, способные умнѣе и дѣльнѣе другихъ *высказывать именно то, что думаютъ многіе*. *Новое Время* напримѣръ замѣчаетъ слѣдующее по поводу *монастырскихъ капиталовъ*, и проч.... „Уважая религіозные интересы, какимъ образомъ вы воспретите добровольныя приношенія въ пользу монастырей и лавръ, которыя во всякомъ случаѣ являются средоточіемъ религіозной жизни?

Библиотека "Руниверс"

Если отобрать у монастырей все то, что они теперь имѣютъ, то, чтобы это не возобновлялось, необходимо воспретить всѣмъ вѣрующимъ людямъ давать сорокоусты и всякіе иные вклады,—то-есть воспретить людямъ распоряжаться своими достатками въ пользу монастырей. Но какъ этого очевидно нельзя воспретить, то монастыри снова накопятъ капиталы, заведутъ подворья, пріобрѣтутъ лѣса и земли. Убѣдить всѣхъ и каждаго, что о поминѣ души нечего безпокоиться, что пожертвованія на украшенія иконъ и проч. не слѣдуетъ дѣлать, что слѣдуетъ дѣлать вклады не на поминъ души, а на народное образованіе—дѣло не только не возможное, но и ни въ какомъ случаѣ не желательное: не даромъ же *свобода совѣсти* признается дѣломъ крайне важнымъ, а религія—однимъ изъ необходимыхъ и наиболѣе важныхъ элементовъ въ народной жизни".

Мы радуемся, внимая такого рода рѣчамъ, ибо вѣримъ что *Новое Время* и *Страна* въ подобныхъ случаяхъ могутъ сдѣлать болѣе пользы, чѣмъ мы сами—съ нашими „перлами", или лучше сказать—съ нашимъ *бисеромъ*...

Вѣримъ этому... да! Но ничуть *не каемся*... Вотъ что въ насъ ужасно!

Варшава, 15 февраля.

Говорятъ, что наше положеніе ужасно—это правда! Россія, послѣ медленнаго 1000-лѣтняго роста, почти внезапно, въ короткое время, дожила до того, что Государь ея не безопасенъ, даже въ жилищѣ своемъ *). *Реальная наука* со своими *великими открытіями* спѣшитъ на помощь той *адской революціи*, которую мы сами подготовили, выхваляя ее подъ разными другими благовидными именами: прогрессъ, гражданское равенство, свобода, борьба противъ невѣжества, *суевѣрій* и т. д...

Что же намъ дѣлать? Неужели молчать и смиренно ждать, что противъ этого *всеобщаго зла выдумаетъ Западъ?*...

Мы къ такому выжиданію пріучены двумя вѣками *подражательной исторіи*... Теперь, мы стали ближе къ Европѣ, чѣмъ когда-либо, мы *схожи* съ нею почти во всемъ... Схожіе организмы страдаютъ сходными болѣзнями.

Но неужели мы, Русскіе (и всѣ Славяне, съ нами вмѣстѣ) въ самомъ дѣлѣ, разъ навсегда уже прикованы къ разбитой колесницѣ Запада?... Неужели нѣтъ никакого поворота съ этого общаго пути, на которомъ уже *нѣтъ спасенія (это, кажется, ясно?)* Неужели мы *непремѣнно* должны повторять черезъ 10, 20 или 30 лѣтъ все то, что думаетъ и дѣлаетъ

---

*) Примѣч. автора 1885 года. Эта статья была писана подъ впечатлѣніемъ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ.

Библиотека "Руниверс"

сначала Франція, а потомъ и всѣ другія націи Запада? На Германію, въ которой все прежнее держится лишь двумя людьми—Императоромъ и княземъ Бисмаркомъ, не слѣдуетъ намъ указывать, когда дѣло идетъ о *дальнѣйшемъ развитіи революціонныхъ идей*. Во всѣхъ западныхъ государствахъ есть одна общая имъ черта: это то, что къ *анархіи* расположены цѣлыя массы простолюдиновъ, чего у насъ еще *нѣтъ*. У насъ революція частью сознательно, частью простодушно поддерживается значительно интеллигенціею нашею, но не народомъ...

Возможенъ ли на Западѣ *тотъ родъ страха*, который нападаетъ на многихъ членовъ интеллигенціи нашей, когда случается что нибудь подобное послѣднимъ *тремъ* покушеніямъ, или схваткѣ московскихъ мясниковъ съ учащейся нашей молодежью? Наши *европейцы* всякій разъ начинаютъ трепетать отъ народной расправы

Вотъ чѣмъ мы должны дорожить, вотъ чему мы должны радоваться... Этому *предразсудку* (sic!) народному. Онъ одинъ доказываетъ, что мы можемъ еще сойти съ обще-европейскаго пути.

Въ Европѣ, и особенно въ передовой Франціи, есть страшный опытъ прошлаго, но нѣтъ уже внутреннихъ *силъ*. У насъ еще есть великія силы, но нѣтъ еще видно *настоящаго* опыта... Всего того, что мы видѣли за послѣдніе полъ-вѣка и у другихъ, и у себя—*намъ видно еще мало*.

Мы все не вѣримъ еще славянофиламъ, что „Западъ гніетъ". Мы все еще готовы смѣяться надъ этой фразой.

Тамъ вѣдь такія хорошія машины, столько учености, столько денегъ!... Исторія насъ ничему не учитъ до сихъ поръ! Къ тому же мы до того привыкли лгать, хитрить (хотя бы напримѣръ *въ печати*, а печать, къ сожалѣнію, у насъ очень стала вліятельна), мы до того изолгались, что, кажется, сами себя находимъ удовольствіе обманывать.

Вся задача въ томъ, чтобы ничего не называть по имени, все спасенье въ неопредѣленности и шаткости выраженія... И все это зовется умѣренностью, „тактомъ", и т. д... *До такта ли теперь*?

Приверженецъ *медленной революціи* не смѣетъ назвать своего идеала по *имени* потому что боится цензуры; онъ зоветъ эту вещь—*мирнымъ прогрессомъ*,—и всѣ довольны. И никто почти не догадывается, что это-то и есть *революція*, т.-е. постепенное разрушеніе историческихъ началъ, безъ всякаго пока новаго *созиданія*. Ибо все созидающее бываетъ очень круто и стремится уменьшить *естественную подвижность* человѣческихъ обществъ, а не усилить ее, какъ дѣлаетъ вездѣ нынѣшній прогрессъ. Нынѣшній прогресъ во всѣхъ странахъ Европы есть какое-то таяніе, какое-то огненное тлѣніе, то медленное, то съ грозными вспышками... Однимъ словомъ, *мирная* революція или мирный демократическій прогрессъ,—это все равно, Всѣ государства древности, замѣтимъ, болѣе или менѣе демократизировались каждое по своему, *подъ конецъ*

Библиотека "Руниверс"

своей жизни... Многіе даже и помнятъ все это, но просто, *знать не хотятъ. Мирный и легальный* революціонеръ боится цензуры, и не зоветъ по имени своего идеала... *А безчестный человѣкъ и доносчикъ* (по кодексу либеральной гражданской морали), то-есть *консерваторъ*—тоже боится чего-то... Онъ боится, замѣтимъ, не столько дѣйствій, сколько *словъ*...

Какъ произнести слово—*реакція*?... Какъ сознаться, что настало время *реакціоннаго* движенія, *если не для всѣхъ, то по краней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ сторонъ жизни?* Все это русскому консерватору почему-то кажется страшнымъ сказать...

На Западѣ этомъ, *дѣйствительно гніющемъ*, по крайней мѣрѣ люди *крайней правой* пытались *все говорить*...

У насъ—вся мудрость въ томъ, чтобъ и самому не очень ясно понимать и другимъ не объяснять ничего рѣзко... Это называется практическою ловкостью и все тѣмъ-же тактомъ!...

Но мы, мы люди безтактные и неловкіе, мы будемъ *пытаться* говорить все *яснѣе* и *яснѣе*...

Варшава, 21 февраля.

Какъ бы долго русскій человѣкъ ни жилъ въ Варшавѣ, онъ вполнѣ дома себя чувствовать здѣсь не можетъ. Чуждый видъ города, не имѣющаго ни того всемірнаго значенія и тѣхъ вещественныхъ удобствъ, которыми богаты европейскія столицы, ни дорогихъ сердцу нашему національныхъ особенностей, привлекающихъ насъ къ московскому Кремлю, неудобныя холодныя квартиры, безумная дороговизна, общество, въ сношеніяхъ съ нами сдержанное и недовѣрчивое...

Все это вмѣстѣ взятое, дѣйствуетъ невесело на русскаго жителя Варшавы.

Однако, и въ Польшѣ, есть одна сторона жизни, которая, именно, при всѣхъ этихъ невыгодныхъ условіяхъ, особенно бросается въ глаза и вознаграждаетъ русское сердце за всѣ его здѣсь тяжелыя и унылыя чувства—однимъ только, но за то чрезвычайно пріятнымъ впечатлѣніемъ.

Впечатлѣніе это производятъ стоящія въ Варшавѣ русскія войска.

На улицѣ, въ соборѣ, у обѣдни въ праздникъ, въ маленькой церкви на Медовой улицѣ, въ театрѣ, въ русскомъ клубѣ—вездѣ видишь военныхъ... Цѣлыя толпы свѣжихъ, молодыхъ и безстрашныхъ солдатъ, эти бравыя, энергическія лица офицеровъ, эти командиры „испытанные великими трудами бури боевой“; эти сѣдины старыхъ генераловъ, сѣдины, которыхъ видъ, и смиряетъ, и возноситъ насъ... эти козаки, гусары и уланы „съ пестрыми значками“; эта пѣхота („эта неутомимая пѣхота“), идущая куда-то своимъ ровнымъ, твердымъ и могучимъ шагомъ...

Библиотека "Руниверс"

Видѣть все это такъ часто, встрѣчать все это на каждомъ шагу, и почти нечаянно, и гдѣ же?... У самыхъ границъ сосѣднихъ державъ, въ которыхъ благоразумные правители давно уже едва-едва сдерживаютъ враждебные намъ порывы общественныхъ предубѣжденій... Это истинная радость!...

И сколько тутъ героевъ минувшей войны!... Сколько ветерановъ прежнихъ битвъ!...

Во-первыхъ, самъ маститый главный начальникъ края, графъ Коцебу. Онъ принималъ участіе еще въ персидскомъ и турецкомъ походахъ, въ 28 и 29 годахъ, цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ прослужилъ на Кавказѣ и былъ начальникомъ штаба въ Крыму у князя Горчакова, въ тяжкую и великую севастопольскую годину.

Намъ кажется, что и этихъ немногихъ строкъ достаточно, чтобы понять, какого замѣчательнаго представителя прежней, боевой Россіи, мы видимъ тутъ передъ собой...

Здѣсь стоятъ корпуса 5-й и 6-й, а ими командуютъ генералы Радецкій и Роопъ. Первый—всѣмъ извѣстный защитникъ Шипки, другой—одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и замѣчательныхъ вождей азіатской компаніи нашей. Онъ принималъ участіе въ кровавой борьбѣ при взятіи Карса. Помощникомъ командующаго войсками въ здѣшнемъ краѣ, генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Криднеръ, тотъ самый, который такъ блистательно овладѣлъ Никополемъ.

И сколько еще!

Генералъ Дандевиль, еще молодой, величественный, отважный генералъ, съ Георгіемъ на шеѣ.

Онъ, вмѣстѣ съ Гурко, совершилъ зимній переходъ черезъ Балканы дрался подъ Филиппополемъ.

Генералы Эллисъ, Мирковичъ, Панютинъ, смѣлые, твердо-воинственные люди.

Мы уже не называемъ многихъ другихъ героевъ, полковниковъ и младшихъ офицеровъ.

Мы въ лицѣ самыхъ видныхъ по званію вождей спѣшимъ только преклониться съ любовью и благоговѣніемъ передъ этой *пограничной* дружиной, передъ этимъ *передовымъ оплотомъ* Россіи нашей, и всего того, что намъ въ ней дорого и свято.

Великая вещь—война! Правъ былъ тотъ, кто назвалъ войну—„божественнымъ учрежденіемъ“. Это огонь пожирающій, правда, но за то очистительный!

Глупые, несносные эти друзья „вѣчнаго мира“, находятъ что-то высокое въ мѣщанскомъ и всеобщемъ благоденствіи народовъ... Они не понимаютъ, что тотъ „Священный союзъ народовъ“, который воспѣвалъ Беранже, *въ пику* Священному Союзу Государей:

Библиотека "Руниверс"

(J'ai vu la Paix descendre sur la terre
Semant de l'or, des fleurs et des épis...),—

что эта Sainte Alliance—была бы ни чѣмъ инымъ, какъ самымъ простымъ торгашескимъ трактатомъ, отъ котораго выиграли бы только богатые купцы всѣхъ странъ, и безъ того благоденствующіе.

Нѣтъ, во сто разъ правѣе всѣхъ этихъ Брайтовъ, смѣлый, Прудонъ, который говоритъ, что война есть дѣло великое, глубоко связанное со всѣмъ тѣмъ, что есть высокаго и творческаго въ человѣчествѣ, съ религіей и государственной истиной, съ поэзіей, наконецъ. У него, въ книгѣ его: *La guerre et la paix*, есть особая глава: „L'esthétique de la guerre" (эстетика войны).

Но оставимъ Прудона.

Мы сами, мы русскіе обязаны считать военныхъ нашихъ самыми лучшими, самыми высшими изъ гражданъ нашихъ, если мы хотимъ быть справедливы умомъ и честны сердцемъ.

Прекрасная вещь—такъ называемое *гражданское* мужество. Но вѣдь, въ сущности, этотъ родъ мужества тогда только и достигаетъ высшей точки своей, когда и *гражданскому дѣятелю* начинаютъ грозить *тѣлесныя*, такъ сказать, опасности...

Теперь, напримѣръ, у насъ въ Россіи недостаточно гражданскаго *труда*, гражданской *дѣятельности*: теперь настало время *мужества*.

И что-жь мы видимъ?... *Не юристамъ и не педагогамъ*, не людямъ, мечтающимъ, вѣроятно, о всеславянской „говорильнѣ", спѣшитъ Россія довѣрить судьбу свою, а славнымъ *военнымъ вождямъ*, привыкшимъ уже смолоду смотрѣть, не содрогаясь, въ лицо самой смерти и, не стѣсняясь пустыми фразами прогресса, налагать на непокорныхъ узду спасительнаго насилія.

Безъ *насилія*—нельзя. Неправда, что можно жить безъ насилія...

Насиліе не только побѣждаетъ, оно и убѣждаетъ многихъ, когда за нимъ, за этимъ насиліемъ есть идея.

Въ числѣ столькихъ неудачныхъ измышленій либеральнаго европейскаго прогресса XIX вѣка, измышленій, не оправдываемыхъ ни опытомъ исторіи, ни законами самой вещественной природы, мы встрѣчаемъ это неосновательное противоположеніе гражданъ *собственно* людямъ военнымъ.

Извѣстно также, что при подобномъ противоположеніи гражданинъ, или, скажемъ проще, *штатскій* получаетъ нѣкое, какъ будто высшее значеніе... Выходитъ такъ, какъ будто именно штатскій и есть гражданинъ настоящій, *идеалъ гражданина*; а военное дѣло,—это лишь низшая форма служенія обществу, неизбѣжное, временное зло, долженствующее изчезнуть, когда ораторы и профессора найдутъ тѣ условія, при которыхъ на всей землѣ будетъ миръ, когда люди не будутъ свершать подвиговъ, не будутъ дѣлать походовъ, а только заключать торговые договоры и засѣдать на однообразныхъ ученыхъ съѣздахъ...

Библиотека "Руниверс"

Пора оставить эти надежды, въ которыхъ нѣтъ ни практической основательности, ни идеализма и поэзіи...

Самый высшій родъ гражданства—это гражданство боевое, отдающее жизнь за Отчизну; самый лучшій гражданинъ—это честный въ своемъ призваніи, смѣлый и даровитый воинъ...

Мы сказали, что въ трудныя и опасныя минуты исторической жизни, общество всегда простираетъ руки не къ ораторамъ или журналистамъ, не къ педагогамъ или законникамъ, а къ людямъ *силы*, къ людямъ, *повелѣвать умѣющимъ*, *принуждать дерзающимъ*!

Но развѣ и въ самое мирное и тихое время не видѣли мы, особенно у насъ въ Россіи, военныхъ, отличающихся на всѣхъ поприщахъ?...

Военный можетъ легко и скоро стать всѣмъ: дипломатомъ, администраторомъ, министромъ, хозяиномъ сельскимъ, хорошимъ мировымъ судьей, художникомъ, ученымъ...

Онъ можетъ быть всѣмъ этимъ, не переставая быть военнымъ.

Генерала можно прямо сдѣлать начальникомъ губерніи, или поручить ему дипломатическій постъ. Но можно ли дать прямо полкъ каммергеру и послать его въ огонь?...

Можно ли предсѣдателю судебной палаты поручить дивизію, и велѣть чтобы онъ съ нею перешелъ Балканы?...

Многіе „штатскіе“ очень храбры лично; но тутъ дѣло не въ одной личной смѣлости, а прежде всего—въ умѣньи управлять движеніями и духомъ вооруженныхъ, многолюдныхъ массъ.

Военная служба даже и въ мирное время развиваетъ въ людяхъ *два умѣнья*—именно тѣ два великія умѣнья, которыя, къ несчастію, утрачиваются все болѣе и болѣе въ современной гражданственности:—*умѣнье повелѣвать и умѣнье терпѣть и подчиняться*.

Боже! отчего же въ этомъ XIX вѣкѣ, кажется, столь ученомъ, такъ мало *настоящаго ума*, не позволяющаго забывать великіе уроки вѣковаго опыта?...

Отчего это?

Не отъ того ли, что и вѣку этому осталось прожить всего *только 20 лѣтъ*?... Не отъ того ли, что пора уже отходить его вкусамъ и понятіямъ?

Не оттого ли, наконецъ, что всѣ эти наши понятія—понятія европейскія; а въ самой Европѣ... *преходитъ образъ міра сего*...

Варшава, 28 февраля.

Голосъ въ передовой статьѣ своей, отъ 23 февраля, хвалитъ французское правительство за то, что оно не выдаетъ Гартмана, обвиняемаго по дѣлу взрыва на московско-курской желѣзной дорогѣ.

Библиотека "Руниверс"

Да, нестерпимо трудно теперь положеніе нашихъ властей. Онѣ должны бороться съ внѣшними врагами и съ домашними непріятелями, и, что еще хуже, съ либеральными предубѣжденіями людей наивныхъ, поддающихся такъ легко коварному пѣнію петербургскихъ сиренъ.

„Личная свобода во Франціи—дѣло священное", восхищается газета.

Большинство читателей русскихъ, конечно, обмануть легко такими фразами, потому что они, во-первыхъ, очень мало помнятъ, а во-вторыхъ, потому, что все для нихъ въ Европѣ—священно.

Но люди памятливые знаютъ, какъ умѣли французскія правительства всѣхъ родовъ не стѣсняться съ „личностью", когда такая быстрая расправа была въ интересахъ того порядка, котораго держалось то или другое изъ этихъ разнородныхъ правительствъ.

Мы помнимъ тоже исторію *Березовскаго*... Жюль Фавръ и Араго защищали его и способствовали смягченію его наказанія. Мы не забыли и бомбы Орсини и казнь его. Преступленіе было равное, неудача одинакая: однако Орсини, посягавшій на французскаго Императора изъ-за свободы Италіи, былъ казненъ; а Березовскій, стрѣлявшій въ Русскаго Царя, остался живъ.

Мы думаемъ даже, что Императоръ Наполеонъ не былъ главною виною этой несправедливости; виной была разница въ положеніи его въ эти двѣ разныя эпохи. Передъ итальянской войной 59 года, онъ былъ всемогущъ и Орсини казнили, потому что „либералы" не мѣшали ему.

Въ 67 году, онъ нуждался до крайности въ поддержкѣ Россіи, но самъ былъ уже гораздо слабѣе тогда; гражданское развращеніе Франціи было таково, что она не могла долго выносить даже и блестящей монархіи. *Жюль Фавры* опять заговорили громко и Березовскій остался живъ.

Теперешнее правительство Франціи, несмотря на *видимое* спокойствіе страны, еще слабѣе (оно недавно оффиціально сознавалось, что „оно не сильно"); оно боится коммунаровъ и потому не выдаетъ Гартмана.

Относительно того, что „личность священна" и т. д., мы можемъ сказать вотъ что: терзать людей безъ причины и основанія конечно ненужно. Но что же бы случилось съ Гартманомъ, если бы оказалось, что *не онъ* совершилъ злодѣянія? Его бы привезли по желѣзной дорогѣ въ Россію, его бы судили, и если бы оказалось, что онъ не виновенъ, то освободили бы его. Вотъ и все. Честный гражданинъ и роптать не долженъ, при нынѣшнихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, на тѣ безпокойства, которыя напрасно ему причинили. Можно скорбѣть, тосковать, болѣть, жаловаться даже, но только на судьбу, а не на русское правительство въ подобномъ случаѣ.

И наконецъ, если положить на вѣсы личность Того, на Кого онъ, можетъ быть, посягалъ, то неужели мысль о прогулкѣ и невиннаго

Библиотека "Руниверс"

человѣка въ Россію, съ предстоящимъ конечно оправданіемъ, ужаснѣе мысли о томъ, что *дѣйствительный* преступникъ останется безнаказаннымъ?

По нашему мнѣнію, печатать подобныя статьи послѣ всего того, *что мы видѣли*,—поступокъ по крайней мѣрѣ безтактный, чтобъ не сказать хуже, гораздо хуже...

Какое намъ дѣло, какъ смотрятъ на „личность" якобинцы XIX вѣка, съ адвокатомъ Греви во главѣ?...

Защищая республиканское правительство Франціи, редакція газеты очень заботится о томъ, чтобы оно, это правительство оправдало себя передъ цѣлымъ свѣтомъ оглашеніемъ тѣхъ документовъ и вообще тѣхъ доказательствъ, на основаніи которыхъ оно отказалось выдать Гартмана. Статья кончается слѣдующими словами:

„Быть можетъ, при такой полной гласности окажется, что французское правительство поступило, въ данномъ случаѣ, во всемъ согласно съ требованіями справедливости. Въ этомъ не будетъ еще заключаться осужденія русскому посольству въ Парижѣ, заявившему о необходимости арестовать Гартмана и настаивавшему на его выдачѣ. *Здѣсь окажется только принципіальное различіе во взглядахъ на свободу личности.* Вслѣдствіе этого, когда рѣшеніе вопроса остановилось на требованіи доказательствъ, успѣхъ не могъ не представляться сомнительнымъ для всѣхъ, кто знакомъ съ значеніемъ и сущностью доказательствъ, признаваемыхъ у насъ достаточными, и съ требованіями на этотъ предметъ французскаго законодательства"..,

„Личность человѣка, какое бы подозрѣніе надъ нею ни тяготѣло, всегда заслуживаетъ, чтобъ къ ней относились, по меньшей мѣрѣ, съ осторожностью, до тѣхъ поръ, пока преступность ея не будетъ доказана несомнѣннымъ образомъ. Въ этомъ залогъ уваженія къ закону и къ его исполнителямъ со стороны общества. Вотъ почему мы не считаемъ возможнымъ, при имѣющихся данныхъ, ни сѣтовать на рѣшеніе совѣта французскихъ министровъ, ни укорять русское посольство, представившее матеріалы для такого рѣшенія. *Въ этомъ отношеніи все объясняется только принципіальнымъ различіемъ взглядовъ, которые не могутъ мѣняться въ каждомъ данномъ случаѣ*".

Мы просимъ читателей обратить вниманіе на подчеркнутыя нами строки. Въ подлинникѣ они изъ осторожности не были подчеркнуты, но за то выраженія эти о „принципіальномъ различіи во взглядахъ на свободу личности" *повторены два раза*, для вразумленія разсѣянныхъ, иногда, читателей.

Изъ всего этого, явствуетъ, что газета, несмотря на всѣ тѣ вѣжливыя оговорки, къ которымъ долгій опытъ и знаніе цензурныхъ условій вынуждаютъ ее прибѣгать, болѣе согласна въ *принципіальныхъ взглядахъ* съ правительствомъ якобинской республики, уступающей ком-

Библиотека "Руниверс"

мунарамъ, чѣмъ съ представителемъ нашего правительства въ знаменитомъ, *всесвѣтномъ Вавилонѣ*...

Да, трудно теперь дѣйствовать нашимъ властямъ!

Варшава, 1 марта.

Въ статьѣ, озаглавленной: „Печать въ борьбѣ со смутой", газета *Новости* разсуждаетъ такъ:

„Вмѣсто пустыхъ фразъ, какъ бы онѣ пишущему ни казались громкими, вмѣсто извращенія истины, вмѣсто возбужденія къ себѣ интереса въ читателяхъ изъѣзженными коньками, въ родѣ натравливанія Русскихъ на Поляковъ и Евреевъ,—вдвойнѣ предосудительнаго, когда рѣчь идетъ о вопросѣ первой государственной важности,—печать должна приступить къ спокойному, трезвому, глубокому и откровенному анализу зла. Только тогда она окажетъ правительству дѣйствительную помощь. Высказывая несообразности, она подрываетъ къ себѣ довѣріе; возбуждая дурные инстинкты, она оказываетъ вредъ, который терпимъ быть не можетъ. Въ обоихъ же случаяхъ она удаляется отъ той солидарности между обществомъ и правительствомъ, которая, по общему признанію, справедливо считается единственнымъ вѣрнымъ и прочнымъ исходомъ изъ настоящаго тягостнаго положенія".

Между тѣмъ, говоритъ далѣе газета, у насъ безъ конца толкуютъ объ однѣхъ лишь мѣрахъ къ „искорененію" зла, тогда какъ „никто опредѣленно не знаетъ, что такое, въ дѣйствительности, это страшилище—нигилизмъ? Въ чемъ его натура, откуда онъ произошелъ, каковы его цѣли, и т. д.? Есть наивные публицисты, которые видятъ его начало въ латинской грамматикѣ Кюнера и полагаютъ, что онъ началъ распространяться на Руси, точка въ точку, со времени усиленнаго преподаванія грековъ и латиновъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ".

„Другіе, не менѣе дальновидные публицисты приписываютъ его происхожденіе всецѣло литературѣ начала шестидесятыхъ годовъ и чуть-ли не исключительно одному трепогибельному роману: Что дѣлать?"

„У насъ, продолжаетъ далѣе газета, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о такъ называемомъ „умственномъ пролетаріатѣ", который вездѣ и всегда служилъ самымъ воспріимчивымъ орудіемъ всякаго недовольства".

По мнѣнію фельетониста, „бюрократизмъ и солдатчина — мы говоримъ преимущественно о XVIII столѣтіи — цѣлые десятки лѣтъ отрывали отъ „земли", для наполненія своихъ полчищъ, безчисленныя толпы „служилыхъ людей", которые — ни они сами, ни ихъ потомство — никогда уже не возвращались въ ея лоно. Постепенно, это „сословіе" распадалось на разнообразныя группы, росло и множилось. Чуждое „землѣ", ни къ чему, кромѣ канцелярскаго скрипѣнія перьями, да па-

Библиотека "Руниверс"

радированія на плацъ-парадахъ, не способное, ни къ чему другому нечувствующее ни охоты, ни призванія, въ силу укоренившихся въ немъ сословныхъ предразсудковъ и чиновничьей гордости, относительно привиллегированности своего положенія, — оно превратилось въ алчнаго попрошайку и нахлѣбника у государства, въ немъ одномъ видя своего поильца и кормильца. Но, естественно, государство не могло же стать дойной коровой: оно не могло накормить и напоить всю эту, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе размножавшуюся, саранчу... Годъ отъ году, становилось все больше вотще алкающихъ бюрократическаго пирога. Велики и обильны были „государственные хлѣба", но на всѣ званые рты ихъ хватить не могло. Съ теченіемъ времени, такихъ, обойденныхъ фортуною, голодныхъ ртовъ размножилось видимо-невидимо, и такимъ-то образомъ, на русской землѣ, такой, казалось бы, широкой и богатой, разрослось неисчисленное полчище людей, бездомныхъ и безпочвенныхъ, холодныхъ и голодныхъ, ни къ чему не пристроенныхъ, ничего толкомъ не знающихъ и ничѣмъ помочь себѣ не умѣющихъ... Кто не знаетъ, кто не встрѣчалъ этихъ несчастливцевъ!..."

Статья *Новостей* посвящена вслѣдъ затѣмъ вопросу о борьбѣ печати нашей и всего общества со „смутой". „Сказать къ слову, говоритъ газета, ничего не можетъ быть печальнѣе и оскорбительнѣе этого легкомысленнаго отношенія къ злу, этого себялюбиваго старанія отдѣлаться отъ него громкими фразами и преувеличенно-горячими заклинаніями, да открещиваніями, которыми такъ злоупотребляютъ нынче кое-какіе газетные авгуры... Удивительно обуявшее многихъ забвеніе той банальной въ общественной діагностикѣ истины, что болѣзненныя явленія, какъ бы они ни казались странными, дикими и исключительными, не составляютъ и не могутъ составлять чего-нибудь обособленнаго отъ организма, ими пораженнаго...

Все это такъ, все это правда. И несносныя фразы безтолковаго испуга, и „странныя" клички и даже въ заключеніи много истины. Но вотъ въ чемъ несчастіе. Положимъ, что значительная часть зла происходитъ въ Россіи отъ размноженія *дворянскаго пролетаріата*... хотя надо и къ этому прибавить, что бунтующіе, стрѣляющіе и озлобленные пролетаріи еще чаще выходятъ изъ обученныхъ кое-чему разночинцевъ и изъ „духовнаго" сословія, причемъ отцы и дѣти ни тѣхъ, ни другихъ не были ни чиновниками, ни офицерами, не принадлежали къ служилому *избалованному* привиллегіями сословію, не были представителями того „бюрократизма и той солдатчины", которые такъ не нравятся автору статьи.

Однако, разночинцы, „дѣти бѣлаго духовенства", *выкресты* разные и т. п., чинятъ еще больше намъ вреда, мы полагаемъ, чѣмъ обѣднѣвшіе дворяне.

Библиотека "Руниверс"

Почему же авторъ такъ обрушился на одно дворянство?... Можетъ быть онъ самъ разночинецъ, или *выкрестъ*, или что-нибудь въ этомъ родѣ?... Не поэтому-ли?...

И еще возраженіе. Авторъ видимо недоволенъ какъ будто тѣмъ, что никто серьезнаго *леченія* общему злу не ищетъ и не предлагаетъ... Но самъ онъ что дѣлаетъ? Другіе бранятъ Поляковъ и Евреевъ, а онъ натравливаетъ на „дворянъ". Онъ указываетъ на зло XVIII вѣка, какъ на причину нынѣшняго зла. Это ни къ чему практическому не ведетъ. Леченіе зла *прошедшаго* невозможно. Нельзя передѣлать XVIII вѣка; лучше думать о концѣ нашего, и о XX-мъ, *который очень близко*.

Объ отдаленныхъ во времени источникахъ болѣзни пусть говоритъ исторія, а не „злоба дня". Положимъ, зло прежняго сословнаго нашего строя было причиной *нынѣшняго безсословнаго* зла. Но старое зло вѣдь *уничтожено* новымъ зломъ? Вредъ *застоя переродился въ пагубу излишняго движенія*. Поэтому нельзя, отыскивая *искренно* и серьезно леченіе *противу излишняго движенія*, накидываться на нѣчто ему совершенно противоположное... Зимой—холодно, лѣтомъ—жарко; и то, и другое непріятно и многимъ даже вредно. Какъ быть?... Смѣна подобная естественна, и реакція то туда, то сюда неизбѣжна; всякій знаетъ, что за зимой—весна, а за весною—жары. Но кто въ жары будетъ сердиться на давно прошедшій холодъ?... Напротивъ, всякій живой человѣкъ всему холодноватому радъ въ іюлѣ. Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ, что уже *уничтоженное* исторіей зло Россіи *нелиберальной* переродилось рядомъ событій и движеніемъ умовъ въ зло *слишкомъ либеральное!*... Нельзя же дѣйствовать теперь противу привиллегій, которыхъ нѣтъ; а надо, напротивъ того, дѣйствовать въ наше время противу *равенства и либерализма*... То-есть надо *подморозить* хоть немного Россію чтобы она не „гнила"...

Наконецъ, и на Западѣ были свои оттѣнки и въ „бюрократизмѣ, и въ солдатчинѣ", а коммунистическое движеніе вездѣ *одно*, и на Западѣ оно глубже въ массахъ, чѣмъ у насъ. Причемъ-же тутъ *русское дворянство*?...

Варшава, 13 марта.

Въ томъ отдаленіи отъ обѣихъ нашихъ столицъ, въ которомъ мы, русскіе, живемъ здѣсь, на западной границѣ нашего государства, есть только одинъ источникъ для пониманія того, что дѣлается теперь въ Россіи,—это столичная наша печать.

Здѣсь нѣтъ ни частныхъ разговоровъ съ людьми вліятельными, ни тѣхъ собственныхъ впечатлѣній, которыя выносишь изъ разнородныхъ встрѣчъ въ кругахъ, болѣе или менѣе руководящихъ современной

Библиотека "Руниверс"

жизнью... Этихъ средствъ дополнить и провѣрить свѣдѣнія, доставляемыя намъ газетами, мы здѣсь лишены и потому во всемъ, что касается до гражданской жизни Москвы и Петербурга, мы поневолѣ должны хотя приблизительно и въ различной степени довѣрять тому, что намъ сообщаютъ *Московскія Вѣдомости*, *Современныя Извѣстія*, *Новое Время*, *Голосъ*, *Молва*, и т. д.

Положимъ, что ни въ одной странѣ въ мірѣ періодическая печать не отражаетъ вполнѣ такъ называемаго „общественнаго или, вѣрнѣе сказать, *національнаго* мнѣнія. Ему не вполнѣ соотвѣтствуетъ даже и совокупность мнѣній печати и представительства, взятыхъ вмѣстѣ, въ странахъ конституціонныхъ.

Есть еще два безгласныхъ мнѣнія: мнѣніе стихійнаго, народнаго большинства, и мнѣніе небольшаго числа людей, не находящихъ себѣ удовлетворительнаго выраженія ни въ представительствѣ, ни въ печати. Есть также множество людей, умѣющихъ только чувствовать сильно и дѣйствовать недурно, но не способныхъ ни говорить, ни писать хорошо и ясно.

Положимъ, все это такъ; но печать столичная потому чрезвычайно важна, что она имѣетъ возможность, при помощи цѣлаго ряда посредствующихъ дѣйствій и вліяній, доходить до самыхъ нѣдръ или корней національной жизни. Напримѣръ, крестьянинъ нашъ, живя въ своей деревнѣ, самъ не читаетъ газетъ и газеты не могутъ имѣть на него прямаго вліянія, ни хорошаго, ни вреднаго; но ихъ читаютъ сочувственно въ томъ или другомъ духѣ члены администраціи и столичной, и мѣстной; ихъ читаютъ земскіе дѣятели, священники, даже нѣкоторые грамотные простолюдины въ уѣздныхъ городахъ и торговыхъ селахъ. Послѣдніе могутъ распространять, правильно или нѣтъ, извѣстія, отъ которыхъ всегда что нибудь да остается въ умахъ; а членамъ администраціи и земства нѣтъ нужды и говорить о газетахъ съ крестьяниномъ или мѣщаниномъ. Они *дѣйствуютъ* и могутъ имѣть огромное вліяніе на настоящее и будущее положеніе простолюдина русскаго посредствомъ разныхъ прямыхъ мѣръ и косвенныхъ давленій.

Вотъ въ чемъ сила дѣйствія печати даже и на милліоны ничего нечитающихъ русскихъ людей.

И когда мы подумаемъ объ этомъ *прямомъ*, *непосредственномъ безсиліи* газетъ нашихъ, *и о косвенномъ*, *посредственномъ ихъ могуществѣ* то намъ представляется странная картина:—людей охранительнаго направленія несравненно больше, чѣмъ либеральнаго; но люди этого послѣдняго направленія даже и теперь какъ будто сильнѣе и вліятельнѣе.

Замѣтимъ вотъ что: мы умышленно говоримъ *не* прогрессивнаго, а именно *либеральнаго* направленія; ибо прогрессъ, т.-е. послѣдующая ступень исторіи, ея завтрашній, такъ сказать, день не всегда носитъ

Библиотека "Руниверс"

характеръ болѣе эмансипаціонный, чѣмъ была ступень предъидущая, чѣмъ періодъ истекающій или истекшій. Время Петра I было, конечно, прогрессивнымъ временемъ, но оно было стѣснительнѣе во многомъ, сравнительно съ вѣками предъидущими; уничтоженіе вѣчевыхъ вольностей и удѣльной независимости, постепенное закрѣпощеніе народа были въ свое время точно также прогрессомъ, какъ и дарованіе особыхъ правъ дворянству при Екатеринѣ II, или еще лучше—какъ и реформы нынѣшняго царствованія, какъ *могутъ стать прогрессомъ*, въ свою очередь, и всякія *реакціонныя* мѣры, и временныя и законодательныя — разъ только мѣры, освобождающія *личность* человѣческую, достигнутъ, такъ называемой, *точки насыщенія*.

Мы сказали, что людей не-либеральныхъ у насъ гораздо больше, но намъ почему-то кажется, что либералы вліятельнѣе.

Съ одной стороны, если взять въ разсчетъ милліоны крестьянъ, множество *не модныхъ еще* купцовъ, большинство духовенства, очень многихъ дворянъ, военныхъ и т. д., то разумѣется окажется, что у насъ несравненно больше людей охранительнаго взгляда, (т.-е. людей, предпочитающихъ дисциплину свободѣ), чѣмъ либераловъ. Правда, что дисциплину эту многіе ищутъ совсѣмъ *не тамъ*, гдѣ она есть, и гдѣ ее можно найти или возстановить, но все-таки они ждутъ ея воцаренія...

Это именно тѣ люди, которые или не дошли еще до европеизма нашего, не думаютъ о немъ, не знаютъ его,—такихъ милліоны; или тѣ очень немногіе, которые пережили и переросли этотъ европеизмъ до полной отъ него независимости.

Но съ другой стороны, если забыть обо всей этой массѣ охранительной, но почти безгласной, частью по простотѣ и *спасительной* своей грубости, частью по легкомыслію и нерадѣнію, частью по неумѣнію писать и говорить, частью по другимъ, личнымъ причинамъ, если всю эту массу, говоримъ мы, забыть, а видѣть только печать и печать столичную, особенно петербургскую, — получится совсѣмъ иное впечатлѣніе.

Русское „общество“ представится тогда въ высшей степени либеральнымъ; да и не только либеральнымъ, но чрезвычайно упорнымъ и очень искуснымъ въ своихъ либеральныхъ инсинуаціяхъ, стремленіяхъ, надеждахъ, даже какъ бы въ либеральныхъ *инстинктахъ* своихъ!... Этому мы найдемъ тысячи примѣровъ... Упраздняется положимъ временно III-е отдѣленіе и либеральная печать почтительно восхваляетъ эту мѣру Правительства. Это, молъ, усиливаетъ *диктатуру въ борьбѣ съ подземной крамолой*... Благонамѣренно сказано, но *либерально*... Почему?... А потому, что тутъ мерцаетъ лучъ надежды... Диктатура *временная*, а уничтоженіе III-е отдѣленія, быть можетъ, *будетъ* вѣчно... Тамъ порицаютъ все ту же „интеллигенцію“ нашу, которую порицаютъ и *Московскія Вѣдомости*, но совсѣмъ по дру-

Библиотека "Руниверс"

гой причинѣ, именно за недостатокъ сильныхъ и твердыхъ (т.-е. *конституціонныхъ*) чувствъ и потребностей.

Въ одномъ органѣ громятъ *бюрократизмъ* какъ вещь, мертвящую и разслабляющую все, и восклицаютъ: „съ централизаціей вы рискуете получить апоплексію въ центрѣ и параличъ въ конечностяхъ...“ Извѣстно, что бюрократизмъ есть антитеза конституціоннаго устройства. Въ другомъ журналѣ умоляютъ: *сговориться надо*, *сговориться*...

Вездѣ мы читаемъ о какихъ-то еще „реформахъ“, о „дальнѣйшемъ развитіи нашихъ учрежденій“...

Пользуются искусно и упорно всѣмъ, всякимъ современнымъ случаемъ, всякимъ историческимъ воспоминаніемъ, чтобы доказать, что надо итти не просто *дальше* (съ этимъ и мы согласны), но именно все *по тому же пути*. Пользуются всѣмъ для этой цѣли, напр., выборами представителей отъ петербургской Думы въ Верховную Коммиссію. Дума порицается за „равнодушіе и опрометчивое отношеніе къ этому важному *прецеденту*... Надѣются, что *провинція* покажетъ лучшій примѣръ, если ей *доведется*, и т. д.

Есть даже люди, которые въ этомъ фактѣ избранія *четырехъ представителей въ помощь* Верховной Коммиссіи видѣли чуть не конецъ *всѣмъ нашимъ несчастіямъ*... (Это недурно!) Другой желаетъ „развитія послѣдовательнаго, надлежаще-серьезнаго и цѣлесообразнаго, строго придерживающагося исторической почвы и народнаго склада, направляющагося къ общепринятымъ, освященнымъ наукою (?) и оправдываемымъ благосостояніемъ (?) идеаламъ государственности. Мы видимъ въ-*зрѣлой общественной самодѣятельности*, идущей въ дружномъ, единодушномъ патріотическомъ союзѣ съ властію, въ охраненіи, уваженіи, и такъ сказать—*вознесеніи правъ личности, въ искренности и свободѣ нелицемѣрнаго* и законообразнаго слова, въ объективизмѣ нашей внѣшней роли и осмотрительности внутренняго хозяйства, наконецъ, въ непоколебимой, осязуемой, фактической законности, никому ничего не прощающей и всякому свое воздающей, основные устои правильной, крѣпкой общественности и лучшій залогъ нашего плавно, красиво и мощно раскрывающагося будущаго...“

Другой вспоминаетъ реформы прусскаго министра Штейна, которыя совсѣмъ не идутъ къ нашему времени, или упоминая о нѣкоторомъ Самбурскомъ, предлагавшемъ, еще при Паскевичѣ, проектъ обрусѣнія Польши посредствомъ мелкаго русскаго землевладѣнія, приводитъ съ уваженіемъ слѣдующія слова этого Самбурскаго: „демократъ не демагогъ; быть демократомъ значитъ *желать счастья* (!) возможно большаго числа людей и привлеченія всѣхъ ихъ къ служенію родинѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго...“ И приводя это, либеральный органъ *будто-бы* забываетъ, что демократія родитъ и плодитъ *демагоговъ*.

И еще примѣръ, по нашему мнѣнію, очень замѣчательный: одной

Библиотека "Руниверс"

петербургской газетѣ сообщаютъ изъ провинціи о непомѣрныхъ поборахъ сельскаго, бѣлаго духовенства съ крестьянъ... Пишутъ также, что въ такомъ-то приходѣ крестьяне сами догадались устроиться хорошо; они уговорились съ приходскимъ священникомъ вообще, за 900 руб. въ годъ, и сверхъ того за особыя требы отъ 1 руб. до 50 коп. Газета по этому поводу говоритъ очень правильно и дѣльно. Она жалуется на недостойное поведеніе „пастырей", ставитъ (увы, быть можетъ и весьма основательно!) имъ въ примѣръ многихъ сельскихъ учителей, которые тоже люди бѣдные и семейные, а крестьянъ не тѣснятъ, и заключаетъ всѣ эти замѣтки выраженіемъ желанія, чтобы приходы у насъ сами избирали себѣ священниковъ, по примѣру древняго христіанства. Все это правда, и все это могъ бы сказать самый искренній благожелатель не только народа, но и самой Церкви... Но вотъ тутъ-то и обнаруживается вся сила того, что мы назвали *либеральнымъ инстинктомъ*... Съ одной стороны, прихожане избираютъ себѣ сами священниковъ; но въ приходѣ не одни русскіе *крестьяне*; есть и русскіе „европейцы", и число ихъ съ каждымъ годомъ пока еще ростетъ. Потомъ и крестьяне-общинники и европейцы-„индивидуалисты" сходятся въ земствѣ. Мало-по-малу, Русь петербургская въ *сюртукѣ* беретъ верхъ надъ Русью московской въ *поддевкахъ*; движенію этому помогаютъ и многочисленныя школы, въ которыхъ наставляютъ дѣтей учителя, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ люди добрые и честные нерѣдко, но опять таки болѣе европейцы, чѣмъ священники и крестьяне... И шагъ за шагомъ, все бѣлое духовенство изъ-подъ прямаго вѣдѣнія высшаго (*чернаго*) *духовенства и правительства* перейдетъ въ непосредственную зависимость *отъ земства*... или даже скажемъ — и отъ народа, *но отъ такого народа, надъ которымъ неустанно трудится все тотъ же европеизмъ*, чтобы сдѣлать его больше прежняго на „интеллигенцію" нашу *похожимъ*...

Вотъ что значитъ вѣрный, почти стихійный *инстинктъ разрушенія*...

Когда видишь и слышишь такія вещи, то невольно иногда приходитъ на умъ, что всѣ надежды *настоящихъ* охранителей тщетны, что до *точки насыщенія* еще очень далеко и чашу проклятаго западничества придется все-таки выпить до дна...

„Исторія никого ничему не научила..." Никто не хочетъ видѣть, что на Западѣ чѣмъ дальше, тѣмъ *свободнѣе, и чѣмъ свободнѣе, тѣмъ все хуже и слабѣе*... Даже *личность* эта, *какъ будто* бы освобожденная личность чѣмъ дальше, *тѣмъ пустѣе*; чѣмъ свободнѣе отъ разнородныхъ общинъ, цеховъ и сословій, отъ самаго государства, тѣмъ зависимѣе отъ предразсудковъ и бездарности „общественнаго мнѣнія", тѣмъ безсильнѣе и ничтожнѣе...

Мы еще разъ повторимъ: было бы глупо видѣть во всемъ и вездѣ

Библиотека "Руниверс"

какую-то *злонамѣренность*. Мы предпочитаемъ назвать все это теченіе русской мысли національнымъ несчастіемъ и больше ничего.

Одна надежда наша на безконечность и разнообразіе *историческихъ неожиданностей* и *рессурсовъ*. Быть можетъ, если Славянству въ самомъ дѣлѣ предстоитъ великая и *особая* будущность, то враги его окажутся полезнѣе для его дальнѣйшаго истинно-*національнаго* развитія, чѣмъ самые честные, но заблуждающіеся русскіе граждане... Быть можетъ, честолюбивыя увлеченія лорда Биконсфильда, позорная слабость французскихъ республиканцевъ, новая какая-нибудь и предсмертная вспышка мусульманскаго гнѣва спасутъ еще насъ такъ или иначе, и противу воли нашей сорвутъ Россію съ казеннаго пути либеральнаго западничества, съ пути вначалѣ столь торнаго, но ведущаго, шагъ за шагомъ, именно къ тому, что такъ основательно возмущаетъ насъ при видѣ современнаго положенія всѣхъ безъ исключенія державъ и націй европейскаго *материка!*...

Будемъ же надѣяться на враговъ, если на „своихъ", на ближнихъ такъ мало надежды!...

Варшава, 15 марта.

Послѣдняя телеграмма изъ Перы извѣщаетъ насъ, что Турокъ, убійца Куммерау, признанъ *сумасшедшимъ*. Вѣроятно, его не накажутъ.

Надо замѣтить при этомъ, что подобное рѣшеніе суда будетъ въ Турціи весьма сообразнымъ съ мѣстными понятіями. Турки любятъ такъ называемыхъ *деми*. *Деми* значитъ у нихъ не то, чтобы совсѣмъ сумасшедшій, а скорѣе отчаянный, полу-юродивый, очень оригинальный человѣкъ. Такимъ людямъ въ Турціи многое прощается, даже и тогда, когда они не мусульмане. Инымъ изъ христіанъ удавалось нерѣдко, благодаря особому складу ума и характера, заслужить прозвище *деми*, и пользоваться соединенными съ нимъ привиллегіями, не юридическими конечно, а житейскими, *фактическими*.

Итакъ, турецкое правительство сдѣлавши съ одной стороны всевозможныя демонстраціи въ честь Россіи на похоронахъ несчастнаго полковника и т. п., съ другой (какъ слѣдовало ожидать) заставило препрославленную европейскую науку служить мѣстнымъ повѣрьямъ и религіознымъ страстямъ мусульманъ.

Турокъ, умертвившій *нечаянно* полковника Куммерау, имѣлъ въ виду не его, *а повѣреннаго въ дѣлахъ, представителя русскаго правительства*, г-на Ону.

Не любопытно ли совпаденіе этого посягательства съ другимъ, еще болѣе ужаснымъ (и болѣе реально-*научнымъ* вмѣстѣ съ тѣмъ), съ посягательствомъ Гартманна?

Здѣсь на жизнь Государя,—тамъ на жизнь Его представителя.

Библиотека "Руниверс"

Не поучительно-ли вникнуть въ историческое значеніе этой приблизительной современности двухъ политическихъ злодѣйствъ?...

Не слѣдуетъ-ли видѣть во всемъ этомъ, — въ неудачѣ самихъ преступныхъ попытокъ, въ малодушномъ потворствѣ злодѣяніямъ со стороны обоихъ правительствъ (какъ *безбожной* и *мѣщанской* французской республики, такъ и турецкой, *религіозной* имперіи); наконецъ, въ относительной современности всѣхъ этихъ печальныхъ событій, не слѣдуетъ-ли подозрѣвать чего-то и таинственнаго, и въ то же время, весьма реальнаго?

Принципы непримиримы; *назначеніе*—иное. *Не сознательныя цѣли*, говоримъ мы, а *безсознательное назначеніе* противоположны у Россіи, и съ Турціей, и съ Франціей, въ одно и тоже время *).

Сознательныя дѣйствія дипломатіи (и быть можетъ, отчасти и общественнаго мнѣнія) во всѣхъ трехъ странахъ этихъ, — въ Россіи, Франціи, Турціи,—склонялись въ послѣднее время скорѣе къ сближенію, къ примиренію, пожалуй въ иныя минуты, почти къ союзу...

Но пора же, наконецъ, понять *разумомъ*, что этотъ самый *разумъ человѣческій практически очень слабъ*, и, достигая только самыхъ ближайшихъ своихъ цѣлей, никакихъ неожиданныхъ осложненій и послѣдствій предвидѣть не умѣетъ,—особенно же тамъ, гдѣ больше мѣшается въ политическія дѣла тысячеглавая, но слабоумная гидра „общественнаго мнѣнія“...

И въ Турціи, за послѣдніе годы, общественное мнѣніе мусульманъ усилилось, по мѣрѣ ослабленія правительственнаго авторитета.

Во Франціи, мы видимъ тоже самое. Про Россію не знаемъ еще что сказать въ этомъ отношеніи...

Но въ другомъ отношеніи, въ отношеніи *непримиримости принциповъ* и *роковаго назначенія*, издѣвающагося давно уже надъ всѣми, самыми искренними попытками политическаго сближенія Россіи и съ самой разрушительно-передовой, и съ самой отсталой изъ всѣхъ европейскихъ державъ,—по этому поводу, можно бы сказать *очень много!*... Но мы сегодня ограничимся тѣмъ, что скажемъ только слѣдующее: многіе думаютъ, будто въ Германіи есть люди высокаго ума и положенія, злоумышляющіе противъ Россіи. Но если бы даже это подозрѣніе и было основательно, то мы позволимъ себѣ не вѣрить въ *успѣхъ* подобныхъ плановъ...

Никакого *существеннаго* вреда Россіи и Славянству эти люди теперь не сдѣлаютъ. Придется, вопреки всѣмъ попыткамъ *практическаго разума*, Нѣмцамъ и Славянамъ пойти еще разъ (можетъ быть въ послѣдній) рука объ руку, подчиняясь невольно рѣшеніямъ Разума — Высшаго!

---

*) Прим. авт. 1885 г. Полезно прочесть объ этомъ въ книгѣ г. Данилевскаго „Россія и Европа“—Особенно *о невозможности союза нашего съ Франціей.*

Библиотека "Руниверс"

Варшава, 22 марта.

Недавно только вышедшая февральская книга ежемѣсячнаго журнала *Русская Мысль*, издаваемаго въ Москвѣ гг. Юрьевымъ и Лавровымъ, удивила насъ не мало. Все, что мы прочли въ этой книгѣ, доказало намъ еще разъ поразительнымъ образомъ какъ глубоко уже въѣлась въ насъ язва западнаго *индивидуализма*, это поклоненіе человѣческой *личности*, этотъ новый родъ идолопоклонства, несравненно болѣе безплоднаго и вреднаго, чѣмъ всѣ извѣстные намъ виды идолослуженій *мистическихъ*. Эти послѣдніе, понимаемые христіанствомъ, какъ порожденія *духа зла*, какъ религіи ложныя—были все-таки религіями *духовными* (хотя бы и *демоническими*, но все-таки духовными) т.-е. такими вѣрованіями, въ которыхъ за видимымъ и осязательнымъ крылось нѣчто высшее, невидимое и неосязательное. Теперь же европейская мысль поклоняется человѣку, *потому только*, *что онъ человѣкъ*. Поклоняться она хочетъ не за то, что онъ герой или пророкъ, царь или геній. Нѣтъ, она поклоняется не такому *особому* и *высокому развитію* личности, а просто индивидуальности *всякаго* человѣка и *всякую личность* желаетъ сдѣлать счастливою *(здѣсь, на землѣ)*, равноправною, покойною, надмѣнно-честною и свободною въ предѣлахъ *извѣстной* морали. Это то исканіе всечеловѣческой равноправности и всечеловѣческой правды, исходящей не отъ *положительнаго* вѣроисповѣданія, а отъ того, что философы зовутъ личной, *автономической* (то-есть самовольной, само-узаконяющейся) нравственностью, это то и есть ядъ, самый тонкій и самый могучій изъ всѣхъ столь разнородныхъ заразъ, разлагающихъ постепеннымъ дѣйствіемъ своимъ всѣ европейскія общества. Быть можетъ даже всѣ остальныя заразы и яды европейскаго разложенія—суть лишь видоизмѣненія одного и того же бродильно-смертоноснаго начала. На такое подозрѣніе наводитъ уже самое поверхностное, но осмысленное знаніе исторіи. Германскія племена внесли въ исторію то преувеличенное уваженіе къ личности человѣческой, которой не было ни въ греко-римскомъ мірѣ, ни въ христіанскомъ ученіи. Индивидуализмъ этотъ былъ *организующей* силой, пока, съ одной стороны, не переходилъ за предѣлы высшаго и владѣтельнаго сословія дворянъ, а съ другой пока на самихъ этихъ дворянъ дѣйствовали поочередно *стѣснительныя* вліянія—то христіанскаго *смиренія* и *страха*, то перешедшаго отъ Рима *уваженія къ государственности*. Но съ тѣхъ поръ (съ XVIII вѣка), какъ съ этимъ исключительнымъ и стѣснительнымъ, то-есть *организующимъ* индивидуализмомъ случилось то, что нынче случается со всѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ подешевѣлъ и сдѣлался всѣмъ доступенъ,—онъ изъ тяжкой, но спасительной въ свое время цѣпи, перековался незримо въ могучій и безпощадный желѣзный ломъ, грубо и часто безсознательно сокрушающій все то, что людямъ кажется

Библиотека "Руниверс"

помѣхой для осуществленія этой глупой мечты всеобщаго благоденствія и всеобщей честности.

Индивидуализмъ демократическій или всеуравнивающій и есть, въ приложеніи къ политическимъ партіямъ, то самое, что зовется обыкновенно *либеральностью*.

Мы уже говорили, что либерализмъ вовсе не постоянный синонимъ злонамѣренности. Злонамѣренность либерализма есть исключеніе. Либерализмъ (особенно въ Россіи)—скорѣе есть роковое заблужденіе, доказывающее еще разъ, до чего безсиленъ человѣческій разумъ, и до чего онъ можетъ обманывать самъ себя, воображая, что идетъ къ *своимъ цѣлямъ*, тогда какъ онъ движется незримою рукою Промысла или, если хотите, историческихъ судебъ. *Истина* совсѣмъ не „въ правахъ и свободѣ", осмѣлюсь сказать, а въ чемъ то другомъ—весьма печальномъ, если искать на землѣ покоя и видимой цѣлесообразности, и весьма сносномъ и даже пріятномъ, въ иныя минуты, если смотрѣть на жизнь, какъ на бурное и занимательное,—частью тяжелое, частью очень сладкое, но во всякомъ случаѣ скоропроходящее сновидѣніе. При такомъ воззрѣніи, миришься въ принципѣ съ обязанностями и страданіями, съ разочарованіями и пороками людей; ни усталость въ безплодной погонѣ за личнымъ счастьемъ, ни минутныя вспышки гнѣва или зависти не могутъ, при такомъ взглядѣ, обратиться въ самодовольный и постоянный протестъ. Пессимизмъ относительно *всего человѣчества* и личная вѣра въ Божій Промыслъ и въ наше безсиліе, въ наше неразуміе,—вотъ что миритъ человѣка и съ жизнью собственною, и съ *властью другихъ*, и съ возмутительнымъ, вѣчнымъ трагизмомъ исторіи... Тогда и въ *либералахъ* не будешь видѣть непремѣнно злодѣевъ, а просто людей, даже нерѣдко и прекрасныхъ, честныхъ, но зараженныхъ вздоромъ; или робкихъ, или невѣжественныхъ, или напротивъ того—ученыхъ, но по природѣ скудоумныхъ (ученость, вѣдь, часто *ума* ничуть не придаетъ, иногда она даже его какъ то давитъ и затираетъ...); или, наконецъ, даже и очень умныхъ и образованныхъ, но *временно заблудшихъ* и сбитыхъ лишь съ пути одною, *всего одною* ложною мыслью, одной очень простой и простительной въ наше время ошибкой,—надеждой *на воцареніе правды на землѣ* и на возможность удовлетворить людей *правами*, (*легальнымъ* равенствомъ, при отсутствіи равенства *дѣйствительнаго*), машинами, учеными съѣздами и прорытіемъ каналовъ по всѣмъ перешейкамъ. Правъ не будутъ *чувствовать*, добившись ихъ; юридическое равенство не уничтожаетъ неравенства *судьбы*, удачи, счастья, богатства и здоровья, а даже усиливаетъ только *чувство* этого дѣйствительнаго неравенства. Машины приносятъ по крайней мѣрѣ, столько же зла, сколько и пользы, если не больше зла... На ученыхъ съѣздахъ все только разбираютъ, собираютъ, постигаютъ, опредѣляютъ, распредѣляютъ, но ничего не созидаютъ и создать не могутъ. Ибо дѣйствительное созиданіе

Библиотека "Руниверс"

бываетъ *всегда полусознательное*, или *почти безсознательное, а не раціональное*...

Ничѣмъ и никогда людей удовлетворить нельзя *безъ принужденія* и безъ разнородныхъ формъ и пріемовъ *насилія* надъ ихъ волей, умомъ, страстями и даже невинными и честными желаніями... Вотъ на какія мысли навело насъ чтеніе весьма серьезнаго, весьма почтеннаго и весьма, мы думаемъ, искренняго московскаго журнала — *Русская Мысль*.

„Tu quoque, Brute!“ захотѣлось воскликнуть намъ съ отчаяніемъ... И тутъ царство этой *правды!* И тутъ *личность, личность, личность!*... И тутъ *свобода!*... И тутъ европейскій индивидуализмъ, столь убійственный для настоящей *индивидуальности*, т.-е. для *исключительнаго*, обособленнаго, сильнаго и выразительнаго развитія характеровъ! И тутъ *автономическая*, самоопредѣляющаяся мораль, гордая, и въ тоже время мелкая, фарисейская „честность“...

Мы вспомнили *объявленіе* объ изданіи этого журнала серьезными и учеными людьми. Тамъ было прямо сказано, что *Православіе* должно способствовать тому, чтобы Славяне своими путями дошли до общей *всему человѣчеству* цѣли—„царству правды на землѣ“.

Прудонъ искалъ этой самой земной правды, и въ его сочиненіяхъ; „La Justice“, „Исповѣдь революціонера“, „Экономическія противорѣчія“ и т. д., можно найти все то, что проповѣдуютъ намъ теперь многіе соотечественники наши, какъ бы „ингорируя“, что старая, разрушающаяся Европа *все доступное современному* уму сказала прежде насъ и гораздо лучше, яснѣе, правильнѣе и смѣлѣе нашего.

Увы! Пора убѣдиться, что именно *мысли то русской* такъ мало на свѣтѣ! Есть русскій языкъ, есть, пожалуй, русская литтература и поэзія, есть много русскихъ оговорокъ и ужимокъ, *есть русскій ужасъ передъ всякой дѣйствительной умственной независимостью*... Но *мысли* русской, того, что заслуживаетъ названія мысли, не будетъ до тѣхъ поръ, пока мы не перестанемъ быть *европейцами*!... Если весь Петровскій періодъ былъ только безсознательнымъ притворствомъ; если петровская (петербургская) Русь была только переходомъ къ какой то неизвѣстной еще *славяно-босфорской государственности*; — если маска европеизма окажется дѣйствительно маской, только временно приросшей къ облику и лицу нашему для того, чтобы мы сами не „проговорились“ или не могли бы ее неосторожно *прежде времени* сорвать, то можетъ быть еще есть какой то блѣдный лучъ надежды на эмансипацію славянской мысли. Но теперь? Гдѣ же эта русская или славянская *мысль*? Укажите ее? Не у Чеховъ-ли? Или не въ болгарской-ли конституціи, данной неопытному народу либеральными людьми? Или не въ печати-ли нашей? Познаній—много, но *мысли*—нѣтъ. Все, что претендуетъ у насъ на мысль, есть ничто иное, какъ приложеніе чужой мысли къ

Библиотека "Руниверс"

въ нашей жизни, какъ искаженіе западной прямоты и смѣлости нашими оговорками, нашими обходами, разведеніе крутаго европеизма нашей теплой водицей...„Ты не горячъ и нехолоденъ,—изблюю тя изъ устъ моихъ!“.

Появилось, было, извѣстное нынче всѣмъ *по имени*, но вовсе немногимъ и до сей поры понятное *по духу*,—ученіе славянофиловъ. Многіе у насъ до того глупы, что и теперь еще воображаютъ, будтобы вся разгадка этого ученія состоитъ въ *политическомъ и соціальномъ освобожденіи* Славянъ, тогда какъ это самая, быть можетъ, слабая сторона этого ученія, наименѣе самородная и *по источнику* (ибо она болѣе всѣхъ другихъ сливается незамѣтно съ обще-либеральнымъ западничествомъ), и *по плодамъ*, ибо, въ приложеніи къ жизни,— она даетъ славянскимъ націямъ только *политическій и личный индивидуализмъ*, а ни какъ не ту *бытовую и культурную индивидуальность*, которой сами вожди славянофиловъ такъ пламенно искали!...

Многіе и у насъ, и заграницей принимаютъ славянофиловъ за простыхъ либеральныхъ панславистовъ, и больше ничего. Многіе думаютъ, что они въ послѣднее время даже восторжествовали, потому что политическая эмансипація Славянъ вездѣ сдѣлала большіе шаги впередъ.

Весьма немногіе понимаютъ, что, къ сожалѣнію, *истинный смыслъ* славянофильства, напротивъ того, все болѣе и болѣе утрачивается; что Юго-славяне, отъ патріархальной простоты которыхъ мы ожидали чего то свѣжаго,—чѣмъ дальше, тѣмъ сходнѣе съ самыми новѣйшими европейцами, и что, наконецъ, въ самой Россіи, за послѣднія двадцать лѣтъ, не интеллигенція наша безцвѣтная учится жить и думать „по своему“ у дѣйствительно своеобразнаго народа, а народъ этотъ, напротивъ того, всѣми средствами втягивается на *тотъ же самый западный путь*, на которомъ мы, кромѣ разочарованій, ничего не встрѣтили. Откуда это множество школъ по европейскимъ образцамъ, гдѣ къ реалистическимъ основнымъ внушеніямъ, кое-какъ приклеивается православная мистика и православный *оптимистическій* пессимизмъ? Это земство, *гдѣ индивидуализмъ*, въ лицѣ землевладѣнія *личнаго*, постоянно беретъ умственный, по крайней мѣрѣ, верхъ надъ *общинами*, ибо наши общины *не просятъ* этихъ школъ, не безумствуютъ о нихъ, *а индивидуализмъ* навязываетъ имъ эти *сомнительныя* школы? Откуда эти суды, гдѣ учатъ народъ тому, что и бунтовщики есть очень „честные“, и что генералы и монахи бываютъ мошенники...

И, наконецъ, сама „община“ наша?... Нашъ знаменитый „міръ“, на который даже столькіе европейцы взираютъ съ уваженіемъ и надеждой?... Эта „община“, эта *спасительная* община не подвергается ли она ежедневнымъ опасностямъ даже и оттуда, откуда менѣе всего можно было бы этого ожидать, какъ напр. изъ лагеря, претендующа-

Библиотека "Руниверс"

го тоже на что то почти славянофильское... Журналъ *Русская Мысль*, не подозрѣвая того, что въ его... „мысли“ ничего нѣтъ русскаго, хочетъ *эмансипировать и просвѣщать* нашу почти *коммунистическую и вмѣстѣ съ тѣмъ — глубоко консервативную крестьянскую общину!...* Неужели „finis Россіи!“...

Съ великой радостью, поэтому, прочитали мы въ февральской книжкѣ этого ученаго, мягкаго, гуманнаго, либеральнаго и лже-славянофильскаго изданія письмо Александра Ивановича Кошелева. Авторъ возражаетъ редакціи по поводу ея желанія превратить постепенно нашу *принудительную* общину въ „свободный союзъ, на основаніи общиннаго землевладѣнія“. Мнѣнія такого человѣка, какъ г. Кошелевъ, извѣстнаго писателя, практическаго хозяина на широкомъ поприщѣ и земскаго общественнаго дѣятеля, заслуживаютъ особеннаго вниманія, и самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это — передать читателямъ *Варшавскаго Дневника* главныя мѣста изъ письма его въ редакцію страннаго журнала, не подозрѣвающаго даже, что онъ вовсе *не туда идетъ, куда ему хочется*! Мы постараемся это сдѣлать *).

Варшава, 31 марта.

Въ *Русскомъ Курьерѣ*, г. Колюпановъ знакомитъ насъ съ либералами „изъ захолустьевъ“. Если вѣрить наблюдательности почтеннаго автора, „либералы изъ захолустья“ сходятся въ одномъ:

— „Въ нежеланіи расширенія бюрократической опеки надъ мирными гражданами, въ необходимости прекратить существующій разладъ, въ своевременности призыва общественнаго мнѣнія при разрѣшеніи важнѣйшихъ задачъ, выставляемыхъ народною жизнью“.

Г. Колюпановъ полагаетъ, что подъ вліяніемъ реформъ настоящаго царствованія—

„*Принципъ либерализма укоренился въ русскомъ обществѣ* и дальнѣйшій ростъ его обезпеченъ: его не нужно насаждать, а стоитъ только не бередить и не стараться вытравлять“.

Говоря о количествѣ и качествѣ провинціальныхъ либераловъ, г. Колюпановъ замѣчаетъ;

„Вы думаете ихъ мало, они не образованы, они говорить не умѣютъ и полезнаго ничего не выскажутъ?—Нѣтъ, ихъ много, гораздо больше, нежели думаютъ люди, незнакомые съ нашими захолустьями. Среди насъ мало серьезно-ученыхъ и подготовленныхъ дѣятелей, съ готовымъ

---

*) Примѣч. авт. 1885 г. Духъ этого журнала за послѣдніе *два года* значительно измѣнился къ лучшему.—Многое въ немъ стало осмысленнѣе, яснѣе;— меньше всякихъ сентиментальныхъ и въ сущности пустыхъ фразъ и больше дѣла, больше житейской правды, даже побольше *настоящаго націонализма*, тамъ и сямъ разбросаннаго...

Библиотека "Руниверс"

отвѣтомъ на всѣ сложные вопросы и задачи народной жизни, нѣтъ блестящихъ ораторовъ, чьи красивыя рѣчи украсили бы страницы газетъ и въ пространныхъ телеграммахъ разлетѣлись по бѣлому свѣту; но среди насъ есть люди здраваго смысла, глубоко и искренно преданные Государю и отечеству и изучившіе народныя нужды и насущные интересы не издалека или среди праздничной обстановки, подъ говоръ застольныхъ рѣчей, но вблизи, во всей неприглядности будничнаго убожества, на своихъ плечахъ вынося всю тяжесть положенія".

Новое Время, замѣчаетъ по этому поводу: „Если вѣрны показанія г. Колюпанова, то мы можемъ только поздравить нашу провинцію: ея либералы не имѣютъ повода конфузиться передъ трескучими фразами столичнаго либерализма"...

Мы не совсѣмъ понимаемъ, что значитъ это послѣднее замѣчаніе *Новаго Времени*. Изъ этихъ словъ нельзя отдать себѣ яснаго отчета: сочувствуетъ ли *Новое Время* г-ну Колюпанову, или смѣется надъ нимъ?

Мы прежде всего поспѣшимъ согласиться съ г. Колюпановымъ во многомъ. Во 1-хъ въ томъ, что въ провинціи (или еще лучше въ *губерніяхъ*, въ земской средѣ, а ужъ никакъ не въ захолустьѣ — ибо къ чему эта противная *гоголевщина* „захолустье") есть люди весьма основательные, умные, весьма образованные и знающіе Россію хорошо. Но жизнь человѣческая такъ устроена, что по поводу многаго въ ней можно сказать: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше", и наоборотъ: „чѣмъ лучше, тѣмъ хуже". *Новое Время* поздравляетъ нашу провинцію съ тѣмъ, *„что ея либералы* (т.-е. дѣльные и серьезные) *не имѣютъ повода конфузиться передъ трескучими фразами столичнаго либерализма"*.

Мы—же не поздравляемъ Россію, если въ ней много дѣльныхъ, серьезныхъ и вліятельныхъ людей, въ „либерализмѣ" еще не разочарованныхъ *даже и въ наше время* и желающихъ заставить насъ выпить *чашу до дна*. Намъ кажется, что мы г. Колюпанова немного знаемъ. *Если не ошибаемся*, онъ былъ въ 60-хъ годахъ предводителемъ въ одной изъ сѣверо-восточныхъ губерній и былъ тогда же сотрудникомъ одной петербургской *весьма радикальной* газеты? Если это *тотъ самый человѣкъ*, то гражданское огорченіе наше только можетъ усилиться. *Тотъ человѣкъ* производилъ на насъ, мы помнимъ, весьма выгодное впечатлѣніе со стороны ума, солидности и энергіи. *И онъ остался, значитъ, либераломъ!*

Изъ приведенныхъ выше словъ его—„нежеланіе расширенія бюрократической опеки", „своевременность призыва общественнаго мнѣнія"... „подъ вліяніемъ реформъ настоящаго царствованія принципъ либерализма *укоренился*" и т. д.—мы видимъ, что г. Колюпановъ изъ тѣхъ русскихъ людей, которые теперь издали, весьма ловко и постепенно подкрадываются къ *министерской отвѣтственности, къ представи-*

Библиотека "Руниверс"

тельству въ обще-европейскомъ вкусѣ, и т. п. *Преступнаго* или злонамѣреннаго мы въ этомъ не видимъ еще ничего. Ожидать чего то необыкновенно полезнаго отъ того, что сотни двѣ—три, что ли, *общеевропейскихъ*, избранныхъ правдой и неправдой, *либераловъ* будутъ *ограничивать опеку* надъ обществомъ, производимую другими, точно такими же, въ сущности, *обще-европейцами*, но не избранными снизу, а назначенными сверху,—это не злонамѣренность, а просто заблужденіе, недостойное мыслящаго человѣка. *Либералъ избранный и либералъ казенный—не все ли равно*, если смотрѣть серьезно на историческія начала народной жизни? Bonnet blanc,—blanc bonnet!

„Среди насъ" говоритъ г. Колюпановъ, „есть люди здраваго смысла, глубоко и искренно преданные Государю и отечеству" и т. д.

Главныя историческія основы нашей русской жизни три: Православіе, Самодержавіе и поземельная община. Дворянство и другія сословныя учрежденія были также въ свое время значительной опорой этимъ тремъ основнымъ факторамъ русской жизни; но если эти сословныя перегородки, несомнѣнно приносившія свою долю пользы Государству, были найдены уже несвоевременными и уничтожены, то и *довольно пока*. Зачѣмъ же ломать еще?

Если бы лица, пользующіяся особымъ довѣріемъ Власти, *поѣхали бы* спросить у мужиковъ желаютъ ли они *дальнѣйшаго развитія нашихъ учрежденій*, то что бы они сказали, эти мужики? Они бы воскликнули, конечно: „Нѣтъ избави насъ Боже отъ этого, а вотъ еслибы *землицы побольше* — это бы хорошо!" Народъ (*настоящій* народъ) понимаетъ, что ему нужно получше жить въ вещественномъ отношеніи, ибо освобожденіе, при всѣхъ своихъ пріятныхъ для него сторонахъ, имѣло и нѣкоторыя неизбѣжныя, обременительныя для него послѣдствія... Это онъ знаетъ; но, по природному уму, не испорченному еще западными претензіями, онъ и въ толкъ не возметъ—на что еще *какія-то права* не только ему самому, но и г. Колюпанову?

Ужъ если приравнивать къ чему-нибудь западному нашихъ простолюдиновъ, то мы ихъ скорѣе осмѣлились бы назвать какими-то *мирными*, *умѣренными и монархическими соціалистами*, чѣмъ либералами. Мы думаемъ, Россія теперь переживаетъ такое критическое время, что гораздо лучше называть вещи по имени, чѣмъ говорить съ ужимками, обманывая и себя, и другихъ.

Такой оригинальный духъ русскаго народа не имѣетъ въ себѣ ничего революціоннаго или разрушительнаго, напротивъ, въ немъ таится быть можетъ *нѣчто зиждущее*. Тогда какъ *либерализмъ*, еще далѣе теперешняго простертый, при всевозможной легальности и благонамѣренности своей,—непремѣнно бы подкопался, шагъ за шагомъ, и подъ *Православіе* и подъ общину поземельную (ибо и то, и другое, и Церковь, и общинность — вовсе не либеральны, а *очень принудительны*).

Библиотека "Руниверс"

Либерализмъ подкопался бы подъ нихъ даже и нечаянно, можетъ-быть (*умѣренные либералы*, вѣдь, ужасъ, вообще до чего близоруки и непослѣдовательны!)...

И Россія, черезъ какихъ-нибудь десять всего лѣтъ, увидала бы себя съ цѣлымъ сонмомъ ораторовъ, аферистовъ и „честныхъ" ученыхъ во главѣ, безъ *монастырей*, съ епископами, избранными либеральнымъ *обществомъ*, но ограниченными со всѣхъ сторонъ протестующимъ и честолюбивымъ *бѣлымъ* духовенствомъ, и, главное, съ милліонами пьяныхъ, раззорившихся и свирѣпыхъ батраковъ. Народъ нашъ дѣйствительно еще полонъ „смиренія", но надо помнить, что эти качества его выработались вѣками, подъ совокупнымъ *давленіемъ*: Церкви, государства, общины *и помѣщичей власти*. Вотъ тамъ, гдѣ нужно быть *реалистами*, мы не умѣемъ ими быть!

То, что выработывается вѣками при *опредѣленныхъ условіяхъ*, не можетъ *устоять при совершенномъ измѣненіи и уничтоженіи этихъ условій*. Отчего же именно здѣсь, *гдѣ нужно*, мы забываемъ *науку* и ея безпристрастіе? Надо разсматривать *реальныя силы* общества не съ точки зрѣнія ихъ удобствъ или пріятности, а съ точки зрѣнія ихъ равновѣсія и воздѣйствія ихъ на государственный организмъ.

Что нибудь одно: или думать такъ, какъ мы думаемъ, или ужь прямо отказаться и отъ государства вообще, и отъ національныхъ формъ, если только они хоть сколько-нибудь тѣснятъ такъ называемую *личность*.

Въ передовой странѣ Запада, во Франціи, за которой всегда позднѣе идутъ и всѣ другія, до этого *пункта насыщенія* почти уже и дошли... „Индивидуализмъ" торжествуетъ; но за то какую же *бурю коммунистической реакціи* и повлечетъ за собою это медленно продолжающееся съ XVIII вѣка сожиганіе государства со всѣми его національно-историческими особенностями, на алтарѣ новаго язычества, новой и странной вѣры... (боимся произнести — до того намъ непонятно это чувство!)... *на алтарѣ вѣры въ достоинство и права обыкновеннаго европейскаго буржуа!*...

И наша бѣдная „интеллигенція" только и жаждетъ одного, какъ бы и ей подойти поближе къ этому завидному идеалу, какъ бы ей еще больше стать похожей на этого живаго, но безцвѣтнаго идола!

Какъ же не нападать на нее огуломъ?... Именно *огуломъ*. Отдѣльно взятые *Колюпановы* иногда очень почтенны, но какъ *среда*, какъ *реальная сила*, берущая теперь, по большей части, верхъ? Что-же это за бичъ непониманія, что за бичъ космополитической заразы и легальнаго, постепеннаго разрушенія!...

Библиотека "Руниверс"

Варшава, 9 апрѣля.

Въ сегодняшнемъ нумерѣ нашей газеты перепечатываемъ статейку изъ „Москов. Вѣдом.“: *Характеристика поста въ Парижѣ.* Перепечатка эта нѣсколько запоздала, это правда; но тѣмъ лучше. Есть вещи, о которыхъ необходимо напоминать какъ можно чаще, особенно въ газетахъ, которыя читаются вообще небрежно и торопливо. Если кто-нибудь изъ заглядывающихъ въ „Варшавскій Дневникъ“ видѣлъ еще нѣсколько дней тому назадъ тоже самое описаніе парижскаго поста въ „Москов. Вѣдомостяхъ“, то онъ, намъ кажется, ничего не потеряетъ, если перечтетъ еще разъ внимательнѣе эти строки, внушающія глубокое отвращеніе. Мы не разъ говорили (и не перестанемъ говорить это, рискуя даже наскучить), мы не разъ говорили, что русскій человѣкъ, желающій блага своей родинѣ и понимающій грозящія ей со всѣхъ сторонъ опасности, долженъ постоянно слѣдить за духомъ, господствующимъ во Франціи, въ этой *передовой странѣ Запада*, съ которымъ, къ несчастію, такъ глубоко связалъ насъ культурный переворотъ Петра. Въ первыхъ еще листкахъ нашей газеты, мы нашли нужнымъ указать на рядъ фактовъ, замѣченныхъ еще гораздо прежде насъ людьми, болѣе насъ учеными, и признанныхъ разъ навсегда исторіей. Факты эти слѣдующіе: окончательнымъ преобладаніемъ въ Европѣ Православія надъ аріанствомъ и язычествомъ исторія обязана была королю Франковъ, Хлодовику (Clovis), ибо тогда раздѣленія Церкви на Восточную и Западную еще не было. *Всѣ были православными*; раздѣленіе Церквей и утвержденіе папизма, опредѣлившаго весь дальнѣйшій ходъ европейской исторіи, свершилось также подъ вліяніемъ *французскаго* монарха, Карла Великаго; *рыцарство французское* было рыцарствомъ *передовымъ;* крестовые походы *начаты* были *французскими* дворянами; *національное объединеніе* во Франціи свершилось раньше чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ; во Франціи раньше, чѣмъ гдѣ-либо, восторжествовала монархія надъ феодальной децентрализаціей. Испанія и Италія не могли наложить какъ позднѣе наложила Франція, на *весь почти міръ* печать своихъ *модъ* и *обычаевъ*. Протестантизмъ, вышедшій изъ Германіи, и аристократическій конституціонализмъ, порожденный Англіей, не распространился повсюду; ранніе *вольнодумцы* другихъ странъ не простерли своего вліянія такъ далеко, какъ простерли подобное же вліяніе Вольтеръ, Руссо и энциклопедисты *Франціи*. Протестантизмъ, ведшій косвенно къ безбожію, черезъ посредство *безцерковности*, не привился къ человѣчеству такъ, какъ привилось прямое безбожіе французовъ, или ихъ голый деизмъ. Конституціонализмъ и аристократическій либерализмъ великобританскаго генія былъ недоступенъ ни Нѣмцамъ, ни Славянамъ до тѣхъ поръ, пока его не опошлила и не исказила Франція демократическимъ равенствомъ. Это равенство гражданскихъ правъ — было прежде всего объявлено

Библиотека "Руниверс"

Французами; во Франціи же, прежде чѣмъ въ другихъ странахъ, появились и коммунистическія ученія, несомнѣнно какъ *реакція противу либерализма*, которому на экономической почвѣ *всегда* соотвѣтствуетъ безсовѣстное господство денегъ (подвижнаго капитала)... Въ ней же начались впервые и бунты соціалистическаго характера. Во Франціи, наконецъ, утвердилась хоть сколько-нибудь впервые простая мѣщанская (или якобинская) республика; утвердилась *противъ Церкви*, воспитавшей величіе всего Запада; но не противъ *коммунистическаго давленія*...

Намъ очень скучно самимъ повторять всю эту азбуку, но безъ этой азбуки можетъ быть покажется неяснымъ, почему мы считаемъ весь Западъ обреченнымъ на тотъ же самый исходъ.

Въ Германіи само монархическое правительство, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, начало ту же самую ожесточенную борьбу противъ католической Церкви, которую теперь доканчиваетъ во Франіи правительство якобинское и обезумѣвшее до безсмыслицы общество. Протестантизмъ разлагается *самъ* съ необычайной быстротой, и съ нимъ бороться никому не нужно; число *некрещенныхъ дѣтей и нецерковныхъ браковъ* въ Германіи ростетъ и ростетъ. Итальянцы, пріобрѣтя національную свободу и достигнувъ почти вполнѣ національнаго единства, утратили національныя особенности свои и строй ихъ жизни, ихъ умственное направленіе ничѣмъ существеннымъ уже отъ французскаго теперь не отличается. *Покойный Гоголь, который восхищался ихъ вѣрой и набожностью, теперь не узналъ бы ихъ.* Они не дошли еще до атеистической республики, до оффиціальнаго, юридически утвержденнаго безбожія, лишь потому, что ихъ національный вопросъ немного не оконченъ....

«Надо прежде всего присоединить Тріестъ и Тріентино“ думаетъ Italia Irredenta, а съ Богомъ и Церковью справиться не долго и не трудно, въ *наше время*...

Про остальныя націи и державы Европы не стоитъ и говорить по поводу такого великаго и ужаснаго вопроса. Когда за Франціей вослѣдъ, вѣрныя прежнему направленію западной исторіи, пойдутъ Германія и Италія, что будутъ значить тогда такія *націи*, какъ Голландія, Бельгія, Швейцарія?

Это все *не культурныя* силы, а только механическія. У нихъ нѣтъ *идеи*.

До чего становится страшно за Славянство, когда подумаешь обо всемъ этомъ, когда поймешь куда шагъ за шагомъ ведутъ сперва Францію, а за ней и весь Западъ, *гражданское равенство и поклоненіе разуму*; или вѣрнѣе сказать, не разуму *просто*, а какому-то *самоспасительному* разуму, ибо есть и другой человѣческій *разумъ, который знаетъ—до*

Библиотека "Руниверс"

чего онъ слабъ и до чего онъ подверженъ роковымъ и неисправимымъ самообольщеніямъ!

Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ нашихъ недавно нашли нужнымъ радоваться, ничего особеннаго не доказывающей корреспонденціи изъ Петербурга въ „Journal des Débats", объ успѣхѣ проповѣдей Исаакіевскаго собора. Успѣху этому мы, конечно, гораздо болѣе рады, чѣмъ могутъ радоваться наши лукавые либералы; но вотъ что удивительно: французская газета, вообще не слишкомъ къ Россіи расположенная, напечатала это извѣстіе какъ интересное, и больше ничего.

И однако, либеральныя газеты наши по этому поводу воскликнули: „это доказываетъ до чего французская нація сочувствуетъ русскому народу!" Что-то въ этомъ родѣ.

Помилуйте—на что намъ это сочувствіе французской *націи?* Избави насъ Боже! Не надо намъ смѣшивать понятій. Великая разница между *временнымъ военнымъ союзомъ* или торговымъ договоромъ двухъ правительствъ, и между *естественными сочувствіями* націй. Первое, безвредное, иногда необходимо; послѣднее можетъ быть губительно, если одна изъ двухъ націй заражена, подобно современной Франціи, какой-нибудь соціальной или политической чумою. Союзы внѣшніе, соглашенія разсчета и очень полезные могутъ имѣть мѣсто безъ всякой симпатіи сердецъ, безъ всякаго сходства въ идеалахъ.

Въ случаѣ войны съ Китаемъ, напримѣръ, мы можемъ заключить союзъ съ Японіей; Англія и Турція, какъ державы, давно поддерживаютъ другъ друга, хотя между Англичанами и Турками нѣтъ ни сходства въ идеалахъ и культурѣ, ни *тѣни даже естественныхъ сочувствій.* Съ политической точки зрѣнія они правы, и Россія, какъ держава, можетъ, если ей это покажется выгоднымъ, сойтись *во внѣшней* политикѣ съ Франціей и постараться даже простить ея ничтожному и слабому правительству дѣло Гартмана. Но на что намъ *сочувствіе*, скажите?...

Впрочемъ если „Journal de Débats" или какой другой французъ хочетъ непремѣнно сочувствовать намъ, то пускай себѣ... На здоровье! Лишь *мы сами Французамъ не сочувствовали*—вотъ въ чемъ дѣло...

Варшава, 10 апрѣля.

Нигилистическій заговоръ какъ будто бы притихъ въ Россіи. Вѣроятно, строгія и бдительныя мѣры Верховной Коммиссіи, достигли своей цѣли. Онѣ внушили страхъ и заставили злоумышленниковъ понять, что торжеству ихъ разрушительныхъ идеаловъ еще не настало у насъ время... Но это „затишье" никого не обманетъ. Всѣ, конечно,—и правительство наше, и люди откровенно-реакціонныхъ взглядовъ, и либералы тѣхъ двухъ родовъ, о которыхъ мы не разъ говорили (т.-е. простодушные

Библиотека "Руниверс"

и злонамѣренные),—всѣ понимаютъ, что звѣрь не спитъ, а только прилегъ и притворился на минуту мертвымъ. И какъ ему уснуть, какъ ему погибнуть, когда его жизнь, его силы ежеминутно поддерживаются жизнью того современнаго Запада, изъ котораго мы сами продолжаемъ черпать до сихъ поръ всю мудрость, брать всѣ примѣры, на государственный смыслъ котораго мы не перестаемъ возлагать напрасныя и губительныя для нашей будущаго надежды?!..

Многіе, однако, у насъ, столь многіе желали бы искренно помочь Правительству въ его тяжелой борьбѣ. Многіе понимаютъ, что преслѣдованіе зла не есть его искорененіе; что казни, необходимыя для пресѣченія политическихъ преступленій и для внушенія спасительнаго страха тѣмъ изъ злоумышленниковъ, которыхъ сердца еще доступны страху, не могутъ, все-таки, ни добраться до затаенныхъ идей, ни уничтожить предразсудковъ извѣстнаго рода, ни дать самому обществу *такой строй*, при которомъ глубоко измѣнилось бы направленіе вещественныхъ и нравственныхъ интересовъ. Многіе думаютъ объ измѣненіи этого строя; многіе понимаютъ, что зло надо убить въ корнѣ, т.-е. обратиться къ воспитанію подростающихъ поколѣній, иначе настроить вкусы молодыхъ людей, иначе направить ихъ волю и т. д... Но какъ за это взяться? Гдѣ найти наглядные примѣры, кромѣ все той же Европы. Въ самихъ себѣ мы ничего открыть не умѣемъ; принять мѣры, неслыханныя нигдѣ, мы никогда не дерзнемъ... *). „Этаго, молъ, не дѣлали ни во Франціи, ни въ Германіи, ни даже въ Америкѣ“...

И если удастся кому-нибудь изъ русскихъ людей предложить какую нибудь мысль, совершенно новую и выходящую изъ того водоворота общихъ мѣстъ и соболѣзнованій, которыми все еще полны органы нашей печати, то эту самородную мысль наши „охранители“ или просмотрятъ, или предадутъ молча насмѣшкамъ и презрѣнію либераловъ.

Приведемъ два примѣра или два случая, до нашей газеты и до насъ вовсе прямо не касающіеся. Первый случай очень не видный и никѣмъ почти не удостоенный вниманія. Вяземское дворянство выразило желаніе, чтобы законъ установилъ для дворянскихъ земель какой-нибудь *минимумъ дробленія*, т.-е. чтобы дворяне наслѣдники не имѣли права дѣлить свою землю, если она ниже опредѣленнаго ценза (по размѣру или цѣнности). Если „размѣръ имѣнія достигъ извѣстнаго минимума, то далѣе оно не должно дѣлиться, а переходитъ въ собственность къ одному изъ наслѣдниковъ. По мнѣнію защитниковъ этого проекта, такимъ образомъ было бы гарантировано большее участіе дворянскаго элемента въ земствѣ, а также дворянство пріобрѣло бы сослов-

*) Примѣч. авт. 1885 г. Само собою разумѣется, что *теперь* все это измѣняется къ лучшему и мы замѣтно съ 82 года все болѣе и болѣе *пытаемся* стать *понезависимѣе въ идеяхъ*...

Библиотека "Руниверс"

ную связь, силу, конкретность, устойчивость и большую *обособленность отъ другихъ сословій*".

Такъ передаетъ *Страна* это заявленіе вяземскаго дворянства *).

Вязьма—уѣздный городъ Смоленской губерніи. Что значитъ мнѣніе какого-то уѣзднаго дворянства? И еще такое оригинальное?

Да и какъ назвать такого рода маленькія недробимыя болѣе имѣнія? Майораты? Нѣтъ.—Майоратъ—это обыкновенно большое, неотчуждаемое самовольно имѣніе, передающееся *старшему* въ родѣ, *большому* (major—большій, старшій). *Минорать*? Нѣтъ.—Названіе минораторъ происходитъ отъ слова minor, *меньшій*, *меньшой* сынъ, младшій. По предмету и роду владѣнія, это тоже, что и майоратъ, но нѣчто другое по семейнымъ отношеніямъ лица, наслѣдующаго неотчуждаемое имѣніе.

Но предложеніе вяземскаго дворянства—это что такое? Ни то, ни другое! Маленькая земля, *дворянскій минимумъ* остается за *кѣмъ-нибудь въ родѣ*. Это что-то особое. И пусть бы критиковали, пусть бы схватились за эту мысль и разобрали бы ее внимательно. Но нѣтъ—эта *русская* мысль только смѣшна, потому что она довольно своеобразна и быть можетъ, практична. Только одна либеральная *Страна* удостоила мимоходомъ, потрунить надъ вяземскими дворянами.

Вотъ, если харьковскій гласный г. Гордѣенко предлагаетъ конституцію (конечно западную), или если г. Колюпановъ, принимавшій, въ 60 годахъ (*если мы не ошиблись* въ фамиліи), участіе въ одной изъ самыхъ „красныхъ" газетъ того времени (въ *Современномъ Словѣ*), напишетъ что-нибудь о преданности *либеральныхъ* земцевъ „Государю и отечеству" то поднимается шумъ; всѣ ликуютъ, и эти люди, гг. Колюпановъ и Гордѣенко, ничего, кромѣ самой обыкновенной и обще-либеральной казенщины не сказавшіе, выставляются умнѣйшими дѣльцами, доблестными гражданами, солидными людьми почвы. и т. д.

Тогда какъ, по нашему, выходитъ совершенно на оборотъ. Придавая особыя, высшія права *интеллигенціи* нашей *какъ интеллигенціи*, мы въ почтительно-легальной формѣ посягнули бы на силу того *обособляющаго* насъ отъ Европы національнаго монархическаго института, который выработался у насъ естественно вѣками, точно также какъ выработалась вѣками въ Англіи *аристократическая конституція*. Эта исключительная, оригинальная конституція столь спасительная для Англіи,

*) Примѣч. авт. 1885 г. Я въ то время (въ 80-мъ году весною) до того заинтересовался этимъ слухомъ, этой—въ кои-то вѣки оригинальной мыслью, что проѣзжая изъ Варшавы въ свое Калужское имѣніе, нарочно остановился въ Вязьмѣ — узнать правда-ли это? Видѣлся съ уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства и распрашивалъ его.— Г. Предводитель опровергъ сообщеніе „Страны" какъ ложное.—Я, признаюсь, что то не вполнѣ повѣрилъ ему.— Онъ только что вернулся изъ Европы (чуть-ли ужь не изъ самаго Парижа!) и выслушивалъ меня съ чуть замѣтной и тонкой улыбкой всезнающаго и просвѣщеннѣйшаго *всечеловѣка*.

Библиотека "Руниверс"

разъ перенесенная на материкъ Европы, вездѣ становится зломъ, ибо ни въ одной странѣ она не находитъ тѣхъ особыхъ элементовъ, которыя *дома* дала ей исторія еще самыхъ грубыхъ временъ, и во всѣхъ другихъ странахъ, она (т.-е. конституція) вмѣсто исключительной и аристократической становится *дѣйствительно* либеральной, т.-е. медленно разрушительной.

Не надо смѣшивать *дворянства съ интеллигенціей*; это два круга, только *пересѣкающіе* другъ друга, такъ что получается *общая площадь* извѣстнаго размѣра, но они не покрываютъ другъ друга вполнѣ, не совпадаютъ во всѣхъ точкахъ.

Дать интеллигенціи нашей, *какъ интеллигенціи*, право низвергать министровъ и т. п., это значитъ приблизиться къ разлагающемуся Западу, еще болѣе, чѣмъ мы приблизились къ нему за послѣднее время. Это значитъ усилить еще въ десятеро *подвижность* нашей почвы, и безъ того, не слишкомъ твердой теперь. Напротивъ того, найти средства утвердить хоть нѣсколько положеніе *дворянства*, какъ *дворянства*, это значитъ хоть сколько нибудь укрѣпить подвижность нашего строя и пріостановить быстроту экономическаго броженія. Непрочность состояній влечетъ за собою неусидчивость и безпрестанную перемѣну мѣстъ, впечатлѣній, интересовъ, и такое состояніе умовъ вовсе для серьезной гражданской жизни неблагопріятно *).

Прекрасно также и то, что предложеніе вяземскаго дворянства вовсе не *либерально*. Дворяне желали бы сами на себя наложить узду закона. Ибо, если имѣть въ виду дѣйствительную прочность владѣнія, то недробимостью недвижимаго наслѣдства ограничиться нельзя: и *единственный* наслѣдникъ можетъ завтра *продать* свой родовой *минимумъ* и выиграетъ только *лично*, не принося никакой пользы ни сословію, ни государству. Отъ недробимости нужно перейти къ *неотчуждаемости* этой землицы, а неотчуждаемость собственности *лично* бываетъ въ иныя минуты тяжкимъ бременемъ. Но видно, что у вяземскаго дворянства есть государственный инстинктъ. Для общаго дѣла, полезнѣе было бы нести *многимъ* бремя неотчуждаемой собственности.

Это не *майораты* и не *минораты*, какъ мы уже сказали; это нѣчто другое, болѣе всего сходное съ принудительной *неотчуждаемостью крестьянскаго участка*. Значитъ, мысль и мѣра совершенно мѣстныя и русскія: оттого-то они и не понравились никому, и никто не удостоилъ ихъ ни вниманія, ни даже серьезнаго и строгаго опроверженія.

Это о недробимости и неотчуждаемости дворянскаго минимума. Дру-

*) Примѣч. авт. 1885 г. Мнѣ очень пріятно напомнить здѣсь, что замѣчательная статья Г. Пазухина (въ Русскомъ Вѣстникѣ этого года) подтвердила съ такимъ блескомъ и такой практической силой пять лѣтъ позднѣе эти самыя мысли мои, выраженныя при условіяхъ столь невыгодныхъ и по времени и по мѣсту моей дѣятельности въ этомъ ужасномъ 80-мъ году!

Библиотека "Руниверс"

гое, тоже очень своеобразное предложеніе, на которое обратилъ вниманіе только одинъ *Церковный Вѣстникъ*,—это мысль г. Вл. Т—а объ *открытіи подписки на собраніе капитала для борьбы самаго общества съ крамолою*.

Проэктъ г. Вл. Т—а, напечатанный прежде въ *С.-Петерб. Вѣдомостяхъ* прошелъ вообще незамѣченнымъ; только *Церковный Вѣстникъ* указалъ на него съ цѣлымъ рядомъ вполнѣ заслуженныхъ похвалъ, и мы перепечатали все это въ № 72 *Варшавскаго Дневника*, отъ 2 апрѣля... Для тѣхъ, кто тогда не обратилъ вниманія на этотъ важный проэктъ, мы сегодня еще разъ повторимъ здѣсь главныя черты этого предложенія... („капля долбитъ камень не силой, а частымъ паденіемъ"...).

„Что, если русскому обществу, говоритъ г. Вл. Т—ъ, предложено будетъ собрать денежный добровольный сборъ на борьбу съ крамолой—вѣдь, я думаю, оно откликнется на это?"

„О, безъ всякаго сомнѣнія—откликнется. Но что же дальше?"

„Допустимъ, что дворянство, земство, города и одиночные русскіе люди принесутъ свою лепту: образуется огромнѣйшій капиталъ, которому можно будетъ дать разностороннее назначеніе на борьбу съ крамолой. Хотя бы, для примѣра, изъ этого капитала можно будетъ назначать преміи за всякое открытіе одной изъ нитей заговора, который несомнѣнно существуетъ. Вѣдь и въ прежнія времена, и въ настоящее, назначали преміи за выдачу или указаніе разныхъ знаменитыхъ грабителей, убійцъ и разбойниковъ; почему же не назначить такія же преміи за открытіе крамольниковъ, которые совершаютъ преступленія, безпримѣрныя въ исторіи по своей безчеловѣчности? Далѣе вспомнимъ, что руководители крамолы, которые еще ужаснѣе и презрѣннѣе покусителей и убійцъ, высылаемыхъ ими, скрываются большей частью за границей, гдѣ нашему Правительству трудно прослѣдить за ними, тогда какъ они-то и есть корень всего зла. Наконецъ, добавлю, что за границей, въ нѣкоторыхъ государствахъ есть частныя общества, занимающіяся раскрытіемъ всевозможныхъ преступленій, которыя въ виду размѣровъ преміи, могутъ спеціально устремить всѣ свои способности къ достиженію оной. Кромѣ того, изъ этихъ же суммъ можно назначить пособія и пенсіи семействамъ лицъ, пострадавшихъ или погибшихъ въ этой печальной борьбѣ. А таковыхъ, къ сожалѣнію, уже не мало. Изъ этихъ же денегъ можно бы печатать и распространять въ народѣ книжки и всякія изданія, направленныя противъ ученія крамольниковъ и стремящіяся къ правильному развитію умственныхъ силъ народа. Да впрочемъ, много полезнаго можно было бы придумать".

„Еще бы не придумать. Вотъ напримѣръ одно. Изъ процесса Соловьева видно, что этотъ нигилистъ, послѣ того какъ онъ остался безъ всякой должности, аккуратно получалъ на свое пропитаніе изъ какого-

Библиотека "Руниверс"

то невѣдомаго фонда, чрезъ невѣдомыя руки, по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ; изъ другихъ процессовъ видно, что нигилистическій кружокъ дѣлаетъ сборы, изъ которыхъ и раздаетъ пособія своимъ неимущимъ членамъ... Отчего бы, при образованіи *противу-нигилистической общественной кассы*, не выдавать изъ нея пособій тѣмъ нигилистамъ, которые дотолѣ получали пропитаніе изъ нигилистическаго фонда, и потомъ пожелали бы освободиться изъ-подъ экономической зависимости своихъ покровителей? Быть можетъ, многихъ держитъ въ союзѣ съ нигилистами не убѣжденіе, а гнетущая нужда, и учреди общество кассу для первоначальныхъ вспоможеній отдѣляющимся отъ нигилистической шайки субъектамъ, можетъ быть, не мало явилось бы дезертировъ изъ вражескаго лагеря".

Церковный Вѣстникъ, прибавляетъ къ этому отъ себя слѣдующее:

„Вл. Т—ъ, печатая свое письмо, надѣялся, что печать обратитъ вниманіе на его предложеніе. „Во всѣхъ бѣдствіяхъ (разсуждалъ онъ), русская печать являлась главнымъ пособникомъ народа; ею русское общество не разъ пробуждалось къ дѣятельности; пора русскимъ гражданамъ пожалѣть свою многострадальную родину и уничтожить преграду, остановившую ея движеніе на пути прогресса". Но эти соображенія и упованія автора не исполнились. „Съ воскресенья до четверга, прошло уже четыре дня, а газеты, обыкновенно на другой же день перепечатывающія все, въ какомъ бы то ни было отношеніи замѣчательное изъ другихъ газетъ, ни слова—о письмѣ Вл. Т—а. Даже сами *С.-Петербургскія Вѣдомости*, имѣвшія мужество напечать предложеніе своего корреспондента, не имѣли его въ достаточномъ запасѣ для того, чтобы обсудить предложенную мѣру. А между тѣмъ, изъ всего, что было писано и въ этой и въ другихъ петербургскихъ газетахъ о томъ, какъ общество можетъ помочь правительству въ борьбѣ съ крамолой, предлагаемая Вл. Т—ъ мѣра составляетъ положительно самую умную и практичную".

„Мы сами, впрочемъ, никакъ не ожидали, чтобы петербургская печать сочувственно отнеслась къ означенному предложенію. Она, на этотъ разъ, обнаружила даже (несвойственный ей обыкновенно) тактъ:— вмѣсто отрицанія и глумленій, встрѣтивъ умную рѣчь Вл. Т—а полнѣйшимъ молчаніемъ. Въ противномъ случаѣ, ей пришлось бы повторять избитыя фразы о вредѣ ложныхъ и клеветливыхъ доносовъ, которые поощрялись бы составленіемъ противунигилистической общественной кассы. Но зачѣмъ выдавать изъ кассы преміи за доносы прежде, чѣмъ истина доноса будетъ доказана судомъ или слѣдствіемъ? Петербургская печать, помнится, громко завопила, когда послѣ убійства генерала Мезенцова разнесся слухъ о томъ, что какой-то богачъ назначилъ 50,000 руб. тому, кто откроетъ убійцу генерала: это, дескать, значитъ поощрять шпіонство... Но помимо того, что къ доно-

Библиотека "Руниверс"

самъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, обязываетъ каждаго русскаго вѣрноподданническая присяга, не нашей бы періодической печати возставать противъ доносовъ и клеветъ. Кто больше ея поощряетъ доносы и клеветы постояннымъ печатаніемъ каверзъ на частныхъ и должностныхъ лицъ, на цѣлыя учрежденія и вѣдомства,—каверзъ, доставляемыхъ въ редакціи часто отъ незнакомыхъ имъ корреспондентовъ, не рѣдко клевещущихъ по личнымъ неудовольствіямъ, а иногда даже изъ простой шалости?"

Высказывая подобные упреки *Церковный Вѣстникъ*, *забываетъ* одно... О *подобномъ именно* общественномъ сборѣ съ политической цѣлью... *въ Европѣ, кажется что-то не слыхалъ никто*... Развѣ редакція уважаемой газеты не знаетъ, какъ мы трепещемъ передъ Западомъ?

Ко всему этому можно присовокупить еще вотъ что. Мы думаемъ: теперь пора уже перестать придавать слову *доносъ* то унизительное значеніе, которое пріучилъ насъ придавать ему либерализмъ. Мы спросимъ: кто вреднѣе и опаснѣе для государства—иноплеменный врагъ или *свой* разрушитель? Всякій отвѣтитъ, мы надѣемся, что послѣдній опаснѣе. И такъ, если каждый изъ насъ, не стѣсняясь, схватилъ бы и передалъ злоумышляющаго противу насъ во время открытой войны, турка, черкеса или француза, или донесъ бы на него,—то отчего же не доносить на тѣхъ, которые даже „исподоволь" потворствуютъ Ткачевымъ, Гартманамъ, Засуличамъ, и т. д.?

Это полу-нигилисты, нигилисты тайные вреднѣе не только воюющихъ съ нами иноплеменниковъ, но даже и отъявленныхъ крамольниковъ, ибо эти послѣдніе идутъ на открытую борьбу, и тѣмъ самымъ облегчаютъ отпоръ, который даютъ имъ власти. Но куда какъ *зловреднѣе* нигилизмъ умѣренный, однако лукавый и упорный, дышущій безопасно подъ мундиромъ чиновника, на профессорской каѳедрѣ, на судебномъ креслѣ, и особенно въ очень умныхъ и хитрыхъ статьяхъ либеральныхъ газетъ, умѣющихъ *во время* оградить себя патріотическими возгласами и взмахами монархическаго кадила, чтобы подъ шумъ этихъ возгласовъ и въ дыму ѳиміама, не такъ было бы слышно шипѣніе „подколодной змѣи", и не такъ были видны ея предательскіе изгибы...

Впрочемъ, мы думаемъ къ такому измѣненію общественныхъ взглядовъ на такъ называемый доносъ, дѣло идетъ само собою. Этими *доносами* всѣ уже обмѣнялись хорошо! *Голосъ*, напримѣръ, недавно *доносилъ* даже на г. Каткова, будто онъ „русское Правительство называетъ врагомъ Россіи"... Вотъ до чего дошло! Какой же тутъ доносъ? Просто, весьма естественное и *необходимое* ожесточеніе борьбы *за національное и государственное существованіе*. Либералы находятъ, что консерваторы задерживаютъ *прогрессивный ходъ* русской жизни, а консерваторы думаютъ, что этотъ *дальнѣйшій ходъ по пути прогресса, именно либеральнаго*, есть разрушеніе государства и гибель цѣлаго

Библиотека "Руниверс"

славянскаго племени, ибо либерализмъ погубилъ и всю остальную Европу. Какая же возможность при такихъ условіяхъ ворковать какими-то бѣлыми голубочками?

Нѣтъ, господа либералы,—довольно! довольно! довольно!

Варшава, 23 апрѣля.

Полемика между *Голосомъ* и *Молвою* съ одной стороны, *Берегомъ* и *Московскими Вѣдомостями* съ другой—продолжается. Она ведется все съ тѣмъ же ожесточеніемъ, весьма понятнымъ съ обѣихъ сторонъ. *Страна*, еженедѣльная петербургская газета тоже либеральнаго духа (издаваемая, впрочемъ, очень недурно и умно)—также принимаетъ постоянное участіе въ нападеніяхъ на „охранителей". Роль *Новаго Времени* нѣсколько менѣе ясна.

Свирѣпыя нападки либеральныхъ органовъ на г. Дьякова-Незлобина, вѣроятно, еще долго не прекратятся. Энергическій обличитель нигилистическихъ кружковъ не такой человѣкъ, повидимому, чтобы дать забыть себя надолго тѣмъ людямъ, которые эти *обличенія* считаютъ *доносами*.

Въ числѣ разнородныхъ обвиненій, взводимыхъ на гг. Каткова и Цитовича, мы давно уже встрѣчаемъ одно обвиненіе *особаго рода*, и на него мы находимъ полезнымъ обратить на этотъ разъ вниманіе. Это вопросъ о такъ называемыхъ „субсидіяхъ", прощеніи „недоимокъ", и т. п.

Ни повторять всѣхъ инсинуацій, прямыхъ и открытыхъ „обличеній", грубыхъ насмѣшекъ *Молвы*, *Страны* и т. д. мы здѣсь не будемъ; ни защищать гг. Каткова и Цитовича въ этомъ дѣлѣ не беремся; они не нуждаются въ заступничествѣ нашей мѣстной газеты. Они сами умѣютъ защищаться и недавно еще *Страна* очень добросовѣстно созналась, что находитъ остроумнымъ краткій отвѣтъ г. Цитовича „не всякому слуху вѣрь!" (*Берегъ* привелъ эту поговорку по поводу *слуховъ* о какихъ-то 100,000, выданныхъ г. Цитовичу *кѣмъ-то* или откуда-то).

Совсѣмъ не касаясь частнаго вопроса объ этихъ двухъ газетахъ—*Берегѣ* и *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, мы хотимъ только изложить наши общіе взгляды на помощь, оказываемую какимъ-либо правительственнымъ учрежденіемъ или высокопоставленнымъ лицомъ какому бы то ни было *охранительному* органу.

Что въ этомъ худаго, если бы это была и правда, мы понять не можемъ! И почему, какъ выразились нѣкоторыя газеты,—*здравая* что ли часть общества должна этимъ брезгать? Развѣ Правительство желаетъ зла народу? Лица, занимающія высшія должности въ какомъ-нибудь государствѣ, могутъ по *человѣчески* ошибаться и ошибками своими причинять видимый вредъ; цѣлыя правительственныя учрежде-

Библиотека "Руниверс"

нія могутъ иногда выходить на ложную дорогу, ибо всѣ „учрежденія“ суть дѣло тоже ума человѣческаго, который и у людей геніальныхъ крайне недостаточенъ для борьбы съ силой обстоятельствъ и съ историческими законами развитія и разложенія государствъ. Но какъ бы то ни было, лица, стоящія на высшихъ ступеняхъ государственной іерархіи вообще, при равныхъ условіяхъ со стороны дарованій, понимаютъ *дѣла* обыкновенно лучше чѣмъ тѣ, которыя прямаго участія въ веденіи этихъ дѣлъ не имѣютъ. Поставленные обстоятельствами и родомъ занятій выше другихъ, они дальше видятъ и кругозоръ ихъ обширнѣе; это очень естественно.

И если (*предположимъ!*) какое-нибудь лицо или учрежденіе желаетъ поддержать, даже и *денежными* средствами, такой органъ печати, который признанъ полезнымъ *въ данное время*, то во всемъ этомъ, кромѣ похвальнаго и для дающаго и для принимающаго, мы ничего не находимъ. Особенно это необходимо въ такомъ обществѣ, какъ русское, гдѣ частная предпріимчивость очень слаба.

Тутъ еще вотъ какое соображеніе... Большинство людей вездѣ не особенно даровито и умно, оно къ тому же разсѣянно, невнимательно, отвлечено отъ общихъ интересовъ личными, и нерѣдко эти личные интересы, или страсти свои и вкусы принимаетъ за обдуманныя политическія или какія бы то ни было *идеи*. Особенно это стало замѣтно съ тѣхъ поръ, какъ это большинство, отчасти легкомысленное, отчасти малоспособное, во всѣхъ странахъ присвоило себѣ право *разсуждать обо всемъ*. При этомъ еще играетъ значительную роль и законъ умственной и нравственной инерціи. Лежалъ долго камень—не скоро его поднимешь съ мѣста; полетѣлъ онъ,—летитъ по инерціи еще и тогда, когда бы полезно уже было и пріостановить его. Многое множество людей, неспособныхъ къ самобытному ходу мысли *теперь только дожили и дошли* до того, о чемъ избранные умы думали въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Если редакція какого-нибудь органа печати намѣрена проводить такія мысли, которыя, при всей спасительности своей для большинства, по умственной его косности, сразу вразумительны быть не могутъ, но будутъ поняты и оцѣнены нѣсколько позднѣе, то отчего же лицамъ вліятельнымъ или правительственнымъ учрежденіямъ не поддержать такой органъ, въ началѣ его дѣятельности,—до тѣхъ поръ, пока „интеллигенція“ данной страны не доростетъ до нѣкоторыхъ мыслей, которыя ей легко не даются, напр., до такой, „что слово *прогрессъ* не всегда равнозначуще свободѣ; что прогрессъ бываетъ всегда попеременно то либеральнаго, то реакціонно-дисциплинирующаго свойства“; или до такой: „что сила косности (инерція) можетъ проявиться точно также въ страсти къ неудержимому движенію, какъ и въ упорствѣ застоя. Или еще: „что такъ называемый „либерализмъ“ во всей Европѣ, а не только въ одной Россіи, *національному харак-*

Библиотека "Руниверс"

теру былъ вреденъ"... Или, „наконецъ, что *національное единство и національная культура*—совсѣмъ не одно и тоже, и въ послѣднее время вездѣ даже явились антитезами"... Ну гдѣ же сразу подобныя вещи и да еще и *многимъ понять?* Гдѣ же этимъ многимъ понять скоро, что тотъ публицистъ, который недавно назвалъ либеральную часть русскаго общества *анти-національной*—былъ правъ... Онъ не хотѣлъ этимъ, конечно, сказать, что всѣ либералы—злоумышленники и *хотятъ вредить націи;* онъ, вѣроятно, желалъ выразить этими словами, что не столько сами люди, сколько *принципъ;* исповѣдуемый ими, вреденъ для націи во всѣхъ отношеніяхъ, перейдя за извѣстную черту...

Повторяемъ, намъ неизвѣстно кого поддерживаетъ *начальство*, а кого нѣтъ... Мы говоримъ только, что такую поддержку, если она и случается, не слѣдуетъ считать чѣмъ-то худымъ или постыднымъ... *Въ старину*, когда Россія была *національнѣе*, то-есть гораздо болѣе *русскою* по нравамъ и понятіямъ, чѣмъ теперь, — *поддержку свыше сочли бы за честь...*

Конечно, свободная подписка *выгодна* и пріятна; но всегда ли она тоже *лестна?* Что временный успѣхъ у большинства и дѣйствительное достоинство—не всегда одно и тоже, это тоже старая истина...

Библиотека "Руниверс"

I. Г. Кошелевъ и Община.

II. Чѣмъ и какъ либерализмъ нашъ вреденъ?

III. Г. Катковъ и его враги на праздникѣ Пушкина.

IV. Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?

V Православіе и католицизмъ въ Польшѣ.

VI. Остзейцы (отрывокъ изъ письма).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

А. И. Кошелевъ и Община, въ Московскомъ журналѣ „Русская Мысль“.

(Варшавскій Дневникъ 1880 г.).

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Варшавскаго Дневника*, въ передовой статьѣ, посвященной почти исключительно вышеназванному журналу, редакція наша обѣщала представить тѣ въ высшей степени важныя возраженія, которыя дѣлаетъ г. Кошелевъ на желаніе *Русской Мысли* обратить *обязательную крестьянскую общину въ свободный союзъ на основаніи общаго землевладѣнія.*

Вотъ изложеніе письма г. Кошелева. Какъ ни старались мы изъ „газетныхъ“ соображеній сократить это письмо, но оно до того содержательно, что жалко было изъ него хоть что-нибудь выбросить.

Г. Кошелевъ, обращаясь къ редактору, проситъ разъясненія вопросовъ и сомнѣній, возбужденныхъ въ немъ нѣкоторыми выраженіями во вступительной статьѣ къ „внутреннему обозрѣнію“ январьской книжки названнаго журнала. Печатая письмо А. И. Кошелева, редакція *Русской Мысли*, въ предупрежденіе тѣхъ сомнѣній и возраженій, которыя могутъ возникнуть въ умѣ читателей журнала, обѣщаетъ дать „ясный отвѣтъ“ на замѣчанія г. Кошелева въ слѣдующей книжкѣ.

Какъ видно изъ письма, г. Кошелевъ остановился главнымъ образомъ надъ тѣмъ мѣстомъ упомянутой статьи (стр. 88 и 89 „внутренняго обозрѣнія“), гдѣ сказано слѣдующее: „Надо поднять въ русскомъ народѣ *уваженіе къ личности, поглощенной теперь косною средою.* Защищая общину, *Русская Мысль* будетъ стоять *за ея постепенное превращеніе въ свободный союзъ на основѣ общиннаго землевладѣнія;* выдвигая артельное начало, наше изданіе *выше всего* поставитъ честный *личный трудъ*... Содѣйствовать *живому и плодотворному росту, личности* и отстаивать наше самоуправленіе — *вотъ*, слѣдовательно *главныя задачи*, поставленныя для внутренняго обозрѣнія нашего журнала“.

Выразивъ надежду, что недоумѣнія, легшія въ основу его замѣчаній, происходятъ отъ какихъ либо недоразумѣній, а не отъ дѣйствительнаго разномыслія по одному изъ самыхъ существенныхъ вопро-

Библиотека "Руниверс"

совъ нашего быта, г. Кошелевъ констатируетъ тотъ фактъ, что несмотря на достаточное и даже черезчуръ сильное развитіе личности на Западѣ, довольства въ народѣ тамъ мало, — чему очевиднымъ доказательствомъ служитъ все болѣе и болѣе распространяющіеся и утверждающіеся соціализмъ и коммунизмъ. Главную причину этого повсемѣстнаго на Западѣ явленія авторъ письма усматриваетъ въ эгоизмѣ, который въ настоящее время достигъ въ цивилизованной Европѣ геркулесовыхъ столбовъ. Этотъ эгоизмъ, этотъ страшный недостатокъ въ соціальномъ или общинномъ духѣ, или просто говоря, въ любви къ ближнему, является, по выраженію автора, злѣйшею язвою, разъѣдающею современную общественную жизнь на Западѣ. Учрежденіе больницъ, богадѣленъ, школъ и т. п., установленіе налоговъ въ пользу бѣдныхъ, изданіе законовъ въ видахъ уравненія всѣхъ гражданъ въ пользованіи всякими гражданскими правами,—все это, говоритъ г. Кошелевъ, дѣлается вовсе не по внутреннему влеченію законодательствующихъ и распоряжающихся, вовсе не изъ любви къ ближнему, а просто—„по необходимости, ради успокоенія, умиротворенія бѣдствующаго люда и сохраненія за властвующими и богачами ими владѣемаго". Приходя, на основаніи этихъ соображеній, къ заключенію, что „настоящаго общиннаго духа въ цивилизованной Европѣ нѣтъ", г. Кошелевъ доказываетъ, что этотъ духъ, къ счастью, сохранился до настоящаго времени на Руси. Существованіе это, по его словамъ, доказывается „не только сохраненіемъ общиннаго устройства въ крестьянствѣ, но даже въ насъ, въ интеллигенціи, совершеніемъ, при нашемъ участіи и съ ущербомъ нашимъ интересамъ, освобожденія крестьянъ, единогласнымъ всѣхъ земствъ отзывомъ о распространеніи податныхъ обязанностей на всѣ сословія и живымъ участіемъ, принятымъ нами въ борьбѣ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ, за освобожденіе ихъ отъ турецкаго ига". При этомъ авторъ спрашиваетъ: гдѣ въ цивилизованной Европѣ страданія Славянъ возбуждали такое безкорыстное сочувствіе, основанное лишь на внутренней потребности помочь ближнему? „На нашихъ глазахъ", говоритъ онъ, „почти всѣ — англійская, французская и нѣмецкая—журналистики высказывали сочувствіе Туркамъ-угнетающимъ, а не угнетеннымъ Славянамъ. И все отчего? Оттого, что тамъ личность, ея требованія и стремленія до нельзя развиты, что эгоизмъ тамъ преобладаетъ и что до другихъ людей тамъ никому нѣтъ никакого дѣла".

Г. Кошелевъ, однако, вовсе не противъ *личной* дѣятельности, личной свободы, личной самостоятельности; напротивъ того; „мы глубоко убѣждены", говоритъ онъ, „что безъ нихъ не можетъ быть и *общинной* дѣятельности, свободы и самостоятельности; но первыя существуютъ и развиваются въ человѣкѣ сами собою, а послѣднія, хотя человѣку

Библиотека "Руниверс"

и прирождены, но лично въ немъ подавляются какъ внѣшними обстоятельствами, такъ и собственными его себялюбивыми влеченіями".

Переходя затѣмъ къ общинѣ въ Россіи, г. Кошелевъ говоритъ, что къ великому счастію общинное устройство, общинное землевладѣніе, а пуще всего — общинный духъ сохранились у насъ въ крестьянствѣ; что наша интеллигенція долго не хотѣла и знать ихъ, а потому и не могла ихъ цѣнить; даже всячески старалась — слава Богу, безуспѣшно — имъ противодѣйствовать и ихъ искоренять, считая ихъ „остатками варварства, препятствіями къ нашему развитію и преуспѣнію..." „Теперь", продолжаетъ авторъ, „въ дѣятельности нашей интеллигенціи происходитъ поворотъ: она ищетъ узнать общину, чувствуетъ къ ней любовь и уваженіе и желаетъ содѣйствовать ея усовершенствованію". Почему же однако интеллигенціи нашей такъ трудно проникнуться духомъ общины? Г. Кошелевъ говоритъ, что интеллигенція видитъ только „факты, отдѣльныя достоинства и недостатки общины", потому что изучаетъ ее „по внѣшнимъ ея явленіямъ" и смотритъ на нее „въ свои еще иноземныя или искусственно изготовленныя очки"; а это, по мнѣнію автора, происходитъ главнымъ образомъ отъ того, „что наше общинное устройство хотя въ существѣ своемъ совершенно просто, но въ примѣненіяхъ къ дѣлу чрезвычайно разнообразно". Къ сожалѣнію, этого разнообразія, а главное того, что „одно въ немъ существенное есть духъ, его одушевляющій, духъ братства, покорности власти и глубокой преданности церкви Христовой", многіе изъ говорящихъ и пишущихъ объ общинѣ, и даже изъ людей душевно и умственно къ ней расположенныхъ, не сознаютъ. Такъ, говоритъ авторъ, „крестьянскіе міры, на сходахъ, дѣлятъ землю, разлагаютъ сборы и повинности и устанавливаютъ разные внутренніе порядки вполнѣ своеобразно, а вовсе не по одному какому либо шаблону", такъ что часто „смежныя общества дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи такъ, какъ будто тысячи верстъ ихъ раздѣляютъ. Для крестьянъ главное— установить свои дѣла такъ, какъ для нихъ уравнительнѣе, удобнѣе и справедливѣе; и они вовсе не заботятся объ однообразіи и приглядности ихъ порядковъ и о томъ, чтобы они были угодны постороннимъ. „Правда", прибавляетъ г. Кошелевъ, „теперь, по милости волостныхъ писарей и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, вводится бюрократизмъ и въ крестьянскомъ самоуправленіи; правда, теперь, въ угоду начальства, по требованіямъ старшинъ, составляются странные, часто нелѣпые приговоры, но тутъ община не при чемъ: сила солому ломитъ, сила—уму могила"...

Далѣе авторъ ставитъ вопросъ: существуетъ-ли въ дѣйствительности тотъ общинный гнетъ, отъ котораго наша интеллигенція, въ настоящее время, стремится освободить личность, и не болѣе ли онъ воображаемый, чѣмъ дѣйствительный? И тамъ, гдѣ онъ и имѣется на

Библиотека "Руниверс"

дѣлѣ, исходитъ ли онъ изъ существа общины, или изъ злоупотребленій, въ нее вкравшихся? „Развѣ въ конституціонныхъ монархіяхъ и республикахъ“, говоритъ г. Кошелевъ, „не бываетъ гнета, тираніи однихъ надъ другими, и развѣ можно, ради этихъ случайныхъ обстоятельствъ, осуждать эти образы правленія и приписывать имъ то, что вовсе изъ ихъ существа не истекаетъ?“ „Въ существѣ нашей общины“, продолжаетъ онъ, „вовсе не заключается гнета надъ личностями, а напротивъ того, — въ ней имѣется не только полная ихъ независимость, но и полная ихъ самостоятельность, безъ чего и сама община хирѣетъ и ослабѣваетъ... Самовольщики возможны только потому, что нашъ народъ пригнутъ нуждою, безграмотенъ, и что сперва и долгое время крѣпостнымъ правомъ, потомъ посредниками, а теперь исправниками и непремѣнными членами онъ пріученъ ко всевозможнымъ самоуправствамъ и нарушеніямъ справедливости“. На настоящихъ крестьянскихъ сходкахъ, говоритъ г. Кошелевъ, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ, дѣла рѣшаются просто, разумно и согласно съ личною волею лучшихъ людей общества. Автору случалось присутствовать при сужденіяхъ крестьянъ и по дѣламъ, подлежавшимъ рѣшенію, по совѣсти, и по дѣламъ, гдѣ выгода и удобство имѣли главное значеніе. „По первымъ“, говоритъ онъ, „рѣшенія были скорыя и почти единогласныя; по послѣднимъ дольше спорили, иногда откладывали постановленіе приговора до другаго дня, но все-таки рѣшали умно и согласно желаніямъ большинства. Большинство же высказывается тѣмъ, что меньшинство — или умолкаетъ, или уходитъ домой. Конечно, бываютъ рѣшенія и несправедливыя, и нелѣпыя, но“, спрашиваетъ авторъ, „развѣ парламенты, совѣты, собранія и коммиссіи въ этомъ отношеніи безупречны и непогрѣшимы?“...

„Не преобразовывать, не регламентировать нужно общинныя учрежденія или устройства, не превращать ихъ во что иное“, говоритъ г. Кошелевъ: „необходимо намъ ихъ изучать и проникаться ихъ духомъ. Они, конечно, должны развиваться и совершенствоваться, но сами собою и изъ своего собственнаго существа. Они вовсе не страдаютъ косностью: по мѣстнымъ и временнымъ требованіямъ они измѣняются; въ ихъ обычаѣ только нѣтъ погони за единообразіемъ и за регулированіемъ будущаго. Мы, конечно, не должны оставаться безучастными въ этомъ дѣлѣ; какъ люди болѣе развитые, болѣе властные и болѣе достаточные, мы обязаны помогать нашимъ „меньшимъ братьямъ“ и совѣтомъ, и дѣломъ; но прежде всего намъ необходимо оставить за порогомъ наше высокомѣріе и высокомудріе, пріобщиться того духа, которымъ живетъ община, и тогда — но только тогда — мы получимъ возможность дѣйствовать не во вредъ, а въ пользу общины, ея устройства и основанныхъ на ней учрежденій“.

Затѣмъ г. Кошелевъ обращается къ мысли, высказанной въ выше-

Библиотека "Руниверс"

приведенныхъ словахъ изъ внутренняго обозрѣнія *Русской Мысли*, о „постепенномъ превращеніи общины въ свободный союзъ на основаніи общиннаго землевладѣнія". По мнѣнію автора невозможно, чтобы община перестала быть обязательною и стала свободнымъ союзомъ,—хотя всѣ тѣ, которые не желаютъ долѣе въ ней оставаться, должны имѣть право выхода изъ нея. „Это", говоритъ г. Кошелевъ, тѣмъ невозможнѣе, что въ вышеупомянутомъ опредѣленіи сказано: *вольный союзъ на основаніи общиннаго землевладѣнія*. Землю подѣлить по дворамъ—нетрудно, хотя, конечно, нежелательно; но имѣть свободный союзъ людей на основаніи *общиннаго землевладѣнія*, котораго лучшее и важнѣйшее свойство заключается въ *неотчуждаемости земли* и которое служитъ вѣрнѣйшимъ залогомъ прочности и незыблемости общины, это, просто, непонятно. Земля остается общинною, а люди могутъ разойтись по сторонамъ, или община можетъ всегда свою землю продать и разбрестись!.. „Едва ли", говоритъ авторъ письма, „такой порядокъ желателенъ и въ государственномъ, и въ общественномъ, и въ частномъ отношеніи. Такая община была бы собраніемъ, товариществомъ, случайно и произвольно состоявшимся и ежечасно могущимъ разойтись,—зданіемъ, на пескѣ выстроеннымъ. Думаемъ, что тутъ или мы не поняли г. В. Г. (автора вступительной статьи къ внутреннему обозрѣнію январьской книжки *Русской Мысли*), или онъ неточно выразился".

По поводу словъ: „выдвигая впередъ артельное начало, наше изданіе выше всего поставитъ честный трудъ", г. Кошелевъ, глубоко сочувствуя условію честности труда и думая, что всякій трудъ личный, артельный и общинный, если онъ честенъ, заслуживаетъ полнаго и равнаго уваженія, отказывается понять, почему въ вышеприведенныхъ словахъ, „личный трудъ поставленъ особнякомъ и выше всякаго другаго труда". „Если крестьяне на сходѣ рѣшатъ выкопать прудъ, или устроить плотину, или соорудить какое либо зданіе или городьбу", говоритъ г. Кошелевъ, „то почему такой общій трудъ долженъ считаться ниже личнаго? Тутъ опять недоразумѣніе между нами и г.В. Г."

Вслѣдъ за превращеніемъ общины въ вольный союзъ, въ статьѣ говорится о „выдвиганіи впередъ артельнаго начала". Г. Кошелевъ спрашиваетъ: нѣтъ ли тутъ предположенія превратить общинное начало въ артельное? „Общинное и артельное начала", говоритъ онъ, „совершенно различны; они, конечно, другъ друга не исключаютъ *); но

*) *Прим. 1885 г.* Я думаю даже, что способность русскаго народа составлять *свободныя* артели воспитана въ немъ принудительной поземельной общиной... Осталась *привычка* къ повиновенію *міру* и потому и тамъ гдѣ нѣтъ внѣшняго понужденія или явной, немедленной необходимости, люди все-таки *свободно* соглашаются *подчиняться* артельной ассоціаціи. Послѣдствія психическія часто даже переживаютъ свои основныя причины. Но вопросъ—*надолго ли безъ подновленія* этихъ привычныхъ, воспитывающихъ вліяній?

Библиотека "Руниверс"

„вовсе не желательно, чтобы общинное начало превратилось въ артель-„ное"... „Артель есть вполнѣ свободный союзъ, въ который люди вхо-„дятъ и изъ котораго они выходятъ совершенно по своему произво-„лу... Въ общинѣ люди родятся, ростутъ и имѣютъ свою осѣдлость, „своихъ родныхъ и общіе съ ними связи и обычаи. Въ артель люди „сходятся; артелью производятъ они извѣстныя работы, получаютъ „условленныя деньги, дѣлятъ ихъ и—расходятся по своимъ домамъ"... „Неужели", спрашиваетъ авторъ, „и община должна превратиться въ акой временный, произвольный союзъ? *Тогда, что станется съ крестьянскою устойчивостью? Гдѣ государству и народу обрѣсти основы для своей самобытности и твердости? Не русская ли община удерживала и удерживаетъ нашу самостоятельность?*"

Въ заключеніи своего письма г. Кошелевъ, по поводу признанія авторомъ разбираемой имъ статьи одною изъ главныхъ задачъ *Русской Мысли* „содѣйствовать живому и плодотворному росту личности", выражаетъ мнѣніе, что „личность ростетъ у насъ успѣшно во всѣхъ „состояніяхъ и *безъ содѣйствія новаго журнала*". *„Ужъ не черезчуръ ли"*, говоритъ онъ, *„она развилась и развивается на Руси и по образ-„цамъ иноземнымъ*, и *по собственнымъ измышленіямъ*, вслѣдствіе раз-„ныхъ подавляющихъ ее общественныхъ недуговъ?... Весьма жела-„тельно, совершенно необходимо наше обновленіе и животвореніе въ „нравственномъ нашемъ бытѣ, и въ этомъ отношеніи добрымъ, надеж-„нымъ пособіемъ можетъ быть безотлагательное и, повозможности, полное „перенесеніе и водвореніе въ нашъ *бытъ того общиннаго или общнаго „духа, который сохранился въ крестьянствѣ и который проявляется „у насъ вообще въ великія эпохи нашей народной жизни*". Стремленіе, содѣйствіе къ разрѣшенію такой задачи, думаетъ г. Кошелевъ, и вполнѣ настоятельно, и вполнѣ достойно такого изданіи, какъ *Русская Мысль*.

Таковы возраженія г. Кошелева въ защиту *обязательности* нашей крестьянской общины или, точнѣе сказать, *обязательности общиннаго землевладѣнія*. Редакція *Варшавскаго Дневника* вполнѣ согласна съ мнѣніемъ г. Кошелева о томъ, что нельзя ни предоставить крестьянамъ права продавать или вообще отчуждать свои участки, ни дать имъ полную волю заключать или разрывать, какъ угодно и когда угодно, поземельные союзы. Здѣсь кстати замѣтимъ слѣдующее: самая, можно сказать, *нелиберальная* изъ реформъ нашего времени въ Россіи, это реформа крестьянская, и она то и оказалась самою, такъ сказать, *счастливою*. Освободивши крестьянъ отъ *личной* власти помѣщиковъ, *законъ* оставилъ ихъ и *прикрѣпленными* къ землѣ, и въ большой зависимости отъ *міра*. Законъ, такъ сказать, утвердилъ эту, все-таки, *принудительную* или *стѣснительную* форму людскихъ отношеній. И что-же мы видимъ:—именно въ крестьянскомъ слоѣ, т. е. въ классѣ людей менѣе

Библиотека "Руниверс"

другихъ *свободныхъ* (по крайней мѣрѣ съ *хозяйственной* или *экономической* стороны), мы находимъ *больше охранительной твердости*, больше вѣрности преданіямъ, *больше даже государственнаго инстинкта*, чѣмъ въ тѣхъ общественныхъ слояхъ нашихъ, которымъ *предоставлена полная свобода бѣднѣть, богатѣть, продавать* и *покупать личную собственность, мѣнять мѣсто осѣдлости и такъ далѣе*. Не есть ли эта чрезмѣрная *неустойчивость собственности, мѣста жительства* и т. п., одна изъ главныхъ, хотя и не ясно еще понятыхъ причинъ общаго разстройства дѣлъ, не только у насъ въ Россіи, но и во всей Европѣ? Либеральному строю обществъ и либеральному движенію умовъ всегда и вездѣ сопутствуетъ въ сферѣ экономической господство *подвижнаго капитала*, или, проще говоря, *денегъ*. По особымъ, мѣстнымъ причинамъ, у насъ переходъ отъ строя сословнаго (или корпоративнаго въ своемъ родѣ), къ гражданскому равенству и несравненно большей, противу прежняго, личной свободѣ сопровождался особенно сильнымъ потрясеніемъ *личныхъ* состояній. На Западѣ (гдѣ, почти внезапно послѣ отмѣны привиллегій дворянства, а гдѣ болѣе постепенно) выдвинулся на мѣсто дворянства солидный, твердый, издавна привыкшій къ труду и экономіи слой, одинаково съ дворянствомъ образованной *буржуазіи*,— онъ былъ давно уже *готовъ*, но дворянство его только заслоняло. У насъ само дворянство, лишившись привиллегій своихъ, обратилось въ трудовую буржуазію, не имѣя къ тому ни подготовки, ни подходящихъ преданій. Оно прекрасно и благородно несетъ свою историческую судьбу; но все-таки нельзя забывать, что положеніе, которое было легко сыну французскаго фермера или нѣмецкаго подмастерья— вовсе не легко русскому дворянину, выросшему на хлѣбѣ дароваго труда!

Мы хотимъ, говоря это, напомнить объ одной изъ главныхъ, быть можетъ, причинъ чрезмѣрной подвижности и неустойчивости и экономической, и *умственной* въ средѣ нашей интеллигенціи.

Въ этой „интеллигенціи" господствуетъ полный *индивидуализмъ* интересовъ и собственности; она *либеральна*, тревожна и растеряна; *общины* крестьянскія *прикрѣплены* закономъ къ землѣ; въ нихъ личность связана волей *міра* и различными обязательствами, изъ общиннаго устройства *принудительно* вытекающими; эти общины—устойчивы, охранительны, надежны.

Но устоятъ-ли *міры* на долго, когда на сторонѣ *индивидуализма* больше власти, больше денегъ, больше образованности? Вотъ въ чемъ опасность. Не *подкрадется*-ли и къ нимъ либеральный индивидуализмъ какими нибудь окольными путями и даже самъ *не сознавая* того, что онъ дѣлаетъ? Напр. посредствомъ неловкихъ дѣйствій въ земствѣ, или въ средѣ самой администраціи, или посредствомъ неправильнаго духа школъ?

Библиотека "Руниверс"

Общины крестьянскія очень сильны общей стихійной массой своей; но вѣдь давленіе „интеллигентнаго“ индивидуализма въ разнородной совокупности своей еще несравненно сильнѣе. Какъ ни разрозненна въ своихъ интересахъ эта интеллигенція наша, и какъ ни разнообразны въ ней оттѣнки личныхъ мнѣній—есть *нѣчто* преобладающее въ ней до подавляющаго большинства, эта—*вѣра* въ *либеральный общечеловѣческій прогрессъ*, чего у простолюдина нашего, слава Богу, еще нѣтъ. Въ числѣ русскихъ людей, получившихъ болѣе или менѣе общеевропейское образованіе, конечно, есть и такіе, которые въ болѣе развитой и утонченной формѣ раздѣляютъ міровоззрѣніе простолюдиновъ, и *отвергли* въ умѣ своемъ то, до чего еще простолюдины и непробовали доходить. Но такихъ людей намъ кажется еще очень мало, и не они берутъ верхъ постоянно въ движеніи умовъ. Вотъ что—страшно!

И „хозяева“ наши, не всѣ разумѣется, одарены тѣмъ серьезнымъ государственнымъ смысломъ, который обнаруживаетъ А. И. Кошелевъ, защищая *обязательный* строй общины. — *Очень многіе* предпочли бы *свободное батрачество*, *индивидуализмъ бѣдности*, для болѣе дешевой обработки своихъ полей. Они думаютъ только о ближайшей „завтрашней“, такъ сказать, выгодѣ своей. Они не умѣютъ предвидѣть того, *что было бы дальше*, если бы половина или даже двѣ-трети всего крестьянства, распродавъ участки свои, обратилось бы въ батраковъ и бродягъ. Вотъ тогда-то-бы настало раздолье агитаторамъ!...

Будемъ надѣяться, что Россія *обойдетъ*, какъ нибудь *по своему*, хоть этотъ подводный *камень*, и выждавъ то время, когда Западъ совершенно уронитъ себя въ глазахъ нашихъ образованныхъ, но *чѣмъ-то осмѣпленныхъ* до сихъ поръ людей, выйдетъ на свой собственный историческій путь. По нашему мнѣнію, однимъ изъ главныхъ призваній Славянства должно быть именно постепенное уничтоженіе въ средѣ своей того свободнаго *индивидуализма*, который губитъ всѣ современныя общества... Чтобы выразиться яснѣе вообразимъ себѣ, рядомъ съ крестьянскими мірами, сравнительно бѣдными, безграмотными, или мало образованными,—*другія общины*, богатыя, просвѣщенныя и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозныя; свободно, положимъ, вначалѣ, собравшіяся; но *вслѣдствіе гнетущей, однако, силы обстоятельствъ* постепенно потомъ сложившіяся не въ простыя, обыкновенныя *ассоціаціи*, подвижныя и неосновательныя, какъ и все *собственно* нынѣшнее, а въ *корпораціи обязательныя* и строгія, напр., какъ бы вродѣ монастырей, но съ *семейнымъ характеромъ*. Такія корпораціи, богатыя и сильныя умственно, къ тому же *либерализму личному вовсе чуждыя*, могли бы успѣшно бороться и отстаивать какъ себя, такъ и все остальное, носящее на себѣ печать общинности, противъ всякаго внѣшняго излишняго давленія. Но до этого Славяне не дойдутъ ни посредствомъ съѣздовъ или совѣщаній, ни путемъ прямыхъ реформъ; они могутъ дой-

Библиотека "Руниверс"

ти до этого только дальнѣйшимъ горькимъ опытомъ, полнымъ разочарованіемъ въ европейскихъ идеалахъ, и вообще, какъ мы сказали, благодаря *гнетущей силѣ множества обстоятельствъ*... Дай Богъ, чтобы наши *простыя* крестьянскія общины, сохраняясь *до тѣхъ поръ* неприкосновенными, даже и въ грубости своей (*это гораздо вѣрнѣе*), могли бы послужить началомъ и первообразомъ для подобныхъ общинъ богатыхъ, развитыхъ и своеобразныхъ.

Въ заключеніе, приведу здѣсь замѣчаніе одного человѣка, котораго направленіе съ нашимъ ужь конечно вовсе не схоже, Эмиля Кастелляра... Въ журналѣ *Бесѣда* (одной редакціи съ *Русской Мыслью*) была (если намъ не измѣняетъ память) помѣщена какъ-то разъ одна рѣчь его... Эмиль Кастелляръ говорилъ вообще объ „общинахъ". „Крестьянская община въ Россіи, сказалъ онъ, тѣснѣйшимъ образомъ связана съ самодержавной формой правленія этой великой имперіи".

Я привожу эту цитату, какъ сказано, на память и прошу извинить меня, если я въ чемъ нибудь не много ошибся, въ какомъ нибудь словѣ или оборотѣ.

Я думаю, что Кастелляръ правъ. *Поземельная и обязательная форма общины связана съ самодержавной формой правленія. А индивидуализмъ* рано или поздно неизбѣжно и даже непримѣтно ведетъ къ конституціи, то есть къ полнѣйшему господству *капиталистовъ, банкировъ* и *адвокатовъ!*

Хорошо-ли это?

Чѣмъ и какъ либерализмъ нашъ вреденъ?

(Варшавскій Дневникъ 1880 г.).

I.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Голоса* напечатана статья г-на Александра Градовскаго, подъ заглавіемъ: *Смута.*

Статья эта посвящена защитѣ „либераловъ" противъ людей, обвиняющихъ ихъ въ потворствѣ „революціоннымъ злодѣяніямъ".

Г. Градовскій спрашиваетъ: „есть-ли, однако, основаніе къ такому обвиненію? Изслѣдованъ-ли не только вопросъ о „соучастіи" этого загадочнаго „либерала" съ злоумышленниками, но даже болѣе простой вопросъ: *что такое русскій либералъ"?*

„Посмотримъ, въ чемъ дѣло; разъищемъ этого загадочнаго либерала, вносящаго такую бѣду въ наше, поистинѣ, бѣдное общество.

Происхожденіе нашихъ „партій" относится ко времени преобразовательной дѣятельности нынѣ царствующаго Государя. Послѣ того, какъ были произведены реформы крестьянская, судебная и земская, какъ дарованы были льготы печати и университетамъ, общество наше распалось на два лагеря. Спорными пунктами между ними явились:

Библиотека "Руниверс"

1) Вопросъ о принципіальной годности реформъ въ примѣненіи къ нашему быту.

2) Вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи совершонныхъ преобразованій.

Люди, преданные дѣлу реформы, *получили* кличку либераловъ; люди противоположнаго направленія нарекли его *охранительнымъ*. Насколько оба эти названія оправдывались существомъ дѣла разбирать не будемъ.

По счастливому стеченію обстоятельствъ, русскому либерализму не представлялось никакой нужды быть началомъ *оппозиціоннымъ*. Напротивъ, при освобожденіи крестьянъ, равно какъ и при послѣдующихъ реформахъ такъ-называемые „либералы" являлись вполнѣ *правительственною* партіею. Это всѣ помнятъ и знаютъ. Конечно, не они подставляли ногу новымъ учрежденіямъ. Принципіальное неудовольствіе совершившимися преобразованіями принадлежало совершенно иной „партіи".

Прекрасно.

Авторъ приводитъ далѣе тотъ параграфъ законоположеній, въ которомъ говорится:

„Не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій, оскорбительныхъ для установленныхъ властей".

Дѣйствію этаго правила, очевидно, подлежатъ и тѣ законы, которые такъ дороги „либераламъ". Но едва ли согласно съ пользою государства и общества приводить эти законы въ связь съ планами революціонной партіи и отождествлять сторонниковъ этихъ законовъ съ „служителями крамолы".

Такъ говоритъ Г. Градовскій.

Это свидѣтельство закона здѣсь очень кстати. Руководясь имъ, мы оба останемся на такъ называемой *легальной* почвѣ.

Начнемъ прежде всего съ того увѣренія, что никто не позволитъ себѣ обвинять *всѣхъ* безъ исключенія русскихъ либераловъ въ *сознательномъ и преднамѣренномъ* потворствѣ заговорамъ и нигилизму.

Либерализмъ, какъ идея по преимуществу отрицательная, очень растяжима и широка. Въ Россіи либераловъ теперь такое множество и личные оттѣнки ихъ до того мелки и многочисленны, что ихъ и невозможно подвести подъ одну категорію, какъ можно, напримѣръ, подвести подъ таковую *нигилистовъ* или *коммунаровъ*.

У послѣднихъ все просто, все ясно, все исполнено особаго рода преступной логики и свирѣпой послѣдовательности. У либераловъ все смутно, все спутано, все блѣдно, всего понемногу. Система либера-

Библиотека "Руниверс"

лизма есть, въ сущности, отсутствіе всякой системы, она есть лишь отрицаніе *всѣхъ крайностей, боязнь всего послѣдовательнаго и всего выразительнаго.*

Эта то неопредѣленность, эта растяжимость либеральныхъ понятій и была главной причиной ихъ успѣха въ нашемъ поверхностномъ и впечатлительномъ обществѣ.

Множество людей либеральны только потому, что они жалостливы и добры; другіе потому, что это выгодно, потому, что это въ модѣ: —„*никто смѣяться не будетъ!*“ Къ тому же и *думать* много не надо для этого теперь. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ быть умѣреннымъ либераломъ стало также легко и выгодно, какъ было выгодно и легко быть строжайшимъ охранителемъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Въ 30-хъ 40-хъ годахъ, только консерваторы пользовались уваженіемъ; только они дѣлали карьеру и составляли себѣ состояніе. Либералы въ то время казались или слишкомъ опасными или смѣшными. *Въ то время*, чтобы быть либераломъ дѣйствительно нужно было *мыслить* (правильно или нѣтъ—это другой вопросъ), ибо среда не благопріятствовала либерализму. Тогда либерализмъ не былъ ни дешевымъ фрондерствомъ земскаго дѣятеля противъ губернатора, ни жестокостью мироваго судьи къ старой помѣщицѣ, выведенной изъ терпѣнія слугами, ни фразами адвоката въ защиту бунтующей молодежи, ни завистливой оппозиціей „бѣлаго“ священника монаху-епископу, и т. д. *Тогда* либерализмъ былъ *чувствомъ* личнымъ и живымъ; онъ былъ тогда *великодушіемъ*, во многихъ случаяхъ—отвагой. Теперь-же либералами у насъ (по выраженію Щедрина) *заборы подпираютъ*... Такъ ихъ много и такъ мало нужно ума, познаній, таланта и энергіи, чтобы стать въ наше время либераломъ! Либерализмъ въ Россіи есть система весьма легкая и незатѣйливая еще и потому, что охраненіе у всякой націи *свое*, у Турка—турецкое, у Англичанина—англійское, у Русскаго—русское; а либерализмъ у всѣхъ одинъ! (т.-е. либерализмъ не британскій *исключительный*, особый, а *общій*—демократическій либерализмъ).

Все можно было безъ долгой, исторической работы заимствовать и все слишкомъ легко принялось. *Хорошо ли намъ такъ близко подходить къ Европѣ и прививать себѣ поспѣшно и простодушно всѣ ея худосочныя начала?*... Что нибудь одно—или космополитизмъ, т.-е. паденіе отдѣльныхъ государствъ и сліяніе ихъ во едино есть благая цѣль; или этотъ исходъ—есть зло и опасность?...

Тому, кто находитъ это благомъ, здѣсь прямо возражать на это я не буду; такое возраженіе вышло бы слишкомъ длинно. Если же государственный космополитизмъ есть зло и опасность, то значитъ и обще-европейскій либерализмъ, какъ упорно-проводимая система, облегчающая хотя бы и въ далекомъ (?) будущемъ подобное государствен-

Библиотека "Руниверс"

ное сліяніе, есть также если не зло, то по крайней мѣрѣ ошибка и неосторожность.

Я говорю *зло*, замѣтьте; я не говорю *злонамѣренность*. Въ жизни и любовь, и великодушіе, и даже ложно понятая справедливость—могутъ порождать зло. Надо это понимать.

Я началъ съ того, что сказалъ:—никто не позволитъ себѣ обвинять всѣхъ либераловъ въ злонамѣренности. Они, повторяю, очень различны. Приведу еще нѣсколько примѣровъ; одинъ—либералъ потому, что былъ либераломъ еще въ 40-хъ годахъ, и ему больно разстаться съ любимымъ идеаломъ, которому онъ такъ долго и такъ искренно служилъ; другой остается на всю жизнь либераломъ, потому что думаетъ, будто бы честный человѣкъ непремѣнно долженъ быть всю жизнь свою вѣренъ прежнимъ убѣжденіямъ, даже и вопреки цѣлому ряду разочарованій. Этотъ родъ честнаго либерализма весьма вреденъ, потому что имъ особенно расположены страдать люди извѣстные, вліятельные и на виду стоящіе; разъ связавши свое имя съ извѣстнаго рода громкой дѣятельностью, съ извѣстнымъ родомъ службы обществу, съ опредѣленнымъ литературнымъ и политическимъ оттѣнкомъ, имъ стыдно покаяться и сознаться, что они ошибались такъ долго. Не у всѣхъ найдется умственное мужество Кельсіева и Герцена, рѣшившихся публично каяться,—первый въ томъ, что находилъ соціалистическую инсуррекцію полезной для Россіи, а второй въ томъ, что уважалъ вначалѣ своей жизни современный „мѣщанскій“ прогрессъ.

Этотъ родъ либерализма, говорю я, искренній сначала, а впослѣдствіи *только твердый*, *но уже не искренній*, есть самый вредный родъ, ибо онъ серьезенъ и вліятеленъ. Вотъ какъ даже и честность своего рода можетъ родить нерѣдко великое зло въ этой „юдоли плача“ земнаго!

Самые безвредные либералы въ наше время это либералы *изъ выгодъ*. Одинъ, напримѣръ, либералъ оттого, что пишетъ для пропитанія въ газетѣ, защищающей „свободу и равенство“. Этотъ легко исправимъ; какая нибудь ссора съ редакторомъ или хорошая построчная плата въ разумной газетѣ сдѣлаетъ его охранителемъ въ одну недѣлю, лишь бы успѣть примѣниться... Другой любитъ свободу потому, что, состоя на службѣ, не угодилъ начальству; третій—потому, напротивъ, что угодилъ либеральному сановнику; четвертый—пламенный боецъ за всевозможныя „права“ человѣка потому, что онъ составилъ себѣ имя и состояніе при новыхъ, либеральныхъ судахъ, и т. д.

Этого рода люди не такъ вредны и опасны какъ люди благородные и честные!.. Такихъ людей, неисправимыхъ *морально*, *но политически* очень легко исправимыхъ, посредствомъ какой-нибудь *мзды*,—къ счастію, у насъ есть еще много. *Политика* не *этика*... Что дѣлать! Она имѣетъ *свои законы*, независимые отъ *нравственныхъ*.

Библиотека "Руниверс"

Есть у насъ также помѣщики, либеральные, только *снизу вверхъ;* дѣла ихъ разстроены эмансипаціей и они, не сочувствуя *эгалитарнымъ* реформамъ, либеральны только въ *оппозиціонномъ* смыслѣ, съ досады.

Женщины, которыя и у насъ очень вліятельны, либеральны большею частію по мягкости, по состраданію, по ложному пониманію христіанства или, наконецъ, потому, что никакой raison d' état для нихъ непонятенъ..., и т. д.

Какая же во всемъ этомъ систематическая злонамѣренность?... Есть конечно, если хотите, въ нашемъ обществѣ легкій оттѣнокъ фрондерства; есть какая-то иногда невинная и пустая, иногда зловредная дурь мелкой оппозиціи. Но упорнаго и сознательнаго потворства злодѣяніямъ мы у большинства либераловъ вовсе не видимъ.

У „большинства" я говорю; но нельзя сказать, что вовсе нѣтъ *подобнаго потворства.*

Всякій можетъ указать на факты такого рода, на факты всѣмъ извѣстные, но какъ-то *кстати* нынче *вдругъ забываемые.*

Теперь я скажу два слова о либерализмѣ *учрежденій*, а потомъ распространюсь побольше о либерализмѣ *лицъ*, дѣйствующихъ на почвѣ этихъ учрежденій, или подъ вліяніемъ *льготъ*, новыми учрежденіями дарованныхъ.

Я не стану много трактовать *о самихъ реформахъ.* Г. Градовскій говоритъ основательно, что новыя учрежденія *законъ, воля правительства* и *потому* имъ надо подчиняться.

Это правда, и я не позволю себѣ здѣсь критиковать *реформы.* Но замѣчу только одно: разъ допустивши, что „равенство и свобода"— гражданскіе идеалы, надо сочувствовать реформамъ искренно и сознаться, что на *этой почвѣ* (на почвѣ равенства и свободы) реформы наши проведены хорошо. Но для меня еще вопросъ: можетъ-ли долго, болѣе *какихъ нибудь ста лѣтъ* простоять какое-бы то ни было *общество при равенствѣ и свободѣ?...* Но объ этомъ принципіальномъ сомнѣніи послѣ... *) А теперь о либерализмѣ русскихъ людей на почвѣ новыхъ учрежденій и подъ вліяніемъ современныхъ льготъ.

Вотъ тутъ-то и начинается нѣчто *подозрительное*, и если не всегда прямо злодѣйское, то или очень глупое и легкомысленное, или весьма коварное и нечистое.

Посмотримъ, что дѣлалось и дѣлается до сихъ поръ *либеральными* людьми на почвѣ либеральныхъ учрежденій. Посмотримъ, какъ *служили* эти „единомышленники" правительства... „*Россіи* и *Государю*" говоритъ г. Градовскій. Моему монархическому педантству такой порядокъ словъ не нравится: я предлагаю говорить — *Государю* и Россіи; ибо я не понимаю французовъ, которые умѣютъ любить *всякую* Фран-

*) *Прим. 1885 г.* Смотри т. I-й, статью „Византизмъ и Славянство", главы о „Прогрессѣ и развитіи". *Авт.*

Библиотека "Руниверс"

цію и *всякой* Франціи служить... Я желаю, чтобы отчизна моя достойна была моего уваженія, и Россію *всякую* (напр. такую, въ которой Градовскій и Стасюлевичъ ограничивали бы власть министровъ) я могу развѣ по *принужденію* выносить... Г. Градовскій судитъ, видимо, иначе.

Итакъ, посмотримъ какъ люди русскіе либеральнаго духа *служили Государю* и Россіи на основаніи этихъ реформъ.

Г. Градовскій упомянулъ, о земствѣ, о судахъ, объ университетахъ, о печати, объ эмансипаціи крестьянъ съ землею.

Начнемъ хоть съ земства. По нашему мнѣнію, земская реформа лучше новыхъ судовъ. Въ ней есть все-таки что-то „почвенное", солидное, а главное то хорошо, что въ устройствѣ земства есть что-то свое, чего нѣтъ въ судахъ эклектически списанныхъ съ западныхъ образцовъ. За то въ судахъ европейское зло и сказалось гораздо грубѣе и рѣзче, чѣмъ сказывается въ земствѣ.

Однако и въ земствѣ замѣтенъ нерѣдко такой духъ, который нельзя назвать правительственнымъ или охранительно-либеральнымъ, т.-е. *не переходящимъ за черту дарованныхъ мѣстъ.*

Приведу нѣсколько примѣровъ. Въ одной губерніи баллотируется нѣкто въ гласные,—мѣстный помѣщикъ, человѣкъ образованный *какъ всѣ*, и никакихъ провинностей особыхъ за нимъ не числится. *Почти всѣ шары черные.* Отчего? За что это?...

Онъ *близокъ губернатору*; *онъ ему, кажется, другъ*; мы не желаемъ, чтобы *администрація* знала все, что мы дѣлаемъ, и вліяла-бы тутъ...

Что такое администрація? Это ни что иное какъ само правительство en détail. Что такое губернаторъ? Это не становой, это лицо по порядку власти третье послѣ Государя, такъ какъ въ обыкновенное время (т.-е. при отсутствіи военныхъ генералъ-губернаторовъ) губернаторъ зависитъ только отъ министра, а министръ есть ближайшій выразитель Верховной Воли.

Положимъ, это еще не велика бѣда. И земство то же правительственный органъ особаго рода. Можно позволить ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть въ маленькомъ видѣ тѣмъ, чѣмъ бываетъ въ Англіи оппозиція т.-е. съ одной стороны министерство Ея Величества, а съ другой *оппозиція тоже Ея Величества.* Я знаю, что на это мнѣ могутъ возразить весьма основательно еще слѣдующее: „оппозиція можетъ быть охранительнаго и даже глубоко-реакціоннаго характера"... Да, теоретически это вѣрно; *но на практикѣ, въ Россіи, мы этого почти вовсе не видимъ...*

Для поясненія нашей мысли, вообразимъ себѣ слѣдующій составъ земскаго уѣзднаго Собранія: богатые помѣщики—покойный Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій и недавно скончавшійся престарѣлый графъ Игнатьевъ (1-й), у котораго въ Петербургѣ *была домовая церковь*; одинъ очень умный молодой человѣкъ самаго *новѣйшаго*, послѣдняго

Библиотека "Руниверс"

стиля, которому уже въ московскомъ университетѣ опротивѣли *болѣе чѣмъ либеральные* товарищи (они вѣдь такъ неинтересны!); онъ любитъ Шопенгауера и Гартмана, поэтому *пессимистъ* для всего человѣчества и въ благоденствіе не вѣритъ; потомъ три купца—старовѣры; нѣсколько бѣдныхъ помѣщиковъ, въ душѣ озлобленныхъ либераловъ, но желающихъ быть членами управы, потому что имъ нужны деньги. Въ угоду первымъ тремъ лицамъ, они прикидываются охранителями; потомъ крестьяне, представители общинъ, и между ними нѣсколько начетчиковъ; два представителя монастырей, нѣсколько отставныхъ военныхъ, желающихъ покоя и уважающихъ дисциплину, и т. д. Весь составъ въ этомъ родѣ...

Разумѣется, что такое земство не злоупотребляло бы *правами* и часто дѣлало бы оппозицію въ правую сторону, а никакъ *не въ лѣвую*... Но такъ ли обыкновенно бываетъ у насъ? Похожъ ли составъ нашего земства на подобную картину? И что случается обыкновенно, когда администрація и земство въ чемъ нибудь несогласны?...

Когда эти два органа—администрація и земство (положимъ оба правительственные *по источнику*)—вступаютъ въ свою глухую борьбу, то обнаруживается вотъ что: правительство, *выдѣливъ* изъ себя, такъ сказать, земство и даровавъ ему извѣстныя льготы, находитъ въ данную минуту, что этихъ льготъ довольно и бо́льшихъ оно не находитъ полезнымъ дать... Поэтому администраціи поручается наблюдать за тѣмъ, чтобы въ земской дѣятельности либерализмъ *духа* не переходилъ *за черту* либеральнаго *закона*. Земство, по чувству естественному и присущему всякому человѣческому учрежденію, постоянно стремится перейти эту черту не по формѣ, а именно по духу, т.-е. *ослабить мѣстное дѣйствіе той самой власти, которая даровала ему права*... И такъ какъ, въ Россіи, большинство до сихъ поръ еще наивно вѣритъ, что всѣ наши бѣдствія происходятъ отъ отсталости, а не отъ прогресса, отъ недостатка европеизма и современности, а не отъ излишней подражательности, то всѣ эти стремленія перейти черту льготъ, вся эта *мелкая оппозиція* принимаетъ большею частію не реакціонный и консервативный характеръ, а эгалитарно-либеральный, усиливающій сперва общее разслабленіе, а потомъ и разнузданность.

Изъ оппозиціи Его Величества, этотъ мелкій, но постоянный отпоръ, легко, самъ того не замѣчая, перерождается въ оппозицію Его Величеству.

Все это очень сложно, конечно, но надо постараться на сколько есть силъ разобрать эту сложность. Дворянство наше, напримѣръ, что оно: „консервативно“ или нѣтъ? Вотъ важный вопросъ, ибо хотя дворянство какъ *сословіе* уже почти не существуетъ de facto съ 1861 года; но оно въ провинціи продолжаетъ играть первенствующую роль: во 1-хъ,

Библиотека "Руниверс"

какъ „интеллигенція“, а во 2-хъ, какъ крупный землевладѣльческій классъ. Что такое это нынѣшнее дворянство?

Дворяне это прежде всего *русскіе европейцы*, выросшіе на общеевропейскихъ понятіяхъ XIX вѣка, т.-е. на понятіяхъ смутныхъ, на основахъ расшатанныхъ, на чтеніи такихъ книгъ и газетъ, въ которыхъ все критикуется и многое отвергается, а непреложными аксіомами считаются только принципы либерально-эгалитарнаго прогресса; т.-е. les droits de l'homme... Эти русскіе европейцы въ большинствѣ случаевъ очень *лойальны*; они готовы идти за Государя на войну или посылать на смерть за родину сыновей своихъ; они готовы жертвовать и деньги... Въ средѣ дворянской несравненно больше, чѣмъ во всякомъ другомъ классѣ, найдемъ мы людей благородныхъ, великодушныхъ и честныхъ. Но *личная мораль* (я уже говорилъ это) и даже личная доблесть, сами по себѣ взятыя, не имѣютъ въ себѣ еще ничего организующаго и государственнаго. Организуетъ не личная добродѣтель, не субъективное чувство чести, а идеи *объективныя*, *внѣ насъ стоящія*, прежде всего *религія*. Религіозно ли наше дворянство? Набожно ли оно, или нѣтъ? Нѣтъ сомнѣнія, крестьяне наши нравственно несравненно ниже дворянъ, они часто жестоки, до глупости недовѣрчивы, много пьютъ, недобросовѣстны въ сдѣлкахъ, между ними очень много мелкихъ воровъ; но у нихъ есть опредѣленныя *объективныя идеи*; есть *страхъ грѣха* и любовь къ самому *принципу власти*. Начальство смѣлое, твердое, блестящее, и даже крутое *имъ нравится*... Архіереевъ, генераловъ, командировъ военныхъ мужикъ нашъ не только уважаетъ, *они нравятся* его византійскимъ чувствамъ... *Кресты* царскіе онъ любитъ и глядитъ на нихъ съ уваженіемъ, почти мистическимъ? Таково ли нынѣшнее дворянство?... Будемъ искренни... Многимъ дворянамъ Гамбетта или Брайтъ нравятся больше чѣмъ Муравьевъ (Виленскій) или Паскевичъ...

Понятно, что изъ этого выходитъ?... Возмемъ одинъ примѣръ еще изъ одной губерніи... Возникаетъ вопросъ о томъ, допускать ли представителей бѣлаго духовенства на выборы въ гласные, или нѣтъ. Въ Петербургѣ рѣшаютъ: „допускать, ибо они могутъ имѣть нравственное вліяніе“. Дворянство отвѣчаетъ сдержанной улыбкой на это замѣчаніе *о нравственномъ вліяніи* духовенства. Священники баллотируются въ гласные. *Всѣ не избраны*. Что-жъ это такое? Легальность соблюдена, свобода выбора... Хорошо! Свобода *выбора*, но зачѣмъ же этотъ *духъ* свободы и прогресса? На подобный вопросъ мнѣ отвѣчаютъ: земство—дѣло прежде всего хозяйственное, экономическое; на что священники?

Мнѣ кажется, что крестьяне и старые купцы взглянули бы на участіе *священниковъ* серьезнѣе.

Пусть будетъ такъ; пока это еще вовсе не *злонамѣренность*, не крамола, это просто тотъ же самый *духъ времени*. Это скорѣе европейское

Библиотека "Руниверс"

легкомысліе, современная потребность переходить за черту хотя бы обходомъ и непремѣнно *не направо, а налѣво*. Это все еще довольно безобидная и съ виду вполнѣ законная *оппозиція*, и больше ничего.

Но вотъ... близится важный, почти страшный вопросъ о *школахъ*... Земству дано право открывать школы, содержать ихъ и руководить ими, при соблюденіи опредѣленныхъ формальностей. Школы эти поставлены подъ надзоръ особыхъ директоровъ и инспекторовъ, отъ земства независящихъ; кромѣ того, существуютъ высшіе училищные совѣты, въ которыхъ засѣдаютъ разные члены-наблюдатели, директоръ гимназіи, напримѣръ, губернскій предводитель и т. д. И что же? Несмотря на весь этотъ надзоръ, на всѣ легальныя препоны, положенныя, повидимому, какъ *неосторожностямъ наивнаго прогресса*, такъ и *злонамѣренности*... въ школы проникало до самаго послѣдняго времени столько нежелательнаго..., что понадобилось удвоенное къ нимъ вниманіе...; являются даже таблицы зоологическія, во вкусѣ *Дарвина*, опережающія, замѣтимъ, и самую науку. Ибо на такихъ таблицахъ изображена съ *торжественнымъ* и *выразительнымъ безмолвіемъ* лѣстница прямаго восхожденія существъ отъ инфузоріи до человѣка; тогда какъ въ самой отрѣшенной отъ всякихъ нравственныхъ *стѣсненій* заграничной наукѣ, идетъ еще вопросъ о томъ: какъ понимать дарвинизмъ (или родство животныхъ типовъ)—какъ родство *дѣйствительное*, физіологическое, или какъ родство *идеальное*, подобное родству кристаллическихъ формъ или архитектурныхъ стилей?

Бывали, говорятъ, въ педагогической дѣятельности земствъ и такіе примѣры. Священниковъ просятъ не *безпокоиться*, а приходить только на экзамены и если успѣхи въ *Законѣ Божіемъ* окажутся хорошими, то священникамъ земство даетъ *денежную награду*. Священники бѣдны, къ тому же многіе изъ нихъ сами полу-либералы, уже изъ-за того одного, что подчинены черному духовенству („этимъ *тунеядцамъ*-монахамъ, достигающимъ епископскаго сана")! Священники молчатъ, а къ дѣтямъ приближаются большею частью люди, по крайней мѣрѣ, сомнительные.

Случались еще и вещи инаго рода; я знаю что въ домѣ одного предводителя учитель народнаго училища публично проповѣдывалъ слѣдующія вещи:

— „Роскошь! Кто говоритъ противу комфорта и роскоши? Вотъ здѣсь (въ домѣ помѣщика) хорошо, красиво. Но надо болѣе ровное распространеніе всего этого. Посмотрите, какъ живутъ крестьяне, посмотрите и на церковь. Въ церкви роскошь: золото, серебро; все это накопленіе богатства можно обратить на другое, болѣе полезное. Если крестьяне въ силахъ поддерживать церковь, то они были и въ силахъ *вмѣсто этой церкви поддерживать и клубъ*, въ которомъ они привы-

Библиотека "Руниверс"

кали бы постепенно къ опрятности, къ удобствамъ жизни, читали бы газеты" и т. д.

Всѣ слушаютъ, и никто не находитъ даже эти рѣчи злонамѣренными. Все это—пріятная бесѣда и больше ничего. Въ этомъ данномъ случаѣ, мы слышимъ всю гамму либеральнаго концерта, мы видимъ всѣ оттѣнки либеральной окраски отъ явнаго нигилизма (злонамѣренности) въ лицѣ учителя, до простодушнаго и невнимательнаго потворства со стороны земскихъ дѣятелей, и даже до снисходительности полицейскихъ властей. Какъ именно? А вотъ какъ: земскіе дѣятели слушаютъ и молчатъ, можетъ быть, не находя это серьезнымъ, а можетъ быть и соглашаясь съ учителемъ въ томъ, что *рано или поздно это и должно быть такъ*; „нельзя только вдругъ сдирать съ народа *старую кору суевѣрій*". Это я и не называю явною злонамѣренностью, а просто—прогрессивной пустотою, просвѣтительнымъ простодушіемъ, европейской глупостью...

Но дѣло, положимъ, дошло до губернатора; учителя схватили; схватили, отправили куда-то, подержали гдѣ-то и *выпустили опять*... и *онъ опять въ той же губерніи*. Немного погодя, вѣроятно, будетъ учить... Вы спросите, что-жъ дѣлать со всѣмъ этимъ?... Не скажу—*не знаю*, а скажу—*подождемъ еще объ этомъ говорить*...

А пока вотъ что *Голосъ* въ другой статьѣ (Невеселые наброски) говоритъ слѣдующее:

„Единственное у общества средство обсудить положеніе и изъискать мѣры къ противодѣйствію злу—печать. Что же сказала она намъ? Ничего, кромѣ фразъ. Иностранныя газеты несравненно обстоятельнѣе нашихъ, русскихъ, разберутъ положеніе дѣла, укажутъ исходъ изъ него, предложатъ мѣры. А мы? Почему же мы не могли бы также всесторонне, глубоко изслѣдовать вопросъ, намъ столь близкій? Какая въ этомъ опасность, еслибъ при этомъ и были высказаны мысли невѣрныя, предложены мѣры невозможныя. Польза же была бы великая: и правительство, и общество знали бы всѣ тѣ элементы, среди которыхъ оно живетъ и съ которыми должно считаться; наконецъ, и печать стала бы серьезнѣе относиться къ своимъ задачамъ и къ важнымъ вопросамъ, волнующимъ отчизну".

Послушайте! Да развѣ съ людьми либеральными можно разсуждать *глубоко и всесторонне*?... Вы покроете безмолвнымъ презрѣніемъ того, кто позволитъ себѣ выйти изъ круга общепринятыхъ понятій... Прежніе славянофилы пробовали это сдѣлать,... и что же вышло?—Гдѣ слѣды ихъ ученія?... Они стали вліятельны только тогда, когда, оставивъ въ сторонѣ свои завѣтныя мечты о *славянскомъ своеобразіи*, стали заботиться лишь о самой *несвоеобразной* сторонѣ дѣла, т.-е. о *славянской свободѣ*. Пока дѣло шло о *своеобразіи*, всѣ смѣялись надъ *„шапкой мурмолкой"*, *несмотря на то, что измѣненіе внѣшнихъ формъ*

Библиотека "Руниверс"

быта есть самый вѣрный и могучій признакъ глубокаго измѣненія въ духѣ. А когда вся Россія встрепенулась на зовъ ихъ? Тогда, когда рѣчь зашла объ освобожденіи Славянъ *отъ всего того именно, что мѣшало имъ до сихъ поръ стать самыми обыкновенными европейскими мѣщанами*! До національнаго своеобразія и творчества, до національной самобытности намъ дѣла нѣтъ; мы просто утратили способность понимать, что это такое—своеобразіе творчества, и т. п. и какимъ это образомъ выходитъ, что даже рабство и всякія стѣсненія, во многихъ случаяхъ, *развиваютъ личность*—и *народную* и *единичную* больше (то есть выразительнѣе), чѣмъ общеевропейская нынѣшняя свобода?... Другими словами, какъ же это такъ выходитъ, что право и возможность жить самобытно, есть ничто иное, какъ право и возможность—*стать такими какъ всѣ*?...

Въ силахъ ли, напр., г. Градовскій или дружественная ему редакція принять серьезно вотъ такую мысль:

„Эгалитарный *индивидуализмъ* погубилъ *индивидуальность* характеровъ?“

Не просто ли это наборъ словъ и фраза? Должно быть, что такъ!...

Или развѣ съ либералами можно разсуждать „глубоко и всесторонне“ хоть бы о народномъ образованіи?

Попробуй кто нибудь съ прямотой и полной искренностью усомниться въ самыхъ основаніяхъ школьнаго дѣла гдѣ бы ни было, а не въ одной Россіи? Осмѣлься напомнить Вл. И. Даля! Попробуй сказать, что еще неизвѣстно, нужно ли и полезно ли, въ самомъ дѣлѣ, много учить народъ; хорошо ли навязывать ему *наши* общеевропейскія понятія, наши вкусы, наши идеалы, наши предразсудки и наши ужасающія ошибки?...

Чѣмъ отвѣтятъ на это человѣку прямому и не боящемуся самобытной мысли?—Смѣхомъ или молчаніемъ.

Или пусть попытается кто нибудь выразить такую мысль „*знаніе и незнаніе—суть равносильныя средства развитія*!“...

„Это еще что за вздоръ“—не правда ли?...

„Что за проповѣдь невѣжества!... что за новый пріемъ обскурантизма!...“

Но довольно! Въ другой разъ, я постараюсь доказать, что на всѣхъ поприщахъ, „либералы“ переходили далеко *налѣво* за черту новыхъ *учрежденій и служили* Государю и Россіи, если не всегда коварно, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно легкомысленно и не умно.... Тутъ вотъ какая Сцилла и Харибда для друзей “свободы“... Кто изъ нихъ былъ коваренъ, тотъ былъ уменъ, ибо достигалъ своей цѣли—*разстройства* общаго... А кто былъ прямъ и честенъ въ своихъ увлеченіяхъ, тотъ или ошибался горько, или просто ничего государственнаго не понималъ.

Библиотека "Руниверс"

Государство держится не *одной свободой* и не *одними стѣсненіями и строгостью*, а неуловимой пока еще для соціальной науки *гармоніей* между дисциплиной вѣры, власти, законовъ, преданій и обычаевъ съ одной стороны, а съ другой той *реальной свободой лица*, которая возможна даже и въ Китаѣ, при существованіи *пытки*... „Не дѣлай того, что запрещено, если боишься пытки;... а если не боишься— какъ знаешь". Этотъ выборъ возможенъ былъ во всѣ времена и *люди дѣйствительно выбирали*... Если можно жить и дѣйствовать при подобныхъ условіяхъ, то какже было бы не жить и не дѣйствовать спокойно при *учрежденіяхъ новыхъ* и столь мягкихъ?... Однако, мы видимъ, что *нигдѣ* люди на этихъ мягкихъ учрежденіяхъ *остановиться* не могутъ, и все *цивилизованное* человѣчество теперь несмѣтной толпою стремится въ какую-то темную бездну будущаго..., бездну незримую еще, но близость которой уже на всѣхъ мало по малу начинаетъ наводить отчаяніе и ужасъ!...

II.

Въ первой статьѣ моей, я старался объяснить, какими путями и въ какихъ случаяхъ свободолюбіе и фрондерство наше находятъ возможность вредить государству даже и въ земской средѣ, сравнительно столь солидной и близкой къ національной „почвѣ" нашей! Я сказалъ, что они вредятъ тѣмъ, что по *духу* переходятъ безпрестанно за черту легальныхъ формъ, далеко *налѣво*, т.-е. не въ организующую, а въ эмансипаціонную сторону.

Перейдемъ къ другому, новому учрежденію,—къ открытымъ и гласнымъ *судамъ*.

Я сказалъ еще въ этой первой статьѣ, что, несмотря на разрѣшеніе цензурнымъ уставомъ критики самихъ реформъ и новыхъ учрежденій, я здѣсь заниматься этой стороной вопроса не буду...

Я уже упомянулъ разъ, что если принять только *современные* европейскіе принципы за непреложныя истины соціологіи,—то разумѣется— всѣ наши реформы проведены прекрасно; то-есть; если цѣль демократизировать и эмансипировать общество русское—есть цѣль безусловно полезная, то эта цѣль достигнута новыми учрежденіями вполнѣ.

Но я не могу никакъ *заставить* себя смотрѣть на дѣло такъ односторонне и пристрастно.

Я позволю себѣ по крайней мѣрѣ *подозрѣвать* такого рода соціологическую истину: что тотъ слишкомъ *подвижный* строй, который придалъ всему человѣчеству эгалитарный и эмансипаціонный прогрессъ XIX вѣка, очень непроченъ, и, несмотря на всѣ временныя и благотворныя усилія консервативной реакціи, долженъ привести или ко всеобщей катастрофѣ, *или къ болѣе медленному, но глубокому перев-*

Библиотека "Руниверс"

рожденію человѣческихъ обществъ, на совершенно новыхъ и вовсе ужь не либеральныхъ, а, напротивъ того, крайне стѣснительныхъ и принудительныхъ началахъ. Быть можетъ, явится рабство своего рода, рабство въ новой формѣ, вѣроятно,—въ видѣ жесточайшаго подчиненія лицъ мелкимъ и крупнымъ общинамъ, а общинъ государству.—Будетъ новый феодализмъ,—*феодализмъ общинъ, въ разнообразныя* и *неравноправныя* отношенія между *собою и ко власти общегосударственной поставленныхъ.*

Я говорю изъ вѣжливости, что я *подозрѣваю* это; въ самомъ же дѣлѣ я въ этомъ *увѣренъ*, я готовъ пророчествовать это. Впрочемъ—все это вовсе и не ново, а только забыто. Объ этомъ много думали и писали еще въ 40-хъ годахъ. Быть *просто консерваторомъ* въ наше время было бы трудомъ напраснымъ. Можно любить прошлое, но нельзя *вѣрить* въ его даже приблизительное возрожденіе.

Примѣровъ полнаго возобновленія прожитаго исторія не представляетъ, и обыкновенно, послѣдующій періодъ—есть антитеза предъидущаго, въ главныхъ чертахъ; побочныя же черты сохраняютъ связь съ прошедшимъ или даже возвращаются къ очень дальнимъ вѣкамъ. Въ *прогрессъ* вѣрить надо, но не какъ въ *улучшеніе* непремѣнно, а только какъ въ новое перерожденіе тягостей жизни, въ новые виды страданій и стѣсненій человѣческихъ. *Правильная вѣра въ прогрессъ* должна быть *пессимистическая*, а не благодушная, все ожидающая какой то *весны*... Въ этомъ смыслѣ, я считаю себя, напр., гораздо больше *настоящимъ* прогрессистомъ, чѣмъ нашихъ либераловъ. И вотъ почему. Они видятъ только завтрашній день, т. е. какую нибудь конститутціонную мелочь, и т. п. Они заботятся только о томъ, какъ бы сдѣлать еще нѣсколько шаговъ на пути того равенства и той свободы, которыя должны ускорить разложеніе европейскихъ обществъ и довести ихъ, шагъ за шагомъ, до такой *точки насыщенія*, за которой эмансипировать будетъ уже некого и нечего, и начнется опять постепенное подвинчиваніе и сколачиваніе въ формахъ еще невиданныхъ во очію, но которыя до того понятны, по одному контрасту со всѣмъ нынѣшнимъ, что ихъ даже и прозрѣвать въ общихъ чертахъ не трудно.

Каковы бы ни были эти невиданныя еще формы въ подробностяхъ, но вѣрно одно: *либеральны они не будутъ*. Я берусь даже опредѣлить съ приблизительной точностью эту уже близкую точку поворота. Она должна совпасть со слѣдующими двумя событіями: *соціалистическимъ бунтомъ въ Парижѣ*, болѣе удачнымъ чѣмъ прежніе, и *взятіемъ Славянами Царь-Града*, volens-nolens. Значеніе Парижа и Европы, будетъ съ этой минуты умаляться; значеніе Босфора и вообще *чего-то другаго*—рости. Очень можетъ быть, что это *другое* приметъ вовсе не тотъ видъ, въ которомъ, оно представлялось *московскому* воображенію Хомяковыхъ и Аксаковыхъ и не тотъ, въ которомъ оно и намъ представляется; но

Библиотека "Руниверс"

ужъ, во всякомъ случаѣ, эта новая культура будетъ очень тяжела для многихъ, и замѣсятъ ее люди столь близкаго уже XX вѣка никакъ не на сахарѣ и розовой водѣ равномѣрной свободы и гуманности, а на чемъ то иномъ, даже страшномъ для непривычныхъ...

Итакъ, для того, кто вѣритъ въ близость подобнаго будущаго, какое значеніе могутъ имѣть наши новые суды? — Очень малое и очень большое, —въ одно, и то же время. *Очень малое*, въ томъ смыслѣ, что это только одинъ изъ призраковъ не только русскаго, но и всеобщаго современнаго миража (миража *благоденствія земнаго, производимаго равноправностью*); *очень большое* значеніе въ томъ отношеніи, что у насъ, въ Россіи, гласные суды стали, благодаря духу интеллигенціи нашей, однимъ изъ орудій медленнаго и по пріемамъ—легальнаго разрушенія всего стараго. Замѣтимъ, что либерализмъ правительства и либерализмъ общества нашего въ этомъ случаѣ совершенно противоположны. Великая разница: либеральный господинъ, освобождающій своего раба, и либеральный вольноотпущенный, начинающій изъ благодарности тотчасъ же фрондировать. Баринъ великодушенъ, и если не правъ, то лишь тѣмъ, что *слишкомъ повѣрилъ въ человѣчество*; баринъ въ своемъ либерализмѣ, сверху внизъ, все таки рыцарь, возбуждающій глубокое почтеніе и самое пламенное участіе, а вольноотпущенный зазнавшійся на волѣ—что такое!?... Вотъ разница между правительствомъ нашимъ и такъ называемымъ обществомъ...

Итакъ, эти независимые суды наши—несравненно больше чѣмъ земство способствовали тому „таянію“ Россіи, которое теперь всѣхъ ужаснуло, и которое однимъ репрессивнымъ *подмораживаніемъ*, безъ нѣкоторыхъ ретроградныхъ реформъ, вполнѣ и пріостановить нельзя.

Земство глухо, суды эффектны и громогласны. Дѣятельность земства опаснѣе скорѣе въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ; оно опасно только посредствомъ умноженія школъ, въ которыхъ искажается будущій мужикъ и мѣщанинъ, по жалкому образу и подобію нашему. Но суды дѣйствуютъ быстро и наглядно. Дѣятельность новыхъ судовъ была въ теченіи 15 лѣтъ блестящею и самою ловкою демократическою пропагандою, какую только можно себѣ вообразить! Въ своемъ родѣ это было совершенствомъ! Никакихъ *точекъ надъ буквой* і; ни одной слишкомъ грубой *иллегальности*!...

Передъ этими важными предсѣдателями, настойчивыми обвинителями, пламенными защитниками и легкомысленной, жадной до эффектовъ, *граждански уже давно развращенной* публикой, какой рядъ высокопоставленныхъ юридическихъ жертвъ! Игуменьи, баронессы, генералы, городскіе головы, отцы и матери семействъ, Гартунгъ, Треповъ, Шумахеръ, Митрофанія.

Какое нескрываемое злорадство, какая веселая разнузданность рѣ-

Библиотека "Руниверс"

чей... И какъ это все выходило ловко и кстати! Прокуроры *кстати* слабы, *кстати безпощадны*...

Передъ нами, напримѣръ, двѣ женщины, Игуменья Митрофанія (вдобавокъ и баронесса) и акушерка Засуличь. Митрофанія виновата, а Вѣра Засуличь права. Пожилую заслуженную женщину, увлекшуюся дѣятельнымъ характеромъ и желаніемъ обогатить любимое ею религіозное учрежденіе, никто не жалѣетъ; Вѣру Засуличь, рѣшающуюся на политическое убійство изъ за коммунистическихъ сочувствій, жалѣютъ всѣ и дѣлаютъ ей безумную овацію!

Но вообразимъ себѣ иное настроеніе русской интеллигенціи, къ которой принадлежали-бы и судьи, и адвокаты, и обвинители, и публика, и часть присяжныхъ.

Вообразимъ себѣ что настроеніе общества было-бы *консервативнѣе*, представимъ себѣ что великодушіе правительства, давшаго такіе свободные суды, обращено было бы на людей солидныхъ, умно-скептическихъ, т. е. въ *Европу* и въ *благо* демократіи не очень влюбленныхъ, и даже изъ знанія европейской исторіи, извлекающихъ совсѣмъ не то, что обыкновенно у насъ извлекается.... Вообразимъ себѣ, что было-бы тогда?... Прежде всего нашлись бы люди, которые поспѣшили бы, по собственной иниціативѣ, убѣдить высшее духовное начальство московской епархіи—наказать поскорѣе игуменью духовнымъ строгимъ судомъ и избѣжать всячески публичнаго скандала...

Свѣтскій судъ *медлилъ бы нарочно*, для избѣжанія огласки. Публика *боялась бы*, чтобы игуменья не попала на скамью подсудимыхъ. Но положимъ—пріостановить дѣло, *замять* его съ нѣкоторой *формальной несправедливостью* и съ большимъ *государственнымъ тактомъ*—оказалось бы невозможнымъ. Игуменью судятъ гласнымъ судомъ... Но *какъ*?...

Всѣ смущены (хотя бы и притворно — и то хорошо; ибо притворство въ этомъ случаѣ доказываетъ только почтеніе къ извѣстному принципу)... Предсѣдатель ведетъ сессію, по возможности, въ предѣлахъ *закона*, благопріятно для подсудимой; онъ не *позволяетъ* адвокатамъ и прокурорамъ *говорить противъ монастырей вообще*. Судьи не обращаются къ набожной старушкѣ, сказавшей—„матушка такъ мнѣ приказала“ (или „благословила“), съ насмѣшливымъ вопросомъ: „а развѣ у васъ *своего разума нѣтъ*?“... Никто не позволяетъ себѣ такихъ публичныхъ возгласовъ: „монастыри отдѣляютъ себя отъ міра высокими стѣнами, но обществу надо себя ограждать отъ нихъ (т. е. отъ ихъ злоупотребленій)...“ Такъ кажется воскликнулъ кто-то изъ обвинителей.

Личное самолюбіе ораторовъ, обвиняющихъ игуменью или защищающихъ ея противниковъ, оставляется немного (хоть немного) въ сторонѣ до другаго случая — изъ гражданскаго, охранительнаго чувства; защита удачна, обвиненіе мягко и уклончиво. Преступленіе признано

Библиотека "Руниверс"

недоказаннымъ... *Публика ликуетъ*. Вотъ что случилось бы, еслибы *духъ общества* русскаго не любилъ бы переходить *налѣво* за черту новыхъ учрежденій, еслибы большинство, начиная отъ руководящихъ судей и кончая праздными зрителями, любило-бы, чтило-бы Православіе, *вѣрило-бы* въ святость *сана*, независимо отъ *личныхъ немощей!*

И еслибы въ такомъ обществѣ и осудили бы Митрофанію, *по невозможности* оправдать ее, то это бы сдѣлали такъ, какъ сдѣлали Іафетъ и Симъ, т. е. отвернувшись, покрыли бы наготу отца, а наша интеллигенція поступила при этомъ процессѣ какъ цинически глумящійся, гнусный Хамъ

„Такъ ее и надо! Такъ! Вотъ такъ! Она баронесса! Она игуменья! Такъ ее! Такъ!“

Игуменью Митрофанію за подлогъ, юридически „травятъ“. Вѣрѣ Засуличъ, посягавшей на энергическаго градоначальника, устраиваютъ апоѳеозъ.

За что же стрѣляла она въ градоначальника? Влюблена она была что ли въ того политическаго арестанта, котораго генералъ Треповъ высѣкъ за дерзость въ тюрьмѣ? Не была ли она съ нимъ въ любовной связи? Ничуть! Тогда бы къ ней, вѣроятно, были бы построже. Но она не имѣла никакихъ личныхъ отношеній съ этимъ арестантомъ и хотѣла убить градоначальника во имя „равенства и свободы“. *Ее оправдали, ей сдѣлали блистательную овацію.* Въ петербургскихъ газетахъ писали, что выстрѣлъ ея изъ револьвера будетъ имѣть значеніе, какъ поворотная точка, послѣ котораго политическихъ арестантовъ или совсѣмъ не будетъ или они будутъ, имѣть право грубить безнаказанно начальству. Рѣчь защитника Александрова, даже въ ораторскомъ и литературномъ смыслѣ, вовсе не замѣчательная, размазанная, аляповатая, лубочная, нравится петербургской публикѣ и увлекаетъ ее... Судятъ вовсе не убійцу, не Вѣру Засуличъ, а жертву ея, т. е. судятъ генерала Трепова... Вѣру Засуличъ выносятъ на рукахъ и т. д.

Одинъ изъ гг. Градовскихъ, напечаталъ тогда въ *Голосѣ* восторженный фельетонъ, и все это изъ за такого пустяка, что генералъ Треповъ высѣкъ какого-то дерзкаго арестанта...

Тутъ ужъ, во всемъ этомъ, нельзя никакъ видѣть либерализма *наивнаго*, а надо видѣть именно тотъ *злонамѣренный либерализмъ*, противъ котораго г. Александръ Градовскій протестовалъ такъ умильно и даже робко въ статьѣ *Смута*.

Любопытно было-бы вообразить тѣхъ-же самыхъ двухъ женщинъ: игуменью Митрофанію и акушерку Засуличъ передъ судьями *не-европейскаго духа*, передъ судомъ мужиковъ или старинныхъ купцовъ Островскаго. Такіе судьи, имѣющіе не либерально-европейскій, а свой собственный русско-византійскій общественный идеалъ, отнеслись-бы къ дѣлу совсѣмъ иначе. Игуменью Митрофанію они бы *поняли*, и осуждая ее, быть мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ, старались-бы смягчить ее наказаніе; и ни въ какомъ случаѣ они бы не срамили ея сана съ низкимъ злорадствомъ невѣрующихъ людей... Вѣру Засуличь они-бы просто и понять бы не могли, и навѣрно—или сослали на каторгу, или бы *жестоко наказали ее тѣлесно*... Изъ двухъ золъ мужики и купцы Островскаго скорѣе бы поняли подлогъ, чѣмъ эту *ненависть къ властямъ предержащимъ*, которую обнаружили въ дѣлѣ Засуличъ и дѣйствующія лица, и публика, и печать петербургская... Почему-же общественное мнѣніе *самаго нерусскаго* изъ всѣхъ городовъ Россіи должно быть непремѣнно правильнѣе мнѣнія столькихъ милліоновъ истинно-русскихъ людей, *оттертыхъ* отъ непосредственнаго соприкосновенія съ Правительствомъ своимъ?....

И если мы, сопоставивъ эти два знаменитые процесса двухъ столь противоположныхъ женщинъ, сблизимъ еще съ другой стороны процессъ Вѣры Засуличъ съ дѣломъ Гартмана и съ объясненіями, представленными республиканцемъ Энгельгардомъ, то окажется вотъ-что:

Въ наше время, всѣ роды преступленій наказываются строго, кромѣ анти-государственныхъ преступленій... Вѣру Засуличъ оправдали въ Петербургѣ потому, что она стрѣляла (по выраженію одного московскаго простолюдина) „въ заслуженнаго *царскаго слугу* какъ въ какого нибудь пса!"; Гартмана не выдали именно отъ того, что онъ хотѣлъ убить *не частное лицо, а Государя*.

Итакъ *жизнь* обезпечена *всѣмъ гражданамъ*, *исключая Царей и ближайшихъ помощниковъ ихъ*. Только Монархи и вѣрные слуги ихъ поставлены *внѣ* закона, по понятіямъ новѣйшаго права, которое такъ нравится либеральнымъ дѣятелямъ петербургской печати.

Какъ-же можетъ г. Градовскій притворяться такимъ невиннымъ и обиженнымъ *доносчиками-консерваторами*, когда онъ самъ пишетъ въ той газетѣ, гдѣ то защищается Вѣра Засуличъ, то оправдывается республиканское правительство Франціи?.... Неужели это тотъ *наивный* либерализмъ, о которомъ я говорилъ въ моей первой статьѣ: „Чѣмъ и какъ либерализмъ нашъ вреденъ"?...

Литератору петербургскому и спеціалисту, такъ сказать, быть *наивнымъ* въ подобныхъ случаяхъ стыдно. Простодушіе было-бы здѣсь доказательствомъ уже слишкомъ жалкой бездарности....

Возвращаюсь къ судамъ.... Признаюсь, мнѣ тяжело и говорить о нихъ много, потому-что меня самого до такой степени глубоко поражали, въ теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ, всѣ эти слишкомъ извѣстные процессы, что мнѣ все представляется, будто и всѣ ихъ помнятъ и будто всѣ должны возмущаться ими....

Положимъ,—errare humanum est. Есть также русская поговорка, которая гласитъ: *гдѣ судъ—тамъ и неправда*... Поговорка не говоритъ этимъ, будто *всякій* судъ непремѣнно несправедливъ, но такъ какъ во всѣхъ человѣческихъ учрежденіяхъ есть *наклонность* къ неправдѣ, то

Библиотека "Руниверс"

нѣкоторая часть судебныхъ рѣшеній должна быть *по духу* несправедлива... Вѣдь нашъ народъ, (и всякій народъ, не сбитый еще съ толку демократическими идеями) въ царство *правды на землѣ* не вѣритъ...

Все въ томъ же „вашемъ“ *Голосѣ* (№ 60, отъ 29 февраля) былъ приведенъ съ похвалами отрывокъ изъ рѣчи Высокопреосвященнаго Макарія, произнесенной имъ при открытіи военно-окружнаго суда въ Вильнѣ, 15 октября 1869 года.

„Законы и совѣсть—вотъ ваши руководители!“—такъ обращается проповѣдникъ къ „людямъ-судіямъ“.

„Законы... но что пособятъ намъ самые лучшіе законы, когда мы не знаемъ достаточно того, къ чему слѣдуетъ приложить ихъ? Законы, какъ бы ни были подробны, не въ состояніи обнять всѣхъ частнѣйшихъ и необычайныхъ случаевъ, какіе бываютъ въ жизни и съ которыми не разъ, быть можетъ, вамъ придется встрѣтиться. Законы самые точные и ясные могутъ подлежать различному пониманію, подвергаться различному примѣненію, особенно въ случаяхъ сомнительныхъ и неопредѣленныхъ, и безсильны предохранить судью отъ разныхъ ошибокъ. Совѣсть—драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ даровъ Божіихъ человѣку, лучшій и ближайшій изъ всѣхъ нашихъ руководителей. Но и совѣсть, даже самая чистая и твердая, всегда имѣетъ нужду въ опорѣ для своихъ приговоровъ, и безъ достаточнаго выясненія дѣла, можетъ заблуждаться. А что-жь еще, если совѣсть наша помрачена или ложно направлена воспитаніемъ ли, или образомъ нашей жизни? Что, если совѣсть наша до того слаба, что способна увлекаться *вліяніемъ нашихъ страстей или господствующимъ духомъ времени?* Увы! не спасетъ тогда судію и совѣсть отъ многихъ и многихъ ошибокъ“.

Вотъ я о чемъ говорю, объ этомъ *духѣ времени*—и только. Никто не позволитъ себѣ утверждать, что большая часть рѣшеній новыхъ уголовныхъ судовъ были неправильны или несправедливы... Это даже и подумать было бы смѣшно; даже не имѣя въ рукахъ никакой статистики этихъ рѣшеній, можно сказать, a priori, что были недурныя и даже очень хорошія!... *Ссылали даже и нигилистовъ*... Весь вопросъ въ томъ, *куда* чаще располагаетъ духъ времени склонять вѣсы правосудія—*мѣвѣе* или *правѣе*?... Я нахожу что лѣвѣе... И изъ двухъ золъ, это зло *вреднѣе; потому что оно гораздо противо-государственнѣе*... Государство устроилось на извѣстныхъ понятіяхъ и формахъ дисциплины, и потому-то, если уже необходимо, если уже по человѣческой слабости неизбѣжно, отъ времени до времени кого-нибудь обидѣть, то лучше обидѣть Вѣру Засуличъ, чѣмъ игуменью Митрофанію или генерала Трепова...

Я говорю это прямо—ибо я не вѣрю, чтобы жизнь могла бы когда бы то ни было стать храмомъ полнаго мира и абсолютной правды... Такая надежда, такая вѣра въ человѣчество противорѣчатъ евангель-

Библиотека "Руниверс"

скому ученію; Евангеліе и Апостолы говорятъ, что *чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже*, и совѣтуютъ только хранить свою *личную вѣру и личную добродѣтель до конца*... Все человѣчество мы отъ бѣдъ не избавимъ; бѣды разнородныя и неожиданныя таятся даже и *во всѣхъ успѣхахъ науки*, точно также какъ и въ невѣжествѣ, *во всѣхъ открытіяхъ*, *во всѣхъ изобрѣтеніяхъ*, во всѣхъ родахъ учрежденій и реформъ... И потому, съ этимъ ужаснымъ Ариманомъ не справиться ни намъ, ни санктпетербургскимъ и парижскимъ Ормуздамъ, въ очкахъ и гадкихъ фракахъ... *А своему* русскому государству, *какъ столбу настоящаго недемократическаго христіанства*, мы должны стараться сдѣлать пользу, какъ умѣемъ.

Вотъ въ этомъ-то Православномъ, русскомъ или, если хотите византійскомъ духѣ, воспитанное общество дало бы иной результатъ, даже и при введеніи англо-саксонскихъ судовъ. Въ эту либеральную форму, оно внесло бы иное содержаніе, иной духъ...

Никто, повторяю я, не позволитъ себѣ утверждать, что всѣ рѣшенія политическихъ и вообще уголовныхъ процессовъ нашими новыми судами были нехороши, а тѣмъ болѣе *преднамѣренно* вредны.

Я говорю только о *наклонности*, о сильномъ *теченіи*, о „чумномъ" *вѣяніи* все того же духа времени.

Для лучшаго уясненія того, что я хочу сказать, возмемъ еще примѣръ изъ прошлаго. Крѣпостное право было *въ свое время* великимъ и спасительнымъ для Россіи учрежденіемъ. Только съ утвержденіемъ этого особаго рода феодализма, вызваннаго необходимостью стянуть, разслоить и этимъ дисциплинировать слишкомъ широкую и слишкомъ *однообразную* Россію, государство наше начало рости. Но и это столь полезное учрежденіе, имѣло, какъ извѣстно, свои невыгоды. Помѣщики злоупотребляли данною имъ властью. Это извѣстно. Но кто же станетъ утверждать, что они злоупотребляли этой властію всѣ одинаково? Это было бы ошибкой или ложью. У многихъ крестьяне жили лучше нынѣшняго. Но многіе помѣщики все-таки производили насилія ни съ чѣмъ несообразныя, совершали безнаказанно преступленія, и т. д. Это правда. *Теченіе* духа времени было въ эту сторону, и нѣкоторые *моди* изъ учрежденія разумнаго и необходимаго извлекали не то, чего бы желало правительство.

Вотъ такъ и новые суды.

Строгое пониманіе государственнаго дѣла настраивало бы мысль слѣдующимъ образомъ: правительство, установляя новую форму судовъ, болѣе свободную, довѣрялось, такъ сказать, обществу. Учреждая эти болѣе свободные суды, правительство передвирало значительно центръ тяжести государственной налѣво; мы поэтому, для сохраненія равновѣсія, если ужь неизбѣжно *склонять вѣсы* и т. д., будемъ склонять ихъ на противоположную *правую* сторону, т.-е., скажу прямо, въ пользу старшихъ, генераловъ, игуменовъ, помѣщиковъ, отцовъ, мате-

Библиотека "Руниверс"

рей, хозяевъ, а не въ сторону младшихъ и младшихъ, будто бы слабѣйшихъ. Эти слабѣйшіе легко могутъ стать *слишкомъ* сильными; не надо отучать ни народъ, ни молодежь, ни дѣтей отъ повиновенія: это противно тому духу Православія, на которомъ взросло наше монархическое государство...

Но на дѣлѣ выходитъ у насъ иначе. Безъ всякаго поголовнаго *злоумышленія*, безъ всякой *коварной дальновидности*, а только вслѣдствіе ложнаго идеала *земной* Прудоновской „justice", новые суды усилили (быть можетъ и безсознательно) либеральное наше разстройство. Публика наша легкомысленна, пуста, впечатлительна и дурно воспитана, а нашимъ адвокатамъ и прокурорамъ нужно сдѣлать карьеру, обнаружить ораторскія способности (между прочимъ въ виду воображаемой возможности громить *отвѣтственныхъ министровъ*, ибо никому такъ конституція не выгодна, какъ ораторамъ); судьи подвергаются давленію „среды"; присяжные или сбиты съ толку многосложностью вопросовъ, если они изъ *простыхъ*, или подкуплены либеральными симпатіями, если они изъ интеллигентныхъ...

Зачѣмъ же тутъ непремѣнно *злонамѣренность*? И безъ всякой злонамѣренности, результатъ печаленъ. Что-жь дѣлать съ этимъ?

Я бы и сказалъ—но на уста мои „положена дверь огражденія".

Что можетъ позволить себѣ сказать человѣкъ, запертый въ тѣсную рамку „мѣстной" газеты. Кто станетъ его слушать?... А впрочемъ—два слова не долго.

Разумѣется—надо, въ относительномъ *безмолвіи*, обдумать медленно и строго проектъ иныхъ судовъ, и можетъ быть, *безъ присяжныхъ*, *безъ публики*, и съ *меньшимъ просторомъ для риторическихъ упражненій*. Положимъ даже, что до сихъ поръ человѣчество никакой формы судовъ *выше и развитѣе* этой англо-саксонской формы не выдумало. Но не всегда именно-высшая форма той или другой отрасли человѣческихъ учрежденій пригоднѣе для всякой страны. *Какъ войско*,—англійское войско ниже континентальныхъ формъ военнаго устройства; но она, эта низшая форма—пригоднѣе для англійскаго государственнаго строя. Протестантство, какъ *религія*, въ глазахъ всякаго понимающаго, что такое Церковь, есть религія—низшая, сравнительно съ Православіемъ и Папствомъ; однако она оказалась пригоднѣе до сихъ поръ для германскихъ странъ. Такъ и во всемъ... Репрессивныя мѣры не могутъ быть сами по себѣ цѣлью; они только временный пріемъ для того, чтобы люди „не мѣшали" приготовить что-нибудь болѣе прочное въ будущемъ. По крайней мѣрѣ, и попытка подобнаго рода была бы полезна.

Библиотека "Руниверс"

Г. Катковъ и его враги на праздникѣ Пушкина.

(Варшавскій Дневникъ, 1880 года).

I.

И такъ, Москва отпраздновала торжественныя поминки великому русскому поэту. Сама церковь благословила поэзію въ лицѣ творца Онѣгина и Годунова. Говорили рѣчи, декламировали стихи, восхищались, даже плакали.

Высокопреосвященный Макарій *въ церкви, на панихидѣ по боярынѣ Александрѣ*, сказалъ *рѣчь* объ *эстетическихъ* достоинствахъ Пушкинской поэзіи и забылъ упомянуть объ нѣкоторыхъ весьма важныхъ *Церковно-Христіанскихъ мотивахъ ея*. Ап. Ник. Майковъ въ стихахъ своихъ выразилъ надежду, что мы (Славяне) сотворимъ еще чудеса въ мірѣ:

Но, *юнѣйшіе* *) въ народахъ,
Мы, узнавшіе себя,—
Въ первый разъ, въ твоихъ твореньяхъ,
Мы привѣтствуемъ тебя,—
Нашу гордость—какъ предтечу
Тѣхъ чудесъ (?), что, *можетъ быть* (?!).
Намъ въ разцвѣтѣ нашемъ полномъ
Суждено еще явить.

Говорили многіе и говорили хорошо! — Ѳ. М. Достоевскій (я читалъ ее въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*) выводилъ изъ духа пушкинскаго генія пророческую мысль о „космополитическомъ“ назначеніи Славянъ.

Въ газетахъ напечатаны еще рѣчи г. Островскаго, И. С. Аксакова, о „мѣдной хвалѣ“ поэту, и, наконецъ, надѣлавшая столько шуму рѣчь г. Каткова о „примиреніи“.

Все это возбуждаетъ столько разнообразныхъ и даже противорѣчивыхъ мыслей... Все это издали (изъ Калужской деревни) является сначала до того смутнымъ, и самъ праздникъ застаетъ до того въ расплохъ, что не знаешь на чемъ прежде всего остановить вниманіе. Каждый изъ насъ теперь такъ занятъ и своими спѣшными и срочными интересами, и общими вопросами практической важности; даже и въ деревнѣ, я увѣренъ, очень рѣдко кому приходится раскрыть самыхъ любимыхъ съ молоду поэтовъ и прочесть ихъ *для себя*, для своего личнаго

*) *Прим. автора. Русскіе* перешли за 1000 л. государственности; а Славяне юга и запада впали прямо въ собачью старость буржуазной демократіи.

Библиотека "Руниверс"

наслажденья... У многихъ ли образованныхъ и дѣятельно живущихъ людей въ наше время, въ Россіи, есть тотъ сердечный досугъ, при которомъ легко читаются и всей душой становятся понятными всѣ эти великіе и *истинно досужіе прежніе* поэты? Для пониманія поэзіи нужна особаго рода временная лѣнь, не то веселая, не то тоскующая, а мы теперь стыдимся всякой, даже и самой поэтической лѣни!...

Да и когда намъ теперь лѣниться?... Все вокругъ насъ охвачено какимъ-то тихимъ и медленнымъ тлѣніемъ!... Свершается во очію одинъ изъ тѣхъ нешумныхъ „великорусскихъ" процессовъ, которые у насъ всегда предшествовали глубокому историческому перевороту,— крещенію кіевскаго народа въ Днѣпрѣ, Петровскому *разрушенію національной старины* и, наконецъ, нынѣшнему положенію дѣлъ, конечно, *лишь переходному къ чему-то другому*...

Всѣ почти живутъ теперь въ напряженіи духа, въ мелкомъ безпокойствѣ, изо дня въ день... Петербургская Россія продолжаетъ съ успѣхомъ уничтожать вездѣ, гдѣ можетъ, исподоволь и даже безсознательно, остатки своеобразной Московской Россіи, подкапываясь тихонько подо все, что составляетъ тысячелѣтнія основы нашего быта. Петербургская Россія, эта мѣщанская *современная* Европа, сама трещитъ вездѣ по швамъ, и внимательное разумѣющее ухо слышитъ этотъ много-значительный трескъ ежеминутно и понимаетъ его ужасное значеніе!...

Поэтому ни свѣжая зелень русскихъ полей, ни мирная и „таинственная сѣнь" тѣхъ самыхъ родныхъ „дубравъ", которыя такъ восхищали Пушкина, ни лѣтнее ясное небо этихъ дней, ни столичныя празднества и нервный восторгъ „разночинной интеллигенціи нашей, ставящей надгробный памятникъ поэзіи *прошедшаго*, поэзіи, быть можетъ, невозвратимой никогда (ибо эта поэзія была поэзія *дворянская*, а дворянство этого *Пушкинскаго стиля*, вѣроятно, разъ на всегда погибло со всѣми своими пороками и со всѣми блестящими и глубокими качествами своими!...),—все это не заставитъ насъ забыть надолго ни цареубійцу Гартмана (издающаго теперь съ Рошфоромъ газету на томъ самомъ Западѣ, который у насъ такъ уважается); ни неурожаевъ и дороговизны, о которыхъ въ газетахъ стоитъ стонъ; ни высшихъ воспитательныхъ затрудненій: ни упорства нашего общества въ погонѣ за обыкновенными школами и всеобщей грамотностью, о которой вовсе не убивается самъ нашъ народъ; ни конституціонныхъ „подходовъ"; ни нашей глупости и злости; ни Дамоклова меча великаго Восточнаго вопроса; ни безнадежной преданности европеизму тѣхъ самыхъ Юго-славянъ, на оригинальность и свѣжесть которыхъ мы такъ простодушно надѣялись; ни *національности Новаго Времени*, которое еще недавно (въ январѣ) восклицало съ восторгомъ, что мы теперь стали *европейцами*; (очень нужно!) ни *космополитизма Голоса*, который тоже не давно увѣрялъ:

Библиотека "Руниверс"

„мы теперь стали болѣе прежняго *русскими* (гдѣ это? въ чемъ это?)“ и который только что назвалъ патріотическую, почти *государственную* дѣятельность г. Каткова „предательствомъ“. Я не знаю на чемъ прежде остановить мое вниманіе въ этомъ письмѣ... На превосходной ли рѣчи Достоевскаго (съ мыслями котораго я, все-таки, вполнѣ согласиться не могу), на пророчествѣ ли Майкова о нашихъ *будущихъ чудесахъ*, въ возможность которыхъ я *желалъ бы* вѣрить отъ души?... на странномъ ли поступкѣ Общества Любителей Словесности съ г. Катковымъ; на выходкѣ ли редактора *Голоса*, довѣдшаго личную злобу на этотъ разъ до глупости; на застольной ли рѣчи самого знаменитаго редактора *Московскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Вѣстника?*...

Читая въ первый разъ эту рѣчь, я былъ очень непріятно пораженъ ею... Зачѣмъ эта мягкость мысли? На что это полусочувствіе „всеобщему миру“ въ устахъ энергическаго вождя охранительной Россіи! Съ какой стати уступать?... Съ какой стати протягивать руку людямъ вреднымъ, людямъ пошлаго или безумнаго направленія, людямъ непримиримымъ, неисправимымъ, или, подобно Тургеневу, отуманеннымъ успѣхомъ?... Мнѣ было больно за Каткова, мнѣ было горько и стыдно за Каткова! Потомъ я прочелъ въ *Голосѣ* тенденціозный, всѣмъ извѣстный разсказъ о впечатлѣніи, произведенномъ этой рѣчью...

Вотъ это мѣсто:

„Прочтите уже кстати и рѣчь г. Каткова, переданную намъ по телеграфу. Только теперь разъяснился „incident Katkoff“, въ которомъ намъ прежде все представлялось какою-то одною большою безтактностью“.

„Надняхъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* было напечатано подъ названіемъ „Предостереженіе“ слѣдующее письмо, полученное редакціей“.

Въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*.

„Коммиссія Общества Любителей Россійской Словесности удержало одно мѣсто для депутата отъ *Русскаго Вѣстника*. По ошибкѣ послано мною приглашеніе и въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*—приглашеніе, не согласное съ словеснымъ рѣшеніемъ коммиссіи.

Предсѣдатель Общества Россійской Словесности, Сергѣй Юрьевъ“.

„Что сей сонъ значитъ? Кто уполномочилъ коммиссію быть литературнымъ цѣновщикомъ? Почему Катковымъ не можетъ быть мѣста тамъ, гдѣ есть же мѣста Баталинымъ, Незлобинымъ и инымъ прочимъ? Почему г. Катковъ называетъ это письмо *предостереженіемъ?*“

„Названіе оказалось пророческимъ! Теперь, по прочтеніи телеграммы, ясно, что коммиссія, съ г. Юрьевымъ во главѣ хотѣла, спасти г. Каткова отъ его судьбы — ужасной, тяжелой, убійственной, но неизбѣжной“.

„Г. Катковъ, публично, на обѣдѣ въ присутствіи всѣхъ, у всѣхъ же просилъ прощенія, молилъ о забвеніи, протянулъ руку—и никто не

Библиотека "Руниверс"

пожалъ этой руки! Да, тяжелое впечатлѣніе производитъ человѣкъ, переживающій свою казнь и думающій затрапезною рѣчью искупить предательства двадцати лѣтъ!"

„Страшно!"...—Такъ говоритъ *Голосъ*.

Почти въ то же время (а можетъ и быть и раньше,—не помню), я узналъ о неслыханномъ поступкѣ Общества Любителей Русской Словесности, о письмѣ къ Михаилу Никифоровичу г. Юрьева, это столь мирно и любовно—революціоннаго издателя *Бесѣды* и *Русской Мысли*... Это меня еще больше поразило. И такъ, *избранные представители русской словесности до того ненавидятъ власть, до того равнодушны къ цѣлости государства нашего и къ политическому престижу нашей монархіи, что забываютъ даже о литературномъ достоинствѣ передовыхъ статей той газеты, которая всегда такъ неусыпно стояла на стражѣ этихъ существенныхъ интересовъ страны!*

Изъ-за политической ненависти къ власти и порядку; быть можетъ, изъ-за личной вражды къ неуступчивому и сильному человѣку, хотятъ, на *литературномъ* праздникѣ, отвергнуть *литературныя* заслуги Московскаго публициста! Развѣ можетъ консерваторъ отрицать литературный геній и могучую стилистику Прудона отъ того, что Прудонъ откровенно проповѣдуетъ ту самую медленную, постепенную *воспитательную*, такъ сказать, *революцію народовъ*, которую, подъ разными прикрытіями, восхваляютъ наши либералы: Полетика и Вейнбергъ въ *Молвѣ*, Тургеневъ—въ рѣчахъ, обращенныхъ къ молодежи, Краевскій и Бильбасовъ—въ *Голосѣ*, и столькіе другіе въ другихъ органахъ печати, въ судахъ съ каѳедръ и у семейнаго очага?... Развѣ можно отрицать и отвергать литературную силу сатиры Салтыкова только отъ того, что этотъ человѣкъ—живой и неистощимый волканъ грязнаго яда и оппозиціонной желчи!... *Нѣтъ, нельзя!* Но либералы дошли до такого помраченія ума!

Ненависть къ охраненію у нихъ до того сильна, что и въ обществѣ *Любителей Словесности — этой самой словесности русской* знать не хотятъ, и въ серьезное сборище почти академическаго характера вносятъ духъ партій и духъ разрушенія всего того, что даже этому всечтимому Пушкину (*прежде всего дворянину* и *свѣтскому человѣку*) дало возможность *свободно* и привольно развить свой изящный, легкій и могучій геній!

Читая обо всѣхъ этихъ неслыханныхъ глупостяхъ и гадостяхъ, я просто вѣрить имъ не хотѣлъ. Къ счастію моему, я жилъ почти всегда гдѣ-нибудь далеко отъ столицъ, отъ журнальныхъ и ученыхъ круговъ и отъ всѣхъ этихъ омерзительныхъ вліяній... Отъ этого удаленія, я сохранялъ еще до самаго послѣдняго времени какую-то, до глупости доходящую, простодушную вѣру въ *русскій умъ*.

Не въ тотъ практическій русскій умъ, который умѣетъ пользоваться обстоятельствами и теченіемъ времени. Въ этомъ, низшаго разряда,

Библиотека "Руниверс"

умѣ у нашихъ писателей недостатка нѣтъ; не про этотъ умъ я говорю, но про умъ *теоретическій*, прямо по чувству, сложный и глубокій по безстрашной независимости. . Я сохранялъ долго вѣру въ настоящую какую-то *русскую* мысль, не похожую на чужую и ходячую монету западной *послѣдней* мысли... *Я все еще не вѣрилъ въ серьезность либерализма нашего.* Либеральное міросозерцаніе казалось мнѣ слишкомъ ужь поверхностнымъ... Я долго думалъ, что все это— *только такъ.* Люди эти, въ сочиненіяхъ своихъ, вѣдь обнаруживали же свою начитанность, наблюдательность, иногда остроуміе?... Не могли же они не желать всѣмъ сердцемъ и всей душой отказаться отъ „ветхаго", именно „отъ вчерашняго европейца", отъ европейца— раба капитала, конституціи, отъ раба адвокатовъ и машинъ, надѣлавшихъ человѣчеству, *по крайней мѣрѣ*, столько же вреда, сколько и временной и вовсе не равномѣрной пользы.

Но я ошибался, постыдно ошибался! Либералы наши серьезны въ нищетѣ своего міровоззрѣнія; корифеи русской мысли въ жалкихъ предразсудкахъ своихъ, кромѣ *послѣдняго вывода западной общественной мысли*, ни чего не видятъ на свѣтѣ!

Они часто говорятъ о „народѣ"! Но пусть прочтутъ и объяснятъ добросовѣстно *настоящему* народу, *что* думаетъ и *что* пишетъ этотъ самый Катковъ, и они узнаютъ тогда на чьей сторонѣ *народъ*!

Въ журналѣ *Бесѣда*, которую лѣтъ десять тому назадъ издавалъ тотъ же самый Юрьевъ, который теперь все носится *со свободой и* человѣческимъ *достоинствомъ* въ *Русской Мысли*, была напечатана большая статья „Всеславянство". *Въ ней развивалась мысль, что Славяне всегда были до того либеральны и до того не любили власть, что предпочитали домашней строгой дисциплинѣ постоянныя усобицы, доводившія ихъ до подчиненія Нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ.*

Междоусобій на Западѣ, (говорилось въ этомъ ученомъ сочиненіи) было также много какъ и у Славянъ; но на Западѣ никогда не забывалось вполнѣ, что *есть какая-то власть, внѣ нашей воли и избранія стоящая*, которая чтилась въ принципѣ, вопреки всѣмъ треволненіямъ и раздорамъ. Славяне же не хотѣли признавать такого *принципа*, и въ случаѣ крайности предпочитали *насиліе* иноземцевъ добровольному подчиненію какому-нибудь подобному принципу, исшедшему изъ собственныхъ національныхъ нѣдръ.

О Россіи, о популярности монархической безграничной власти въ сознаніи русскаго народа—въ этой статьѣ какъ-то вовсе не говорилось. Можетъ быть потому, что авторъ думалъ, будто вся эта крутая сословно-бюрократическая и церковно-военная дисциплина послѣднихъ вѣковъ (именно тѣхъ вѣковъ, въ теченіи которыхъ Россія переродилась изъ ничтожнаго княжества въ великую міровую державу), что эта русская дисциплина, несвойственная всѣмъ другимъ Славянамъ'

Библиотека "Руниверс"

есть ничто иное, какъ продуктъ совокупнаго вліянія началъ, чуждыхъ коренному Славянству, началъ: византійскаго, татарскаго и нѣмецкаго. Можетъ быть въ этомъ и есть значительная доля *очень печальной* для Славянскаго самолюбія правды: дисциплина нашей Церкви происхожденія вполнѣ византійскаго; Нѣмцы до сихъ поръ еще учатъ насъ порядку: а татарской крови, какъ извѣстно, течетъ великое множество въ жилахъ того дворянства русскаго, которое столько времени стояло во главѣ націи нашей; и, исполняя безпрекословно волю Царскую, такъ славно и такъ строго правило народомъ.

Быть можетъ, кто знаетъ, *если бы не было всѣхъ этихъ вліяній*, то и всеславянское племя, и русскій народъ, въ частности взятый, изъ буйнаго безначалія перешелъ бы легче всякаго другаго племени или націи въ то *мирное безвластіе*, въ ту организованную, *легальную ан-архію* *), которую ставитъ идеаломъ человѣчества все тотъ же Прудонъ (самый прямой, откровенный и послѣдовательный изъ всѣхъ революціонеровъ или все равно—прогрессистовъ XIX вѣка).

Но этого, слава Богу, не случилось, и *прошедшаго изгладить нельзя изъ народной души*. И теперь, если бы русскій народъ доведенъ былъ преступными замыслами, дальнѣйшимъ подражаніемъ Западу, или мягкосердечнымъ потворствомъ до состоянія временнаго безначалія, то именно тѣ, крайности и тѣ ужасы, до которыхъ онъ дошелъ бы со свойственнымъ ему молодечествомъ, духомъ разрушенія и страстью къ безумному пьянству, разрѣшились бы опять по его же собственной волѣ, такими суровыми порядками, какихъ мы еще и не видывали можетъ быть!

Неиспорченный ложными идеями свободы русскій простой человѣкъ скорѣе пойметъ духъ *Московскихъ Вѣдомостей*, чѣмъ духъ *Бесѣды*, *Голоса*, *Молвы* (ибо это все, въ сущности, одно и то же).

Публицисту „*Моск. Вѣдом.*“ болѣе другихъ принадлежитъ первое мѣсто на праздникѣ поэта, который тоже былъ народенъ въ лучшую и зрѣлую пору своего творчества, и котораго силятся теперь (подъ покровомъ закона) сдѣлать популярнымъ, вѣроятно, вовсе не для того, чтобы народъ понималъ и читалъ „Клеветникамъ Россіи“, „Полтаву“ и переложеніе молитвы „Отцы пустынники и жены непорочны“, а для того, чтобы до него дошли такія минутныя вспышки перемѣнчиваго и разнообразнаго генія какъ стихотворенія:

„Бѣги! Скройся отъ очей
Цитеры слабая царица!...“

Такія мысли волновали меня, и больше всего я досадовалъ при этомъ именно на того человѣка, которому я сочувствовалъ и котораго

---

*) *Ан-архія.*—Прудонъ нарочно отдѣляетъ чертой частицу *ан*, чтобы его идеалъ *мирнаго безвластія* не былъ бы понятъ за состояніе *хроническаго междоусобія*.
Пр. авт.

Библиотека "Руниверс"

цѣню такъ высоко, на г. Каткова. Но впослѣдствіи, я понялъ, что онъ не сдѣлалъ никакой ошибки. Онъ былъ правъ, предлагая примиреніе *въ видѣ опыта*! Его рѣчь была пробнымъ камнемъ, обнаружившимъ все упорство и ослѣпленіе его противниковъ.

И правая сторона можетъ дѣлать первый шагъ къ примиренію, въ надеждѣ, что противники не враги, а только заблудшіе люди, способные къ добросовѣстному покаянію въ неправдахъ своихъ.

И тутъ г. Катковъ доказалъ еще разъ всю практическую дальновидность своего ума. *Примиреніе невозможно.* Примиреніе требуетъ уступокъ; но развѣ могутъ уступать что нибудь изъ своихъ священныхъ убѣжденій г. Катковъ и его единомышленники, *которыхъ такъ мало въ печати, но въ націи такое великое множество*? „Вотъ такая уступка была бы дѣйствительнымъ предательствомъ со стороны Московскаго публициста!“

II.

15 іюля 1880 года. Г. Катковъ и его враги на праздникѣ Пушкина.

Варшавскій Дневникъ 1880 г.

Я еще не кончилъ о редакторѣ *Московскихъ Вѣдомостей* и его противникахъ... Г. Катковъ стоитъ такъ одиноко и на такой высотѣ среди дѣятелей политической печати нашей, имя его въ теченіе стольких лѣтъ было такъ тѣсно связано со всѣми замѣчательными событіями современной исторіи русской, что говорить о немъ и его врагахъ почти то же, что говорить о нашемъ государствѣ и его недоброжелателяхъ, его измѣнникахъ (по злобѣ ли или недоразумѣнію и глупости не все ли равно). Избави Боже большинству русскихъ дойти до того, до чего, шагъ за шагомъ, дошли уже многіе французы, то-есть *до привычки служить всякой Франціи и всякую Францію любить!*... На что намъ Россія не Самодержавная и не Православная?

На что намъ такая Россія, въ которой бы въ самыхъ глухихъ селахъ утратились бы послѣдніе остатки національныхъ преданій?...

Такой Россіи служить или такой Россіи подчиняться можно развѣ по нуждѣ и *дурному* страху (я говорю *дурному*, ибо есть *страхъ добрый, честный и высокій*, страхъ полурелигіозный, растворенный любовью, тотъ родъ страха, который ощущаетъ и теперь еще *истинный русскій при одномъ имени русскаго Царя*)... И вотъ, о томъ-то именно и заботился г. Катковъ, чтобы теперешняя Россія, въ которой кое-что прежнее еще хранится, не стала бы вполнѣ такой *новой* Россіей, неприглядной и недостойной уваженія.

Впрочемъ, прежде насъ *Берегъ*, въ рѣзкой и твердой статьѣ, напомнилъ объ истинно великихъ заслугахъ Каткова и объ его спаситель-

Библиотека "Руниверс"

ной инициативѣ въ тяжкія минуты колебаній и общей растерянности. Неужели все это ничего не значитъ въ глазахъ противниковъ московскаго публициста?

И не правъ ли я былъ, говоря, что враги г. Каткова—враги Государству?

О! Если бы они были только личные враги ему! Отчего же не ненавидѣть за что-нибудь лично человѣка сильнаго, можетъ быть иногда даже и жестокаго въ своей твердости и энергіи?... Безъ нѣкоторой степени каприза или того, что зовется нынче такъ узко „самодурствомъ", невозможно развитіе генія или сильнаго практическаго таланта. Поэтому и проистекающія изъ личныхъ столкновеній досада и ненависть не перестанутъ обуревать людей до скончанія вѣка или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не сбудется пророчество Достоевскаго, „пока Славяне не научатъ все человѣчество той *всечеловѣческой любви*", которую не могли безусловно утвердить въ людскихъ сердцахъ ни Св. Отцы, ни Апостолы, ни даже самъ Божественный Искупитель.

Пусть бы, говорю я, ненавидѣли М. Н. Каткова, это ничего. *Это грѣхъ*; положимъ; но возможно ли приложеніе *духовной* или Церковной мѣрки къ издателямъ *Голоса*, или къ автору *Дыма* и *Нови*?...

Нельзя метать *духовный* „бисеръ" *передъ людьми, доказавшими свое невѣріе*. Поэтому обратимся лучше къ чисто-общественному значенію личной вражды.

Чисто личныя интриги, личная борьба и ненависть никогда еще не разрушали обществъ; а разрушались общества тогда, когда съ личной ненавистью соединялись какія-нибудь *не государственныя идеи*...

Примѣровъ тому великое множество въ исторіи.

Возьмемъ хотя бы придворныя интриги, даже самыя низкія и жестокія; этого рода интриги сами по себѣ, при *неизмѣнности принциповъ*, могутъ производить только колебаніе дѣлъ въ очень тѣсныхъ границахъ; онѣ могутъ причинить много частныхъ горестей и страданій, но онѣ никогда и нигдѣ не разстраивали цѣлаго, если не вносились въ жизнь общія разрушительныя идеи. Личныя интриги и личная вражда въ общественной жизни подобны *грѣхамъ* въ духовной жизни нашей; какъ бы велики грѣхи эти не были, не они, а ереси, расколы или принципіальное безвѣріе разстраивали религіозныя общины.

Покойный Бодянскій тоже ненавидѣлъ лично Каткова, но онъ *понималъ* его; и въ государственномъ отношеніи онъ ему сочувствовалъ. Онъ говорилъ не разъ мнѣ самому; пишущему эти строки:

— Катковъ личный мнѣ врагъ!... Я его терпѣть не могу; но онъ *первый*, онъ *великій* русскій публицистъ...

И съ какой энергіей, съ какимъ выраженіемъ говорилъ мнѣ это оригинальный и упрямый малороссъ. Съ какимъ уваженіемъ я вспоминаю по этому поводу некрасивую фигуру этого стараго ученаго, кото-

Библиотека "Руниверс"

рый вовсе не былъ похожъ на нынѣшнихъ, *персонально*, большею частію, безцвѣтныхъ и какъ-то *неизящно приличныхъ* ученыхъ. Сердитый, мрачный, непривѣтливый, иногда очень даже грубый, самъ маленькій, голова большая, кривой, лицо совсѣмъ круглое, сѣрое какое-то и сюртукъ сѣрый; на рукахъ почему-то малиновыя митенки... Онъ очень любилъ бранныя русскія слова; любилъ отозваться при случаѣ про кого-нибудь изъ людей извѣстныхъ у насъ ученостью или талантомъ: „дуракъ! Чортъ его возьми...“ А иногда и *еще проще*... И, прибавляя потомъ, чуть не про всякаго: „да что вы мнѣ толкуете!... онъ мой ученикъ!“

Истина (или то, что казалось ему истиной) была ему дороже и личныхъ чувствъ, и гражданскихъ предубѣжденій. Онъ считалъ себя, не безъ основанія, патріархомъ славянофиловъ и мало сочувствовалъ нынѣшнимъ славянофиламъ, которые, по его мнѣнію, уклонились отъ настоящаго смысла своего первоначальнаго ученія и стали простыми *демократическими панславистами*.

И надо было видѣть этого человѣка, надо было слышать его, когда онъ съ такимъ энергическимъ жестомъ и съ такой ожесточенной яростью повторялъ эти слова:

— Я Каткову личный врагъ; но онъ первый у насъ публицистъ... онъ великій русскій публицистъ!...

Я согласенъ, пусть бы многіе изъ писателей и редакторовъ нашихъ были бы точно такими же врагами Каткова, какъ имъ былъ Бодянскій: только врагами *ему самому, но не противниками его политическаго духа; ибо враждовать такъ злобно противъ того, что защищаютъ Московскія Вѣдомости столько лѣтъ значитъ враждовать противъ силы и цѣлости русскаго государства.*

Вотъ что говоритъ по этому поводу *Берегъ*:

„Мы не станемъ приводить другихъ случаевъ, рѣзко обрисовавшихъ направленіе *Московскихъ Вѣдомостей* или ихъ редактора. Но резюмируемъ тѣ общественные и государственные интересы, которые съ такой страстностью защищалъ московскій публицистъ:

a) Территоріальная цѣлость Россіи и ея достоинство въ качествѣ великой державы.

b) Интересы русской и славянской національности.

c) Самодержавіе, авторитетъ правительства и неприкосновенность Главы Государства.

d) „Основы“, т.-е. религія, семья и собственность, которымъ угрожала и по сей день угрожаетъ нигилистическая пропаганда.

„Хорошо ли, дурно ли редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* защищалъ перечисленные интересы, это рѣшительно все равно,—защищалъ какъ умѣлъ, но защищалъ.

Библиотека "Руниверс"

Повторяемъ, мы никакъ не имѣемъ намѣренія защищать *Московскія Вѣдомости*, или оправдывать ихъ редактора.

Наша задача лишь констатировать теоріи, во имя которыхъ то и дѣло заявляетъ претензію *Голосъ*, изображать собою какую-то либеральную партію, толковать и доводить до всеобщаго свѣдѣнія „желанія и чувства" этой партіи.

„Очевидно, что защита исчисленныхъ интересовъ, общественныхъ, и государственныхъ, защита, веденная съ энергіей и по крайнему разумѣнію, никакъ не можетъ считаться „предательствомъ" *этихъ* интересовъ. Защита могла быть *предательствомъ лицъ другихъ интересовъ, діаметрально противоположныхъ первымъ*. Какихъ же? *Противополагайте и разумѣйте*!"

„Не правда ли, человѣку можно безусловно вѣрить лишь тогда, когда онъ проговаривается?"....

Такъ говоритъ *Берегъ*, а я говорю вотъ что:

Либералы наши правы только въ одномъ отношеніи: они чувствуютъ что безтолковая интеллигенція наша на ихъ сторонѣ*... Отчего-же въ Москвѣ, въ этой „охранительной" Москвѣ, не нашлось множества людей, которые на оваціи Тургеневу (во всеуслышаніе), самаго себя обозвавшаго „либераломъ", отвѣтили бы какой нибудь шумной демонстраціей въ пользу Каткова?

Вѣдь Катковъ былъ правъ, обличая Тургенева въ жалкомъ потворствѣ и сочувствіи *всѣмъ* стремленіямъ нашей молодежи?... И столько людей согласны въ сердцѣ своемъ съ московскимъ редакторомъ!... Отчего же они молчатъ? Отчего не напечатать тотчасъ же, хоть въ *Берегѣ* энергическаго протеста со множествомъ подписей? Отчего не поднесло тотчасъ же московское общество защитнику Церкви, Самодержавія и Дворянства, (*отчасти* и народности) какого нибудь *вещественнаго выраженія* своего уваженія?...

Если бы у насъ, у русскихъ, была бы хоть искра нравственной смѣлости и того, что зовутъ умственнымъ творчествомъ, то можно было сдѣлать и неслыханную вещь: *заживо политически канонизировать Каткова*. Открыть подписку *на памятникъ ему*, *тутъ же близко отъ Пушкина на Страстномъ бульварѣ*. Что за бѣда, что этого никто никогда и нигдѣ не дѣлалъ? *Тѣмъ лучше*! „*Именно потому-то* мы и сдѣлаемъ!"..... Пусть это будетъ крайность, пусть это будетъ неумѣренная вспышка реакціоннаго увлеченія. Тѣмъ лучше! Тѣмъ лучше! Пора учиться *какъ дѣлать реакцію*...

„Натискъ пламенный" есть... Пусть и отпоръ будетъ не только „суровый", но и еще болѣе пламенный, чѣмъ либеральный натискъ.

Или мы уже не въ силахъ ничего своего защищать? Или мы ни-

*) Прошу не забыть, что все это писано въ 80-мъ году, до 1 Марта.—*Авт.*

Библиотека "Руниверс"

чего охранять уже не умѣемъ, не можемъ и не смѣемъ? Или правду сказалъ про насъ Мишле: „Россія сгнила раньше зрѣлости“?

Пусть не примутъ эти слова мои за чрезмѣрную лесть г. Каткову. Я уже не разъ говорилъ, что я во многомъ съ нимъ не согласенъ; и *нѣкоторыя мнѣнія ею* (слишкомъ „европейскія“ по стилю) *мнѣ невыносимы* и *сильно раздражаютъ меня*. Но это не мѣшаетъ мнѣ цѣнить въ немъ то, что цѣнить *обязанъ* всякій истинный русскій: его нападки на нынѣшніе суды, его роль въ дѣлѣ Засуличъ и Трепова, въ дѣлѣ нигилистовъ и мясниковъ, ихъ за дѣло (и къ несчастію слишкомъ мало) побившихъ. Всего подобнаго не перечислишь... Но оставимъ это; я хочу предложить себѣ другой вопросъ, *именно, по поводу памятника первому русскому поэту*.

Посмотримъ, кому бы изъ современныхъ, или не такъ давно отошедшихъ въ вѣчность русскихъ публицистовъ, ближайшее или дальнѣйшее потомство можетъ найти пристойнымъ поставить точно такую же „мѣдную хвалу“ (по выраженію И. С. Аксакова), какую надумались поставить теперь Пушкину?

Кого можно счесть по силѣ, по дару и вліянію на поприщѣ *политической словесности*, чѣмъ то равносильнымъ Пушкину на поприщѣ *словесности изящной*? Конечно, Каткова! Конечно, всякій, даже и ненавидящій его лично человѣкъ, долженъ повторить слова Бодянскаго: „онъ—личный врагъ мнѣ (или я ему врагъ); но онъ первый и величайшій русскій публицистъ!“

Оглянемся вокругъ...

Дѣятельность нѣкоторыхъ нынѣшнихъ публицистовъ слишкомъ еще кратковременна, чтобы судить объ ея вліяніи.... Вліяніе другихъ—ничтожно.—Кому-же? Краевскому и Бильбасову, которые дѣйствуютъ давно?... Нельзя.—Никому и въ голову не придетъ это.... Такое предложеніе показалось бы не ловкимъ даже и тѣмъ людямъ, которые покупаютъ *Голосъ*.

Многіе изъ нихъ покупаютъ его по двумъ причинамъ; во первыхъ потому, что на половину не понимаютъ, *что* тамъ написано и *куда все это ведетъ*; а во вторыхъ потому, что въ *Голосѣ* очень много фактовъ, извѣстій и вообще занимательнаго матеріала, къ достоинству къ личности, дарованію и гражданскому характеру редакторовъ ничуть ни относящагося. Нельзя ставить монументы за ловкую торговлю... Торговля необходима; торговля въ государствѣ тоже, что пищевареніе въ тѣлѣ; и безъ пищеваренія нельзя; но никто не считаетъ пищевареніе отправленіемъ высшимъ, и нельзя идею торговли возводить на пьедесталъ, на равнѣ съ гражданской доблестью, съ поэзіей, съ военными подвигами, пожалуй даже и съ научными заслугами, столь измельчавшими и опошленными теперь бездарнымъ множествомъ ученыхъ вульгарностей.

Библиотека "Руниверс"

Кому же? Представителямъ—демократическаго либерализма?—*Но либерализмъ долговѣчной будущности не можетъ-же имѣть;* и до сихъ поръ, онъ явился только чѣмъ-то переходнымъ, разрушительнымъ, ослабляющимъ, размягчающимъ, разстроивающимъ все старое, все мѣстное, все обособляющее, все, имѣющее стиль и силу, но ничего ни мѣстнаго, великаго и прочнаго, самъ по себѣ, не создавшимъ, ни міру никакого поразительнаго наслѣдства не дающимъ.—Міръ живетъ *организаціей, т.-е. удачной гармоніей свободы и стѣсненія*; а до сихъ поръ, во всей Европѣ, съ конца XVIII в., всѣ опыты подобной гармоніи на либерально-эгалитарныхъ основаніяхъ были неудачны и не стойки.

И бо́льшая противу прежняго *свобода лица* привела *личность только къ большей безцвѣтности и ничтожеству,... изъ которыхъ она выходитъ лишь въ тѣ минуты, когда жизнь хоть сколько нибудь возвращается къ старому.* Напримѣръ,—самый богатый разцвѣтъ оригинальныхъ и сильныхъ *личностей* на всѣхъ поприщахъ и во всей Европѣ, овпалъ въ нашемъ вѣкѣ съ религіозной, монархической и аристократической реакціей, продолжавшейся отъ 1815 г. до 1848 года. Сперва потрясающія *демократическія* войны консульства и имперіи; потомъ *глубокая реакція* и *долгій міръ*... Тогда и самъ либерализмъ усиливалъ выразительность общей жизни, оставаясь долго лишь въ роли возбуждающаго протеста.

Къ этому времени собственно можно отнести стихи Пушкина...

Тамъ натискъ пламенный, а здѣсь отпоръ суровый,
Пружины смѣлыя гражданственности новой!

Когда же натискъ либерально-демократическихъ началъ сталъ сильнѣе охраненія и эти *отрицательныя* начала взяли верхъ вездѣ (послѣ 1848 года), все принизилось, все поблекло; *границы государствъ, особенности быта стали словно таять;* все начало опошляться, стало суше, бездушнѣе, скучнѣе, и вся Европа пошла быстрыми шагами *къ чему-то такому*, о частностяхъ котораго пророчествовать еще нельзя, но о сущности чего можно навѣрное сказать, *что оно либерально и кротко не будетъ*...

Кто же будетъ ставить памятникъ *либераламъ нашей печати*?... Правительство?... Самодержавное правительство можетъ пожалуй изъ принципа „свободы печати",—допускать многое; но трудно предположить, чтобы монархическое правительство сочло долгомъ прославлять редакторовъ и писателей, желающихъ ослабленія Царской власти (т.-е. конституціи), разсыпающихся передъ всякой *республикой*, и даже позволяющихъ себѣ оправдывать, подобно „Голосу", тѣ иностранныя правительства, которыя потворствуютъ бѣгству нашихъ государственныхъ преступниковъ, на Царскую жизнь злоумышляющихъ!...

Общество? Но что такое общество?—Это такое тягучее понятіе...

Библиотека "Руниверс"

Трудно, однако, предположить, чтобы „интеллигенты“ *) наши дошли уже такъ скоро до полнаго и всеобщаго равнодушія къ цѣлости и силѣ государства нашего... А на пути защиты этихъ началъ, кто же, отрезвившись отъ фрондерства и подумавши немного, не предпочтетъ г. Каткова всѣмъ другимъ политическимъ писателямъ нашимъ?... Его знаютъ очень многіе люди и изъ той части русскаго населенія, которое зовется собственно *народомъ*... Его имя только одно и заграницей многимъ извѣстно. Оно возбуждаетъ тамъ *именно ту ненависть, которую нужно на западѣ возбуждать*! Ибо наружное политическое согласіе съ Европой необходимо до поры до времени; но согласіе внутреннее, наивное, согласіе идей,—это *наша смерть!!* Были и есть у насъ еще люди прекрасной души, высокаго ума, достойные признательности и уваженія,—это Славянофилы. Но извѣстно, что ни одинъ изъ прежнихъ Славянофиловъ, въ отдѣльности взятый, не сдѣлалъ, или не успѣлъ, или не могъ, по обстоятельствамъ, сдѣлать столькаго *на своемъ пути*, сколько, *на своемъ вѣку*, уже сдѣлалъ Катковъ.

Кирѣевскій, этотъ удивительный по добродѣтелямъ и уму человѣкъ (какъ говорятъ всѣ его знавшіе), далъ только общій духъ; онъ написалъ мало и кругъ вліянія его былъ очень ограниченъ. Хомяковъ, К. Аксаковъ и Самаринъ—дополняютъ другъ друга. Ив. Серг. Аксаковъ, нынѣ живущій и столь много послужившій необходимому дѣлу *политическаго* освобожденія Славянъ, во дни высокаго подъема нашего духа (десять лѣтъ тому назадъ), по *культурному* вопросу собственно не захотѣлъ, видимо, въ литературной своей дѣятельности ни на шагъ отклониться отъ завѣщанныхъ его предшественниками общихъ идей; онъ приложилъ очень много своего труда къ развитію подробностей прежняго ученія, но едва ли прибавилъ что-либо свое къ основамъ его. Я сказалъ—онъ *не захотѣлъ*; я не сказалъ—онъ не *съумѣлъ* или *не смогъ*; таланты, познанія и независимость Ив. Серг. Аксакова таковы, что онъ, конечно, *съумѣлъ* и *смогъ* бы отклониться; но есть сердца твердыя, есть характеры и къ своему уму суровые, которые держутъ мысль въ уздѣ и не даютъ ей измѣнять тому, что для сердца стало святыней... Быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что таковъ долженъ быть мужественный и благородный боецъ *Дня* и *Руси*.

Въ прежнее (*нѣсколько либеральное* все-таки) ученіе Славянофильства онъ не позволилъ себѣ внести ни малѣйшей *ереси*. Онъ даровитый, вѣрный и непреклонный хранитель завѣщаннаго ему сокровища; но само сокровище это, но самый этотъ кладъ отысканъ не имъ и онъ пускаетъ его въ оборотъ теперь почти безъ процентовъ. Вотъ уже болѣе четверти вѣка онъ не даетъ забыть русскимъ людямъ это симпатичное ученіе. Заслуга эта, конечно, очень велика; она даже весьма индиви-

*) Прошу простить мнѣ это *хамское* слово! Серьезно, безъ *ковычекъ* я его не позволю себѣ употребить. Пр. авт. 1885 г.

Библиотека "Руниверс"

дуальна, своеобразна по отношенію къ другимъ его *современникамъ*, но *по отношенію ко всей группѣ* Славянофиловъ 40-хъ годовъ она недостаточно индивидуальна... Когда люди будущаго нашего оглянутся назадъ, когда это будущее станетъ настоящимъ, они увидятъ въ исторіи второй половины XIX вѣка *соборъ*, такъ сказать, этихъ замѣчательныхъ и безукоризненныхъ русскихъ людей, и почтятъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ почтеніемъ благодарной любви и, конечно, тому, кто дольше всѣхъ и *при новыхъ условіяхъ* жизни оставался вѣренъ старому ученію, выпадетъ на долю не малая слава!

Но все-таки гражданская роль г. Каткова *индивидуальнѣе* подобной роли, не говоря уже о громадной силѣ его непосредственнаго, практичнаго, немедленнаго всегда вліянія... Это умѣнье выразить ясно, сильно и даже изящно, и главное—*во время—именно то*, о чемъ думаютъ и безпокоются столькіе другіе люди, государству искренно преданные... это умѣнье у редактора *Московскихъ Вѣдомостей* поистинѣ изумительно и геніально!...

Говоря о Славянофилахъ, надо также вспомнить, что есть еще одинъ человѣкъ, повидимому непризнаваемый вполнѣ Славянофилами за своего, а между тѣмъ объяснившій *сущность* ученія славянофильства гораздо лучше и яснѣе всѣхъ родоначальниковъ этого ученія, это—*Н. Я. Данилевскій*. Онъ написалъ одну только книгу: „Россія и Европа". Книга эта, въ первый разъ, опредѣлила, что настоящее славянофильство есть не *простой Панславизмъ* и никакая попало *любовь къ Славянамъ*, а стремленіе къ *оригинальной культурѣ*, (все равно—враждой, или любовью, деспотизмомъ, или свободой купленной); стремленіе къ *своеобразной* (на западную вовсе не похожей) *цивилизаціи*, долженствующей поглотить и претворить въ себѣ европеизмъ, подобно тому какъ Европа поглотила и претворила въ себѣ римскую, древне-греческую и отчасти византійскую цивилизацію (въ церковномъ ученіи своемъ). Въ сущности, Данилевскій есть болѣе нежели кто нибудь *настоящій истолкователь* и *независимый ученикъ* Кирѣевскаго и Хомякова; и оба эти старые Славянофилы, по отношенію къ нему, являются только предтечами.

Что-жъ сдѣлать съ этимъ авторомъ *Россіи и Европы*, съ этимъ одинокимъ мыслителемъ, съ этой книгой, которая должна стать какъ бы фундаментомъ и катехизисомъ для всѣхъ *настоящихъ* Славянофиловъ, т.-е. для людей, *предпочитающихъ дѣло культурнаго обновленія выбору путей или средствъ*?

И такъ, изъ Славянофиловъ *ни одинъ отдѣльно взятый* человѣкъ не явился въ результатѣ и ширинѣ своего *вліянія* и своей *дѣятельности* настолько сильнымъ и, такъ сказать, литературно и политически *крупнымъ*, настолько *отдѣльно стоящимъ на большой высотѣ*, чтобы положеніе и роль его можно было на поприщѣ гражданскомъ уподобить

Библиотека "Руниверс"

положенію и роли Пушкина на поприщѣ поэзіи... Славянофиловъ можно (*и должно даже*) изобразить всѣхъ вмѣстѣ, въ видѣ группы; но и то только въ такомъ случаѣ, если Россія, присоединивъ *просто и безъ долгихъ разговоровъ* Константинополь и Дарданеллы, *немедленно станетъ во главѣ совершенно анти-европейскаго движенія, долженствующаго ознаменовать новый періодъ своеобразнаго творчества въ исторіи человѣчества*, періодъ, подобный тому, въ который нѣкогда вступила и Западная Европа, отдѣлившись отъ Восточнаго Православія и создавъ себѣ Папскій Римъ и *своего* Кесаря, въ лицѣ Карла Великаго.

Иначе, если этого не будетъ, то славянофилы представятся потомству тѣмъ, чѣмъ они кажутся и намъ *въ минуты* (весьма я думаю простительнаго?) невѣрія въ самобытность славянскаго генія, т.-е. благородными и высоко-одаренными мечтателями, которымъ надо отдать дань глубокаго личнаго уваженія, но которыхъ мысли и дѣйствія не были ни *вполнѣ* пророческими для будущаго, ни *поразительно* вліятельными въ современномъ имъ настоящемъ. Что касается до меня лично, то я расположенъ *скорѣе вѣрить*, чѣмъ *не вѣрить* въ будущее торжество славянофильскихъ *основъ*.

Еще одно предположеніе. Пусть это предположеніе примутъ, пожалуй, за абсурдъ, подобно тому, какъ въ геометріи предполагаютъ, что прямые углы ни равны или, что двѣ параллельныя линіи могутъ сойтись и пересѣчь гдѣ-то другъ друга, не переставая быть параллельными. Предположимъ, что то мирное, но очень быстрое подтачиваніе всѣхъ дисциплинирующихъ и сдерживающихъ началъ, которое съ такимъ ловкимъ упорствомъ производится теперь *) вездѣ въ Россіи, привело бы неожиданно для однихъ, утѣшительно для другихъ, къ полному торжеству нигилистовъ?

Какъ вы думаете, гг. либералы, *вамъ* они что ли поставятъ памятникъ? Нѣтъ! Соціалисты вездѣ (а особенно наши Марки Волоховы и Базаровы) вашъ умѣренный либерализмъ презираютъ... Французскіе соціалисты и вообще крайніе радикалы презираютъ всѣхъ этихъ Эм. Жирарденовъ, Тьеровъ и Ж. Фавровъ... И они правы въ своемъ презрѣніи... И какъ бы ни враждовали эти люди противъ *настоящихъ охранителей* или противъ формъ и пріемовъ охраненія, имъ неблагопріятнаго, *но всѣ существенныя стороны охранительныхъ ученій имъ самимъ понадобятся*. Имъ нуженъ будетъ *страхъ*, нужна будетъ *дисциплина;* имъ понадобятся *преданія покорности*, *привычка къ повиновенію;* народы, удачно (*положимъ*) экономическую жизнь свою пересоздавшіе, *но ни чѣмъ на землѣ все-таки неудовлетворимые*, воспылаютъ тогда новымъ жаромъ къ *мистическимъ ученіямъ* и т. д.

---

*) *Теперь*—значитъ тутъ 80-й годъ. *Нынче*—въ концѣ 1885-го года — *я бы этого не написалъ*.—Прим. авт. 1885 года.

Библиотека "Руниверс"

Да, конечно, если анархическіе соціалисты восторжествуютъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь, то они отдадутъ справедливость скорѣе консерваторамъ, сохранившимъ для ихъ новыхъ порядковъ, своей борьбой *хотя какія-нибудь драгоцѣнности прежней цивилизаціи, прежнихъ психическихъ привычекъ*,—чѣмъ тѣмъ представителямъ осторожнаго, ловкаго и своекорыстнаго отрицанія, которыхъ зовутъ либералами и которыхъ настоящее имя должно быть: *легальные революціонеры*—и больше ничего...

И наши нигилисты если бы и дождались когда-нибудь *столь непріятнаго для насъ счастья*—ставить памятники, то поставятъ они ихъ не Бильбасову, не *Молвѣ*, а *своимъ*: Бакунину, Добролюбову, Писареву... Даже и не Герцену, ибо у Герцена, какъ у бога Януса, два лица, и самое пріятное изъ нихъ, самое прекрасное и *полное искренности, по выраженію своему, обращено къ полу-дворянскому, полу-мужицкому прошедшему Россіи*, а не къ демократической революціи!

Это „ужасное", это „презрѣнное", это „рабское" и „гнусное" *прошедшее* наше было, вѣдь, такъ бѣдно чувствами и содержаніемъ, что вскормило геній Пушкина и воспитало самого Герцена этого, наложивши печать феодальной поэзіи и барскаго изящества на самое революціонерство его, въ которомъ было больше эстетическаго каприза, чѣмъ дѣйствительнаго и постоянно-искренняго сочувствія разрушительному движенію.

Да! Нигилисты, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны и смѣлы въ своей преступной логикѣ, въ своемъ отверженіи! Они жаждутъ разрушенія, жаждутъ крови и пожарищъ, и отдаютъ за это звѣрское безуміе жизнь свою... А *вы, вы*, не идущіе на столь опасную игру?... Не будутъ ли правы эти люди анархіи, если отвергнутъ васъ и отвѣтятъ вамъ когда-нибудь стихами того самаго Пушкина, котораго вы чтите съ виду *не потому, что имѣете съ нимъ что-нибудь общее въ духѣ*, а потому лишь, что хотите *эскамотировать его славу въ пользу вашего кислаго направленія!* Не скажутъ ли они про васъ съ презрѣніемъ:

„Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ;
Прельстясь добычей боевою
Теперь, въ раскаяньи своемъ,
Рекутъ: „возьмите насъ собою";
Но вы скажите: „не возьмемъ!

Не дай Богъ, впрочемъ, ни намъ, ни *даже и вамъ* до этого дожить!

Примѣч. 1885 г. Быть можетъ во всемъ этомъ найдутся какія-нибудь *фактическія* ошибки; но я уже сказалъ, что въ Москвѣ самъ не былъ, а судилъ по газетнымъ сообщеніямъ. Если и такъ, то теперь провѣрять подробности уже поздно. И потому: *еже писахъ—писахъ!*

Библиотека "Руниверс"

Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?

(*Варшавскій дневникъ 1880 г.*).

У насъ давно уже говорятъ о „сближеніи“ или даже о „сліяніи“ съ народомъ. Говорятъ объ этомъ не только агитаторы, неудачно пытавшіеся „ходить“ въ этотъ народъ; не только умѣренные либералы, желающіе посредствомъ училищъ, земской дѣятельности и т. п. мало-по-малу передѣлать русскаго простолюдина въ нѣчто имъ самимъ подобное (то-есть—національно-безличное и безцвѣтное); о подобномъ „сближеніи“ говорятъ, хотя и нѣсколько по своему даже и люди охранительнаго, или, скажу сильнѣе, слегка реакціоннаго взгляда (я говорю *слегка*, ибо сильно реакціоннаго взгляда людей у насъ очень мало и они до сихъ поръ еще не вліятельны).

Но какъ понимаютъ эти умѣренные охранители подобное „сближеніе“,—вотъ въ чемъ вопросъ?

По нашему мнѣнію, нужно не столько *сліяніе интересовъ*, сколько *сходство идей*. Не намъ надо учить народъ, а самимъ у него учиться. Мы *современные* европейцы, а народъ нашъ не европеецъ; скорѣе его можно назвать византійцемъ хотя и несовсѣмъ, вотъ чѣмъ онъ лучше и выше насъ. Для насъ вопросъ рѣшается такъ: *если культурная солидарность наша съ Западомъ неотвратима* и *неисцѣлима*, *то національное дѣло наше разъ навсегда проиграно*. Чтобы объяснить безъ обычныхъ въ литературѣ нашей ужимокъ, какъ мы понимаемъ эти ужасныя слова (которыя произнести даже и наединѣ съ самимъ собою страшно), мы должны сказать вотъ что: правы ли мы, или нѣтъ, это другой вопросъ; но мы думаемъ, что всѣ государства западной Европы должны въ не слишкомъ продолжительномъ времени *отречься* рѣшительнѣе прежняго *отъ всего того*, *что составляло національныя основы ихъ государственнаго банка*, *и принять форму республикъ*. Сольются ли они постепенно всѣ въ одинъ атеистическій союзъ, или сгруппируются сперва только *по племенамъ*, или наконецъ, эти *безцерковныя* республики останутся приблизительно въ предѣлахъ тѣхъ государствъ, изъ которыхъ онѣ выродятся и будутъ жить бокъ о бокъ, подобно республикамъ Средней и Южной Америки, не сливаясь *государственно*, но ничѣмъ почти *культурно* и не разнясь другъ отъ друга,—все это вопросъ второстепенныхъ оттѣнковъ, для насъ, Славянъ, не слишкомъ существенныхъ; ибо во всѣхъ этихъ случаяхъ республиканскій Западъ будетъ еще враждебнѣе Русской Имперіи и союзу Восточно-Православныхъ народовъ, чѣмъ была Европа монархическая. Подобно Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, не пожелавшимъ выносить въ Мексикѣ сосѣдства сильной имперіи, республики европейскаго Запада будутъ тяготиться формой нашего правленія, прилагать всѣ старанія, чтобы измѣнить ее у насъ.

Библиотека "Руниверс"

даже и посредствомъ насилія. Подробнѣе здѣсь объ этомъ я распространяться не буду. Мнѣ кажется, это и такъ ясно.

Я не намѣренъ также на этотъ разъ „предсказывать" каковъ долженъ стать основный *экономическій строй* этихъ европейскихъ республикъ: „мѣщанскій", т.-е. либеральный, подобно строю нынѣшней Франціи, или *принудительно-соціалистической*... Хотя эта сторона вопроса для Славянъ и Россіи несравненно существеннѣе и важнѣе, но именно, вслѣдствіе этой первостепенной важности дѣла, объ немъ нельзя говорить слегка въ статьѣ, имѣющей другую, спеціальную цѣль. На этотъ разъ я позволю себѣ только мимоходомъ замѣтить еще вотъ что: во всѣхъ государствахъ и у всѣхъ націй нашего времени всѣ однородныя охранительныя силы находятся въ постоянной между собою борьбѣ; государство воюетъ съ государствомъ; религія съ ожесточеніемъ борется противъ другой религіи; представители одной аристократіи противятся остаткамъ другой знати, или послѣднимъ могиканамъ другаго дворянства; даже либеральная или полу-либеральная буржуазія—и та, подъ знаменемъ націоналъ-либерализма, выступаетъ охотно и нерѣдко на бой, даже и кровавый, противъ буржуазіи сосѣдней, ведомой подъ точно такимъ же государственно-племеннымъ штемпелемъ, и т. д. Въ *эти минуты* буржуазія даже и отъ ежедневно попираемой ею религіи вовсе не прочь!

Всѣ охранительныя силы Европы, говорю я, находятся теперь въ постоянной и непримиримой борьбѣ между собою и объединить ихъ еще разъ такъ, какъ объединились онѣ въ первой половинѣ XIX вѣка для борьбы противъ Франціи и противъ напора ея демократическихъ насилій, оказывается невозможнымъ во второй половинѣ истекающаго вѣка. *Согласны вездѣ между собой только одни анархисты, коммунисты и тѣ, которые имъ потворствуютъ.* Они согласны, и число ихъ ежегодно и повсемѣстно растетъ; они убѣжденнѣе, тверже, рѣшительнѣе людей всѣхъ другихъ партій и ученій. Идеалъ ихъ простъ и ясенъ. *Разрушить все прежнее*, расторгнуть всѣ преграды; сначала анархія, организація—позднѣе; она придетъ сама собою. Это послѣдовательно и даже сравнительно легко; ибо созданіе новаго и даже охранительная поддержка разъ созданнаго гораздо труднѣе разрушенія.

Вотъ состояніе дѣлъ во всей Европѣ, вотъ *общее теченіе* историческаго потока... Я думаю, никто этого отрицать не можетъ?

Въ виду всего подобнаго, мнѣ кажется, что для насъ весь *роковой вопросъ* долженъ состоять въ томъ: съумѣетъ ли Славянское племя вовремя оградить себя отъ напора, не скажемъ—соціалистическихъ (ибо *соціализмъ*, понятый только съ *экономической* стороны, можетъ принять и *охранительный характеръ*), а скажемъ—просто *разрушительныхъ* волнъ и обойти это теченіе по своему собственному руслу?.. Или оно осуждено исторіей и темпераментомъ своимъ на вѣчное умст-

Библиотека "Руниверс"

венное рабство и должно тоже, хотя и нѣсколько позднѣе другихъ, отдать на закланіе всѣ лучшія историческія начала свои? Мы думаемъ, что нѣтъ мыслящаго человѣка въ Россіи, который бы позволилъ себѣ *еще теперь*, даже въ умѣ своемъ и съ глазу на глазъ съ своею совѣстью, *произнести рѣшительный отвѣтъ!* При взглядѣ на иныя стороны нашей русской жизни—кажется болѣе вѣроятнымъ послѣдній, ужасный исходъ; при воспоминаніи о другихъ, оживляются надежды. Нельзя, разумѣется, не отчаяваться въ будущности славянства, когда слышишь, напримѣръ, что множество русскихъ людей, ожидаютъ спасенія Россіи отъ „дальнѣйшихъ либеральныхъ реформъ“ или скажемъ яснѣе—отъ демократической *конституціи*. Нельзя не ужаснуться за наше будущее, когда съ изумленіемъ начинаешь понимать, что соотечественники наши хотятъ лечить насъ отъ крайняго европейскаго радикализма тѣмъ же самымъ радикализмомъ только постепеннымъ и умѣреннымъ. Или еще, когда встрѣчаешь инаго рода заблужденіе, уже не въ либеральномъ, а въ консервативномъ лагерѣ. Есть у насъ, напримѣръ, консерваторы, которыхъ, мнѣнія и наклонности мы чрезвычайно уважаемъ; но не можемъ не указать на то, что и они часто не въ силахъ перенестись на ту настоящую точку зрѣнія, которая одна можетъ открыть намъ глаза на наши ошибки и несчастія. Есть консерваторы, которые желаютъ все того же *сближенія* съ народомъ. Они сокрушаются о томъ, что русскій народъ русскую „интеллигенцію“ *не любитъ*. Это *не государственная*, *не объективная* мысль; это чисто личное порожденіе невольнаго какого-то страха, или оскорбленное чувство добраго и честнаго человѣка, считающаго себя передъ „народомъ“ ни въ чемъ неповиннымъ.

Съ точки зрѣнія *государственной* надо, напротивъ того, *радоваться*, что народъ „интеллигенцію“ *нашего времени* не очень любитъ, что она ему *не нравится*.

Пускай въ средѣ этой „интеллигенціи“ есть прекрасные и гуманные люди, пусть мы сами принадлежимъ къ ней, все-таки надо *радоваться*, что эта „интеллигенція“ такъ непопулярна, несмотря на всю теперешнюю гуманность свою.

Радоваться надо этому потому, что идеи и политическіе вкусы, господствующіе въ интеллигенціи *все заимствованные*, а у народа идеи и вкусы все *свои*; сближаясь съ народомъ, мы только вредимъ ему; вредимъ не въ томъ какомъ-нибудь грубомъ смыслѣ, что мы его обманываемъ или грабимъ, или можемъ отстранить его отъ какихъ-нибудь вещественныхъ благъ, а въ томъ *болѣе важномъ смыслѣ*—что мы почти нечаянно учимъ его *европейству* и не можемъ не учить, потому что сами до сихъ поръ выдумать ничего не были въ силахъ и въ дѣлѣ творчества національнаго стоимъ гораздо ниже азіатскихъ народовъ: индусовъ, китайцевъ, мусульманъ, у которыхъ все почти *свое*.

Библиотека "Руниверс"

Поэтому польза (или даже *спасеніе* наше)—не въ *смѣшеніе* съ народомъ и не въ *практическомъ* какомъ нибудь съ нимъ *соглашеніи*, а въ *сходствѣ съ нимъ*, *въ* нѣкоторомъ такъ сказать, *подражаніи ему*. Вотъ чего не различаютъ, и что съ высшей степени важно. Славянофилы какъ будто понимали это, но въ ихъ ученіи есть одна чрезвычайно слабая сторона—это *эгалитарный либерализмъ*. *Ни одинъ изъ нихъ не обратилъ вниманія на то, что при томъ сліяніи или смѣшеніи съ народомъ, которое они такъ всегда хвалили, не народъ слиняетъ, такъ сказать, на насъ своими яркими національными цвѣтами, а мы заразимъ его нашими европейскими міазмами*, потому что мы все таки сильнѣе его ежедневнымъ нашимъ вліяніемъ... *Юридическое сословное раздѣленіе* было полезно для сохраненія національго типа. Объясняюсь проще и нагляднѣе. Между прежнимъ привиллегированнымъ и „передовымъ" все-таки для своего времени дворянствомъ и крѣпостными крестьянами, даже между тѣмъ-же „онѣмеченнымъ и офранцуженнымъ" дворянствомъ *и благотворно отставшимъ* купечествомъ стояла каменная стѣна юридическихъ правъ и привиллегій. Пороки крестьянства и стараго купечества были пороками *личными; національно*, въ смыслѣ *общаго типа*, оба эти сословія были почти всегда безукоризненны; дворянство же, во многихъ случаяхъ *лично* почтенное *и государственно* всегда чрезвычайно доблестное, съ точки зрѣнія *національно культурнаго типа* было ниже и хуже не только китайскихъ мандариновъ, но даже и турецкихъ пашей и беевъ, которыхъ, по крайней мѣрѣ, рѣзкія особенности ихъ религіи *принуждаютъ не все* свое уступать европеизму, не всѣ обычаи, не всѣ повѣрія, не всѣ юридическія понятія, и т. д.

Пока наше, частью вполнѣ, частью полу-европейское дворянство было отдѣлено отъ низшихъ классовъ той стѣною привиллегій, о которыхъ я говорилъ выше, оно могло вредить народу только вещественно, стѣснять его волю, наносить безнаказанно ему личныя оскорбленія, пользоваться иногда неразумно и жестоко даровымъ трудомъ мужика, брать съ купца взятки безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Все это такъ; но оно не могло тогда вредить народу *духовно*, *государственно*, *воспитательно*, *религіозно и культурно*, *стирая своимъ примѣромъ и вліяніемъ драгоцѣнныя черты его національнаго характера*. Нанесенію этого рода вреда (несравненно болѣе существеннаго, чѣмъ вредъ матеріальный и личный въ глазахъ того, кто понимаетъ, что значатъ слова: *государство, нація, культурный типъ!*),—нанесенію этого вреда препятствовали тогда глубокіе предразсудки и закоренѣлыя привычки обѣихъ сторонъ. Эгоизмъ и открытое презрѣніе высшихъ, привиллегированныхъ—съ одной стороны; апатія и скрытое отвращеніе низшихъ — съ другой, спасали культурный стиль народа. Высшіе *не спѣшили учить* и ласкать низшихъ, привлекая ихъ этой лаской постепенно къ подражательности. Низшіе съ своей стороны

Библиотека "Руниверс"

смотрѣли на „господъ“, какъ на нѣчто чуждое, „нѣмецкое“ и даже весьма противное не потому именно, что „наказываетъ“ и „заставляетъ на себя работать“, а потому, что „въ узкомъ и короткомъ платьѣ ходитъ, посты плохо соблюдаетъ и т. д....“ Купцы „Московскаго типа“ на дворянъ не работали, не зависѣли прямо отъ нихъ и нерѣдко въ частныхъ случаяхъ преобладали надъ ними; но и они чувствовали этого рода *культурное* отвращеніе къ европейскому стилю дворянства. Возьмемъ одинъ примѣръ. Я помню крѣпостное право: я выросъ на немъ; полъ-жизни моей прошло при его условіяхъ, и только во второй ея половинѣ (30-ти лѣтъ) я увидалъ новые порядки. Я спрошу: когда слуги и простолюдины вообще строже содержали православные посты—тогда, или теперь? И тогда многіе „господа“ ѣли и въ страстную пятницу мясо; и тогда были здоровенные молодые люди до того изломанные нравственно, что увѣряли будто одна недѣля поста разстроиваетъ ихъ желѣзное здоровье. Но въ то время не только мужикъ, который изъ своего маленькаго окна издали и невнимательно смотрѣлъ на барскіе хоромы, плохо даже и понимая, что тамъ происходитъ, но и *слуги* въ домѣ какъ-то не заражались нашимъ примѣромъ. Я помню слово одного 20-лѣтняго двороваго нашего. Я былъ тогда *студентомъ* и спросилъ его:

— Мнѣ вотъ ничего, что я ѣмъ скоромное; а ты не хочешь ни за что. Отчего это?—Онъ же отвѣчалъ мнѣ съ улыбкой:

— Мы понимаемъ это такъ, что *господа отъ счастья забылись... Вотъ и все!* ..

Чѣмъ больше равенства, больше общенія, больше даже откровенныхъ бесѣдъ, больше взаимнаго пониманія, чѣмъ больше нравственнаго *вліянія* сверху внизъ, со стороны болѣе *свѣдущей*, но культурно *болѣе испорченной* (ибо культура не *въ массѣ знаній*, а въ живомъ *своеобразномъ освѣщеніи* этого умственнаго хаоса), чѣмъ меньше сословнаго *отчужденія, тѣмъ менѣе обще-либеральная зараза*. Поэтому говорю: тотъ, кто понимаетъ до чего дорогъ культурный, національный стиль для нашего государства, до чего спасительно можетъ быть теперь для Славянства постепенное сверженіе *умственнаго ига* Европы, тотъ долженъ желать не дальнѣйшаго вліянія „интеллигенціи“ нашей на простолюдина русскаго, а наоборотъ, — онъ долженъ искать наилучшихъ способовъ и наилегчайшихъ *путей подражанія мужику*.

Дѣло теперь не въ дальнѣйшемъ уравненіи *правъ* (главнымъ и послѣднимъ уравненіемъ было бы столь убійственное для порядка разрѣшеніе крестьянамъ продавать личные земельные участки); спасеніе не въ какихъ-нибудь дѣловыхъ, юридическихъ, земскихъ и т. п. соглашеніяхъ, или сближеніяхъ съ народомъ, а въ *развитомъ возстановленіи* его *идеаловъ вѣрныхъ и самобытныхъ, но загрубѣлыхъ* въ его бѣдныхъ рукахъ, и потому и намъ не всегда достаточно ясныхъ, и даже въ са-

Библиотека "Руниверс"

момъ простолюдинѣ нѣсколько менѣе утвержденныхъ, чѣмъ могли бы быть утверждены въ немъ эти самые идеалы, если бы *сближенная* уже съ нимъ теперь реформами интеллигенція подавала ему сама поразительный примѣръ развитаго, самосознательнаго, я готовъ даже сказать, *надменнаго въ независимости своей культурнаго руссизма!* Я попытаюсь доказать (какъ умѣю), что достичь этого возможно (и даже легко) на нѣсколькихъ, быть можетъ, даже и на всѣхъ поприщахъ общественной жизни. И прежде всего на поприщѣ научно-философской мысли.

Я сказалъ, что намъ *нужно* вовсе *не смѣшеніе съ народомъ, а сходство съ нимъ.* Я говорилъ, что польза не въ юридическомъ сліяніи всѣхъ со всѣми, и спасеніе не въ земскомъ какомъ нибудь или вообще *дѣловомъ сближеніи* высшихъ слоевъ общества съ низшими; не въ воспитательномъ, наконецъ, воздѣйствіи *русскихъ европейцевъ* на ихъ *еще неиспорченныхъ культурно* „меньшихъ братій"; спасеніе наше *не въ практическомъ*, а въ *идеальномъ* сближеніи съ простолюдиномъ нашимъ; то-есть, говоря яснѣе и проще въ *подражаніи мужику*, *въ развитомъ возстановленіи* его идеаловъ, вѣрныхъ и самобытныхъ, но *загрубѣлыхъ* и потому не всегда ясныхъ даже и ему самому. Вовсе не надо быть непремѣнно *равнымъ* во всемъ мужику, нѣтъ даже вовсе особенной нужды *быть всегда любимымъ* имъ и *силиться всегда* самому любить его *дружественно*: надо любить его *національно*, *эстетически*, надо любить его *стиль. Нужно быть съ нимъ схожимъ въ основахъ.*

Напримѣръ: простолюдинъ любитъ Царя не за то только, что онъ *сдѣлалъ* для него вотъ *то-то* и *то-то*, а *за то именно, что Онъ— Царь!* И мы должны понять, что слишкомъ далеко простертыя идеи демократическаго индивидуализма и т. п. съ серьезнымъ взглядомъ на Самодержавіе рѣшительно не совмѣстимы. Мы должны разсуждать такъ: „Русскій Царь по существенному аттрибуту Его власти, по основнымъ законамъ государства имѣетъ право на всякое дѣйствіе *кромѣ одного: — кромѣ дѣйствія самоограниченія. „Самодержецъ не можетъ перестать быть Самодержцемъ"*. Ибо пословица русская говоритъ: „*умъ* хорошо, а два лучше того"... *Умъ*,—т.-е. разсужденіе, совѣтъ... Она не говоритъ, что *двѣ воли* или *двѣсти волей лучше одной*. Это большая разница—*умъ* и *воля!* Къ тому же во всѣхъ палатахъ или національныхъ собраніяхъ, конечно, *не умъ же кладетъ шары*, утверждаетъ законы и свергаетъ министровъ, а *воля*, то-есть легально организованная игра интересовъ и страстей. *Умъ* въ дѣлахъ конституціонныхъ собраній играетъ весьма второстепенную роль, какъ и всякій умъ, *вездѣ*, когда приходитъ минута *практическаго дѣйствія*; *его въ послѣднюю минуту* выбора обыкновенно замѣняетъ *нѣчто другое*, какая-то совокупность нашихъ силъ: нравственныхъ, тѣлесныхъ и отчасти только умственныхъ. И сверхъ того, развѣ въ эти палаты и собранія вы-

Библиотека "Руниверс"

бираются всегда самые умные люди? Всякій знаетъ, что нѣтъ. Пошлость и пустота конституціонныхъ собраній была прекрасно изображена недавно Daudet въ его „Набабѣ“... Всякій читатель неподкупленный желаніемъ самому стать депутатомъ чувствуетъ, что Daudet правъ и вовсе не клевещетъ. И еще гораздо прежде его, Добролюбовъ очень удачно осмѣивалъ западныя „говорильни“. Въ этомъ необходимо Добролюбову отдать справедливость.

Вотъ одинъ, очень простой простой примѣръ тому, какъ міросозерцаніе простаго человѣка можетъ совпадать съ убѣжденіями и *политическими вкусами*, такъ сказать, образованнаго русскаго. И можно даже сказать прямо, что тѣ изъ насъ, которыхъ умъ *дорось* до этихъ убѣжденій и *далеко переросъ* понятія *современнаго* западно-мѣщанскаго права, обязаны, въ большинствѣ случаевъ, *живому примѣру* русскаго мужика. *Первоначальная*, либеральная испорченность нашего воспитанія, встрѣчаясь въ жизни со стихійной мощью мужицкаго міровоззрѣнія, заставляетъ насъ краснѣть за себя; презрѣніе къ *прогрессивной* Европѣ, котораго не можетъ не чувствовать въ *наше время* русскій человѣкъ, *добросовѣстный мыслію*, располагаетъ насъ искать иныхъ путей и эти пути — *тутъ*, *они такъ близко*, — они *за сохою*; они въ сельской Церкви; они подъ соломенной крышей, въ дыму курной избы; они въ этихъ—*полукрестьянскихъ монастыряхъ* нашихъ.

„Русскій“ смыслъ не въ массѣ знаній, подавляющихъ только слабые умы большинства учащихъ и учащихся, а въ *способѣ освѣщенія этихъ знаній*, этой массы фактовъ въ такъ называемомъ „выходѣ въ жизнь“.

Мужикъ, напримѣръ, не только молясь въ Церкви, но даже и сидя въ кабакѣ, уже тѣмъ уменъ и хорошъ, что онъ въ *прогрессъ* не вѣритъ (т.-е. въ прогрессъ *благоденственный и вѣчный*). Онъ, когда ему случается подумать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ хозяйства, податей и водки, думаетъ, что „всѣ мы подъ Богомъ“, и „все отъ Бога!“

Поэтому ему сразу (пока наше вліяніе его еще не исказило) покажется даже смѣшнымъ, если онъ услышитъ, что какіе то французы и нѣмцы надѣются усиліями своего разума устроить на землѣ если не рай, то что-то приблизительное. И для этого одни насиліемъ, бунтами, кинжалами, динамитомъ, а другіе—„машинами“ и „постепенностью“, „говорильнями“ и т. д. хотятъ разрушить все то, что было создано мудростью вѣковъ. Простолюдинъ найдетъ эту затѣю глупою. Такъ мыслитъ мужикъ, когда онъ удосужится помыслить; такъ думаетъ онъ полу-сознательно, не размышляя много и дѣйствуя сообразно съ этой стихійной, темной думой своей, онъ *покоряется*, вѣритъ и крестится.

Развѣ такое міровоззрѣніе есть непремѣнно удѣлъ одной простоты и невѣжества? Ничуть!

Такое воззрѣніе на неизбѣжность въ жизни страданій, зла, обидъ,

Библиотека "Руниверс"

разочарованій и даже ужасовъ, на *невозможность* устранить все это *разумомъ, наукой и гражданской правдой* и даже на *огромную, косвенную пользу* всѣхъ этихъ золъ вовсе не принадлежитъ только *незнанію*, или такъ называемой „наивности". Такое воззрѣніе на жизнь имѣетъ даже и въ области философской мысли *особое названіе*; этотъ родъ міросозерцанія зовется *пессимизмомъ*, (pessimus по латыни, какъ многимъ извѣстно, значитъ *наихудшій*, optimus—*наилучшій*, отсюда оптимизмъ, т.-е. ученіе о томъ, что *все* идетъ *къ наилучшему*. Впрочемъ, эти термины, грамматически или филологически прямо противуположные, въ философскомъ смыслѣ не всегда удачно противополагаются другъ другу. Если мы философскому и религіозному пессимизму (т.-е.—*зло должно быть* и, кто знаетъ, можетъ быть *все* на землѣ *идетъ къ худшему*, напр. къ разрушенію), противоположимъ такой сложный терминъ: *оптимизмъ-прогрессивно-эвдемоническій*, то-есть *поступательно-благоденственный*,—то, мнѣ кажется, что это будетъ точнѣе.)

Я сказалъ, что не однимъ только простымъ или невѣжественнымъ, какъ говорится, людямъ свойственно придерживаться пессимистическаго невѣрія въ благоденственный прогрессъ.

Всѣ положительныя религіи, создавшія своимъ вліяніемъ, прямымъ и косвеннымъ, главнѣйшія культуры земнаго шара,—были ученіями *пессимизма*, *узаконявшими* страданія, обиды и неправду земной жизни. Даже „свѣтлая", какъ говорятъ религія грековъ и та учила, что „боги завидуютъ счастью людей и мучаютъ ихъ." Вспомнимъ только великія трагедіи Софокла, гдѣ столько „органически сросшихся съ жизнью" неправдъ и горестей терзаютъ людей!

При всѣмъ этомъ сознаніи бѣдствій земной жизни, Греки никогда не надѣялись на какой-то прогрессъ, долженствующій сдѣлать *человѣка счастливымъ*. Замѣчательно, что всѣ лучшіе мыслители древности были болѣе или менѣе консерваторами. Вся древняя греко-римская мысль была направлена или на сохраненіе *государства*, или же на *личное эстетическое наслажденіе*, *преходящее*, и потому именно драгоцѣнное. Идея прогресса *(или улучшенія жизни для всѣхъ)* есть выдумка нашего времени; она есть ничто иное, какъ ложный продуктъ демократическаго разрушенія старыхъ европейскихъ обществъ. Безсознательный обманъ, самообольщеніе, могучее орудіе постепеннаго разстройства въ незримой рукѣ историческаго рока. *Человѣчество всегда въ чемъ нибудь ошибалось*. Оно ошиблось и теперь, воображая, что *созидаетъ нѣчто*, *уравнивая* общество во имя *правъ и благоденствія*. Оно этимъ приготовляетъ лишь размягченную почву для *новаго*, какого-то *(юридическаго даже) неравенства*, для новаго рода страданій, для новаго рода *организованной* муки! Человѣчеству размышленія мало; ему нуженъ *опытъ*. *И опытъ* будетъ! И мысль *о прогрессѣ равномѣрнаго счастья* будетъ снова отвергнута.

Библиотека "Руниверс"

Возвращаюсь къ *пессимизму*. Всѣ христіанскіе мыслители были тоже своего рода пессимистами. Они даже находили, что зло, обиды, горе въ высшей степени намъ *полезны* и даже необходимы; такъ что христіанское міровоззрѣніе съ этой стороны можно назвать—*оптимистическимъ пессимизмомъ*. Приводить цитаты изъ христіанскихъ писателей ни древнихъ, ни современныхъ я не буду много. Пусть кто хочетъ заглянетъ самъ. Я приведу только два примѣра: одинъ древній, другой, такъ сказать, вчерашній. Древняя цитата моя будетъ точная, а новѣйшая, прошу простить мнѣ, немного „по памяти".

Первый примѣръ мой будетъ изъ книги Блаженнаго Августина „О градѣ Божіемъ" (De civitate Dei). Готѳы взяли Римъ, разграбили его и произвели въ немъ множество всякаго рода злодѣйствъ и насилій.—Блаженный Августинъ въ своей книгѣ утѣшаетъ пострадавшихъ христіанъ и возражаетъ по этому поводу язычникамъ (ихъ было еще въ его время много). Учитель Церкви находитъ, что всѣ эти страданія и оскорбленія были христіанамъ нравственно *полезны*. Въ одномъ мѣстѣ у него—мы находимъ слѣдующее:

„Но многіе христіане, говорятъ они (т.-е. язычники), были уведены въ плѣнъ"... „Это дѣйствительно было бы величайшимъ несчастіемъ *если бы они могли быть уведены въ какое нибудь такое мѣсто, гдѣ не нашли бы своего Бога*". И только. Самъ по себѣ, плѣнъ не есть еще самое великое несчастіе.

И еще, убѣждая не сокрушаться о томъ, что многія тѣла не были погребены послѣ избіеній, Бл. Августинъ говоритъ такъ:

.... „и если отсутствіе и такихъ необходимыхъ для поддержанія жизни людей живыхъ вещей, какова пища и одежда, *хотя и причиняетъ страданіе*, не уничтожаетъ въ добрыхъ силы терпѣть и переносить лишенія, и не вырываетъ изъ души благочестія, а *напротивъ дѣлаетъ его болѣе плодовитымъ*: то не тѣмъ-ли болѣе...." и т. д. (слѣдуетъ о непогребенныхъ тѣлахъ и утѣшенія роднымъ и друзьямъ, которые при опустошеніи города, не могли этого сдѣлать).

Далѣе:

— „Много христіанъ было *убито*... И это не важно. Не важно какимъ родомъ смерти умретъ человѣкъ, а *куда онъ пойдетъ послѣ смерти?*—Хороша-ли была его жизнь или худа?... и т. д.

— „Многіе были ограблены? Потеряли богатства и т. д?...

— Потеряли они вѣру?—спрашиваетъ Бл. Августинъ.

— Потеряли благочестіе?—Если они ихъ не потеряли, то что значитъ потеря богатства?... Тотъ, кто будучи богатымъ, не привязывался къ нему, тотъ спокоенъ; а тѣ, которые были послабѣе, которые, хотя и не предпочитали этихъ земныхъ благъ Христу, были однакоже хотя съ нѣкоторою страстностью привязаны къ нимъ, тѣ, теряя ихъ, *почувствовали насколько, любя ихъ, грѣшили.—Вотъ главная поль-*

Библиотека "Руниверс"

за—сознаніе своей *грѣховности*... Остальное—не важно.—Утѣшенія въ этомъ родѣ Бл. Августиномъ предлагается даже тѣмъ изъ молодыхъ христіанокъ, изнасилованныхъ готѳами, которыя сокрушались объ утратѣ дѣвственности и чистоты. — Оправдывая пострадавшихъ тѣмъ, что *воля* ихъ въ чужомъ грѣхѣ не участвовала, онъ прибавляетъ, что нѣкоторымъ это насильственное оскверненіе тѣла было *полезно* для уничтоженія той *нравственной гордости*, которая могла быть имъ свойственна прежде, при строгомъ соблюденіи цѣломудрія.

Такъ какъ грабежъ и опустошеніе Рима варварами причинили жителямъ почти *всѣ главные роды человѣческихъ страданій* и несчастій: насильственную, болѣзненную, преждевременную смерть, страхъ, мученія при видѣ страданій близкихъ, удаленіе изъ отчизны въ тяжкій плѣнъ и рабство, вѣроятно множество физическихъ страданій отъ ранъ, ушибовъ, и т. п., потерю имущества и вообще обѣдненіе, преслѣдованіе, и наконецъ гражданскую, конечно, скорбь о взятіи великаго города, котораго никто такъ долго взять не могъ,—то я и привелъ именно этотъ примѣръ, для доказательства насколько христіанству присущъ тотъ *оптимистическій пессимизмъ*, о которомъ я говорю и который во всякомъ страданіи и злѣ видитъ прямую или косвенную пользу *для человѣка*, *вѣрующаго во Христа*.

Вотъ древній примѣръ.

Что касается до новаго примѣра, который я рѣшаюсь привести немного „на обумъ“ (потому что, къ сожалѣнію, потерялъ нумеръ той газеты, гдѣ я его очень недавно нашелъ), то это не что иное, какъ наставленіе одного изъ нашихъ епископовъ приходскому духовенству—какъ обращаться съ паствой.—Тамъ, между прочимъ, сказано нѣчто подобное:

— Надо помнить, что всѣ люди воспріимчивѣе ко вліяніямъ духовнымъ въ случаѣ поразившихъ *ихъ несчастій*, въ случаѣ потери близкихъ и любимыхъ лицъ, болѣзней, денежныхъ потерь, и т. п... *Надо пользоваться особенно этими случаями — чтобы дѣлать имъ пользу* (духовную)...

И такъ, съ христіанской точки зрѣнія можно сказать, что *водвореніе на землѣ постояннаго* мира, благоденствія, согласія, общей обезпеченности и т. д., т.-е. именно того, чѣмъ задался такъ неудачно демократическій прогрессъ, было-бы *величайшимъ бѣдствіемъ въ христіанскомъ смыслѣ*... Съ христіанствомъ можно мирить философскую идею сложнаго *развитія* для *неизвѣстныхъ* дальнѣйшихъ цѣлей (можетъ быть и для всеобщаго *разрушенія*), но эвдемоническій (благоденственный) прогрессъ, ищущій счастія въ равенствѣ и свободѣ—совершенно непримиримъ съ основной идеей христіанства... *Этого рода* прогрессъ и *настоящее* христіанство могутъ только кое-какъ *жить* рядомъ, но слиться въ принципахъ никогда не могутъ.

Библиотека "Руниверс"

Но оставимъ пессимизмъ христіанскій и вообще религіозный, (мистическій), на почвѣ котораго могутъ сходиться легко самый ученый мужъ и самая безграмотная баба; оставимъ христіанство... Новѣйшая, *именно самая передовая* философія Запада проповѣдуетъ этотъ самый *пессимизмъ*, это мужественное и честное невѣріе во благодеественную спасительность прогресса.—Вотъ что говоритъ Гартманъ:

„*Пессимистическое* пониманіе мірозданія, родъ пониманія, въ которомъ религіозная потребность ежедневно возстановляетъ свои силы, *не можетъ не рости и не крѣпнуть, ибо, чѣмъ болѣе человѣчество умножаетъ средства для пріятности своего существованія, тѣмъ болѣе убѣждается оно въ невозможности преодолѣть мученіе жизни и достичь не только до благоденствія, но и до нѣкотораго довольствія.* Восходящій (т.-е. прогрессивный въ обыкновенномъ понятіи этого слова) періодъ человѣческихъ дѣлъ можетъ придерживаться оптимизма (т.-е. вѣры въ постепенное улучшеніе жизни) до тѣхъ поръ, пока человѣчество еще надѣется найти счастіе на концѣ пути и насладиться имъ, но только что та, или другая цѣль достигнута, народъ стремившійся къ ней, тотчасъ-же начинаетъ находить, что онъ не только не *прогрессировалъ* въ довольствѣ, *а, напротивъ того*, лишь увеличилъ грызущія и терзающія его нужды“.

„Поэтому оптимизмъ есть всегда лишь временное состояніе націй, находящихся еще на полпути *мірскихъ* стремленій; но *пессимизмъ есть основное* расположеніе самосознательнаго человѣчества, и это настроеніе прорывается всегда съ удвоенной энергіей, при концѣ порывистыхъ эпохъ. Будемъ-же, поэтому, ожидать, что потребность человѣчества возвыситься (хотя-бы только въ идеѣ) надъ *тщетою этого свѣта*, выразится все съ большой силой при исходѣ именно тѣхъ періодовъ, въ которыхъ „міръ“ праздновалъ, такъ сказать, свои тріумфы и въ теченіи которыхъ *земные интересы все поглощали! Будемъ ожидать,— что религіозный вопросъ сдѣлается самымъ жгучимъ именно тогда, когда человѣчество, достигнувъ самой высшей степени возможной на землѣ цивилизаціи, окинетъ жизнь широкимъ и яснымъ взглядомъ и пойметъ при этомъ всю сокрушительную нищету своего состоянія!*“ (La religion de l'avenir, par Edouard de Hartmann; 1876, стран. 137—139).

Я привожу съ истиннымъ восхищеніемъ эти прекрасныя слова главы пессимистическаго ученія, несмотря на то, что я ни въ чемъ почти остальномъ не могу согласиться съ нимъ. Ни съ тѣмъ, напримѣръ, что это невѣріе въ *будущее всеобщее счастье*, должно быть сопряжено *съ простой моралью* (т. е. независимой отъ „страха Божія“ и вообще отъ какой-нибудь обрядно-мистической религіи; такая сухая, *нынѣшняя* мораль, сознаюсь, мнѣ просто ненавистна по причинамъ, объясненія которыхъ для людей простоватыхъ должны быть очень пространными и потому здѣсь неумѣстны, *а умные и такъ согласятся со мной)*. Я, ко-

Библиотека "Руниверс"

нечно, не могу сочувствовать Эд. Гартману еще и въ непочтительныхъ отзывахъ его о Христіанствѣ. Онъ находитъ хорошимъ въ немъ только мужественное примиреніе съ горестями и ужасами жизни, (т. е. только тотъ самый *пессимизмъ*, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь). Не могу довольствоваться и тѣмъ *слѣпымъ*, безучастнымъ, неумолимымъ, *Имманентнымъ* Богомъ, котораго онъ предлагаетъ людямъ въ замѣнъ *нашего* Бога, Бога *личнаго*, „живаго". *Имманентный* Богъ Гартмана это тотъ „ненужный" Богъ, про котораго еще Альфредъ-де Мюссе сказалъ:

„Un Dieu inutile, qui ne veut pas d'autels..."

Этотъ не „живой" и *не-сознательный*. Богъ былъ-бы *ниже* своего *сознательнаго* творенія—*человѣка*!

Гартманъ не вѣритъ и въ *безсмертіе души*, такъ что *сю религія будущаго* очень странна, убійственно скучна и потому невозможна. Безъ вѣры въ награду, безъ страха наказанія, безъ поэзіи, даже безъ молитвъ и безъ „алтарей"!...

Конечно, по отношенію къ земной жизни, или къ „научной истинѣ", такъ сказать, и такая мрачная рѣшимость—*ничего лучшаго въ смыслѣ пріятности не ожидать отъ человѣчества* на землѣ,—гораздо уважительнѣе и правильнѣе и Прудоновской вѣры въ какое-то гадкое однообразіе и математическое равенство какихъ то, все болѣе и болѣе мелкихъ *(отъ популяризаціи науки и средней обезпеченности) людишекъ будущаго*; и Беклевской наивности, почему-то вообразившей, что дальнѣйшіе успѣхи *разума* непремѣнно будутъ усиливать *личную свободу* и всѣхъ другихъ *эвдемоническихъ* (благоденственныхъ) вѣрованій, столь распространенныхъ въ наше время и даже господствующихъ до сихъ поръ по умственной косности прогрессистовъ, которые, вопреки очевидности, перебиваются двумя-тремя уже старѣющими идеями...

Конечно, „пессимизмъ" Гартмана вѣрнѣе, умнѣе, мужественнѣе, въ научномъ смыслѣ честнѣе и реальнѣе вѣры въ прелести индустріально — бюргерскаго благодушія и въ *неприкосновенность* всякой, самой гнусной европейской „личности", все ниже и ниже спускающейся въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніяхъ...

Разумѣется, міровоззрѣніе „пессимистическое" лучше *обыкновеннаго* прогрессивнаго, и нашъ Тютчевъ былъ неправъ, „пугаясь" уже слишкомъ его успѣховъ въ Германіи. Тютчевъ, утративъ вѣру въ Западъ, сталъ вѣрить въ оригинальное, сильное и новое Славянство, въ „единеніе славянской *любви*". Но этотъ *розовый* славизмъ, сколько бы въ немъ ни было искренности, „органическихъ" бѣдствій и присущихъ жизни разочарованій, измѣнить не можетъ, и потому какіе бы мы *союзы* „любви" этой не составляли съ Южными и даже Западными славянами, точно также будутъ войны, междоусобія, дифтеритъ, холера вернется, будетъ трусъ и гладъ, будетъ скука и ревность, и лукавство, и жадность, и несправедливость; мосты на желѣзныхъ путяхъ будутъ прова-

Библиотека "Руниверс"

ливаться, отъ свѣчекъ Яблочкова будутъ болѣть глаза, электрическое освѣщеніе *вашихъ* внутренностей все-таки долговѣчности *вашей* не утроитъ. Вѣдь съ точки зрѣнія *благоденствія*, какое кому дѣло до того, что *всему человѣчеству* прибавится какихъ-нибудь *отвлеченныхъ* пять—шесть лѣтъ *средней* продолжительности жизни? Людямъ нужны не эти *отвлеченныя и никому собственно не принадлежащія* пять лѣтъ; людямъ нужны *индивидуальныхъ лѣтъ 50 лишнихъ и здоровыхъ!* Такъ, чтобы имъ жизнь сама уже наскучила бы!

Этого и самый „любовный" союзъ панславизма, вѣроятно не дастъ и ни отъ чего существенно—бѣдственнаго отъ насъ не избавитъ... И Тютчевъ былъ рѣшительно неправъ, называя ученіе Шопенгауера и Гартмана—une doctrine décevante! (кажется, онъ такъ выражался?)

Напротивъ того, *отрицательная* сторона этого ученія вовсе не разрушительна и не вредна.

Отвергая прямо всеспасительность *эвдемоническаго* прогресса, признавая зло и страданія неотразимой принадлежностью жизни, это ученіе должно вести и въ области общихъ идей и на практикѣ, къ примиренію *со всѣми тѣми неудобствами государственной и общественной жизни*, противъ которыхъ *такъ упорно* борются либеральные прогрессисты; оно, это ученіе, своими отрицательными сторонами миритъ *умъ нашъ* и съ *неравенствомъ* (хотя бы *и сословнымъ)* и *съ войнами*, и съ *недугами*, и съ *семейнымъ деспотизмомъ*, и съ *личными распрями*, и *съ тягломъ* нашихъ *государственныхъ обязанностей*...

На почвѣ, глубоко-*расчищенной* ученіемъ *пессимизма*, могла бы свободно произрастать и приносить свои прекрасные плоды какая угодно *положительная религія;* ибо на одномъ печальномъ *отрицаніи* всѣхъ благъ—*и земныхъ и загробныхъ* (какъ предлагаетъ Гартманъ)—кто же станетъ долго жить?

Гартманъ правъ, ожидая что совершенное разочарованіе въ пріятныхъ плодахъ *земнаго прогресса* вскорѣ доведетъ людей съизнова до полнѣйшаго поворота къ религіозному, мистическому одушевленію; но пойдутъ люди молиться, конечно, не къ тому мертвому, слѣпому и безличному Богу, котораго онъ предлагаетъ намъ...

Его ученіе дорого только какъ *приготовительное средство* для тѣхъ несчастныхъ людей, которые *прямо истинъ Вѣры принять не въ силахъ!*... За пессимизмомъ въ наукѣ, въ педагогіи, въ литературѣ послѣдуетъ Вѣра; за Вѣрой — *послушаніе и дисциплина;* за *Вѣрой и послушаніемъ Церкви и властямъ независимость національнаго духа!*...

ПРИМѢЧАНІЕ 1885 ГОДА.

По поводу воззрѣній Эд. Ф. Гартмана на прогрессъ, люди, весьма хорошо знакомые съ его философіей, замѣчали мнѣ еще прежде, когда

Библиотека "Руниверс"

эта статья моя была издана въ видѣ отдѣльной брошюры, что Гартманъ все-таки *извѣстнымъ образомъ* вѣритъ *въ прогрессъ. Да, въ прогрессъ, какъ въ эволюціонное движеніе отъ безсознательнаго къ сознательному*, онъ вѣритъ, это правда. Но онъ не допускаетъ той мысли, чтобы люди стали *когда-либо счастливѣе внутренно* отъ этого, даже неизбѣжнаго, по его мнѣнію, поступательнаго движенія.

Вотъ, наприм., что онъ говоритъ въ концѣ своей книги: *Исторія и основанія пессимизма* (1880 г.): „Вѣрно—то, что безъ перевѣса страданій надъ наслажденіемъ родъ человѣческій не могъ бы достигнуть своего нравственнаго назначенія, — при этомъ-же условіи онъ можетъ и долженъ достичь его, несмотря на переходящую часто дальше нужной цѣли мѣру страданій, несмотря на неправильное распредѣленіе ихъ и на вредныя побочныя дѣйствія, обусловливаемыя этими страданіями. Уже изъ одного того, что страданіе есть средство, исполняющее свое назначеніе въ общемъ ходѣ жизни, хотя въ частностяхъ оно иногда и не достигаетъ своей нравственной цѣли,—явствуетъ, что оно можетъ имѣть объективное *телеологическое* значеніе. Эта вѣроятность становится еще значительнѣе, когда мы убѣждаемся, что страданіе, по мѣрѣ развитія рода человѣческаго, все лучше и лучше выполняетъ свое назначеніе, а именно по двумъ причинамъ, дѣйствующимъ совокупно: во-первыхъ потому, что *субъективныхъ данныхъ* для извлеченія нравственной пользы изъ страданій *существовало при началѣ исторіи гораздо меньше* и они (эти субъективныя данныя) только съ теченіемъ времени развивались въ восходящей степени; а во-вторыхъ потому, что *тотъ объективный образъ*, въ которомъ страданіе преслѣдуетъ человѣка, *постоянно превращается* и становится все болѣе и болѣе пригоднымъ для извлеченія изъ него нравственной пользы“ (стр. 132—140; *Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus*).

И дальше Эд. Ф. Гартманъ надѣется, что рано или поздно мы всѣ „поймемъ, что наша борьба со страданіемъ имѣетъ значеніе не только въ субъективномъ но и въ объективномъ отношеніи, такъ какъ отъ этой борьбы хотя и не уменьшается общая сила страданія, но все-таки преобразовывается его видъ, и изъ менѣе цѣннаго нравственно становится болѣе цѣннымъ. Сущность культурнаго процесса состоитъ въ постоянно увеличивающемся уничтоженіи объективныхъ источниковъ страданія и въ устраненіи той иллюзіи, будто бы страданіе приходитъ главнымъ образомъ извнѣ; идеальнымъ-же концомъ культурнаго процесса должно быть такое состояніе, въ которомъ съ уничтоженіемъ всѣхъ возможныхъ объективныхъ источниковъ страданій и при постоянно продолжающемся страданіи субъективномъ стало бы всѣмъ ясно, что преобладаніе страданія есть ничѣмъ неустранимое слѣдствіе главныхъ факторовъ самой *психической* нашей жизни. Подобное абсолютное сведеніе къ *собственной внутренней* дѣятельности нашей души, какъ

Библиотека "Руниверс"

къ истинному и неизсякаемому источнику страданій, довело бы извлеченіе нравственной пользы изъ нихъ до высшаго максимума и каждое частное изъ прежнихъ (т.-е. подверженныхъ устраненію) страданій оказалось-бы тогда лишь пропедевтическою ступенью для этой высшей и *послѣдней цѣли*".

Прежде-же достиженія *этой послѣдней цѣли* культурная борьба, стремящаяся (по мнѣнію Гартмана) *видоизмѣнить* страданія наши, прекратиться не должна и не можетъ!

Теперь естественный вопросъ: А *дальше* что же?

Достигнута, наконецъ, та высшая степень всеобщей цивилизаціи, при которой „человѣкъ наименѣе будетъ зависѣть отъ природы и наиболѣе отъ общества". *Боль* и *страданія духа не уменьшились отъ этого*; *они усилились*. Что же тогда?

— *Погибнуть!*—говоритъ Гартманъ.—Перейти въ *Ничто*, въ „Нирвану"! Человѣчество, развивши въ себѣ самосознаніе до послѣдней и высшей степени, найдетъ, что существовать не стоитъ и *однимъ актомъ коллективной воли уничтожитъ и себя, и все мірозданіе!* Все обратитъ въ *ничто*, *въ небытіе*.

Неправда ли, ужасная картина! Это не то, что христіанское „преставленіе свѣта", послѣ котораго настанетъ *вѣчная*, новая *жизнь*. Но, какъ она ни ужасна, все же она, эта вартина, нѣсколько ближе къ дѣлу и правдоподобнѣе, чѣмъ воображеніе, что „*европейская* демократія, возобладавъ вездѣ, обратитъ *на вѣки вѣчные* весь міръ въ свободно-равенственное общежитіе какихъ-то „среднихъ" и благоразумныхъ людей, которые будутъ совершенно счастливы однимъ мирнымъ и справедливымъ раздѣленіемъ труда. Вѣдь эта благоденственная надежда ужь до того нелѣпа и мелка, до того противорѣчитъ всѣмъ человѣческимъ понятіямъ, что надо только дивиться, какъ могла подобная эвдемоническая мечта почти цѣлый вѣкъ править столь многими высокими умами Запада и даже до сихъ поръ имѣть своихъ (хотя и значительно разочарованныхъ) приверженцевъ... Эта надежда противорѣчитъ всему: она противна нашимъ эстетическимъ идеаламъ (требующимъ разнообразія положеній и характеровъ, подвиговъ, восторговъ, горя и борьбы); она противорѣчитъ нашимъ религіознымъ вѣрованіямъ (предрекающимъ *конецъ* земнаго міра послѣ ужасовъ послѣдняго разстройства); противорѣчитъ нравственнымъ понятіямъ (ибо высшая степень нравственныхъ силъ обнаруживается не при организованномъ покоѣ, а при свободномъ выборѣ добра или зла и особенно тогда, когда это очень трудно и опасно). Надежда эта противорѣчитъ даже здравому раціонализму и наукѣ, и вотъ по какой простой причинѣ: всякій организмъ *умираетъ*; всякій органическій процессъ *кончается*; всякій эволюціонный процессъ (процессъ развитія) достигаетъ сперва своей высшей точки, потомъ спускается ниже и ниже, идетъ къ своему *разрѣшенію*.

Библиотека "Руниверс"

Если человѣчество есть явленіе живое, органическое, развивающееся, то оно должно же когда-нибудь *погибнуть* и окончить свое земное существованіе?

Еслибы одна эта мысль о необходимомъ, о *неизбѣжномъ концѣ* также часто мелькала въ умахъ нашихъ, какъ мелькаетъ до сихъ поръ еще въ умахъ скудная мысль о „всеобщемъ мирѣ", о всеблагихъ плодахъ физико-химическихъ открытій и эгалитарной свободы, то результатъ отъ подобнаго, даже и полусмутнаго представленія *конца*. былъ бы великій! Перестали бы любить образъ „средняго европейскаго человѣка", безбожнаго и прозаическаго, но дѣльнаго и честнаго, безбожно и плоско, хотя весьма честно и дѣльно возсѣдающаго всегда и всюду на какихъ-то всеполезныхъ и всемірныхъ конференціяхъ, засѣданіяхъ, съѣздахъ и митингахъ. Перестали бы вѣрить, что вся предъидущая исторія была лишь педагогическимъ и страдальческимъ подготовленіемъ къ умѣренному и аккуратному благоденствію милліоновъ и милліоновъ безличныхъ людей, и перестали бы во имя этого идеала разрушать всѣ преграды, которыя кладутъ еще до сихъ поръ, слава Богу, этому разлитію убійственнаго бездушія, съ одной стороны, государственность и войны, съ другой—требованія положительныхъ религій; поэзія жизни и даже (увы, что дѣлать!) во многихъ случахъ самыя порочныя страсти и дурныя наклонности человѣческаго рода.

Положимъ, что, разъ указавши на Гартмана и становясь хоть въ чемъ-нибудь и хотя бы только на время на его точку зрѣнія, необходимо упомянуть и о томъ, что и онъ вѣритъ во что-то подобное соціально-эгалитарной вѣрѣ въ „средняго человѣка". И онъ вѣритъ въ нѣчто подобное той „атрофіи страстей", о которой еще въ XVIII вѣкѣ заботился Мабли, а позднѣе Прудонъ и столькіе другіе люди 30-хъ и 40-хъ годовъ. Но между Прудономъ и имъ подобными людьми съ одной стороны и Эд. ф. Гартманомъ съ другой разница та, что эгалитарные прогрессисты *желали* этой атрофіи *во имя земнаго счастія человѣчества*, а Гартманъ только *предвидитъ* подобную атрофію, пророчитъ подобное ограниченіе *каждаго всѣми подъ конецъ* жизни человѣчества на землѣ *); онъ считаетъ подобный результатъ *фатальнымъ*, неизбѣжнымъ исходомъ исторіи и не только ничего пріятнаго отъ подобнаго состоянія людей не ждетъ, но, напротивъ того, утверждаетъ, что тогда-то то только вполнѣ ясно и поймутъ, *до чего* страданіе есть неустранимое и основное свойство нашей души, до чего оно *субъективное*, независящее отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, свойство наше! Тогда-то и поймутъ, что лучшій выборъ—это выборъ всеобщаго самоуничтоженія, выборъ абсолютнаго *небытія!*

Конечно такъ,—и я скажу:—*да, если все пойдетъ по этому пути.*

---

*) См. *Философію Безсознательнаго*, ч. 2, гл. XIII и XIV.

Библиотека "Руниверс"

Но вотъ еще вопросъ: по этому ли прогрессивно-благоденственному пути *все прямо и прямо* пойдетъ человѣчество въ послѣдующихъ за *этимъ XIX* вѣкомъ вѣкахъ?

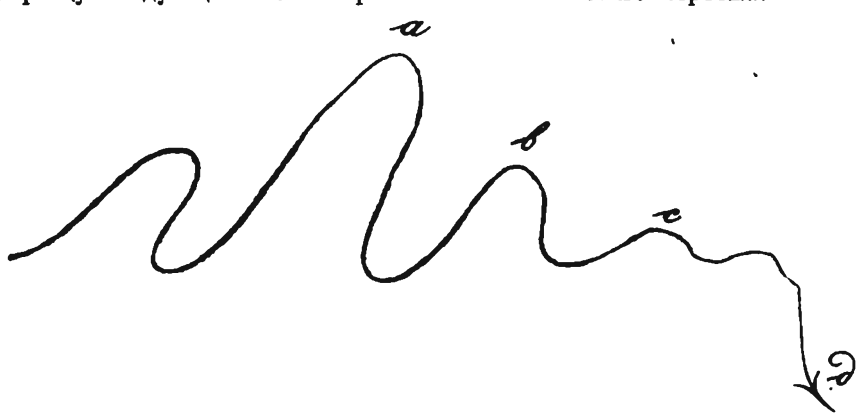
Не захотятъ ли, напримѣръ, Славяне и другіе народы Востока, объединенные въ небывалыхъ еще политическихъ сочетаніяхъ, выйдти на совершенно *новые пути* мысли и жизни? И если Славяне настолько уже проникнуты европеизмомъ, что они не въ состояніи будутъ водрузить на развалинахъ опошленной Романо-Германской цивилизаціи знамя оригинальной культуры, то не пожелаютъ ли этого милліоны и милліоны *другихъ азіатцевъ*, которыхъ современный европеизмъ, быть можетъ, только пробуждаетъ отъ вѣковаго культурнаго отдыха?

Не вѣрнѣе ли ждать для износившагося Запада послѣднихъ разрушительныхъ судорогъ или медленной агоніи?

Гартманъ можетъ быть и правъ въ томъ, что когда-нибудь все-таки все человѣчетво придетъ къ этому общему типу скучнаго и скучающаго „средняго человѣка“ и *тогда погибнетъ!* Весьма вѣроятно, по крайней мѣрѣ, что оно будетъ фатально и не разъ еще возвращаться къ этой убійственной попыткѣ; но теперь,—вскорѣ, *въ XX вѣкѣ*,—того ли ожидать? Конечно, нѣтъ!

И есть слишкомъ много признаковъ тому, что мы, Русскіе, хотя сколько-нибудь да измѣнимъ на время русло всемірной исторіи... хоть *на короткое* время—да!

Не правдоподобнѣе ли, что человѣческая исторія должна идти по образцу слѣдующаго волнообразнаго схематическаго чертежа.



Точка *a*, напримѣръ, означала-бы высшую степень земнаго развитія; *b*,—пониже:—послѣдній слабый отпоръ торжеству „средняго человѣка“ (уже въ то будущее время *давно не-европейскаго типа*, конечно); точка *c* волна еще ниже,—*кратковременное благодушное процвѣтаніе этихъ послѣднихъ среднихъ людей;* точка *d*—*конецъ* человѣчеству.

„Ибо когда будутъ говорить: миръ и безопасность, тогда внезапно постигнетъ ихъ пагуба... и не избѣгнутъ!“ (Ап. Павла къ Солунянамъ I, гл. 5—3).

Библиотека "Руниверс"

А пока мы, Русскіе ближайшаго будущаго, можемъ извлечь изъ этой мрачной новой германской философіи все то, что въ ней есть хорошаго, именно—невѣріе въ земное эгалитарное благоденствіе; мы можемъ извлечь изъ нея то, *что намъ нужно*, подобно тому, какъ Отцы Церкви извлекали изъ древне-греческой философіи въ свое время то, *что имъ было нужно*.

Не разъ и давно уже было говорено и доказано, что отвлеченная философія безъ догматическаго императива и безъ мистической пластики обрядовъ (этотъ догматъ изображающихъ) никогда не могла создать ни государственности, ни новой культуры.

Хорошая, наилучшая, высшая философія всегда является лишь передъ концомъ культурно-государственныхъ періодовъ, и нѣкоторыми изъ началъ этой предсмертной философіи питаются корни грядущихъ и *осуществимыхъ* религіозно-политическихъ произрастеній.

Если все человѣчество (а не одна Европа) уже близится къ концу своему, то, конечно, уже не будетъ ни временнаго и могучаго возрожденія христіанской мистики, ни нарожденія какой бы то ни было вовсе новой (хотя бы и ложной) религіи, и мы всѣ волей-неволей пойдемъ неуклонно по пути всепретворенія въ того ужаснаго все-человѣка, о которомъ я твердилъ не разъ выше; если же человѣчеству суждено просуществовать 2 или 3 тысячи лѣтъ (я не говорю уже болѣе), то вся германская философія отъ Лейбница и Канта до Шопенгауера и Гартмана послужитъ лишь для большей глубины и проницающей остроты мистико-религіозныхъ выводовъ, какъ уже и случилось прежде съ философіей греческой.

Наши окраины.

Статья эта, напечатанная въ 1882 году, была написана, еще въ 1880-мъ въ Варшавѣ подъ вліяніемъ мѣстныхъ впечатлѣній, тотчасъ же по прочтеніи статьи г. Кояловича въ *Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ*, и потому имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду Польшу или, вѣрнѣе сказать, весь Западный край; о другихъ окраинахъ Россіи упомянуто въ ней лишь мимоходомъ, *но совершенно въ томъ же духѣ охраненія существующаго*.

Редакція *Гражданина* напечатала послѣ этой статьи и другой дополнительный отрывокъ изъ моего письма въ защиту остзейскихъ правъ. Я полагаю, что все то, что я говорю о Польшѣ, въ общихъ чертахъ приложимо и къ Остзейскому краю, и къ Кавказу, и къ Туркестану, и пожалуй даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и къ Сибири.

Библиотека "Руниверс"

Православіе и Католицизмъ въ Польшѣ.

(Гражданинъ 1882 г.)

Въ нашей литературѣ было много нападокъ на Католичество,—не всегда съ чисто-православной точки зрѣнія, а больше съ либеральной или съ государственно-національной. Значительная часть этихъ нападокъ была заслужена.

Она заслужена была уже тѣмъ, что и католики были не всегда чистыми католиками, т.-е. западными христіанами, которымъ, точно также, какъ и христіанамъ восточнымъ, запрещены закономъ Божіимъ *политическія движенія* противу *власти Кесаря* (хотя бы и *иновѣрнаго*— все равно).

Съ другой стороны, и русскіе свѣтскіе писатели не всегда были правы и дальновидны. Иные изъ нихъ, считая себя даже православными, весьма неосторожно сбивали читателей своихъ тѣмъ, что по незнанію или по либеральности своей осуждали чаще въ католичествѣ не догматическіе и каноническіе, *въ высшей степени важные* оттѣнки, которымъ оно отъ Православія разнится, а, напротивъ того, именно тѣ его стороны, которыя по существу у него съ Православіемъ общи или достойны, по крайней мѣрѣ, подражанія; напр., *аскетизмъ* и *оптимистическій пессимизмъ міровоззрѣнія*; *сильная власть духовенства; развитіе духовничества* и *старчества*, *женскія школы при монастыряхъ* и т. п.

Думая вредить папству, эти русскіе писатели много вредили и Православію; умышленно они это дѣлали или по легкомыслію—не знаю. Полагаю, что иные были ослѣплены ревностью или только поверхностны; другіе же „вѣдали, что творили".

Но здѣсь идетъ рѣчь и не о зловредныхъ, и не о легкомысленныхъ людяхъ, а, напротивъ того, объ одномъ весьма полезномъ и весьма основательномъ русскомъ человѣкѣ,—о г. Кояловичѣ, или, лучше сказать, объ одной статьѣ его. Я съ этой статьей и согласенъ и не согласенъ. У нѣкоторыхъ птицъ, говорятъ зоологи, глаза такъ устроены, что онѣ по волѣ могутъ становиться и близорукими, когда имъ нужно разсматривать что-нибудь подробно на землѣ, и дальнозоркими, когда онѣ поднимаются очень высоко на воздухъ. Мнѣ кажется, что и человѣческому уму не запрещено мѣнять такимъ образомъ свой кругозоръ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ я говорю, что я и согласенъ съ г. Кояловичемъ и не согласенъ съ нимъ. Я согласенъ съ его *фактами*, понимаю прекрасно его *чувства*, но вижу за всѣмъ этимъ еще и *нѣчто иное*, болѣе отдаленное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пожалуй, болѣе существенное и важное, чѣмъ все то на что онъ указываетъ.

О какой же статьѣ именно идетъ дѣло?

Въ 3-мъ нумерѣ *Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника*

Библиотека "Руниверс"

перепечатана статья, кажется изъ *Церковнаго Вѣстника*, г. Кояловича по вопросу о примиреніи съ поляками.

Г. Кояловичъ доказываетъ, что главнымъ препятствіемъ искреннему и прочному примиренію русскихъ съ поляками является „всегдашнее преобладаніе въ полякахъ фанатическаго, ультрамонтанскаго направленія“...

Въ статьѣ упоминается о препятствіяхъ, полагаемыхъ поляками нашимъ стараніямъ возвратить уніатовъ; о ксендзахъ, переодѣвающихся даже извозчиками для пропаганды; о томъ, какъ плохо дается намъ введеніе русскаго языка, вмѣсто польскаго, для добавочныхъ молитвъ латинскаго богослуженія, и т. д...

„Нечего обольщать себя, говоритъ авторъ, розовыми надеждами (на примиреніе поляковъ съ русскими на религіозной почвѣ). Вся исторія латинства у нихъ представляетъ постепенное развитіе ретроградного направленія, и чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ это направленіе становится болѣе общимъ и могущественнымъ. Вспомнимъ, какая свѣтлая заря новой жизни зараждалась въ религіозной польской жизни въ XVI вѣкѣ. Лучшіе польскіе люди, не только свѣтскіе, но и духовные, съ краковскою академіей во главѣ, упорно отстранялись отъ ультрамонтанскихъ постановленій Тридентинскаго собора и внимательно прислушивались къ рѣчамъ Орѣховскаго и особенно Моджевскаго о необходимости для поляковъ славянскаго богослуженія и пріобщенія мірянъ чашей. И что же? Одинъ человѣкъ, папскій нунцій Коммендоній съумѣлъ не только сокрушить противодѣйствіе поляковъ Тридентинскому собору и заглушить рѣчи о славянской литургіи, но даже расчистить въ Польскомъ государствѣ почву для іезуитовъ. Кто теперь изъ поляковъ рѣшится вспомнить рѣчи Орѣховскаго и Моджевскаго, и возобновить ихъ дѣло? Многіе ли изъ нихъ даже знакомы съ этими именами? А повидимому, какъ кстати вспомнить бы теперь и эти имена и это дѣло. Поляки стараются дружить съ чехами, у которыхъ еще живы воспоминанія о славянской церкви и большое умѣніе будить ихъ въ своей средѣ. Въ союзѣ съ чехами и русскими, много можно было бы сдѣлать на этомъ пути.

„Или вспомнимъ дѣла, болѣе близкія къ намъ. Во времена Екатерины II, у поляковъ было стремленіе къ сближенію съ Россіею; по крайней мѣрѣ, были признаки этого въ религіозной сферѣ латинской Западной Россіи. Римско-католическая коллегія въ Петербургѣ и дѣятельность латинскаго митрополита Сестренцевича служатъ слабымъ напоминаніемъ о зародившемся тогда желаніи русскихъ латинянъ ослабить цѣпи, связывавшія ихъ съ папой, и усилить связь съ ихъ новымъ отечествомъ — Россіей. Но что же изъ этого вышло въ ближайшее затѣмъ время? Латинскія глумленія надъ западно-русскими уніатами, двѣнадцатый годъ и списокъ ксендзовъ, участвовавшихъ въ сму-

Библиотека "Руниверс"

тахъ 1831 и 1862—63 годахъ, слушать вопіющими доказательствами всегдашняго преобладанія въ полякахъ фанатическаго, ультрамонтанскаго направленія.

„Или вспомнимъ, наконецъ, еще болѣе близкое къ намъ дѣло — старокатолическое движеніе въ Западной Европѣ. Россія откликнулась на это движеніе. Происходили многократныя обсужденія этого дѣла у насъ—въ петербургскомъ отдѣлѣ общества любителей духовнаго просвѣщенія и многократныя сношенія съ старокатоликами. Въ Россіи около семи милліоновъ латинянъ. Имъ естественнѣе всего было бы принять участіе въ этихъ обсужденіяхъ и переговорахъ. Ихъ долговременная жизнь въ Русскомъ государствѣ, рядомъ съ православными, должна бы, повидимому, особенно расположить къ старокатоличеству, Но что же мы видимъ? Всѣ наши обсужденія старокатоличества, всѣ наши сношенія, съѣзды съ западно-европейскими старокатоликами проскользали, такъ сказать, поверхъ всей этой большой массы нашихъ русскихъ латинянъ, не затрогивая никого, не вызывая съ ихъ стороны никакого сочувствія, никакого отклика! Этотъ фактъ, сильно бьющій въ глаза, и его ничѣмъ нельзя ослабить. Это неоспоримое доказательство, что въ нашемъ русскомъ латинствѣ слишкомъ глубоко въѣлось ультрамонтанское направленіе, а при господствѣ такого направленія не можетъ быть никакой серьезной рѣчи о примиреніи между нами и поляками, и всѣ попытки вести эту рѣчь помимо религіи окажутся пустою мечтою.

„Вотъ факты, съ которыми, по нашему мнѣнію, нужно прежде всего считаться, когда мы заводимъ рѣчь о примиреніи съ поляками“...

Все это такъ; все это, вѣроятно, правда... О „розовыхъ мечтахъ“ въ наше время никто и говорить себѣ не позволитъ. И я здѣсь не имѣю въ виду оспаривать г. Кояловича; я только хочу указать на то, что при всей правдивости его сообщеній, при всей основательности его выводовъ, существуетъ еще другой кругъ мыслей, въ которомъ тѣ же самые факты принимаютъ совсѣмъ иное освѣщеніе. Непріятное становится сноснымъ, вредное—полезнымъ, опасное чуть не спасительнымъ.

Это очень просто... старая теорія *наименьшаго зла* — и больше ничего.

Положимъ и г. Кояловичъ и — оба мы преданные сыны православной церкви. Какъ таковые мы должны желать, чтобы наибольшее число людей на свѣтѣ стали тоже православными; дѣло тутъ прежде всего для насъ не въ *земномъ руссизмѣ*, а въ загробномъ спасеніи душъ *этихъ прозелитовъ*, и отчасти въ прощеніи, быть можетъ, и нашихъ грѣховъ за наше усердіе въ проповѣди и борьбѣ съ разными препятствіями.

Вотъ самая основная, существенная сторона вопроса, общая и русскому, и греку, и православному японцу или камчадалу.

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь національность не только въ сторонѣ, но отчасти даже и въ принципіальномъ антагонизмѣ съ религіей. *Повсемѣстное*, чрезвычайно успѣшное распространеніе православія могло бы, напримѣръ, сгладить государственныя особенности Русской Имперіи и сливши, такъ сказать, *ее воедино* со всѣмъ окружающимъ ее міромъ на Западѣ и крайнемъ Востокѣ, лишить ее (Имперію) всякаго резоннаго права на дальнѣйшее обособленное историческое существованіе.

Человѣкъ *истинно вѣрующій* въ подобномъ случаѣ не долженъ колебаться въ выборѣ между вѣрой и отчизной. *Вѣра должна взять верхъ* и отчизна должна быть принесена въ жертву, уже потому одному, что всякое государство земное есть явленіе преходящее, *а душа моя и душа ближняго вѣчны* и *Церковь тоже вѣчна;* вѣчна она — въ томъ смыслѣ, что если 30,000, или 300 человѣкъ, или *всего три* человѣка останутся вѣрными Церкви *ко дню гибели всего человѣчества на этой планетѣ* (или ко дню разрушенія самаго земнаго шара)—то эти 30,000, эти 300, эти три человѣка будутъ *одни правы и Господь будетъ съ ними*, а *всѣ остальные милліоны будутъ въ заблужденіи.*

Поэтому, чѣмъ болѣе мы спасемъ людей, тѣмъ лучше и для нихъ и для насъ.

Это такъ.—Но, съ другой стороны, правда и то, что въ *настоящее время* для вѣрующаго человѣка (какой бы національности онъ ни былъ) Россія должна быть очень дорога, какъ самый сильный оплотъ православія на землѣ. Люди слабы, имъ часто нужна опора внѣшняя, опора многолюдства, опора сильной власти; опора вліятельной мысли, благопріятно для вѣры настроенной и т. п. Если же Россія, какъ сила православная, можетъ быть дорога, въ настоящее время, даже и японскому прозелиту, то, разумѣется, она должна быть еще дороже русскому вѣрующему человѣку.

Этотъ русскій вѣрующій человѣкъ долженъ бороться за вѣру и за Россію, на сколько у него есть ума и силъ.

До сихъ поръ, я надѣюсь, мы съ г. Кояловичемъ согласны... Согласенъ я и съ тѣмъ, что борьба съ католицизмомъ не легка и что католики люди крѣпкіе, убѣжденные, упрямые, *которые и намъ могутъ служить добрымъ примѣромъ*. Слова только эти „фанатизмъ", „ультрамонтанство" и т. п. я что-то плохо понимаю.

Если вѣрующій человѣкъ не фанатикъ *своей вѣры*, то это только личная слабость его и больше ничего.

Не нуженъ, *можетъ быть*, фанатизмъ *насилія*; но фанатизмъ *отпора*, фанатизмъ *самоотверженія* прекрасны... Необходимъ, вѣроятно (увы!) въ жизни людской и фанатизмъ *терпѣливой ловкости*... Я понимаю г. Кояловича, я согласенъ съ нимъ, что борьба трудна и непріятна. Я понимаю чувства военнаго человѣка, страдающаго въ бал-

Библиотека "Руниверс"

канскихъ ущельяхъ и озлобленнаго до-нельзя противу мусульманъ, заставившихъ его зайти въ эти негостепріимныя мѣста...
Я не осужу усталаго воина, проклинающаго въ тяжелую минуту не только турокъ, но даже и самое *великое учрежденіе войны*...

Я бы только на мѣстѣ этого военнаго, *разъ отдохнувши*, подумалъ бы: „Однако есть и другой кругъ мыслей, вступя въ который и войнѣ *должно* радоваться и даже турокъ считать *полезными* противниками".

Я считаю твердыхъ католиковъ очень полезными не только для всей Европы, (Богъ съ ней—съ Европой!) *но и для Россіи*.

Для того, чтобы согласиться со мной, надо спуститься только на почву *дѣйствительности нашей*, на почву минуты исторической и т. д.

Я говорю: если-бы каждому ослабленію католичества *идѣ-бы то ни было* соотвѣтствовало бы несомнѣнное и немедленное усиленіе истиннаго, искренняго православія; если бы побѣдоносное православіе, подобно могучему потоку, вступало бы само-собою, съ быстротою истинной силы тотчасъ-же во всякую самую незначительную пустоту, образуемую исторіей еще въ компактной массѣ католичества, то тогда только имѣли бы мы право считать остатки этой компактной массы, этой *плотины*, не уступающей сразу напору *нашей истины* безусловнымъ зломъ...

Но, Боже мой!... *Прогрессъ нашъ* сдѣлалъ то, что на всякій иновѣрный и твердый въ своемъ иновѣрчествѣ элементъ государства нашего теперь надо смотрѣть какъ на благо! Не православіе истинное, *сердцемъ простое, мыслью ясное, волей твердое* вливаться будетъ во всѣ бреши, образуемыя тамъ и сямъ подкопами и таранами современной руссификаціи нашей, а жалкіе помои великороссійской либеральности, столь возвышенно заявившей себя и въ воспитаніи юношества, и въ судахъ, и даже отчасти въ земствѣ нашемъ, помѣшанномъ на *европейскихъ школахъ* и на мелочной оппозиціи губернаторской власти.

Католики—христіане, а теперь настало такое время, что не только старовѣры или паписты, но и буддисты астраханскіе, мусульмане и скопцы должны быть для насъ дороже многихъ и многихъ русскихъ того *неопредѣленнаго* цвѣта и того *лукаваго петербурскаго* подбоя, которые теперь вопіютъ противъ нигилизма, ими же самими исподволь подготовленнаго.

Глупы-ли они и честны, или лукавы и осторожны—все равно; честные еще хуже; если они глупы—ихъ не вразумишь; они пугаются *словъ* „реакція, насиліе, фанатизмъ, отсталость"... Отчего отсталость? Не отъ проклятой-ли Европы этой, стремящейся въ бездну саморазрушенія еще съ конца XVIII вѣка?...

Не православіе предлагаетъ нынче Великорусское „ядро" своимъ пестрымъ иновѣрнымъ окраинамъ, какъ предлагало оно татарамъ при Іоаннахъ,—а европейскій прогрессъ самаго разлагающаго свойства. Мы

Библиотека "Руниверс"

русскіе, болѣе всѣхъ *иныхъ русскихъ подданныхъ*, европейцы въ худомъ значеніи этого слова, то-есть *медленные* разрушители всего историческаго и у себя, и у другихъ...

Недавно вышла въ Москвѣ моя книга „Отецъ Климентъ" (Зедергольмъ). Онъ былъ сынъ пастора, нѣмецъ; вотъ еслибы изъ каждгао поляка, оставившаго католичество, изъ каждаго татарина, измѣнившаго исламу, изъ каждаго крещеннаго буддиста выходили бы *такіе* православные поляки, такіе православные татары и калмыки, какимъ сталъ этотъ *православный нѣмецъ*, то можно бы радоваться этимъ обращеніямъ и сокрушаться о препятствіяхъ, полагаемыхъ иновѣрчествомъ нашей пропагандѣ и для *души*, и для *государства* спасительной...

А теперь похоже-ли что-нибудь на это? Въ какомъ *именно племени*, изъ всѣхъ племенъ, подвластныхъ русской коронѣ, нигилизмъ и потворствующее ему *умѣренное либеральничаніе* распространены сильѣне всего? Въ нашемъ Великорусскомъ племени... Изъ самаго великорусскаго племени, бывшаго такъ долго ядромъ объединенія и опорой созиданія государству нашему, исходитъ теперь разстройство...

Руссификація окраинъ есть ничто иное какъ демократическая европеизація ихъ, и у человѣка, ясно понимающаго положеніе дѣлъ, слагается въ умѣ легко слѣдующая послѣдовательность мыслей, весьма разнородныхъ, но связанныхъ одною нитью:—желаніемъ, сперва пріостановить надолго поступательное движеніе въ отчизнѣ нашей, а потомъ, одумавшись, искать смѣло и внимательно, нѣтъ-ли еще средствъ сойти намъ какъ-нибудь *на другіе рельсы, не исключительно европейскіе*...

Вотъ рядъ этихъ мыслей:

1. Хотя православіе—религія всесвѣтная или вселенская по существу своему, но по избранію Божію или (если угодно) по историческимъ сочетаніямъ, Россіи выпало *пока* на долю быть главной опорой православію на всемъ земномъ шарѣ.

2. Вѣрующій человѣкъ долженъ желать, чтобы эта опора была сильна и тверда.

3. Національныя свойства великорусскаго племени въ послѣднее время стали если не окончательно дурны, то, по крайней мѣрѣ, сомнительны. Народъ *рано или поздно* вездѣ идетъ за интеллигенціей. Интеллигенція русская стала слишкомъ либеральна, т.-е. пуста, отрицательна, безпринципна. Сверхъ того, она мало національна именно тамъ, *гдѣ слѣдуетъ быть національной. Творчества* своего у нея нѣтъ ни въ чемъ; она только все учится споконъ-вѣку у всѣхъ, и никого ничему своему не учитъ и научить не можетъ, ибо у нея нѣтъ своей мысли, своего стиля, своего быта и окраски. Русская интеллигенція такъ *со*здана, что она чѣмъ дальше, тѣмъ безцвѣтнѣе; чѣмъ дальше, тѣмъ сходнѣе съ любой европейской интеллигенціей; она безъ разбора какъ

Библиотека "Руниверс"

огромный и простодушный страусъ глотаетъ все:—камни, стекла побитыя, обломки мѣдныхъ замковъ (лишь бы эти стекла и замки были западной фабрики). Страусъ не можетъ понять, что стекло рѣжетъ желудокъ и что мѣдь, окислившись, отравитъ его.

Русская интеллигенція *не въ силахъ* различать стекла и мѣди отъ настоящей пищи. Она жретъ, что попало и радуется.

Строгое, осмысленное православіе, *простое сердцемъ и мудрое разумомъ*, стало слабо у этого страуса.

Окисленная мѣдь европейскаго либерализма уже давно отравила его, его давно уже несетъ космополитическимъ флуксомъ, а онъ все еще наивно глядитъ вокругъ и только ищетъ, нѣтъ ли еще гдѣ чего-нибудь такого же, только *покрѣпче*? Даже настоящее, глубокомысленное славянофильство переварилось въ слабомъ мозгу огромнаго страуса въ самый простой и грубый европейскаго стиля эмансипаціонный панславизмъ. *Пышныя перья* Хомяковской своеобразной *культуры* разлетѣлись въ прахъ туда и сюда при встрѣчѣ съ жизнью, и осталась, вмѣсто нарядной птицы, какая-то очень большая, но куцая и сѣрая индюшка, которая жалобно клохчетъ, что ей плохо, и не знаетъ что дѣлать... *Такова интеллигенція наша*, взятая какъ всецѣлое, какъ *соціологическая единица*.

4. Поэтому, *пока принципы лучшіе, дисциплинирующіе* еще не взяли верхъ въ государствѣ нашемъ, пока въ ядрѣ всероссійскомъ начала охранительныя *и творческія* не одержатъ побѣды надъ разрушительными (т.-е. либеральными), интеллигенцію собственно русскую не слѣдуетъ предпочитать иновѣрцамъ и инородцамъ нашимъ:—татарамъ, черкесамъ, остзейскимъ баронамъ, якутамъ и полякамъ. Либерализмъ вышелъ именно изъ христіанскихъ странъ, какъ *антитеза духовному, аскетическому, стѣснительному* христіанству, а не изъ горъ Кавказа или Мекки. Къ мусульманскимъ народамъ либерализмъ прививается трудно. Остзейцы были всегда равнодушны къ *націи* русской—это правда; но они вѣрою и правдой служили *Царю*, отъ *націи русской* отдѣлимому только метафизически, а не реально. Служа хорошо Государю, они *намъ* служили;—они служили *косвенно* и православію. У поляковъ *о настоящемъ нигилизмѣ* меньше слышно, чѣмъ у насъ; они либеральны только *для своей націи*; они скромные эгоисты, они не благодѣтели рода человѣческаго, какъ мы... Они хотѣли обмануть нашихъ нигилистовъ и перевѣшать ихъ тотчасъ же послѣ выдѣленія мечтательнаго царства Польскаго.

И такъ, у всѣхъ иновѣрцевъ и инородцевъ нашихъ охранительныя начала крѣпче, чѣмъ у насъ, *именно потому*, что они *завоеваны или иначе присоединены*; *примиреніе основательное, глубокое* свершиться можетъ поэтому не на почвѣ взаимныхъ и немыслимыхъ религіозныхъ уступокъ, *а въ общемъ индифферентизмѣ, который только бы усилилъ*

Библиотека "Руниверс"

нашн отрицательныя, *либеральныя начала*. Сперва индифферентизмъ и общее свободолюбіе, вмѣсто старыхъ претензій на *мѣстныя особыя права*, потомъ выдѣленіе изъ сѣрой массы общей либеральности,—краснаго всеобщаго нигилизма.

5. Поэтому для нашего, *слава Богу*, *еще пестраго* государства полезны своеобычныя окраины; полезно упрямое иновѣрчество; слава Богу, что *нынѣшней руссификаціи* дается отпоръ. *Не прямо полезенъ* этотъ отпоръ, *но косвенно*; католичество есть главная опора полонизма, положимъ; но оно же, вмѣстѣ съ тѣмъ, одно изъ лучшихъ орудій противъ общаго индифферентизма и безбожія.

Вѣра въ Христа, апостоловъ и въ святость Вселенскихъ Соборовъ, положимъ, не требуетъ непремѣнно вѣры въ Россію. Жила Церковь долго безъ Россіи, и если Россія станетъ недостойна,—*Вѣчная* Церковь найдетъ себѣ новыхъ и лучшихъ сыновъ.

И хотя сила Церкви необходимѣе для Россіи, чѣмъ сила Россіи для Церкви, но все-таки пока Россія дышетъ и стоитъ еще подъ *знаменемъ православія*, Церковь отказаться отъ нея не можетъ. *И не только русскій вѣрующій*, но и японскій прозелитъ долженъ желать блага Русскому государству, какъ наилучшей все-таки опорѣ православія.

6. Если же сила Россіи полезна для Церкви, то для вѣрующаго члена той же Церкви (хотя бы и временно, положимъ) должно быть если не дорого, то хоть сносно все то, что хотя бы *косвенно* и невольно охраняетъ Россію, все, что кладетъ препоны совокупности основныхъ русскихъ золъ, именно: либерализму, безбожію, утилитарному міровоззрѣнію, ложно понятому реализму воспитанія и обученія... и т. д.

7. Частныя національныя инсуррекціи черезъ 15—20 лѣтъ *вовсе не очень страшны*. Частныя инсуррекціи, подъ *опредѣленными національными знаменами*,—вещь сносная; онѣ возбуждаютъ и въ насъ религіозное чувство и національную доблесть хоть на время. *Тихій и мирный ходъ домашняго разложенія во сто кратъ ужаснѣе*.

Къ тому же поляки перестали, повидимому, думать объ инсуррекціяхъ противъ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ Германія, готовая *до-тла* ихъ пожрать, стала такъ сильна.

Что касается до ихъ кокетства съ Австріей съ одной стороны, а съ другой—до соглашенія Австріи съ Германіей, будто бы, противъ насъ, то первое можно счесть неопаснымъ уже потому, что *второе* едва ли можетъ быть прочно. Еслибъ *такая бѣда* и случилась паче чаянія, то можно быть увѣреннымъ, что Германія, послѣ двухъ-трехъ нашихъ побѣдъ надъ австрійцами, поспѣшила бы покинуть Австрію только для того, чтобы всей силой своей обрушиться скорѣе на Францію, *если бы та шелохнулась*...

Хорошо обращать уніатовъ въ православіе, но еще бы нужнѣе при-

Библиотека "Руниверс"

думать: какъ *своихъ*, москвичей, калуганъ, псковичей и, особенно, жителей Сѣверной Пальмиры, *просвѣтить Свѣтомъ Истины*?

Съ упорными *иновѣрцами* окраинъ Россія, со временъ Іоанновъ, все росла, все крѣпла и прославлялась, а съ „европейцами" великорусскими она, въ какихъ-нибудь полвѣка, пришла... Къ чему она *пришла*—мы видимъ теперь!...

Между прочимъ, и къ тому, что и русскій старовѣръ, и польскій ксендзъ, и татарскій мулла, и самый дикій и злой черкесъ стали лучше и безвреднѣе для насъ нашихъ единокровныхъ и *по названію (но не по духу конечно) единовѣрныхъ братьевъ!*

Отрывокъ изъ письма объ Отзейскомъ краѣ.

(Гражданинъ, 1882 г.).

„..... Что касается до Остзейскаго края, то я сознаюсь вамъ, что не могу сказать о немъ ничего рѣшительнаго и подробнаго. Въ умѣ моемъ больше вопросовъ по этому поводу, чѣмъ отвѣтовъ. Вопросы эти, вѣрнѣе сказать, полу-вопросы, полу-отвѣты истекаютъ, впрочемъ, всѣ изъ той простой и ясной основной мысли, что все уравнительное и освободительное (вдобавокъ, очень быстрое) движеніе предъидущаго двадцатипятилѣтія было не то, чтобы ошибкой (оно было, видимо, неотвратимо), а *самообольщеніемъ*... Самообольщеніемъ оно было въ томъ смыслѣ, что на него очень немногіе смотрѣли только какъ на неизбѣжное государственное горе, какъ на средство предотвратить зло еще худшее (т. е. демократизацію *инсуррекціонную*); — такъ смотрѣли на наше эгалитарно-либеральное движеніе 60 и 70-хъ годовъ, конечно, очень немногіе и все больше люди, такъ называемые, „отсталые" отъ идей движенія, а *не опередившіе* мыслію это обманчивое движеніе.

Несчастіе наше было не столько въ сознаніи необходимости подобнаго движенія, сколько въ *его искренности, наивности, даже въ значительной теплотѣ*. Другое дѣло *вѣрить въ неизбѣжность* движенія и, какъ говорится, faire la part du siècle; другое дѣло вѣрить въ *государственную пользу* этого движенія, потому только, что оно *гуманно* или представляется намъ въ идеалѣ таковымъ. Эта разница во взглядахъ уже сама по себѣ приводитъ къ значительной разницѣ въ способѣ осуществленія необходимыхъ перемѣнъ... Еще проще и яснѣе говоря:—*я не вѣрю въ возможность долгаго существованія безсословныхъ* и *провинціально однородныхъ государствъ*, и разгадка почти повсемѣстнаго современнаго общественнаго разстройства, по моему, состоитъ въ томъ, что тонкая и глубокая долговременная и привычная *разно*-мѣрная и *разно*-степенная принудительность прежнихъ *сословно-корпоратив-*

Библиотека "Руниверс"

ныхъ и *провинціально-разнородныхъ* государствъ и государственныхъ союзовъ замѣнилась такимъ строемъ, который можно назвать *свободно-ассоціаціоннымъ* или стремящимся приблизиться къ этому идеалу *легко-расторжимыхъ* свободныхъ ассоціацій *). Преобладаніе выборнаго начала, демократическія конституціи, *вполнѣ вольнонаемный трудъ*, *легкая и безграничная свобода купли и продажи*, гражданскій бракъ, краткосрочность и всесословность военной службы, уничтоженіе *родовыхъ* правъ и обязанностей, *легкая отчуждаемость недвижимой собственности и болѣе быстрый противу прежняго переходъ ея изъ рукъ въ руки*, излишнее облегченіе *передвиженій* и вообще ни для чего *серьезнаго не нужная* быстрота сношеній и, вслѣдствіе всего этого, *однообразіе* быта, понятій, характеровъ, однородность вкусовъ, привычекъ, потребностей и даже *претензій* безъ всякихъна эти претензіи *особыхъ* правъ мистическихъ, родовыхъ, *октроированныхъ* или пріобрѣтенныхъ *дѣйствительно высшими* дарованіями: вотъ картина нынѣшнихъ *ассоциаціонныхъ и стремящихся къ однообразному расторженію обществъ*. Тутъ два спасенія: во 1-хъ, какіе-то искусственные и безпощадные желѣзные крюки администраціи; во 2-хъ, сохраненіе всѣхъ тѣхъ *неравенствъ* и всѣхъ тѣхъ *неравноправностей*, которыя можно еще сохранить дружными усиліями, *дабы сберечь ихъ къ тому времени*, *когда теорія* (всегда практикѣ государственной предшествующая), умудренная печальнымъ опытомъ истекающаго вѣка—отъ 1789—1882 г., напримѣръ, не отвергнетъ окончательно и на цѣлые вѣка—нынѣ отживающій *утилитарный идеализмъ* и не возвратится снова къ болѣе сообразному съ законами соціальными и психологическими *мистико-реалистическому* строю. Франція,—передовая страна прошедшаго въ концѣ XVIII вѣка,—водрузила первая это знамя утилитарнаго идеализма, который кромѣ разрушенія и машинъ (тоже страшныхъ орудій общаго разстройства), ничего не далъ; пріятно было бы мечтать, что Россія, во главѣ какого-нибудь Восточнаго Союза, рѣшится перефразировать отжившій возгласъ: „равенство, свобода, братство!“ слѣдующимъ образомъ:—„Да! конечно... *братство... но только о Христѣ*; т. е. братство какъ можно менѣе равныхъ и однородно поставленныхъ... (даже и *въ продажѣ и куплѣ* вовсе не особенно свободныхъ и равноправныхъ) людей.

Въ это *новое созиданіе* должно, конечно, войти многое изъ *сохраненнаго*, какъ вошло много стараго, сохраненнаго отъ Эллады и Рима въ новое созиданіе Византіи (1000-лѣтней) и Романо-Германской Европы.

Теперь—до разрѣшенія Восточнаго вопроса, надо одно—*подмораживать* все то, что осталось отъ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ, и какъ

---

*) Подробнѣе и яснѣе о томъ-же въ I томѣ (Востокъ, Россія и Славянство),—послѣднія 6 главъ статьи „Византизмъ и Славянство“;—главы эти о заглавленіи: „*что такое процессъ развитія*“.—„*О государственной формѣ* и т. д.“ Прим. авт. 1885.

Библиотека "Руниверс"

можно подозрительнѣе (*научно*-подозрительнѣе) смотрѣть на все то, чѣмъ подарило насъ движеніе 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Вотъ какими общими мыслями я руководжусь, когда думаю о нашихъ окраинахъ.

Пестро и неслишкомъ подвижно—государственно; однообразно и очень подвижно—не государственно. Дѣло не въ *однородности*, а въ высшемъ *единствѣ* власти и духа.

2) Вы *), кажется, произнесли слово „справедливость", говоря объ остзейцахъ".

Въ дѣлахъ Остзейскаго края, теперь, мнѣ кажется, слѣдуетъ предпочитать справедливость условную, т. е. законность, *связанную съ преданіями этого края*, справедливости абсолютной, т. е. права нѣмецкихъ бароновъ предпочитать эсто-латышскому демократическому движенію. Имена нѣмецкой аристократіи связаны съ военнымъ и политическимъ величіемъ православной Россіи; а эсто-латышское движеніе ни съ чѣмъ; развѣ съ либеральной модой...

3) Не напоминаютъ-ли вамъ эти Эсты и Латыши Болгаръ? Греки (Фанаріоты)—церковное охраненіе, великія воспоминанія; Болгары—либерализмъ безъ воспоминаній и *съ темнымъ, непонятнымъ будущимъ.* Остзейскіе дворяне:—государственное охраненіе и славные подвиги на русской службѣ; а Эсты что такое? На что они намъ? Болгары, по крайней мѣрѣ, и Славяне, и въ (простонародномъ) большинствѣ народъ, вѣрующій *по нашему*; Эсты—протестанты и сдѣлать ихъ серьезными православными трудно.

4) Я не изучалъ учрежденій Остзейскаго края и не буду, вѣроятно, никогда ихъ внимательно изучать; и мнѣ вовсе этого и не нужно, чтобы усомниться не только въ пользѣ эсто-латышской демократизаціи (т. е. въ пользѣ предпочтенія протестантовъ плохихъ и непородистыхъ протестантамъ блестящимъ и породистымъ), — но даже и въ пользѣ „руссификаціи"...

Что такое „руссификація" я до сихъ поръ не знаю! Европеизація—вотъ это ясно. Если-бы была гдѣ нибудь—*китаизація* или *японизація*—тоже было-бы понятно. *Древняя эллинизація* тоже ясна.

Когда мы видимъ, напр., что въ дикой Арменіи во время 1-го римскаго тріумвирата представлялись при дворѣ Царя трагедіи Эврипида (у Плутарха; біографія Красса)—это понятно. И когда у Россіи будетъ все или хоть очень многое *свое*, хотя бы и вовсе не демократическое, *но свое*, тогда руссификація будетъ побѣдоносна, *плодоносна* и естественна. А теперь, что это такое? Обыкновенная очень жидкая, блѣдная и нивелирующая европеизація,—больше ничего. Руссификація *языка*; это еще лучше всего; языкъ нашъ, конечно, надо Нѣмцамъ знать; хо-

*) Редакторъ *Гражданина.*

Библиотека "Руниверс"

тя и то сказать, что книгу написанную, объ Россіи по французски и англійски и т. д., при оригинальности благопріятныхъ и умныхъ взглядовъ на нашу родину, (напр. нѣкоторыя мѣста въ сочиненіи француза Cyprien Робера *Le Monde grecoslave*) — можно назвать болѣе русской, чѣмъ большую часть того, что у насъ за послѣдніе года писалось и прославлялось на нашемъ—родномъ языкѣ. Впрочемъ, языкъ русскій, для *иновѣрцевъ* наилучшее средство прикрѣпленія къ Россіи. Но вѣдь *бароны*, вѣроятно, примирятся съ обязательнымъ введеніемъ русскаго языка, если это введеніе не будетъ связано *съ разрушеніемъ ихъ мѣстныхъ аристократическихъ правъ*? Впрочемъ, не знаю; я только спрашиваю сеоя. Я позволяю себѣ *сомнѣваться на основаніи моихъ общихъ взглядовъ*, выраженныхъ подробно въ вышеупомянутой статьѣ I-го тома: „Византизмъ и Славянство".

Другое дѣло эти обще-русскіе суды!.. Къ чему это *однообразіе* учрежденій?.. При разнообразіи мѣстныхъ учрежденій гораздо легче управлять... Многое тогда держится само собою, собственнымъ сцѣпленіемъ, безъ „желѣзныхъ крюковъ искусственной администраціи". И какіе же это такіе *русскіе* суды? Я *русскихъ* судовъ не знаю. У насъ есть теперь общеевропейскіе, демократическіе и нивеллирующіе суды; а собственно русскихъ нѣтъ. Нельзя назвать русской одеждой казацкія панталоны отъ того, что онѣ немного пошире другихъ, или съ какимъ-нибудь кантикомъ. А вотъ цвѣтную рубашку *на выпускъ*—можно назвать русской одеждой.

Поземельная община, неотчуждаемость участка — это тоже вещь и русская, и охранительная, и будущность *могущая имѣть* (если мы съ ней будемъ бережно обходиться). Вотъ еслибы мы по всѣмъ окраинамъ вводили даже и насильственно, съ разными мѣстными оттѣнками, общинное землевладѣніе; хотя бы даже рядомъ съ майоратами, въ ущербъ только непрочной мелкой и средней личной собственности, которыя въ политической сферѣ понятій соотвѣтствуютъ двумъ худшимъ язвамъ нашего времени — *умѣренному либерализму и республиканскому якобинизму* (вспомните Францію), еслибы мы вездѣ запрещали *пролетаризмъ* **) и *деспотически объявляли бы не право на землю*, ибо это отзывается грабежемъ, а скорѣе *обязанность* какого-нибудь *минимума недвижимости*, и этой мѣрой, крутой и стѣснительной для многихъ, но благодѣтельной для общаго настроенія, придавали бы больше *устойчивости* обществу; то все это, вмѣстѣ съ *серьезной* проповѣдью православія и обязательностью русскаго языка, можно бы назвать хорошей русспфи-

---

**) *Не пауперизмъ;* пауперизмъ вещь *субъективная*, не осязательная, измѣнчивая; его не только запретить, его *уничтожить нельзя*. Въ иныя минуты Монархъ, которому недостаетъ нѣсколько десятковъ милліоновъ для веденія необходимой войны, можетъ чувствовать себя бѣднѣе, чѣмъ нищій, которому щедрый человѣкъ вздумалъ дать три рубля. *Авт.*

Библиотека "Руниверс"

кацiей. А если мы, напримѣръ, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ, вмѣсто Шарiата, будемъ вводить свѣтскiе *обще-европейскiе* суды, или въ Остзейскомъ краѣ, вмѣсто *европеизма феодальнаго*, который далъ царямъ русскимъ столькихъ хорошихъ полководцевъ и политиковъ, будемъ вводить *европеизмъ эгалитарно-либеральный*, который, кромѣ адвокатовъ, обличительныхъ корреспондентовъ, „реальныхъ" наставниковъ и т. п., ничего не далъ и дать не можетъ, то какая же это руссификацiя?..

Если что-нибудь подобное будетъ нами дѣлаться *для Эстовъ и Латышей*, то это очень печально. Всѣ эти Мантейфели, Бреверны-де-ла-Гарди, Шау-фонъ-Шауфуссы,—образы и величины опредѣленныя и значительныя. А что такое Эсты? Къ чему эта племенная демократизацiя? Пусть ихъ не слишкомъ тѣснятъ, и довольно!

Мы еще все не устали *равнять*, мы еще все *летимъ по инерцiи куда-то!* При однообразiи, сказалъ я, труднѣе управлять: *потребности и претензiи сходнѣе, а средствъ удовлетворять имъ нѣтъ*. Я, впрочемъ, не знаю, навѣрное, какiя реформы предстоятъ Остзейскому краю, но, и не зная, я *боюсь ихъ*.

Не нужно ли различать, впрочемъ, дворянство отъ бюргеровъ? Я думаю, это необходимо.

Дворянство Остзейскаго края вѣрой и правдой служило Россiи и будетъ еще служить, если мы его будемъ щадить; а бюргертумъ безполезнѣе и пожалуй вреднѣе *намъ*. Привиллегiями и уваженiемъ мы бароновъ всегда отклонимъ отъ Германiи; а бюргеровъ — едва ли. Тутъ еще Эсты пожалуй что-нибудь и значатъ... можетъ быть...

6) Да еще стоитъ-ли намъ много и думать о Балтiйскомъ морѣ вообще? *Не пора ли намъ теперь обратно: изъ Варягъ въ Греки?* Я убѣжденъ глубоко, что все то, что вредно для величiя и силы *города* Петербурга, — полезно для Россiи. Петербургъ не Парижъ, не Римъ, и Россiя не съ городомъ связана, а съ *живой душой, съ Государемъ*! Столицъ мы много мѣняли, и всякiй разъ съ *временной* пользой; *перемѣнимъ и еще! А пока, вообще, нужно поменьше движенiя въ обществѣ. Отдохнемъ и соберемся съ мыслями и силами передъ недалекимъ и страшнымъ разрѣшенiемъ великаго во всѣхъ отношенiяхъ Восточнаго Вопроса!*

Когда я говорю „страшный вопросъ", „страшное дѣло", „страшное разрѣшенiе", то я думаю при этомъ, конечно, не о войнахъ. Войны, какъ счастливыя, такъ и неудачныя, могутъ еще имѣть на насъ въ высшей степени благотворное „развивающее" и культурно-обособляющее влiянiе.

Если на меня находитъ нѣчто вродѣ „священнаго ужаса" при мысли о „Восточномъ Вопросѣ", то это вотъ отъ чего: я спрашиваю себя будемъ-ли мы въ самомъ дѣлѣ тѣми представителями *новаго* „культурнаго типа", какихъ желаетъ и надѣется видѣть въ насъ Н. Я. Дани-

Библиотека "Руниверс"

левскій, или мы заражены демократическимъ, утилитарнымъ и всячески уже теперь оношленнымъ европеизмомъ до убійственной и позорной неисцѣлимости?.. Вотъ что ужасно! Правда, признаковъ *хорошихъ* (обособляющихъ насъ) за послѣдніе три-четыре года обнаружилось много, но когда подумаешь до чего еще трудно „выколотить“ изъ насъ либеральнаго „европейсца“, то станетъ очень грустно! А изъ Болгаръ, изъ Сербовъ, изъ Грековъ и Румынъ „вытравить“ Ласкера, Вирхова, Брайта, Гладстона, Гамбетту и Эмиля-Жирардена—еще много труднѣе!!—

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА.

Новый драматическій писатель.

(Руск. Вѣст. 1879 г.).

Успѣхъ Н. Я. Соловьева несомнѣнно громокъ.

Это не succès d'estime; это почти популярность, сразу пріобрѣтенная.

Такой успѣхъ, уже самъ по себѣ, независимо отъ достоинства, даетъ право на вниманіе критики, ибо вовсе безъ достоинствъ невозможно имѣть большаго успѣха.

И забытые нынѣ писатели имѣли въ свою пору тѣ именно силы и качества, которыя обезпечивали имъ временный успѣхъ. Въ ихъ пріемахъ, въ сюжетахъ, ими избираемыхъ, было нѣчто такое, что соотвѣтствовало умственному и нравственному спросу ихъ времени.

Это конечно такъ; но нельзя же съ другой стороны не согласиться, что эстетическія требованія той публики, которая бѣжитъ толпою на представленіе мелодрамы и оперетокъ, и скучаетъ, слушая Шекспира и Мольера, вовсе не высокія и не примѣрныя требованія.

Изящный вкусъ въ обществѣ повышается и понижается временно, точно такъ же какъ и другія умственныя и нравственныя свойства людей.

Относительно вкуса, господствующаго у насъ въ послѣдніе годы трудно сказать что-либо положительное. Иногда кажется что чувство изящнаго очень понизилось у нашихъ современниковъ сравнительно съ 30, 40, и 50 годами этого вѣка. Съ другой стороны, кругъ читателей и даже цѣнителей (то-есть претендующихъ по крайней мѣрѣ быть цѣнителями) неизмѣримо расширился. Потребность *хорошаго* чтенія не есть теперь исключительное свойство отборнаго общества и тѣснаго круга *особеннымъ* образомъ развитыхъ людей.

Искусство стало болѣе популярнымъ. Но признавая его больше прежняго, такъ называемая толпа больше прежняго повліяла и на самое творчество и на критику творчества.

Библиотека "Руниверс"

Въ нынѣшнемъ хаосѣ борьбы и разложенія ясно одно: потребности сильныхъ впечатлѣній много, впечатлѣній отъ зрѣлищъ и чтенія, но высшаго вкуса мало.

Средній уровень умственныхъ требованій повысился за послѣдніе годы; кругъ этихъ требованій разросся; но требованія самыя высшія ослабѣли и остыли.

Хотятъ занимательнаго, требуютъ своевременности, но не ищутъ глубины, и когда встрѣчаютъ ее, то не понимаютъ и не видятъ ея, и какъ будто не смѣютъ даже видѣть.

Не до высшаго вкуса теперь!

— Дорогое кружево прекрасная вещь,—сказалъ мнѣ недавно одинъ очень умный человѣкъ,—но нельзя подавать людямъ это кружево когда имъ нуженъ простой тулупъ, чтобы не замерзнуть!

Люди хотятъ развлеченія, жаждутъ новизны и движенія, движенія прежде всего. Движенія и быстроты во всемъ; быстроты сообщеній, быстроты въ торговыхъ оборотахъ, быстроты въ политикѣ; движенія скораго, легкаго, какъ попало, безъ глубины и задумчивости, перемѣнъ во всемъ, перемѣнъ даже гражданскихъ во что̀ бы то ни стало,—движенія на улицахъ, войнъ быстрыхъ и краткихъ, движенія въ газетахъ, въ книгахъ, на сценѣ... Въ повѣстяхъ дѣйствіе, дѣйствіе прежде всего... Мыслей новыхъ, истинно новыхъ, творческихъ, своеобразныхъ мыслей не требуютъ нынче; ихъ у насъ было *будто-бы* такъ много ужъ и прежде!... Теперь нужно дѣйствіе!...

И вотъ, въ такое-то время *движенія безъ мысли* является на нашей сценѣ новый писатель и сразу пріобрѣтаетъ въ драматической литературѣ весьма почетное положеніе.

Успѣхъ г. Соловьева вполнѣ понятенъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ духу времени. Въ піесахъ его именно есть то, что̀ нужно: въ нихъ много энергіи и нѣтъ своеобразныхъ задачъ; въ нихъ есть сила потрясающаго чувства и нѣтъ поражающей думы. Въ нихъ много таланта, но еще мало опыта житейскаго, мало содержанія. Хорошо идетъ по рельсамъ этотъ поѣздъ, сильно, скоро, прямо: онъ могъ бы везти драгоцѣнный Севрскій фарфоръ, но везетъ онъ пока только всѣмъ ужь слишкомъ доступный фаянсъ съ извѣстными синими рисунками...

Успѣхъ необходимъ, успѣхъ спасителенъ для таланта; онъ возбуждаетъ, даетъ силы, руководитъ иногда, но онъ же и обязываетъ. Есть точка, которой долженъ достичь *дальновидно*-честолюбивый художникъ. Разъ завладѣвъ вниманіемъ, надо идти впередъ и *освободиться отъ литературныхъ привычекъ именно того времени, которое дало намъ успѣхъ*...

На запяткахъ за толпою долго не проѣдешь со славой; надо скорѣе стать самому возницей по духу...

Въ теченіе одного года съ небольшимъ г. Соловьевъ далъ намъ три піесы: одну большую въ сотрудничествѣ г. Островскаго и двѣ небольшія.

Библиотека "Руниверс"

О большой піесѣ, о *Женитьбѣ Бѣлугина*, писали и говорили очень много. Справедливо замѣчено было въ ней нѣчто здоровое, трезвое; но справедливо было также указано, что въ ней кромѣ самого Андрея Бѣлугина нѣтъ истинныхъ характеровъ. Поэзія въ ней есть. Смѣшное дѣйствительно смѣшно (особенно на сценѣ), но и оно не совсѣмъ „съ пылу“: смѣешься, напримѣръ, тому какъ старикъ Бѣлугинъ расхваливаетъ мирную жизнь свою съ женою и говоритъ: „а этой музыки вотъ что караулъ кричать—этого у насъ и совсѣмъ не бывало!“ Смѣешься отъ души, но самъ думаешь: „это что-то знакомое... какъ будто я гдѣ-то что-то такое слышалъ или читалъ...“ Это совсѣмъ не тотъ *изумленный* смѣхъ, которымъ мы смѣялись, когда въ первый разъ читали *Носъ* и *Записки Сумасшедшаго*. Лица въ *Женитьбѣ Бѣлугина* также не очень новы; и самъ Андрюша, столь хорошо удавшійся автору, немножко „Бородкинъ“ изъ *Не въ свои сани не садись*. Я говорю—немножко. Молодой купецъ, любящій, благородный, энергическій и скромный въ одно и то же время; очень благородный, но живой и возможный. Правда и то, что въ извѣстную эпоху той или другой національной жизни есть часто повторяющіеся типы, которые привлекаютъ вниманіе наблюдателей, и писатели остаются лишь вѣрны дѣйствительности, повторяя изображенія подобныхъ лицъ, каждый съ небольшимъ личнымъ оттѣнкомъ. Критика имѣетъ право требовать отъ писателя, желающаго быть объективнымъ чтобы всѣ лица его были живы; но критикъ будетъ неправъ, если потребуетъ, чтобы всѣ эти живыя лица были новы. Лица новыя есть, положимъ, всегда въ жизни, но художественное творчество имѣетъ свои предѣлы, свои препоны и затрудненія; додуматься до одного-двухъ новыхъ лицъ и потомъ изобразить ихъ удачно, это вовсе не легко и на это нужно довольно много времени и самымъ даровитымъ людямъ. Скоро ли Тургеневъ дошелъ до Рудина, до Базарова и до Лизы Калитиной? Сразу ли Толстой счелъ возможнымъ такъ освѣтить, какъ онъ освѣтилъ Андрея Болконскаго и графа Вронскаго; сразу ли онъ смогъ бы изобразить ихъ такъ какъ изобразилъ? Я думаю, и г. Достоевскій согласится съ тѣмъ, что *его собственнаго* несравненно больше въ *Мертвомъ Домѣ* чѣмъ въ *Бѣдныхъ Людяхъ*. Въ *Бѣдныхъ Людяхъ* герой лицо живое, но оно не очень ново; это Акакій Акакіевичъ, у котораго вмѣсто шинели есть красивая дѣвушка, по которой онъ такъ трогательно страдаетъ. Въ *Мертвомъ* же *Домѣ* лица и живыя и новыя—Сироткинъ, Газинъ, Еврей, тотъ красивый и умный злодѣй, который любилъ говорить съ авторомъ о Лудовикѣ XIV и служилъ ему такъ охотно, но про котораго люди знающіе говорили, что онъ страшнѣе кровопійцы Газина... Но чтобы пройти этотъ путь отъ *Бѣдныхъ Людей* и до *Мертваго Дома*—сколько нужно было пережить самому автору? Даже умѣнье наблюдать, умѣнье видѣть эти новыя лица—

Библиотека "Руниверс"

дается не сразу. Для этого надо много условій. Надо бывать во всякомъ обществѣ, не чуждаться не только низшаго, какъ дѣлали въ старину, но и высшаго, какъ расположены его чуждаться теперь многіе литераторы иногда изъ глупыхъ принциповъ и предубѣжденій, а еще чаще по нежеланію понудить себя къ большой презентабельности. Истинный художникъ долженъ развивать въ себѣ гибкость, чтобъ ему стало все равно что гора, что долина, что цвѣтникъ, что лѣсъ дремучій, что трактиръ, что настоящая гостиная.

Еще для того, чтобъ умѣть наблюдать, необходимо прежде всего отнестись *скептическико вчерашнимъ литературнымъ преданіямъ;* какъ можно болѣе освободиться *именно отъ того, что слишкомъ давно уже стоитъ въ воздухѣ...*

Необходимо освѣтить себѣ умъ знакомствомъ съ такими авторами русскими и особенно иноземными, которые наиболѣе по духу далеки отъ привычнаго, *домашняго* и *вчерашняго* стиля. И это вотъ почему. И въ наше время есть въ жизни много такихъ явленій, чувствъ, мыслей и событій, которыя возможны были не только при Александрѣ Первомъ, но и во времена Кромвеля, Юлія Цезаря и Дарія Гистаспа. Начала жизни вѣчны; они все тѣ же; но сочетанія ихъ безконечно разновидны и разномѣрны. Чужіе, далекіе отъ насъ авторы, разъ понятые нами, бросаютъ свой свѣтъ и на современную намъ жизнь... Отъ своего, отъ современнаго, отъ роднаго намъ и такъ не уйти; но изученіе чужаго даетъ намъ силу безпристрастнѣе и самобытнѣе (то-есть независимѣе отъ *ближнихъ* вліяній) относиться къ родному и современному, чѣмъ могли бы мы относиться, зная только ближнее и потому платя ему дань безсознательнаго подчиненія. Развивать свой умъ, значитъ именно мѣнять и разнообразить свою точку зрѣнія, питаться чужимъ, претворяя лишь его неузнаваемо по своему.

Не мѣшаетъ также всякому писателю въ наше время уяснить себѣ значеніе слова реализмъ.

Реализмъ вовсе не значитъ безобразіе и грубость, какъ думаютъ многіе. Реальность значитъ вѣрность дѣйствительной жизни *во всѣхъ ея проявленіяхъ.* Тоска высокой, гордой, требовательной и поэтической души, столь прекрасно изображенная Байрономъ въ длинной лирической поэмѣ, была *дѣйствительнымъ чувствомъ автора.* И потому Чайльдъ Гарольдъ гораздо реальнѣе притворныхъ и напыщенно-холодныхъ гражданскихъ сѣтованій Некрасова. Самому Некрасову навѣрное очень многое и въ русской жизни нашей нравилось; но истинныя чувства свои онъ рѣдко облекалъ въ стихотворную форму, а заставлялъ себя какофонически пѣть на казенныя темы.

У насъ просто боятся касаться тѣхъ сторонъ дѣйствительности, которыя идеальны, изящны, красивы. Это, говорятъ, не порусски, это не русское!

Библиотека "Руниверс"

Живописцы наши выбираютъ всегда что-нибудь пьяное, больное, дурнолицое, бѣдное и грубое изъ нашей русской жизни. Русскій художникъ боится изобразить красиваго священника, почтеннаго монаха (хотя они есть, и художникъ даже *видѣлъ* ихъ); нѣтъ! ему какъ-то легче, когда онъ изберетъ пьянаго попа, грубаго монаха-изувѣра. Мальчики и дѣвочки должны быть все курносые, гадкіе, золотушные; баба—забитая; чиновникъ—стрекулистъ; генералъ—болванъ и т. п. Это значитъ *русскій типъ*.

Мнѣ случилось года три или четыре тому назадъ въ Москвѣ видѣть удивительный примѣръ такой боязни правды, такого *непостижимо глупаго* отношенія къ искусству и жизни. Я зашелъ въ мастерскую одного молодаго и очень способнаго художника и засталъ у него красивую дѣвочку лѣтъ 13 или 14, брюнетку, смуглую, съ тонкими и правильными чертами лица. На головѣ ея былъ красный платочекъ съ бѣлыми узорами, который къ ней шелъ. Художникъ отпустилъ ее и сказалъ мнѣ, что это дочь сосѣдняго лавочника, которая служила ему моделью. Я взглянулъ на полотно. Небольшая картина была уже готова. Изображена была та же самая мастерская; тотъ же самый треножникъ съ полотномъ, но задомъ къ зрителю; предъ этимъ мольбертомъ (обернутымъ на картинѣ задомъ) стояла дѣвочка, опершись на спинку кресла (то же списаннаго съ хозяйскаго кресла). Предполагалось вѣроятно изобразить, что она смотритъ на собственный портретъ, котораго намъ сзади не видно. Года дѣвочки были тѣ же, одежда та же, кажется, платокъ тоже красный; но вмѣсто красивой брюнетки, только что вышедшей изъ комнаты, на полотнѣ увидалъ лицо дурное, грубое, съ большимъ и толстымъ картофельнымъ носомъ.

Я спросилъ у молодаго человѣка: Русская ли она эта дочь лавочника, которую онъ не рѣшился изобразить такою, какова она есть въ самомъ дѣлѣ. Онъ отвѣчалъ: „Русская“.

Я началъ упрекать его за такое странное отношеніе къ искусству. Онъ стыдился немножко, но почти ничего не возражалъ.

Не поразительный ли это примѣръ того, какъ понимаютъ до сихъ поръ у насъ реализмъ. Замѣчу, что молодой художникъ, впавшій въ подобнаго рода хамство, не какой-нибудь разночинецъ, но сынъ старой и богатой дворянской семьи, сынъ чрезвычайно умныхъ и хорошо образованныхъ родителей, который выросъ въ условіяхъ самыхъ благопріятныхъ для развитія вкуса и ума. Чего же требовать отъ разночинцевъ? Реализмъ истинный есть правда жизни; реализмъ односторонній и каррикатурный есть низкая ложь въ области искусства. Можно заплатить невольно дань этой всемогущей нынѣ лжи; можно пройти чрезъ нее. Стыдно было бы и унизительно для сильнаго таланта застыть на ней и благодушно прожить съ этою ложью всю жизнь.

Мы ужь нынче не смѣемъ просить идеализаціи, мы просимъ только

Библиотека "Руниверс"

правды. Мы не рѣшаемся уже требовать отъ искусства, чтобъ оно возносилось выше жизни (хотя бы и не забывая ее вполнѣ), нѣтъ: мы умоляемъ только не быть ниже, не быть пошлѣе, грубѣе, глупѣе, пустѣе дѣйствительности!

Вотъ только чего бы мы хотѣли требовать именно отъ тѣхъ людей, въ которыхъ мы признаемъ таланты.

Мы бы желали исканія жизненной правды, желали бы новизны и открытій, открытій возможныхъ и доступныхъ, такой новизны, которая знакома и понятна многимъ въ самой жизни, но требуетъ особаго дара, чтобъ указать на нее яснымъ и сильнымъ словомъ искусства.

И прежде Пушкина многіе, напримѣръ, понимали, что картина тогдашней Россіи очень пестра и широка; понимали, что южный берегъ Крыма восхитителенъ, что бытъ Черкесовъ дико-поэтиченъ, что эпикурейская жизнь богатаго, умнаго и смѣлаго щеголя въ Петербургѣ имѣетъ свою прелесть, но скоро наскучаетъ, потому что она:

Однообразна и пестра
Опять отъ утра до утра.

Но только Пушкинъ нашелъ всему этому вѣковѣчное выраженіе.

Лица въ *Женитьбѣ Бѣлугина*, сказалъ я, не новы; это сказано вѣжливо. Надо бы сказать они очень стары.

Простой купецъ въ родѣ столь извѣстныхъ издавна простыхъ купцовъ; толстая, смирная жена, которая его боится и очень любитъ сына. Раззоренная дама, чувствительная и съ мигренью. Агишинъ—низкій левъ дурнаго тона. Наконецъ сама эта Елена, которая ищетъ идеала и сильныхъ ощущеній и не понимаетъ даже такой простой вещи, что Андрей Бѣлугинъ болѣе comme il faut чѣмъ этотъ Агишинъ. Что тутъ новаго? И даже я скажу больше: что тутъ интереснаго? Во всемъ этомъ есть даже нѣкоторая отсталость мысли. Всякій, знающій нынѣшнюю русскую жизнь, согласится, что давно уже найдутся у насъ и въ уѣздахъ Елены, которыя Андрея Бѣлугина за одну его наивность сразу полюбятъ, а такому, какъ Агишинъ, не позволятъ и подойти къ себѣ. Но это положимъ весьма возможно и теперь; есть Агишины, есть такія Елены, есть купцы, мигренями дамы болѣютъ; но дѣло не въ томъ, что это невозможно, а въ томъ, что есть какія-то совсѣмъ иныя, болѣе интересныя, болѣе новыя, болѣе своеобразныя возможности.

А между тѣмъ піеса смотрится съ величайшимъ удовольствіемъ; но въ чтеніи, гдѣ не помогаетъ автору сценическое вліяніе, гдѣ не ходятъ, не говорятъ, не смѣются и не плачутъ актеры (живые люди во плоти) въ чтеніи—*Женитьба Бѣлугина* теряетъ многое, это правда.

Впрочемъ о родѣ дарованія г. Соловьева по одному *Бѣлугину* судить потому уже трудно, что эта пьеса побывала въ рукахъ г. Островскаго. Неизвѣстно навѣрное, что принадлежитъ одному автору и что

Библиотека "Руниверс"

другому. Есть впрочемъ въ пьесѣ замѣтныя склейки (онѣ прощаются зрителемъ, благодаря общему пріятному впечатлѣнію). Напримѣръ, мать Елены... Въ началѣ пьесы эта романтическая и ограниченная, но добрая мать видимо сочувствуетъ склонности дочери къ Агишину; она, не будучи вовсе развратительницей, просто очень чувствительна и, подчиняясь дочери, которая гораздо смѣлѣе и энергичнѣе ея, готова ей во всемъ потворствовать, лишь бы Елена была довольна. Подъ конецъ же пьесы эта мать вдругъ начинаетъ твердить дочери и такъ громко, нарочно для публики: „долгъ, долгъ супружескій прежде всего". Откуда это взялось вдругъ сразу? Можно подозрѣвать, что это послѣ придѣлано посторонней рукой съ практическою цѣлью.

Въ газетахъ было, между прочимъ, писано, что послѣднее дѣйствіе принадлежитъ г. Островскому. Послѣднее-то дѣйствіе именно и кажется какъ бы придѣланнымъ.

Страстное изступленіе Андрюши, которое напугало и плѣнило Елену, вдругъ оказывается притворствомъ, какъ въ какомъ-нибудь моральномъ водевилѣ, писанномъ для утѣшенія купцовъ.

Елена въ послѣднемъ дѣйствіи доходитъ уже до невѣроятнаго ничтожества и пустоты, она соглашается охотно ѣхать съ Андреемъ на его фабрику, потому что тамъ есть семьи какихъ-то Англичанъ и можно выписывать шляпки прямо изъ-за границы.

Вообще подобнаго рода художественное сотрудничество или литературное бракосочетаніе можетъ имѣть лишь практическое значеніе для начинающаго, для того изъ двухъ трудящихся вмѣстѣ писателей, который менѣе извѣстенъ. Болѣе извѣстное имя выдвигаетъ его. Для перваго шага это очень хорошо и только. Въ смыслѣ же собственно художественномъ, такая коллективная дѣятельность едва ли можетъ принести хорошіе плоды.

У каждаго даровитаго человѣка есть свой стиль, своя умственная личность; измѣняя постоянно этотъ естественный личный стиль внѣшнимъ давленіемъ, особенно давленіемъ авторитета, можно безвозвратно испортить талантъ, еще не совсѣмъ созрѣвшій и, не придавъ ему чужихъ могучихъ свойствъ, лишить его собственныхъ, быть можетъ, тоже драгоцѣнныхъ силъ.

Иное дѣло совѣты опыта и знанія; это необходимо каждому: иное дѣло предложить сюжетъ, подать мысль, исправить языкъ; другое дѣло ломать вещи уже цѣлыя, сложившіяся.

Можетъ случиться и такъ, что при всемъ даже искреннемъ желаніи сдѣлать пользу начинающему товарищу, писатель болѣе опытный вредитъ ему, слишкомъ измѣняя готовое. Этотъ болѣе опытный писатель какъ бы онъ ни былъ силенъ, все же органически, такъ сказать, стѣсненъ тѣмъ, что другой уже задумалъ и написалъ; онъ стѣсненъ его основною мыслью, его манерой; онъ вынужденъ поддѣлываясь хоть

Библиотека "Руниверс"

сколько-нибудь подъ эту манеру отказываться болѣе или менѣе отъ собственныхъ любимыхъ и удачныхъ пріемовъ, не пріобрѣтая все-таки того, что дано отъ природы начинающему... Вмѣсто блистательнаго сочетанія лучшихъ качествъ можетъ произойти иногда печальная взаимная парализація силъ...

Мнѣ кажется нѣчто подобное случилось съ *Женитьбой Бѣлугина*. Послѣ патетической, превосходной сцены между Еленой и Андреемъ, когда послѣдній съ такою страстью и правдой обнаруживаетъ свои истинныя чувства предъ молодою женой и, великодушно отрекаясь отъ супружескихъ правъ, грозится убить и ее, и себя, и все стереть съ лица земли, лишь во имя правъ попранной любви своей, послѣ этой сцены, видимо принадлежащей г. Соловьеву, внезапно все мельчаетъ, все понижается, всѣ говорятъ не совсѣмъ то, что говорили прежде... И такъ до конца... Островскаго не видно, а Соловьевъ искаженъ.

Г. Соловьевъ до сихъ поръ въ піесахъ своихъ проявилъ, напримѣръ, мало той живописности, той картинности, которая дѣлаетъ драмы и комедіи Островскаго столь пріятными въ чтеніи. У г. Соловьева музыка чувствъ сильнѣе картинности, у него дорога́ свѣжесть порыва, полётъ лиризма его высокъ, и что-жь? Въ послѣднемъ актѣ *Женитьбы Бѣлугина* мы ни картинности Островскаго не видимъ, ни чувствъ Соловьева не слышимъ...

Если г. Островскій, понимая все это, хотѣлъ сдѣлать только практическую пользу г. Соловьеву, то онъ правъ. Если онъ, передѣлывая *Женитьбу Бѣлугина*, вовсе и не претендовалъ позолотить эту комедію, а хотѣлъ къ произведенію г. Соловьева прикрѣпить на скорую руку хоть какую-нибудь пробку своей знаменитой фабрики, чтобы хорошій самъ по себѣ металлъ не утонулъ, а поднимался бы на верхъ, то это очень похвально. Мы и пробкѣ этой патентованной очень благодарны за то, что она облегчила успѣхъ г. Соловьеву, отъ котораго мы всѣ въ правѣ ожидать многаго.

Но если г. Островскій воображалъ, что при его содѣйствіи выйдетъ изо всего этого какая-нибудь очень красивая амальгама, то онъ ошибся. Своего хорошаго онъ намъ тутъ не далъ ничего: его нигдѣ не видно; а порча чужаго очень ясно видна...

Вотъ почему, говорю я, судить рѣшительно по одной *Женитьбѣ Бѣлугина* еще нельзя о дарованіи г. Соловьева. Надо, чтобы „металлъ былъ безъ пробки"... Когда-то мы этого дождемся? Будемъ надѣяться.

Кромѣ *Женитьбы Бѣлугина*, г. Соловьевъ поставилъ въ теченіи двухъ послѣднихъ зимъ еще двѣ небольшія комедіи или „сцены": *Счастливый День* и *На порогѣ къ дѣлу*. На этихъ произведеніяхъ нѣтъ уже штемпеля г. Островскаго... Г. Соловьевъ въ нихъ одинъ *). Что

*) *Примѣч. 1885.* Въ отдѣльномъ изданіи, вышедшемъ позднѣе этой статьи, и эти обѣ вещи—оказываются не обошлись безъ участія г. Островскаго. Я этого въ

Библиотека "Руниверс"

же сказать объ этихъ вещицахъ? Прилагать къ нимъ серіозныя эстетическія правила было бы неумѣстно. Это—занимательные водевили безъ куплетовъ и больше ничего. Но для насъ производитель во всемъ этомъ вопросѣ гораздо важнѣе произведенія.

Обязанность внимательнаго къ своему дѣлу критика состоитъ не только въ оцѣнкѣ самыхъ продуктовъ художественнаго творчества, но и въ опредѣленіи, по возможности, тѣхъ личныхъ залоговъ и силъ, которые хотя бы и въ несовершенномъ видѣ, но уже достаточно ясно обнаруживаются и въ первыхъ незрѣлыхъ произведеніяхъ, обнаруживаются уже настолько, что и по этимъ даннымъ можно возлагать или не возлагать на автора надежды.

Сельскій механикъ, русскій самоучка, изобрѣтаетъ какой-нибудь снарядъ, весьма несовершенный; въ Европѣ изобрѣтены давно машины несравненно болѣе цѣлесообразныя. Машина этого сельскаго механика можетъ-быть неудовлетворительна; но личность изобрѣтателя очень талантлива. Взявъ въ разсчетъ тѣ условія, при которыхъ этотъ человѣкъ трудился, скудный запасъ его научныхъ познаній, односторонность его опыта, нельзя не изумляться умственной силѣ его и не желать, чтобы жизнь поставила его скорѣе въ такія условія, при которыхъ онъ могъ бы развить вполнѣ эту силу.

Такъ бываетъ на всѣхъ поприщахъ.

Съ подобной же точки зрѣнія, съ точки зрѣнія личныхъ залоговъ автора я нахожу полезнымъ заняться даже *Счастливымъ Днемъ*, этою веселою, но совершенно ничтожною вещицей. Можетъ быть и здѣсь повторится именно то, что я уже сказалъ о піесахъ г. Соловьева. Много живаго движенія, мало живой мысли. Я прежде прочелъ, а позднѣе видѣлъ эту піесу. Когда я читалъ ее въ первый разъ, я, признаюсь, изумлялся только, что за охота умному и даровитому человѣку заниматься такими пустяками. На что это? Когда это происходитъ? Не поймешь. Почтмейстеръ занятъ восточною политикой; онъ всё ищетъ на картѣ „Малый Зворникъ“: это въ 75 или 76 году; а дѣйствіе чубука и вообще весь духъ піески какъ будто бы 40-хъ или 30-хъ годовъ. Во-первыхъ, трудно что-то повѣрить чтобы сторожъ нашего времени сталъ такъ долго выносить сильные побои чубукомъ. Нынѣшній сторожъ едва ли бы сталъ ждать генерала; у него есть тутъ же въ городѣ мировой судья, человѣкъ обыкновенно нѣсколько либеральный, расположенный осудить почтмейстера даже и въ томъ случаѣ, еслибы его сторожъ побилъ. Положимъ, что все можетъ случиться; но тогда надо объяснить откуда такое исключеніе, это долготерпѣніе сторожа. А характернѣе и правдивѣе для нашего времени было бы заняться не вымирающими дра-

---

79 г. не зналъ, а догадаться не могъ потому, что обѣ эти маленькія пьески вышли цѣльнѣе;—или амальгама удалась лучше, или „поправокъ“ и передѣлокъ было просто гораздо меньше. *Авт.*

Библиотека "Руниверс"

чунами-чиновниками, не старыми генералами, которые теперь стали къ несчастію уже слишкомъ скромными, а вотъ именно мировыми судьями, напримѣръ, которые приговариваютъ къ тюремному заключенію дамъ за то, что ихъ же оскорбили горничныя!

Почтмейстеръ занимается „Малымъ Зворникомъ". Это ничего не доказываетъ. Это даже не особенно смѣшно. Въ чтеніи это вовсе не забавно. Это тотъ комизмъ, который любятъ дѣти: привязать или приколоть бумажку на спину кому-нибудь и радоваться. Это какъ бываетъ въ другихъ водевиляхъ, какой-нибудь дядя-заика, который во все время не можетъ кончить ни одной фразы своей и даже въ ту минуту, когда падаетъ послѣдній занавѣсъ, онъ напрасно пытается еще разъ на авансценѣ что-то сказать.

Такъ и это „Малый Зворникъ", „Малый Зворникъ"!...

Вообще, при первомъ чтеніи видишь что-то въ одно и то же время и водевильное и какъ будто псевдо-классическое. Всѣ лица не люди, а только людскія качества и наклонности. Почтмейстера можно бы назвать (какъ дѣлали при Екатеринѣ II-й и Александрѣ I) *Политикановымъ*; жена его, урожденная *Заботкина* или *Кухаркина*; генералъ—*Селадоновъ* или *Сердечкинъ*; молодой чиновникъ—*Фитюлькинъ* или *Терпсихоровъ*; докторъ—*Здравомысловъ* или еще вѣрнѣе *Дубининъ*. Барышня одна—*Плѣнира*, а другая, сонная, скучающая... ужь не знаю какъ... ну, положимъ, *Морфина* или какая-нибудь *Тихомира*...

Словомъ, все это не картина, даже не этюдъ, не очеркъ, потому что вовсе не жизнь—по сюжету, по замыслу.

Такъ я думалъ, читая *Счастливый День*, и пожималъ плечами.

Но позднѣе мнѣ пришлось видѣть эту піеску на любительской сценѣ въ губернскомъ городѣ. Любители играли хорошо. Барышни *Плѣнира* и скучающая были обѣ очень милы. Старикъ *Политикановъ* очень естественно разсѣянъ и задумчивъ и художественно неловокъ; жена его недурно кричала, срамила его; молодаго доктора игралъ молодой актеръ, высокій, видный, но нескладный; вѣрнѣе сказать онъ не игралъ, а былъ самъ точно также солидно-дубоватъ и скученъ какъ бываютъ у насъ часто молодые люди средняго круга; (это у нихъ называется „простота"). Генералъ былъ довольно похожъ на штатскаго генерала (30-хъ годовъ); *Фитюлькинъ*—въ сценѣ съ кокеткой, когда она ему мѣшаетъ ревизовать отцовскія книги, былъ превосходенъ.

Впечатлѣніе мое было совершенно иное чѣмъ при чтеніи. Мнѣ было очень весело; я смѣялся отъ всей души; я легко забылъ и анахронизмы и слишкомъ ужъ наивный рисунокъ и бѣдность задачи. Я подумалъ: „Нѣтъ! Соловьевъ правъ! Онъ пишетъ прежде всего для сцены, а не для чтенія; онъ вѣрно говоритъ себѣ: „довлѣетъ дневи злоба его!..." Онъ истинно сынъ времени. Онъ знаетъ, что дѣлаетъ и что требуется нами! Да! онъ очень даровитый и очень практическій

Библиотека "Руниверс"

въ литературѣ человѣкъ. А это много значитъ. Съ однимъ искусствомъ для искусства, съ одними высокими цѣлями даже и при большомъ дарованіи въ наше время (да! что дѣлать, приходится твердить: *въ наше время*) можно легко шагъ за шагомъ дойти до того, до чего дошелъ Струйскій (поэтъ конца XVIII вѣка), описанный М. А. Дмитріевымъ въ его *Мелочахъ*. Струйскій печаталъ свои стихотворенія у себя въ деревнѣ въ собственной очень хорошей типографіи, никому не продавалъ ихъ и отеческою властью заставлялъ сына своего гвардейскаго офицера выучивать эти стихотворенія наизусть.

Кстати, и сосѣдство двухъ другихъ піесъ было очень выгодно для *Счастливаго Дня*. Въ одной пустѣйшей піесѣ изображалась гнѣвная губернаторша, которой капризъ разстроилъ любительскій спектакль. Нестерпимый вздоръ, натяжка, скука, ложь съ начала до конца; въ другой піесѣ, можетъ быть переводной или очень похожей на плохую французскую, какого-то дядю холостяка и ненавистника женщинъ ловкая жена или невѣста племянника доводила до примиренія съ собою, посредствомъ разныхъ затѣй обычныхъ въ старыхъ водевиляхъ. Она вбѣгаетъ къ дядѣ на квартиру ища спасенія отъ какого-то оскорбителя, проситъ его помощи, играетъ на рояли, поетъ, плѣняетъ дядю и т. д. Я не справлялся, конечно, откуда взялся этотъ вздоръ; вѣроятно эти піесы новыя, нынѣшнія. Но до чего все это старо! До чего это пусто, безжизненно, не смѣшно нисколько, не остроумно.

И *Счастливый День*, если хотите, въ томъ же родѣ, но, по крайней мѣрѣ, въ *Счастливомъ Днѣ* есть нѣчто веселое, доброе, и съ чубукомъ примиряющее, и съ грѣшнымъ селадонствомъ стараго генерала. Это шутка, но шутка милая; это каррикатура, небрежная, начерченная между прочимъ, но по крайней мѣрѣ, вовсе незлобивая и по тому одному уже нѣсколько живая. Въ этой шуткѣ просвѣчиваетъ какое-то снисходительное чувство автора; точно онъ самъ жилъ долго въ этомъ уѣздномъ городѣ и точно ему самому по воспоминанію весело съ этими... не скажу—людьми или лицами (это было бы слишкомъ много), а съ этими нѣсколько каррикатурно отраженными тѣнями дѣйствительныхъ лицъ.

Публика очень смѣялась; а публика губернскихъ городовъ, всѣмъ извѣстно, только малочисленнѣе, но по составу своему часто нисколько не хуже столичной. Итакъ, и въ этой самой пустой изъ пьесъ г. Соловьева выразились его несомнѣнныя силы. Онъ, между прочимъ, въ свободную минуту захотѣлъ попробовать себя въ легкомъ водевильномъ родѣ, и водевиль его вышелъ милѣе, веселѣе, художественнѣе многихъ другихъ.

Теперь о послѣдней комедіи *На порогѣ къ дѣлу*.

Объ этой вещи можно сказать опять то же: она и живая, и не живая; она похожа на дѣйствительность и не совсѣмъ похожа на нее.

Библиотека "Руниверс"

Какъ же это такъ? Похожа она на жизнь тѣмъ, что она вовсе не тенденціозна. Автора очень трудно поймать. Однимъ кажется, что пьеса въ высшей степени отрицательная, даже нигилистическая, внушающая отчаяніе; другимъ, что она филистерская, рекомендующая дѣвицамъ бросить всѣ эти прогрессивныя претензіи и быть просто привлекательными невѣстами, милыми женами и добрыми матерями. Критикъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* называетъ эту комедію отрадною и кажется думаетъ, что авторъ хотѣлъ ею сдѣлать пользу бѣднымъ учительницамъ, привлечь вниманіе правительства и земства на ихъ страданія, желалъ, улучшая матеріальное положеніе ревностныхъ наставницъ, способствовать распространенію всеспасительной грамотности въ народѣ.

Съ другой стороны, рецензентъ *Русской Правды* въ бѣшенствѣ на г. Соловьева; онъ чуть не называетъ автора глупцомъ; къ Лониной прилагаетъ лакейскій терминъ „кисейная барышня". Онъ запрещаетъ г. Соловьеву упоминать о нигилизмѣ, потому что это „не его ума дѣло" и т. п. Онъ утверждаетъ, что пьеса вредна, ибо располагаетъ не вѣрить въ возможность скоро просвѣтить народъ (какъ просвѣтить? Не такъ ли, чтобъ ему нравился духъ *Русской Правды?)*.

Авторъ сочувствуетъ Лониной; онъ любитъ, онъ жалѣетъ ее; но вотъ въ чемъ вопросъ: когда онъ ей больше сочувствуетъ—тогда ли когда она готова все выносить для своей прогрессивной идеи, или тогда, когда она вспоминаетъ *по старинному*, о семьѣ родной, о матери, о сестрѣ, о какой-то „Акулинѣ, которая теперь вяжетъ чулокъ и дремлетъ", подобно настоящей древней нянѣ, подобно нянѣ воспѣтой самимъ Пушкинымъ?

Авторъ видимо радъ пристроить свою героиню въ сытомъ и тепломъ помѣщичьемъ домѣ добраго Дубкова; но при этомъ онъ все-таки обѣщаетъ ей учредить у Дубкова же въ селѣ хорошую школу. Кто жь знаетъ, что при всемъ этомъ думаетъ г. Соловьевъ? Находитъ ли онъ что не стоитъ и заниматься народнымъ образованіемъ? Или онъ думаетъ что заниматься обученіемъ крестьянскихъ дѣтей въ земской школѣ хорошо, но надо браться за все это иначе чѣмъ взялась неопытная Лонина; что не надо ужь такъ пугаться Буровиныхъ и Тесовыхъ; не надо такъ тяготиться ими; и у нихъ могутъ быть серіозныя и хорошія свойства; вотъ, напримѣръ, Православіе, безъ котораго, какъ замѣчаетъ авторъ очень умнаго и основательнаго разбора пьесы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, г. С. Васильевъ, и государственная жизнь въ Россіи была бы невозможна. Бѣдному Буровину хочется, чтобъ учительница непремѣнно назвала себя „Православною", а Лонина довольно глупо стыдится этого великаго слова и говоритъ: „я такой же вѣры какъ и вы". Рѣшительно не знаешь на чьей сторонѣ въ этомъ случаѣ г. Соловьевъ, на сторонѣ ли старшины, или на сторонѣ милой,

Библиотека "Руниверс"

но либеральной дѣвушки, которая такъ не серіозно относится къ тому *упованію*, о которомъ *весьма основательно* заботится этотъ хотя и пьяный, но все-таки русскій (въ хорошемъ смыслѣ этого слова) человѣкъ.

Если авторъ понимаетъ что̀ значитъ для Россіи Православіе,—это самое *упованіе* Буровина, если г. Соловьевъ понимаетъ какая высокая философія личной и государственной жизни просвѣчиваетъ въ одномъ этомъ вопросѣ (хотя бы и комически предложенномъ), то конечно онъ долженъ былъ свою героиню немножко презирать за ея пустоту и за тотъ легкомысленный смѣхъ, которымъ она отвѣчаетъ на весьма серіозныя по значенію своему рѣчи Буровина...

Если непремѣнно въ пьесѣ этой искать того или другаго поученія, то можно, пожалуй, въ иныя минуты подозрѣвать и то, что г. Соловьевъ, порицая обстановку Лониной, не одобряетъ и ее самое, и съ точки зрѣнія истинной народной пользы желалъ бы видѣть наставницами земскихъ школъ дѣвушекъ и женщинъ совсѣмъ инаго рода, именно *твердыхъ въ упованіи*.

Все это однѣ догадки, на которыя комедія отвѣта никому не даетъ. Вѣрнѣе всего что г. Соловьевъ и не заходилъ такъ далеко. Просто смѣшно смотрѣть, какъ какой-нибудь толстый и выпившій мужикъ требуетъ отъ благовоспитанной дѣвушки еще водки и спрашиваетъ: „Тверды ли въ упованіи"?

Очень можетъ быть, что авторъ и не придавалъ всему этому особенно серіознаго значенія,—ни загробному упованію Буровина, ни земнымъ, утилитарнымъ надеждамъ Лониной. Ему, можетъ быть, было пріятно только сочинить эту забавную, нигдѣ и невиданную имъ самимъ, но все-таки возможную коллизію.

Г. Соловьева, какъ истиннаго художника, можетъ быть и Буровинъ, и Тесовъ даже и не возмущали сами по себѣ. Надо здѣсь напомнить одну истину, давно извѣстную, но теперь часто забываемую подъ вліяніемъ напускной прогрессивно-гражданской серіозности. Вотъ она, эта истина: настоящему художнику дороги въ жизни не столько трезвые, не столько хорошіе и добропорядочные люди, сколько *люди выразительные*. Это физіологическое свойство всякаго искренняго художника, и съ этою потребностью яркости, цвѣтности, характерности *въ самой жизни* онъ разстаться не можетъ. И потому нельзя иногда не спросить себя: можетъ ли еще искренній художникъ особенно горячо сочувствовать дѣлу всенароднаго образованія когда это образованіе грозитъ принять въ неопытныхъ или въ злонамѣренныхъ рукахъ космополитическій, все—стирающій характеръ, грозитъ поступить со всѣмъ „роднымъ" нашимъ такъ, какъ поступилъ мужикъ Крылова съ червонцемъ: онъ чистилъ и теръ его до того, что монета потеряла полцѣны! Вѣдь можетъ случиться легко, при тѣхъ „исполинскихъ шагахъ"

Библиотека "Руниверс"

которыми пошла внезапно Русь, что и о Буровиныхъ мы потомъ горько пожалѣемъ и скажемъ: гдѣ они? Вмѣсто Буровиныхъ, озабоченныхъ *упованіемъ*, и безграмотныхъ, но привлекательныхъ Акимычей могутъ легко размножиться Тесовы съ болѣе „краснымъ“ оттѣнкомъ; такіе Тесовы, которые будутъ читать Некрасова и статьи *Дѣла* вмѣсто невиннаго романа *Молодой Дикій*.

Это тѣмъ болѣе непріятно, что между людьми высшаго образованія, призванными къ управленію, у насъ уже давно очень много такихъ какъ Дубковъ, нерѣшительныхъ, несмѣлыхъ, не отвѣчающихъ той потребности силы, энтузіазма и вѣры, которыя намъ такъ теперь нужны, чтобы поддержать расшатанное либерализмомъ зданіе нашей общественной жизни.

Кто въ пьесѣ г. Соловьева выше, лучше всѣхъ? Какое лицо всѣхъ благороднѣе? Безграмотный старый солдатъ Акимычъ. Поэтому, повторяю, если искать непремѣнно „гражданскаго“ смысла въ этой комедіи, то можно сдѣлать и еще одинъ выводъ: г. Соловьевъ противъ грамотности и всеобщаго обученія, ибо онъ представилъ намъ самаго безграмотнаго изо всѣхъ дѣйствующихъ въ комедіи людей самымъ благороднымъ. Словомъ, съ какой стороны ни взглянуть на комедію *На порогѣ*, рѣшительно нельзя понять, что̀ именно хотѣлъ доказать ею авторъ. И зачѣмъ это требовать? Какая же въ томъ бѣда если и въ этомъ случаѣ г. Соловьевъ желалъ только поставить на сцену занимательную и смѣшную пьесу? Занимательную по современности и насущности вопроса, смѣшную же именно по нѣкоторымъ каррикатурнымъ преувеличеніямъ, видимо нарочно сочиненнымъ.

Добродушный, примирительный конецъ комедіи доказываетъ, что авторъ вовсе не желалъ произвести мрачнаго „граждански скорбнаго“ впечатлѣнія; но отнесся къ дѣлу весело, здраво и просто. Онъ видно слишкомъ уменъ и добросовѣстенъ, чтобы вѣрить во всеобщее благоденственное и мирное житіе человѣчества, обѣщаемое намъ демократическимъ прогрессомъ...

Г. Соловьевъ, вѣроятно, думаетъ, что и горькое и отрадное, и смѣшное и трогательное, и благородное и низкое будутъ всегда необходимыми составными частями жизни земной, что безъ этого смѣшенія и сплетенія роковыхъ антитезъ и жизнь была бы не жизнь... Даже безъ смѣшнаго не хорошо; безъ него скучно.

Отчего же и не посмѣяться однимъ только „видимымъ смѣхомъ“ безъ всякихъ этихъ гоголевскихъ „невидимыхъ слезъ“. Довольно съ насъ желчи и оцта! Довольно! Можно и отдохнуть! Правда, печальна и постыдна стала въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наша гражданская жизнь за послѣдніе годы; но можетъ быть по этой-то самой причинѣ жизнь *личная* пріобрѣтаетъ въ иныя минуты особыя права. Можно и за Дубкова замужъ скорѣе выйти (пока соціалъ-демократы не подѣлили хо-

Библиотека "Руниверс"

рошаго имѣнія, дающаго ему цензъ); можно и намъ, зрителямъ и читателямъ, посмѣяться хоть часъ одинъ безъ обязательной злобы и безъ этой скорби, на которую претендуетъ теперь всякая дрянь.

Критикъ *Русской Правды* этимъ-то именно легкимъ отношеніемъ автора къ дѣлу и не доволенъ. Онъ говоритъ: „...Затрогивая подобные (?) вопросы, необходимо относиться къ нимъ крайне осторожно, съ полною серьезностью, то-есть совсѣмъ не такъ какъ поступилъ г. Соловьевъ.“ Это тоже не дурно. Да почему же это необходимо? Вы господа либералы и прогрессисты столько лѣтъ позволяете себѣ смѣяться надо всѣмъ тѣмъ, что̀ составляетъ несомнѣнную опору нашей гражданственности, надъ религіей, надъ властями, надъ людьми охранительнаго духа, а къ вашей „святынѣ прогресса“ никто не смѣетъ слегка отнестись? Выдумали что̀,—подумаешь!

И почему это еще критикъ *Русской Правды* такъ колко оговаривается, что не думаетъ подозрѣвать г. Соловьева въ „анти-прогрессивныхъ идеяхъ“? Развѣ „прогрессивныя идеи“ эти ваши для художника обязательны? Развѣ для поэта, для эстетика, для драматура или романиста постыдно не принадлежать исключительно ни къ какой партіи? Развѣ позорно для художника предпочитать, напримѣръ, такого мужика, который думаетъ что земля на трехъ китахъ стоитъ, петербургскому фельетонисту либеральнаго оттѣнка? Какой же позоръ? Скорѣй это *долгъ эстетика* или вообще художника понимать, что такой мужикъ выше, лучше, полезнѣе *и, главное, поэтичнѣе подобнаго фельетониста...*

Изъ двухъ небольшихъ піесъ, написанныхъ авторомъ безъ помощи г. Островскаго*), въ этой второй по времени появленія комедіи видимъ сверхъ того огромный шагъ впередъ противъ *Счастливаго Дня*. Въ піесѣ *На порогѣ* всего больше: и ума, и души, и содержанія. Жизнь меньше сочинена по готовымъ старымъ образцамъ, а больше понята самимъ художникомъ.

Видно, что быстрый и рѣзкій умъ автора съ каждымъ новымъ шагомъ въ литературѣ выучивается лучше *видѣть*; наблюдаетъ вѣрнѣе и самобытнѣе противу прежняго; нѣсколько меньше прежняго подчиняется *вчерашнимъ* чужимъ образцамъ и вкусамъ, носящимся въ воздухѣ; выучивается тому, что зовутъ Французы „по живому рѣзать“.

Я сказалъ, что *На порогѣ къ дѣлу* и похожа на жизнь, и не похожа не нее. Похожа она тѣмъ, что подобно жизни не тенденціозна, не обнаруживаетъ односторонней и ясной гражданской морали и производитъ совершенно противоположныя впечатлѣнія на разныхъ людей.

Не похожа она на жизнь, не реальна она потому, что подобно другимъ піесамъ г. Соловьева она еще не совсѣмъ доросла до жизни.

---

*) *Примѣч.* 1885. Или хоть съ меньшими „поправками“ его,... чтобы выразиться почтительно... *Авт.*

Библиотека "Руниверс"

Жизнь безконечно шире, разнообразнѣе, глубже, лучше (не въ смыслѣ благоденствія или добродѣтели, а въ смыслѣ содержательности) всѣхъ появившихся до сихъ поръ его піесъ...

Но у даровитаго человѣка прошедшее скоро становится давно прошедшимъ. Идеи, міровоззрѣніе, замыслы и вкусы зрѣютъ и мѣняются гораздо быстрѣе, чѣмъ поспѣваютъ созданія. Часто случается, что мы читаемъ романъ или смотримъ драму и думаемъ, что, судя произведеніе, мы судимъ самого автора. Но авторъ можетъ быть, пока писалось, поправлялось, печаталось и ставилось его произведеніе давно уже ушелъ далеко впередъ отъ собственнаго созданія и смотритъ давно уже на это созданіе какъ на одежду, сброшенную имъ потому, что она стала тѣснить его окрѣпшія мышцы.

Г. Соловьевъ владѣетъ главнымъ, я сказалъ, онъ владѣетъ формой, движеніемъ сценическимъ... Онъ сразу приковываетъ вниманіе: у него множество энергіи и чувства тамъ, гдѣ онъ хочетъ ихъ обнаружить.

Мнѣ даже кажется иногда, что онъ ошибается, считая себя болѣе комическимъ, чѣмъ собственно-драматическимъ писателемъ.

Я думаю, что еслибы онъ измѣнилъ родъ, то онъ достигъ бы несравненно бо́льшаго.

Теплыя мѣста, страстные порывы, добрыя чувства, печальные мотивы у него гораздо сильнѣе, непосредственнѣе, самороднѣе комическихъ выходокъ.

Комизмъ его смѣшитъ конечно, но онъ нѣсколько подержанный, не вполнѣ свой, а тотъ общій, чуть не обязательный комизмъ, котораго мы всѣ наслышались чрезъ мѣру со временъ Гоголя.

Но его патетическія мѣста, его романтическіе звуки исполнены не только правды, но и свѣжести.

Привычный нашей публикѣ родъ комизма быть-можетъ, впрочемъ, способствовалъ успѣху г. Соловьева и самыя горячія, лучшія мѣста его комедій могли даже выиграть отъ сосѣдства этого комизма.

Но не выгоднѣе ли попробовать себя на чемъ-нибудь болѣе новомъ и серіёзномъ?

Хорошо быть сыномъ времени; надо уступать хоть сколько-нибудь той интеллектуальной черни, которую зовемъ мы публикой. Выгодно шить въ морозное время простые, но ловко скроенные полушубки. Но разъ уже имѣя успѣхъ, разъ уже завоевавъ себѣ популярность, не лучше ли этотъ успѣхъ заставить служить призванію чѣмъ призваніе навсегда подчинить успѣху?

Успѣхъ самобытности не будетъ ли даже прочнѣе того успѣха, который дается постоянной угодливостью вчерашнимъ вкусамъ легкомысленной и забывчивой толпы?

Кому нравится талантъ г. Соловьева, какъ нравится онъ намъ, тотъ

Библиотека "Руниверс"

не можетъ не радоваться успѣху его; не можетъ даже не сочувствовать нѣкоторой практичности автора, который умѣетъ все дѣлать кстати, не доходя до грубаго „à propos“; умѣетъ, напримѣръ, не заботясь повидимому нисколько о педагогическихъ вопросахъ, заставить всѣхъ говорить и спорить о народномъ образованіи по поводу шутки, брошенной имъ на сцену между прочимъ...

Въ заключеніе надо бы намъ было сказать, что-нибудь и о *Дикаркѣ*, новѣйшемъ продуктѣ литературнаго сожительства, въ которомъ г. Соловьеву принадлежитъ роль женственная, страдательная, роль „земли“, почвы, Изиды, Данаи, а роль озаряющаго свыше солнца, роль могучаго Озириса, Юпитера, разсыпающагося надъ Данаей поспектакльною платой, по естественному праву досталась г. Островскому. Но объ этой *Дикаркѣ* мы можемъ сказать только весьма немногое.

Признаюсь прежде всего, мнѣ лично само названіе *Дикарка* вовсе не нравится. „Се левъ, а не собака“.

Во-вторыхъ, статья наша имѣетъ въ виду талантъ собственно г. Соловьева, а въ этой *Дикаркѣ* авторамъ удалось соединиться до того тѣсно, что „выщелушить“ г. Соловьева изъ г. Островскаго очень трудно.

Разумѣется я говорю это громко и, такъ сказать, у самой рампы; „въ сторону“ же театральнымъ шопотомъ можно было бы сказать иное...

Но и театральный шопотъ въ этомъ случаѣ неудобенъ. Относительно же самый піесы, какъ готоваго художественнаго явленія, надо сказать по справедливости, что въ ней единства и цѣльности больше чѣмъ можно было бы ожидать отъ комедіи, принадлежащей двумъ авторамъ. Въ *Бѣлугинѣ* склейки были замѣтнѣе. Я объ нихъ въ своемъ мѣстѣ говорилъ.

Въ *Дикаркѣ* все довольно кругло. На счетъ достоинства ея что сказать? Если сравнить эту комедію съ обычнымъ репертуаромъ нашимъ, то конечно она въ своемъ родѣ хороша. Но это вѣдь не особенно лестно, не правда ли?

Все въ этой комедіи какъ-то *некрасиво*, а главное, какъ-то ненужно... Все спрашиваешь себя: для чего и для кого это написано?...

Для того ли, чтобы веселить „утилитаристовъ“ торжествомъ „фабриканта“? Но они и безъ того уже давно веселятся и торжествуютъ. Для того ли, чтобы доказать, что пожилымъ и женатымъ людямъ за молодыми дѣвушками ухаживать нейдетъ; не слѣдуетъ тратить много денегъ заграницей; надо знать денежный курсъ; не надо неосторожно говорить о людяхъ, а то могутъ выйти сплетни и васъ могутъ оскорбить? Но доказывать это едва ли требовалось.

Когда я читалъ и смотрѣлъ эту комедію, мнѣ было какъ-то жаль этихъ русскихъ парковъ, этихъ луговъ и рощъ, всю эту столь свѣжую

Библиотека "Руниверс"

и милую сердцу нашему рамку, въ которую вставлена столь плачевная картина. Въ дѣйствительности среди этихъ рощъ и луговъ бываетъ что-то лучшее, или, вѣрнѣе, *лучше понятое*.

Если сравнивать эту комедію съ прежними произведеніями г. Островскаго, то мы найдемъ ее, разумѣется, плохою. Слава (и еще такая, вполнѣ заслуженная) имѣетъ свои невыгоды. Она пріучаетъ къ требовательности.

Пріятно было бы видѣть закатъ г. Островскаго, инымъ. Талантъ этотъ могъ бы бросать *инаго* рода, *иной* теплоты прощальные лучи...:

И все это относится къ г. Островскому, а о г. Соловьевѣ что тутъ сказать?

Отсутствіе свѣжей мысли, слабость чувства, столь надоѣвшія насмѣшки надъ „отсталостью", „эстетиками" и т. п.... все это заставляетъ думать, что участіе таланта, начинающаго и еще мало издержаннаго въ этой піесѣ, слабо.

Въ *Дикаркѣ* г. Островскій заслонилъ г. Соловьева... Въ *Дикаркѣ* все какъ-то *нагляднѣе*, выпуклѣе, чѣмъ въ трёхъ первыхъ піесахъ г. Соловьева; у г. Соловьева, я уже говорилъ, меньше картинности, чѣмъ чувства... Въ *Дикаркѣ* и утилитарная, *прогрессивная* тенденція до грубости ясна, этого именно и не было вовсе замѣтно въ прежнихъ піесахъ новаго драматурга. Тамъ особенно, гдѣ г. Соловьевъ былъ, повидимому, *чище отъ всякой примѣси*, въ комедіи *На порогѣ къ дѣлу*, менѣе всего была видна этого рода тенденція. Тутъ даже говорится „о трутняхъ". Что за казенщина прогресса!

Въ нѣкоторыхъ газетахъ упоминаютъ о томъ, будто бы первоначальная піеса, вся сочиненная г. Соловьевымъ, была съ трагическимъ концомъ. Ходятъ также частные слухи, что она вся была исполнена высокаго лиризма и необычайной свѣжести. *Направленіе же ея будто бы было совсѣмъ противоположное: романтическое, съ религіознымъ даже оттѣнкомъ, утилитарности Мальковыхъ почти враждебное.*

Но газеты говорятъ, что все это кабинетная тайна, извѣстная лишь немногимъ избраннымъ.

Правда ли это, или лживые слухи, рѣшать не беремся. Но по поводу подобныхъ слуховъ вотъ что можно сказать г. Соловьеву.

Хорошо г. Островскому давать *Дикарку*, когда онъ уже далъ намъ прежде *Грозу*, *Бѣдность не порокъ*, *Воспитанницу*, *Грѣхъ да бѣда*, *Бѣдную Невѣсту* и т. д.

Вынести можно изъ благодарности многое. Но вѣдь г. Соловьевъ вѣроятно и не претендуетъ ровнять ни *Женитьбы Бѣлугина*, ни свои два водевиля, *Счастливый День* и *На порогѣ*, съ такими замѣчательными, оригинальными произведеніями русской драматургіи каковы только что перечисленныя нами піесы г. Островскаго?

Къ заслуженному человѣку мы должны быть исполнены снисходи-

Библиотека "Руниверс"

тельнаго почтенія. Новобранецъ, слишкомъ легко сразу получившій Георгія, еще можетъ однимъ неловкимъ шагомъ испортить всю свою карьеру...

Г. Соловьевъ долженъ помнить это, если онъ смотритъ на свое дѣло не просто какъ на доходное ремесло, а какъ на призваніе.

Вотъ уже третій годъ какъ имя его стало извѣстно въ Россіи, а все-таки судить рѣшительно о его талантѣ нѣтъ никакой еще возможности.

Въ двухъ большихъ и серіозныхъ піесахъ онъ былъ *не одинъ*; въ двухъ небольшихъ онъ былъ еще мало содержателенъ.

Судить основательно мы будемъ тогда, когда освобожденный отъ всѣхъ чуждыхъ узъ и созрѣвшій въ міровоззрѣніи своемъ, талантъ этотъ явится во всей полнотѣ своихъ силъ.

Механизмомъ сценическимъ г. Соловьевъ владѣетъ очень хорошо (это видно по его маленькимъ піесамъ), извѣстность у него есть; ума много; нужно только побольше живой мысли, побольше глубины, *независимости* и *положительности* содержанія.

Наша строгость, наша придирчивая требовательность есть только признакъ уваженія и большихъ надеждъ,

Мы по отношенію къ таланту г. Соловьева, подобно Буровину, *тверды въ упованіи*. Вотъ почему мы строги.

Еще о «Дикаркѣ».

Гг. Соловьева и Островскаго.

(Варш. Дневникъ; 1880 г.).

I.

Лучше *очень* поздно чѣмъ никогда!...

Въ 18 № *Journal de St.-Petersbourg* есть статья, озаглавленная *Les Revues Russes* и подписанная французскими буквами L. V. Статья эта посвящена разбору декабрьской книжки *Русскаго Вѣстника*.

Въ ней, между прочимъ, судятъ меня довольно строго за мой отзывъ о Ник. Яковлевичѣ Соловьевѣ (авторѣ *Женитьбы Бѣлугина*).

Критикъ моей критики говоритъ, что я плохо скрылъ мое имя подъ начальными буквами К. Л. Это правда, но это не моя вина. Я желалъ бы *ничего* не скрывать, но бываютъ обстоятельства, которыя *вынуждаютъ* насъ поступать не совсѣмъ такъ, какъ хотимъ мы сами, а какъ придется.

Напримѣръ, 18 № *Journal de St.-Petersbourg* вышелъ 20 января, а я собрался отвѣтить только къ 8 марта. Раньше я не могъ. Я было совсѣмъ даже раздумалъ отвѣчать, но меня снова побудила къ этому

Библиотека "Руниверс"

прекрасная пародія на *Дикарку* въ *Стрекозѣ*. Пародія эта, очень остроумная, принадлежитъ г. Пропиратову; я ее перечелъ нѣсколько разъ и мнѣ опять захотѣлось отвѣтить г-ну L. V. Поздній отвѣтъ мой—столько же моя вина, сколько и то, что подъ статьей *Русскаго Вѣстника*, „Новый драматическій писатель" не выставлено мое имя сполна. Причина этому очень простая—*редакціонная*.

Въ этой же самой декабрьской книжкѣ долженъ былъ появиться конецъ моей біографіи оптинскаго іеромонаха Климента; мнѣ же, признаюсь, очень хотѣлось видѣть мою критику на г. Соловьева поскорѣе въ печати, и я боялся, что редакція найдетъ неприличнымъ, въ одной и той же книжкѣ, помѣстить двѣ статьи, подписанныя однимъ и тѣмъ же именемъ, и заранѣе просилъ подписать хоть одни *буквы*, только не откладывать.

Вотъ что случилось, и я очень радъ, что г. L. V. подалъ мнѣ поводъ назвать себя полнымъ именемъ. Да, *это я*, и этого еще мало. *Я настаивалъ* на публикаціи моей „свирѣпой" (по выраженію рецензента) критики, а вовсе не редакція г. Каткова „натравила" меня на г. Островскаго, какъ думаетъ г. L. V. Положимъ, я очень уважаю г. Каткова и считаю его незамѣнимымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для Россіи, и одно изъ лучшихъ правъ его на мое уваженіе,—это та ненависть, которую питаетъ къ нему „съумашедшій домъ петербургской печати" (смотри *Московскія Вѣдомости* въ старыхъ №№, по поводу дѣла Засуличъ).

Поэтому быть *подъ вліяніемъ* его редакціи я не счелъ бы за стыдъ, такъ какъ безъ вліянія никому не прожить. Но, къ сожалѣнію, я не совсѣмъ совпадаю во многихъ мнѣніяхъ и вкусахъ моихъ съ *центромъ* редакціонной тяжести.

Моя литературная жизнь, подобно блѣдной лунѣ, освѣщена коекакъ солнечнымъ сіяніемъ *Русскаго Вѣстника* только съ одной стороны; другая, именно та, которую я, по человѣческой слабости, считаю, можетъ быть, гораздо лучшею, погружена въ безъисходный мракъ.

Я не намѣренъ въ этомъ возраженіи занимать читателя слишкомъ много моей персоной, никому, повидимому, особенно не нужной; но мимоходомъ позволю себѣ бросить только самый легкій лучъ на ту „темную" часть моей души, которая никогда въ кругъ освѣщенія *Московскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Вѣстника* не попадала.

Я, напримѣръ, имѣю глупость считать *разрушительнымъ* весь смыслъ общеевропейскаго эмансипаціоннаго прогресса: восхищаться *машинами* не умѣю; Турки мнѣ нравятся; Гладстона я считаю ограниченнымъ человѣкомъ, который говоритъ все какія-то поверхностныя вещи; думаю, что лордъ Биконсфильдъ, въ *политическомъ отношеніи собственно*, очень полезенъ намъ, и т. п. Можетъ ли г. Катковъ, человѣкъ *минуты*, человѣкъ огромнаго *практическаго*, непосредственнаго вліянія

Библиотека "Руниверс"

печатать у себя подобныя странныя мнѣнія?. Конечно, нѣтъ, Онъ правъ; но и я остаюсь при своемъ...

Все сказанное мною вовсе *здѣсь не лишнее*. Я сейчасъ это докажу.

Если мнѣ *весь* нынѣшній „цивилизующій“ процессъ такъ противенъ, если мнѣ Турокъ нравится больше славянскаго либерала, если я Курда и Друза считаю въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе полезными для человѣчества, чѣмъ Вирхова или Эдиссона. (т.-е. для *моего человѣчества*, живущаго въ видѣ тѣней въ темномъ „Элизіумѣ моей души“) и т. д.,—то какъ же мнѣ можетъ не казаться *гадкой* вся постановка и весь внутренній смыслъ комедіи *Дикарка?* На что меня натравливать на нее?...

Съ одной стороны, я уважаю барство; съ другой, люблю наивность и даже грубость мужика. Графъ Вронскій или Онѣгинъ съ одной стороны, а солдатъ Каратаевъ и кто?... ну, хоть бирюкъ Тургенева, для меня лучше того „средняго“ мѣщанскаго типа, къ которому прогрессъ теперь сводитъ мало-по малу всѣхъ и сверху, и снизу, и маркиза, и пастуха.

Честный и трудолюбивый, на всѣхъ похожій, и ни во что кромѣ правоты всечеловѣчества невѣрующій *средній* человѣкъ, и при этомъ еще на все болѣе его изящное фыркающій,—вотъ идеалъ нынѣшняго европейца всѣхъ племенъ.

Мальковъ, которому гг. Соловьевъ и Островскій вручили свою Варвару это именно и есть такой *средній* европеецъ, сохранившій въ себѣ изо всего русскаго только извѣстнаго рода *напускную*, искусственную грубость. Что же тутъ можетъ нравиться человѣку, любящему прекрасное *въ самой жизни*, а не на одной только бумагѣ или въ скучныхъ концертахъ и на кладбищахъ музеевъ? И я не исключеніе какое-нибудь уродливое въ этомъ случаѣ. Всѣ истинные художники, всѣ поэты, всѣ мыслители, одаренные эстетическимъ чувствомъ, не любили этого *средняго человѣка*. Гёте въ Вильгельмѣ Мейстерѣ и Фаустѣ презиралъ его; Жоржъ Зандъ, во всѣхъ *лучшихъ* романахъ своихъ, ненавидѣла *чисто-утилитарныхъ* людей; интересны у нея *графы*, *мужики*, *живописцы*, или какіе-нибудь итальянскіе бродяги и разбойники. Самый несимпатичный изъ ея героевъ, это честный и даровитый адвокатъ *Симонъ*. Если въ поэмахъ Байрона мы не находимъ живыхъ примѣровъ для подтвержденія этихъ словъ, то это лишь отъ того, что Байронъ—великій поэтъ чувства, а не образовъ и типовъ: онъ игнорируетъ все подобное въ своихъ великихъ созданіяхъ. Но за то вся его жизнь есть бѣшеный и благородный протестъ противъ той *новоевропейской прозы*, которой зловѣщіе признаки онъ уже видѣлъ вездѣ въ передовыхъ тогдашнихъ обществахъ,—видѣлъ геніальными очами прозорливости. Онъ бѣжалъ изъ *цивилизованныхъ* странъ въ *запущенные тогда и одичалые сады* Италіи, Испаніи и Турціи.

Библиотека "Руниверс"

Тогда въ Турціи еще жилъ Али-Паша Янинскій, котораго свирѣпость была живописнѣе *сѣрой* свирѣпости французскихъ коммунаровъ; въ Италіи, въ то время, было еще восхитительное царство развалинъ и плюща, калабрійскихъ разбойниковъ, Мадоннъ и монаховъ. „Ограниченный“ сардинскій король не запиралъ еще Первосвященника Римскаго въ ватиканскую тюрьму и не обращалъ еще съ помощью людей *прогресса* всемірнаго города въ простую столицу неважнаго государства. Въ Испаніи боя быковъ еще не стыдились тогда. И даже, сражаясь за Грецію, великій человѣкъ не предвидѣлъ, что интересная Греція *„Корсара“ въ фустанеллѣ*—есть лишь плодъ азіатскаго давленія, спасительнаго для поэзіи, и что освобожденный отъ Турка корсаръ надѣнетъ дешевый сюртучишко и пойдетъ болтать всякій вздоръ на скамьяхъ аѳинской „говорильни“.

И еще примѣръ современный и поразительный: это графъ Л. Толстой въ „Аннѣ Карениной“.

Замѣтьте то отвращеніе разныхъ оттѣнковъ и степени, которое онъ такъ искусно и тонко обнаруживаетъ ко всѣмъ людямъ *средняго положенія*, появляющимся почти мимоходомъ, въ его геніальномъ произведеніи?... Художникъ, который пишетъ въ Италіи портретъ Анны и считаетъ всѣхъ графовъ и князей „скотами“..; другой художникъ, чахоточный, влюбленный въ Китти и даже на краю гроба вовсе не интересный... Земскій докторъ, который говоритъ глупости; Критскій, пріятель Николая Левина, соціалистъ и совсѣмъ уже болванъ...; грубый русскій кулакъ, который купилъ дешево рощу у Облонскаго и не *рѣшился* при дворянахъ *перекреститься на образъ, войдя въ комнату;* другой кулакъ-иностранецъ, который на сцену самъ не является, но на *пошлую роскошь* котораго такъ справедливо негодуетъ Левинъ, и т. д. Наконецъ, подобное чувство можно найти у многихъ историковъ и публицистовъ, не лишенныхъ чувства изящнаго, у Маколея, напримѣръ. У Д. Стюарта Милля цѣлая книга („Свобода“) посвящена той мысли, что *однообразіе людей убійственно для человѣческаго духа.* Въ этой книгѣ (какъ и вообще у Милля) много неосновательнаго и непослѣдовательнаго; но тамъ, гдѣ онъ такъ зло смѣется надъ ничтожными нынѣшними людьми, „носящимися съ какой-нибудь гуманитарной бездѣлушкой, имѣющей цѣлью сдѣлать всѣхъ людей схожими“, онъ великолѣпенъ и правъ.

Что касается до меня, то я позволяю себѣ объективировать вопросъ до нельзя и стараюсь иногда смотрѣть на „общества человѣческія“ съ *моей луны* такъ: откинемъ вопросъ *о страданіяхъ и несправедливостяхъ*; самъ Бёкль говоритъ про Адама Стита, что онъ поступалъ основательно, отбрасывая всю *нравственную* сторону человѣка, когда писалъ свою *книгу* о Политической Экономіи; онъ (говоритъ Бёкль), поступалъ *какъ математикъ*, который принимаетъ временно для своихъ цѣ-

Библиотека "Руниверс"

лей только *длину линіи*, игнорируя *ширину*, которую однако имѣетъ *всякая реальная линія*. Вотъ такъ и я, не брезгая даже и совѣтомъ Бёкля (не брезгая имъ вопреки его непонятному въ умномъ человѣкѣ поклоненію гражданскому равенству!) — беру только *пластическую* сторону исторіи, и даже на боль и страданія стараюсь смотрѣть только такъ, какъ на *музыкальныя* красоты, безъ которыхъ и картина исторіи была бы не полна и мертва.

И созерцая такъ жизнь человѣческую съ этой луны моей, я повторяю не помню чьи то слова: *„для развитія великихъ и сильныхъ характеровъ необходимы великія общественныя несправедливости*, т.-е. сословное давленіе, деспотизмъ, опасности, сильныя страсти, предразсудки, суевѣрія, фанатизмъ, и т. д., однимъ словомъ, все то, противъ чего борется XIX вѣкъ.

Я считаю это такой же научной истиной, какъ гарвеево кровообращеніе, какъ тяготѣніе Ньютона, какъ равенство прямыхъ угловъ?...

Все это прекрасно, мнѣ скажутъ, но гдѣ же тутъ „Дикарка“, гдѣ Соловьевъ и Островскій?...

И не кстати ли тутъ будетъ вспомнить слова Добролюбова, который сказалъ, что „прилагать шекспировскую мѣрку къ русскимъ авторамъ это то же, что прилагать высшую математику къ работѣ ученика, плохо рѣшившаго задачу“...

Нѣтъ, съ моей точки зрѣнія, это будетъ вовсе не кстати.

Г. L. V. говоритъ, что въ литературныхъ кругахъ слышно, будто я имѣю большое *вліяніе* на г. Соловьева... *Нѣтъ, это не правда.* Я имѣю на него очень мало вліянія, ибо еслибъ это отъ меня зависѣло, то „Дикарки“ этой никто бы не увидалъ на сценѣ.,.

Я твердо вѣрилъ въ талантъ и силу характера г. Соловьева. Онъ человѣкъ чрезвычайно умный, въ высшей степени энергическій и полный чувства... Основываясь *на нѣкоторыхъ признакахъ*, я надѣлся, что г. Соловьевъ можетъ стать для русской сцены почти тѣмъ, чѣмъ графъ Л. Толстой и г. Маркевичъ (особенно въ послѣднемъ великолѣпномъ произведеніи своемъ: „четверть вѣка тому назадъ“) стали для русскаго романа, т.-е. не то, чтобы реакціонеромъ, а почти что такъ... *напоминателемъ забытаго, но еще существующаго.*

И въ политикѣ, реакція отъ времени до времени необходима, чтобы дать обществу передохнуть, оглядѣться и одуматься. Положимъ, когда дѣло идетъ о политикѣ, то еще можно возразить, что дѣйствіе всякой реакціи, хоть и полезно, но не прочно, и что всякая реакція есть леченіе не радикальное, а лишь временная поддержка организма, *чѣмъ нибудь уже неисцѣлимо* разстроеннаго. Это въ дѣлѣ гражданскомъ, но въ искусствѣ? *Правда пониманія и правда изображенія* въ искусствѣ гораздо необходимѣе, чѣмъ такъ называемая *справедливость* въ государствѣ.

Библиотека "Руниверс"

Руководясь въ общественныхъ вопросахъ одной только *гуманитарной праведливостью* нельзя остановиться на полъ-пути и можно прійти очень легко къ той „justice“, о которой Прудонъ писалъ цѣлыя книги, доказывая, будто бы равенство совершеннагó общества должно быть таково, каково равенство дикихъ, почти ничѣмъ другъ отъ друга не отличающихся въ *своей пустотѣ*, и что даже умственное неравенство есть несправедливость, ибо при немъ то, что для одного *трудъ*, то для другаго будетъ *привиллегіей*. Вотъ къ чему ведетъ въ государственномъ дѣлѣ теорія безусловной *справедливости*.

Но теорія *правды* въ искусствѣ ведетъ къ другому: искренній художникъ любитъ (эстетически) даже и врага своего; т.-е. онъ не можетъ не *любоваться* на силу и красоту его даже и тогда, когда терпитъ отъ него оскорбленія. Убивая его, напримѣръ, онъ долженъ желать его хорошо изобразить. Искренній художникъ, правдивый, долженъ любить, напримѣръ, людей высшаго круга, несмотря на родъ собственнаго воспитанія и положенія.

Законы реальной природы таковы, что при извѣстныхъ условіяхъ рода, воспитанія, обстановки и средствъ—одинъ человѣкъ выходитъ изящнѣе или сильнѣе другаго... Художникъ тутъ ничѣмъ не виноватъ; онъ виноватъ только тогда, когда онъ этого *не видитъ* или когда *притворяется* изъ тенденціи.

Всѣ истинные поэты и ходожники *въ душѣ* любили дворянство, высшій свѣтъ, дворы, военное геройство и т. п.

Гоголя и Некрасова обвиняли за эти вкусы: перваго считали „отпѣтымъ“, а послѣдняго старались нѣкоторые почитатели оправдывать глупѣйшимъ образомъ, напр. хоть тѣмъ, что ему были люди высшаго круга *необходимы для защиты* въ случаѣ затрудненій и т. п. Дѣло же объясняется гораздо проще и выгоднѣе для этихъ писателей. Пока они были менѣе извѣстны, высшему кругу не было резона ихъ принимать; извѣстность дала имъ доступъ, а получивши доступъ, они, разумѣется, нашли, что высшее общество гораздо лучше, пріятнѣе, занимательнѣе, чѣмъ то, въ которомъ они дотолѣ вращались. Тутъ нѣтъ и тѣни низкопоклонства, а только признакъ *вкуса*.

Нельзя при этомъ не вспомнить и Бѣлинскаго. Этотъ человѣкъ былъ въ высшей степени *честный эстетикъ*. Онъ самъ былъ робокъ, бѣденъ, очень некрасивъ, „mauvais genre“; онъ сознавалъ все это и, вмѣстѣ съ тѣмъ, посмотрите какъ онъ восхищался и Печоринымъ, и *самимъ Лермонтовымъ*, какъ онъ защищалъ Онѣгина (т.-е. *человѣка*, а не поэму)!—Цѣлыя страницы въ его критикахъ посвящены развитію той мысли, что высшій кругъ лучше средняго и содержательнѣе, и изящнѣе его.

Вотъ такія-то надежды (или что-то въ этомъ родѣ) я возлагалъ на г. Соловьева; я видѣлъ въ немъ сильные залоги міросозерцанія поло-

Библиотека "Руниверс"

жительнаго и правдиваго. Я думалъ, что онъ будетъ *искать и находить* для нашей сцены пути новые, или по крайней мѣрѣ несправедливо забытые, вездѣ и во всѣхъ слояхъ общества, безъ пристрастій.

Да! Я желалъ имѣть на него вліяніе въ *этомъ смыслѣ;* я помогалъ его сближенію съ г. Островскимъ, не съ цѣлью подчинить его свѣжій талантъ избитой и *лукавой тенденціи*, но съ цѣлью чисто практической—открыть ему дорогу.

Я полагалъ, что онъ будетъ въ силахъ скоро отставить въ сторону *ту лѣстницу, по которой онъ взошелъ, ибо я нахожу, что благодарность тутъ вовсе не у мѣста...*

Но я ошибся... Явились какіе-то *Мальковы*, которыхъ, я знаю, г, Соловьевъ вовсе не любитъ, и т. д.

Я еще не кончилъ этого безконечнаго письма и во второй его половинѣ договорю то, чего не съумѣлъ здѣсь вмѣстить.

II.

Г-нъ L. V. очень вѣрно понялъ одно; это то, что статья моя въ *Русскомъ Вѣстникѣ* имѣла цѣлью расположить г. Соловьева къ измѣненію той *тенденціи*, или, выражаясь вѣжливѣе, того направленія, признаки котораго въ „Дикаркѣ" очень явны. Эта тенденція принадлежитъ вовсе не ему, а г. Островскому.

Ашметьевъ напримѣръ могъ бы, вѣроятно, (я говорю только *вѣроятно*) быть совсѣмъ инымъ, если бы искусная рука г. Островскаго не изуродовала бы его, не сдѣлала бы его какимъ-то мягкимъ, ничтожнымъ и любезнымъ старикомъ и не подчинила бы его молодому но топорному фабриканту Малькову. (Un homme honnète, utile et laborieux! восхитительно! что за изящный типъ; такой *русскій!* неправда ли?).

Я нападаю только на „Дикарку", а не на талантъ г. Островскаго *вообще*. Я, напротивъ того, самъ величайшій почитатель не г. Островскаго въ *его всецѣлости*, а такихъ высокихъ произведеній русскаго искусства, какъ *Гроза*, *Воспитанница*, *Грѣхъ да бѣда*, *Бѣдность не порокъ*, *Бѣдная невѣста* и т. д. Я помню живо, какъ я еще студентомъ наслаждался этими восхитительными созданіями. Я блаженствовалъ и дома надъ книгой, и въ театрѣ. Но, восхищаясь, я и юношей и теперь смотрѣлъ на нихъ не такъ, какъ смотрѣлъ Добролюбовъ *), а *такъ какъ* Аполлонъ Григорьевъ. Революціонеры наши (Писаревъ, Добролюбовъ и т. д.) вездѣ старались (и подобные имъ стараются до сихъ поръ) отыскать лишь темныя или смѣшныя стороны нашей жиз-

*) Не Писаревъ, а Добролюбовъ написалъ іезуитски умную статью *Темное царство*. Г. L. V. ошибся.

Библиотека "Руниверс"

ни. До статьи Добролюбова намъ всѣмъ, любившимъ тогда еще пьесы Островскаго, и въ голову не приходило, что авторъ *обличаетъ* все грубое и жесткое въ быту стараго купечества. Мы, любуясь въ театрѣ этими комедіями и читая ихъ, воображали, напротивъ, что г. Островскій изображаетъ съ любовью *русскую поэзію купеческаго быта*... Аполлонъ Григорьевъ былъ только выразителемъ этого *общественнаго чувства*. Аполлонъ Григорьевъ былъ славянофилъ особаго рода, онъ былъ, такъ сказать, славянофилъ *широкій, безнравственный*. Онъ говорилъ и старался доказать, что все *прекрасное въ книгѣ* (или вообще въ искусствѣ) и въ самой жизни хорошо, прекрасно; что этого *прекраснаго въ жизни самой* уничтожать не нужно, несмотря на страданія, которыя оно можетъ причинять, и т. д. Аполлону Григорьеву нравилась *сама жизнь*, изображенная въ комедіяхъ Островскаго, нравились *люди*, а не только *дѣйствующія лица*. И онъ не былъ исключеніемъ. Я вспоминаю, между прочимъ, объ одной очень молодой дѣвушкѣ петербургскаго средняго округа, которая, восхищаясь *жизнью*, изображенною въ *Грозѣ*, восклицала:—„Ахъ, зачѣмъ я росла въ Петербургѣ!... Если бы мнѣ раньше родиться, или гораздо позднѣе, когда *все это поймутъ*... Лучше страдать и погибнуть какъ погибла Катерина въ такомъ городкѣ, въ лѣсу, на берегу Волги, чѣмъ быть счастливой съ *какимъ-нибудь здѣшнимъ*!“

Всѣ подобные порывы молодаго романтизма, всѣ глубокія, оригинальныя и, вмѣстѣ, съ тѣмъ очень простыя въ правдивости своей мысли, и вкусы, подобные мыслямъ Аполлона Григорьева и вкусамъ этой молодой дѣвушки, были мало по малу подавлены, оттѣснены на самый задній планъ, забыты или осмѣяны. *Русскую поэзію* купеческаго быта все болѣе и болѣе переставали понимать, все болѣе и болѣе пріучались видѣть только темныя стороны этой жизни; кто-нибудь *напился*, *прибилъ* кого-*нибудь*, *стѣснилъ* волю другаго... Вотъ о чемъ привыкли безпокоиться какъ о существенномъ; тогда какъ можно и напиться, и прибить, и стѣснить другихъ, и все-таки быть при этомъ гораздо выше, занимательнѣе, изящнѣе и сильнѣе того кто не пьетъ, и не бьетъ, и не стѣсняетъ. Купцы Островскаго это вовсе не тѣ всепожирающіе *средніе люди*, которые такъ нравятся Прудону и о которыхъ я съ такой ненавистью говорилъ въ первой половинѣ моего письма; это не тѣ европейцы дурнаго тона и нестерпимыхъ претензій, которыхъ я не умѣю иначе назвать какъ *современными хамами*; купцы Островскаго вовсе не цивилизованные хамы, это богатые русскіе мужики. Цивилизованнаго въ общеевропейскомъ стилѣ хама истинный (т.-е. искренній хоть самъ съ собою) художникъ любить не можетъ. Впрочемъ, объяснимся:—Максимъ Максимовичъ Лермонтова не хамъ; César Birotteau, парфюмеръ Бальзака, тоже не хамъ; онъ ходитъ часто въ обѣднѣ, легитимистъ, любитъ Короля и Дворъ, раззоряется на

Библиотека "Руниверс"

балъ, *по поводу полученія Креста отъ любимаго Правительства* и при этомъ самый добрый и честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ... Это не хамъ... (а Мальковъ хамъ, и хамъ скверный, *недобрый*)... Скромные капитаны графа Льва Толстаго, *уважающіе* такъ простодушно *все высшее* тоже не хамы. Это люди милые, почтенные. Кстати замѣтимъ, что графъ Толстой очень скоро понялъ, что ограничиться одними Максимами Максимычами, Тушиными, Тимохиными невозможно, даже и съ государственной стороны, не только съ эстетической, — онъ понялъ, что ихъ нужно подчинить князьямъ Болконскимъ, князьямъ Серпуховскимъ, графамъ Вронскимъ и Долоховымъ. Даже простота князя Багратіона у него является простотой и *не скромной и не наглой*, а непоколебимой, серьезной солдатской и властительной простотой. Это опять другой оттѣнокъ, не *мальковскій*.

Положимъ, что теченіе вѣка таково, что все изящное, глубокое, выдающееся чѣмъ-нибудь, и наивное, и утонченное, и первобытное, и капризно-развитое, и блестящее, и дикое —одинаково *отходитъ*, — отступаетъ передъ твердымъ напоромъ этихъ *сѣрыхъ* среднихъ людей. Но зачѣмъ же обнаруживать по этому поводу холопскую радость?..-

Ученый желаетъ же сохранить лучшіе предметы научнаго изслѣдованія? А если сохранить ихъ уже нельзя, потому-что прогрессъ ихъ губитъ вопреки наукѣ (напр., нѣкоторыхъ животныхъ, птицъ, лѣса, первобытныя дикія оригинальныя племена, зданія древнія и т. д.), то ученый спѣшитъ описать ихъ съ любовью... „Прогрессъ" русской жизни потребовалъ уничтоженія дворянства, какъ сословія, но оно еще держится какъ *бытъ*; — если *права* помѣщиковъ были когда-то вредны и раздражали писателей, то теперь этихъ правъ уже нѣтъ, а *бытъ* ихъ, еще сохранившій нѣкоторыя прежнія черты, можетъ только радовать честнаго художника; и если онъ даже *демократъ* по убѣжденіямъ, то и тогда гражданская совѣсть его можетъ быть *теперь* покойна въ этомъ случаѣ; большинство дворянъ теперь для простолюдиновъ, по крайней мѣрѣ, не вреднѣе *капиталистовъ* вообще. А что они добрѣе и благороднѣе капиталистовъ *инаго рода*, то это скажутъ и сами мужики и даже... *соціалисты*... Что за *идеалъ* Мальковъ?... Можно, пожалуй, рекомендовать его въ мужья, для спокойствія дочери; онъ хорошо обдѣлываетъ *свои* дѣла. Но онъ противенъ, какъ предметъ *любви*, какъ идеалъ. И почему еще Вершинскій (т.-е. хватающій *верхи*) непремѣнно Петербургскій чиновникъ?... Отчего бы ему не быть *земскимъ дѣятелемъ*, *моднымъ* и все-таки быть *Вершинскимъ*, принесеннымъ въ жертву Малькову. И почему Ашметьевъ долженъ быть непремѣнно такъ пустъ, такъ слабъ, такъ мягокъ передъ женой, передъ Мальковымъ? И для чего нужно непремѣнно было г. Островскому прежде прежде всего подпустить *лакейскаго запаха* о томъ „какъ свищетъ баринъ"?... и т. д. Г. Островскій, точно также какъ и г. Тур-

Библиотека "Руниверс"

геневъ,—писатель хитрый. Они оба хитры въ томъ, что играли много въ двойную игру; здѣсь *поэзія дѣйствительности*, а тутъ придирка *прогрессивной тенденціи*; какая-нибудь задняя дверь, чтобы выскочить, если нужно, изъ этой поэзіи и оправдаться передъ вѣкомъ, гонителемъ всякой поэзіи и *барской и мужицкой* одинаково. Но разница въ томъ, что Тургеневъ, *самъ лично* человѣкъ въ высшей степени изящный, умѣлъ изображать людей изящныхъ, хотя и придавалъ имъ постоянно какія-то черты мягкости, слабости, малодушія, вовсе не всегда со всѣмъ прекраснымъ и благовоспитаннымъ солидарныя. А г. Островскій людей благовоспитанныхъ и изящныхъ изображать никогда не хотѣлъ, или вѣрнѣе—не могъ. И потому у него изъ патріархальной поэзіи русскаго быта, плѣнявшей Григорьева, всегда выглядываетъ какой-нибудь Вихоревъ, Бабаевъ и т. п., то-есть дворянинъ пошлый, безцвѣтный, плохой, немножко даже подлецъ. „И волки сыты и овцы цѣлы". И Ап. Григорьевъ восхищается, потому-что онъ Европу не любитъ, а дворяне Вихоревъ и Бабаевъ больше похожи на европейцевъ, чѣмъ симпатичные — Бородкинъ и Красновъ. И Добролюбовъ доволенъ, потому что онъ съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ обличить и русскую грубость *религіознаго* купца и болѣе смягченное ничтожество русскаго дворянина. Это ловко! Не разберешь сразу, что такое г. Островскій: славянофилъ или самый простой казенный демократъ. „Поэзія быта"—все это хорошо;—но надо угодить и *теченію* вѣка?... Поэтому являются честные Жадовы (безъ всякой поэзіи), молодые фабриканты, желающіе даже обобрать помѣщиковъ и обобрать не въ пользу народа, а просто въ *свою*. Это нынче правится... Это *трудъ*, *здравый смыслъ*, *здоровый взглядъ* на вещи. Въ „Грозѣ", восхищавшей и картиннымъ *бытомъ*, и романтическимъ чувствомъ даже молодыхъ дѣвушекъ, *на всякій случай* является честный механикъ, болѣе другихъ *по-нѣмецки* одѣтый, который обличаетъ (*на всякій случай*) весь этотъ картинный бытъ.

Вотъ что я называю лукавой тенденціей; вотъ чего бы я *не желалъ видѣть* въ пьесахъ г. Соловьева, хотя бы и потому только, что это все ужасно истаскано другими прежде его.

Ашметьевъ это слабый Тургеневскій герой, всѣмъ уступающій: Варѣ, женѣ, даже Малькову. Это слабый Тургеневскій герой, но еще въ добавокъ иначе освѣщенный, преломленный сквозь призму Малькова и двухъ лакеевъ... (см. начало комедіи).

Что можно совершенно иначе изображать подобныхъ людей или, лучше сказать, что есть еще и въ жизни люди, сходные съ Ашметьевымъ по вкусамъ и воспитанію, но производящіе совсѣмъ *иное впечатлѣніе*, этого и доказывать не стоитъ. И французская литература, и англійская, и даже наша свидѣтельствуютъ это. Зачѣмъ ходить далеко? Возьмемъ два лица изъ самыхъ послѣднихъ романовъ русскихъ:

Библиотека "Руниверс"

Облонскаго и князя Шастунова г. Маркевича. Облонскій безсовѣстный Донъ-Жуанъ, семьянинъ очень плохой, ни о чемъ почти не думаетъ, но онъ милъ, уменъ, обворожителенъ, искренно добръ; слуги, жена, пріятели, даже Левинъ, столь серьезный и строгій къ себѣ, нравственный Левинъ *предпочитаютъ* Облонскаго другимъ, всѣ рады его видѣть. Всѣмъ веселѣе и легче, когда онъ входитъ. Или князь Шастуновъ Маркевича; нелюдимъ, насмѣшливый, жесткій даже; обуреваемый почти преступной страстью къ молодой племянницѣ. И что же—онъ интересенъ не менѣе милыхъ юношей, изображенныхъ авторомъ такъ привлекательно, если не болѣе.

Вотъ это я называю міровоззрѣніемъ *правдивымъ*. Не долженъ зоологъ, (положимъ, при этомъ рисующій) увѣрять, что нѣтъ уже на свѣтѣ ни золотыхъ фазановъ, ни орловъ, ни пантеръ и красивыхъ полосатыхъ зебровъ, оттого, что онъ срисовать ихъ не умѣетъ, или считать ихъ неизящными и въ самомъ дѣлѣ не нужными потому только, что временныя заблужденія утилитаризма признали полезными для человѣчества только мирныхъ и грубоватыхъ скотовъ: лошадей, коровъ, ословъ, овецъ и свиней...

Какое же это искусство?...

Развѣ нельзя было вмѣсто этой „Дикарки“ придумать или, лучше сказать, извлечь изъ русской помѣщичьей жизни нашеге времени совсѣмъ что нибудь иное? Г. L. V. несмотря на строгія свои мнѣ выговоры, замѣтно расположенъ ко мнѣ. Онъ находитъ, что у меня есть *талантъ*. Вѣроятно, онъ говоритъ это о моихъ *греческихъ повѣстяхъ*, потому что самъ же называетъ меня въ критической дѣятельности новичкомъ. И такъ, если г. L. V. признаетъ за мной нѣкоторый даръ художественнаго творчества, то пусть онъ мнѣ позволитъ сочинить здѣсь проектъ драмы, которую можно было бы составить почти изъ тѣхъ же лицъ, или изъ тѣхъ же данныхъ, но вовсе иначе... Даже имена нѣкоторыя надо бы перемѣнить.—Напр., зачѣмъ это Ашметьевъ? Это напоминаетъ съ умысломъ какіе-то *отметки*. Измѣните хоть одну букву, скажите, Ахметьевъ и *вы услышите хорошую дворянскую фамилію татарскаго рода*.—Совсѣмъ не то. Потомъ, зачѣмъ непремѣнно этому Ахметьеву быть слабымъ и смѣшнымъ селадономъ?... Это не есть специфическій признакъ такихъ людей. Онъ можетъ быть и моложе, 40—45, или *даже* и 50 *лѣтъ*, какъ князь Ларіонъ Шастуновъ у г. Маркевича.—Онъ можетъ дѣйствительно любить всей душой жену свою, но все-таки скучать не отъ пустоты, а напротивъ отъ полноты душевной и умственной. Онъ можетъ даже и *дѣломъ* быть занятъ серьезнымъ, но въ сердцѣ предпочитать поэзію этому *дѣлу*. Онъ могъ бы быть, что называется, еще „молодцомъ“. За Варей совсѣмъ не нужно ему *ухаживать*. Это гадко. А могъ бы онъ и въ эти года

Библиотека "Руниверс"

увлечься чувствомъ невольно, шагъ за шагомъ, какъ бы покровительствуя ей „свысока“ и улыбаясь ея выходкамъ.

Варя, положимъ, мила, такъ какъ она есть, но она, правда, что подъ руководствомъ г. Островскаго вышла не натуральна.—Она могла бы быть гораздо умнѣе, острѣе, немного хитра, немного кокетка мѣстами; могла бы и читать, и знать слово *матеріалистъ*, оставаясь все таки *наивной* барышней;—*наивной*, *но совсѣмъ* иначе, правдоподобнѣе, сходнѣе съ жизнію. Многіе нападали на то, что Марья Петровна сближаетъ Варю съ мужемъ; говорили, будто бы это невозможно. Невозможнаго тутъ нѣтъ ничего; подобный случай можетъ быть рѣдкостью, но невозможнаго въ подобной попыткѣ человѣкъ, знающій женщинъ, не найдетъ ничего... Невозможность не въ попыткѣ и въ *примиреніи* съ результатами, если попытка удалась. Въ отчаяніи Марьи Петровны и могъ бы быть высокій трагизмъ положенія. Я все продолжаю сочинять: я представляю себѣ что-то очень живописное. Декораціи: рѣка, луга и рощи вдали; стога вновь скошеннаго сѣна; коверъ у стога и столъ для чая. Я вижу Варю, кончающую букетъ для Ахметьева. Я вижу крестьянъ въ цвѣтныхъ рубашкахъ съ косами. Я ввожу и смѣшное въ эту цвѣтущую, русскую картину. Старикъ Зуровъ сердится на крестьянъ. Что-то не такъ сдѣлали; и на дочь кстати. Приходятъ Ахметьевы, мужъ и жена. Онъ уже безъ ума отъ Вари, но серьезенъ, грустенъ, сдержанъ; Варя нетерпѣливо весела. Никакой *мерзости физіологическаго момента*... Это *тутъ* совсѣмъ нейдетъ. Довольно съ Вари и этой картины, и ума этаго человѣка, и его молодцоватаго вида, не смотря на года. Она сама не знаетъ чего хочетъ; не *по невинности мысли*, (деревенскія барышни и молодыя крестьянки *все* понимаютъ рано); но просто по неопытности ума и сердца. Она *ищетъ* душой.—Марья Петровна (*у меня*) увидала бы вдругъ, что мужъ *любитъ*; она поняла бы, что далеко сама завела дѣло. Она рѣшается отравиться. Но въ этомъ же дѣйствіи, я бы вывелъ на сцену юношу, очень молодаго, пожалуй только немножко хмураго волонтера-помѣщика, вернувшагося изъ Сербіи; въ русской безрукавкѣ, въ черногорской круглой шапочкѣ, уже раненаго *тамъ*; немножко даже недоученнаго, но вовсе не прогрессиста (есть, есть и такіе еще, слава Богу); красавца и лихаго; онъ умѣетъ водить хороводы, выучился пѣть Сербскія пѣсни. Варя *внимательно* глядитъ *на него*. Вотъ достойный соперникъ Ахметьеву! Вотъ кому можетъ и *долженъ* уступить Ахметьевъ, скрѣпя сердце и мучаясь, но съ умомъ и достоинствомъ... Я бы кончилъ драму ужасной сценой. Ахметьевъ выкатилъ бы на сцену, на креслѣ, *уснувшую на вѣки* Марью Петровну и, стоя передъ ней на колѣнахъ, старался бы съ отчаяніемъ ея разбудить. Въ комнатѣ было бы страшное смятеніе... Старая мать въ отчаяніи, сосѣди... Кричали бы:—Доктора! за докторомъ!...

Библиотека "Руниверс"

И вдругъ въ минуту ужасающаго безмолвія—на балконѣ, изъ сада раздалась бы русская веселая пѣсня и вошли бы Варя съ молодымъ красавцемъ женихомъ своимъ, нарядные, веселые, рука объ руку... и остановились бы...

Въ такой драмѣ было бы слышно и высокое присутствіе *религіозной мысли*. Наказаніе Божіе было бы несоразмѣрно (судя *почеловѣчески*) съ проступкомъ, но сообразно съ непостижимыми предначертаніями Высшаго Промысла...

И мало ли что еще можно было бы сдѣлать и сказать на этомъ пути! Да, если я любилъ *природный*, но еще невыработанный даръ г. Соловьева, если я на него надѣялся, если я вѣрилъ въ его силы, то могу ли я радоваться, когда вижу, что человѣка свѣжаго заражаютъ чѣмъ-то и портятъ его, можетъ быть, разъ навсегда? Зачѣмъ мнѣ ждать, чтобы редакція *Русскаго Вѣстника* «натравила» бы меня, если не на г. Островскаго вообще, то, по крайней мѣрѣ, на его вредное вліяніе... Собственныя послѣднія пьесы г. Островскаго, напр., *Сердце не камень* гораздо лучше *Дикарки*. Духъ комедіи *Сердце не камень* не новъ, но очень свѣжъ. Зачѣмъ же, хотя бы и нечаянно портить вещи начинающаго человѣка, который, предоставленный самъ себѣ, быть можетъ вышелъ бы на вовсе новые пути?...

У меня есть еще свидѣтельство г. Буренина, который тоже говоритъ, что въ *Дикаркѣ* ничего нѣтъ хорошаго. И ему Мальковъ не очень нравится... Я очень дорожу мнѣніемъ г. Буренина: во-первыхъ потому, что взгляды наши съ нимъ на жизнь, кажется, совершенно противоположные, а во-вторыхъ потому, что онъ только одинъ изъ всѣхъ критиковъ и былъ всегда довольно строгъ къ г. Соловьеву, какъ и слѣдуетъ быть строгимъ къ тому, отъ кого имѣешь право многаго ждать. Конечно и теперь еще можно надѣяться, что г. Соловьевъ станетъ, наконецъ, на *свои* ноги. Но, надо спѣшить. Г. Соловьевъ вовсе годами не такъ молодъ; ars longua, vita brevis. Это разъ, а къ тому же развитіе таланта есть тоже своего рода органическое развитіе. Есть впечатлѣнія неизгладимыя и очень вредныя.

„Въ сорочкѣ родилась".

повѣсть г-жи А. Коваленской (*Русская Мысль*, февраль).

(*Варш. Дневн. 1880 г.*).

Въ небольшой повѣсти этой передается разсказъ столѣтней крестьянки объ ея прежней жизни.

Въ повѣсти нѣтъ никакихъ особенныхъ, художественныхъ достоинствъ; — можно даже сказать, что она полна литературныхъ недостатковъ.

Библиотека "Руниверс"

За то основная мысль разсказа, хотя и вовсе не новая, однако, принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ и поучительныхъ мыслей, которыя надо во всѣхъ формахъ и безпрестанно проповѣдывать нашему разлагающемуся и влюбленному въ прогресъ обществу.—Повѣсть г-жи Коваленской есть та проповѣдь *смиренія* передъ Богомъ *и примиренія* съ горестями и утратами жизни, за которую брались уже болѣе или менѣе удачно многія знаменитости русской литературы: гжа Кохановкая въ произведеніяхъ своихъ *Въ гостяхъ послѣ обѣда* и *Кирило Петровъ;* г. Тургеневъ въ повѣсти *Постоялый Дворъ* и въ маленькомъ очеркѣ *Живыя мощи*; графъ Левъ Толстой въ изображеніи солдата Каратаева. Тютчевъ воспѣвалъ это „смиреніе русскаго народа" въ изящнынъ искреннихъ стихахъ. — Конечно, у всѣхъ этихъ писателей была своя точка зрѣнія, былъ свой оттѣнокъ въ этихъ однородныхъ изображеніяхъ. —Напр. въ „Постояломъ дворѣ" г-на Тургенева—видно не столько желаніе выхвалять религіозное міровоззрѣніе пострадавшаго крестьянина, сколько намѣреніе нанести ударъ злоупотребленіямъ крѣпостнаго права; тогда какъ у г-жи Кохановской господствуетъ совершенно другая идея: не либеральная, не эмансипаціонная, не утилитарная, какъ у Тургенева, но идея *христіанскаго пессимизма*, благодаря которой весь естественный и никогда, разумѣется, неисправимый трагизмъ нашей земной жизни представляется и оправданнымъ, и сноснымъ... Страданія, утраты, разочарованія несправедливости *должны быть*; они даже полезны намъ для покаянія нашего и для спасенія нашей души за гробомъ.— И сверхъ того, окрѣпнувши въ страданіяхъ и принужденіи съ раннихъ лѣтъ,—душа наша не только не лишается возможности чувствовать земныя и скороперехода́щія радости, но, напротивъ того, она за малѣйшую радость готова при *такомъ* пессимистическомъ міровоззрѣніи благодарить за нихъ Бога.—Напротивъ того, безвѣріе, маловѣріе или самоувѣренное удаленіе отъ строгости церковнаго ученія располагаютъ насъ не только къ временному и преходящему озлобленію, но и къ *постоянному* протесту, къ надменному недовольству господствующимъ порядкомъ общественной жизни, къ озлобленію принципіальному и къ досадѣ на ближнихъ.

Безвѣріе и упорная погоня за счастіемъ земнымъ, за *правами* (счастія все-таки не дающими) вмѣсто того, чтобы облегчить и утѣшить насъ рано или поздно,—дѣлаютъ насъ ненасытными, завистливыми и даже ничтожными. Вотъ та вполнѣ христіанская мысль, которую выносишь изъ чтенія тѣхъ повѣстей г-жи Кохановской, о которыхъ мы упомянули выше.

Разсказъ г-жи Коваленской очень напоминаетъ эти повѣсти не только по основной мысли, но и по нѣкоторымъ пріемамъ.—Разница та, что въ повѣстяхъ Кохановской языкъ, чрезвычайно оригиналенъ и увлекателенъ своимъ, иногда даже неправильнымъ, неудержимымъ

Библиотека "Руниверс"

паѳосомъ; здѣсь же этаго нѣтъ, а есть только та наглядность и *чрезмѣрная изобразительность*, которую, какъ намъ кажется, очень трудно встрѣтить въ дѣйствительныхъ разсказахъ простолюдиновъ. Ихъ разсказы обыкновенно гораздо поверхностнѣе и не такъ живописны, не такъ *до тла* изобразительны, какъ рѣчи старой богомолки въ занимающей васъ повѣсти.—Эта нѣкоторая блѣдность и даже неточность простонародныхъ разсказовъ, блѣдность и неточность, прерываемыя обыкновенно внезапными чертами рѣдкой яркости и поразительной глубины, и составляютъ всю художественную прелесть ихъ. Таковы и пѣсни *дѣйствительно* простонародныя; у г-жи Кохановской—восторженный и яркій паѳосъ принадлежитъ большей частію *ей самой*; къ тому же у нея чаще дѣйствуютъ дворяне стараго времени, чѣмъ простолюдины; это также много значитъ; у г-жи Коваленской этотъ паѳосъ и эта яркость приданы разсказу простой старухи. Сама же г-жа Коваленская, говоря отъ себя, къ сожалѣнію, придерживается не много—не то, чтобы грубой (въ настоящей грубости есть сила), а той юмористической и безтактной стилистики, которой страдаетъ большинство даже и весьма хорошихъ нашихъ писателей... „Дождь льетъ съ упорствомъ и послѣдовательностью, достойной лучшей цѣли“,—„отовсюду слышался *неугомонный* ликующій звонъ“... „*Кислое* настроеніе исчезало“... *Юркость*... *Баушка* непремѣнно вмѣсто *бабушка*; въ родѣ *ваше скородіе*, и т. д.

Отдѣльно взятыя эти слова—*ничего*, но хотѣлось бы хоть у *женщинъ* русскихъ встрѣтить въ языкѣ по больше женственности, и по меньше какой-то выдохшейся и изношенной *по фельетонамъ гоголевщины*. Вотъ, что по моему—неправильно.

Но я прошу прощенія у автора за это придирчивое замѣчаніе. Я виноватъ и не долженъ былъ бы объ этомъ упоминать въ виду—*вѣрности* фактовъ и высокаго духа, оживляющаго разбираемый разсказъ.

Къ автору, лѣтомъ, въ деревнѣ, ходятъ лечиться домашними средствами крестьяне, особенно женщины. Однажды зашла старуха-богомолка съ 12-лѣтней внучкой. „Оказалось, что посѣтительницы мои (говоритъ Г-жа Коваленская) прошли въ это утро уже болѣе 20 верстъ, и по дорогѣ дѣвочка стерла себѣ ногу... Употребивъ, что слѣдовало, я думала, что консультація кончилась, но тутъ-то она и началась“...

Усталая дѣвочка заснула на крыльцѣ; старуха рѣшилась дать отдохнуть внучкѣ, сѣла и слово за словомъ, разсказала автору всю свою жизнь.—Сама она не знала, сколько ей лѣтъ, забыла, но по расчету событій можно было сообразить, что ей лѣтъ сто.—*Внучку ея Кузьки было около двухъ лѣтъ*, во время нашествія Французовъ на Москву.—Старуха все это хорошо помнила.

У родителей въ домѣ ей было хорошо; они ее любили; потомъ понравился ей одинъ Ванюшка.—И она понравилась ему.—У нихъ были

Библиотека "Руниверс"

объясненія.—Но вотъ первое *несчастіе*: Ивана отдали въ солдаты; а за нее посватался другой молодой крестьянинъ, собой красивый и добрый.—Она не хотѣла;—грубила отцу и матери, упрямилась, блажила всячески, ,такъ что отецъ принужденъ былъ ее и *за косу разъ изъ сѣней вытащить*. — Обвѣнчали ее съ „постылымъ"; она начала еще больше блажить; пряталась отъ него, ночью черезъ сугробы домой къ отцу убѣжала и начала просить его, чтобы онъ спряталъ ее у себя отъ молодаго мужа. Отецъ взялъ хворостину и началъ ее бить, уговаривая вернуться къ мужу.—Тутъ же за ней пріѣхала свекровь; свалила въ сани, повезла домой и всю дорогу тоже била...

„Привезла меня тогда домой (разсказываетъ старуха); отъ побоевъ у меня все тѣло посинѣло, и какъ увидѣлъ меня въ сѣняхъ мужъ растрепанную, избитую, взялъ онъ меня за руку, потащилъ въ свѣтелку, гдѣ мы жили съ нимъ; я прижалась въ уголъ и какъ звѣрь на него гляжу,—убить готова. Постоялъ онъ, посмотрѣлъ на меня таково жалостливо, махнулъ рукою, сѣлъ на лавку и заплакалъ словно дитя малое. Не понимала я тогда, не чуяла великаго смиренія его и смотрѣла все равно, какъ на гадину какую. Чтобы онъ ни сдѣлалъ, все мнѣ противно; глядѣла я на его лицо, глазъ не могу оторвать, и гадко мнѣ, и страшно, и такое ужъ зло беретъ! Пошло съ этого дня мое житье хуже прежняго. Свекровь проходу не даетъ, и ругаетъ, и колотитъ, а мужъ день ото дня ласковѣе, и что ласковѣе, то противнѣе. Вѣдь вотъ какъ человѣкъ ожесточиться можетъ! *Не открывалъ мнѣ Господь разума*, и блажила я страсть какъ, не понимая того, что Господь мнѣ послалъ человѣка добраго, и душа у него была праведная. Видала я, какъ другіе-то живутъ: мужья пьянствуютъ, женъ колотятъ, все изъ дому тащатъ; а мой-то смиренникъ, никто отъ него слова дурнаго не слыхалъ. И стала я думать, несмысленная, что легче бы мнѣ, кабы онъ, какъ другіе мужики, колотилъ бы меня, а не бабой ревѣлъ, на меня, непокорную, глядючи. И все въ этихъ мысляхъ злыхъ, да неприглядныхъ шло время".

Капризы, упрямство, ожесточеніе и воспоминаніе о любимомъ Иванѣ довели наконецъ молодую женщину чуть-чуть не до самоубійства. Она бросилась въ какомъ-то полузабытьи съ высокаго дерева и переломила себѣ ногу. Долго лежала она больная; мужъ за ней ходилъ; „извелся" съ горя. Она стала смягчаться понемногу сердцемъ и выздоравливать. Наконецъ (замѣтимъ точно также какъ и у г-жи Кохановской, въ повѣсти. „Въ гостяхъ послѣ обѣда")—одинъ неожиданный случай помирилъ и сблизилъ супруговъ навсегда. За выздоравливающей вздумалъ приволокнуться купецъ-коробочникъ Онъ началъ ее уговаривать и прельщать подарками. Наконецъ взялъ ее за руку, она закричала; вбѣжалъ мужъ, схватилъ топоръ и, едва-едва воздержавшись отъ убійства, прогналъ купца. Тутъ молодая женщина увидала, сколь-

Библиотека "Руниверс"

ко энергіи можетъ обнаружить ея кроткій мужъ. Видъ этого топора, занесеннаго надъ головой обольстителя руками такого человѣка, который, глядя на ея причуды и упрямство, умѣлъ до тѣхъ поръ только молчать и „плакать, какъ баба",—произвелъ на душу ея *по природѣ*, должно быть, весьма своенравную и страстную, такое сильное впечатлѣніе, что она начала сама тотчасъ, *въ первый разъ* со времени свадьбы, обнимать и ласкать мужа.. и полюбила его. Съ тѣхъ поръ они стали жить согласно и сама свекровь перемѣнилась къ ней. Стала добра.

(Замѣтимъ здѣсь кстати одну черту въ литературной дѣятельности нашихъ „либераловъ„. У нихъ непремѣнно *„мужъ привередникъ—и „свекровь" въ три погибели гнетъ"*. А надо тоже вообразить себѣ то справедливое негодованіе, которое можетъ овладѣть матерью, когда она видитъ, что невѣстка (вѣроятно и съ молоду очень бойкая и энергическая) „брезгаетъ ея кроткимъ сыномъ"! Есть нѣчто *пристрастно нечистое*, говорю я, въ этомъ постоянномъ заступничествѣ нашемъ за *молодыхъ*, когда ихъ „ругаютъ и бьютъ", и нѣчто безжалостное въ забвеніи *правъ* усталой и раздражительной старости. Напротивъ того, къ пожилымъ нужно относиться какъ можно снисходительнѣе. А молодыхъ, красивыхъ, и энергическихъ людей, полезно для ихъ собственнаго будущаго держать строго.) Г-жа Коваленская, видимо безпристрастнѣе многихъ.

И такъ, въ семьѣ все утихло и примирилось. Кажется все хорошо, но „бѣда не за горами, а тутъ за плечами".—Нашло какое-то повѣтріе... Счастливая теперь супруга и мать *въ одну недѣлю похоронила всѣхъ троихъ своихъ дѣтей*.

Опять отчаяніе, ропотъ, озлобленіе; ни сочувствіе мужа, ни утѣшенія и угрозы доброй матери (которая за нее еще дома противу отца всегда заступалась), ни примѣръ другихъ „покорныхъ" женщинъ, тоже потерявшихъ дѣтей во время повѣтрія, ничто не могло успокоить нестерпимую тоску этой повидимому очень страстной души. *Успокоило только богомолье*. Она пошла къ Святымъ Мѣстамъ и просила себѣ у Божьей Матери ребенка. Возвратившись, черезъ годъ родила дѣвочку Алену и стала опять весела.—Выростили они ее съ мужемъ;—„ни въ чемъ ей не перечили: она сама себѣ жениха выглядѣла". Выдали Алену за него замужъ. И у нея пошли дѣтки, но вскорѣ молодаго зятя точно также, какъ прежде Ванюшу (въ котораго разсказчица была когда-то влюблена), взяли въ солдаты; по *тогдашнему* разумѣется, на 25 лѣтъ,—*навсегда почти*! Незадолго до этого и добрый мужъ умеръ.

И остались мы, двѣ бабы безпомощныя, горе горевать съ дѣтьми малыми.—*Завалилась изба; забѣдняла семья; корову продали.—Стала чахнуть моя Аленушка, а бѣдность покоя не даетъ; ребята кричатъ голодные, все прахомъ пошло.—она хворая, а я старая*". Зоветъ Алена

Библиотека "Руниверс"

мать ночью;—посылаетъ ее на прудъ *постирать чулки „потому, помираю“*.

Пошла мать, вымыла чулки, вернулась, а дочь говоритъ:—„Ну, повѣсь чулки посушить, да и зажги свѣчу передъ образомъ; я сейчасъ отойду“.

Алена умерла въ эту ночь, завѣщая матери не убиваться и не роптать, а радоваться, когда христіанская душа отходитъ „въ райскія обители“.

И старуха на этотъ разъ перенесла уже горе спокойнѣе; скоро утѣшилась.—И съ тѣхъ поръ еще много *внучатъ перехоронила*, и всякій разъ радовалась, что *безгрѣшная младенческая душа* уходитъ къ матери.

„А вотъ меня, старую грѣшницу (говоритъ въ заключеніе столѣтняя разскащица) земля не беретъ, потому неправедная я на свѣтѣ жила, не покорствовала волѣ Божіей; *ужъ истинно, въ сорочкѣ родилась; а все сердце мое рвалось, не покорялась я*“...

Вотъ и все. Или нѣтъ,—надо еще привести здѣсь заключеніе маленькой повѣсти.

Дѣвочка проснулась и закричала, что солнце ужъ „вона гдѣ“; пора въ путь.

Бабушка встаетъ поспѣшно; она выпрямляется во весь свой высокій ростъ, бодрымъ движеніемъ вскидываетъ себѣ котомку на плечо и, услыхавши отъ внучки, что она голодна, совершенно неожиданно вдругъ подходитъ къ автору и произноситъ (*какимъ-то страннымъ напѣвомъ*, говоритъ авторъ, а я бы сказалъ: *обрядовымъ*, *бытовымъ* напѣвомъ, т.-е. такимъ, въ которомъ нѣтъ личныхъ *претензій* растрогать сердце)—произноситъ:

— Подайте *ради Христа Спасителя* на пропитаніе; идемъ на богомолье, Христовымъ именемъ пропитываемся.

Это *ради Христа* очень важно.—„Дайте не потому,, что *я заслуживаю состраданія* и не потому, *что вы добры и великодушны*“. Это все *личная гордость*; дайте потому, что *Христосъ велѣлъ давать просящимъ*. Я не стóю, и вы можетъ быть не чувствуете желанія дать; это нельзя *чувствовать* насильно, но дайте *по принужденію воли*; такъ Христосъ велѣлъ! *Принудительная* милостыня всегда въ нашихъ рукахъ, а добродушная, порывистая есть *есть даръ Божій*, *благодать*, особое *счастливое* и *пріятное* настроеніе, не всякому и *не всегда* свойственное. Вотъ, гдѣ величіе и значеніе этихъ *обрядовыхъ* словъ „*Христа* ради“, а не ради меня и не ради *вашего добраго порыва*.

Авторъ полюбопытствовалъ узнать, что у странницы въ котомкѣ.

— А все смертное: и башмаки, и рубашка, и саванъ на смерть,—совершенно равнодушно произнесла старуха.

Библиотека "Руниверс"

„Она приподняла тряпицу, которою былъ обвязанъ берестовый коробокъ, и тамъ, не безъ нѣкотораго содраганія, увидѣла я, дѣйствительно, всѣ эти предметы тщательно сложенные, и даже саванъ, то-есть, кусокъ бѣлаго полотна, тщательно обшитый по всѣмъ сторонамъ чѣмъ-то въ родѣ узкой полоски вязанныхъ кружевъ.

— Сама сшила,—замѣтила съ нѣкоторымъ самодовольствомъ старуха; — ишь, говоришь, слѣпая я, какой слѣпая, вонъ какъ разукрасила!

Дѣвочка тоже съ видимымъ удовольсвтіемъ разглядывала бабушкинъ саванъ, укладывая его обратно въ котомку.

— Она у меня все знаетъ, дѣвочка вострая; — помретъ бабушка. она сейчасъ разодѣнетъ. Разодѣнешь, Грунюшка?

— Я тебя прежде вымою; я видѣла, какъ покойниковъ моютъ,—довольная своимъ знаніемъ произнесла Грунюшка!

— Ну, что за дѣвка-козырь! — воскликнула восхищенная бабушка!

Такова эта столѣтняя русская женщина! Она ходитъ пѣшкомъ по далекимъ богомольямъ; она *не стыдится* просить милостыни; она развлекается разговоромъ о томъ, какъ внучка ее хоронить будетъ. Она восхищается цвѣтами, смѣется, шутитъ, украшаетъ себѣ грудь большимъ піономъ, сорваннымъ въ цвѣтникѣ автора, она даже *шалитъ* иногда,—„балуется“.

Въ началѣ повѣсти, она все брызгала на внучку дождевой водой съ вѣтки и такъ наскучила ей, что дѣвочка начала кричать: „бабушка, не балуй! Чего баловаться-то“!

Эта женщина перенесла всѣ или почти всѣ огорченія и принужденія, которыя только можетъ перенести человѣкъ въ теченіе долгой трудовой жизни. Неудачу первой любви, брачную жизнь съ „немилымъ сердцу“ человѣкомъ, тяжелую сельскую работу, побои и оскорбленія отъ свекрови и роднаго отца, смерть мужа *именно тогда*, когда онъ ей сталъ дорогъ, потерю столькихъ дѣтей и внучатъ! И она говоритъ, но что *она родилась въ сорочкѣ*, то-есть, что ей дано было судьбою очень многое; но сама-то она была *грѣшница*, неблагодарная, непокорная, и т. д.

Какая сила! Какъ весело даже слышать про такихъ людей, а не то, чтобы видѣть ихъ!...

Мнѣ скажутъ: „все это очень хорошо и правда, но не особенно ново; все это мы читали и слышали прежде сто разъ“.

Да, но кто *пожилъ* на свѣтѣ и знаетъ, до чего люди вообще не помнятъ того именно, что имъ нужно помнить, не понимаютъ того, что имъ нужно понимать, не знаютъ того, что имъ необходимо знать, — тотъ не перестанетъ проповѣдывать истину *христіанскаго пессимизма* именно въ такое время, когда большинство все шумитъ и шумитъ о *какомъ-то всеспасительномъ прогрессѣ, о блаженствѣ*, доставляемомъ

Библиотека "Руниверс"

телефонами, микрофонами, съѣздами археологовъ или, что еще гораздо хуже, тѣми сборищами свободолюбивыхъ и ограниченныхъ мѣщанъ, которые зовутся *національными* (!!?) собраніями, палатами депутатовъ и даже славянскими „скупштинами", въ которыхъ никакая сила ума человѣческаго не можетъ отыскать хоть что-нибудь *свое славянское*— кромѣ одного языка, передающаго кой-какъ, для гражданскаго развращенія „меньшей братіи", вчерашніе зады европейской болтовни и европейскаго отупѣнія!...

Небольшой разсказъ этотъ: „Въ сорочкѣ родилась", видимо правдивъ по фактамъ и внушаетъ полное къ себѣ довѣріе, несмотря на нѣкоторыя заученныя внѣшнія прикрасы въ лже-народномъ духѣ, которыми г-жа Ковалевская платитъ, можетъ быть и нечаянно, дань извѣстнаго рода современной стилистикѣ.

Эту повѣсть „смиренія", этотъ очеркъ „положительнаго" духа очень пріятно встрѣтить именно въ такомъ журналѣ, который нѣсколько противорѣчитъ самъ себѣ, съ одной стороны, желая для Россіи и славянъ чего-то своеобразнаго, а съ другой, мирясь съ европейсими понятіями о „личности", о ея лжеразвитіи и ростѣ...

Раззоренное гнѣздо.

Разсказъ для дѣтей А. Сливицкаго.

Моск. Вѣд. 1882 г.

„У насъ очень мало хорошихъ дѣтскихъ книгъ! Мы должны прибѣ-„гать безпрестанно къ переводамъ".

Такъ говорятъ многіе. Это неутѣшительно, но справедливо.

Поэтому-то мы обязаны всегда съ радостью и благодарностью привѣтствовать всякій проблескъ русскаго ума и творчества въ этомъ направленіи. Что можетъ быть важнѣе первыхъ впечатлѣній дѣтства! Образы и чувства, возбужденныя этими образами въ душѣ еще дѣвственной, сопровождаютъ человѣка до могилы и нерѣдко съ необычайною живучестью отстаиваютъ себя отъ напора позднѣйшихъ впечатлѣній: отъ озлобленія и сухости; отъ развращающихъ примѣровъ пустоты и низости; ото лжи „современныхъ" фразъ; отъ тенденціозныхъ или глупыхъ выводовъ *нынѣшней* науки. Къ числу пособій наиболѣе выгодныхъ для этой цѣли—занять благотворно дѣтскій умъ—конечно принадлежатъ изображенныя съ талантомъ сцены изъ жизни животныхъ, особенно съ легкимъ оттѣнкомъ *человѣкоподобія* или *антропо-психизма*, если можно такъ выразиться, т.-е. тѣ сцены, въ которыхъ авторъ заставляетъ своихъ безсловесныхъ героевъ думать и будто бы говорить полюдски. Это не значитъ *низводить* человѣка до скотовъ, подобно

Библиотека "Руниверс"

тому, какъ желали бы дѣлать иные ученые и педагоги во имя искаженнаго раціонализма; это, напротивъ того, значитъ *возвышать* художественно животныхъ до нѣкоторой человѣчности и этимъ самымъ симпатичнымъ, вѣчно новымъ пріемомъ сильнѣе потрясать сердца молодыхъ читателей.

Къ такимъ произведеніямъ принадлежитъ и разбираемая нами книга г. Сливицкаго.

Раззоренное гнѣздо ни что иное, какъ исторія молодаго медвѣдя, попавшаго въ руки къ добрымъ людямъ. Это не рядъ отрывочныхъ сценъ, это стройная повѣсть или, еще вѣрнѣе сказать, цѣлая художественная біографія Миши Топтыгина со дня рожденія его и веселой дѣтской жизни въ берлогѣ у любящей матери до глубокой, безпомощной дряхлости и одинокой смерти въ глубинѣ дремучаго лѣса.

Повѣсть начинается именно съ того, „какъ Миша вмѣстѣ съ сестрицей родились такими маленькими, что ихъ обоихъ можно было уложить въ шапку. Они были слѣпы и не знали гдѣ лежатъ и кто около нихъ находится. А съ ними была мать: она лизала своихъ дѣтокъ и уютно укладывала ихъ около себя, чтобы согрѣть бѣдняжекъ своимъ тѣломъ. Малютки точно озябли: на дворѣ стоялъ мартъ въ началѣ; зима едва кончилась, и повсюду бѣлѣлъ еще снѣгъ“.

Дѣйствіе происходитъ сначала въ Пермской губерніи и въ лѣсахъ Уральскихъ горъ. Отца своего дѣти-Топтыгины не знали. „Онъ любилъ уединенную жизнь“. Имѣлъ „особую берлогу, въ которой дремалъ одиноко и только весной навѣщалъ свою семью“. Я нарочно привожу это мѣсто, чтобы показать какъ искусно и даже изящно г. Сливицкій умѣетъ, не забывая *зоологической правды*, *соблюдать извѣстныя нравственныя приличія*, необходимыя въ книгѣ, назначенной для дѣтей.

Итакъ, „весна приближалась... Семья Топтыгиныхъ скоро увидитъ отца... Но нѣтъ! Они его больше никогда не увидятъ!“

Отца Топтыгиныхъ убили крестьяне. Они подкараулили его на десятинѣ овса, который онъ повадился ѣсть и топтать.

„Для дѣтей, говоритъ авторъ, эта потеря была не велика. Топтыгинъ вовсе не заботился о своемъ семействѣ.“

За то заботы медвѣдицы о четырехъ дѣтяхъ (двухъ старшихъ, годовалыхъ, и двухъ младшихъ, новорожденныхъ) описаны г. Сливицкимъ съ истиннымъ чувствомъ; съ чувствомъ простымъ, умѣреннымъ, трезвымъ, безо всякой лишней сентиментальности. Мать, видимо, страстно любитъ дѣтей своихъ; она очень осмысленно печется о нихъ, заставляетъ старшихъ (такъ-называемыхъ „пѣстуновъ“) заботится о маленькихъ, готова на всякую опасность для прокормленія ихъ, но она строга, груба и крѣпко бьетъ ихъ, когда они виноваты.

Первое лѣто жизни для Миши и сестры его начинается очень ве-

Библиотека "Руниверс"

село; прогулки по лѣсу съ матерью и со старшими дѣтьми, оберегающими ихъ. Мать учитъ ихъ добывать себѣ разнородную пищу, медъ, плоды, ловить встрѣчныхъ мелкихъ животныхъ и птицъ. Дѣти шалятъ и веселятся.

Но вотъ и *скорби*, неизбѣжныя въ жизни всякаго животнаго существа, одареннаго нервами и чувствомъ. Трагизмъ борьбы за существованіе, трагизмъ любви, ожесточенія и мести вступаетъ въ свои права...

Дѣти очень худы. Ягодами, медомъ, случайно попадающимися мышами и птицами не откормишь ихъ. Нужно добыть мяса.

Топтыгина-мать уноситъ хорошую лошадь изъ табуна, и возмущенные этимъ крестьяне рѣшаются отложить свою месть до зимы, когда Топтыгина опять ляжетъ въ берлогу.

Однако еще раньше зимы, въ серединѣ лѣта, случается съ семьей несчастье. Старшая дочка Топтыгина встрѣтилась въ лѣсу съ какими-то двуногими существами. Они *пѣли пѣсни такъ громко, какъ никакая самая большая птица не поетъ, и цвѣтомъ* были „голубыя какъ рѣки, красныя какъ кровь и бѣлыя какъ снѣгъ“. Эти странныя существа испугались, побѣжали, побросали *лукошки съ грушами*; молодая медвѣдица погналась за ними и попалась въ руки мужикамъ. Ее скрутили, отвели въ деревню и продали въ тяжкое рабство вожаку медвѣдей.

Бѣшенство матери, ея отчаяніе и злоба изображены прекрасно. Она нападаетъ на слѣды дочери, по слѣдамъ этимъ ночью добирается до сарая, въ которомъ крестьяне держали дочь до продажи вожакамъ и гдѣ они имѣли неосторожность потомъ запереть корову и собаку, не воображая, что звѣрь осмѣлится самъ придти въ жилое мѣсто. Но въ пылу материнской мести Топтыгина ловко растрепала соломенную крышу сарая, зарѣзала собаченку и даже черезъ стѣну перетащила несчастную корову.

Люди ожесточаются противу нея еще болѣе. Зимой участь Топтыгиныхъ рѣшена. „Гнѣздо“ ихъ раззорено. Семейная жизнь окончена. Крестьяне отыскиваютъ ихъ берлогу; мать и старшій пѣстунъ умерщвлены послѣ жестокаго боя съ людьми и собаками, а маленькіе Топтыгины оба, и братъ, и сестра, взяты живыми и отвезены въ городъ на продажу для забавы.

Здѣсь начинаются приключенія самого Миши въ человѣческомъ обществѣ. Его покупаетъ офицеръ.

И офицеръ, и деньщикъ его, и красивая собачка ихъ Альма, всѣ трое крѣпко полюбили Мишу, который очень скоро освоился съ своимъ положеніемъ. Онъ развивается, ростетъ и обнаруживаетъ очень много и хорошихъ и непріятныхъ свойствъ. Онъ любящъ, помнитъ добро, уменъ, но нестерпимо шаловливъ, раздражителенъ и дерзокъ; онъ много вредитъ этимъ и хозяевамъ своимъ, и самому себѣ. Чрезвычайно живо и симпатично описанны его проказы на базарѣ, его

Библиотека "Руниверс"

встрѣчи и столкновенія съ лавочниками, торговцами и военными людьми; схватки съ чужими собаками; жизнь въ лагерѣ; дружба съ милою и ласковою Альмой. Наконецъ молодой Топтыгинъ въ шалостяхъ своихъ перешелъ за черту терпимаго. Онъ вскочилъ въ пустую коляску начальника, перепугалъ лошадей до того, что онѣ понесли и едва не разбили въ дребезги экипажъ, и вообще причинилъ этою выходкой цѣлый рядъ скандаловъ. Начальникъ, справедливо разгнѣванный, приказалъ его застрѣлить. Но офицеръ и деньщикъ не были въ силахъ этого исполнить: они слишкомъ любили Мишу. Съ горестью рѣшились они отвести его въ чащу лѣса и бросить тамъ. Такъ и сдѣлали. Миша остался въ лѣсу на вѣки одинъ. Онъ и умеръ въ одиночествѣ отъ изнеможенія силъ въ глубокой старости, безпомощный и занесенный снѣгомъ.

Во всю долгую, остальную жизнь одичалый медвѣдь, на счастье свое, людей повстрѣчалъ только разъ; это были крестьянскія дѣти; они стали кричать и плакать, но медвѣдь легъ около нихъ и сталъ съ ними играть; онъ вспомнилъ, конечно, свою жизнь въ обществѣ добраго офицера и его добраго деньщика.

Такова прекрасная повѣсть г. Сливицкаго. Въ ней вовсе нѣтъ ни моральныхъ сентенцій, ни приторной наставительности. Она дѣйствуетъ сильно однимъ лишь прямымъ и теплымъ отношеніемъ къ дѣйствительности: *хорошею любовью къ жизни*. Рядомъ съ кровожадностью, съ местью, съ жестокою „борьбой за существованіе“, вездѣ столько человѣчности, столько доброты.

Свѣжо, правдиво, поэтично и... *жалко*. Особенно хорошо, что жалко! Одинъ знакомый мнѣ 12-ти лѣтній мальчикъ прослезился надъ этою книгой, и мнѣ самому она напомнила многое изъ лучшихъ дней моего дѣтства.

Рекомендуя сочиненіе г. Сливицкаго родителямъ и наставникамъ, я хочу однако сдѣлать автору второстепенное замѣчаніе. Я бы посовѣтовалъ въ случаѣ втораго изданія (котораго книга вполнѣ достойна) избрать другіе сюжеты для картинокъ: есть въ повѣсти сцены несравненно болѣе замѣчательныя и эффектныя чѣмъ, изображеніе мужиковъ сидящихъ *на убитой* уже медвѣдицѣ, чѣмъ деньщикъ, который утѣшаетъ Мишу тряпкой намоченною сладкимъ чаемъ, и чѣмъ слишкомъ скромная и унылая гравюра обертки. Изумительное похищеніе коровы изъ сарая освирѣпѣвшею матерью Миши и скачка сильнаго быка съ испуганною медвѣдицей на спинѣ. Прогулка по лѣсу всей семьи медвѣдей. Встрѣча молодой медвѣдицы съ *пестрыми* крестьянскими дѣвушками. Игра неуклюжаго медвѣжонка съ ловкою собакой Альмой. Наконецъ эффектная сцена въ коляскѣ. Все это и многое другое на рисункахъ, особенно, на хорошо раскрашенныхъ, вышло бы гораздо интереснѣе, чѣмъ помѣщенныя авторомъ на этотъ разъ менѣе драматическія или менѣе живописныя минуты изъ жизни Миши Топтыгина, его семьи, его благодѣтелей и враговъ.

Библиотека "Руниверс"

Психическій міръ женщины.

Его особенности, превосходства и недостатки.—П. Е. Астафьева, съ приложеніемъ статьи: „Понятіе психическаго ритма“.

(*Афиши и Объявленія*, 1883).

Въ прошедшемъ году вышло не мало весьма замѣчательныхъ книгъ и у насъ въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Назовемъ только нѣкоторыя: *Переломъ*, Г. Маркевича; *Собственность и государство*, Г. Чичерина; *Современные церковные вопросы*, Г. Филиппова; *Боярская Дума*, Г. Ключевскаго. Мы считаемъ себя вправѣ упомянуть здѣсь и о книгѣ Г. Любимова, *Противъ теченія* ;ибо, хотя она отпечатана въ концѣ 81 года, но она вполнѣ еще не кончена; Г. Любимовъ продолжаетъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* отрывки этого сочиненія своего, въ которомъ такъ удачно соединены серьозность и самостоятельность историческаго изслѣдованія со всей завлекательностью оживленной бесѣды и художественнаго разсказа.

Къ числу подобныхъ, вниманія достойныхъ произведеній русской литературы слѣдуетъ отнести и оригинальное сочиненіе Г. Астафьева, котораго заглавіе мы помѣстили въ началѣ этой небольшой замѣтки. Мы не имѣемъ въ виду подробнаго разбора этой книги, но хотимъ здѣсь только сказать, что всѣмъ, кто интересуется женскимъ вопросомъ, противникъ-ли онъ „женской равноправности“ или защитникъ ее,— полезно прочесть ее. Что трудъ авторъ весьма безпристрастенъ видно ужъ изъ того, что онъ признаетъ за женщиной особыя качества и превосходства (тѣсно, впрочемъ, связанныя съ ея недостатками) и находитъ даже, что есть много сторонъ жизни душевныхъ и умственныхъ, въ которыхъ мужчина былъ и будетъ всегда ниже женщины, точно также и наоборотъ:—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ женщина замѣнить мужчину и сравниться съ нимъ ни какъ не въ силахъ; (напр. въ *умственной* сферѣ авторъ указываетъ на меньшую способность женщины къ отвлеченію и въ сферѣ *нравственной вслѣдствіе этого* на меньшее умѣніе возвыситься до справедливости и безпристрастія). Г. Астафьевъ признаетъ, такъ сказать, *равносиліе* или *равноцѣнность* обоихъ половъ; но не *однородное равенство между ними*.

Поэтому, отдавая должную справедливость женской *природѣ* и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ видимо даже восхищаясь ею, авторъ все-таки остается сторонникомъ нѣкотораго *подчиненія* женщины мужчинѣ. Семью онъ признаетъ *религіозной корпораціей*, а не свободной и легко-расторжимой *ассоціаціей*.

Г. авторъ основываетъ свои серьезные выводы не только на психологическихъ, но и на физіологическихъ данныхъ сравнительной организаціи обоихъ половъ.

Библиотека "Руниверс"

Письмо къ П. Е. Астафьеву.

По поводу его книги:

Психическій міръ женщины (его особенности, превосходства и недостатки) *).

(*Гражданинъ*, 1883 г.).

М. Г.

Я никогда ничего не печатала, и писать вовсе не привычна. Порядка строгаго въ моемъ изложеніи и не ожидайте; но мнѣ такъ искренно захотѣлось поблагодарить васъ за вашу книгу *Психическій міръ женщины*, что я рѣшилась написать вамъ это письмо.

Не смѣю ни васъ, ни самое себя увѣрять, что я все внимательно прочла и все хорошо поняла въ этой книгѣ. Вы сами признаете, что работа ваша сравнительно отвлеченна и нѣсколько суха, и поэтому намъ, женщинамъ, не очень доступна. Но я старалась быть „внимательной" и, конечно, принималась за нее нѣсколько разъ. Какое же мое заключеніе? Разумѣется, я найду кое-что и возразить вамъ, но все же для современныхъ женщинъ я считаю книгу вашу истинно „благою вѣстью". Не я одна, а всѣ нынѣшнія женщины должны были бы благодарить васъ за этотъ трудъ. Но многія ли изъ нихъ поймутъ васъ? Многія ли изъ нихъ согласятся, что заключительныя слова ваши для нашего пола очень лестны.

Вы кончаете вашу книгу такъ:

„Да послужитъ сравнительно отвлеченная и сухая работа, совершенная нами сегодня, къ выясненію нами себѣ смысла столь часто не признаваемой нынѣ даже женщиною *женственности*, во всей ея глубокой духовной прелести, святости, силѣ и значеніи для человѣчества, которому она столько уже дала. Да послужитъ она намъ къ укрѣпленію убѣжденія въ томъ, что эта прелесть, сила и достоинство, необходимо обусловленныя *тѣми же* основными психическими особенностями, изъ которыхъ вытекаетъ и слабость, и ограниченность женскаго типа въ другихъ отношеніяхъ,—стоятъ и падаютъ вмѣстѣ съ ними, не *несмотря* на нихъ, а *благодаря* имъ; что въ женщинѣ, со

*) *Примѣч. 1885 года.* Письмо это было написано мною, какъ будто отъ одной *читательницы изъ Тулы.* Передъ этимъ мнѣ пришлось довольно много и часто разсуждать о книгѣ г. Астафьева, съ одной молодой женщиной.—Она восхищалась ею, несмотря на то, что съ большимъ трудомъ понимала нѣкоторыя мѣста (г. Астафьевъ, къ несчастію, не изъ особенно „наглядныхъ" писателей).— Я совѣтывалъ ей изложить все то, что она говорила, на бумагѣ. Она начала письмо къ автору, долго старалась, но „на бумагѣ" не могла выразить и десятой доли того, что у нея на словахъ выходило очень живо и хорошо.—Тогда я вздумалъ „притвориться женщиной" и сдѣлать это дѣло за нее, тѣмъ охотнѣе, что во взглядахъ на сочиненіе г. Астафьева мы съ ней были совершенно согласны; но она выражалась *по своему*, по женски, и мнѣ это очень нравилось. *Авторъ.*

Библиотека "Руниверс"

всѣми ея слабостями и силами, должно чтить не только черты общаго типа „человѣка“, но именно женщину, и что только въ соединеніи своихъ противуположныхъ особенностей въ одно цѣлое, а не въ искорененіи ихъ во имя математическаго „равенства“,—возможность *взаимнаго восполненія* одинаково односторонними и ограниченными мужскимъ и женскимъ типами до одного цѣльнаго и прекраснаго образа человѣчности“. (Понятіе психическаго ритма какъ научное основаніе психологіи половъ, стр. 59—60).

Вотъ этого-то „взаимнаго восполненія“ эти „нынѣшнія женщины“ и знать не хотятъ; имъ почему-то хочется именно того равенства, которое вы называете *математическимъ*. Имъ почему-то не нравится быть „женственными“.

И отчего бы намъ не держаться этого *вѣчнаго назначенія*—все смягчать, все регулировать, какъ вы говорите, нашимъ врожденнымъ *тактомъ?*

„Женщина, говорите вы, всегда любила, цѣнила *жизнь* и лучше, и полнѣе мужчины наслаждалась ею; она всегда сочувственнѣе, жизнерадостнѣе и теплѣе его относилась къ дѣйствительности и *всегда больше его не довѣряла отвлеченнымъ благамъ* и отдаленнымъ задачамъ. Истинныя пессимистки и утопистки встрѣчаются въ рядахъ женщинъ, *возставшихъ* сознательно противъ женственности и переставшихъ служить цѣлямъ рода“.

И дальше вы говорите что-то... Простите! Нѣтъ!—Я потеряла нить вашей мысли!... Я не „послѣдовательна“! Я не *умѣю* писать! Я не „отвлеченна“, не „внимательна“, я поддаюсь „быстротѣ“ моего „психическаго ритма“ и безпрестанно сбиваюсь на „личное“ и „конкретное“...

Дальше вы говорите: „Мы твердо вѣримъ, что въ женственности нашихъ женщинъ—залогъ конечной побѣды надъ пессимизмомъ и всякимъ нигилизмомъ“.

Почему вы такъ *твердо въ это вѣрите*? Я было хотѣла расхвалить всѣ эти мѣста, которыя я выписала. Но когда перечла еще разъ и стала выписывать, задумалась надъ личнымъ вопросомъ: Что я сама—пессимистка или нѣтъ?—Что я не утопистка—это я знаю, потому что я ни въ какой *будущій идеалъ человѣческаго счастья* на землѣ не вѣрю и даже, какъ исповѣдующая Христіанство, ничего подобнаго на землѣ не обѣщавшаго, вѣрить не имѣю права.—Ну, а на счетъ пессимизма не знаю; боюсь, что я, въ отношеніи моихъ соотечественницъ, по крайней мѣрѣ, ужасная пессимистка. Не вижу я въ нихъ пока ничего такого, что бы мнѣ хотѣлось въ нихъ видѣть... Я не вѣрю, напримѣръ, чтобы многія изъ нихъ способны были оцѣнить какъ слѣдуетъ ваши взгляды, чтобы онѣ могли *обрадоваться* при мысли: что вотъ человѣкъ нашелъ *научныя* доказательства тому, что женщина должна быть женщиной, и *что это хорошо*. Онѣ даже и не понимаютъ, что

Библиотека "Руниверс"

онѣ и и въ этомъ идутъ за мужчинами и—больше ничего... Ни тѣни охранительнаго во взглядахъ на жизнь, и въ то же время ни намека на независимость, оригинальность женскихъ мнѣній! Развѣ *въ наше время* не оригинальнѣе „смиряться", по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ? Отказаться хоть отъ нѣкоторыхъ глупыхъ и никому ненужныхъ претензій? Не естественнѣе ли было бы намъ сказать мужчинѣ:— „Я *хочу* быть подчинена тебѣ; мнѣ это *нравится*... Я полагаю въ этомъ *гордость* мою"... Не бо́льшую ли независимость ума показали бы женщины, если бы онѣ, овладѣвши всѣмъ рессурсами образованности, науки и т. д., пошли бы *противъ* этого пошлаго всеобщаго уравненія и однообразія?... Женщины, истинно женственныя, должны вѣдь любить *поэзію въ самой жизни*; онѣ должны были бы возбуждать мужчинъ къ тому, чтобы этой поэзіи было больше, а вѣдь нынѣшній прогрессъ есть *ужасная проза*... Пусть онѣ *опередятъ* мужчинъ, если онѣ ужъ не хотятъ и не умѣютъ оставаться тѣми простыми, наивными и милыми „барышнями", которыя, не разсуждая много, ходили съ матерью въ церковь и влюблялись въ офицеровъ (*очень основательно* въ принципѣ, потому что военный представлялъ въ ихъ глазахъ идею физическаго мужества, т.-е. именно того, чего у женщины меньше).

Я говорю—пусть онѣ *опередятъ* мужчинъ; пусть докажутъ, что онѣ *могутъ мыслить независимо;* пусть онѣ, овладѣвъ всѣми рессурсами современнаго образованія, *заставятъ* русскихъ молодыхъ мужчинъ опять полюбить то, что любили прежде, когда всѣ были наивнѣе и *по сердцу ближе къ правдѣ и къ прекрасному*: нашу религію, наше прекрасное богослуженіе, такое поэтическое и высокое; сильную власть Государя; военное геройство... стихи хорошіе; даже силу физическую, которой такъ пренебрегаютъ теперь. Никто теперь не стыдится быть слабымъ, больнымъ, робкимъ, безобразнымъ... А *стыдились бы если бы женщины* заставляли бы стыдиться этого болѣе чѣмъ, напримѣръ, *незнанія*, или хотя бы *нелиберальности*. Но развѣ можно ожидать этого отъ женщинъ? Когда же и гдѣ онѣ были *вождями идей*... *Вы сами* это говорите... Создательницами религій онѣ не были никогда, а только проповѣдницами мужскихъ религіозныхъ идей; философскихъ системъ тоже не создали ни одной.—Способность *практическаго* примѣненія мужскихъ идей вы признаете за женщиной; государствомъ онѣ правили хорошо, основывали даже и устраивали цѣлыя государства; создавали художественныя произведенія. Но все это то же, по вашему, практическое, конкретное воплощеніе большею частію чужихъ, то-есть мужскихъ идей.

Все это, разумѣется, правда и противъ этихъ истинъ вашихъ трудно будетъ спорить женщинамъ, претендующимъ на „математическое" равенство съ мужчинами...

Библиотека "Руниверс"

Но, извините меня, я плохо вѣрю въ ту исправимость нашихъ женщинъ, на которую вы надѣетесь. По крайней мѣрѣ не *своей* умственной иниціативой онѣ и до этого дойдутъ. Если онѣ и возьмутся *опять за женственность* и рѣшатся не только естественно и наивно служить ей, какъ служили прежде, а сознательно и пламенно проповѣдывать ее, то и это будетъ у нихъ не свое, а мужское. То-есть онѣ обратятся къ этому только благодаря вліянію мыслящихъ мужчинъ, подобныхъ вамъ и вашимъ единомышленникамъ...

Хочу я сказать еще два слова о томъ, что зовутъ „профессіональнымъ" образованіемъ женщинъ, которому вы видимо не сочувствуете, о женщинахъ - врачахъ, напримѣръ, и вообще о женщинахъ - спеціалисткахъ.—Я понимаю, что всякая спеціальная дѣятельность отвлекаетъ женщину отъ ея главнаго назначенія—отъ *семьи*, но, съ другой стороны, что же дѣлать, если вещественныя условія жизни совсѣмъ перемѣнились?—Если бы можно было говорить только объ *одномъ идеализмѣ*, то, само собою разумѣется, я бы предпочла всегда для дѣвушекъ *идеализмъ семейный идеализму общественной службы*. Но вѣдь тутъ есть нѣчто другое, къ сожалѣнію, болѣе неоспоримое, чѣмъ увлеченіе тѣмъ или другимъ идеаломъ; это вопросъ о „насущномъ хлѣбѣ", о необходимости какого-нибудь „общественнаго положенія".

Что возразить, напримѣръ, на такія слова:

„До 19 февраля 1861 года (день освобожденія крестьянъ, говоритъ г. Козловъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета) всѣ дочери мелкопомѣстныхъ дворянъ и разныхъ чиновниковъ, окончивъ воспитаніе въ институтахъ, могли разсчитывать или на замужество съ людьми своего круга, еще состоятельныхъ въ то время, или же на должность гувернантокъ у крупныхъ землевладѣльцевъ, жившихъ въ помѣстьяхъ, отдаленныхъ отъ всякаго центра образованія и принужденныхъ поэтому воспитывать своихъ дѣтей дома. Въ настоящее время мелкопомѣстныхъ дворянъ нѣтъ, а достаточные изъ нихъ, которые посылали прежде въ столичные лицеи и въ высшія провинціальныя учебныя заведенія только сыновей, опредѣляютъ теперь въ различныя также высшія женскія учрежденія и дочерей. Такимъ образомъ, большинство гувернантокъ лишилось мѣстъ; а такъ какъ жизнь стала дороже, то выйти замужъ съ небольшимъ состояніемъ оказалось почти невозможнымъ. Ограниченныя познанія, пріобрѣтенныя молодыми дѣвушками въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, лишали ихъ возможности быть преподавательницами и тѣмъ пріобрѣтать средства къ существованію. Положеніе подобнаго рода вынудило многихъ изъ нихъ поступить въ университетъ и медицинскую академію" *).

---

*) Выписка изъ статьи *Женское образованіе въ Россіи* (переводъ съ французскаго, помѣщенный въ № 9 *Другъ Женщинъ* за 1882 г.).

Библиотека "Руниверс"

Эту выписку я дѣлаю изъ журнала *Другъ Женщинъ*. Журналъ этотъ съ прошлаго года издается въ Москвѣ г-жею Богуславскою; направленіе его мнѣ очень нравилось сначала; оно было въ высшей степени религіозное и какое-то „сердечное", именно—женственное, такое, какое бы и вамъ, вѣроятно, понравилось, (быть можетъ я и ошибаюсь, но только за самое послѣднее время, мнѣ кажется, оно стало посуше и похуже). Особенно были хороши въ немъ повѣсти и очерки М. Скавронской (*Разумъ и разсудокъ*, *За Каменными стѣнами*, „$^{3}/_{666}$"—фантазія въ анти прогрессивномъ духѣ и друг.). Впрочемъ, рядомъ съ этой религіозностью, сердечностью и поэзіей въ книжкахъ *Другъ Женщинъ* можно было найти и статьи въ пользу равноправности женщинъ, множество извѣстій и замѣтокъ, относящихся къ врачебнымъ курсамъ и т. д.

Я находила сначала, что эти двѣ половины журнала не имѣютъ между собою ничего общаго, что онѣ точно какъ будто приклеены другъ къ другу, а не вытекаютъ изъ одного духа. — Я долго думала объ этомъ: думала о религіи, о христіанской семьѣ, объ отношеніяхъ мужа къ женѣ и жены къ мужу, сообразно съ ученіемъ апостольскимъ, т.-е. о покорности и подчиненіи женщины въ семьѣ, и въ то же время и объ этомъ „современномъ движеніи женщинъ", о гражданскихъ правахъ женщинъ, о профессіональномъ образованіи, о *необходимости*, въ которую поставлены многія современныя дѣвушки искать себѣ куска хлѣба независимо отъ семьи.

И когда я думала объ этомъ, мнѣ показалось, что въ журналѣ *Другъ Женщинъ*, недоставало двухъ-трехъ особыхъ статей, которыя могли бы служить связью между религіозной и семейственной поэзіей такихъ повѣстей, какъ *Разсудокъ и разумъ*, напримѣръ, съ одной стороны, и всѣми этими переводами съ французскаго въ пользу правъ женщинъ, или всѣми этими извѣстіями о медицинскихъ женскихъ курсахъ съ другой. Я сказала себѣ такъ:

— Если нашимъ дѣвушкамъ хочется учиться чему нибудь спеціальному, и если это имъ необходимо для существованія, то пусть учатся, но кто-же мѣшаетъ имъ при этомъ оставаться религіозными и строить свою будущую семью на христіанскихъ началахъ? Такая полнота душевная была бы гораздо выше и женственнѣе сухости.—Даже и на счетъ повиновенія мужьямъ... Неужели мы—русскія женщины—будемъ такъ грубы и низки, что вопросъ о покорности и непокорности будемъ ставить въ зависимость отъ доходовъ нашихъ, отъ кой-какихъ дѣловыхъ познаній, а не отъ внутренняго идеала?

Развѣ не благороднѣе, не выше свободное подчиненіе любви,—чѣмъ претензія на господство отъ того, что *я сама имѣю средства?* И при денежной независимости, доставляемой хорошимъ ремесломъ, и даже при умственномъ превосходствѣ надъ мужемъ,—возможномъ при высо-

Библиотека "Руниверс"

комъ образованіи,—можно подчиняться мужу *охотно* и по любви сердечной, личной и по любви христіанской,—по Закону Божію... Христіанское подчиненіе и подчиненіе по сердечной любви—ничего рабскаго и унизительнаго въ себѣ не имѣютъ. Никто не назоветъ рабомъ слугу свободнаго, который по волѣ и преданности подчиняется господину и вѣренъ ему; а всѣ будутъ только хвалить и уважать его за это. А тѣмъ болѣе никто не назоветъ рабыней за это любящую женщину. Пусть наши женщины учатся чему хотятъ, если имъ это выгодно и пріятно; я вѣрю даже, что многія изъ женщинъ-врачей и женщинъ-наставницъ очень полезны; но почему спеціальныя занятія должны непремѣнно уничтожить въ нихъ и религіозныя чувства и *естественную потребность подчиненія* мужчинѣ,—я не понимаю. Мнѣ кажется, что потоку женскаго движенія противиться невозможно съ успѣхомъ до тѣхъ поръ, пока женщины сами въ „блаженствѣ" своей независимости не разочаруются (разочаровались же теперь лучшіе умы у насъ въ пользѣ *конституціи!*); поэтому хотя и можно, пожалуй, разными мѣрами сдерживать немного это движеніе, но гораздо было бы полезнѣе, если бы и семья и *первоначальная* школа, воспитывающія этихъ будущихъ „спеціалистокъ-дѣятельницъ", и литература старались бы укрѣплять въ дѣвушкахъ такія идеальныя чувства, которыхъ впослѣдствіи практическая жизнь не могла бы убить.

Намъ часто ставятъ въ примѣръ простой народъ нашъ, и правда, есть въ немъ черты, достойныя подражанія. Я приведу всего одинъ примѣръ; молодая дѣвушка, прекрасная швея и собой очень недурная вышла недавно замужъ за одного молодаго мѣщанина, незнающаго никакого мастерства. Онъ поступилъ въ дворники и получаетъ всего только 6 рублей въ мѣсяцъ; а она можетъ заработать до 20 руб. и больше. До сихъ поръ она очень покорна ему, хотя онъ очень сердитаго характера. Но положимъ, что она когда-нибудь скажетъ ему: „я не хочу слушаться, потому что я больше твоего зарабатываю". Если въ эту минуту кто нибудь укажетъ ей на ученіе апостоловъ и объяснитъ ей, что „бояться" мужа не значитъ передъ нимъ *робѣть* безпрестанно; нельзя *чувствовать* ей этотъ *невольный* страхъ если она не робка; а надо какъ бы пріучать себя *къ тону вседневной робости*, т.-е. къ добротѣ, уживчивости, мягкости, то ужь, конечно эта швея не воскликнетъ: „Я знать не хочу апостоловъ", а подумаетъ: „да я увлеклась своими страстями вопреки Закону Божію"! Выдержитъ-ли она опять надолго этотъ Законъ или нѣтъ,—это другой вопросъ; вопросъ ея характера; но она конечно, не скажетъ подобно *эмансипированной дамѣ*: „Я этого знать не хочу! Это рабство!.." И не милѣе-ли подобной дамы будетъ эта швея, когда она подойдетъ къ мужу, болѣе ее простому и менѣе ея заработывающему, и скажетъ: „Прости мнѣ, я согрѣшила противъ тебя".

Библиотека "Руниверс"

Впрочемъ, слава Богу, и въ нашемъ быту я видала женщинъ, которыя мужьямъ своимъ приносили большое приданое и нисколько изъ-за этого не считали себя въ правѣ надъ ними начальствовать, или грубо противорѣчить имъ. Не претендовали на равноправность даже и въ домѣ, а жили по христіанскому и даже, пожалуй, и по *естественному* закону. Знаю, къ счастію, и русскихъ дѣвушекъ (хоть бы и очень немногихъ), которыя обучились на курсахъ „высшей" математикѣ, исторіи и т. п.,—обучились прекрасно, готовятся быть „спеціалистками"; а въ церковь усердно ходятъ, отца своего любятъ и уважаютъ, и противъ мужскаго преобладанія воевать не имѣютъ въ виду.

Если хорошіе примѣры этихъ отдѣльныхъ случаевъ для большинства прогрессивныхъ женщинъ нашихъ не годятся, то, по крайней мѣрѣ, пусть это большинство знаетъ, что то, что оно считаетъ своимъ преимуществомъ, есть нечто иное какъ просто ихъ односторонность, ихъ сухость, ихъ неспособность совмѣстить въ умѣ своемъ идеалъ съ практикой, науку съ религіей, семейныя чувства съ профессіональною дѣятельностью, поэзію личной жизни съ той дѣятельною пользой, которую онѣ хотятъ приносить обществу. А мужчины умѣютъ совмѣщать все это; и профессія рѣдкаго изъ нихъ поглащаетъ вполнѣ. Значитъ, они богаче насъ по природѣ своей.

Вотъ что я хотѣла сказать о спеціальномъ образованіи женщинъ. Я не думаю, чтобы это было совсѣмъ ужь не согласно съ тѣмъ, что вы отъ женщинъ требуете.

Тула.
12 февраля 1883 г.

М. В—ва.

„Переломъ".

Б. М. Маркевича.

(Москов. Вѣдом. 1882 года.)

Этотъ послѣдній романъ г. Маркевича (только-что изданный отдѣльно и очень красиво г. Суворинымъ) есть ни что иное какъ продолженіе другаго прекраснаго произведенія его—*Четверть вѣка тому назадъ*.

Почитатель таланта г. Маркевича (таланта въ одно и то же время столь изящнаго и столь сильнаго) съ радостію встрѣчаетъ въ *Переломѣ* прежнихъ знакомыхъ своихъ: красавицу и умную авантюристку Ольгу Ранцеву, ея простаго и благороднаго мужа; отвратительную и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне забавную княгиню Аглаю Шастунову (мать идеальной Лины, умершей въ первомъ романѣ); ея неизмѣннаго Зяблина; Ашанинъ, привлекательный, красивый и добрый московскій Донъ

Библиотека "Руниверс"

Жуанъ, тоже является здѣсь, хотя и на десять лѣтъ позднѣе, но почти все тѣмъ же. Юношу Славянофила Гундурова, сосланнаго въ первомъ романѣ, по проискамъ графа Анисьева, въ *Переломѣ* мы видимъ дѣятельнымъ членомъ коммиссіи по крестьянскому вопросу. Политическая роль его похожа на ту, которую игралъ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Въ новомъ романѣ мы, между прочимъ, присутствуемъ при весьма печальной кончинѣ отца г-жи Ранцевой, исправника стараго стиля, эстетика и взяточника, Елпидифора Мартыновича Акулина, и знакомимся съ исправникомъ новой либеральной формаціи—Факирскимъ (въ романѣ *Четверть вѣка* онъ былъ, кажется, мечтательнымъ студентомъ).—Красивый „преторіанецъ" Анисьевъ теперь уже достигъ высшихъ должностей...

Сверхъ всѣхъ этихъ прежнихъ знакомыхъ нашихъ, до конца очень вѣрно выдержанныхъ авторомъ, мы здѣсь встрѣчаемъ много новыхъ лицъ, отчасти очень умно задуманныхъ и художественно изображенныхъ, отчасти же *чуть-чуть* не прямо списанныхъ съ весьма извѣстныхъ особъ. Изъ числа лицъ новыхъ и вымышленныхъ особенно замѣчательны: Троекуровъ, кавказскій молодой герой, богачъ, истый баринъ русскій, патріотъ и отличный мировой посредникъ; влюбленная въ него энергическая и оригинальная княжна Кира Кубенская и пожилой придворный, графъ Наташанцевъ, поклонникъ Ольги Ранцевой.

Къ числу же *почти портретовъ*, какъ говорятъ, надо отнести государственныхъ дѣятелей: графа Вилина, блистательнаго Павлинова, Ягина и отчасти даже знакомаго намъ еще изъ *„25 лѣтъ тому назадъ"* —графа Анисьева. Потомъ—художниковъ (ужь не *литераторовъ ли*?): ядовитаго и остроумнаго Топыгина, пустаго болтуна Гаврилкина и Самурова, „стараго монархиста, сочувствующаго нигилистамъ", даровитаго и тонкаго, но, по безхарактерности, желающаго и въ „легальности" пребыть, и угодить либеральному сброду, *всѣмъ стремленіямъ котораго онъ сочувствуетъ...*

За сходство ненадежнаго „художника" Самурова и непоколебимаго, угрюмаго графа Вилина, съ ихъ дѣйствительными оригиналами, пишущій эти строки можетъ ручаться, такъ какъ ему пришлось видѣть и знать нѣсколько и того, и другаго: и тяжелаго, строгаго государственнаго мужа, и того „русскаго Мессонье", котораго имѣлъ въ виду г. Маркевичъ,—весьма симпатичнаго и весьма ненадежнаго...

Все это въ высшей степени любопытно и занимательно. Прочтя первыя главы *Перелома*, оторваться уже нѣтъ возможности. Авторъ приковываетъ васъ къ своей книгѣ, и первое впечатлѣніе, особенно при непрерывномъ чтеніи отдѣльнаго изданія, таково, что критиковать „раціонально" нѣтъ ни малѣйшей охоты, а является одно желаніе воскликнуть: „Прекрасно! Прекрасно!"—и, подумавъ, прибавить еще:

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ, не оскудѣла еще Русская земля литературными силами!

Уже потомъ, позднѣе, являются какія-то поползновенія на болѣе внимательную критику.

Напримѣръ, если сравнивать г. Маркевича съ *самимъ собою*, то можно найти, что *Переломъ* выше всѣхъ прежнихъ его сочиненій, за исключеніемъ *Четверти вѣка назадъ*... Романъ *Четверть вѣка* написанъ съ необычайною теплотой, удивительною искренностью и *правдой поэзіи*. Если у графа Льва Толстаго въ „Аннѣ Карениной" насъ поражаетъ особеннаго рода удивительный, безпристрастный, *почти научный* по своей истинѣ и тонкости психическій анализъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, за то у г. Маркевича мы найдемъ больше лиризма и движенія, больше любви къ изображаемой дѣйствительности.

Въ *Переломѣ*, пожалуй, движенія драматическаго еще больше, чѣмъ въ *Четверти вѣка*, но теплоты и живописной поэзіи гораздо меньше.

Чему это приписать, не знаю: тому ли, что авторъ *время*, изображаемое въ *Четверти вѣка*, любитъ гораздо больше, чѣмъ шестидесятые года; тому ли, что и въ самомъ дѣлѣ то время было лучше (въ эстетическомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи); или, наконецъ, просто самому *сюжету* и *мѣсту* дѣйствія. (Подмосковное княжеское имѣніе 50-хъ годовъ...) Не знаю!

Впрочемъ, и въ *Переломѣ* есть страницы полныя чувства и глубокаго драматизма: таковы сцены смерти Ольги Ранцевой и сцена прощанья севастопольскаго героя съ несчастнымъ мальчикомъ-сыномъ, котораго совратилъ гнусный Овцынъ въ нигилизмъ.

Романъ этотъ, сверхъ того, имѣетъ и достоинство *историческое*. Авторъ близко знакомъ съ жизнью высшаго Петербургскаго круга, и многія *дѣйствительныя* и драматическія черты той эпохи, которая на этотъ разъ избрана г. Маркевичемъ, будутъ, благодаря его блестящему произведенію, сохранены для потомства...

О нигилистѣ Овцынѣ мы умалчиваемъ. Онъ здѣсь очень кстати; онъ даже *необходимъ*. Но этого рода молодые русскіе люди до того въ дѣйствительности грубы и какъ-то *мерзостно-несложны*, что ихъ изображать въ романахъ довольно вѣрно стало такъ же легко, какъ изображать карандашомъ и красками какого-нибудь пьянаго, стараго пролетарія, съ краснымъ носомъ и въ лохмотьяхъ, выходящаго изъ кабака.

У Овцыныхъ есть только одно *подобіе качества*—это ихъ смѣлость. Но вѣдь и уродъ Ѳерситъ (презрительный Терзитъ, по выраженію Жуковскаго) былъ довольно смѣлъ, грубилъ даже царямъ и т. п.; но это не мѣшаетъ ему казаться рядомъ съ Ахилломъ и Діомедомъ столь же гадкимъ, сколько кажется намъ противнымъ революціонеръ Иринархъ рядомъ съ Троекуровымъ, Ашанинымъ, Гундуровымъ и со столькими порядочными людьми, изображаемыми г. Маркевичемъ въ его превосходныхъ произведеніяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Примѣчаніе 1885 года.

Конецъ романа „Переломъ“ отличается вообще нѣкоторымъ возвратомъ къ той *разнородной дисциплинѣ*, которая должна всегда, до скончанія вѣковъ, господствовать въ нормально-живущемъ человѣческомъ обществѣ. Г. Щебальскій уже прежде меня указалъ на эту черту романа, весьма знаменательную. Энергическій Троекуровъ (вовсе ужь не изъ тѣхъ слабыхъ и вѣчно собственною слабостью недовольныхъ героевъ, къ которымъ пріучили насъ Тургеневъ и другіе писатели 40-хъ и 50-хъ годовъ) внезапно и по доброму чувству разрываетъ всѣ отношенія свои съ княжной Кубенской и подчиняетъ себя снова и на вѣкъ семейному долгу; онъ въ то же время опять надѣваетъ военный мундиръ и ѣдетъ въ Польшу сражаться за цѣлость Русскаго Государства; а княжна Кира̀ Кубенская, покинутая имъ, становится *Католической монахиней*...

Почему же Католическою, а не Православною?... Что это такое?... Сочувствіе Риму Болеслава Маркевича, который самъ былъ Католикомъ? Пропаганда?—Ничуть: это только весьма вѣрная черта, весьма художественная и вполнѣ точная,—и психологически-вѣрная, и національно-правдоподобная черта. Самъ покойный Маркевичъ о себѣ лично, напротивъ того, говорилъ мнѣ, что хочетъ умереть Православнымъ. Я совѣтовалъ ему торопиться, и за годъ, кажется, до кончины своей онъ присоединился къ Восточной Церкви.

Почему же княжна Кира̀ Кубенская, самая твердая, самая смѣлая, самая независимая и отъ жизни требовательная изъ всѣхъ героинь Маркевича, сдѣлалась монахиней именно Римско-Католическою, а не нашею?

Она сама даетъ на это отвѣтъ въ двухъ письмахъ: въ письмѣ къ двоюродной сестрѣ своей, женѣ Троекурова, и къ нему самому.

„*Тамъ* (т.-е. въ Римской Церкви) узда, *тамъ* дисциплина, *тамъ* знаешь твердо чего хотѣть и куда идти (пишетъ она ему); у насъ этого нигдѣ нѣтъ, *некому себя въ руки отдать*, а въ Римѣ для меня одно спасеніе... Воля—бремя, невыносимая тяжесть, когда не знаешь какъ управляться съ нею...“

Двоюродной сестрѣ она говоритъ о томъ же.

„Я нашла третій (исходъ), добровольное отреченіе отъ самой себя, отъ своего безполезнаго и постыднаго *я*... Твоя Православная совѣсть возмутится, я не сомнѣваюсь, мысля объ овцѣ бѣгущей отъ роднаго стада. Не нахожу нужнымъ вступать здѣсь въ разсужденія объ этомъ предметѣ... Скажу тебѣ одно: мнѣ нужна желѣзная рука, подъ которую я съ довѣріемъ и *страхомъ* (avec confiance et terreur) могла бы всецѣло отдать мою строптивую природу (ma nature rebelle). *Ты скажешь мнѣ: „развѣ не отыскала бы ты такую, не покидая лона нашей*

Библиотека "Руниверс"

Церкви?" Можетъ-быть, не знаю... У насъ воспитываются всѣ такъ мало въ познаніи ея, что я во всякомъ случаѣ не знала гдѣ искать то, чего алчу я въ этой твоей Церкви".

Я прошу перечесть еще разъ эти послѣднія подчеркнутыя строки. Ясно?

Вотъ что хотѣлъ всѣмъ этимъ сказать даровитый и житейски многоопытный русскій Католикъ, до того предпочитавшій самъ Православіе, что, чувствуя себя серьезно больнымъ, поспѣшилъ присоединиться къ Восточной Церкви.

При подобныхъ размышленіяхъ сами собою вспоминаются нѣсколько кощунственныя, но, къ сожалѣнію, очень вѣрныя слова Герцена въ одномъ изъ неоконченныхъ его сочиненій. Объясняя, почему герой его, подружившись съ однимъ молодымъ польскимъ магнатомъ, образованнымъ, мужественнымъ и, несмотря на все это, весьма набожнымъ, самъ потомъ сталъ Католикомъ (подобно сверстнику и товарищу Герцена, извѣстному Печерину);—объясняя все это, Герценъ говоритъ:

— *Тамъ* ему проповѣдовали, *тамъ* старались его привлечь, а вѣдь „Православное духовенство, приложивъ человѣку при рожденіи его печать Дара Духа Святаго, *оставляетъ его потомъ на всю жизнь въ покоѣ.*"

Какія жесткія, но правдивыя слова!

Церковь въ лицѣ духовенства своего *оставляетъ насъ на всю жизнь въ покоѣ;* а мы, міряне, *„мы воспитываемся всѣ такъ мало въ познаніи нашего Вѣроученія, что во всякомъ случаѣ не знаемъ гдѣ искать то, чего алчемъ найти въ ней, въ этой Церкви нашей!"*

Два умнѣйшихъ русскихъ человѣка, Герценъ и Маркевичъ, люди во многихъ отношеніяхъ совершенно противоположные, одинъ въ 40-хъ, а другой въ 80-хъ годахъ, на разстояніи почти полу-вѣка, говорятъ то же самое!

И все это до того вѣрно, что я самъ, когда жилъ за границей, встрѣчалъ между Католиками—ненавистниковъ Папства, безбожниковъ, враговъ своего духовенства, и что же?—Эти безбожники, эти враги Римской Іерархіи, *знали все-таки очень хорошо ученіе своей Церкви, знали ея догматы, ея духъ, ея основныя правила и отличительныя черты.*

У насъ, напротивъ того, есть много людей образованнаго класса, которые Храмы Божіи посѣщаютъ охотно, говѣютъ и пріобщаются, обряды и вообще богослуженіе *родное свое* любятъ;—Православіемъ, вдобавокъ, какъ силой національною, въ высшей степени дорожатъ, а *много ли они знаютъ о немъ,* спросите? Серьезно ли они относятся къ его основамъ догматическимъ и нравственнымъ? Руководитъ ихъ въ жизни ученіе Св. Отеческихъ книгъ, или нѣтъ?

Въ большинствѣ случаевъ, конечно, нѣтъ... Въ Православный Храмъ большею частію влечетъ ихъ привычное чувство сердца, благая привычка любви и нѣсколько смутной вѣры, а не то ясное и отчетливо

Библиотека "Руниверс"

сознанное Православіе, которое въ силахъ съ *особымъ* чувствомъ, почти восторженнымъ, осѣнять себя крестомъ, когда слышитъ слова Никейскаго Символа: „*И во Едину Святую Соборную, Апостольскую Церковь*“... „*Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь*“.

Энергическая и мыслящая Кира̀ Кубенская не знала гдѣ найти въ Россіи то, чего жаждало ея сердце,—не знала гдѣ найти „желѣзную руку“ *духовной* дисциплины.

Онѣ есть, эти желѣзныя и вмѣстѣ съ тѣмъ благія десницы! Онѣ существуютъ издавна, существуютъ *и теперь!*...

Но развѣ мы *ищемъ ихъ?* Развѣ мы въ нихъ нуждаемся? Мы вѣдь воображаемъ, не правда ли, что мы все постигли, все знаемъ!... Покойный Климентъ Зедергольмъ (котораго жизнь я описалъ въ особой книгѣ, довольно многимъ извѣстной), еще будучи міряниномъ, въ бытность свою на Аѳонѣ спросилъ у одного изъ самыхъ знаменитыхъ Святогорскихъ духовниковъ, у нынѣ усопшаго отца Іеронима: „Отчего въ Россіи уменьшается число хорошихъ старцевъ-*руководителей?*

— Оттого, что стало мало *хорошихъ послушниковъ*,—отвѣчалъ от. Іеронимъ.

Мало *спроса духовнаго* (прибавлю и я) и потому мало *предложенія*! Тутъ естественный законъ,—но не законъ гигіены здороваго общества, а законъ соціальной патологіи, и только.

Правда, учрежденіе семейнаго духовенства въ Восточной Церкви, само по себѣ взятое, есть, конечно, уже нѣкоторый источникъ слабости: женатое духовенство и при самой хорошей нравственности всегда будетъ нѣсколько terre-à-terre; оно недостаточно идеально и *отрѣшено*; оно слишкомъ прозаично, даже и въ добродѣтеляхъ своихъ, чтобы руководить умами тонкими, глубоко развитыми и сердцами романтически-настроенными. Честное семейное духовенство полезнѣе для крестьянъ и мѣщанъ, чѣмъ для людей высшаго класса, безъ котораго, однако, и религіозность самого крестьянства ненадежна и непрочна.

Живи сельскій (или вообще приходскій) семейный священникъ умѣренно, трезво, съ женою честно, съ прихожанами обращайся онъ безъ жадности и безъ крайней сухости—и этого будетъ достаточно для примѣра пьянымъ, распущеннымъ и въ семьяхъ столь часто жестокимъ простолюдинамъ.

Но для руководства людей *иначе* воспитанныхъ всего этого очень мало; для вліянія на подобныхъ людей безбрачное, монашествующее, *не буржуазно*, такъ сказать, *само живущее* духовенство несравненно полезнѣе...

Оно есть и теперь у насъ, слава Богу...

Въ томъ же 82 году, почти въ то же самое время, когда я получилъ отъ покойнаго Маркевича, въ даръ пріязни и единомыслія, его *свѣтскую* книгу, вышла въ Москвѣ книга *духовная* „Жизнеописаніе

Библиотека "Руниверс"

Архимандрита Моисея, настоятеля Оптиной Пустыни". Пусть прочтутъ эту книгу. Она написана строго, быть-можетъ даже не безъ намѣренія нѣсколько сухо; написана однимъ изъ бывшихъ постриженниковъ и послушниковъ великаго Настоятеля, вдобавокъ человѣкомъ по рожденію и воспитанію принадлежавшимъ къ высшему нашему обществу. Пусть узнаютъ, какъ отецъ Моисей еще смолоду поселился съ двумя-тремя другими отшельниками въ едва проходимой чащѣ Рославльскихъ лѣсовъ, гдѣ кромѣ рѣпы ничего даже расти не могло на огородѣ; какъ онъ прожилъ тамъ *десять* лѣтъ (1811 — 1821), какъ потомъ въ 1821 году былъ почти насильно вызванъ оттуда Духовнымъ Начальствомъ для возстановленія бѣдствующей Оптиной Пустыни и какъ долго управлялъ онъ этою обителью;—какъ онъ возсозидалъ ее покойно, величаво, любвеобильно и строго. Около него, подъ его властью и защитой, сіяли такія свѣтила какъ Леонидъ, Макарій, Антоній, Иларіонъ и другіе духовные старцы. Онъ еще былъ живъ въ то время, когда отважный и независимый „эстетикъ" Троекуровъ, получивъ письмо отъ княжны Кубенской, восклицалъ, взирая съ глубокимъ чувствомъ *на сверкающіе кресты церковныхъ главъ* изъ своего московскаго окна: „У насъ *некому* отдать себя въ надежныя руки! *Некому?*... Ужели-жь все *прежнее, крѣпкое, прахомъ пошло и разнесено вѣтромъ?*".

Нѣтъ, оно и теперь еще существуетъ — это *крѣпкое* и надежное, среди насъ живущее и надъ нами духовно-превознесенное; оно найдется даже во всякой не особенно прославленной подвигами и строгостію иноческой обители; *нашлось бы и подъ Москвою* и тогда, и теперь...

Нужно только *искать*, нужно идти съ твердою рѣшительностью подчинить, хоть въ общихъ основахъ, нашу строптивую, „современную" волю великимъ преданіямъ; нужно смѣло совлечь съ себя до жалкой дряхлости уже „ветхаго европейца", отрясти „прахъ прогресса съ подошвъ своихъ" и принимать, *хотя бы и насильно сначала для сердца, по одному изволенію ума все, что намъ скажутъ.*

Пусть сердце сначала въ отвѣтъ на многое остается глухимъ и безчувственнымъ; пусть умъ предъявляетъ свои закоснѣлые, привычные протесты.... Это пройдетъ, и все органически претворится современемъ...

Я хочу вѣрить—и *буду*... „Боже, помоги моему маловѣрію!..."

„*По милости Твоей научи* меня страха Твоего страшиться", а не стыдиться его, какъ безсмысленно стыдятся именно этого рода страха столь многіе люди нашего времени.

Развѣ Графъ Габсбургскій былъ малодушенъ, когда по „страху Божію" онъ, воинъ отважный и блестящій, не хотѣлъ уже никогда сѣсть самъ на того коня, на которомъ ѣхалъ священникъ со Святыми Дарами?...

Библиотека "Руниверс"

Всѣ, всѣ мы, если присмотрѣться внимательно, живемъ и дышемъ ежедневно подъ *страхомъ человѣческимъ*: подъ страхомъ корыстнаго разсчета, подъ страхомъ самолюбія, подъ страхомъ безденежья, подъ страхомъ того или другаго тонкаго униженія; подъ боязнью наказанія, нужды, болѣзни, скорби; и находимъ, что это все „ничего", что это только „здравый смыслъ" и „европейскому" *достоинству* нашему не противорѣчитъ ничуть. А страхъ высшій, мистическій, страхъ *грѣха*, боязнь уклониться отъ Церковнаго Ученія, или недорасти какъ слѣдуетъ до него, это—боязнь низкая, это страхъ грубый, мужицкій страхъ, или женски-малодушный, что ли?...

Умно!

Современные церковные вопросы.

Т. И. Филиппова.

(*Совр. Изв. 1882 г.*)

Имя г. Филиппова достаточно извѣстно всѣмъ тѣмъ Русскимъ, которые принимаютъ къ сердцу высшіе интересы Православной Церкви и слѣдятъ внимательно за ея историческими судьбами у насъ и на Востокѣ. *Церковно-Православный публицистъ и мыслитель въ высшей степени охранительнаго духа*, вотъ какъ, по-нашему, лучше всего можно бы характеризовать автора вышеназваннаго замѣчательнаго труда. Г. Филипповъ собралъ въ первой половинѣ этой книги всѣ статьи свои по греко-болгарскому вопросу, напечатанныя имъ лѣтъ девять-десять тому назадъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а во второй—всѣ чтенія свои въ *Обществѣ любителей Духовнаго Просвѣщенія* по вопросу „Единовѣрія" и Старообрядчества. Въ первой части онъ является ревностнымъ приверженцемъ преданій *Великой* Церкви и правъ Вселенскаго Патріарха, а во второй—защитникомъ *стараго обряда*, или, вѣрнѣе сказать, ревнителемъ примиренія нашей господствующей Православной Церкви съ ея упорными, но вѣрующими отщепенцами.

Не дарованіе гражданской равноправности *обособленнымъ* и *непримирившимся* совѣтуетъ онъ, подобно другимъ, просто и грубо либеральнымъ защитникамъ Старовѣровъ; но созваніе *новаго* Собора для *разрѣшенія клятвъ XVII* вѣка. Не *воздвиженіе непроходимой стѣны* между *Нововѣрами* и *Старовѣрами* проповѣдуетъ г. Филипповъ (такую стѣну воздвигла бы простая равноправность, *дарованная государствомъ*); напротивъ того, онъ руками Церковной власти ищетъ открыть широко врата примиренія, ибо надѣется, что новый Соборъ съ участіемъ Вос-

Библиотека "Руниверс"

точныхъ Іерарховъ (греческихъ) разрѣшилъ бы клятвы стараго Собора 1667 года, сохраняя за *примиренными* право молиться и служить во Храмѣ по древне-русскому уставу и обычаю. *Московскія Вѣдомости* въ своей библіографической замѣткѣ о книгѣ г. Филиппова (19 марта, № 78), изложивши взгляды автора на русское Старообрядчество и на недостаточность той формы общенія, которую принято называть „Единовѣріемъ", справедливо прибавляютъ слѣдующія строки:

„Таковы мнѣнія г. Филиппова о русскомъ расколѣ. Къ расколу Болгарскаго „филетизма" авторъ, сказали мы, относится иначе. Онъ находитъ, что Греческое духовенство было несравненно правѣе Болгаръ. Г. Филипповъ почти съ самаго начала разгара Греко-Болгарской распри явился энергическимъ защитникомъ каноническихъ правъ Вселенскаго Патріарха. Можно не соглашаться съ нимъ, можно ему не сочувствовать, но должно признать независимость и стойкость, съ которыми онъ неуклонно защищалъ свою мысль".

Съ нашей стороны, не входя здѣсь въ разбирательство греко-болгарскаго вопроса, скажемъ только, что между Русскимъ расколомъ и отдѣленіемъ Болгаръ есть, между прочимъ, одна существенная разница. Русскій расколъ есть заблужденіе, но заблужденіе искреннее, наивное, по существу своему религіозное, безо всякихъ тайныхъ цѣлей. Въ Болгарскомъ отдѣленіи движеніе было только по имени „церковнымъ", цѣль же была политическая: какъ-нибудь отдѣлиться отъ Грековъ въ провинціяхъ смѣшаннаго населенія (во Ѳракіи, Восточной Румеліи, Македоніи). Объяви Россія войну Турціи въ 1870—71 году (въ самое время Галло-Прусской войны), церковной распри не было бы. Значительная часть Болгаріи (если не вся), освобожденная отъ турецкой власти, *законно* отдѣлилась бы и отъ Патріарха *не на племенномъ, а на административно-политическомъ основаніи. Греки, по духу Каноновъ, не могли бы тому препятствовать.*

Примѣчаніе 1885 года.

Въ книгѣ г. Филиппова, какъ уже сказано, два отдѣла: одинъ посвященъ Греко-Болгарской распрѣ, другой — нашимъ старовѣрческимъ дѣламъ. Во взглядахъ г. Филиппова на отношенія господствующей Россійской Церкви къ Единовѣрчеству и Старовѣрію люди, по этой части гораздо болѣе меня знающіе, находятъ много погрѣшностей и считаютъ автора вообще къ Старообрядцамъ слишкомъ снисходительнымъ. Объ этомъ я судить рѣшительно отказываюсь и не считаю себя въ правѣ имѣть свое мнѣніе въ дѣлѣ мало мнѣ знакомомъ и, даже признаюсь, мало и понятномъ. Замѣчу здѣсь только отъ себя (не для порицанія г. Филиппова и не въ защиту его и безъ всякаго

Библиотека "Руниверс"

даже прямаго отношенія къ его во всякомъ случаѣ замѣчательной книгѣ), что исторія раскола Болгарскаго и исторія раскола Старо-Русскаго, не сходныя и даже противоположныя въ столь многомъ, весьма различны еще и потому, что Старовѣрческое дѣло очень сложное, очень глубокое и очень искреннее, а дѣло Болгарское очень *простое* и очень *ясное* въ эмансипаціонномъ лукавствѣ своемъ.

Т. И. Филипповъ и От. Склобовскій.

(*Письмо въ редакцію Гражданина 1883 г.*)

I.

Непріятная неожиданность заставила меня измѣнить первоначальму намѣренію моему подѣлиться съ вами моими общими взглядами на дѣла Востока и на наше тамъ значеніе. Я хотѣлъ говорить вамъ постепенно все яснѣе и яснѣе, все подробнѣе и, такъ сказать, изобразительнѣе о томъ идеалѣ, который сложился въ душѣ моей *послѣ долгой жизни въ Турціи, въ средѣ единовѣрцевъ нашихъ*, и послѣ долгихъ разнообразныхъ размышленій о судьбахъ того страннаго и до сихъ поръ еще загадочнаго міра, который зовется Россіей, или Государствомъ Русскимъ.

Но непредвидѣнная случайность вынудила меня отъ общихъ и самыхъ широкихъ картинъ и отвлеченій перейти почти насильственно и внезапно къ одной изъ самыхъ скучныхъ и антипатическихъ подробностей Восточнаго вопроса.

Одинъ ученый священникъ напечаталъ въ *Православномъ Обозрѣніи* пренаивный или прековарный (сразу не могу понять еще какой) разборъ книги Т. И. Филиппова—*Современные Церковные вопросы.*

Опять *все то же!* Опять защита Болгаръ, опять несправедливыя, близорукія придирки къ Цареградской Вселенской Патріархіи. Все это довольно пусто, сентиментально, нецерковно, негосударственно, самому Всеславянству очень невыгодно и, вдобавокъ, очень неново...

Все это мы слышали отъ разныхъ болгарскихъ Дриновыхъ, Даскаловыхъ, Жинзифовыхъ, отъ редакціи *Голоса* и т. д. Ново здѣсь одно то, что г. Филипповъ представляется писателемъ *вреднымъ для Церкви.* „Книга его—неутѣшительное явленіе“; для Церкви настали (благодаря писателямъ) самыя „тяжкія времена“.

Для *какой* Церкви—вопросъ? Для древней Восточной *Греко-Россійской, извѣстной намъ* Церкви не можетъ быть вреденъ писатель, защищающій единеніе Русской Іерархіи съ Греческими Патріархатами. А если г. Филипповъ вреденъ для какой-нибудь *Ново-Славянской*, либеральной, религіи, такъ за это надо его благословлять!

Библиотека "Руниверс"

Вотъ что говоритъ г. Дурново въ своей почтенной, хотя и до грубости иногда прямодушной газетѣ *Востокъ*: „Каждый разъ, какъ только ревнители Церкви выскажутъ свое осужденіе дѣйствіямъ болгарскихъ дамагоговъ и атеистовъ“, — либеральные московскіе священники, „вмѣстѣ съ извѣстнымъ редакторомъ *Церковно-Общественнаго Вѣстника* г. Поповицкимъ, смѣхотворнымъ арабскимъ богословомъ г. Муркосомъ и съ Калязинскимъ протестантскимъ богословомъ Беллюстинымъ, выступаютъ якобы противъ Вселенской Патріархіи, *а на дѣлѣ противъ Православной Церкви, которую, по ихъ мысли, давно бы пора преобразовать въ Протестантскую съ женатыми Архіереями во главѣ*“.

Не зная правъ ли вполнѣ г. Дурново въ своихъ рѣзкихъ обвиненіяхъ, но отъ себя, по этому поводу, прибавляю здѣсь вотъ еще что: Славяно-Англиканское новоправославіе (о которомъ *иные* несомнѣнно мечтали, а можетъ-быть мечтаютъ и теперь) есть нѣчто болѣе опасное (да и болѣе безплодное, пожалуй) чѣмъ всякое скопчество и всякая хлыстовщина... Въ этихъ послѣднихъ уклоненіяхъ есть хоть *еретическое творчество*, есть своего рода сатанинская поэзія, есть *строй*, есть пластичность, которая ихъ тотчасъ же *обособляетъ въ особую, рѣзко огражденную отъ Православныхъ, группу*; а что было бы въ томъ Англо-Славянскомъ поповскомъ мѣщанствѣ, кромѣ грѣха и духовнаго бунта съ одной стороны, глупости и прозы съ другой? Для кого же и для чего нужно, чтобы какая-нибудь мадамъ Благовѣщенская или Успенская сидѣла около супруга своего на ступеняхъ Епископскаго трона? Для чего? Для спасенія души?—Спасались безъ всякихъ дамъ, съ одними монахами. Для Государства?—*При слабости бѣлаго духовенства* и *при силѣ чернаго*, оно было и будетъ крѣпче, *каѳоличнѣе*, такъ сказать.— Для культуры?—Не оригинально, слишкомъ похоже на Англичанъ и неособенно красиво.

Итакъ, въ чемъ же самый вопросъ?

Греко-Болгарское дѣло, очень смутное и даже какъ бы скучное издали, очень просто и ясно для того, кто съ нимъ разъ ознакомился.

Оно до того ясно, что, я просто тягощусь даже препираться и доказывать шагъ за шагомъ то что давно доказано. На что подробности, на что второстепенные доводы, когда достаточно отвѣтить на два главные вопроса, чтобы видѣть до чего Болгары не правы.

1-й вопросъ. Еслибы Малороссы (положимъ), находясь въ предѣлахъ одного государства съ Великороссами, пожелали бы имѣть особый Экзархатъ, а Св. Синодъ (или Московскій Патріархъ напр.) не находилъ бы нужнымъ имъ его дать, хотя бы по самымъ несправедливымъ и корыстно-политическимъ соображеніямъ, *то Малороссы имѣли бы или нѣтъ духовное, такъ сказать, право объявить сами себя независимыми отъ Московской или Всероссійской Церкви*, даже и съ разрѣшенія свѣтскаго Правительства?

Библиотека "Руниверс"

Конечно, нѣтъ!...

Если Малороссы (или, положимъ, Грузины, или Эсты, или Поляки, принявшіе Православіе) канонически не имѣли бы права это сдѣлать *вопреки власти духовной*, даже и съ разрѣшенія *единовѣрной* свѣтской власти, то какъ же можно сдѣлать то же самое на основаніи *указа власти иновѣрной*, какъ сдѣлали Болгары? Султанскій фирмáнъ необходимъ только въ томъ смыслѣ, что свѣтское Правительство *не препятствуетъ извѣстной формѣ отдѣленія*. Бóльшаго значенія онъ не можетъ имѣть.

Къ тому же, если подчиненный главенству какой-нибудь іерархіи народъ признаётъ *за собою въ принципѣ права самоволія* въ дѣлахъ Церкви, т.-е. возводитъ въ идеалъ *духовно-административный бунтъ, то и за эту одну идею* существенно-основную, безъ всякихъ иныхъ уклоненій догматическихъ, второстепенно-каноническихъ и обрядовыхъ и т. д., онъ заслуживаетъ строжайшаго церковнаго осужденія, и *самое ученіе подобной духовной инсуррекціи можно назвать расколомъ, если не ересью...*

Истинно-русскіе, православные люди такъ и думаютъ. Приведу два примѣра: одинъ—изъ высшей духовной сферы, а другой—изъ простой „мужицкой".

Митрополитъ Филаретъ вотъ что сказалъ про Болгаръ: „Просить у Порты самимъ учредить свою народную независимую Іерархію это показываетъ, что Болгаре хотя уже довольно имѣли времени обдумать свое дѣло, *но все еще имѣютъ упрямое желаніе, а понятія не пріобрѣли. Учредить новую независимую Іерархію можно только съ благословенія законно существующей Іерархіи*".

Это примѣръ высшаго духовнаго пониманія. А вотъ примѣръ другой, изъ жизни простыхъ и безграмотныхъ людей.

На Нижнемъ Дунаѣ, въ Добруджѣ, въ 70-хъ годахъ было довольно много Русскихъ,—не Старовѣровъ только или Молоканъ, но *Православныхъ* Малороссовъ и Великороссовъ. Всѣ они, вмѣстѣ съ Болгарами, были, разумѣется, подчинены Вселенскому Патріарху и его Епископамъ. Когда въ 72-мъ году произошелъ между Греками и Болгарами разрывъ, и къ Болгарамъ въ Тульчу пріѣхалъ *свой*, раскольничій епископъ, то Болгары стали приглашать Русскихъ тоже отдѣлиться отъ Грековъ и перейти къ нимъ. Они указывали имъ на сродство крови и языка, на одинаковое Богослуженіе и т. д. Русскіе мужики отвѣтили на это такъ:

— „Оно бы и хорошо, *да словно грѣхъ безъ благословенія Патріарха*".

Замѣчу еще, что тогдашній Греческій Епископъ въ Тульчѣ былъ человѣкъ грубый, ума весьма ограниченнаго, лукавый, и его многіе обвиняли и во взяткахъ, и въ другихъ неблаговидныхъ дѣлахъ.

Болгары же въ то время прислали въ Добруджу Епископа образо-

Библиотека "Руниверс"

ваннаго, воспитаннаго, кажется, въ Россіи, и котораго вообще любили за его личныя качества. И, несмотря на все это, Русскіе предпочли остаться съ Греками, *по вѣрному мистическому чувству* истинно-православныхъ людей!

Если есть въ церковныхъ дѣлахъ законъ изъ законовъ, канонъ изъ каноновъ, такъ это канонъ повиновенія Іерархіи. Неужели почтенный іерей от. Склобовскій не согласенъ съ этимъ?

Но лучше я умолкну на мгновенье, и пусть говоритъ вмѣсто меня Влад. С. Соловьевъ, человѣкъ, у котораго „я не достоинъ ремень обуви развязать", когда дѣло идетъ о религіозной метафизикѣ и о внутреннемъ духѣ общихъ церковныхъ правилъ.

Вотъ его недавнія слова: „Если только признано, что Церковь, несмотря ни на какія неправды и грѣхи своихъ представителей, *не теряетъ Божественной благодати* (*въ таинствахъ и проч.*), *и что „господствующая" Церковь дѣйствительно обладаетъ этою благодатью, то какія же тогда человѣческія соображенія могутъ быть достаточно сильны, чтобы отдѣлить вѣрующаго отъ этого* вмѣстилища Божіихъ даровъ?" (*Русь*, № 40: О церкви и расколѣ.)

Или еще лучше (тамъ же, № 38): „Всякій человѣкъ имѣетъ, въ силу воплощенія Христова, возможность соединиться съ Божествомъ, но для того, чтобы эта возможность быть сынами Божіими стала *дѣйствительностью*, необходимо прежде отречься отъ существующей уже противобожеской (грѣховной) дѣйствительности человѣка, корень которой состоитъ въ эгоизмѣ или самости, т.-е. именно въ усиліи поставить и утвердить себя внѣ Бога и противъ Бога; слѣдовательно, человѣкъ, желающій *дѣйствительнаго* возсоединенія съ Божествомъ, прежде всего долженъ отказаться отъ своего самоутвержденія; онъ долженъ признать, что не въ немъ источникъ добра, истины и жизни, и ни въ какомъ случаѣ не долженъ говорить и дѣйствовать изъ-за себя и во имя свое, чтобы не заслонять Божественной благодати своимъ себялюбивымъ посредствомъ. Но именно іерархическій строй Церкви— *только* онъ устраняетъ и дѣлаетъ невозможнымъ всякое себялюбивое и самовольное посредство между Богомъ и твореніемъ, ибо въ этомъ іерархическомъ строѣ (и только въ немъ одномъ) *никто* самъ собою или въ своей отдѣльности не получаетъ благодати Божіей, но каждый имѣетъ ее лишь отъ божественнаго цѣлаго чрезъ другихъ, не собою ея пріявшихъ. Такъ, всѣ міряне не сами собою, а черезъ священника принимаютъ благодать, но и священникъ не собою священнодѣйствуетъ, а въ силу посвященія отъ Епископа; Епископъ же не собою даетъ и не отъ человѣческаго произвола беретъ свое святительское полномочіе, но посредствомъ Собора старшихъ Епископовъ получаетъ его черезъ Апостоловъ отъ самого Христа, котораго Богъ-Отецъ освятилъ и послалъ въ міръ для нашего спасенія, и который Самъ

Библиотека "Руниверс"

творитъ волю не свою, но пославшаго Его. Итакъ, въ этой чудной цѣпи благодатнаго дѣйствія нѣтъ ни одного звена, запятнаннаго человѣческимъ самоутвержденіемъ, въ этомъ великомъ обществѣ нѣтъ ни одного дѣятеля—отъ Божественнаго Главы его и до послѣдняго церковнослужителя, нѣтъ ни одного дѣятеля, который самъ бы о себѣ свидѣтельствовалъ или самъ бы поставилъ себя въ проводники благодати и свидѣтели истины. Потому, каковы бы ни были человѣческія дѣла какого нибудь іерарха (или цѣлаго ряда іерарховъ), и хотя бы онъ въ своимъ личномъ характерѣ обнаруживалъ высочайшую степень гордости и высокомѣрія,— *святительское* его служеніе все-таки основано на смиреніи и самоотверженіи, ибо онъ не самъ себя поставилъ въ іерархи, не во имя себя дѣйствуетъ и не свое проповѣдуетъ. *Напротивъ, всѣ основатели и учителя отдѣлившихся отъ Церкви сектъ, какъ въ западномъ протестанствѣ, такъ и въ нашемъ расколѣ, хотя бы иные изъ нихъ, по личному своему характеру, и были люди смиренные, но служеніе ихъ основано на самоутвержденіи и гордости, ибо они сами о себѣ свидѣтельствуютъ, во имя свое выступаютъ, все свое дѣлаютъ и проповѣдуютъ.* Іерархія же церковная не по дѣламъ своихъ членовъ, а по совершенству своего начала, по чистотѣ и цѣлости своей каѳолической формысвята, не порочна и божественна". (Не правда ли какъ не хороши и какъ вредны подобныя слова и этого тоже *свѣтскаго* писателя?...)

Итакъ, если весь церковный строй основанъ *на смиреніи и покорности*, то какъ же не раскольники тѣ, которые *самовольно* отдѣляются отъ своей мѣстной „Господствующей" Церкви. Еслибы у нихъ не было сверхъ этого и тѣни еще *иныхъ неправильныхъ идей*, еслибы они, оставаясь во всемъ иномъ чистыми и не коварными, отдѣлились самовольно только потому, что это имъ показалось лично удобнымъ или національно выгоднымъ,—то за одно это *дѣйствіе они заслужили бы названіе раскольниковъ;* и это ученіе принципіальной непокорности можно было бы назвать даже особымъ именемъ—наприм. „инсуррекціонизмомъ", или „анархизмомъ", или еще иначе удачнѣе.

Но у Болгаръ была еще сверхъ идеи простой непокорности и другая идея, идея *филетизма*, какъ выразился Цареградскій Соборъ 72 года.

Они хотѣли, *чтобы каждый Болгаринъ, гдѣ бы онъ ни былъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, зависѣлъ не отъ Греческой Іерархіи, а отъ особой своей;* подобно тому, какъ Армянинъ зависитъ отъ своей Іерархіи, русскій Старовѣръ—отъ своей, Католикъ—отъ своей.

Другими словами, они сами *желали раскола*, они *добивались его*, нарочно затягивали дѣло, нарочно даже раздражали Грековъ и очень лукаво старались *настолько разрушить* каноны, чтобы можно было „вылущить", такъ сказать, все свое населеніе во Ѳракіи и Македоніи „изъ Грековъ".

Библиотека "Руниверс"

Но вмѣстѣ съ тѣмъ они нарушали эти каноны не слишкомъ ужь эффектно и грубо, дабы не привести въ ужасъ Русскую дипломатію и Русское духовенство, котораго многіе представители склонялись тогда на ихъ сторону, по недоразумѣнію или по тайному желанію тоже „политиковать“ въ славяно-либеральномъ духѣ... Не знаю почему...

Вотъ мы и дошли до втораго вопроса.

2-й вопросъ: Правильно ли было желаніе Болгаръ—имѣть вездѣ, гдѣ только есть Болгары, свое особое духовное начальство?—Конечно, нѣтъ. Такое желаніе есть *прямо исканіе раскола* и на такія требованія у Вселенскаго Патріарха могъ быть только одинъ отвѣтъ: „non possumus!“

II.

Все то же, все одно и то же и во второй статьѣ От. Склобовскаго противъ Т. И. Филиппова. „Греки *Фанара*“, „съ Греками“, „отъ Грековъ Фанара“, точно бывало про Турокъ въ нашихъ газетахъ во время войны—„азіатская орда“, „съ азіатской ордой“, „отъ азіатской орды“!

А между тѣмъ знаетъ ли От. Склобовскій, что такое „Фанаріоты“ и какой ихъ духъ? Фанаріоты (т.-е. цареградскіе Греки и духовные и свѣтскіе) отъ Грековъ аѳинскихъ отличаются тѣмъ, что они *охранительнѣе* этихъ послѣднихъ; тѣмъ, что у нихъ *Православныя преданія были долго сильнѣе, чѣмъ племенныя чувства*, а у аѳинскихъ Грековъ наоборотъ.

Знаетъ ли Острогожскій священникъ, что для *истинныхъ* Фанаріотовъ постепенность политическихъ сочувствій и разсчетовъ располагается такъ: 1) Лучше всего, полезнѣе была бы, конечно, Эллино-Византійская Имперія, еслибы можно было создать греко-православную аристократію; но это невозможно,—аѳинскій якобинизмъ и умѣренный либерализмъ греческаго большинства (т.-е. общеевропейская пошлость) все подобное затопятъ, даже и само Православіе. Аѳинскіе Греки во многомъ гораздо вреднѣе Турокъ; *Вѣрѣ Турки были издавна полезны*, и если они теперь стали съ этой стороны гораздо хуже, то этому мы обязаны нашимъ Греческимъ и Юго-Славянскимъ либераламъ: они выучили Турокъ искусству вредить Церкви; *помогли* не мало этой наукѣ и Русскіе своею намъ (т.-е. Фанаріотамъ) эмансипаціонною оппозиціей. 2) И потому, такъ какъ либеральное Греческое Царство намъ, Фанаріотамъ, не особенно соблазнительно, *то необходимо по возможности охранять Порту;* надо Портѣ служить; надо ее защищать“. И я съ этимъ взглядомъ Фанаріотовъ согласенъ: Паша лучше Эллинскаго демократическаго *Номарха* (префекта); Паша монархичнѣе, государственнѣе, умнѣе, шире. 3) А если Порту сохранить нѣтъ уже никакой возможности, то *лучше ладить съ Россіей*, чѣмъ съ аѳинской демагогіей... Россія *срав-*

Библиотека "Руниверс"

нительно съ Элладой представляется державой и націей *въ высшей степени* Православною, консервативною, даже „аристократическою".

И это правда, ибо если въ Россіи аристократическое начало было слабѣе выражено, чѣмъ на Западѣ, а теперь дворянскія *привилегіи* почти вовсе уничтожены, то все-таки у насъ, Русскихъ, существуютъ барскія *преданія*, дворянскія *привычки*, аристократическія *положенія*, рыцарскіе *вкусы*, а у свободныхъ Эллиновъ, точно такъ же какъ и Юго-Славянъ, ничего этого нѣтъ; Фанаріоты же, сжившіеся съ властителями Турками, воспитавшіеся подъ властію все-таки сильной монархіи (сравнительно съ кукольною конституціонною Элладой даже очень сильною), выросшіе подъ непосредственнымъ и давнимъ вліяніемъ Великой и Вселенской Матери-Церкви, Фанаріоты эти—всѣ болѣе или менѣе монархическаго, церковнаго и аристократическаго духа люди.

Греческій монахъ, греческій Епископъ, не испорченный еще до тла революціонно-племеннымъ направленіемъ (какъ былъ испорченъ, напримѣръ, извѣстный Ликунтъ Сирскій)—вотъ самые лучшіе и вѣрные союзники Россіи на Востокѣ. Греческіе твердые монахи и черногорскіе воины—вотъ столпы нашего вліянія, вотъ наши опоры!—А послѣ нихъ надо *для ближайшаго будущаго* поставить Фанаріотовъ, всѣхъ этихъ Аристархи, Муссуросъ-пашей, Фотіадесъ-беевъ, Вогоридесовъ... Намъ *необходимо беречь ихъ*, даже ласкать; не оскорбляться ихъ временнымъ туркофильствомъ, ибо они вмѣстѣ съ высшимъ Греческимъ духовенствомъ будутъ самыми полезными для насъ людьми, *когда мы возмемъ Царьградъ и присоединимъ его... А мы ею взять должны, и возьмемъ, ибо другаго исхода* намъ и нѣтъ ни изъ лабиринта Восточнаго вопроса, ни изъ трясины нашихъ домашнихъ неустройствъ.

Старая жизнь на началахъ 60-хъ годовъ оказалась непригодною; нужна жизнь новая, а совершенно новая жизнь всегда требуетъ новаго центра, новой столицы; если не прямо административной, то, по крайней мѣрѣ, культурной (т.-е. не чисто-Русской, не Греческой и не исключительно-Славянской, а Православно-Восточной или, пожалуй, Западно-Азіатской столицы).

Избѣгнуть такого исхода невозможно; а при такомъ исходѣ всякій союзникъ будущаго дорогъ, каковы бы ни были его *нынѣшніе* или *вчерашніе* интересы.

Итакъ, все это для знающаго дѣло ясно, все это даже *близко*... Сама историческая судьба влечетъ насъ къ этому вопреки нашимъ колебаніямъ. О чемъ же безпокоиться *теперь-то* за Болгаръ?... Государство у нихъ есть и будетъ свое, и весьма достаточное, если они будутъ разсудительны. Чего-жь имъ больше? Греки серьезно вредить имъ теперь уже не могутъ; объявленіемъ раскола они сами выдѣлили изъ себя Болгаръ и дали имъ время окрѣпнуть; Соборъ 72 го-

Библиотека "Руниверс"

да *самъ убилъ* въ корнѣ Эллино-Византійскую „Великую Идею". Поэтому можно въ 82 году и оставить славянскія пристрастія и судить объективнѣе и церковнѣе.

Оно и политически выйдетъ гораздо мудрѣе, и для Панславизма крѣпость и устойчивость *Греко-Россійской* Церкви необходима, и надо трепетать при малѣйшемъ ея потрясеніи. Да! Кто Славянофилъ или Панславистъ мало-мальски понятливый и не близорукій, тотъ въ Болгарскомъ вопросѣ долженъ быть за Патріарха Цареградскаго, *ибо онъ Греческій* только по исторической *случайности*, но вовсе не Греческій по историческому *значенію*. По значенію онъ *именно Вселенскій*, первопрестольный Патріархъ, и въ самомъ *Православномъ Обозрѣніи* нѣсколько лѣтъ тому назадъ печаталось сочиненіе Англійскаго (или Сѣверо-Американскаго?) писателя Нила, который прямо говоритъ, что *Константинопольской Патріархіи предстоитъ въ случаѣ разрѣшенія Восточнаго вопроса великая будущность*. (Я привожу его слова на память, приблизительно, но за смыслъ ручаюсь.)

Довольно намъ пѣть этого сентиментальнаго славянскаго „Лазара" во что бы то ни стало!... Это ужь слишкомъ наивно, даже въ случаѣ небольшаго политическаго коварства. Именно коварство-то такого сорта, либерально-церковнаго и односторонне-славянскаго, было бы ужь слишкомъ дѣтское... *Факты* коварнѣе нашихъ простыхъ эмансипаціонныхъ соображеній... Неужели это не ясно?... Греко-Византійская Имперія и *слишкомъ* „Великая" Болгарія *стали теперь одинаково невозможны и ненужны*...

Какъ ни судить вопросъ этотъ, все надо стать въ немъ, *именно въ немъ-то*, въ этомъ церковномъ дѣлѣ, на сторону Грековъ.

Будемъ ли мы судить духовно въ тѣсномъ смыслѣ,—мы должны вспомнить еще разъ Митрополита Филарета (*„учредить новую независимую Іерархію можно только съ благословенія законно существующей Іерархіи"*) и отвѣтъ придунайскихъ Русскихъ: „безъ благословенія Патріарха словно *грѣхъ*"!...

Судя духовно, нельзя также успокоиться тѣмъ разсужденіемъ, на которомъ успокоивались у насъ иные люди, огорчавшіеся распрями нашихъ единовѣрцевъ: „Болгары не правы *канонически*, а Греки не правы *нравственно*".

Правильное разсужденіе должно быть слѣдующее: Греки *правы канонически, но, пожалуй, не совсѣмъ чисты нравственно* въ этомъ вопросѣ, потому что дѣйствія ихъ, видимо, имѣли не *одну* только цѣль церковнаго домостроительства или строгаго охраненія церковныхъ законовъ, но и политическо-племенную цѣль приготовить себѣ побольше территоріи и жителей на случай паденія Турціи.

Болгары же, требуя Экзархата съ неопредѣленными границами, доискиваясь отдѣленія не столько *топографическаго, сколько племеннаго*, и

Библиотека "Руниверс"

(что важнѣе всего) создавая себѣ Іерархію новую безъ благословенія прежней,—*неправы и канонически, и нравственно.* Нравственная нечистота ихъ побужденій видна ужь изъ того, что они *преднамѣренно* стремились къ расколу,—именно къ расколу, *а не къ ереси*,—къ *легкому, явному*, умѣренно-либеральному, практическому отщепленію, а не къ какой-нибудь мистической и еще болѣе, быть-можетъ, опасной, но все-таки искренней ереси. Какая у нихъ тамъ мистика! Узкій племенной патріотизмъ, національное самолюбіе—и больше ничего.

Болгары преднамѣренно и очень искусно искали этого легкаго и тонкаго отщепленія и *послѣ всякой уступки Грековъ* нарочно новыми требованіями затягивали дѣло. Напрасно добродушный о. Склобовскій полагаетъ даже, что они особенно „раздражались" упорствомъ Патріархіи; *я жилъ тамъ* долго и очень многихъ изъ вождей этого движенія знаю хорошо. Они даже не особенно раздражались,—они радовались: радовались они и уступкамъ, и упорству Грековъ; они очень ловко плыли по модному эмансипаціонному теченію; Турки помогали, а *мы не смѣли* и *не съумѣли* ихъ во-время остановить.

Раздражились же на Болгаръ Греки,—раздражились страстно, до ошибки; ибо, оставаясь правыми съ церковной точки зрѣнія, *они ошиблись именно тамъ, гдѣ имъ совсѣмъ не хотѣлось и не шло ошибаться*,—они ошиблись *политически*; выбросивши Болгаръ изъ своей Церкви, они исполнили ихъ желаніе имѣть совершенно особое церковное управленіе, и подъ предлогомъ этой особой церковности забрать постепенно въ свои руки Румелію, Македонію, Ѳракію, если можно, и если посчастливится, то, пожалуй, и Царьградъ. У Грековъ „Византійская Имперія", „Великая Эллинская Идея"; у Болгаръ „Великая Болгарія",—не все ли это *намъ* равно?

Съ точки зрѣнія нравственной это для насъ давно было *все равно*.

Съ политической же точки зрѣнія тоже почти все равно; *ибо мы, Русскіе, ни того, ни другаго не можемъ допустить.*

И то и другое—вредный для *общаго дѣла* вздоръ. Кромѣ насъ никто не долженъ смѣть *и думать о Босфорѣ*, и въ этомъ отношеніи *между Православіемъ и Эллинизмомъ* мы *должны проводить нашглубочайшую черту.*

Какъ представители Православія на Востокѣ, какъ хранители Святыхъ Мѣстъ, какъ обладатели патріаршихъ троновъ, Греки (и въ особенности эти самые „Фанаріоты") должны быть намъ дороже всякихъ другихъ союзниковъ, и съ этой стороны хорошо дѣлать имъ всевозможныя уступки.

Что же касается до Эллинизма, или до Грековъ, какъ представителей *своего племеннаго начала*, то это—смотря по обстоятельствамъ: можно быть и за нихъ, и противъ нихъ.

Не слѣдуетъ и съ этой стороны непремѣнно и всегда предпочитать

Библиотека "Руниверс"

имъ Юго-Славянъ, но всегда *самихъ себя*; или, лучше сказать, *великое призваніе Россіи* должно всегда предпочитать либеральному и сравнительно съ этимъ призваніемъ *безсодержательному* Эллинизму.

Впрочемъ, не довольно ли?...

Я бы желалъ прекратить эту спеціальную бесѣду и возвратиться къ тѣмъ болѣе общимъ вопросамъ, отъ которыхъ меня отвлекла досада на отца Склобовскаго, вздумавшаго напасть на Т. И. Филиппова и говорить, что всѣ свѣтскіе писатели причиняютъ Церкви только одну скорбь.

Да и на что все это *теперь?* Ни Св. Синодъ, ни дипломатія наша, видимо, Болгарамъ болѣе потворствовать *въ этомъ дѣлѣ* не расположены, и не станутъ. На практикѣ, значитъ, мнѣніе г. Филиппова торжествуетъ. Книга его имѣетъ замѣчательное историческое значеніе, ибо этотъ міряниръ, этотъ „свѣтскій писатель"—одинъ въ Россіи возвысилъ свой голосъ въ защиту Вселенскаго Патріарха, каноновъ, дисциплины и преданій; онъ возвысилъ свой голосъ въ началѣ 70-хъ годовъ въ то время, когда всѣ колебались, всѣ недоумѣвали, всѣ или либеральничали, или *не понимали*, или хитрили, или терялись въ хлопотахъ мелочнаго „оппортунизма" — и въ дипломатіи, и въ печати, и почти вездѣ...

Книгѣ г. Филиппова суждено *жить* и славѣ такихъ великихъ христіанскихъ заслугъ автора предстоитъ расти; а про замѣтки и мнѣнія от. Склобовскаго нельзя сказать даже, что имъ предстоитъ умаляться. *Нечему! Ибо кто въ наше время* (послѣ 1 марта 81 г.) *либералъ, тотъ едва ли имѣетъ умственное будущее!* Развѣ онъ отступится рѣзко отъ прежнихъ убѣжденій. На счетъ взглядовъ г. Филиппова на Греко-Болгарское дѣло можно сдѣлать одно только замѣчаніе. Все, что касается до самой Греко-Болгарской распри, въ книгѣ его правильно и до высшей степени ясно; прибавить *теперь* можно развѣ еще то, что Св. Синодъ и Правительство наше въ 72 году поступили съ большою мудростью, *воздерживаясь и отъ Вселенскаго Собора, и отъ всякаго прямаго вмѣшательства и рѣшенія.*

Оно можетъ было бы *по-человѣчески* искреннѣе и прямѣе отвѣтить письменно или собрать Вселенскій Соборъ. Но вотъ въ чемъ было опасное и великое затрудненіе: *письменный, ясный* отвѣтъ отсюда *посмѣ схизмы*, вѣроятно, былъ бы въ первую минуту до того благопріятенъ Болгарамъ, что могъ бы привести насъ къ разрыву съ Греками. *Крайніе, враждебные Россіи Эллины, подъ вліяніемъ англійскихъ интригъ, пламенно этого желали. Самые серьезные и честные изъ Греческихъ охранителей этого боялись.*

Церковный же разрывъ Русскихъ съ Греками былъ бы и для насъ, и для нихъ, и даже для Юго-Славянъ—такимъ бѣдствіемъ, о которомъ и подумать страшно!

Библиотека "Руниверс"

Греки остались бы все-таки *церковно* правѣе всѣхъ; но они сдѣлались бы совершенно безсильными, попали бы окончательно въ руки своихъ „красныхъ“ и очень скоро стали бы добычей или Англіи, или Италіи и Франціи, или тѣхъ же Юго-Славянъ, противъ которыхъ мы тогда бы, конечно, защищать ихъ уже не имѣли бы особыхъ причинъ.

Славяне же съ Россіей во главѣ, продолжая совершенно напрасно считать себя архи-Православными, очень быстро впали бы въ какую-нибудь полу-либеральную ересь съ женатыми (напримѣръ) Епископами, безъ постовъ, безъ монашества и т. д. Или бы распались на два лагеря: представители одного, вѣрные преданіямъ, остались бы съ Греками, а приверженцы другаго дошли бы на волѣ до какихъ угодно крайностей пустоты.

Таковы могли бы быть послѣдствія письменнаго отвѣта *отсюда въ то время*, послѣ мѣстнаго Цареградскаго Собора 72 года.

Но Господь сохранилъ насъ отъ этого ужаса!

Что же касается до Собора Вселенскаго, то *тамъ*, на мѣстѣ, подъ вліяніемъ формальной (т.-е. *вѣрной основной сущности*) греческой правоты, Іерархамъ нашимъ пришлось бы осудить Болгаръ; и тогда или всѣ Болгары перешли бы въ Уніатизмъ (ибо къ этому они, какъ всѣмъ извѣстно, гораздо склоннѣе Грековъ), или тоже раздѣлились бы на двѣ части: на *покаявшихся Православныхъ и на Уніатовъ*. Въ этомъ случаѣ юго-славянскій элементъ уже слишкомъ бы тоже ослабѣлъ въ Турціи, и невозможны бы стали событія 76—78 годовъ.

Паденіе Турціи задержалось бы дольше, чѣмъ нужно для будущности Востока; или бы стала возможнѣе Эллино-Византійская Имперія, что для *Православія хуже всего;* ибо *два слишкомъ сильныя Православныя царства*, Россія и сильная морская, богатая, торговая Эллада, пребывая въ постоянной и неотвратимой борьбѣ, растерзали бы и самую Церковь. Именно *два* преобладающія Царства опаснѣе *многихъ* единовѣрныхъ и неравносильныхъ Царствъ для мира Церкви. Вотъ почему я сказалъ, что *факты въ одно и то же время и церковнѣе, и словно случайно съ виду* (а несомнѣнно по смотрѣнію Божію) *премудрѣе всѣхъ соображеній нашихъ*.

Сила Божія и въ немощахъ нашихъ познается...

Греки, *раздраженные до-нельзя* упорнымъ и тонкимъ коварствомъ Болгаръ, выбрасываютъ ихъ изъ своей Церкви гораздо рѣшительнѣе, *чѣмъ того требовали бы ихъ* собственныя національныя и политическія выгоды.

Русская Іерархія воздерживается отъ явнаго вмѣшательства; она безмолвствуетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ *почти* не допускаетъ Болгаръ до церковнаго съ собою общенія. Она остается формально правою, *къ отчаянію аѳинскихъ демоговъ*!

Объединенные больше прежняго *посредствомъ своего обособленія* и

Библиотека "Руниверс"

ободренные первымъ успѣхомъ, Болгары сбрасываютъ маску покорности, которую они такъ еще недавно носили передъ Турками: у нихъ силъ мало; привычки къ кровавой борьбѣ еще меньше. *Но тѣмъ лучше*,—ихъ *беззащитность для нихъ спасительна*... Ихъ избиваютъ, ихъ рѣжутъ, жгутъ!... Русское войско переходитъ Дунай... *Оно передъ Царьградомъ*... Но мы не вступаемъ туда, мы *не присоединяемъ* его... Ошибка съ виду; слабость быть-можетъ по сознанію, по человѣческому разсчету. *Но спасеніе*—по „смотрѣнію" Божію... *Въ тотъ годъ еще мы были недостойны туда взойти,—мы все бы тамъ погубили*... Мы были тогда слишкомъ *либеральны*!

Война уничтожила Турцію, какъ *политическую идею*, и раздробила ее. Война же (вызванная все тѣми же ободренными удачнымъ отщепленіемъ Болгарами) доказала Грекамъ всю *тщету ихъ мечтаній о Византіи* и даже, общѣе говоря, всю глубокую политическую несостоятельность ихъ въ удаленіи отъ Россіи... Съ другой стороны, и Русскіе должны же, наконецъ, понять послѣ этой войны, что *„безъ Грековъ* (какъ выразился недавно одинъ изъ даровитѣйшихъ дипломатовъ нашихъ) *нельзя рѣшить успѣшно Восточнаго вопроса*; *ибо въ нихъ-то самая сущность его, а Славянъ надо было еще прежде выдумать*". Замѣчу вдобавокъ, что этотъ замѣчательный русскій человѣкъ, начавши свою службу въ провинціяхъ греческихъ и коротко съ Греками знакомый, *послужилъ и Славянскому дѣлу на политической практикѣ едва ли не больше всѣхъ другихъ русскихъ дѣятелей на Востокѣ*... (Мнѣ очень жаль, что я не имѣю права *его назвать*.)

Не мало пользы также сдѣлало общему дѣлу и болѣе близкое знакомство Русскихъ съ Юго-Славянами на самомъ мѣстѣ ихъ жительства. Русскіе во многомъ разочаровались *во-время*, не слишкомъ рано и не слишкомъ поздно...

Союзъ скрѣпленъ; одностороннее пристрастіе остыло.

Все готово;—готова ли *наша мысль*?..

Мнѣ кажется, и она довольно близка къ своей зрѣлости...

Пора!... Вотъ какъ надо судить объ этомъ великомъ дѣлѣ!.. Со всѣхъ сторонъ подходя къ нему...

А что—От. Склобовскій!...

„Болгары желали", „Болгары не искали оскорбить Патріарха Григорія VI..." „Греки Фанара... Греки Фанара"...

„Болгары желали раскола, и Греки Фанара *исполнили ихъ желаніе*". Эти ужасные и хитрые Греки были на этотъ разъ такъ страстны и такъ неосторожны, что изъ-за строгости церковныхъ правилъ погубили невозвратно ту Византійскую Имперію, на которую съ такою невинно-дипломатическою „экивокой" и „придворною штукой" подмигиваетъ От. Склобовскій.

Удивительно тонко и дальновидно!... Т. И. Филипповъ вѣдь не по-

Библиотека "Руниверс"

нимаетъ ничего, охранитель „pur sang“,—надо его или обличить, или открыть ему самому глаза на эти опасныя злоупотребленія!... Я спрашивалъ себя въ началѣ предыдущаго письма, что это у от. Склобовскаго: коварство, или простодушіе? Теперь я думаю вотъ что: насчетъ *отдѣленія всѣхъ Славянъ* отъ „лживыхъ“ и *слишкомъ охранительныхъ* въ дѣлахъ Церкви Фанаріотовъ (т.-е. насчетъ преобладанія „бѣлаго духовенства“, Архіереевъ съ Архіерейшами и т. д.),—пожалуй, коварство. А насчетъ „угнетенія“ братьевъ-Славянъ „Греками Фанара“—быть-можетъ и простодушіе...

Не довольно ли объ этомъ?.. Я думаю—довольно. Въ заключеніе, впрочемъ, мнѣ крайне желательно привести мнѣніе одного всѣми уважаемаго Православнаго Христіанина, *не Грека и не Славянина* и потому особенно внушающаго довѣріе къ своему безпристрастію во всемъ этомъ дѣлѣ.

О прискорбныхъ недоразумѣніяхъ, существующихъ между Патріархіей и Русскимъ обществомъ, по поводу „Болгарской схизмы“, *докторъ Овербекъ* сообщаетъ слѣдующее:

„Патріархія не оспариваетъ въ основаніи правъ національной болгарской Церкви на независимое существованіе, въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся и другія мѣстныя Православныя Церкви, наприм. Россійская, Румынская, Церковь Греческаго королевства и др. Ежели бы (продолжаетъ докторъ Овербекъ со словъ Греческихъ Іерарховъ, съ которыми ему приходилось говорить объ этомъ предметѣ) Болгарская Церковь пожелала ограничиться именно такимъ положеніемъ, никто бы конечно и не подумалъ оспаривать у нея законности ея требованій, но, повидимому Болгары такими правами довольствоваться не хотятъ; по мнѣнію Греческихъ Іерарховъ, они желаютъ ввести въ отношенія Болгарскаго народа къ Патріархіи принципъ такъ-называемаго φυλετισμος'а, народности, согласно которому всякій Болгаринъ, гдѣ бы онъ ни находился, вмѣсто подчиненія мѣстному Епископу, становится подъ юрисдикцію своего собственнаго Болгарскаго Экзарха; такимъ образомъ, въ одномъ и томъ же городѣ, было бы два православныхъ Епископа, что конечно противно законамъ. По мнѣнію собесѣдниковъ доктора Овербека, болгарскій священникъ, живущій наприм. въ Царьградѣ, не долженъ подчиняться никому иному какъ только Вселенскому Патріарху; точно также какъ, напр., греческій священникъ, живущій въ Петербургѣ, находится нынѣ въ подчиненіи у Петербургскаго Митрополита.

„Схизма“—явленіе тѣмъ болѣе прискорбное, что Римъ легко можетъ ею воспользоваться и ловить въ мутной водѣ рыбу. Для Рима тѣмъ легче будетъ устроить сильную и опасную для Православія пропаганду, что онъ теперь можетъ дѣйствовать подъ покровомъ Австрійскаго Правительства, которое весьма умно и разсчетливо обставило

Библиотека "Руниверс"

Римскую Іерархію всѣми условіями успѣшной борьбы съ Православіемъ въ недавнихъ своихъ пріобрѣтеніяхъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Борьба между Болгарами и Константинополемъ можетъ легко повести первыхъ даже къ прямому сближенію съ Римомъ! Что касается до Россіи,—продолжаетъ докторъ Овербекъ,—то она много выиграла въ глазахъ Грековъ вслѣдствіе того, что она столь осторожно отнеслась къ послѣднему Болгарскому посольству, которое было, правда, принято Россіей въ высшей степени радушно—въ смыслѣ посольства политическаго, но коего духовныя лица не имѣли случая участвовать въ сослуженіи съ Россійскими Іерархами".

Возстановленіе добрыхъ отношеній между Патріархіей и Россійскимъ Синодомъ докторъ Овербекъ считаетъ не только въ высшей степени желательнымъ, но и, на основаніи совершенно достовѣрныхъ данныхъ, весьма возможнымъ. „Востановленіе дружбы между ними,—говоритъ Овербекъ,—было бы благодѣяніемъ для обѣихъ Церквей и, безъ сомнѣнія,—возвысило бы вліяніе Православія на всемъ свѣтѣ. Недоразумѣнія произошли отъ того, что къ вопросамъ чисто-церковнымъ примѣшались соображенія политическія. Но,—продолжаетъ онъ,—эти недоразумѣнія легко устранимы: я явился въ Константинополь какъ открытый другъ Россіи и Русской Церкви, и не разъ имѣлъ случай заявлять объ этомъ въ моихъ разговорахъ съ Патріархомъ; тѣмъ не менѣе, рѣшительно всѣ относились ко мнѣ съ полнѣйшимъ дружелюбіемъ.

„Греки,—говоритъ докторъ Овербекъ,—начинаютъ понимать (можетъ-быть не безъ нѣкотораго прискорбія), что хотя номинальное предводительство въ Православной Церкви принадлежитъ имъ, фактическое преобладаніе перешло уже къ Славянамъ (т. е. къ русскимъ, около которыхъ группируются остальные Славяне). Греки видятъ, так. обр., что центръ тяжести въ этомъ дѣлѣ переходитъ на Сѣверъ, къ Россіи, за которой оказывается преимущество не только въ болѣе значительномъ числѣ ея дѣтей, но, по мнѣнію доктора Овербека, иногда и въ болѣе правильномъ взглядѣ и на нѣкоторые догматическіе вопросы. Правда, многіе Греческіе Іерархи, получившіе образованіе за границей, возвращаются на родину съ немалымъ запасомъ руссофобіи; но за то всѣ тѣ, знакомые мнѣ, Греки, которые окончили свое образованіе въ Россіи, вообще очень дружественно расположены къ ней. Было бы крайне желательно, чтобы Россіи привлекала въ себѣ молодыхъ Греческихъ богослововъ и кандидатовъ богословія и давала бы имъ возможность оканчивать свое образованіе въ Русскихъ духовныхъ академіяхъ, вмѣсто иностранныхъ университетовъ, гдѣ они вмѣстѣ съ неоспоримымъ научнымъ развитіемъ получаютъ иногда и нѣкоторый гетеродоксальный колоритъ.

„*Сближеніе между обѣими Церквами должно бы исходить отъ*

Библиотека "Руниверс"

Россіи, какъ отъ стороны болѣе сильной. Желаніе такого сближенія, заявленное со стороны Россійской Церкви (по крайней мѣрѣ въ лицѣ болѣе значительныхъ ея представителей), *было бы, безъ сомнѣнія, встрѣчено Греками съ полнѣйшимъ сочувствіемъ; Русскимъ было бы легко пріобрѣсти расположеніе и любовь своихъ меньшихъ братій—какъ умѣренностью и скромностью, такъ и снисходительностію къ традиціоннымъ идеямъ Грековъ о первенствѣ Византіи*".

Вотъ что говоритъ Овербекъ! (Докладъ секретаря Петербургскаго отдѣла Общества любителей Духовнаго Просвѣщенія, А. А. Кирѣева, читанный въ засѣданіи Общества 23 марта 1880 года: „О поѣздкѣ доктора Овербека въ Царьградъ, въ 1879 году".)

Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству.

По поводу разсказа гр. Л. Н. Толстаго: „Чѣмъ люди живы"?

(Гражданинъ, 1883 г.)

Это небольшое произведеніе гр. Л. Толстаго—явленіе весьма характерное и довольно серьезное. Характерно оно потому, что въ немъ яснѣе прежняго выразился взглядъ автора на *христіанскую мораль*... Нѣчто подобное проповѣдывалъ, положимъ, и Левинъ въ послѣдней части *Анны Карениной*... Но мы не имѣемъ права рѣшительно отожествлять Левина съ самимъ гр. Толстымъ. Всѣ мнѣнія героя романа, хотя бы и съ нѣкоторою любовью изображеннаго, мы не имѣемъ основанія приписывать автору этого романа. Однако, если обратить вниманіе на то, что въ *Войнѣ и Мирѣ* и другихъ прежнихъ произведеніяхъ гр. Толстаго *эта черта* была гораздо менѣе замѣтна, чѣмъ въ разсужденіяхъ Левина*), и стала совершенно ясна позднѣе по *многимъ, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстнымъ*, даннымъ и, между прочимъ, уже по одному выбору эпиграфовъ въ этомъ послѣднемъ разсказѣ его, то я думаю, что есть достаточный поводъ заняться имъ, такъ сказать, спеціально, несмотря на его небольшой размѣръ и кажущуюся невинность.

Серьезнымъ литературнымъ явленіемъ мы имѣемъ право считать повѣсть „*Чѣмъ люди живы*" уже потому, что *въ теченіе одного лѣта она печатается въ четвертый разъ*. Сначала она появилась въ журналѣ г-жи Истоминой *Дѣтскій Отдыхъ*; потомъ она вышла отдѣльно съ хорошими рисунками; потомъ отдѣльно безъ рисунковъ, дешевымъ изданіемъ; и недавно ее *четвертый* разъ отпечатали въ видѣ большаго альбома съ тѣми же рисунками, но также большаго размѣра.

*) Въ послѣдней части *Анны Карениной*.

Библиотека "Руниверс"

Значитъ она нравится, интересуетъ; значитъ она стала очень популярна...

И замѣтимъ, она считается полезною для дѣтскаго возраста, то-есть для такого, въ которомъ

.... еще новы
Всѣ впечатлѣнья бытія...

Очень важно знать поэтому, *правильны ли* эти впечатлѣнія, строги ли они, или только трогательны, но *обманчивы*...

По моему мнѣнію, они обманчивы.

За послѣднее время стали распространяться у насъ проповѣдники того особаго рода, односторонняго, Христіанства, которое можно позволить себѣ назвать Христіанствомъ „сентиментальнымъ" или „розовымъ".

Этотъ оттѣнокъ Христіанства очень многимъ знакомъ; эта своего рода какъ бы „ересь", не формулированная, не совокупившаяся въ организованную еретическую общину, весьма однако распространена у насъ теперь въ образованномъ классѣ.

Объ одномъ *умилчивать*, другое *игнорировать*, третье *отвергать* совершенно; инаго *стыдиться, и признавать святымъ* и *божественнымъ* только то, что наиболѣе приближается къ чуждымъ Православію понятіямъ европейскаго *утилитарнаго прогресса*—вотъ черты того Христіанства, которому служатъ теперь, нерѣдко и безсознательно, многіе Русскіе люди и котораго, къ сожалѣнію, провозвѣстникомъ въ числѣ другихъ явился, на склонѣ лѣтъ своихъ, и геніальный авторъ „Войны и Мира"!..

Отъ его дарованій можно было бы ожидать чего-нибудь поглубже и посамобытнѣе!...

Итакъ, „Чѣмъ же люди живы?"—Какое же содержаніе этой популярной повѣсти?

Эта повѣсть есть нечто иное какъ исторія Ангела, *наказаннаго Богомъ за ослушаніе*. Наказаніе состоитъ въ томъ, что Ангелъ сдѣлался на время человѣкомъ, и человѣкомъ нагимъ, безпомощнымъ и ничего не имущимъ. Раздѣтаго донага, полузамершаго и голоднаго юношу нашелъ около часовни, „построенной для Бога", бѣдный деревенскій сапожникъ. Онъ привелъ его къ себѣ въ избу, гдѣ жена его Матрена очень дурно ихъ встрѣтила и долго бранила. Наконецъ, когда мужъ сказалъ ей: „Матрена, али въ тебѣ Бога нѣтъ? Помирать будемъ!"—Матрена утихла и накормила обоихъ. Ангелъ послѣ этого прожилъ у сапожника долго и сталъ отличнымъ мастеромъ. Богъ велѣлъ Ангелу быть человѣкомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не узнаетъ три слова: „что есть въ людяхъ, и чего не дано

Библиотека "Руниверс"

людямъ, и чѣмъ люди живы?“ Три случая изъ жизни человѣческой заставили Ангела понять всѣ отвѣты на эти задачи Божіи. „Въ людяхъ есть любовь“: это Ангелъ узналъ изъ того, что мужикъ, увидавъ его голаго у часовни ночью, рѣшился его одѣть и взять съ собою, послѣ минутнаго колебанія и страха. Второй отвѣтъ: не дано людямъ знать, чего имъ для своего тѣла нужно,—Ангелъ узналъ по слѣдующему случаю. Пріѣхалъ толстый, богатый баринъ заказывать себѣ дорогіе сапоги, „чтобы годъ не кривились, не поролись“. Заказалъ себѣ богачъ сапоги на годъ, но выходя ударился о низкую дверь и въ возкѣ дорогою, сейчасъ же умеръ. И еще узналъ Ангелъ третій отвѣтъ: „что живъ каждый человѣкъ не заботой о себѣ, а любовью“. Этотъ послѣдній и главный отвѣтъ Ангелъ понялъ именно по поводу того обстоятельства, за которое онъ былъ Богомъ наказанъ какъ за *ослушаніе*. Но ослушаніе Ангела произошло отъ необдуманнаго движенія своевольной любви. Ангелу не приписано какое-нибудь худое чувство. Онъ согрѣшилъ только *нѣсколько гордымъ милосердіемъ*, если можно такъ выразиться. Подъ вліяніемъ состраданія, онъ на минуту забылъ страхъ Божій и задумалъ быть милостивѣе самого Бога. Богъ послалъ его взять душу бѣдной одинокой крестьянки, которая только-что родила двухъ дѣвочекъ. Несчастная стала просить Ангела, чтобы онъ не бралъ отъ нея душу, потому что сиротъ некому будетъ выкормить и обдумать. Ангелъ послушался ея—и за это наказанъ. Богъ все-таки послалъ его назадъ взять душу родильницы, и при этомъ она, умирая, упала на одну изъ дѣвочекъ и вывернула ей ногу такъ, что дѣвочка осталась навсегда хромою. Самъ же Ангелъ за это самое проявленіе любви и сдѣланъ былъ на время безпомощнымъ человѣкомъ. Предъ концомъ его житія у сапожника пришла къ нимъ хорошо одѣтая женщина съ двумя дѣвочками. „Дѣвочки въ шубкахъ, въ платочкахъ ковровыхъ; одна въ одну, разузнать нельзя. Только у одной лѣвая ножка покороче: идетъ, припадаетъ“. Женщина пришла заказать дѣвочкамъ кожаные башмачки. Потомъ женщина разговорилась и стала разсказывать: „годовъ шесть, говоритъ, тому дѣло было, въ одну недѣлю обмерли сиротки эти: отца во вторникъ похоронили, а мать въ пятницу померла. Остались обморушки эти отъ отца трехъ деньковъ, а мать и дня не прожила. Я въ эту пору съ мужемъ въ крестьянствѣ жила. Сосѣди были, дворъ объ дворъ жили. Отецъ ихъ мужикъ одинокій былъ, въ рощѣ работалъ. Да уронили дерево какъ-то на него, его поперекъ прихватило. Все нутро выдавило. Только довезли, онъ отдалъ Богу душу, а баба его въ недѣлю и роди двойню, вотъ этихъ дѣвочекъ. Бѣдность, одиночество, одна баба была, ни старухи, ни дѣвчонки.

„Одна родила и померла.

„Пошла я наутро провѣдать сосѣдку; прихожу въ избу, а она, сердечная, ужь и застыла.

Библиотека "Руниверс"

„Да какъ помирала, завалилась на дѣвочку. Вотъ эту задавила—ножку вывернула. Собрался народъ, обмыли, опрятали, гробъ сдѣлали, похоронили. Все добрые люди. Остались дѣвчонки однѣ. Куда ихъ? А я изъ бабъ одна съ ребенкомъ была. Первонькаго мальчика восьмую недѣлю кормила. Взяла ихъ до времени къ себѣ. Собрались мужики, думали, думали, куда ихъ дѣть, да и говорятъ мнѣ: „ты, Марья, подержи покамѣстъ дѣвчонокъ у себя, а мы, дай срокъ, ихъ обдумаемъ". А я разокъ покормила грудью пряменькую, а эту раздавленную и кормить не стала. Не чаяла ей живой быть. Да думаю себѣ, за что ангельская душка млѣетъ, жалко стало и ту, стала кормить, да такъ-то одного своего да этихъ двухъ—троихъ грудью и выкормила. Молода была, сила была, да и пища хорошая. И молока столько, Богъ далъ, въ грудяхъ было, что зальются бывало. Двоихъ кормлю бывало, а третья ждетъ. Отвалится одна, третью возьму. Да такъ Богъ привелъ, что этихъ выкормила, а своего по второму годочку схоронила. И больше Богъ дѣтей не далъ. А достатокъ прибавляться сталъ. Вотъ теперь живемъ здѣсь на мельницѣ у купца. Жалованье большое, жизнь хорошая, а дѣтей нѣтъ. И какъ бы мнѣ жить одной, кабы не дѣвчонки! Какъ же мнѣ ихъ не любить! Только у меня и воску въ свѣчѣ, что онѣ.

„Прижала къ себѣ женщина одною рукой дѣвочку хроменькую, а другою рукой стала со щекъ слезы стирать, и вздохнула. Матрена и говоритъ: „Видно пословица не мимо молвится: безъ отца-матери проживутъ, а безъ Бога не проживутъ".

„Говорятъ онѣ такъ промежъ себя, и вдругъ какъ зарница освѣтила всю избу отъ того угла, гдѣ сидѣлъ Михайла. Оглянулись всѣ на него и видятъ: сидитъ Михайла, сложивъ руки на колѣнкахъ, глядитъ вверхъ, улыбается".

Таково содержаніе этой прекрасной повѣсти. Высокое, трогательное и мѣстами слегка забавное, изящное и грубое—все это сплетается одно съ другимъ, смѣняетъ другъ друга точно такъ же, какъ бываетъ въ дѣйствительной жизни, вѣрно понятой и прочувствованной.

Еслибы въ этой повѣсти *направленіе мысли* было настолько же широко и разносторонне при твердомъ единствѣ христіанскаго духа, насколько богато ея содержаніе при высокой простотѣ и сжатости формы, то я бы рѣшился назвать эту повѣсть и святою, и геніальною. Но *христіанская мысль* автора не равносильна ни его *личному*, мѣстами потрясающему, лиризму, ни его искренности, ни совершенству той художественной формы, въ которую эта несовершенная и односторонняя мысль воплотилась на этотъ разъ.

При такомъ видимо преднамѣренномъ *освѣщеніи* картины, какое мы видимъ въ разсказѣ „*Чѣмъ люди живы*", разсказъ этотъ только трогателенъ, но *не святъ*. Онъ прекрасенъ, но высшей геніаль-

Библиотека "Руниверс"

ности въ немъ нѣтъ. Чтобы сдѣлать эту мысль мою болѣе понятною, я долженъ объяснить здѣсь, какъ именно понимаю я оба слова— *святость* и *геніальность*. Сперва о святости. Святость я понимаю такъ, какъ понимаетъ ее Церковь. Церковь не признаетъ святымъ ни крайне добраго и милосердаго, ни самаго честнаго, воздержнаго и самоотверженнаго человѣка, если эти качества его не связаны съ ученіемъ Христа, Апостоловъ и *Св. Отцовъ*, если эти добродѣтели не основаны на этой тройственной совокупности. Основы вѣроученія, твердость этихъ основъ въ душѣ нашей важнѣе для Церкви, чѣмъ всѣ *прикладныя* къ земной жизни нашей добродѣтели, и если говорится, что „вѣра безъ дѣлъ мертва", то это лишь въ томъ смыслѣ, что *при сильной вѣрѣ* у человѣка самаго порочнаго по природѣ, или несчастнаго по воспитанію, будутъ все-таки и *дѣла*—дѣла *покаянія*, дѣла *воздержанія*, дѣла *принужденія* и дѣла *любви*... Вѣра безъ дѣлъ мертва въ *настоящемъ*, положимъ, у злаго человѣка, потому что она не одолѣла еще его страстей и слабостей, но *рано или поздно*, если она есть въ умѣ и сердцѣ, она принесетъ плоды дѣлъ; *дѣла же безъ вѣры*, плоды нравственные безъ корней вѣроученія, это—или плоды гордости душевной, результаты благородно настроеннаго *самомнѣнія* и тщеславія, или врожденныя свойства доброй натуры и результаты хорошаго первоначальнаго воспитанія; *не нами* дана *намъ натура*, а Богомъ, и *не мы сами себя* съ дѣтства *воспитываемъ*, а люди и обстоятельства *по смотрѣнію Божію*. Все это недоступно намъ; *вѣра* одна, или еще точнѣе—*исканіе*, *желаніе вѣры* доступно всякому, если онъ не откажется отъ *смиренія* и не будетъ *стыдиться страха*... Высшіе плоды вѣры,—напримѣръ, постоянное, почти *ежеминутное* расположеніе любить ближняго,—или никому недоступны, или доступны очень немногимъ: однимъ—по особаго рода благодати прекрасной *натуры*, другимъ — вслѣдствіе многолѣтней молитвенной борьбы съ дурными наклонностями. *Страхъ же доступенъ* всякому: и сильному, и слабому,—страхъ *грѣха*, страхъ *наказанія* и *здѣсь*, и *тамъ*, за могилой... И стыдиться страха Божія просто смѣшно; кто допускаетъ Бога, тотъ долженъ его бояться, ибо силы слишкомъ не соизмѣримы. Кто боится, тотъ смиряется; кто смиряется, тотъ ищетъ *власти* надъ собою, власти видимой, осязательной; онъ начинаетъ любить эту власть духовную, *мистически*, такъ сказать, оправданную предъ умомъ его. Страхъ Божій, страхъ грѣха, страхъ наказанія и т. п. уже потому не можетъ унижать насъ даже и въ житейскихъ нашихъ отношеніяхъ, что онъ ведетъ къ вѣрѣ, а крѣпко утвержденная вѣра дѣлаетъ насъ смѣлѣе и мужественнѣе противъ всякой тѣлесной и земной опасности: противъ враговъ личныхъ и политическихъ, противъ болѣзней, противъ звѣрей и всякаго насилія... Вотъ отчего Святые Отцы и Учители Церкви согласно утверждали, что „*начало* премудрости (т.-е. правиль-

Библиотека "Руниверс"

ное пониманіе нашихъ отношеній къ Божеству и людямъ) есть *страхъ* Божій; иные прибавляли еще: „*плодъ* же его *любы*". Другими словами, та любовь къ людямъ, которая не сопровождается страхомъ предъ Богомъ (или смиреніемъ *передъ церковнымъ ученіемъ*), не зиждется на немъ, этимъ страхомъ иногда даже не отсѣкается (какъ случилось у наказаннаго ангела графа Толстаго),—такая любовь не есть чисто христіанская, несмотря на всю свою видимую привлекательность, на искренность порывовъ, несмотря даже на несомнѣнную практическую пользу, истекающую для страдальцевъ земныхъ отъ дѣйствій такой любви. Такая любовь, *безъ смиренія и страха* предъ положительнымъ вѣроученіемъ, горячая, искренняя, но въ высшей степени *своевольная*, либо тихо и скрытно гордая, либо шумно тщеславная, исходитъ не прямо изъ ученія Церкви; она пришла къ намъ не такъ давно съ Запада; она есть самовольный плодъ *антрополатріи*, новой вѣры въ *земнаго человѣка* и въ земно ечеловѣчество,—въ идеальное, *самостоятельное*, *автономическое* достоинство *лица* и въ высокое практическое назначеніе „всего человѣчества" здѣсь на землѣ. Любовь безъ страха и смиренія есть лишь одно изъ проявленій (положимъ даже наиболѣе симпатичное) того *индивидуализма*, того обожанія правъ и достоинства человѣка, которое воцарилось въ Европѣ съ конца XVIII вѣка и, уничтоживъ въ людяхъ вѣру въ нѣчто высшее, отъ нихъ не зависящее, заставивъ людей *забыть страхъ* и *стыдиться смиренія*, привело на край революціонной пропасти всѣ тѣ западныя общества, въ которыхъ эта *антрополатрія* пересилила любовь къ Богу и вѣру въ святость Церкви и въ священныя права государства и семьи. *Не новымъ* держатся нынѣшнія общества, а только тѣмъ, что въ нихъ еще не погибло *все старое*, укрѣпившееся вѣками подъ вліяніемъ вѣроученія, при дѣйствіи *смиренія и страха*. Обманчивая, односторонне понятая любовь и уваженіе къ земному человѣчеству, къ его земному счастію, къ его земнымъ правамъ, его практическому равенству—еще не успѣли вполнѣ и вездѣ вытравить любовь и уваженіе къ авторитету той или другой Христіанской Церкви, къ Богопомазанной власти и родительскому праву...

Любовь къ человѣчеству самовольная, чисто-утилитарная, ничѣмъ не сдержанная и не направленная—есть односторонность и ложь.

Одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ Учителей Церкви (V или VI вѣка?), Исаакъ Сирійскій, выражается такъ въ одномъ изъ своихъ поученій: „Многая простота *есть удобопревратна*..." *) Что это такое? Языкъ

*) Вотъ это мѣсто: „Многая простота есть удобопревратна: *страха* убо потребно есть человѣческому естеству, да *предѣлы послушанія* еже къ Богу сохранитъ. *Любы* же яже ко Богу подвижетъ къ вожделѣнію *дѣланія добродѣтелей* и тою восхищается къ дѣламъ добродѣтели. *Духовный разумъ* вторый есть естествомъ (т.-е. послѣдуетъ естественно за) *дѣланія добродѣтелей*. *Предваряетъ же обоя страхъ и любы. И паки предваряетъ любовь страхъ*". (Слово 5-е, стр. 27. Св. Исаак. Сир. „*Слова духовно-подвижническія*".)

Библиотека "Руниверс"

перевода очень трудный и оригинальный. Самыя мысли Исаака Сирина иногда очень тонки и сложны. Можно легко ошибиться и не такъ сразу понять его слова. Быть-можетъ и эти строки имѣютъ иное значеніе, чѣмъ то, которое я желалъ бы имъ придать; но во всякомъ случаѣ эта мысль: „излишняя простота *удобопревратна*“ (т.-е. ненадежна, легко измѣняетъ направленіе)—очень пригодна и къ тому вопросу, который занимаетъ насъ теперь.

Излишняя простота основы, крайняя односторонность пріема, неестественная односложность идеала—не тверды, „удобопревратны“ въ томъ смыслѣ, что приводятъ иногда совсѣмъ не къ тому концу, котораго можно было ожидать. Такъ, напримѣръ, эта очень простая, односторонне-своевольная, гордо-болѣзненная любовь къ человѣчеству, шагъ за шагомъ въ иныхъ сердцахъ (особенно юныхъ), превращеніе за превращеніемъ, можетъ очень легко довести до забвенія всѣхъ другихъ сторонъ Христіанскаго ученія,—даже до ненависти къ нимъ, къ этимъ „сухимъ и какъ бы унизительнымъ, *скучнымъ* сторонамъ“, до ненависти къ покорности, къ смиренію, къ страху, къ воздержанію. На этой же степени *превращенія* до кроваваго нигилизма, до звѣрствъ всеразрушенія остается уже мало поприща. Кто смѣлѣе, кто злѣе, кто безсовѣстнѣе, нерѣдко даже кто глупѣе, тотъ готовъ.

Вотъ какъ „удобопревратна“ простота этой любви, не нуждающейся *ни въ страхѣ, ни въ смиреніи*. Такая любовь хотя нерѣдко и ведетъ свое начало отъ *привычекъ* Христіанской мысли (еще носящейся въ воздухѣ), но приводитъ на простомъ пути своемъ къ самымъ антихристіанскимъ результатамъ, и потому тотъ, кто пишетъ о любви будто бы Христіанской, не принимая другихъ основъ вѣроученія, есть не христіанскій писатель, а противникъ Христіанства, самый обманчивый и самый опасный, ибо онъ сохранилъ отъ Христіанства только то, что можетъ принадлежать и такъ-называемому демократическому лжепрогрессу, въ дѣйствительномъ духѣ котораго нѣтъ и тѣни Христіанства, а все сплошь враждебно ему.

Христосъ не обѣщалъ намъ въ будущемъ воцаренія *любви и правды на этой землѣ*, нѣтъ! Онъ сказалъ, что „подъ конецъ оскудѣетъ любовь“... Но мы лично должны творить дѣла любви, если хотимъ себѣ прощенія и блаженства *въ загробной жизни*—вотъ и все.

Въ этомъ смыслѣ, повторяю, разсказъ графа Толстаго пожалуй-что и Православный, и даже если взять въ разсчетъ сочетаніе *приблизительной* правильности съ высокою простотой и съ пламеннымъ чувствомъ, вырывающимъ иногда у читателя слезы (напримѣръ въ приведенномъ мною о дѣвочкахъ двойняхъ), то можно бы позволить себѣ назвать этотъ дивный разсказъ и очень полезнымъ. „*Чѣмъ люди живы*“—повѣсть я не скажу вполнѣ, а довольно *правильная* въ церковномъ смыслѣ, и

Библиотека "Руниверс"

не столько потому, что она имѣетъ явною *цѣлью любовь*, сколько потому, что *основаніемъ* она имѣетъ *страхъ и смиреніе*.

Ангелъ *наказанъ* Богомъ за *непокорность*, за самовольное, „революціонное", такъ сказать, состраданіе. Превращенный въ голоднаго, нагаго и озябшаго юношу, онъ ищетъ убѣжища у *часовни Божіей*, то-есть у мѣста *покаянія* и *молитвы*, которыя *безъ страха* и *смиренія* просто не вообразимы. Онъ инстинктивно жмется къ этой *неутилитарной* святынѣ, на сооруженіе и украшеніе которой люди, вѣроятно, истратили деньги пригодныя на пищу и тѣлесное утѣшеніе другимъ человѣкамъ. Мужикъ Семенъ видитъ голаго человѣка все у той же *часовни*, и, конечно, *страхъ Божій беретъ въ немъ верхъ надъ страхомъ человѣческимъ* при видѣ неизвѣстнаго и нагаго странника, при мыслѣ о недовольствѣ жены и объ ея брани за то, что привелъ бродягу.

Матрена, жена его, дѣйствительно вышедшая по этому случаю изъ себя, внезапно смягчается и становится доброй послѣ возгласа мужа: „*Помирать будемъ!*"... *Память смерти* (то-есть одно изъ главныхъ проявленій страха Божія) пробудила въ ней забытое чувство любви.

Богатый баринъ, который заказывалъ дорогіе прочные сапоги и не обнаруживалъ (по крайней мѣрѣ въ избѣ сапожника) ни смиренія, ни страха, какъ бы наказанъ внезапною смертью дорогой въ возкѣ.

Итакъ, съ этой стороны, со стороны *присутствія* всѣхъ началъ, повѣсть графа Толстаго какъ будто правильна. Въ ней есть *все*, что нужно: вѣра въ личнаго Бога, не только милующаго, но и карающаго; вѣра въ возможность чудеснаго, исключительнаго, сверхчеловѣческаго; частыя напоминанія о неизбѣжномъ ужасѣ смерти, о тяготахъ, *неисправимо* земной жизни присущихъ; есть много страха, есть покаяніе (ангела и Матрены) и, разумѣется, много любви.

Есть, говорю я, *всѣ* основы; но какъ *сочетались* онѣ между собою въ умѣ автора—это другой вопросъ. Правильно ли ихъ взаимное соотношеніе? Химія, напримѣръ, насъ учитъ, что изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ составляются весьма различныя тѣла, смотря по количественнымъ отношеніямъ и по предполагаемому расположенію невидимыхъ частицъ... Что освѣщено ярче у графа Толстаго? Что ему кажется лучшимъ, и главнымъ, и существеннымъ? Что въ этомъ разсказѣ принадлежитъ собственно *его мысли*, его тенденціи, и что въ немъ сорвалось видимо случайно, благодаря художественнымъ потребностямъ великаго изобразительнаго таланта? Вотъ все это мнѣ хотѣлось бы разъяснить и разобрать съ тою строгостью, которую имѣемъ мы право прилагать къ произведеніямъ графа Толстаго. Люди поставленные особымъ Божьимъ даромъ на ту степень славы, на которой стоитъ творецъ *Войны и Мира*, должны помнить, что всякая книга, изданная ими, всякая статья, ими подписанная, можетъ судиться не только какъ произведеніе мысли и поэзіи, но и какъ *нравственно-гражданскій поступокъ*.

Библиотека "Руниверс"

Христіанское смиреніе не требуетъ какого-то притворнаго „игнорированія“ своихъ силъ и своего вліянія. Такъ могутъ думать только люди ничего въ Христіанствѣ не понимающіе. Смиреніе не мѣшаетъ сознавать даже и геній свой, какъ не запрещаетъ оно человѣку сознавать силу мышцъ своихъ, или силу молодаго здоровья. Оно велитъ только помнить, что если Богъ далъ талантъ, то онъ и отниметъ его завтра, прекратитъ его дѣйствіе; что всякая особая сила есть въ то же время и немощь, или, точнѣе говоря, источникъ особыхъ немощей, и, вообще, что „на всякаго мудреца довольно простоты“. Посмотримъ же, въ чемъ на этотъ разъ графъ Толстой, несомнѣнно „мудрый“, оказался какъ бы нѣсколько наивнымъ. И наивность его, въ добавокъ, еще вышла не совсѣмъ полезною и доброкачественною.

II.

Итакъ, Ангелъ, наказанный *за слишкомъ смѣлое* проявленіе *свое вольной любви*, другими словами, за то, что любовь одинъ разъ только взяла у него верхъ надъ *вѣрой* въ Промыслъ, надъ *страхомъ* и *покорностью*, наконецъ прощенъ и восхищенъ на небо, унося съ собою убѣжденіе, что нужна *только одна любовь* и больше ничего.

Странная логика!... Не Ангела, конечно, а графа Толстаго!... Такъ сильно пострадать за одно ослушаніе отъ „Бога отмщеній“ и, ни слова не упоминая о страхѣ и смиреніи предъ *непонятнымъ*, утверждать только, что „Богъ любы есть“.

Не правъ ли былъ Св. Исаакъ Сирійскій, говоря, что многая простота удобопревратна есть?

До того удобопревратна эта односторонность, что и самый сильный умъ при ней путается и теряетъ логическую нить, потому только, что взялъ ее не за тотъ конецъ, за который нужно было, чтобы выйти на настоящій свѣтъ Божій!

Во главѣ разсказа поставлено восемь эпиграфовъ.

Вотъ они всѣ:

Мы знаемъ, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ: не любящій брата пребываетъ въ смерти (I посл. Іоанна, III, 14).

А кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое: какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія? (III, 17).

Дѣти мои, станемъ любить не словомъ, или языкомъ, но дѣломъ и истиною (III, 18).

Любовь—отъ Бога, и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога (IV, 7).

Библиотека "Руниверс"

Кто не любитъ, тотъ не знавалъ Бога, потому что Богъ есть любовь (IV, 8).

Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ (IV, 12).

Богъ есть любовь и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ (IV, 16).

Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ: ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ? (IV, 20).

Восемь эпиграфовъ—и всѣ только о любви, и всѣ изъ *одного* перваго Посланія Ап. Ев. Іоанна!

„Многая простота!“

Отчего же бы не взять и другихъ *восемь*; о наказаніяхъ, о страхѣ, о покорности властямъ, родителямъ, мужу, *господамъ*,—о проклятіяхъ непокорнымъ, гордымъ, невѣрующимъ?... Все это найдемъ мы въ обиліи и у Евангелистовъ, и въ Посланіяхъ. Если Богъ у графа Толстаго аллегорія, или условное выраженіе только для названія чего-то не живаго, для обозначенія какой-то отвлеченной общей сущности, которую не отрицаютъ и сами матеріалисты, то, конечно, можно брать изъ Евангелія и Апостоловъ только то, что намъ нравится. Но если Богъ у графа Толстаго есть *Христіанскій* Богъ, то-есть Св. Троица, которой Второе Лицо сошло съ небесъ и воплотилось, то *все* безъ исключенія, переданное намъ Евангелистами и Апостолами (которымъ дано право „разрѣшать и связывать“), *одинаково свято и равно обязательно*. Петръ Апостолъ поэтому не хуже Апостола Іоанна, Іоаннъ не ниже Павла и т. д.

Они всѣ отвѣчали, смотря по обстоятельствамъ, на тѣ сложные вопросы, которые по очереди предлагала имъ развивающаяся (то-есть *осложняющаяся*) христіанская жизнь. Они были „мудры яко зміи“, по повелѣнію Божію; ибо простота *ума*, односложность логическаго мотива для христіанина вовсе не обязательны; обязательна *простота сердца*, то-есть доброта, искренность, покорность Богу и такъ-называемой „судьбѣ своей, послушаніе *пастырямъ Церкви*, *начальникамъ*, и т. д...“ И въ нѣкоторыхъ характерахъ и при иныхъ условіяхъ общественнаго положенія, это христіанское упрощеніе *сердца* достигается только при помощи весьма сложной работы вѣрующаго и, главное, *смиряющагося* ума. Конечно, такіе характеры и такія общественныя условія существовали и въ Апостольскія времена, и Апостолы писали *разное о разномъ и для разныхъ*, а не разное объ одномъ и томъ же и для однихъ и тѣхъ же! Разнообразное содержаніе Посланій объединено достаточно вѣрой во Христа и Его ученіе. Мысль Христа, не мѣняясь ничуть, разлагается въ Посланіяхъ подобно единому солнечному лучу въ радугѣ, или призмѣ, на главные основные цвѣта; въ даль-

Библиотека "Руниверс"

нѣйшемъ же ученіи Церкви уже болѣе подробномъ и ясномъ, въ постановленіяхъ Соборовъ и въ Святоотеческихъ твореніяхъ эта единая (но вовсе не *простая*) мысль реализируется въ еще болѣе сложныхъ оттѣнкахъ и смѣшеніямъ *этихъ же самыхъ* красокъ. Ученіе, развиваясь, развѣтвляясь, доходя до самыхъ ясныхъ и разнородно-крайнихъ выводовъ изъ единаго начала (*Божественности Іисуса*), становится поэтому все болѣе и болѣе понятнымъ въ частныхъ случаяхъ, въ приложеніи къ жизни. Но *сердечное пониманіе* этой сложности требуетъ прежде всего *покорности ума*,—покорности и тому, что намъ кажется даже сухимъ или жесткимъ, или непонятнымъ, и не возбуждаетъ *сейчасъ* тѣхъ порывовъ горячей искренности, безъ которой намъ какъ-то скучно, вслѣдствіе романтической избалованности нашей. „А кто преслушаетъ Церковь, тотъ да будетъ тебѣ какъ язычникъ и мытарь", сказалъ Самъ Спаситель. Чего же больше? Этимъ повелѣніемъ мы обязуемся принимать спокойною, сухою, если хотите, *вѣрой ума*, даже безъ всякихъ *пріятныхъ* порывовъ сердца, *все* ученіе Церкви, обязуемся даже *располагать* въ умѣ своемъ *элементы* его именно въ томъ *порядкѣ*, въ какомъ располагаетъ ихъ Церковь, напримѣръ: „Начало премудрости страхъ Божій (или *страхъ передъ ученіемъ Церкви*, это все равно), плодъ же его любовь", т.-е. та правильная и естественная любовь, которая человѣку на землѣ доступна и больше которой требовать невозможно, не впадая въ ошибку многихъ прогрессистовъ, воображающихъ, что несовершенство соціальнаго строя и плохое воспитаніе *до сихъ поръ* мѣшало какому-то упоительному катаклизму грядущаго любвеобилія... Нѣтъ, кто вѣритъ и кто готовъ *смиряться* предъ ученіемъ Церкви, тотъ скоро узнаетъ, до чего трудно и хорошему по природѣ человѣку бороться *ежедневно* противу сухости, лѣни, утомленія, своекорыстія, досады, гордости и т. д., до чего всѣ эти грѣхи свойственны намъ и *всегда будутъ* свойственны. Нашей гордости хочется вѣрить въ полную исправимость человѣчества на этой землѣ; намъ обидно, что самые лучшіе люди такъ немощны. Но Христосъ указалъ, что человѣчество *неисправимо въ общемъ смыслѣ*; Онъ сказалъ даже, что „подъ конецъ оскудѣетъ любовь", т.-е. со временемъ ея будетъ еще меньше, чѣмъ теперь, и потому давать совѣты любви нужно только съ цѣлью *единоличнаго* вознагражденія за гробомъ, а не въ смыслѣ сплошнаго улучшенія земной жизни человѣчества. Любовь къ *ближнему*, основанная *на всецѣломъ* вѣроученіи, на *любви къ Церкви*, вотъ настоящая *христіанская* любовь! Любовь же своевольная, основанная только на порывахъ собственнаго сердца, есть очень симпатичная вещь, но... она до того „удобопревратна", что можетъ, какъ я говорилъ, дойти даже и до любви *къ революціи*.

Сознавалъ ли все это графъ Толстой, когда писалъ: „Чѣмъ люди живы?"—и отвѣчалъ ли на этотъ вопросъ, одною любовью? "Было ли его

Библиотека "Руниверс"

логическое самосознаніе равносильно въ этомъ случаѣ его художественному творчеству?—Едва ли. Еслибъ онъ все это понималъ, и еслибы сила и ясность *христіанскаго* мышленія въ немъ равнялась моществу и силѣ его *полунечаяннаго* творчества, то онъ, вѣроятно, не поставилъ бы даже такихъ *однородныхъ восьми* эпиграфовъ, а перемѣшалъ бы ихъ съ другими совсѣмъ инаго оттѣнка.

Я могу, конечно, ошибаться; но сдается мнѣ, что авторъ просто самъ просмотрѣлъ, что его повѣсть—правильнѣе его тенденціи: мнѣ кажется, онъ не сознавалъ, что даже и *его* любовь основана *прежде* всего на *послушаніи и страхѣ*, такъ какъ Ангелъ былъ наказанъ именно за *любовь своевольную*...

Понялъ ли графъ, что геніальный повѣствователь въ немъ выручилъ на этотъ разъ весьма *несовершеннаго* Христіанскаго *мыслителя?*.. Едва ли...

Еслибъ онъ желалъ быть строго-вѣренъ церковному *Святоотеческому* Христіанству, то онъ освѣтилъ бы нравственные элементы своей повѣсти равномѣрнѣе, „и страхъ Божій“ не остался бы у него до такой степени въ тѣни, что надо его *искать*...

Вѣроятнѣе, что онъ и не имѣлъ въ виду строго держаться Святоотеческихъ преданій въ направленіи своемъ, а желалъ проповѣдывать *свое!* освѣтить ярче то, что ему больше нравится, въ чемъ онъ находитъ больше поэзіи и отрады... Иначе, повторяю, и эпиграфы были бы *разные* и освѣщеніе *фактовъ равномѣрнѣе*... Но пусть будетъ такъ: пусть въ этомъ „новомъ“ Христіанствѣ будетъ особый, почти исключительно нѣжно-розовый оттѣнокъ!... Но вотъ вопросъ: *свое* ли дѣйствительно оно у графа? *Ново* ли оно? Поражаетъ ли оно кого-нибудь геніальною оригинальностью?...

Нѣтъ, оно не *свое*, оно *не ново*, оно вовсе не геніально—это новоизобрѣтенное „розовое“ Христіанство!

Мы его знаемъ давнымъ-давно... Оно проповѣдывалось Ж.-Сандомъ, С.-Симонистами и множествомъ другихъ западныхъ европейскихъ писателей, проповѣдуется и у насъ анти-православными органами печати... Это Христіанство принимаетъ у каждаго свой оттѣнокъ и переходитъ иногда (совершенно неожиданно для кроткихъ наставниковъ) въ дѣйствія злобы и разрушенія у тѣхъ изъ ихъ послѣдователей, которые завистливѣе, рѣшительнѣе, грубѣе ихъ или больше ихъ чѣмъ-нибудь въ жизни обижены. Геніальное должно быть непремѣнно *свое* и *новое;* а у графа Толстаго ново и, пожалуй, геніально въ этомъ дѣлѣ только то, что великій оригинальный и *русскій* художникъ, вопреки весьма дюжинному *общеевропейскому сентименталисту*, спасъ самое *содержаніе* повѣсти, дополнивъ въ ней (вѣроятно, *нечаянно*) то, чего бы ей не доставало безъ этого въ строго христіанскомъ смыслѣ.

Библиотека "Руниверс"

Если же я ошибся и проповѣдникъ *строгій* преднамѣренно скрылся за проповѣдникомъ *сладкимъ*, т.-е. ярко освѣтилъ и дѣйствіемъ, и особенно эпиграфами любовь, а таинственный *страхъ* скрылъ нарочно въ полумракѣ, съ цѣлью примѣниться къ „духу времени“ и съ помощью „елея любви“ легче ввести въ души желѣзо смиренія и страха, то это еще хуже!... Это значило бы „перехитрить“ и не достигнуть цѣли, ибо любовь приписывается въ повѣсти очень обыкновеннымъ людямъ и *всякому* это ясно; а наказанію за ослушаніе подвергся *Ангелъ*, и „высокообразованные“ наши читатели могутъ счесть все это лишь за „поэтическую красоту“; или, говоря современнымъ языкомъ интеллигентнаго *снисхожденія*, за „очень милую аллегорическую подробность въ *наивно-простонародномъ* духѣ“... Но это прескверно! Лучше ужь сдѣлать тотъ *промахъ*, о которомъ я говорилъ...

Къ тому же всѣмъ извѣстно, что гр. Толстой на „духъ времени“ прежде не обращалъ особаго вниманіи и желалъ быть всегда отъ него независимымъ; такъ что если онъ, какъ проповѣдникъ и мыслитель, предпочелъ на этотъ разъ быть почти рабомъ обще-европейскаго сентиментальнаго лжехристіанства, вмѣсто того чтобы стараться быть смиреннымъ сыномъ истинной Церкви, то это тоже, видимо, вышло безсознательно только потому, что стать первымъ нынче очень легко; а чтобы сдѣлаться или пребыть вторымъ, нужно гораздо больше условій.

Въ послѣднемъ случаѣ и процессъ мышленія, и процессъ нравственнаго труда надъ собою, долженъ быть гораздо болѣе сложный и сильный...

Что сила мышленія христіанскаго у графа Толстаго стоитъ въ этой восхитительной по изложенію повѣсти не на одномъ уровнѣ съ силой художественнаго выраженія, это видно особенно изъ одного эпизода.

Я говорю о богатомъ *баринѣ*, который заказалъ сапоги на годъ, а умеръ тотчасъ же въ возкѣ.

Баринъ, правда, командуетъ нѣсколько грубо и рѣзко, онъ, видимо, не вѣритъ честности русскихъ мастеровыхъ. И въ этомъ невѣріи онъ, конечно, правъ. И Семенъ, хотя и самъ человѣкъ честный, вѣроятно, знаетъ, что баринъ, вообще говоря, имѣетъ основанія плохо вѣрить въ прочность русской работы. Онъ за тонъ этотъ и не сердится... Но что говорятъ они оба съ женой, когда этотъ толстый, сильный и богатый, привыкшій ко власти человѣкъ, вышелъ изъ избы, „ударившись нечаянно головой о низкую дверь“?... Что, они *жалѣютъ* его? Что, имъ стало *страшно* за голову этого человѣка, который вреда имъ никакого не сдѣлалъ, а, напротивъ того, доставилъ имъ случай выгоднаго труда?... О, нѣтъ! Они злобно и грубо завидуютъ его здоровью, его силѣ, его богатству...

Вотъ ихъ противный разговоръ:

Библиотека "Руниверс"

Отъѣхалъ баринъ. Семенъ и говоритъ:

— Ну, ужь кремнястъ! Этого долбней не убьешь. Косякъ головой высадилъ, а ему горя мало.

А Матрена говоритъ:

— Съ житья такого какъ имъ гладкимъ не быть! Этого заклепа и смерть не возметъ.

Какія это чувства? Хорошія? Христіанскія?—Нѣтъ, конечно. Изъ подобныхъ анти-христіанскихъ чувствъ зависти и самой легкой, преходящей, мгновенной злобы развиваются мало-по малу всѣ тѣ требованія „правъ безъ обязанностей", которыхъ плоды *слишкомъ извѣстны*, чтобъ о нихъ здѣсь распространяться. Нужно только, чтобъ эти хотя и грѣшныя, но все-таки минутныя движенія Семеновъ и Матренъ нашли себѣ оправданіе въ теоріяхъ лжепрогресса и вотъ односторонне понятая, „удобопревратная" любовь становится иной разъ нечаянно орудіемъ злобы, чуть не научно оправдываемой!

„Но чѣмъ же тутъ виноватъ графъ Толстой? — спросятъ меня. — Онъ не отвѣчаетъ за дурныя движенія своихъ дѣйствующихъ лицъ; онъ доказалъ только и этою *естественною* сценой, какой онъ великій художникъ"! Видимо любя своего сапожника и жену его, онъ остался безпристрастенъ и не скрылъ въ этомъ случаѣ ихъ порочнаго, не христіанскаго движенія!..

Да, это такъ; но вѣдь я и самъ говорю, что художественный геній его несоразмѣренъ съ весьма среднею силой его *христіанскаго* мышленія, со степенью его *евангельскаго* пониманія.

Еслибъ эти двѣ силы были у него ровнѣе, то онъ, вѣроятно, *не забылъ бы упомянуть, что Ангелъ опять услыхалъ въ избѣ ужасное зловоніе грѣха*, подобно тому, какъ онъ слышалъ его въ тѣ минуты, когда Матрена бранила мужа и не хотѣла его накормить. Смрадъ во время завистливыхъ выходокъ сапожника и его жены долженъ-бы быть сильнѣе даже, чѣмъ тогда; ибо гораздо естественнѣе и простительнѣе бѣдной женщинѣ испугаться и разсердиться на мужа при видѣ неизвѣстнаго и раздѣтаго бродяги, съ которымъ приходится дѣлить *послѣдній* кусокъ хлѣба, чѣмъ распалиться ни съ того, ни съ сего завистью на человѣка только за то, что онъ посытѣе, поздоровѣе и потолще ихъ съ мужемъ. Настоящая христіанская любовь не имѣетъ и тѣни односторонняго демократизма. Она не спускается только *сверху внизъ* по соціальной лѣстницѣ и не разливается исключительно по плоскости эгалитарной казенщины; она сіяетъ во всѣ стороны одинаково. И есть много случаевъ, въ которыхъ *высшій*, богатый, одаренный властію гораздо достойнѣе и состраданія, и сочувствія, и всѣхъ другихъ движеній нашей любви, чѣмъ неимущій или даже рабъ.

Молодой графъ Ростовъ, который въ *„Войнѣ и Мирѣ"* молодцомъ одинъ-одинешенекъ поколотилъ мужиковъ, бунтовавшихъ противъ без-

Библиотека "Руниверс"

защитной и, *замѣтимъ*, *некрасивой* княжны Болконской (которую онъ даже и видѣлъ въ первый разъ), обнаружилъ въ этомъ случаѣ больше христіанской любви, чѣмъ, наприм., французскій живописецъ Давидъ, когда онъ на вопросъ *добраго*, *слабаго*, *уже развѣнчаннаго и униженнаго* Людовика XVI: „Когда вы окончите мой портретъ?"—отвѣчалъ: „Я буду писать портретъ тирана только тогда, когда голова его будетъ передо мной на эшафотѣ!"

Каждый умный *и Православный* простолюдинъ пойметъ Ростова и назоветъ его, не безъ сочувствія, „*михимъ* бариномъ!" А Давиду стоило бы за это слово дать нѣсколько десятковъ великорусскихъ, прежнихъ, плетей!

Изъ жизни Православнаго народа нашего можно много привести примѣровъ истинной христіанской любви *снизу вверхъ*; но я разскажу только объ одномъ случаѣ, котораго и я самъ былъ недавно свидѣтелемъ. Случай пустой, но очень характерный. Въ Оптину Пустынь пріѣзжаетъ (нынѣ уже скончавшійся) Епископъ Калужскій и Боровскій Григорій. Онъ былъ человѣкъ скромный. Пріѣхалъ онъ въ маленькой, легкой кареткѣ, на тарантасномъ ходу, *тройкой*... Духовное начальство монастыря встрѣтило его у воротъ съ крестомъ.

День былъ будній и толпа мірянъ у этихъ воротъ была невелика. Когда Архіерей удалился вмѣстѣ съ игумномъ, стоявшій около меня среднихъ лѣтъ небогатый козельскій мѣщанинъ сказалъ мнѣ съ сожалѣніемъ: „Что же это онъ такъ *просто*... на троечкѣ!.. Хоть бы четверочку запрегъ бы!.. Право!.. *Архіерей вѣдь*,"—прибавилъ онъ значительно.

Вотъ это любовь! Вотъ это простота христіанская! Что ему за дѣло въ эту минуту, что у него у самого сапоги худы! Онъ желалъ бы, чтобы сановникъ Церкви, которую *онъ такъ любитъ*, сіялъ бы какъ можно больше, даже и внѣшностью... Положимъ, что въ подобныхъ случаяхъ примѣшивается и эстетическое чувство, но что же за бѣда! Тѣмъ лучше. Если гдѣ поэзія и нравственность христіанская вполнѣ за одно, такъ это въ подобныхъ случаяхъ безкорыстныхъ движеній въ пользу *высшихъ и власть имѣющихъ*.

Истинное Христіанство тѣмъ и божественно, что въ немъ *все есть:* и высшая этика, и залоги глубочайшей государственной дисциплины, и всякая *поэзія*: *и* поэзія нищаго въ лохмотьяхъ, поющаго Лазаря, и поэзія владыки, сіящаго золотомъ и „честнымъ" каменіемъ...

Козельскій мѣщанинъ въ этомъ случаѣ оказался не только болѣе строгимъ и послѣдовательнымъ Христіаниномъ, чѣмъ графъ Толстой, но и больше художникомъ, ибо графъ Толстой не выдержалъ даже до конца мистическаго характера Ангела и забылъ о *необходимости*, въ которую онъ поставленъ чувствовать смрадъ смерти всякій разъ когда люди грѣшатъ недостаткомъ любви, какъ грѣшилъ сапожникъ съ же-

Библиотека "Руниверс"

ной, завидуя барину и злобясь на него только за то, что онъ толстъ и здоровъ... Чтобы не забыть объ этомъ, нужно бы только знаменитому писателю нашему прочесть съ *покорностью* и *смиреніемъ* тѣ мѣста изъ Апостоловъ Павла и Петра, гдѣ они даже несчастнымъ *рабамъ* римскимъ строго и съ сильнымъ чувствомъ *приказываютъ любить* своихъ господъ и повиноваться имъ не только въ *глаза*, но и *за глаза*, *для угожденія Богу* (Петра 1-е посланіе, гл. 2; Павла къ Колоссаямъ, г. 3; Іуды 22":... и къ однимъ будьте *милостивы съ разсмотрѣніемъ*, 23, а другихъ *страхомъ* спасайте!)...

Нельзя Христіанину предпочитать Іоанна Петру или Іакова Павлу, потому что они больше угодили нашему поэтическому капризу или нашей сентиментальности. Такое одностороннее освѣщеніе Христіанства даже нѣкоторыхъ *дѣтей*, читавшихъ повѣсть графа Толстаго, удивило и запутало... Эти умныя дѣти стали спрашивать у старшихъ своихъ: „За что же Ангелъ былъ наказанъ, когда онъ пожалѣлъ эту женщину? Вѣдь это любовь?..“ Я спрашиваю, легко ли было на это отвѣчать большинству *нынѣшнихъ* родителей, стыдящихся *страха* Божія? И не было ли плохое объясненіе ихъ источникомъ какого-нибудь *дальнѣйшаго вреда* для дѣтей, прочитавшихъ эту книжку, изданную „Обществомъ распространенія *полезныхъ* книгъ“?

Нѣтъ, *господа новаторы наши*, далеко вамъ до истиннаго Христіанства—глубокаго и всестороннаго, твердаго и гибкаго въ одно и то же время, идеальнаго до высшей степени и практическаго до крайности! Ваши знамена — это жалкіе, растрепанные обрывки Христіанства, на которые и смотрѣть не хочется тому, кто хоть разъ видѣлъ во всей красѣ его настоящій, широковѣющій стягъ Православія.

И добро бы ваши полухристіанскія и лже-христіанскія новшества были въ самомъ дѣлѣ оригинальны и новы; а то они всѣ не что иное какъ простодушное и даже иногда смѣшное повтореніе европейскихъ, и въ особенности французскихъ, задовъ.

Вотъ бы гдѣ гордость была кстати и безъ грѣха! Еслибы *стыдились пуще всего сбиваться на французскую эгалитарность*, и стыдъ бы этотъ доходилъ даже до сильнѣйшаго гнѣва на нее и ея представителей, то этотъ гнѣвъ былъ бы гнѣвъ хорошій, гнѣвъ чистой идеи; этотъ гнѣвъ былъ бы похожъ на пощечину, данную Арію на соборѣ Св. Николаемъ Мѵрликійскимъ; эта *гордость* русской мысли незамѣтно довела бы многихъ до простаго непритязательнаго *смиренія* передъ Православною Церковью и даже передъ самыми несовершенными ея представителями.

Эти *лично* иногда несовершенные представители уже тѣмъ хороши, что они *обязаны* сказать мнѣ *настоящія* правила вѣры, напомнить мнѣ *то, о чемъ я забылъ*...

И, наконецъ, развѣ нѣтъ въ средѣ этой людей прекрасныхъ, ученыхъ,

Библиотека "Руниверс"

образованныхъ, мыслящихъ? Или развѣ нѣтъ уже между ними подвижниковъ примѣрныхъ, или искренно добрыхъ людей, любвеобильныхъ, благородныхъ?...

Ищите — и найдете ихъ!...

Будьте сами *проще сердцемъ* и *поглубже, посложнѣе умомъ*, и они откроются вамъ и научатъ васъ лучше всякаго „Ѳоканыча“ или „подавальщика Ѳедора“, которые учили Константина Левина и *ничему настоящему его не выучили!*

О всемірной любви.

Рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ.

(Варшавскій Дневникъ, 1880 г.)

I.

Не пора ли ужъ перестать писать о Пушкинѣ и о всѣхъ тѣхъ, кто блисталъ и дѣйствовалъ на его московской тризнѣ? Довольно!... Общество русское доказало свою „цивилизованную“ зрѣлость, поставило Пушкину дешевый памятникъ,—*по-европейски* убирало его *вѣнками*, *по-европейски обѣдало*, *по-европейски* говорило на обѣдахъ *спичи*. По обыкновенію своему, интеллигенція наша ровно, по этому поводу, ничего не выдумала своеобразнаго. У подножія монумента великаго русскаго творца не обнаружилось ни одного молодаго и оригинальнаго таланта ни въ ораторскомъ искусствѣ, ни въ поэзіи; говорили рѣчи и стихи и, вообще, дѣйствовали тутъ все люди прежніе, съ давно-опредѣлившимися взглядами, и давно извѣстные; блистали люди, которыхъ молодость прошла при *прежнихъ условіяхъ*, болѣе сходныхъ съ условіями развившими самого Пушкина. Враждебно ли, или сочувственно относятся всѣ эти таланты *къ старому порядку* и его остаткамъ—все равно; *они всѣ обязаны этому поруганному прошлому*, какъ впечатлѣніями своими (т.-е. содержаніемъ своихъ твореній), такъ и умственными силами своими, трудившимися надъ воспроизведеніемъ этого содержанія, даннаго русскою жизнью... *Новаго ничего!*... Ни изобрѣтательности въ формѣ чествованія, ни какой бы то ни было умъ поражающей, свѣжей мысли, либо вовсе неслыханной, либо давно забытой и просящейся снова въ жизнь. Многое изъ сказаннаго и написаннаго по этому поводу было гдѣ-то и когда-то, навѣрное, тоже сказано или написано тѣми же самыми лицами, или иными, и гораздо лучше, и полнѣе. Одинъ только человѣкъ, какъ слышно, выразился по поводу Пушкинскаго празднества вполнѣ оригинально: это — графъ Л. Толстой. Печатали, будто онъ, отказываясь отъ участія въ этомъ празднествѣ, сказалъ: „это все одна комедія!“ — Я не думаю, чтобъ это было такъ. Отчего-жь комедія? Вѣроятно, многіе были искренни въ своемъ желаніи

Библиотека "Руниверс"

почтить память Пушкина... И хотя мнѣ очень нравится эта независимость графа Толстаго, его капризное пренебреженіе къ современности нашей, но я не вижу нужды соглашаться съ тѣмъ, что все это — притворство и комедія. Въ искренность я готовъ вѣрить; я желалъ бы видѣть только во всемъ этомъ больше національнаго цвѣта, побольше остроумія и глубины. Все это, быть-можетъ, и очень тепло; но тепло какъ паръ, не замкнутый въ какую-нибудь форму. Тепло, даже горячо, порывисто, но разсѣялось скоро и не осталось ничего. Все надежды, все мечты, и мечты вовсе не картинныя! Правду сказали въ *Вѣстникѣ Европы* (я гдѣ-то это прочелъ), что и въ томъ „смиреніи", которое хотятъ признать уже довольно давно отличительнымъ признакомъ славизма, есть много своего рода самохвальства и гордости, ничѣмъ еще неоправданныхъ... Довольно объ этомъ. Больше всего сказаннаго и продекламированнаго на праздникѣ меня заставила задуматься рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго. Положимъ, и въ этой рѣчи значительная часть мыслей не особенно нова и не принадлежитъ исключительно г. Достоевскому. О русскомъ „смиреніи, терпѣніи, любви" говорили многіе. Тютчевъ пѣлъ объ этихъ добродѣтеляхъ нашихъ въ изящныхъ стихахъ. Славянофилы прозой излагали то же самое. О „всеобщемъ мирѣ" и „гармоніи" (опять-таки въ смыслѣ *благоденствія*, а не въ смыслѣ *поэтической борьбы*) заботились и заботятся, *къ несчастію*, многіе и у насъ, и на Западѣ: Викторъ Гюго, воспѣвающій междоусобія и цареубійства: Гарибальди, составившій себѣ славу военными подвигами; соціалисты, квакеры; по-своему — Прудонъ, по-своему—Кабе, по-своему—Фурье и Ж.-Сандъ.

Въ программѣ изданія *Русской Мысли* тоже обѣщаютъ *царство добра* и *правды на землѣ*, *будто бы* обѣщанное самимъ Христомъ. Въ собственныхъ сочиненіяхъ г. Достоевскаго давно и съ большимъ чувствомъ и успѣхомъ проводится мысль о любви и прощеніи. Все это не ново; ново же было въ рѣчи г. Ѳ. Достоевскаго приложеніе этого полу-христіанскаго, полу-утилитарнаго, *всепримирительнаго стремленія къ многообразному—чувственному, воинственному, демонически-пышному генію Пушкина*. Но, какъ бы то ни было, необходимо прежде всего считаться и съ именемъ автора, и съ эффектомъ, произведеннымъ его словами,—тѣмъ болѣе, что эта не слишкомъ новая мысль о „смиреніи" и о примирительномъ назначеніи Славянъ (составляющемъ, за неимѣніемъ пока лучшаго, будто бы нашу племенную особенность) распространена въ той части нашего общества, которое ни съ любовью къ Европѣ не хочетъ разстаться, ни съ послѣдними сухими и отвратительными выводами ея цивилизаціи покорно помириться не можетъ. До этого, къ счастію, еще наше смиреніе не дошло.

Объ этой рѣчи я и хочу поговорить.

Не знаю, что бы я чувствовалъ, еслибы я былъ *тамъ*. Но издали

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ хладнокровнѣе. Я нахожу, что рѣчь г. Достоевскаго (напечатанная потомъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*) въ самомъ дѣлѣ должна была произвести потрясающее дѣйствіе, если только согласиться съ ораторомъ, что признаніе *космополитической любви*, которое онъ считаетъ удѣломъ Русскаго народа, есть назначеніе благое и возвышенное. Но, признаюсь, я многаго, очень многаго въ этой идеѣ постичь не могу. Это всеобщее примиреніе, даже и въ теоріи, со многимъ само по себѣ такъ *непримиримо!*...

Во-первыхъ, я постичь не могу за *что* можно *любить современнаго европейца*...

Во-вторыхъ, любить и любить—разница... Какъ любить? Есть люлюбовь—*милосердіе*, и есть любовь *восхищеніе*; есть любовь *моральная*, и любовь *эстетическая*. Даже и эти два вовсе несхожія *влеченія* нужно подраздѣлить весьма основательно на нѣсколько родовъ. Любовь моральная, т.-е. искреннее желаніе блага, состраданіе или радость на чужое счастіе и т. д., можетъ быть *религіознаго происхожденія*, и происхожденія *естественнаго*, т.-е. *производимая* (безъ всякаго вліянія религіи) большою природною добротой, или воспитанная какими-нибудь гуманными убѣжденіями. Религіознаго происхожденія нравственная любовь потому уже важнѣе естественной, что естественная доступна не всякой натурѣ, а только счастливо въ этомъ отношеніи одаренной; а до религіозной любви, или милосердія, можетъ дойти и самая черствая душа долгими усиліями аскетической борьбы противу эгоизма своего и страстей. На это можно привести довольно примѣровъ и изъ нынѣшней жизни. Но живые примѣры и біографическія подробности заняли бы здѣсь много мѣста. Больше я развивать эту тему и подраздѣлять чувства любви или симпатіи не буду. Объ этомъ можно написать цѣлую книгу. Я только хотѣлъ *напомнить* все это. Остановлюсь на грубомъ, можно сказать, различіи между любовью моральной и любовью эстетической. Мы жалѣемъ человѣка, или онъ нравится намъ—это большая разница, хотя и совмѣщаться эти два чувства иногда могутъ. Попробуемъ приложить оба эти чувства къ большинству *современныхъ* европейцевъ. Что же намъ—*жалѣть* ихъ, или *восхищаться* ими?... Какъ ихъ жалѣть?! Они такъ самоувѣренны и надменны; у нихъ такъ много передъ нами и передъ азіатцами житейскихъ и практическихъ преимуществъ? Даже большинство бѣдныхъ европейскихъ рабочихъ нашего времени такъ горды, смѣлы, такъ *не смиренны*, такъ много думаютъ о *своемъ мнимомъ* личномъ достоинствѣ, что сострадать можно имъ никакъ не по первому невольному движенію, а развѣ по холодному размышленію, по натянутому воспоминанію о томъ, что имъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть *въ экономическомъ отношеніи тяжело*. Или еще можно ихъ жалѣть „философски", то-есть такъ, какъ жалѣютъ людей ограниченныхъ и заблуждающихся. Мнѣ кажется, чтобы почув-

Библиотека "Руниверс"

ствовать невольный приливъ къ сердцу того милосердія, той нравственной любви, о которой я говорилъ выше, надо видѣть современнаго *) европейца въ какомъ-нибудь униженномъ положеніи: побѣжденнымъ, раненымъ, плѣннымъ,—да и то условно. Я принималъ участіе въ Крымской войнѣ, какъ военный врачъ. И тогда наши офицеры, даже казацкіе, не позволяли нижнимъ чинамъ обращаться дурно съ плѣнными. Сами же начальствующіе изъ насъ, какъ извѣстно, обращались съ непріятелями даже слишкомъ любезно—и съ Англичанами, и съ Турками, и съ Французами. Но разница и тутъ была большая. Передъ Турками никто блистать не думалъ. И по отношенію къ нимъ, дѣйствительно, во всей чистотѣ своей являлась русская доброта. Иначе было дѣло съ Французами. Эти сухіе фанфароны были тогда побѣдителями, и даже въ плѣну были очень развязны, такъ что по отношенію къ нимъ, напротивъ того, видна была жалкая и презрѣнная сторона русскаго характера,—какое-то желаніе заявить о своей деликатности, подобострастное и тщеславное желаніе получить одобреніе этой массы самоувѣренныхъ куаферовъ, про которыхъ Герценъ такъ хорошо сказалъ: „онъ былъ не очень глупъ, какъ большинство Французовъ, и не очень уменъ, какъ большинство Французовъ". Все это необходимо отличать, и великая разница *быть ласковымъ* съ побѣжденнымъ китайскимъ мандариномъ, или съ индійскимъ парія,—или *разстилаться* передъ французскимъ troupier и англійскимъ морякомъ. По отношенію къ азіатцамъ, какъ идолопоклонникамъ, такъ и магометанамъ, мы, дѣйствительно, являемся въ подобныхъ случаяхъ тѣми добрыми Самарянами, которыхъ Христосъ поставилъ всѣмъ въ примѣръ. Относительно же европейцевъ эта доброта весьма подозрительнаго источника, и, признаюсь, я расположенъ ее презирать. Я вспоминаю нѣчто о г. Зиссерманѣ. Въ одномъ изъ своихъ политическихъ обозрѣній, г. Зиссерманъ, возмущаясь нашимъ, дѣйствительно, быть-можетъ, излишнимъ, кокетствомъ съ плѣнными Турками (изъ которыхъ столь многіе поступали звѣрски съ Болгарами и Сербами), ставилъ намъ въ примѣръ Нѣмцевъ, которые, набравши въ плѣнъ такое множество Французовъ, почти не говорили съ ними и не хотѣли съ ними вовсе общиться. Нѣмцы прекрасно дѣлали,—съ этимъ я согласенъ. Именно такъ надо поступать съ обыкновенными Французами. Милосердіе къ нимъ, въ случаѣ несчастія, должно быть сдержанное, сухое, какъ бы обязательное и холодно-христіанское. Что касается до Турокъ и другихъ азіатцевъ,

*) Я говорю „современнаго" въ смыслѣ тенденціи, рода воспитанія и всего того, что составляетъ такъ-называемый *типъ*, а не про всѣхъ тѣхъ, которые *теперь живутъ*. И Бисмаркъ, и Папа, и французскій благородный легитимистъ, и какой-нибудь набожный простой Баварецъ или Бретонецъ *тоже теперь* живутъ; но это остатки прежней, *густой*, такъ сказать, и *богатой духомъ* Европы.—Я не про такихъ современниковъ нашихъ говорю: объясняюсь разъ навсегда. *Авт.*

Библиотека "Руниверс"

которыхъ преходящая самоувѣренность въ наше время не можетъ въ понимающемъ человѣкѣ возбуждать негодованіе, а скорѣе какую-то жалость, то, не доходя, разумѣется, до поднесенія букетовъ и тому подобныхъ русскихъ глупостей, конечно, въ случаѣ униженія и несчастія, съ ними слѣдуетъ быть поласковѣе. Кстати о букетахъ. Когда русскій мѣщанинъ, солдатъ или мужикъ ведетъ плѣнныхъ Турокъ и, вспоминая о жестокостяхъ, совершенныхъ ихъ соотечественниками, думаетъ про себя: „а можетъ-быть эти Турки, которыхъ я вижу, ничего такого не дѣлали,—за что же ихъ оскорблять?"—то я вѣрю въ это прославленное русское добродушіе. Я понимаю, что та сторона ученія Христова, которая говоритъ именно о прощеніи, т.-е. о самомъ высшемъ проявленіи этой нравственной любви, дается русскому народу легче, чѣмъ какому-нибудь другому племени. Положимъ, и къ простолюдину русскому можно здѣсь придраться: у одного — лѣнь; у другаго—все слабовато, въ томъ числѣ и мстительность, и гордость не выразительны; третій—самъ не знаетъ, что ему нужно дѣлать; у четвертаго—равнодушное отношеніе ко всему, кромѣ своихъ личныхъ интересовъ. Но это уже тонкіе психологическіе оттѣнки. И распространенію Христіанства служили не одни только высокія побужденія, а всякія, ибо „сила Божія и въ немощахъ нашихъ познается". Но когда нашъ харьковскій европеецъ, или калужская Француженка любезничаютъ съ унылымъ или угрюмымъ Мусульманиномъ, я впадаю въ искушеніе... Я знаю, этотъ европейскій Петръ Ивановичъ, или эта французская Агаѳья Сидоровна дѣлаютъ это не совсѣмъ спроста: боюсь до смерти, что у нихъ, хотя полусознательно, но мелькаютъ въ умѣ газеты, западное общественное мнѣніе, „вотъ мы какіе милые и цивилизованные!" Тогда какъ, по-настоящему, надобно сказать себѣ: „какое намъ дѣло до того, что о насъ *думаетъ* Европа?"—Когда же мы это поймемъ?!

Итакъ, говорю я, любовь къ людямъ можетъ быть прежде всего двоякая: *нравственная или сострадательная* и *эстетическая* или *художественная*. Нерѣдко, я сказалъ, онѣ дѣйствуютъ смѣшанно. Въ рѣчи г. Достоевскаго, по поводу Пушкина, эти два чувства—совершенно разнородныя и въ жизненной практикѣ чрезвычайно легко-отдѣлимыя—вовсе не различены. А это очень важно. Лермонтовъ и другіе кавказскіе офицеры, сражаясь противъ Черкесовъ и убивая ихъ, восхищались ими и даже нерѣдко подражали имъ. Точно такое же отношеніе къ горцамъ мы видимъ и у старовѣровъ-казаковъ, описанныхъ гр. Львомъ Толстымъ. Этотъ же романистъ представилъ намъ примѣры подобныхъ двойственныхъ отношеній русскаго дворянства къ Французамъ въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Черкесы эстетически нравились Русскимъ, противникамъ своимъ. Русское дворянство времени Александра I-го

Библиотека "Руниверс"

восхищалось тогдашними Французами, вреди имъ стратегически (а слѣдовательно и *лично)* на каждомъ шагу.

Рѣчь г. Достоевскаго очень хороша въ чтеніи, но тотъ, кто *видалъ самого автора* и *кто слышалъ какъ онъ говоритъ*, тотъ легко пойметъ восторгъ, охватившій слушателей... Ясный, острый умъ, вѣра, смѣлость рѣчи... Противъ всего этого трудно устоять сердцу. Но возможно ли сводить цѣлое культурное историческое призваніе великаго народа на одно *доброе* чувство къ *людямъ* безъ особыхъ, опредѣленныхъ, въ одно и то же время *вещественныхъ и мистическихъ*, такъ сказать, предметовъ вѣры, внѣ и выше этого человѣчества стоящихъ,—вотъ вопросъ?

Космополитизмъ Православія имѣетъ такой предметъ въ живой личности распятаго Іисуса. Вѣра въ божественность Распятаго при Понтійскомъ Пилатѣ Назарянина, Который училъ, что на землѣ все невѣрно и все неважно, все недолговѣчно, а дѣйствительность и вѣковѣчность настанутъ послѣ гибели земли и всего живущаго на ней: вотъ та *осязательно-мистическая* точка опоры, на которой вращался и вращается до сихъ поръ исполинскій рычагъ Христіанской проповѣди. Не полное и повсемѣстное торжество любви и всеобщей правды на *этой* землѣ обѣщаютъ намъ Христосъ и его Апостолы; а, напротивъ того, нѣчто вродѣ кажущейся *неудачи* Евангельской проповѣди на земномъ шарѣ, ибо *близость конца* должна совпасть съ послѣдними попытками сдѣлать всѣхъ хорошими Христіанами...

„Ибо когда будутъ говорить: миръ и безопасность, тогда внезапно постигнетъ ихъ пагуба... и не избѣгнутъ (1-е посл. къ Ѳессал. гл. 5, 3).

И еще:

„Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ.

„Ибо многіе прійдутъ *подъ именемъ Моимъ* и будутъ говорить: я Христосъ,—и многихъ прельстятъ.

„Также услышите *о войнахъ и о военныхъ слухахъ*. Смотрите не ужасайтесь: *ибо надлежитъ всему тому быть*; но это еще не конецъ.

„*Ибо возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство, и будутъ глады, моры и землетрясенія по мѣстамъ.*

Все же это начало болѣзней (Еванг. отъ Матѳ. гл. XXIV, 4, 5, 6, 7, 8).

„*И по причинѣ умноженія беззаконія, во многихъ охладѣетъ любовь.*

„Претерпѣвшій же до конца спасется. *И проповѣдано будетъ сіе Евангеліе Царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ; и тогда прійдетъ конецъ.*

Итакъ, когда увидите мерзость запустѣнія реченную чрезъ пророка Даніила, стоящую на святомъ мѣстѣ (читающій да разумѣетъ)... (Еванг. отъ Матѳ. гл. XXIV, 12, 13, 14, 15).

Библиотека "Руниверс"

И такъ далѣе.

Даже г. Градовскій догадался упомянуть въ своемъ слабомъ возраженіи г. Достоевскому о пришествіи антихриста и о томъ, что Христосъ пророчествовалъ не *гармонію* всеобщую (миръ всеобщій), а всеобщее разрушеніе. Я очень обрадовался этому замѣчанію нашего ученаго либерала.

Хотя, видимо, г. Градовскій писалъ это съ улыбкой и хотѣлъ напоминаніемъ о „свѣтопреставленіи" уязвить Христіанство; но это, какъ ему угодно, указаніе на эту *существенную сторону Христіанскаго ученія здѣсь очень кстати.*

Итакъ, пророчество всеобщаго примиренія *людей о Христѣ* не есть Православное пророчество, а какое-то *обще-гуманитарное*. Церковь *этого мира* не обѣщаетъ, а кто „преслушаетъ Церковь, тебѣ тотъ пусть будетъ какъ язычникъ и мытарь" (т.-е. чуждъ тебѣ, какъ вредный своимъ примѣромъ человѣкъ; конечно, до тѣхъ поръ, пока онъ не исправится и не обратится).

Возвратимся къ европейцамъ... Прежде, напримѣръ, чѣмъ полюбить какого-либо изъ европейскихъ либераловъ и радикаловъ, надо *бояться* Церкви.

Начало премудрости (т.-е. настоящей вѣры) есть *страхъ*, а любовь—только *плодъ*. Нельзя считать плодъ корнемъ, а корень плодомъ. Тутъ даже кстати можно продолжить съ успѣхомъ именно это уподобленіе. Правда, плодъ, или часть плода (сѣмя), зарывается въ землю такъ, что оно становится невидимымъ и *перерождается* въ корень и другія части растенія. Въ такомъ смыслѣ я могу, напримѣръ, полюбить даже и самого Гамбетту!... Какимъ образомъ?—Очень простымъ. Говорятъ, что одинъ изъ самыхъ пылкихъ и, конечно, не робкихъ жирондистовъ (кажется Isnard), спасаясь отъ гильотины, пробылъ нѣсколько дней въ каменоломняхъ и отъ мученій *страха* сталъ Христіаниномъ. Вотъ если бы Гамбетта, вслѣдствіе какого-нибудь подобнаго потрясенія, захотѣлъ „облечься во Христа", пошелъ бы къ священнику и сказалъ: „отецъ мой, я понялъ, что республика—вздоръ, что свобода—изношенная пошлость, что нація наша, прежде дѣйствительно великая, теперь недостойна больше вниманія, и самъ себѣ я кажусь такъ глупъ и такъ низокъ, что умираю отъ стыда и тоски,—научите меня... Обратите меня... Я знаю, что христіанину необходимо *усиліе воли* и *скромность ума* передъ вашимъ ученіемъ... Я согласенъ принять все, даже и то, что мнѣ противно и съ чѣмъ отвратительная отупѣлость моего разума, воспитаннаго вѣрой въ прогрессъ, согласиться не можетъ. Я въ принципѣ рѣшаюсь всякое сочувствіе этому смѣшному, либеральному разуму считать заблужденіемъ, ошибкой, tentantion..." и т. д.

Вотъ, въ такомъ случаѣ, я понимаю, что можно было бы полюбить Гамбетту всѣмъ сердцемъ и всею душой, „какъ самого себя",—полю-

Библиотека "Руниверс"

бить его въ одно и то же время и нравственно, и эстетически, — полюбить и съ умственнымъ восхищеніемъ, и съ умиленіемъ сердечнымъ... Теперь же, каюсь, я, считая себя не менѣе кого бы то ни было въ правѣ называться русскимъ человѣкомъ, при всей доброй волѣ моей, никакъ не могу ни умиляться, ни восхищаться, думая объ этомъ энергическомъ воздухоплавателѣ... А онъ еще самый крупный и занимательный, кажется, изъ нынѣшнихъ гражданъ *самой европейской* изъ націй западной Европы.

Или возьмемъ примѣръ ближе. Трудно себѣ представить, чтобы который-нибудь изъ нашихъ умѣренныхъ либераловъ „озарился свѣтомъ истины"... Но все-таки представимъ себѣ обратный процессъ. Вообразить себѣ, что не страхъ довелъ котораго-нибудь изъ нихъ, какъ Isnard'a, до премудрости, а премудрость довела до страха рядомъ умозаключеній ясныхъ, но *не въ духѣ времени* (съ которымъ „живая" мысль принуждена считаться, но уважать который она вовсе не обязана). Трудно себѣ это представить, положимъ. Для того, чтобы *въ наше время* члену плачевной интеллигенціи нашей стать тѣмъ, что зовется вообще „мистикомъ", — надо иной калибръ ума, чѣмъ мы видимъ у подобныхъ профессоровъ и фельетонистовъ. Но положимъ... положимъ, что либералъ дошелъ, премудростію человѣческою, до страха Божія... Вѣдь я сказалъ уже: сила Господня и въ немощахъ нашихъ нерѣдко познается; русскіе либералы немощны, но Богъ силенъ. Дошли они премудростью до страха и смирились, — живутъ въ томленіи кроткаго прозелитизма, писать вовсе перестали.... Какъ бы они всѣ были тогда привлекательны и милы!... Сколько уважительнаго и теплаго снисхожденія возбуждали бы тогда эти скромные люди!...

Но теперь ихъ даже *не слѣдуетъ любить*; мириться съ ними не должно... Имъ должно желать добра лишь въ томъ смыслѣ, чтобъ они опомнились и измѣнились, — т.-е. самаго *высшаго добра*, идеальнаго... А если ихъ поразятъ несчастія, если они потерпятъ гоненія, или какую иную земную кару, то этому роду зла можно даже немного и порадоваться, *въ надеждѣ на ихъ нравственное исцѣленіе*. Покойный Митрополитъ Филаретъ находилъ, что тѣлесное наказаніе преступниковъ полезно для ихъ духовнаго настроенія, и потому онъ стоялъ за тѣлесное наказаніе *).

И самъ г. Достоевскій почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, исполненныхъ такого искренняго чувства и любви къ человѣчеству, проводитъ почти ту же мысль, быть-можетъ и невольно, руководимый какимъ-то высокимъ инстинктомъ.

Наказанные преступники, убійцы, блудныя, продажныя и оскорб-

*) Смотри книгу „Государст. ученіе Митр. Филарета" В. Н. *1885 года*. Стр. 86—94. Между прочимъ текстъ: *Ты побіеши ею жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти* (стр. 92).

Библиотека "Руниверс"

ленныя женщины у него такъ часто являются представителями самаго горячаго религіознаго чувства... Страданія, угрызенія совѣсти, страхъ, лишенія и стѣсненія, вслѣдствіе кары земнаго закона и личныхъ обидъ, открываютъ передъ умомъ ихъ иныя перспективы... А „безъ преступленій и наказаній“ они пребывали бы навѣрно въ пустой гордости, или звѣрской грубости... Безъ страданій не будетъ ни вѣры, ни на вѣрѣ въ Бога основанной любви къ людямъ; а *главныя страданія въ жизни причиняютъ человѣку не столько силы природы, сколько другіе люди.* Мы нерѣдко видимъ, напримѣръ, что больной человѣкъ, окруженный любовью и вниманіемъ близкихъ, испытываетъ самыя радостныя чувства; но едва ли найдется человѣкъ здоровый, который былъ бы счастливъ тѣмъ, что его никто знать не хочетъ... Поэтому и поэзія земной жизни, и условія загробнаго спасенія—одинаково требуютъ не *сплошной* какой-то любви, которая и невозможна, и не постоянной злобы, а, говоря объективно, нѣкоего *какъ бы гармоническаго, въ виду высшихъ цѣлей, сопряженія вражды съ любовью.* Чтобы Самарянину было кого пожалѣть и кому перевязать раны, необходимы же были разбойники. Разумѣется, тутъ естественно слѣдуетъ вопросъ: „кому же взять на себя роль разбойника, кому же олицетворять *зло*, если это не похвально?— Церковь отвѣчаетъ на это не *моральнымъ совѣтомъ*, *обращеннымъ къ личности*, а однимъ общеисторическимъ пророчествомъ: „*Будетъ зло!*“ — говоритъ Церковь. Она говоритъ еще: „званыхъ много, *проповѣдано будетъ Евангеліе вездѣ, но избранныхъ будетъ мало*; только *нудящіе себя* восходятъ въ Царствіе Небесное“,—потому что самая добрая, кроткая, великодушная *натура* есть даръ *благодати*, даръ *Божій*. Намъ принадлежатъ только: *желаніе, исканіе вѣры, усиліе, молитва противъ маловѣрія и слабости, отреченіе и покаяніе.*

„Блаженъ претерпѣвшій до конца!“

Христосъ, повторяю, ставилъ милосердіе, или доброту, *личнымъ идеаломъ*; Онъ не обѣщалъ нигдѣ торжества *поголовнаго братства на земномъ шарѣ*... Для такого братства необходимы прежде всего уступки со всѣхъ сторонъ. А есть вещи, которыя *уступать нельзя.*

II.

Мнѣнія Ѳ. М. Достоевскаго очень важны—не только потому, что онъ писатель даровитый, но еще болѣе потому, что онъ писатель весьма вліятельный и даже весьма *полезный.*

Его искренность, его порывистый паѳосъ, полный доброты, цѣломудрія и честности, его частыя напоминанія о Христіанствѣ — все это можетъ въ высшей степени благотворно дѣйствовать (*и дѣйствуетъ*) на читателей, особенно на молодыхъ *русскихъ* читателей. Мы не можемъ, конечно, счесть, сколькихъ юношей и сколько молодыхъ жен-

Библиотека "Руниверс"

щинъ онъ отклонилъ отъ сухой *политической злобы нигилизма* и настроилъ умъ и сердце совсѣмъ иначе; но вѣрно, что такихъ очень много.

Онъ какъ будто говоритъ имъ безпрестанно между строками, говоритъ отчасти и прямо самъ, повторяетъ устами своихъ дѣйствующихъ лицъ, изображаетъ драмой своей; онъ внушаетъ имъ: „ не будьте злы и сухи! Не торопитесь перестраивать по-своему гражданскую жизнь; займитесь прежде жизнью собственнаго сердца вашего; не раздражайтесь; *вы хороши и такъ, какъ есть*; старайтесь быть еще добрѣе, любите, прощайте, жалѣйте, вѣрьте въ Бога и Христа; молитесь и любите. Если сами люди будутъ хороши, добры, благородны и жалостливы, то и гражданская жизнь станетъ несравненно сноснѣе, и самыя несправедливости и тягости гражданской жизни смягчатся подъ цѣлительнымъ вліяніемъ личной теплоты".

Такое высокое настроеніе мысли, къ тому же выражаемое почти всегда съ лиризмомъ глубокаго убѣжденія, не можетъ не дѣйствовать на сердца. Въ этомъ отношеніи къ г. Достоевскому можно приложить одно названіе, вышедшее нынче почти изъ употребленія, — онъ замѣчательный *моралистъ*. Слово „моралистъ" идетъ къ роду его дѣятельности и къ характеру вліянія гораздо болѣе, чѣмъ названіе *публицистъ*, даже и тогда, когда онъ по способу изложенія является не повѣствователемъ, а мыслителемъ и наставникомъ, какъ, напримѣръ, въ своемъ восхитительномъ *Дневникѣ Писателя*. Онъ занятъ гораздо болѣе *психическимъ строемъ лицъ*, чѣмъ *строемъ соціальнымъ*, которымъ всѣ нынче, къ сожалѣнію, такъ озабочены. Человѣчество XIX вѣка какъ будто бы отчаялось совершенно въ личной проповѣди, въ морализаціи прямо сердечной, и возложило всѣ свои надежды на передѣлку обществъ, то-есть на нѣкоторую степень *принудительности* исправленія. *Обстоятельства*, давленіе закона, судовъ, *новыхъ экономическихъ условій*, принудятъ и пріучатъ людей стать лучше... „Христіанство,— думаютъ эти современники наши,—доказало тщетными усиліями вѣковъ, что одна проповѣдь личнаго добра не можетъ исправить человѣчество и сдѣлать земную жизнь покойною и для всѣхъ равно справедливою и пріятною. Надо измѣнить условія самой жизни; а сердца *по неволѣ* привыкнутъ къ добру, когда зла *невозможно* будетъ дѣлать".

Вотъ та преобладающая мысль нашего вѣка, которая вездѣ слышится въ воздухѣ. Вѣрятъ въ *человѣчество*, въ *человѣка* не вѣрятъ больше.

Г. Достоевскій, повидимому, одинъ изъ немногихъ мыслителей, не утратившихъ вѣру въ *самого человѣка*.

Нельзя не согласиться, что въ этомъ направленіи много независимости, а привлекательности еще больше...

Такимъ представляется дѣло по сравненію съ одностороннимъ и усхимъ соціально-реформаторскимъ духомъ времени.

Библиотека "Руниверс"

Но то же самое представляется совершенно иначе по отношенію къ Христіанству.

Демократическій и либеральный прогрессъ вѣритъ больше въ принудительную и постепенную исправимость всецѣлаго человѣчества, чѣмъ въ нравственную силу лица. Мыслители или моралисты, подобные автору Карамазовыхъ, надѣются, повидимому, больше на сердце человѣческое, чѣмъ на переустройство обществъ. *Христіанство же не вѣритъ безусловно ни въ то, ни въ другое,—то-есть ни въ лучшую автономическую мораль лица, ни въ разумъ собирательнаго человѣчества, долженствующій рано или поздно создать рай на землѣ.*

Вотъ разница. Впрочемъ, я можетъ-быть дурно выразился словомъ *разумъ*... Чистый *разумъ*, или, пожалуй, наука, въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ, вѣроятно, скоро откажется отъ той утилитарной и оптимистической тенденціозности, которая сквозитъ между строками у большинства современныхъ ученыхъ, и, оставивъ это утѣшительное ребячество, обратится къ тому суровому и печальному пессимизму, къ тому мужественному примиренію съ неисправимостью земной жизни, которое говоритъ: „Терпите! *Всѣмъ лучше никогда не будетъ.* Однимъ будетъ лучше, другимъ станетъ хуже. Такое состояніе, такія колебанія горести и боли — вотъ единственно возможная на землѣ *гармонія! И больше ничего* не ждите. Помните и то, что всему бываетъ конецъ; даже скалы гранитныя вывѣтриваются, подмываются; даже исполинскія тѣла небесныя гибнутъ... Если же человѣчество есть явленіе живое и органическое, то тѣмъ болѣе ему долженъ настать *когда-нибудь конецъ*. А если будетъ *конецъ*, то какая нужда намъ такъ заботиться о благѣ будущихъ, далекихъ, вовсе даже *непонятныхъ* намъ поколѣній? *Какъ мы можемъ мечтать о благѣ правнуковъ, когда мы самое ближайшее къ намъ поколѣніе—сыновъ и дочерей—вразумить и успокоить дѣйствіями разума не можемъ?* Какъ можемъ мы надѣяться на *всеобщую нравственную или практическую правду*, когда самая *теоретическая истина, или разгадка* земной жизни, до сихъ поръ скрыта для насъ за непроницаемою завѣсой; когда и великіе умы, и цѣлыя націи постоянно ошибаются, разочаровываются и идутъ совсѣмъ не къ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ они искали? Побѣдители впадаютъ почти всегда въ тѣ самыя ошибки, которыя сгубили побѣжденныхъ ими, и т. д... *Ничего нѣтъ вѣрнаго въ реальномъ мірѣ явленій.*

Вѣрно только *одно*,—точно, *одно*, одно только *несомнѣнно,—это то, что все здѣшнее должно погибнуть*! И потому на что эта лихорадочная забота о земномъ благѣ грядущихъ поколѣній? На что эти младенчески-болѣзненныя мечты и восторги? День нашъ—вѣкъ нашъ! И потому *терпите* и заботьтесь практически лишь о ближайшихъ дѣ-

Библиотека "Руниверс"

лахъ, а сердечно—лишь о ближнихъ людяхъ: *именно о ближнихъ, а не о всемъ человѣчествѣ.*

Вотъ та пессимистическая философія, которая должна рано или поздно, и, вѣроятно, послѣ цѣлаго ряда *ужасающихъ разочарованій*, лечь въ основаніе будущей науки.

Соціально-политическіе опыты ближайшаго грядущаго (*которые, по всѣмъ вѣроятіямъ, неотвратимы*) будутъ, конечно, первымъ и важнѣйшимъ камнемъ преткновенія для человѣческаго ума на ложномъ пути исканія общаго блага и гармоніи". Соціализмъ (т.-е. глубокій и отчасти насильственный экономическій и бытовой переворотъ) теперь видимо неотвратимъ, по крайней мѣрѣ, *для нѣкоторой части человѣчества.*

Но, не говоря уже о томъ, сколько страданій и обидъ его воцареніе можетъ причинить побѣжденнымъ (т.-е. представителямъ либерально-мѣщанской цивилизаціи), сами побѣдители, какъ бы прочно и хорошо ни устроились, очень скоро поймутъ, что имъ далеко до благоденствія и покоя. *И это какъ дважды два четыре*, вотъ почему: эти будущіе побѣдители устроятся *или свободнѣе*, либеральнѣе *насъ*, *или*, *напротивъ того*, законы и порядки ихъ будутъ несравненно стѣснительнѣе нашихъ, строже, принудительнѣе, даже *страшнѣе*.

Въ послѣднемъ случаѣ жизнь этихъ *новыхъ людей* должна быть гораздо тяжелѣе, болѣзненнѣе жизни хорошихъ, добросовѣстныхъ монаховъ въ строгихъ монастыряхъ (напримѣръ, на Аѳонѣ). А эта жизнь для знакомаго съ ней очень тяжела (хотя имѣетъ, разумѣется, и свои, совсѣмъ *особыя*, утѣшенія): постоянный тонкій страхъ, постоянное неумолимое давленіе совѣсти, устава и воли начальствующихъ... Но у аѳонскаго киновіата есть одна твердая и ясная, утѣшительная мысль, есть спасительная нить, выводящая его изъ лабиринта ежеминутной тонкой борьбы: *загробное блаженство*.

Будетъ ли эта мысль утѣшительна для людей предполагаемыхъ экономическихъ общежитій, этого мы не знаетъ.

Если же та часть человѣчества, которая захочетъ испытать на себѣ *блаженство* (?) вовсе новыхъ, общественныхъ и экономическихъ, условій, устроится *свободнѣе* нашего, то она будетъ повержена въ состояніе какъ бы признанной въ принципѣ и узаконенной анархіи, подобно южно-американскимъ республикамъ, или нѣкоторымъ городскимъ общинамъ древней Греціи. Ибо соціальный переворотъ не станетъ ждать личнаго воспитанія, личной морализаціи всѣхъ членовъ будущаго государства, а захватитъ общество въ томъ видѣ, въ какомъ *мы его знаемъ теперь*. А въ этомъ видѣ, кажется, очень еще далеко до безстрастія, до незлобія, до общей любви и до правды—не закономъ навязанной, но бьющей теплымъ ключомъ прямо изъ облагороженной души!... Пусть бы хоть въ этой передовой странѣ, во Франціи, коммунисты подождали усиливаться до тѣхъ поръ, пока всѣ Фран-

Библиотека "Руниверс"

цузы не станутъ хоть такими добрыми, умными и благородными, какъ герои Жоржъ-Санда; *однако, они этого ждать не хотятъ...*

Итакъ, испытавши все возможное, *даже и горечь соціалистическаго устройства*, передовое человѣчество должно будетъ неизбѣжно впасть въ глубочайшее разочарованіе; политическое же состояніе обществъ всегда отзывается и на высшей философіи, и на общемъ, полу-сознательномъ, въ воздухѣ бродящемъ міросозерцаніи; а философія высшая и философія инстинкта равно отзываются, рано или поздно, и на самой наукѣ.

Наука, поэтому, должна будетъ неизбѣжно принять тогда болѣе разочарованный, *пессимистическій*, какъ я сказалъ, *характеръ*. *И вотъ гдѣ ея примиреніе съ положительною религіей*, вотъ гдѣ ея теоретическій тріумфъ: въ сознаніи своего практическаго безсилія, въ мужественномъ покаяніи и смиреніи передъ могуществомъ и правотою сердечной мистики и вѣры.

Вотъ о чемъ Славянамъ не мѣшало бы позаботиться! Это не противорѣчитъ прогрессу; напротивъ, если понимать прогрессъ мысли не въ духѣ непремѣнно пріятно-эгалитарномъ и любезно-демократическомъ, а въ значеніи *усовершенствованія* самой только *мысли*, то такое строгое и безстрашное отношеніе науки къ жизни земной должно быть признано за огромный шагъ впередъ... „Ищите утѣшенія въ чемъ „хотите; я Бога не навязываю вамъ,—это не мое дѣло,—я только гово„рю вамъ: не ищите утѣшенія въ моихъ прежнихъ *радикально-бла„готворительныхъ* претензіяхъ, столь глупо волновавшихъ прошедшій „XIX-й вѣкъ. Я могу помогать вамъ только *палліативно*“. Вотъ что̀ бы должна говорить наука!

Вѣрно понятый, не обманывающій себя неосновательными надеждами, реализмъ долженъ, рано или поздно, отказаться отъ мечты о благоденствіи земномъ и отъ исканія идеала нравственной правды въ нѣдрахъ самого человѣчества.

Положительная религія точно также въ это благоденствіе и въ эту правду не вѣритъ.

Любовь, прощеніе обидъ, правда, великодушіе были и останутся навсегда только коррективами жизни, палліативными средствами, елеемъ на неизбѣжныя и даже *полезныя* намъ язвы. Никогда любовь и правда не будутъ воздухомъ, которымъ бы люди дышали, почти не замѣчая его... Именно—почти не замѣчая! Эд. Гартманъ справедливо говоритъ: „Еслибы идеальная цѣль, преслѣдуемая прогрессомъ, когда бы то ни было осуществилась, то человѣчество достигло бы до степени *нуля*, или *полнаго равнодушія* ко всѣмъ отраслямъ своей дѣятельности. Но идеалъ останется всегда идеаломъ: человѣчество можетъ приближаться къ нему, никогда до него не достигая. Поэтому человѣчество и не дойдетъ никогда до того состоянія *высокаго равнодушія*, къ ко-

Библиотека "Руниверс"

тому оно постоянно стремится; оно вѣчно пребудетъ въ состояніи страданія еще болѣе низкаго порядка (то-есть чѣмъ это *высокое равнодушіе)...*"

Да и развѣ такое тихое равнодушіе есть счастіе? Это—не счастіе, а какой-то тихій упадокъ всѣхъ чувствъ, какъ скорбныхъ, такъ и радостныхъ.

Я увѣренъ, что человѣкъ столь сильно чувствующій и столь *сердечно мыслящій*, какъ Ѳ. М. Достоевскій, говоря о „зданіи человѣческаго счастія", о „всечеловѣческомъ братскомъ единеніи", объ „окончательномъ словѣ общей гармоніи" и т. д., имѣлъ въ виду нѣчто болѣе горячее и привлекательное, чѣмъ та кроткая, душевная „Нирвана", на которую здѣсь указываетъ Гартманъ. А горячее, самоотверженное и нравственно-привлекательное обусловливается непремѣнно болѣе или менѣе сильнымъ и нестерпимымъ *трагизмомъ жизни...* Доказательства этому можно найти во множествѣ въ романахъ самого г. Достоевскаго. Возмемъ „Преступленіе и наказаніе". Вспомнимъ потрясающее, глубокое впечатлѣніе, производимое изображеніемъ бѣднаго семейства Мармеладовыхъ. Нищета, пьяный, ни на что уже негодный отецъ; мать—тщеславная, чахоточная, сердитая, почти безумная, но въ сердцѣ честная и до наивности прямая страдалица; дѣвушка—кроткая, милая, *вѣрующая* и *торгующая собой для пропитанія семьи!...* И когда эти люди проявляютъ, при всемъ этомъ, высокія качества души своей, глубоко потрясенный читатель тотчасъ же понимаетъ, что эта теплота, эта „психичность", этотъ родъ нравственнаго лиризма возможенъ именно при тѣхъ только буднично-трагическихъ условіяхъ, которыя избраны авторомъ. То же самое можно найти въ изобиліи и въ „Братьяхъ Карамазовыхъ".

Мы найдемъ это въ домѣ бѣднаго капитана, въ исторіи несчастнаго Ильюши и его любимой собаки; мы найдемъ это въ самой завязкѣ драмы: читатель знаетъ, что Дмитрій Карамазовъ не виновенъ въ убійствѣ отца и пострадаетъ напрасно. И вотъ уже одно появленіе слѣдователей и первые допросы производятъ нѣчто подобное; они даютъ тотчасъ же дѣйствующимъ лицамъ случайно обнаружить побужденія высшаго нравственнаго порядка: такъ, наприм., лукавая, разгульная и даже нерѣдко жестокая Груша только при допросѣ въ первый разъ чувствуетъ, что она этого Дмитрія истинно любитъ и готова раздѣлить его горе и предстоящія, вѣроятно, ему карательныя невзгоды. Горести, обиды, буря страстей, преступленія, ревность, зависть, угнетенія, ошибки съ одной стороны, а съ другой—неожиданныя утѣшенія, доброта, прощеніе, отдыхъ сердца, порывы и подвиги самоотверженія, простота и веселость сердца! Вотъ *жизнь*, вотъ единственно возможная на этой землѣ и подъ этимъ небомъ *гармонія*. *Гармоническій законъ вознагражденія—и больше ничего*. Поэтическое, живое согласованіе свѣтлыхъ

Библиотека "Руниверс"

цвѣтовъ съ темными—*и больше ничего*. Въ высшей степени цѣльная полу-трагическая, полу-ясная опера, въ которой грозные и печальные звуки чередуются съ нѣжными и трогательными,—и *больше ничего*!

Мы не знаемъ, что будетъ на *той новой землѣ и на томъ новомъ небѣ*, которыя обѣщаны намъ Спасителемъ и Учениками Его, по уничтоженіи *этой* земли *со всѣми* человѣческими *дѣлами ея*; но на *землѣ, теперь намъ извѣстной, и подъ небомъ, теперь намъ знакомымъ*, всѣ хорошія наши чувства и поступки: любовь, милосердіе, справедливость и т. д.—являются, и *должны являться всегда*, лишь тѣмъ *коррективомъ* жизни, тѣмъ *палліативнымъ мѣченіемъ язвъ*, о которыхъ я упоминалъ выше.

Теплота необходима для организма, но ни единственнымъ матеріаломъ, ни единственной зиждущею силой для организма она быть не можетъ.

Нужны твердыя, *извнѣ стѣсненныя формы*, по которымъ эта теплота можетъ разливаться, не *видоизмѣняя ихъ слишкомъ глубоко даже и временно*, а только дѣлая эти твердыя формы полнѣе и пріятнѣе.

Такъ говоритъ *реальный опытъ вѣковъ*, т.-е. почти наука, вѣковой эмпиризмъ, не нашедшій себѣ еще математически-раціональнаго объясненія, но и безъ него трезвому уму весьма ясный.

Такъ же точно говоритъ Церковь, такъ говорятъ Апостолы...

Будутъ лже-христы и анти-христы; *будутъ* „ругатели, поступающіе по похотямъ своимъ“, и т. д. (2 посл. Петра, III, 3; I посл. Іоанна, II, 18; посл. Іуды, 18, 19).

И подъ конецъ не только не настанетъ *всемірнаго братства*, но именно *тогда-то оскудѣетъ любовь, когда будетъ проповѣдано Евангеліе во всѣхъ концахъ земли*. И когда эта проповѣдь достигнетъ, такъ сказать, до предначертанной ей свыше точки насыщенія: когда, *при оскудѣніи* даже и той *любви*, неполной, палліативной (которая здѣсь возможна и дѣйствительна), люди станутъ вѣрить безумно въ „миръ и спокойствіе“,—*тогда-то и постигнетъ ихъ пагуба... „и не избѣгнутъ!“*...

А пока?

Пока „блаженны миротворцы“, ибо *неизбѣжны распри*...

„Блаженны алчущіе и жаждущіе правды“...

Ибо *правды* всеобщей *здѣсь не будетъ*... Иначе зачѣмъ же алкать и жаждать? Сытый не алчетъ. Упоенный не жаждетъ.

„Блаженны милостивые“, ибо всегда будетъ кого миловать: униженныхъ и оскорбленныхъ кѣмъ-нибудь (тоже *людьми*), богатыхъ или бѣдныхъ, все равно,—нашихъ собственныхъ оскорбителей, наконецъ!...

Такъ говоритъ Церковь, совпадая съ *реализмомъ*, съ грубымъ и печальнымъ, но глубокимъ опытомъ вѣковъ. Такъ, повидимому, еще думалъ и самъ г. Достоевскій, когда писалъ о *Мертвомъ Домѣ* и со-

Библиотека "Руниверс"

здавалъ высокое и прекрасное, въ своей болѣзненной истинѣ, произведеніе—*Преступленіе и наказаніе*.

Онъ тогда какъ будто хотѣлъ *только усилить* теплоту любви своимъ потрясающимъ вліяніемъ; онъ не мечталъ еще, повидимому, въ то время о *невозможной реально, о чуть не еретической церковно кристаллизаціи* этой теплоты въ *формѣ зданія все-человѣческой жизни*.

Въ твореніяхъ г. Достоевскаго замѣтна въ отношеніи религіозномъ одна весьма любопытная постепенность. Эту постепенность легко прослѣдить въ особенности при сравненіи трехъ его романовъ: „Преступленіе и наказаніе", „Бѣсы" и „Братья Карамазовы". Въ первомъ представительницею религіи являлась почти исключительно несчастная дочь Мармеладова (торговавшая собою по нуждѣ); но и она читала *только* Евангеліе... Въ этомъ еще мало Православнаго,—Евангеліе можетъ читать и молодая Англичанка, находящаяся въ такомъ же положеніи, какъ и Соня Мармеладова. Чтобы быть Православнымъ, *необходимо Евангеліе читать сквозь стекла Свято-отеческаго ученія*; а иначе изъ самаго Св. Писанія можно извлечь и Скопчество, и Лютеранство, и Молоканство, и другія лжеученія, которыхъ такъ много и которыя всѣ сами себя выводятъ прямо изъ Евангелія (или вообще изъ Библіи). Замѣтимъ еще одну подробность: эта молодая дѣвушка (Мармеладова) какъ-то *молебновъ* не служитъ, *духовниковъ* и *монаховъ* для совѣта не ищетъ; къ *чудотворнымъ иконамъ* и *мощамъ* не прикладывается; отслужила только панихиду по отцѣ. Тогда какъ въ дѣйствительной *жизни* подобная женщина непремѣнно все бы это дѣлала, еслибы только въ ней проснулось живое религіозное чувство... И въ самомъ Петербургѣ, и по близости все это можно вѣдь найти... И вѣроятнѣе даже, что житія Св. Ѳеодоры, Св. Маріи Египетской, Таисіи и Преподобной Агдаиды были бы въ ея рукахъ гораздо чаще Евангелія. Видно изъ этого, что г. Достоевскій въ то время, когда писалъ „Преступленіе и наказаніе", очень мало о настоящемъ (т.-е о *Церковномъ*) Христіанствѣ думалъ. Въ „Бѣсахъ" немного получше. Является передъ читателемъ на площади *икона*, чтимая „народомъ". Авторъ видимо негодуетъ на нигилистовъ, позволившихъ себѣ оскорбить эту *народную* святыню,—*и только*. Изъ высшаго или изъ образованнаго круга русскихъ дѣйствующихъ лицъ многіе и много говорятъ о Богѣ, о Христѣ („*о Немъ*"),—говорятъ хорошо, краснорѣчиво, пламенно, съ большою искренностью, но все-таки не совсѣмъ Православно, не Свято-отечески, не по *Церковному*... Всѣ эти рѣчи съ точки зрѣнія религіозной не что иное какъ прекрасное, благоухающее „млеко", въ высшей степени полезное *для начала* тому, кто вовсе забылъ думать о Богѣ и Христѣ; но только „начало пути", только „млеко", *а твердую и настоящую пищу Православнаго Христіанства* человѣкъ познаетъ тогда, когда начнетъ съ *трепетнымъ* и до сердечнаго, такъ сва-

Библиотека "Руниверс"

зать, своекорыстія живымъ интересомъ читать Іоанна Златоуста, Филарета Московскаго, Житія Святыхъ, Варсонофія Великаго, Іоанна Лѣственника, переписку Оптинскихъ наставниковъ, Макарія и Антонія, съ ихъ духовными дѣтьми, мірянами и монахами.

Правда, эпиграфомъ къ роману „Бѣсы" выбранъ Евангельскій разсказъ объ исцѣленіи бѣсноватаго, который *исцѣлившись сѣлъ у ногъ Христа*, а бѣсы, бывшіе въ немъ, вошли въ свиней, кинувшихся въ море... „Бѣсноватый" олицетворяетъ въ этомъ случаѣ у г. Достоевскаго *Россію*, которая тогда исцѣлится отъ всѣхъ недуговъ своихъ, лично-нравственныхъ и общественныхъ, когда станетъ болѣе Христіанскою *по духу своему націей* (разумѣется, въ лицѣ своихъ образованныхъ представителей). Но и это весьма неясно... *Какое* Христіанство: обще-Евангельское какое-то, или въ самомъ дѣлѣ Православное, съ вѣрой въ икону Иверской Божіей Матери, въ мощи Св. Сергія, въ проповѣди Тихона Задонскаго и Филарета *), въ прозорливость и святую жизнь нѣкоторыхъ и нынѣ живущихъ монаховъ?...

Какое же *именно* Христіанство спасетъ будущую Россію: первое, неопредѣленно-Евангелическое, которое непремѣнно будетъ искать себѣ *формъ*,—или второе, съ опредѣленными формами, всѣмъ, хотя съ виду (если не по внутреннему смыслу), знакомыми?...

На это мы въ „Бѣсахъ" не найдемъ и тѣни отвѣта!

„Братья Карамазовы" уже *гораздо ближе* къ дѣлу. Видно, что авторъ самъ шелъ хотя и нѣсколько медленно, но все-таки по довольно правильному пути. Онъ приближался все больше и больше къ *Церкви*.

Въ романѣ „Братья Карамазовы" весьма значительную роль играютъ Православные монахи; авторъ относится къ нимъ съ любовью и глубокимъ уваженіемъ; нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ высшаго класса признаютъ за ними особый духовный авторитетъ. Старцу Зосимѣ присвоенъ даже мистическій даръ „прозорливости" (въ пророческомъ земномъ поклонѣ его Дмитрію Карамазову, который долженъ въ будущемъ быть по ошибкѣ обвиненъ судомъ въ отцеубійствѣ) и т. д.

Правда, и въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" монахи говорятъ не совсѣмъ то или, точнѣе выражаясь, *совсѣмъ не то*, что въ дѣйствительности говорятъ *очень хорошіе* монахи и у насъ, и на Аѳонской Горѣ, и русскіе монахи, и греческіе, и болгарскіе. Правда, и тутъ какъ-то мало говорится о богослуженіи, о монастырскихъ послушаніяхъ; ни

*) *Примѣч.* 1885 г.:

Даже и въ его *духовный авторитетъ по государственнымъ вопросамъ*. Еще разъ позволяю себѣ обратить вниманіе читателей на ту весьма полезную книгу, о которой я уже упоминалъ одинъ разъ: „*Государственное ученіе Филарета* (Митроп. Московскаго) (В. Н.),—вторымъ изданіемъ вышедшую въ Москвѣ въ нынѣшнемъ году.

Библиотека "Руниверс"

одной церковной службы, ни одного молебна... *Отшельникъ и строгій постникъ*, Ѳерапонтъ, мало *до людей* касающійся, *почему-то* изображенъ неблагопріятно и насмѣшливо... *Отъ тѣла* скончавшагося старца Зосимы *для чего-то* исходитъ *тлетворный духъ*, и это смущаетъ иноковъ, считавшихъ его святымъ.

Не такъ бы, положимъ, обо всемъ этомъ нужно было писать, оставаясь, замѣтимъ, даже вполнѣ на „почвѣ дѣйствительности". Положимъ, было бы гораздо лучше сочетать *болѣе сильное мистическое чувство съ большею точностью реальнаго изображенія*: это было бы правдивѣе и полезнѣе, тогда какъ у г. Достоевскаго и въ этомъ романѣ *собственно-мистическія* чувства все-таки выражены слабо, а чувства *гуманитарной идеализаціи* даже въ рѣчахъ иноковъ выражаются весьма пламенно и пространно.

Все это такъ. Однако, сравнивая „Братьевъ Карамазовыхъ" съ прежними произведеніями г. Достоевскаго, нельзя было не радоваться, что такой русскій человѣкъ, столь даровитый и столь искренній, все больше и больше *пытается выйти* на настоящій церковный путь; нельзя было не радоваться тому, что онъ видимо стремится замкнуть, наконецъ, въ опредѣленныя и священныя для насъ формы лиризмъ своей пламенной, но своевольной и все-таки не ясной морали.

Еще шагъ, еще два, и онъ могъ бы подарить насъ твореніемъ истинно-великимъ въ своей поучительности.

И вдругъ эта *рѣчь!* Опять эти „народы Европы!" Опять это „послѣднее слово всеобщаго примиренія!".

Этотъ „всечеловѣкъ!"

— *И ты тоже* Брутъ!

Увы, и *ты тоже!*...

Изъ этой рѣчи, на праздникѣ Пушкина, для меня, по крайней мѣрѣ (признаюсь), совсѣмъ неожиданно оказалось, что г. Достоевскій, подобно великому множеству *европейцевъ* и русскихъ *всечеловѣковъ*, *все еще* вѣритъ въ мирную и кроткую будущность Европы и радуется тому, что намъ, Русскимъ, быть-можетъ и скоро, придется утонуть и расплыться безслѣдно въ безличномъ океанѣ космополитизма.

Именно безслѣдно! Ибо что мы принесемъ на этотъ (по-моему скучный до отвращенія) *пиръ всемірнаго*, однообразнаго братства? Какой *свой*, ни на что чужое не похожій, слѣдъ оставимъ мы въ средѣ этихъ *смѣшанныхъ людей грядущаго*... „толпой"..., если не всегда „угрюмою"..., то „скоро позабытой..."

Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,—
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда...

Было нашей націи поручено одно великое сокровище — строгое и неуклонное церковное Православіе; но наши лучшіе умы не хотятъ

Библиотека "Руниверс"

просто „смириться“ передъ нимъ, передъ его „*исключительностью*“ и передъ тою *кажущеюся сухостью*, которою всегда вѣетъ на романтически воспитанныя души отъ всего установившагося, правильнаго и твердаго. Они *предпочитаютъ „смиряться“* передъ ученіями антинаціональнаго эвдемонизма, въ которыхъ по отношенію къ Европѣ даже и новаго нѣтъ ничего.

Всѣ эти надежды на земную любовь и на миръ земной можно найти и въ пѣсняхъ Беранже, и еще больше у Ж.-Сандъ, и у многихъ другихъ.

И не только имя Божіе, но даже и *Христово имя* упоминалось и на Западѣ по этому поводу не разъ.

Слишкомъ *розовый* оттѣнокъ, вносимый въ Христіанство *этою рѣчью* г. Достоевскаго, есть *новшество* по отношенію къ Церкви, отъ человѣчества ничего особенно благотворнаго въ будущемъ не ждущей; но этотъ оттѣнокъ не имѣетъ въ себѣ ничего—ни особенно русскаго, ни особенно новаго по отношенію къ преобладающей европейской мысли XVIII и XIX вѣковъ.

Пока г. Достоевскій въ своихъ романахъ говоритъ *образами*, то, несмотря на *нѣкоторую личную примѣсь* или *лирическую субъективность* во всѣхъ этихъ образахъ, видно, что художникъ вполнѣ и болѣе многихъ изъ насъ—*русскій человѣкъ*.

Но выдѣленная, извлеченная изъ этихъ русскихъ образовъ, изъ этихъ русскихъ обстоятельствъ, *чистая мысль* въ этой послѣдней рѣчи оказывается, какъ почти у всѣхъ лучшихъ писателей нашихъ, почти вполнѣ европейскою по идеямъ и даже по происхожденію своему.

Именно мыслей-то мы и *не бросаемъ до сихъ поръ вѣкамъ*!...

И размышляя объ этомъ печальномъ свойствѣ нашемъ, конечно, легко повѣрить, что мы скоро расплывемся безслѣдно во *всемъ* и во *всѣхъ*.

Быть-можетъ это такъ и нужно; но чему же тутъ радоваться?... Не могу понять, и не умѣю!...

III.

Итакъ (скажетъ мнѣ кто-нибудь), вы позволяете себѣ отрицать не только возможность повсемѣстнаго „воцаренія правды“, „мирной гармоніи“ и „благоденствія“ на землѣ, но даже какъ будто противополагаете все это Христіанству, какъ вещи съ нимъ несовмѣстныя, изображаете все это чуть-чуть не антитезами его... Вы забыли даже Катихизисъ, въ которомъ всегда приводится текстъ: „Богъ любы есть“...

„Писатель, котораго вы сами высоко цѣните и котораго вы въ началѣ предыдущаго письма назвали не только даровитымъ и вполнѣ русскимъ, но и весьма полезнымъ, шагъ за шагомъ, слово за словомъ, явился у васъ подъ конецъ того же письма человѣкомъ почти вреднымъ своими заблужденіями, *чуть-чуть не еретикомъ*“!... Но чего же

Библиотека "Руниверс"

вы хотите послѣ этого? Чего же вы требуете отъ Россіи нашей и отъ насъ самихъ?

О воцареніи „правды“ и „благоденствія“ на землѣ я не буду здѣсь много говорить, потому что по этому вопросу всѣ люди, мнѣ кажется, раздѣляются, очень просто, на расположенныхъ этому идеалу вѣрить и на пожимающихъ только плечами при подобной мысли, противной одинаково и *реальнымъ законамъ природы*, *и всѣмъ главнымъ и самымъ вліятельнымъ изъ извѣстныхъ намъ положительныхъ религій.*

Для убѣжденія первыхъ (т.-е. вѣрующихъ въ „благоденствіе“ и „правду“) нужно говорить долго и подробно, а это невозможно въ статьѣ или письмѣ, имѣющемъ спеціальную цѣль; вторые же (не расположенные этому вѣрить) поймутъ меня и съ полу-слова. Это—о всемірномъ „благоденствіи“ и о человѣческой „правдѣ“.

О „гармоніи“ я постараюсь сказать особо, если успѣю, потому что слово „гармонія“ я понимаю, повидимому, иначе, чѣмъ г. Достоевскій и многіе другіе современники наши. Теперь же объяснюсь примѣромъ, кратко и мимоходомъ. Пушкинъ сопровождаетъ Паскевича на войну; присутствуетъ *при сраженіяхъ. Много людей убито, ранено, огорчено и раззорено.* Русскіе побѣдителями вступаютъ въ Эрзерумъ. Самъ поэтъ испытываетъ, конечно, за все это время множество *сильныхъ и новыхъ ощущеній.* Природа Кавказа и Азіатской Турціи; видъ *убитыхъ и раненыхъ*; *затрудненія и усталость* походной жизни; возможность *опасности*, которую Пушкинъ такъ рыцарски любилъ; удовольствія штабной жизни при торжествующемъ войскѣ; даже *незнакомое ему дотолѣ* наслажденіе восточныхъ бань въ Тифлисѣ... Послѣ всего этого, или подъ вліяніемъ всего этого (въ томъ числѣ и подъ вліяніемъ крови и тысячи смертей), Пушкинъ пишетъ какіе-нибудь прекрасные стихи въ восточномъ стилѣ.

Вотъ *это гармонія*, примиреніе антитезъ, но не въ смыслѣ мирнаго и братскаго *нравственнаго согласія*, а въ смыслѣ поэтическаго и взаимнаго восполненія противуположностей и *въ жизни самой*, и въ искусствѣ.

Борьба двухъ великихъ армій, взятая отдѣльно отъ всего побочнаго во всецѣлости своей, есть проявленіе *„реально-эстетической гармоніи“*...

А если Бразильскій Императоръ сидитъ въ Петербургѣ за столомъ въ обществѣ русскихъ оріенталистовъ, до того уже все восточное давно утратившихъ (положимъ), что ихъ очень трудно отличить со стороны отъ любаго европейскаго бюргера,—то это не столько гармонія, сколько *униссонъ*, очень мирный *униссонъ*, скучный, немного деревянный и очень безплодный, т.-е. на нравы и понятія *самихъ оріенталистовъ практически не дѣйствующій, ихъ болѣе восточными и оригинальными людьми не дѣлающій.* При такомъ пониманіи слова „гармонія“ я не

Библиотека "Руниверс"

могу и говорить о ней въ смыслѣ не гармоническаго или не эстетическаго братства однообразныхъ народовъ будущаго, еслибы я даже въ это братство имѣлъ право вѣрить *и какъ реалистъ, и какъ Христіанинъ*.

Въ глазахъ реалиста, т.-е. человѣка не имѣющаго права дѣлать предсказанія безъ предыдущихъ, даже и приблизительныхъ, примѣровъ, подобное благоденственное братство, доводящее людей даже до субъективнаго постояннаго удовольствія, не согласуется ни съ психологіей, ни съ соціологіей, ни съ историческимъ опытомъ. Въ глазахъ Христіанина подобная мечта противорѣчитъ *прямому* и очень *ясному* пророчеству Евангелія объ ухудшеніи человѣческихъ отношеній *подъ конецъ свѣта*.

Братство *по возможности* и гуманность дѣйствительно рекомендуются Св. Писаніемъ Новаго Завѣта, для *загробнаго спасенія личной души*; но въ Св. Писаніи *нигдѣ не сказано, что люди дойдутъ посредствомъ этой гуманности до мира и благоденствія. — Христосъ намъ этого не обѣщалъ... Это не правда*: Христосъ приказываетъ, или совѣтуетъ, всѣмъ любить ближнихъ *во имя Бога*; но, съ другой стороны, пророчествуетъ, что Его многіе не послушаютъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ гуманность ново-европейская и гуманность Христіанская являются несомнѣнно антитезами, даже очень трудно примиримыми (или примиримыми *эстетически*, только въ области поэзіи, какъ *жизненной*, такъ и *художественной*, т.-е. въ смыслѣ *увлекательной и многосложной борьбы*). Удивляться этому или ужасаться такой мысли не слѣдуетъ. Это очень понятно, хотя и печально. Гуманность есть идея *простая;* Христіанство есть представленіе *сложное*. Въ Христіанствѣ между *многими другими* сторонами есть и гуманность или любовь къ человѣчеству „о Христѣ", то-есть не изъ насъ прямо истекающая, а *Христомъ даруемая и Христа за ближнимъ провидящая,—отъ Христа и для Христа*. Гуманность же простая, „автономическая", шагъ за шагомъ, мысль за мыслью, можетъ вести къ тому сухому и самоувѣренному утилитаризму, къ тому эпидемическому умопомѣшательству нашего времени, которое можно психіатрически назвать mania democratica progressiva. Все дѣло въ томъ, что мы претендуемъ *сами по себѣ*, безъ помощи Божіей, быть или очень добрыми, или, что еще ошибочнѣе, быть полезными. Я говорю—*ошибочнѣе*, ибо доброту еще свою, порывы искренней любви и милосердія, человѣкъ не можетъ не чувствовать,—это *фактъ невольнаго сознанія*. Но какъ быть увѣреннымъ *въ пользѣ* не только всѣмъ, но и многимъ? Спасая одного, я можетъ-быть врежу кому-нибудь другому. Христіанство миритъ это легко именно тѣмъ, что съ одной стороны не вѣритъ въ прочность и постоянство автономическихъ добродѣтелей нашихъ, а съ другой—долгое благоденствіе и покой души считаетъ вреднымъ. Оскорбителю оно говоритъ: „Кайся; ты согрѣшилъ". Оскорбленному вну-

Библиотека "Руниверс"

шаетъ: „Эта обида тебѣ полезна; рукой неправеднаго человѣка наказалъ тебя Богъ; прости человѣку и кайся передъ Богомъ“.

Горе, страданіе, разореніе, обиду, Христіанство зоветъ даже иногда *посѣщеніемъ Божіимъ*.

А гуманность простая хочетъ стереть съ лица земли эти *полезныя* намъ обиды, разоренія и горести...

Въ этомъ отношеніи Христіанство и гуманность можно уподобить двумъ сильнымъ поѣздамъ желѣзной дороги, вышедшимъ сначала изъ одного пункта, но которые, вслѣдствіе постепеннаго уклоненія путей, должны не только удариться другъ объ друга, но даже и прійти въ сокрушающе столкновеніе *).

Во всѣхъ духовныхъ сочиненіяхъ, правда, говорится о любви къ людямъ. Но во всѣхъ же подобныхъ книгахъ мы найдемъ также, что *начало премудрости* (т.-е. религіозной и *истекающей изъ нея* житейской премудрости) есть „страхъ Божій“,—простой, *очень простой страхъ* и загробной муки, и другихъ наказаній въ формѣ земныхъ истязаній, горестей и бѣдъ.

Отчего же г. Достоевскій не говоритъ *прямо* объ этомъ *страхѣ?* Не потому ли, что *идея любви привлекательнѣе?* Любовь краситъ человѣка, а страхъ унижаетъ. Но, во-первыхъ, передъ Христіанскимъ ученіемъ добровольное униженіе о Господѣ (т.-е. то самое „смиреніе“, которое такъ уважаетъ и г. Достоевскій) лучше и *вѣрнѣе для спасенія души*, чѣмъ эта гордая и невозможная претензія ежечаснаго незлобія и ежеминутной *елейности*. Многіе праведники предпочитали удаленіе въ пустыню *дѣятельной* любви; тамъ они *молились Богу сперва* за свою душу, а *потомъ* за другихъ людей; многіе изъ нихъ это дѣлали потому, что очень правильно не надѣялись на себя, и находили, что покаяніе и молитва, т.-е. *страхъ и своего рода униженіе*, вѣрнѣе, чѣмъ претензія *мірскаго незлобія* и чѣмъ *самоувѣренность дѣятельной любви* въ многолюдномъ обществѣ. Даже въ монашескихъ общежитіяхъ опытные старцы не очень-то позволяютъ увлекаться дѣятельною и горячею любовью, а прежде всего учатъ *послушанію*, *униженію*, *пассивному прощенію обидъ*... И это все считается до невѣроятности труднымъ, въ особенности для тѣхъ людей, которые воображаютъ себя уже „смиренными“ и въ „міру“, *собственными усиліями*, для монастыря подготовленными. Случаями поразительнаго паденія этихъ духовныхъ Икаровъ, нерѣдко весьма искреннихъ и благородныхъ, наполнена исторія монашества отъ начала его и до нашего времени.

---

*) Уподобленіе это принадлежитъ не мнѣ; но оно такъ прекрасно, что я хотѣлъ непремѣнно воспользоваться имъ. Оно принадлежитъ Прево-Парадолю, застрѣлившемуся въ Америкѣ. Онъ прилагалъ его къ Франціи и Германіи еще до войны 1870 года и предсказывалъ пораженіе своей отчизны. Авт.

Библиотека "Руниверс"

Да, прежде всего *страхъ*, потомъ „смиреніе“; или прежде всего— *смиреніе ума*, презрительно относящагося не къ себѣ только одному, но и ко всѣмъ другимъ, даже и геніальнымъ человѣческимъ умамъ, безпрестанно ошибающимся.

Такое смиреніе шагъ за шагомъ ведетъ къ вѣрѣ и страху предъ именемъ Божіимъ, къ *послушанію ученію* Церкви, этого Бога намъ поясняющей. *А любовь—уже послѣ*. Любовь кроткая, себѣ самому пріятная, другимъ отрадная, всепрощающая—это плодъ, вѣнецъ: это или награда за вѣру и страхъ, или особый даръ благодати, *натурѣ* сообщенный, или случайными и счастливыми условіями воспитанія укрѣпленный. Какъ въ особый даръ благодати, я охотно вѣрю искренности и любви, когда дѣло идетъ, напримѣръ, о самомъ ораторѣ, т.-е. о натурѣ высокоодаренной; но совсѣмъ другое я чувствую, когда я думаю о большинствѣ слушателей его, восхищавшихся, я увѣренъ, *больше любовью къ Европѣ, чѣмъ любовью ко Христу и дѣйствительно къ ближнему*...

Есть, однако, въ числѣ разныхъ многочисленныхъ родовъ и оттѣнковъ человѣческой любви одинъ особый родъ, который можетъ и невѣрующаго и несмиреннаго человѣка *своимъ* путемъ привести и къ вѣрѣ, и къ смиренію, а потомъ даже и къ той любви человѣчества о *Богѣ*, которой достигали столь немногіе во всѣ времена, да и то приблизительно, подобно тому какъ въ квадратурѣ круга приближается подвижной многоугольникъ, къ полному и неподвижному кругу Божественной чистоты.

Но объ этой любви я не стану говорить своими словами. Прежде меня и лучше меня сказалъ о ней, почти въ одно время съ г. Достоевскимъ, другой русскій Христіанинъ, въ рѣчи менѣе прославленной, но въ одномъ отношеніи болѣе *правильной*, чѣмъ рѣчь г. Достоевскаго.

Я говорю о К. П. Побѣдоносцевѣ. Почти въ то самое время, когда въ Москвѣ такъ шумно праздновали память Пушкина, ѣли, пили, убирали памятникъ вѣнками, рукоплескали, плакали и даже падали въ обморокъ, радуясь что мы наконецъ-то „созрѣли“, или вѣрнѣе— *перезрѣли* до того, что намъ остается только заклать себя на алтарѣ всечеловѣческой (т.-е. просто европейской) демократіи, этотъ русскій Христіанинъ, о которомъ я вспомнилъ, одинъ, по должности своей, счастливо совпадающей съ его чувствами и призваніемъ, посѣтилъ далекую Ярославскую епархію, и тамъ, на выпускѣ въ училищѣ для дочерей священно-и церковно-служителей, состоявшемъ подъ покровительствомъ въ Бозѣ почившей Императрицы, сказалъ слово, которое *Московскія Вѣдомости* по справедливости назвали прекраснымъ и возвышеннымъ и которое я бы желалъ назвать *благородно-смиреннымъ*.

Вотъ отрывки изъ этой рѣчи. Сперва г. Побѣдоносцевъ говоритъ о томъ, какъ поминать покойную ихъ Покровительницу:

Библиотека "Руниверс"

„Она сама завѣщала всѣмъ любящимъ *Ее поминать Ее на литургіи, когда приносится безкровная Жертва на Престолѣ Господнемъ*“...

..... „До послѣднихъ дней жизни Она поминала съ глубокою признательностью тѣхъ, кто ввелъ Ее въ Церковь и показалъ *Ей нашу церковную красоту. Любите вы выше всего на свѣтѣ нашу Церковь, такъ, какъ любитъ человѣкъ, однажды узнавши, верховную красоту и ничего не хочетъ промѣнять на нее...*“

И еще:

„Только чрезъ Церковь можете вы сойтись съ народомъ просто и свободно и войти въ его довѣріе“.

Потомъ.

„Одно прочно—простыя дѣла милосердія: алчущаго напитать, жаждущаго напоить, нагаго одѣть, а выше всего темную душу освѣтить свѣтомъ богопознанія, холодную согрѣть огнемъ любви, — вотъ дѣла, которыя пойдутъ вслѣдъ за нами“.

Въ чемъ же разница между этими двумя рѣчами, одинаково прекрасными въ ораторскомъ отношеніи?

И тамъ „Христосъ“, и здѣсь „Божественный Учитель“. И тамъ, и здѣсь—„любовь и милосердіе“. Не все ли равно?—Нѣтъ, разница большая; разстояніе неизмѣримое...

Во-первыхъ, въ рѣчи г. Побѣдоносцева Христосъ познается не иначе какъ *черезъ Церковь*: „*любите прежде всего Церковь*“. Въ рѣчи г. Достоевскаго Христосъ, *повидимому*, по крайней мѣрѣ, до того помимо Церкви доступенъ всякому изъ насъ, что мы считаемъ себя въ правѣ, даже не справясь съ азбукой Катихизиса, т.-е. съ самыми *существенными* положеніями и *безусловными* требованіями Православнаго ученія, приписывать Спасителю никогда не высказанныя Имъ обѣщанія „всеобщаго братства народовъ“, „повсемѣстнаго мира“ и „гармоніи“.

Во-вторыхъ,—о „милосердіи и любви“. И тутъ для внимательнаго ума большая разница. „Милосердіе“ г. Побѣдоносцева—это *только личное* милосердіе, и „любовь“ г. Побѣдоносцева—это именно та непритязательная любовь къ „ближнему“,—именно къ *ближнему*, къ *ближайшему, къ встрѣчному*, къ тому, кто подъ рукой,—милосердіе къ *живому*, *реальному* человѣку, котораго слезы мы видимъ, котораго стоны и вздохи мы слышимъ, которому руку мы можемъ пожать, дѣйствительно, какъ брату въ *этотъ часъ*.... У г. Побѣдоносцева нѣтъ и намека на собирательное и отвлеченное человѣчество, котораго многообразныя желанія, противоположныя потребности, другъ друга борющія и исключающія, мы и представить себѣ не можемъ даже и въ настоящемъ, не только въ лицѣ грядущихъ поколѣній...

У г. Побѣдоносцева это такъ ясно: любите Церковь, ея ученіе, ея уставы обряды, *даже догматы* (да, даже *сухіе* догматы можно, вѣя подарѣрѣ, любить донельзя!). Будетъ вамъ *пріятна Церковь*,

Библиотека "Руниверс"

или (скажемъ проще) понравится вамъ ходить почаще къ обѣднѣ, или посѣщать *внимательно* монастыря,—вы захотите лучше понять ученіе; понявши ученіе, будете, *по мѣрѣ силъ вашей натуры*, жить по-христіански или, по крайней мѣрѣ, понимать все по христіански, какъ понималъ по-христіански столь *дурно жившій мытарь*. Церковь скажетъ вамъ вотъ что: „не претендуйте постоянно пылать и пылать любовью"... Дѣло вовсе не въ вашихъ высокихъ порывахъ, *которыми вы восхищаетесь*,—дѣло, напротивъ того, въ покаяніи и даже въ нѣкоторомъ униженіи ума. Не берите *на себя лишняго*, не возноситесь все этими высокими и высокими порывами, въ которыхъ кроется часто столько гордости, тщеславія, честолюбія. Будьте свободолюбивы, если вамъ угодно, на почвѣ политической (хотя и это не совсѣмъ правильно, ибо Апостолъ говоритъ, что даже иновѣрному и несправедливому начальству надобно повиноваться), но, ради Бога, на почвѣ религіозной учитесь скромно у Церкви и даже, еще проще и прямѣе говоря, учитесь у Русскаго духовенства, у этого сословія столь несовершеннаго и нравственно, и умственно. Оно весьма несовершенно, это правда; быть-можетъ оно по условіямъ историческаго воспитанія вышло нѣсколько суше, нѣсколько грубѣе насъ, *по-дворянски* воспитанныхъ мірянъ, это правда... Но оно *знаетъ ученіе* Церкви; и даже (путей у Бога много!) самая эта сухость его могла располагать его сопротивляться *порывистымъ новшествамъ*. И еще: развѣ для горячихъ порывовъ необходимы только новшества? Или развѣ Православіе еще не достаточно у насъ забыто и въ свѣтскомъ обществѣ, и въ ученомъ, чтобы не имѣть возможности стать опять новымъ и увлекательнымъ?... Прекрасный сосудъ не разбитъ еще, не расплавленъ до тла на пожирающемъ огнѣ европейскаго прогресса. Вливайте въ него утѣшительный и укрѣпляющій напитокъ вашей образованности, вашего ума, вашей личной доброты, и *только*,—и вы будете правы.

Повидимому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣчи своей, г. Достоевскій говоритъ почти въ томъ же смыслѣ, въ исключительно личномъ. Въ этихъ мѣстахъ онъ является *по-прежнему* вполнѣ Христіаниномъ,—только христіаниномъ, *чего-то ясно и прямо не договорившимъ и что-то другое лишнее*, вмѣстѣ съ тѣмъ, *пересказавшимъ*.

Напримѣръ:

„Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость! Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной „нивѣ"... Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ; найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собой—и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя и—станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло, и *другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь*

Библиотека "Руниверс"

счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконецъ, народъ свой и святую правду его. Не у Цыганъ и нигдѣ—*міровая гармонія*, если ты первый самъ ея недостоинъ, злобенъ и гордъ, и требуешь жизни даромъ, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить".

Не договорено тутъ малости: *не упомянуто о самомъ существенномъ—о Церкви.*

Пересказано лишнее—о какой-то *окончательной* (?) *гармоніи.*

Но оставимъ эту гармонію, о которой я уже говорилъ и которая испортила, по моему, все прекрасное дѣло Ѳ. М. Достоевскаго. Посмотримъ лучше, что такое это смиреніе передъ „народомъ", передъ его „вѣрой и правдой", которому и прежде многіе насъ учили.

Въ этихъ словахъ: *смиреніе передъ народомъ* (или какъ будто передъ мужикомъ въ спеціальности)—есть нѣчто очень сбивчивое и отчасти ложное. Въ чемъ же смиряться передъ простымъ народомъ, скажите? Уважать его тѣлесный трудъ?—Нѣтъ; всякій знаетъ, что не объ этомъ рѣчь: это само собою разумѣется и это умѣли понимать и прежде, даже многіе изъ рабовладѣльцевъ нашихъ. Подражать его нравственнымъ качествамъ? — Есть, конечно, очень хорошія... Но не думаю, чтобы семейныя, общественныя и вообще *личныя*, въ тѣсномъ смыслѣ, качества нашихъ простолюдиновъ были бы всѣ ужь такъ достойны подражанія. Едва ли нужно подражать ихъ сухости въ обращеніи со страдальцами и больными, ихъ немилосердой жестокости въ гнѣвѣ, ихъ пьянству, расположенію столь многихъ изъ нихъ къ постоянному лукавству и даже воровству... Конечно, не съ этой стороны совѣтуютъ намъ передъ нимъ „смиряться". Надо учиться у него „смиряться" *умственно, философски смиряться, понять*, что въ его *міровоззрѣніи больше истины*, чѣмъ въ нашемъ...

Ужь одно то хорошо, что нашъ простолюдинъ Европы не знаетъ и о благоденствіи общемъ не заботится: когда мы въ стихахъ Тютчева читаемъ о долготерпѣніи Русскаго народа и, задумавшись, внимательно спрашиваемъ себя: „въ чемъ же именно выражается это долготерпѣніе?"—то, разумѣется, понимаемъ, что не въ одномъ физическомъ трудѣ, къ которому народъ такъ привыкъ, что ему долго быть безъ него показалось бы и скучно (кто изъ насъ не встрѣчалъ, напримѣръ, работницъ и кормилицъ въ городахъ, скучающихъ по пашнѣ и сѣнокосу?)... Значитъ не въ этомъ дѣло. Долготерпѣніе и смиреніе Русскаго народа выражались и выражаются отчасти въ охотномъ повиновеніи властямъ, иногда несправедливымъ и жестокимъ, какъ всякія земныя власти, отчасти въ преданности ученію Церкви, ея установленіямъ и обрядамъ. Поэтому смиреніе передъ народомъ для отдающаго себѣ ясный отчетъ въ своихъ чувствахъ есть не что иное какъ *смиреніе передъ тою самою Церковью, которую совѣтуетъ любить г. Побѣдоносцевъ.*

И эта любовь гораздо осязательнѣе и понятнѣе, чѣмъ любовь *ко*

Библиотека "Руниверс"

всему человѣчеству, ибо отъ насъ зависитъ узнать, чего хочетъ и что требуетъ отъ насъ эта Церковь. Но чего завтра пожелаетъ не только все человѣчество, но хоть бы и наша Россія (утрачивающая на нашихъ глазахъ даже прославленный иностранцами государственный инстинктъ свой), этого мы понять не можемъ навѣрно. У Церкви есть *свои незыблемыя правила* и есть *внѣшнія формы*—тоже свои собственныя, особыя, ясныя, видимыя. У русскаго общества нѣтъ теперь ни *своихъ* правилъ, ни *своихъ* формъ!...

Любя Церковь, знаешь чѣмъ, такъ сказать, „угодить" ей. Но какъ угодить человѣчеству, когда входящіе въ составъ его милліоны людей между собою не только не согласны, но даже и *не согласимы во вѣкъ*?...

Эта вѣчная несогласимость нисколько не противорѣчитъ тому стремленію къ однообразію въ идеяхъ, воспитаніи и нравахъ, которое мы видимъ теперь повсюду. *Сходство правъ и воспитанія только уравниваетъ претензіи, не уменьшая противоположности интересовъ*, и потому только усиливаетъ возможность столкновенія.

Любить Церковь—это такъ понятно!

Любить же *современную* Европу, такъ жестоко преслѣдующую даже у себя Римскую Церковь,—Церковь все-таки великую и Апостольскую, несмотря на всѣ глубокіе догматическіе оттѣнки, отдѣляющіе ее отъ насъ,—это просто *грѣхъ*!

Отчего же въ нашемъ обществѣ и въ *безъидейной* литературѣ нашей не было замѣтно сочувствія ни къ Пію IX, ни къ кардиналу Ледоховскому, ни къ западному монашеству вообще, теперь вездѣ столь гонимому? Вотъ бы въ какомъ случаѣ могли совмѣститься и христіанское чувство, и художественное, и либеральное.

Ибо, съ одной стороны, Католики—это единственные представители Христіанства на Западѣ (и объ этомъ прекрасно писалъ тотъ самый Тютчевъ, который хвалилъ долготерпѣніе Русскаго народа); съ другой—истинная гуманность, живая, непосредственная, не можетъ относиться только къ работнику и раненому солдату. Человѣкъ высокаго званія, оскорбляемый и гонимый толпою, полководецъ побѣжденный, подобно Бенедеку, или Османъ-пашѣ, можетъ пробудить очень живое и глубокое чувство почтительнаго состраданія въ сердцахъ неиспорченныхъ односторонними демократическими „сентиментами".

А поэзіи, конечно, въ Папѣ и Ледоховскомъ больше, чѣмъ въ дерзкомъ и дюжинномъ западномъ работникѣ.

Я думаю, еслибы Пушкинъ прожилъ дольше, то былъ бы за Папу и Ледоховскаго, даже за Донъ-Карлоса... Революціонная современность претворяетъ въ себя постепенно всю ту старую и поэтическую, разнообразную Европу, которую нашъ поэтъ такъ любилъ, конечно, не нравственно-доброжелательнымъ чувствомъ, а прежде всего художественнымъ, какимъ-то пантеистическимъ...

Библиотека "Руниверс"

Я вспоминаю одну отвратительную картинку въ какой-то иллюстраціи, кажется, въ „Gartenlaube“. Сельскій мирный ландшафтъ, кусты, вдали роща, у рощи скромная церковь (католическая). На первомъ планѣ политипажа крестный ходъ; старушки набожныя, крестьяне безъ шляпъ; въ позахъ и на лицахъ именно то „смиреніе“, которое и въ нашемъ простолюдинѣ, въ подобныхъ случаяхъ, насъ трогаетъ. Впереди—сельское духовенство съ хоругвями. Но эти добрые, эти „смиренные передъ Христомъ“ люди не могутъ дойти до Его храма. Поѣздъ желѣзной дороги остановился зачѣмъ-то на рельсахъ и шлагбаумъ закрытъ. Имъ нужно долго ждать или обходить далеко. Прямо въ лицо священникамъ, опершись на перила вагона, равнодушно глядитъ какой-то бородатый блузникъ...

Политипажъ былъ видимо составленъ съ насмѣшкой и злорадствомъ...

О, какъ ненавистно показалось мнѣ спокойное и даже красивое лицо этого блузника!

И какъ мнѣ хочется теперь въ отвѣтъ на странное восклицаніе г. Достоевскаго: „О, народы Европы и не знаютъ какъ они намъ дороги!“—воскликнуть не отъ лица всей Россіи, но гораздо скромнѣе, прямо отъ моего лица и отъ лица немногихъ мнѣ сочувствующихъ:—„О, какъ мы ненавидимъ тебя, *современная Европа*, за то, что ты погубила у себя самой все великое, изящное и святое, и уничтожаешь и у насъ, несчастныхъ, столько драгоцѣннаго твоимъ заразительнымъ дыханіемъ!...“

Если такого рода ненависть — „грѣхъ“, то я согласенъ остаться весь вѣкъ при такомъ грѣхѣ, рождаемомъ любовью къ Церкви... Я говорю—„къ Церкви“, даже и Католической, ибо еслибъ я не былъ Православнымъ, то желалъ бы, конечно, лучше быть вѣрующимъ Католикомъ, чѣмъ эвдемонистомъ и либералъ-демократомъ!!!... Ужь это слишкомъ мерзко!!...

Примѣчаніе 1885 года.

Есть люди, весьма почтенные, умные и Достоевскаго близко знавшіе, которые увѣряютъ, что онъ этою рѣчью имѣлъ въ виду выразить *совсѣмъ не то*, въ чемъ я его обвиняю; они говорятъ, что у него при этомъ были даже нѣкія *скрытыя мечтанія апокалипсическаго характера*. Я не знаю, что Ѳ. М. *думалъ* и что онъ *говорилъ въ частныхъ бесѣдахъ* съ друзьями своими; это относится къ интимной біографіи его, а не къ публичной *этой* рѣчи, въ которой и тѣни намека нѣтъ на что-нибудь не только „апокалипсическое“ (т. е. *дальше* опредѣленнаго ученія Церкви идущаго), но и вообще очень мало истинно-религіознаго—гораздо меньше, чѣмъ въ романѣ „Братья Карамазовы“.

Библиотека "Руниверс"

Такъ какъ въ недостаткѣ смѣлости и независимости Ѳ. М. Достоевскаго ужь никакъ обвинять нельзя, то эту рѣчь надо, по моему мнѣнію, считать просто ошибкой, необдуманностью, промахомъ какой-то нервозной торопливости; ибо въ его собственныхъ сочиненіяхъ, даже и раннихъ, можно найти много мыслей, совершенно съ этимъ культомъ „всечеловѣка", „Европы" и „окончательной гармоніи" не совмѣстныхъ.

Напр. въ „Запискахъ изъ Подполья" есть чрезвычайно остроумныя насмѣшки именно надъ этой окончательною гармоніей или надъ благоустройствомъ человѣчества. Если Достоевскій имѣлъ въ виду все-таки *что-то другое*, такъ надо было прямо это сказать и хоть намекнуть на это; а то почему же люди могутъ догадаться, что такой умный, даровитый, опытный и смѣлый человѣкъ говоритъ въ этой рѣчи одно, а думаетъ другое,—говоритъ нѣчто очень простое, до плоскости простое, а *думаетъ* о чемъ-то очень таинственномъ, очень оригинальномъ и очень глубокомъ?... Догадаться невозможно.

Нерѣдко, впрочемъ, случается и то, что писатель самъ въ жизни уже дозрѣлъ до извѣстной идеи и до извѣстныхъ чувствъ, но эти идеи и чувства его еще не дозрѣли до литературнаго (или ораторскаго—все равно) *выраженія*. Онъ еще не нашелъ для нихъ соотвѣтственной формы.

Я готовъ вѣрить, что поживи Достоевскій еще два-три года, онъ *еще гораздо ближе*, чѣмъ въ „Карамазовыхъ", подошелъ бы къ Церкви и даже къ монашеству, которое онъ любилъ и уважалъ, хотя видимо очень мало зналъ и больше все хотѣлъ учить монаховъ, чѣмъ самъ учиться у нихъ.

Лично, я слышалъ, онъ былъ человѣкъ Православный; въ Храмъ Божій ходилъ, исповѣдывался, причащался и т. д.; онъ дозрѣлъ, вѣроятно, сердцемъ до элементарныхъ, такъ сказать, вѣрованій Православія, но писать и проповѣдывать правильно еще не могъ; ему еще нужно бы учиться (просто у духовенства), а онъ спѣшилъ учить!

Впрочемъ, большинство нашихъ образованныхъ людей, даже и посѣщающихъ Храмъ Божій и молящихся, такъ невнимательно и небрежно относится къ основамъ ученія Христіанскаго, что пожалуй рѣчь болѣе Православная не такъ бы и понравилась, какъ эта рѣчь, которая польстила нашей религіозной и національной безцвѣтности и какъ бы придала ей (этой безцвѣтности) высшій историческій смыслъ.

Ошибка оратора, неясность и незрѣлость его мысли на этотъ разъ, вѣроятно, и доставили ему такой шумный, но вовсе не особенно лестный успѣхъ.

Для того, кто этой рѣчи покойнаго Достоевскаго не слыхалъ и не

Библиотека "Руниверс"

читалъ, или кто забылъ тѣ ея самыя существенныя строки, которыя меня такъ непріятно удивили,—я эти строки здѣсь помѣщаю. Вотъ онѣ:

„Стать настоящимъ Русскимъ, стать вполнѣ Русскимъ можетъ-быть и значитъ только (въ концѣ концовъ это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, „всечеловѣкомъ", если хотите. И все это Славянофильство и Западничество наше есть одно только великое у насъ недоразумѣніе, хотя исторически и необходимое. Для настоящаго Русскаго Европейца (?) удѣлъ всего великаго Арійскаго племени такъ же дорогъ, какъ и сама Россія, какъ удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечомъ пріобрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ возсоединенію людей.. Если захотите вникнуть въ нашу исторію Петровской реформы, вы найдете уже слѣды и указанія этой мысли, этого мечтанія моего, если хотите, въ характерѣ общенія нашего съ европейскими племенами, даже въ государственной политикѣ нашей. Ибо что дѣлала Россія во всѣ эти два вѣка въ своей политикѣ какъ не служила Европѣ можетъ-быть гораздо болѣе, чѣмъ себѣ самой? Не думаю, чтобъ отъ неумѣнія лишь нашихъ политиковъ это происходило. О, народы Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги! И впослѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, то-есть конечно не мы, а будущіе грядущіе Русскіе люди поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ Русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе *въ европейскія противорѣчія уже окончательно*, указать *исходъ* европейской тоскѣ въ своей русской душѣ всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовію всѣхъ нашихъ братьевъ, *а въ концѣ концовъ* можетъ-быть и *изречь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону!*"

(„Вѣнокъ на памятникъ Пушкину". 1880, страниц. 243—258.)

Я спрашиваю по совѣсти: можно-ли догадаться, что здѣсь подразумѣвается нѣкая таинственная церковно-мистическая и даже чуть не апокалипсическая мысль о земномъ назначеніи Россіи?

Что-нибудь одно изъ двухъ—или я правъ въ томъ, что эта рѣчь промахъ для такого защитника и чтителя Церкви, какимъ желалъ быть Ѳ. М. Достоевскій, или я самъ непроницателенъ въ этомъ случаѣ до невѣроятной глупости. Пусть будетъ и такъ, если ужъ покойнаго Достоевскаго во всемъ надо непремѣнно оправдывать. Я и на эту альтернативу соглашусь скорѣе, чѣмъ признать за этой космополитической, весьма обычной по духу въ Россіи выходкой какое-то за *особое* значеніе!

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ И ОТРЫВКИ

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

О памятникѣ въ Бозѣ почившему Императору Александру II въ Москвѣ.

(Варш. Днев. 1880 и Востокъ 1882).

Памятникъ этотъ во 1-хъ долженъ быть воздвигнутъ не на сваяхъ и топяхъ „финскихъ блатъ", а въ Москвѣ, которая всегда останется Москвою, тогда какъ Петербургъ необходимо долженъ утратить современемъ свое значеніе, вслѣдствіе *неудержимаго стремленія нашей исторіи на юго-востокъ;* во 2-хъ, памятникъ долженъ быть нагляденъ и доступенъ для всѣхъ классовъ русскаго народа.

Я не архитекторъ и не скульпторъ; познанія мои по части исторіи пластическихъ искусствъ очень ограничены и поверхностны. Поэтому я и не претендую предлагать *проектъ*; я хочу сдѣлать только самыя общіе намеки; попытаюсь изобразить мою мечту; хочу придать хоть сколько-нибудь ясный образъ моей мысли.

По моему мнѣнію, этотъ памятникъ долженъ *имѣть видъ круглаго кіоска* или *храма*.

Это будетъ *историческій* храмъ, пластическое изображеніе извѣстной эпохи.

Размѣры зданія не должны быть велики. Въ немъ не будутъ никогда собираться люди толпами. Его будутъ посѣщать такъ, какъ посѣщаютъ Эрмитажъ и музеи. Размѣромъ или, лучше сказать, внутренней вмѣстимостью онъ не долженъ превосходить обыкновенную сельскую или вообще приходскую церковь (безъ придѣловъ). Высоты большой не нужно.

Зданіе это, какъ я сказалъ, должно быть *круглое*. Вокругъ пусть будутъ колонны, не коринѳскія и не дорическія, а *витыя* и фигурныя, того византійскаго стиля, который намъ знакомъ по нашимъ иконостасамъ. Или, если это покажется тяжелымъ, то сдѣлать эту круглую колоннаду въ стилѣ болѣе легкомъ, напримѣръ, въ томъ стилѣ, что зовутъ мавританскимъ.

Не строить ни подъ какимъ видомъ это зданіе изъ кирпича, а непремѣнно изъ разноцвѣтныхъ гранитовъ и мраморовъ. Пусть оно будетъ лучше невелико, но изъ благороднаго камня.

Купола высокаго на немъ не нужно, а надо, чтобы на верху былъ сдѣланъ круглый вѣнецъ изъ *шарообразныхъ*, *заостренныхъ главокъ*, *конечно*, *безъ крестовъ*, а развѣ-развѣ съ небольшими *звѣздочками* на остріяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Круглое мѣсто крыши внутри этого *вѣнца изъ главъ* должно быть занято или такимъ отлогимъ куполомъ, чтобы его съ улицы и снизу совсѣмъ изъ-за главъ не было видно; или надъ вѣнцомъ изъ мелкихъ главъ возвысить въ серединѣ *одну главу* большую, съ изящными выгибами въ ея основаніи.

Главы не золотить, а сдѣлать какъ можно пестрѣе, на подобіе главъ Василія Блаженнаго.

Что же будетъ внутри?

Внутри, что-нибудь одно: или совершенно одинокое и величественно-изваянное изображеніе Государя Императора, или, напротивъ того, *аллегорическое изображеніе всего царствованія*, *въ видѣ* многолюдной группы изваяній, художественно-расположенной, полной движенія и обращенной съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ положеніяхъ къ изваянію главному, центральному, которое, разумѣется, должно изображать того же Монарха. Я стою за изображенія аллегорическія больше потому, что изо всѣхъ *реальныхъ изваяній*, нужныхъ для такой задачи, можно удачно изобразить весьма немногія; напримѣръ: православнаго іерарха во всемъ облаченіи, монаха русскаго (ибо на одеждѣ его есть складки), да развѣ-развѣ *турецкаго низама*, убѣгающаго или поверженнаго ницъ. Красивыя скульптурныя одежды и обуви бываютъ только двухъ крайнихъ типовъ: или онѣ, обтягивая вплоть какую-нибудь часть тѣла, обнаруживаютъ естественную красоту анатомическихъ линій, или одѣянія эти настолько широки и сложны, что ихъ очертанія пріобрѣтаютъ свою собственную красоту. Мужская же европейская одежда, не только статская, но и военная, какъ извѣстно всякому, рѣшительно непригодна ни для живописи, ни для ваянія. Лорда Брумммеля, который (если память не измѣняетъ мнѣ) изобрѣлъ такъ называемые „панталоны“, конечно, нельзя назвать благодѣтелемъ рода человѣческаго; ибо онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые повредили искусству. Искусство же есть цвѣтъ жизни и самое высшее, идеальное ея выраженіе.

Дѣйствительно: распространеніе мужской европейской одежды ставитъ пластическое искусство въ безвыходное положеніе, между Харибдой безобразія, въ случаѣ простаго, *реалистическаго* отношенія къ жизни, и Сциллой лжи, въ случаѣ предпочтенія изящества и величія печальной „истинѣ вѣка“.

Нельзя даже (при всей доброй волѣ нашей быть реалистами въ *хорошемъ* смыслѣ, т.-е. правдивыми) изобразить на полотнѣ, изсѣчь изъ камня и вылить изъ бронзы красивую группу современныхъ намъ людей. Невозможно „возвести въ перлъ *пластическаго* созданія“ даже такихъ героевъ, каковыми сказались въ послѣднюю войну и наши полководцы и наши солдаты. Какъ быть съ этими *непонятными* „кепи“ и съ *благодѣяніемъ* лорда Брумммеля?!...

Библиотека "Руниверс"

А если даже мысль о высокомъ геройствѣ не можетъ заставить насъ забыть „о бочкѣ на двухъ бревнахъ“, въ которую цивилизація обратила повсюду „образъ и подобіе Божіе“; если людей военныхъ не знаемъ какъ представить, не прибѣгая къ *аллегоріи* или фантастическимъ какимъ-нибудь *мантіямъ*; то какъ приступиться къ разнымъ другимъ изображеніямъ, долженствующимъ напомнить зрителю объ иныхъ важныхъ событіяхъ нашего времени? О *земствѣ*, судебной реформѣ и т. п. Какъ *изваять* прокурора хотя бы самого строгаго, мироваго судью самаго дѣльнаго, адвоката самаго блестящаго?

Нельзя безобразить *долговѣчный памятникъ народной* благодарности европейскими сюртуками и фраками.

Люди XX вѣка будутъ, при взглядѣ на эти сюртуки, пожимать плечами, ибо XX вѣкъ долженъ, по неизбѣжному закону природы, выйти на путь глубочайшей реакціи противу нашего столѣтія.

Итакъ, волей-неволей, художникамъ придется обратиться къ аллегоріи, если они захотятъ въ предполагаемомъ мною пантеонѣ изобразить оживленную, многолюдную группу. Какъ же быть иначе?

Я повторяю, что не претендую предлагать *проекты*, а лишь *ищу* и дѣлаю намеки.

Мнѣ кажется, что въ случаѣ непреодолимыхъ затрудненій для созданія прекрасной, многолюдной и главное *небанальной* группы, окружающей изваяніе самого Государя, можно бы остановиться на выразительной въ простотѣ своей мысли—объ одинокомъ изображеніи Монарха. „Самодержецъ, единство народа, средоточіе народныхъ силъ...“ Вотъ значеніе такого изваянія.

Осмысленно и *скульптурно*—ибо Государь коронованный и въ широкой порфирѣ не есть *аллегорія:* это правда, это реально.

Я думаю еще вотъ о чемъ. *Специфически національнаго* ничего не было никогда. Національными были лишь *своеобразныя сочетанія* общечеловѣческаго.

Многое также можно назвать *національнымъ по происхожденію*, а не по *пребыванію*. Такъ мусульманство есть *аравійская* религія по происхожденію; конституціонализмъ и судъ присяжныхъ—англосаксонскія учрежденія по происхожденію. *Гражданское равенство* было нѣсколько времени французскимъ изобрѣтеніемъ, исключительнымъ свойствомъ французской націи и т. д. Къ *этому роду* національныхъ дѣйствій, открытій или твореній, надо причислить и *возобновленіе*, *возстановленіе* нѣкоторыхъ забытыхъ на время человѣчествомъ началъ, вкусовъ, знаній, уставовъ и обычаевъ. Такъ Римляне возстановили на Западѣ несвойственный дотолѣ эллино-пелазгическому міру принципъ царизма, падавшій въ то же самое время на Востокѣ, и возстановили такъ прочно, что могли передать его и Византіи, и цѣлой Европѣ.

Такъ Нѣмцы возстановили по своему изящный реализмъ греческой

Библиотека "Руниверс"

литературы. И этотъ характеръ поэзіи, болѣе реальный, чѣмъ характеръ созданій французской музы, былъ *долгое время* національнымъ признакомъ для германской поэзіи.

У насъ теперь болѣе внимательное изученіе нашей же собственной древней пластики, прежняго нашего декоративнаго искусства и родственнаго византійскаго стиля, способствовало возстановленію множества изящныхъ и своеобразныхъ вкусовъ и представленій.

Правда, при нынѣшнемъ, вовсе „не всегда выгодномъ и полезномъ" общеніи народовъ, трудно чему бы то ни было возстановленному или вовсе вновь придуманному сохранить надолго мѣстный характеръ; но все-таки остается честь *перваго шага* за тѣмъ, кому подражаютъ другіе.

Отчего бы намъ, русскимъ, не воспользоваться такимъ случаемъ т.-е. тѣмъ предполагаемымъ памятникомъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь), чтобы первыми въ Европѣ возобновить, съ какимъ-нибудь своимъ оттѣнкомъ, древне-греческій родъ скульптуры *изъ слоновой кости съ золотомъ?*

Можно обойтись и безъ рабскаго подражанія (я сказалъ возобновить съ какимъ-нибудь *своимъ оттѣнкомъ*). *Бѣлая* кость съ *золотомъ* это, конечно, одна изъ вѣчныхъ истинъ изящнаго вкуса, подобно алой розѣ въ зелени, пурпуровой одеждѣ на здоровомъ и красивомъ человѣкѣ, пестрому ковру въ жиломъ покоѣ и зеленой соснѣ въ глубокихъ и чистыхъ снѣгахъ. Но хотя это сочетаніе золота и бѣлой кости очень красиво и благородно, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть въ немъ нѣчто *холодное*. Поэтому, не лучше ли было бы вспомнить, что слоновая кость у грековъ, вѣроятно, придѣлывалась пластинками къ *деревянному* изваянію, и оставить эту кость совершенно въ сторонѣ, а сдѣлать во всей аллегорической группѣ видныя части тѣла, лица, шеи, руки (смотря по фигурѣ) изъ какого-нибудь отборнаго, дорогаго дерева; одежду же и всѣ аттрибуты изъ золота или изъ серебра съ эмалью и золотомъ? Это было бы своеобразнѣе.

Впрочемъ, можетъ быть въ этомъ я ошибаюсь и упускаю изъ вида какія-нибудь неизвѣстныя мнѣ техническія затрудненія. Въ заключеніе прибавлю, что внутренность этого историческаго храма должна быть вся разубрана и наполнена украшеніями, именно такихъ родовъ, въ которыхъ русскіе художники и мастера за послѣднее время обнаружили наиболѣе вкуса и умѣнія: рѣзьба по дереву въ русскомъ вкусѣ, серебряныя и золотыя издѣлія. На стѣнахъ—мозаики и картины—на *чеканномъ золотомъ полѣ*. Ни мозаики эти, ни картины не должны быть непремѣнно молитвенными. Можно, со всей изящной строгостью „иконнаго" стиля, представить и не исключительно духовные сюжеты. Нужно только *искать умомъ*...

Хорошо было бы драпировать стеклянныя окна или что другое русскою парчею, или особаго заказа дорогою шелковой тканью, бѣлой

Библиотека "Руниверс"

или „суровой“, съ красными, синими и золотыми кружевами и узорами, во вкусѣ русскихъ полотенецъ.

При такомъ обиліи *національной* роскоши, позволительно и *„вѣку“* заплатить нѣкоторую *дань* по вечерамъ освѣщать все это электрическими свѣчами г. Яблочкова. Зданіе это должно отапливаться; стѣны его должны быть настолько массивны, чтобы можно было *въ нихъ* устроить жилище сторожамъ, не уродуя зданія какими-нибудь пристройками. Сторожа эти должны быть навсегда и преемственно обязаны носить особаго какого-нибудь цвѣта *русскую одежду*, а не солдатскую; ибо послѣдняя очень некрасива и будетъ портить общее впечатлѣніе.

Освѣщеніе дневное можетъ быть и *сверху*: это дѣло техниковъ; но я полагаю, что и внизу необходимы окна для того, чтобы прохожіе могли останавливаться и смотрѣть въ нихъ. Это много значитъ.

Примѣчаніе 1885 года.

Этотъ, быть можетъ, и фантастическій проектъ мой въ первый разъ былъ напечатанъ въ 80-мъ году, въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ (князя Н. Н. Голицына). Написалъ я это подъ впечатлѣніемъ газетныхъ слуховъ о предстоящемъ юбилеѣ 25-ти-лѣтія царствованія покойнаго Императора. Потомъ, когда черезъ годъ, не болѣе, эти праздничныя мысли наши смѣнились столь неожиданно ужасомъ и скорбью, и памятникъ прижизненной славы могъ стать лишь мавзолеемъ надгробнаго плача. я снова попытался напомнить объ этихъ художественныхъ измышленіяхъ моихъ и перепечаталъ статью эту въ московской газетѣ „Востокъ“. Теперь я помѣщаю это здѣсь, во второй части моего Сборника, въ надеждѣ, что какія-нибудь изъ этихъ идей и мечтаній моихъ когда-нибудь и кому-нибудь да пригодятся, хотя бы и для иной цѣли, для другаго монумента.

Отчего-жъ и не мечтать намъ, Русскимъ? Отчего не „фантазировать“ смѣлѣе?... Необходимо намъ дерзновеніе ума и полезенъ намъ капризъ фантазіи... Насъ теперь призываетъ исторія къ очереди нашей! Ошибки въ сферѣ искусства и мысли даже самыя грубыя, если онѣ являются рядомъ съ живыми указаніями и тѣ гораздо плодотворнѣе вѣчной осторожности, вѣчнаго terre-à-terre, вѣчнаго какого-тоозирательства.

О памятникѣ въ Филяхъ.

(*Моск. Вѣд. 1877 года*).

Московская дума желаетъ, чтобы памятникъ, который будетъ поставленъ на мѣстѣ сгорѣвшей *избы Кутузова* въ Филяхъ былъ-бы: во-первыхъ—*дешевъ*; во-вторыхъ, чтобъ онъ былъ *изъ мрамора, гранита, чугуна или известковаго камня;* въ-третьихъ, чтобы *размѣры его* соотвѣтствовали пространству земли, поступившему во владѣніе города, и наконецъ, въ-четвертыхъ, чтобы форма его допускала начертаніе

Библиотека "Руниверс"

довольно длинныхъ надписей. Архитекторы, состоящіе при думѣ, должны представить свои проекты. Я не архитекторъ, не ваятель, я не знаю что стоитъ мраморъ, что стоитъ гранитъ или чугунъ, и даже очень мало интересуюсь этими цѣнами.

Какъ Русскій, я чту память Кутузова и его сподвижниковъ; какъ Русскій, и я горжусь пожаромъ Москвы и изгнаніемъ Французовъ и, какъ Русскій же, я боюсь, что все это непремѣнно кончится небольшою пирамидой, скромнымъ обелискомъ, съ граненою главкой наверху. Предлагая, какъ умѣю, мой идеалъ, въ общихъ чертахъ, доступныхъ и не-спеціалисту, я, разумѣется, буду очень счастливъ если кто-нибудь другой, болѣе меня знающій, представитъ несравненно лучшій проектъ и желалъ бы только, чтобы меня поняли „просто". Не лучше ли всѣхъ этихъ пирамидъ и обелисковъ поставить на мѣстѣ исторической, но деревянной и сгорѣвшей избы—*русскую же избу, но художественную, символическую и несгараемую, изъ гранита или мрамора?* (Чугунъ вѣроятно дешевле, но что же хорошаго въ чугунныхъ памятникахъ! Это такъ мизерно и грубо!)

Если было мѣсто для деревянной, жилой избы съ хозяйственными принадлежностями, то и гранитной вѣроятно не будетъ тѣсно...

Если изъ мрамора или гранита неудобно изобразить солому на крышѣ (я полагаю, что крыша сгорѣвшей исторической избы была соломенная; я ее видѣлъ, но очень давно и не помню), то отчего же не изобразить и тесовую крышу? (Хотя, прибавлю, находятъ же скульпторы возможность изображать прекрасно крупными чертами вещь болѣе тонкую, чѣмъ солома,—человѣческіе волосы).

Я думаю, что и скрещенныя бревна, и крышу, и ставни рѣзныя, и какія бы ни были другія принадлежности *настоящей избы* изъ хорошаго каменнаго матеріала воспроизвести не трудно. Въ небольшія окна можно вставить настоящія зеркальныя стекла. Дверь сдѣлать изъ чугуна. Подробныя надписи начертать внутри на стѣнахъ; а на фасадѣ одну крупную, красивую и краткую (напримѣръ *изба* М. И. Кутузова; такого-то числа 1812 года). Можно бы даже оживить и населить воспоминаніями внутренность этого символическаго жилища. Въ главномъ углу изъ мрамора же изсѣчь большую икону Архистратига Михаила или написать ее прямо на стѣнѣ яркими красками. Предъ этою *не снимающеюся иконой* повѣсить лампаду и поставить большой церковный свѣщникъ.

Можно и внутри все изъ мрамора же и гранита сдѣлать: русскую печь, скамьи и столъ съ раскинутою на немъ стратегическою картой (подобно тому, какъ въ ледяномъ домикѣ Анны Іоанновны все было сдѣлано изо льда). Прибавлю впрочемъ, что, говоря о матеріалѣ постройки, я придерживаюсь указаній думы, но собственно, по моему мнѣнію, темный гранитъ снаружи и изразцовая отдѣлка внутри были бы всего лучше.

Библиотека "Руниверс"

Изба подобная должна стоять не прямо на землѣ, а на широкомъ пьедесталѣ, изъ болѣе дешеваго, но прочно сложеннаго камня.

Я знаю, на все это можно возразить, что такая гранитная изба, на широкомъ пьедесталѣ, будетъ напоминать игрушку или прессъ-папье въ большомъ видѣ. Но если пугаться подобными возраженіями, то на Западѣ напримѣръ нельзя было бы строить и готическихъ соборовъ, потому что ихъ можно въ маломъ видѣ потомъ изобразить изъ бронзы для столовыхъ часовъ подъ колпакомъ. Новгородскій памятникъ тысячелѣтія Россіи въ маломъ видѣ очень хорошъ для кабинетнаго колокольчика; но отъ этого достойнства его ничуть не уменьшаются.

Примѣчаніе 1885 года.

Насмѣшливый оттѣнокъ, который я придавалъ слову „обелискъ" въ 1877 году, разумѣется не могъ относиться къ каменному столбу, поставленному гораздо позднѣе на почти забытомъ мѣстѣ знаменитой „Избы Совѣта",—офицерами одного изъ полковъ, стоявшихъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. *Этотъ* „обелискъ" дѣлаетъ гг. офицерамъ большую честь,—они сдѣлали, что могли. Я-же въ 77 году писалъ о памятникѣ большомъ и дорогомъ, воздвигнутомъ по національной подпискѣ; и какъ тогда опасался, такъ и теперь опасаюсь нашей вѣчной умственной робости и нашего.... не просто только безвкусія; а того безвкусія подражательнаго и безцвѣтнаго, которое такъ глубоко въѣлось въ насъ со временъ Петра I.

Разсказъ Смоленскаго дьякона о нашествіи 1812 года.

(*Русскій Архивъ, 1882 г.*).

Въ Смоленской губерніи, недалеко отъ Вязьмы, есть село Спасское-Телепнево. Оно принадлежало, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими прекрасными господскими имѣніями, подрядъ расположенными почти до самой Вязьмы, дядѣ моему, генералъ-майору Владиміру Петровичу Коробанову. Послѣ смерти его все это богатство наслѣдовалъ сынъ его отъ первой жены (урожденной Тургеневой) Ѳедоръ Владиміровичъ. Этотъ ничтожный, ни на что неспособный молодой человѣкъ въ короткое время запуталъ, прожилъ, промоталъ безслѣдно все наслѣдство свое и кончилъ жизнь *въ лѣчебницѣ душевно-больныхъ*, гдѣ его, кажется, изъ милости содержали какіе-то родные, и доведенъ онъ былъ до того, что ему дарили добрые люди по двугривенному на папиросы.

Теперь, какъ я слышалъ, красивое, живописное Спасское принадлежитъ одному изъ тѣхъ людей, которые векселями, взятыми во время и т. п. „легальными" пріемами умѣютъ такъ хорошо пользоваться пустотой и безсмысленной необузданностью молодыхъ Русскихъ

Библиотека "Руниверс"

дворянъ, подобныхъ покойному двоюродному брату моему. Но въ то время, о которомъ я хочу вспомнить, Спасское еще было въ порядкѣ. Это было въ 51 или 52 году. Я былъ тогда студентомъ медикомъ.

Есть на Пречистенкѣ очень большой, длинный, трехъэтажный домъ, противъ церкви Троицы въ Зубовѣ. Теперь въ немъ гимназія Поливанова; а тогда онъ принадлежалъ богатой, пожилой и почтенной женщинѣ Натальѣ Васильевнѣ Охотниковой; молодая дочь Натальи Васильевны, Анна Павловна, была второй женой дядѣ моему, Владиміру Петровичу Коробанову, мачихой промотавшему все Ѳедору Владиміровичу. Мужъ, умирая (еще въ началѣ 40-хъ годовъ), завѣщалъ Спасское въ пожизненное пользованіе молодой вдовѣ своей.

При Аннѣ Павловнѣ въ Спасскомъ было очень хорошо и все сохранялось въ такомъ же видѣ какъ было при дядѣ.

Усадьба Спасскаго-Телепнева была своеобразна. Домъ, садъ и всѣ службы были расположены на плоской и ровной горѣ; подъ горой по большому оврагу протекаетъ рѣчка; а по ту сторону, на болѣе низкомъ берегу, прямо противъ дома, улица крестьянскихъ избъ.

Домъ (позднѣе сгорѣвшій до тла у Ѳедора Владиміровича въ распоряженіи) былъ въ родѣ городскаго, кирпичный, бѣлый, штукатуренный, съ мезониномъ. Этотъ городской стиль наружной архитектуры былъ мнѣ не совсѣмъ по вкусу; но внутри домъ былъ хорошъ: помѣстительный, звонкій, лѣтомъ прохладный, съ паркетными полами; потолки были очень ярко и заново раскрашены; изображенные на нихъ гирлянды, фрукты, пестрые букеты, синія съ золотомъ вазы, или длинные кувшинчики и райскія птицы доставляли мнѣ множество наслажденій не только въ дѣтствѣ моемъ, но, и тогда уже, когда я, подъ руководствомъ Севрука и Соколова, занимался трупоразъятіями въ Московскомъ анатомическомъ театрѣ и въ то же время въ „часы досуга“ съ ужасной, острой болью юношескаго разочарованія чуть не плакалъ надъ „Тройкой“ Некрасова и надъ стихами Огарева.

Въ Спасскомъ было много поэзіи; въ домѣ было столько простора и достатка, пестроты и безмолвія; окрестности зелены, живописны и лѣсисты; садъ—задумчивъ и даже мраченъ. Этотъ садъ или, вѣрнѣе, паркъ, съ прямыми туда и сюда аллеями, былъ весь *еловый*, что дѣлало эту усадьбу особенно оригинальной. Я нигдѣ этого кромѣ Спасскаго не видалъ. Сосновый паркъ не былъ бы такъ суровъ и теменъ. Въ еловой чащѣ всегда стоитъ какая-то особая таинственная мгла отъ множества тонкихъ и высохшихъ нижнихъ вѣтвей; а зелень ели такъ темна, монументальна и строга!

Вообще, въ Спасскомъ почти все мнѣ нравилось кромѣ одного, какъ я уже сказалъ, кромѣ наружнаго вида дома, слишкомъ городскаго. Остальное все было хорошо.

Библиотека "Руниверс"

Хозяйка, молодая вдова моего дяди, была очень дружна и съ матерью моей, и со мною. Собой она была красива, въ родѣ смуглой цыганки, весела, ласкова, образована, остроумна.

Я очень любилъ гостить въ Спасскомъ, и такъ какъ оно отстоитъ отъ нашего Кудинова всего только верстъ на девяносто, то мы почти каждое лѣто на своихъ ѣздили туда и проводили тамъ одну-двѣ-три недѣли.

Кромѣ желанія тихо повеселиться и помечтать въ прекрасномъ имѣніи у милой хозяйки, была еще и другая причина, которая привлекала меня въ эту мѣстность. Смоленская губернія представлялась мнѣ тогда несравненно многозначительнѣе нашей Калужской. Она была въ глазахъ моихъ озарена сіяніемъ исторической славы. Я слышалъ отъ матери моей, которая родилась и выросла подъ этой самой Вязьмой, столько разсказовъ о 12-мъ годѣ, такъ много съ раннихъ лѣтъ читалъ о нашествіи Французовъ; я такъ *любилъ* и *чтилъ* самого Наполеона и вмѣстѣ съ тѣмъ *такъ гордился его пораженіемъ* въ Россіи; я такъ много зналъ по свѣжему преданію даже о домашней жизни моего дѣда и близкихъ ему лицъ. Большіе портреты, которые висѣли на темно-синихъ обояхъ съ золотыми звѣздочками въ нашей Кудиновской гостинной, съ дѣтства пріучили меня видѣть передъ собой владѣтелей Спасскаго какъ живыхъ людей „во плоти“.

Посѣщенія Спасскаго всякій разъ еще болѣе оживляли во мнѣ всѣ эти представленія, эти образы и событія прошедшаго. Всѣ эти люди жили, боролись, веселились и страдали — *здѣсь*, въ самомъ Спасскомъ или неподалеку отсюда.

Эти люди, это время, казалось, были отъ меня и современниковъ моихъ такъ уже далеко; ихъ вкусы, ихъ привычки, ихъ идеалы были во многихъ отношеніяхъ съ моими тогдашними такъ несходны (я всегда опережалъ какъ-то окружающую „среду“ и мои *тогдашніе* идеалы и вкусы были ближе, увы! къ *либерально современнымъ*, чѣмъ къ *нынѣшнимъ* моимъ-же); но вмѣстѣ съ тѣмъ, вопреки моимъ *новымъ* тогда идеямъ и вкусамъ, я ощущалъ непостижимую внутреннюю связь сердца съ *этой* эпохой и съ этими отшедшими въ вѣчность людьми.

Наконецъ, я былъ близокъ или встрѣчался со столькими лицами, которыя знали то время не со словъ другихъ или по книгамъ и картинамъ, какъ я, а сами *жили тогда*;—*видѣли* Кутузова, императора Александра Павловича, *говорили* съ Маріей Ѳеодоровной, *видѣли* Французскихъ плѣнныхъ, Французскіе трупы, полу-засыпанные *нашимъ* снѣгомъ, сгорѣвшую Москву, опустѣлыя деревни тамъ, гдѣ теперь опять цвѣли господскія усадьбы и гдѣ все казалось снова столь прочнымъ, достаточнымъ, до пресыщенія незыблемымъ...

Въ самомъ Спасскомъ на стѣнахъ осталось отъ дяди много хорошихъ гравюръ, снимковъ съ картинъ Ораса Вернета и другихъ Фран-

Библиотека "Руниверс"

цузскихъ батальныхъ живописцевъ. Раненый усатый гренадеръ, одиноко и печально сидящій на срубленномъ деревѣ среди снѣжнаго поля; взятіе Русскаго редута Французскими гренадерами въ знаменитыхъ мѣховыхъ шапкахъ. Не такъ далеко, въ другомъ своемъ имѣніи, дѣдъ самъ обучалъ на дворѣ цѣлую роту лихихъ ополченцевъ, обмундированныхъ и вооруженныхъ имъ на собственныя средства и въ порывѣ патріотическаго гнѣва приказалъ псарямъ своимъ гнать съ этого двора арапниками гостя (кажется помѣщика Ковалева), за то, что тотъ осмѣлился сказать: „Охота тебѣ жертвовать такими молодцами! А я поставилъ, братъ, все мужиковъ плохихъ, такихъ, отъ которыхъ мнѣ проку мало въ работѣ“.

Тамъ, еще подальше, ближе къ Вязьмѣ, есть лѣсъ. Въ этомъ лѣсу убили казаки Французскую *генеральшу*. Вотъ какъ это было. Выѣхалъ изъ Вязьмы генералъ Французскій въ каретѣ. Мѣсто казалось безопаснымъ, посреди Французскихъ войскъ, и конвоя они не взяли. Однако въ лѣсу ихъ неожиданно встрѣтили казаки. Генералъ хотѣлъ сдаться безпрекословно, но жена его выстрѣлила изъ пистолета и убила одного молодаго казака. Тогда отецъ и братъ убитаго вытащили ее изъ кареты и, несмотря на мольбы мужа, оставленнаго ими въ живыхъ, изрубили при немъ отважную и неразумную Француженку.

Все это было такъ *близко*, такъ еще живо въ памяти у многихъ, что, при всей глупой и грубой „реальности“ моего міровоззрѣнія, *какъ медицинскаго студента*, при всемъ тоскливомъ *субъективизмѣ* моей тогдашней умственной жизни, я освѣжался всякій разъ при этомъ соприкосновеніи со святыней общенародной славы, и мысль моя, объективируясь, невольно становилась проще, тверже, здоровѣе...

Въ одинъ изъ пріѣздовъ моихъ въ Спасское я познакомился съ тамошнимъ дьякономъ, наружность котораго я помню хорошо, но имя забылъ. Быть можетъ, онъ и теперь еще живъ. Замѣчая, что я интересуюсь преданіями отечественной войны, Анна Павловна мнѣ въ угоду пригласила отца дьякона на вечерній чай. Онъ былъ еще не старъ; лѣтъ около сорока, не больше.

Послѣ чая мы остались одни, и я сталъ его разспрашивать. Дьяконъ очень охотно разсказалъ мнѣ нѣсколько эпизодовъ изъ времени нашествія, и я нахожу, что эти эпизоды, взятые въ совокупности своей, довольно характерны. Эпоха съ ея доблестями и темными сторонами отражается въ нихъ ярко, „какъ солнце въ малой каплѣ водъ“.

Вотъ что говорилъ мнѣ дьяконъ.

„Многіе изъ здѣшнихъ крестьянъ во время нашествія вели себя необузданно, какъ разбойники. Мнѣ было тогда лѣтъ 8 — 9. Батюшка мой священникомъ, при дѣдушкѣ вашемъ Петрѣ Матвѣевичѣ. Дѣдушка, какъ вы знаете, жилъ не здѣсь, въ Спасскомъ, а въ Соколовѣ. Однако и здѣсь была господская усадьба. Какъ только, пе-

Библиотека "Руниверс"

редъ вступленіемъ непріятеля, Петръ Матвѣевичъ уѣхалъ служить въ ополченіе, а бабушка ваша въ Костромское свое имѣніе, сейчасъ же и здѣсь и въ Соколовѣ начали мужики шалить; то тащутъ, то берутъ, другое ломаютъ. Батюшка покойный сокрушался и негодовалъ, но и самъ опасался крестьянъ. Одинъ разъ идетъ онъ и видитъ, стоитъ барская карета наружи, изъ сарая вывезена, и около нея мужикъ съ топоромъ.

— Ты что это съ топоромъ?—спросилъ батюшка.

— Вотъ хочу порубить карету, дерево на растопку годится, и еще кой-что повыберу изъ нея.

А лѣсъ близко. Нѣтъ, ужъ ему и до лѣса дойти не хочется. Барская карета ближе!

Стало батюшкѣ жаль господской кареты, онъ и говоритъ мужику:

— Образумься! Безсовѣстный ты человѣкъ! Тутъ непріятель подходитъ, а ты, христіанинъ православный, грабительствомъ занимаешься. А если вернется благополучно Петръ Матвѣевичъ и узнаетъ, что тебѣ тогда будетъ?

А мужикъ ничуть не испугался, погрозился на батюшку топоромъ и говоритъ:

— Ну, ты смотри, я тебя на мѣстѣ уложу тутъ. Я и Петра Матвѣевича теперь не боюсь; пусть онъ покажется, я и ему *брюхо балахономъ распущу!*...

Вотъ какая дерзость!

Батюшка ужаснулся и ушелъ отъ него.

Итакъ, разореніе отъ своихъ продолжалось. Входили въ домъ крестьяне и дѣлали что хотѣли. Была, напримѣръ, въ Соколовѣ у дѣдушки вашего одна комната; кабинетъ что-ли, не знаю; обита вся по стѣнамъ и по потолку клеенкой на зиму для тепла. Клеенка эта была прибита цѣльными полосами отъ пола сверхъ черезъ потолокъ и на другую сторону внизъ опять до самаго пола... Кругомъ около потолка небольшимъ карнизомъ было обведено. Такъ вотъ это я самъ своими глазами видѣлъ. Знаете, дѣтство, любопытствуешь, вездѣ бѣгали съ братьями. Обломали мужики верхній карнизъ; подрѣжутъ снизу клеенку, да такъ возьмутъ руками за одинъ конецъ и отдерутъ все до другаго конца безжалостно. И чего только они не дѣлали! Наконецъ посягнули на жизнь и батюшки моего, но Господь его спасъ.

Вотъ какъ это было. Сидѣли мы всѣ дѣти съ батюшкой и съ матушкой поздно вечеромъ и собирались уже спать, какъ вдругъ слышимъ, стучатся въ ворота.

— Отопри, хуже убьемъ!

Матушка перепугалась, и мы всѣ какъ-бы обезумѣли отъ страха, а мужики ломятся. Ужъ не помню я, вломились ли они, или самъ батюшка имъ рѣшился отпереть, только помню, какъ вошелъ народъ

Библиотека "Руниверс"

съ топорами и ножами и всѣхъ насъ мигомъ перевязали, матушку на печкѣ оставили, насъ по лавкамъ, а батюшку взяли за ноги, да объ перекладину, что потолокъ поддерживаетъ, головой бьютъ. Изба наша, конечно, была низенькая, простая. Вотъ они бьютъ отца моего головой объ бревно и приговариваютъ: „А гдѣ у тебя, батька, деньги спрятаны? давай деньги!“

— Какія деньги! Была самая малость.

Они все бьютъ его головой съ разсчетомъ, чтобъ сразу не убить, а узнать, гдѣ деньги. Постучатъ, постучатъ головой и дадутъ ему отдохнуть; видятъ, что онъ въ памяти, опять колотитъ.

Мы видимъ все это и плачемъ... Однако Господь спасъ насъ!... Жила у насъ дѣвочка крестьянская, сиротка лѣтъ десяти.

Дѣвочка умная, смѣлая. Никто и не замѣтилъ, какъ она выскочила изъ избы. Она выскочила въ ту самую минуту, какъ мужики вломились, и побѣжала къ одной сосѣдкѣ-помѣщицѣ. Эта помѣщица была дама небогатая, только пресмѣлая, и дворовые люди ей были преданы. Она рѣшилась никуда отъ Французовъ не ѣхать *), а осталась въ своемъ имѣніи, очень близко отъ насъ. Но такъ какъ грабежа и грубостей отъ своего народа опасалась она больше, чѣмъ отъ самаго непріятеля, то и сама всегда ходила вооруженная и сформировала изъ слугъ своихъ небольшой отрядъ тѣлохранителей, молодецъ къ молодцу! Сиротка наша прямо къ ней и объясняетъ, что батюшку мужики убить хотятъ. Мигомъ помѣщица снарядилась, пріѣхала съ вооруженными людьми... Взошли, накрыли разбойниковъ, одолѣли ихъ какъ разъ; барыня сама скомандовала: „перевязать ихъ такихъ, сякихъ!“ И къ ближайшему начальству отвели.

Такъ Богъ спасъ намъ батюшку. Къ счастію, барыня такъ поспѣшила, что большаго вреда разбойники не успѣли ему сдѣлать. Не долго поболѣлъ онъ и рѣшился покинуть послѣ этого свое жилище, и всей семьей собрались мы ѣхать въ Калужскую губернію, въ Медынскій уѣздъ. Тамъ у насъ были родные. Французовъ еще мы не видали, хотя по слухамъ они были уже близко.

Поѣхали мы не одни. Хорошихъ людей собрался цѣлый обозъ. Не всѣ крестьяне были одного духа; были между ними и очень хорошіе люди. Многіе изъ бунтовщиковъ продолжали повторять: „пусть Петръ Матвѣичъ вернется—мы ему брюхо балахономъ распустимъ!“ Но другіе дворовые и крестьяне удалялись отъ подобной дерзости и не желали даже и оставаться въ Смоленской губерніи при видѣ такихъ безпорядковъ и въ ожиданіи непріятеля. Такимъ образомъ, тронулись мы большимъ обозомъ въ путь къ Медынскому уѣзду.

---

*) Мнѣ очень жаль, что я тогда не записалъ имя и фамилію этой смѣлой женщины.
Авт.

Библиотека "Руниверс"

Пришлось намъ вскорѣ встрѣтиться и съ Французами.

Сколько мы ѣхали — не помню; только остановились подъ вечеръ на лужочкѣ, у рощи какой-то, лошадей покормить и сами поужинать. Слышно было, что непріятель близко. У людей нашихъ у всѣхъ были топоры и ножи, а кой у кого даже и ружья; хоть и плохія, а ружья.

Ѣхалъ съ нами нашъ кузнецъ, тоже крѣпостной Петра Матвѣевича, охотникъ, стрѣлокъ довольно хорошій; ружье у него было старое; кой-какъ самъ его вычинилъ, зарядилъ и пороху на полку насыпалъ.

Поставили мы телѣги въ кучу; лошадей пустили на траву, а сами ужинъ варить.

Ну, варятъ ужинъ. А мы, дѣти, играть.

Вдругъ какъ выскочитъ изъ рощи всадникъ на сѣромъ въ яблокахъ конѣ... Красивый бѣлокурый мужчина, молодецъ въ мундирѣ. Остановился, лошадь (картина просто!) такъ подъ нимъ и играетъ! А на груди у самого, я помню, золото блеститъ... Такъ прекрасно!

Выѣхалъ офицеръ этотъ изъ рощи, а за нимъ человѣкъ десять-двадцать пѣшихъ солдатъ выбѣжали.

Видимъ, одежда совсѣмъ не наша. Всѣ поняли, что это Французы. Они остановились, глядятъ; а наши не знаютъ что дѣлать.

Только подходитъ кузнецъ нашъ къ батюшкѣ моему за возами и говоритъ: „Батюшка, благословите на брань за Вѣру и Отечество“.

Батюшка говоритъ: „имѣешь благословеніе!“ и благословилъ кузнеца и оружіе его во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Кузнецъ тотчасъ же изъ-за воза какъ прицѣлится въ офицера и выстрѣлилъ. Мы глядимъ, офицеръ вотъ такъ закатился и о земь съ коня; конь ускакалъ, а солдаты Французскіе тоже уходить въ разсыпную въ рощу. Тогда наши ободрились и погнались ихъ по одиночкѣ ловить. Переловили и перебили человѣкъ шесть-семь, если не больше. Убитыхъ принесли, всѣхъ ихъ (и офицера) раздѣли до нага. Вещи попрятали подальше на возахъ подъ другой поклажей, а нагіе трупы всѣ вмѣстѣ свалили въ кустахъ въ большомъ оврагѣ, по близости. Потомъ стали ужинать.

Послѣ ужина, какъ стемнѣло, мнѣ опять захотѣлось поглядѣть на убитыхъ; я съ товарищами, съ другими ребятами и пробрался въ оврагъ; говорю имъ: „давай, еще посмотримъ убитыхъ!“

Отыскали мы ихъ; лежатъ всѣ вмѣстѣ голые и въ крови. И офицера красиваго мы сейчасъ узнали. Смотримъ, а онъ еще дышетъ. Глаза закрыты, грудь такая мужественная, высокая и дышетъ тяжело такъ. Мы сейчасъ побѣжали назадъ и сказали объ этомъ; пошли люди и прикололи его ихнимъ же, кажется, штыкомъ.

Такъ мы спаслись и отъ непріятеля, и съ помощью Божіей даже побѣдили его. Только, опасаясь оставаться дольше въ этомъ мѣстѣ, ночью же тронулись въ путь и благополучно прибыли въ Медынскій

Библиотека "Руниверс"

уѣздъ и тамъ пробыли до самаго изгнанія непріятеля изъ Россіи и до водворенія порядка.

Тогда и тѣмъ мужикамъ, которые во время нашествія бунтовали и грабили, пришлось отвѣчать за эти дѣла. Петръ Матвѣевичъ вернулся изъ ополченія и узналъ обо всемъ отъ батюшки и отъ другихъ людей.

Собрали крестьянъ передъ крыльцомъ.

Петръ Матвѣевичъ вышелъ *въ мундирѣ* и спросилъ:

— А кто изъ васъ хотѣлъ мнѣ брюхо балахономъ распустить? Выдавайте виновныхъ, а не то всѣмъ хуже будетъ.

Долго не выдавали мужики виновныхъ. Наконецъ выдали. Петръ Матвѣевичъ тутъ же передъ крыльцомъ велѣлъ ихъ наказать. И сѣкли ихъ такъ сильно, что уже идти они сами не могли, и домой ихъ отнесли на рогожахъ".

Такъ кончилъ отецъ дьяконъ свой разсказъ.

— Жестоко!—замѣтилъ я ему въ заключеніе; но и тогда, несмотря на всю молодость мою и на искреннее человѣколюбіе, я замѣчаніе это сдѣлалъ задумчиво и нерѣшительно. Вопреки всѣмъ „обязательнымъ" принципамъ либеральнаго московскаго студента 50-хъ годовъ, я чувствовалъ, что грозная расправа дѣда моего была все-таки гораздо лучше, чѣмъ безнаказанная рубка чужихъ каретъ, чѣмъ пытка почтеннаго священника и даже чѣмъ угрозы „распустить балахономъ брюхо" дворянину, который очень многимъ пожертвовалъ для войны, снарядивъ на свой счетъ и даже нѣсколько сверхъ средствъ своихъ отличный отрядъ ополченцевъ; самъ, несмотря на поздній возрастъ свой, пошелъ на войну и даже отдалъ немедленно въ военную службу 16-лѣтняго *единственнаго* сына и наслѣдника своего, котораго онъ желалъ бы хранить какъ зѣницу ока.

Тогдашняя „интеллигенція" Россіи была сурова до крайности къ подвластнымъ и подчиненнымъ своимъ; но она *и себя не жалѣла, когда дѣло касалось государства.*

Воспоминаніе о Ѳ. И. Иноземцовѣ и другихъ московскихъ докторахъ 50-хъ годовъ.

(*Варшавск. Днѣв. 1880 и Русск. Арх. 1881 г.*).

I.

Когда я (въ 49-мъ году) былъ студентомъ перваго курса, я уже много слышалъ объ Иноземцовѣ, но ни разу еще не видалъ его.

О немъ отзывались прекрасно; почти всѣ говорили, что онъ человѣкъ симпатичный и благородный. Иные, впрочемъ, сравнивая его съ Оверомъ, утверждали, что Оверъ—врачъ ума болѣе практическаго,

Библиотека "Руниверс"

а Иноземцовъ — теоретикъ и увлекается системами. Я помню споръ двухъ московскихъ дамъ: одна была за Овера, другая за Иноземцова. „Нѣтъ, мой другъ,—воскликнула, наконецъ, защитница Овера (какъ врача),—еслибы отъ меня зависѣлъ выборъ, я бы любила Иноземцова, а лечилась бы у Овера.... Өедора Ивановича можно обожать, но онъ все бы меня „питалъ млекомъ“, а я этому не вѣрю“.

Вообще дамы московскія находили обоихъ знаменитыхъ врачей очень привлекательными; оба они у женщинъ пользовались успѣхомъ. Молодая тетка моя А. П. Коробанова выражалась о наружности Өедора Ивановича очень своеобразно; она говорила:

— *Il a l'air d'un singe couronné d'un diadême!* („обезьяна, увѣнчанная короной“).

Это могло казаться очень страннымъ, и я не понималъ впечатлѣнія этой остроумной женщины до тѣхъ поръ, пока самъ не увидалъ Иноземцова.

Въ этомъ странномъ опредѣленіи, или въ этомъ фантастическомъ образѣ „коронованной обезьяны“ была какая-то художественная истина, которую я оцѣнилъ съ перваго взгляда на Иноземцова.

Иноземцовъ, пожалуй, былъ скорѣе дуренъ собой, чѣмъ хорошъ, но его относительная некрасивость была лучше иной „писанной“ красоты.

Онъ былъ очень смуглъ; волосы у него были черные, очень густые и всегда коротко, подъ гребенку остриженные. Лицо его было совершенно особенное, оригинальное. Оно было длинно, узко, смугло, какъ я сказалъ, носъ длиненъ, но неправиленъ и не совсѣмъ прямъ. Глаза у него были очень темные, немного томные, какъ будто задумчивые и даже печальные; но въ нихъ свѣтилась чрезвычайная доброта. Усы онъ брилъ, но носилъ небольшіе короткіе бакенбарды вокругъ всего лица. Я видалъ его почти всегда въ синемъ вицъ-мундирѣ министерства народнаго просвѣщенія, и всегда почти застегнутымъ до верху.

Росту Иноземцовъ былъ довольно высокаго и до поздняго возраста прямъ, строенъ и ловокъ въ движеніяхъ.

Это лицо темное, неправильное, задумчивое; эти короткіе черные волосы, которые немного сами приподнимались стоймя надъ лбомъ,— было во всемъ этомъ что-то и крайне милое и, пожалуй, пріятно некрасивое и мыслящее, и полное тихаго достоинства...

„Пріятно-некрасивое и полное тихаго достоинста“—вотъ что, вѣроятно, заставило молодую и остроумную почитательницу Иноземцова выразиться такъ странно: „обезьяна, увѣнчанная діадемой“.... Діадема его славы, быть можетъ, его таланта... Не знаю какъ объяснить, но мнѣ очень нравится этотъ женскій отзывъ.

Съ другой стороны, признаюсь, я, пожалуй, согласенъ съ тѣми людьми, которые говорили, что Иноземцовъ, какъ врачъ,—теоретикъ

Библиотека "Руниверс"

и увлекается идеями, или системами, а Оверъ идетъ всегда прямѣе къ практической цѣли лѣченія. Я думаю, что дама, которая сказала „любить Иноземцова, лечиться у Овера“, была тоже отчасти права.

По моему, Оверъ былъ очень непріятенъ, чтобы не сказать болѣе. Красота его была даже, я нахожу, нѣсколько противная—французская, холодная, сухая, непривлекательная красота. Александръ Ивановичъ Оверъ недавно былъ описанъ г. Маркевичемъ, въ его прекрасномъ романѣ „Четверть вѣка назадъ“, гдѣ онъ пріѣзжаетъ въ подмосковное имѣніе князей Шастуновыхъ, чтобы опредѣлить болѣзнь идеальной княжны Офеліи и спасти ее, если возможно.

По моему мнѣнію, Оверъ производитъ въ романѣ не совсѣмъ то впечатлѣніе, которое онъ производилъ въ дѣйствительности. Мнѣ бы хотѣлось изобразить его пояснѣе.

Вотъ какой былъ видъ у Овера. Росту онъ былъ хорошаго, плечистъ и складенъ; точно также какъ и Иноземцовъ, онъ былъ брюнетъ. Черты его были очень правильны, носъ съ умѣренной и красивой горбинкой, лобъ очень открытый, высокій и выразительный. Но надъ этимъ прекраснымъ, возвышеннымъ челомъ былъ довольно противный, рѣзко замѣтный парикъ (парикъ, особенно на человѣкѣ пожиломъ,—всегда нѣсколько противная претензія). Говорятъ, будто бы изъ скупости онъ имѣлъ даже два парика,—одинъ будничный, а другой для праздниковъ, разнаго цвѣта: я его видалъ только по буднямъ, и потому не знаю, правда-ли это. Цвѣтъ лица у Овера былъ также, какъ и у Иноземцова, смугловатый, но у Ѳедора Ивановича было нѣчто „теплое“, пріятное въ этомъ цвѣтѣ, а правильное лицо Овера какъ-то все лоснилось и блестѣло, какъ желтая мѣдь. Живые, выпуклые глаза его не имѣли въ себѣ ни малѣйшей симпатичности; они сверкали сухой энергіей и больше ничего.

Онъ пріѣзжалъ въ нашу приготовительную клинику всегда въ одномъ и томъ же, неформенномъ коричневомъ фракѣ и высокомъ галстукѣ. Проходилъ быстро въ свой кабинетъ и читалъ намъ лекціи очень рѣдко.

Часто вслѣдъ за нимъ спѣшилъ другой врачъ—помоложе, низенькій, непріятно полный, бѣлый, съ бакенбардами и уже давно плѣшивый, нерѣдко въ какой-то клѣтчатой жакеткѣ, наружности весьма буржуазной и пошлой. Говорятъ, онъ былъ Оверу сродни; я не помню, какъ его фамилія, и онъ ничего для насъ, студентовъ, не значилъ, и я обращалъ на него такъ мало вниманія, что даже не помню, какъ его звали.

Крикливый, бранчивый, звонкій голосъ А. И. Овера, его нѣсколько наглыя манеры, его равнодушіе къ студентамъ, его обращеніе съ ближайшими подчиненными нерѣдко очень грубое, — все это было такимъ контрастомъ съ милой мрачностью и пріятнымъ органомъ Ино-

Библиотека "Руниверс"

земцова, съ его любовью и добротою къ ученикамъ, съ его мягкой и серьезной порядочностью!

Оверъ въ своемъ модномъ коричневомъ фракѣ и при всей великосвѣтскости своей былъ все-таки менѣе джентльменъ, менѣе „distingué“, чѣмъ Иноземцовъ въ своемъ чиновничьемъ, до верху застегнутомъ синемъ вицъ-мундирѣ.

Оверъ былъ похожъ на храбраго, распорядительнаго и злаго зуавскаго полковника, на крикливаго и смѣлаго француза—parvenu. Иноземцовъ казался или добрымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ энергическимъ русскимъ бариномъ, съ удачной примѣсью азіатской крови и азіатской серьезности,—или даже какимъ-то великодушнымъ, задумчивымъ и благороднымъ поэтомъ съ береговъ Инда или Евфрата, поступившимъ, по обстоятельствамъ, на коронную службу къ Бѣломъ Царю.

Я надѣюсь, что всякій человѣкъ со вкусомъ и понятіемъ, еслибы онъ былъ даже самъ парижанинъ, согласится, что послѣднее лучше... „C'est de meilleur gout...“ Это изящнѣе.

Нравственныя свойства, этихъ двухъ профессоровъ, мнѣ казалось, соотвѣтствовали ихъ наружности.

Въ молодыхъ моихъ годахъ, я ко внѣшности человѣческой присматривался очень внимательно. Сначала я былъ очень заинтересованъ френологіей Галля, Шпурцгейма, Комба и т. д. Позднѣе, разочаровавшись въ научномъ достоинствѣ старой френологіи, я внимательно читалъ книгу глубокомысленнаго Каруса: *Символика человѣческаго образа*, былъ безъ ума отъ большой и толстой, съ хорошими гравюрами, книги іенскаго профессора Гучке: *Мозгъ, черепъ и душа*. Позднѣе выписывалъ даже изъ Германіи нарочно брошюры Энгеля о развитіи костей черепа и лица большое и прекрасное сочиненіе *О лицевомъ углѣ* Вирхова (того самаго либерала Вирхова, который не хотѣлъ стрѣляться съ Бисмаркомъ и который такъ скученъ своими частными бесѣдами „о закупкѣ женой на зиму картофеля выросшаго на человѣческомъ удобреніи“)... Изучая всѣ эти книги, я мечталъ тогда найти въ *физіогномикѣ* или въ какой-то *Физіологической психологіи* исходную точку для великаго обновленія человѣчества, для лучшаго и болѣе сообразнаго съ „натурой“ людей распредѣленія занятій и труда. Впослѣдствіи я отказался и отъ мечтательныхъ надеждъ моихъ, и отъ самаго этого рода чтенія; но обращать большое вниманіе на лицо человѣка, на его пріемы, на форму его головы, на его рѣчь и голосъ, т.-е. на внѣшность,—это осталось у меня въ привычкѣ и до того вкоренилось во мнѣ, что я до сихъ поръ могу невольно больше любить врага, который мнѣ общимъ видомъ своимъ пріятенъ, чѣмъ доброжелателя, котораго наружность мнѣ почему-либо не по вкусу.

Оверъ просто мнѣ не нравился; лично я не могъ противъ него ничего имѣть. У меня не было вовсе никакихъ съ нимъ личныхъ дѣлъ и

Библиотека "Руниверс"

сношеній. Онъ совсѣмъ не зналъ меня, какъ не зналъ и большую часть студентовъ, которыхъ онъ изрѣдка только удостоивалъ чести прослушать его краснорѣчивую лекцію на плохо имъ понятномъ латинскомъ языкѣ. Оверъ, говорю я, меня не зналъ; я его тоже, можно сказать, „игнорировалъ". Для меня, какъ вѣроятно и для всѣхъ моихъ товарищей, несравненно большее значеніе имѣлъ его помощникъ Млодзѣевскій, и какъ наставникъ, и какъ экзаменаторъ. Онъ читалъ намъ въ приготовительной клиникѣ *семіотику*, т.-е. науку *о признакахъ* болѣзней и объ ихъ распознаваніи, и потомъ показывалъ намъ тѣ же самыя явленія и признаки на *дѣйствительныхъ больныхъ*, лѣчившихся въ клиникѣ подъ его руководствомъ. Онъ училъ насъ самому нужному въ жизни, — практическому врачебному эмпиризму; пріучалъ насъ подступать къ больному, училъ сразу и *діагностикѣ* и частной *терапіи* (леченію)... Млодзѣевскій казался мнѣ очень почтеннымъ человѣкомъ, и я нахожу, что въ малой клиникѣ онъ былъ полезнѣе всѣхъ, полезнѣе даже самого Иноземцова.

Онъ говорилъ все такія ясныя, ощутительныя вещи; у постели больныхъ онъ обращалъ наше вниманіе на такія частности, которыя разъ навсегда оставались въ памяти.

У меня до сихъ поръ хранится маленькая переплетенная тетрадка, въ которую я записывалъ одно время то, что онъ намъ говорилъ о признакахъ: „о рвотѣ, пульсѣ, эвакуаціяхъ, о сердцебіеніи, о боли, жарѣ и ознобѣ, о кашлѣ и бредѣ". Просто и такъ хорошо. Мнѣ кажется, что еслибы собрать отъ разныхъ студентовъ все то, что Млодзѣевскій говорилъ хотя бы, положимъ, за пять лѣтъ, и составить изъ этого маленькую книжку, то право можно бы приготовить по ней очень хорошаго фельдшера, или очень полезнаго деревенскаго эмпирика. Но я хочу сказать два слова о томъ „личномъ впечатлѣніи", которое оставилъ во мнѣ этотъ столь полезный профессоръ. Я по отношенію къ нему буду придерживаться того почти *физіологическаго* рода изображенія, которое меня такъ сильно занимало именно въ то время, когда я слушалъ лекціи всѣхъ этихъ извѣстныхъ въ Москвѣ людей. Слушая иногда очень внимательно (а иногда и нѣтъ) ихъ *клиническія* рѣчи, я какъ-то успѣвалъ въ то же время думать и о *своемъ*; поучаясь у нихъ, внимая ихъ словамъ, я слѣдилъ за ихъ тѣлодвиженіями, наблюдалъ ихъ походку, взгляды глазъ, интонацію голоса, изучалъ ихъ лица и присматривался къ формѣ ихъ череповъ.

Френологи прежніе увѣряли, что у людей осторожныхъ, съ боковъ, повыше ушей, голова всегда широка: этотъ *органъ*, эта *шишка* у нихъ называется: № 12 „осмотрительность". Кажется, это соотвѣтствуетъ самому выпуклому мѣсту oss. parietalium. Млодзѣевскій подтверждалъ собою это мнѣніе френологовъ. Онъ казался очень осторожнымъ, сдержаннымъ, щепетильнымъ, аккуратнымъ человѣкомъ, и голова его была въ

Библиотека "Руниверс"

надлежащемъ мѣстѣ широка. Иноземцовъ, напротивъ того, казался человѣкомъ не слишкомъ осторожнымъ, быстрымъ, и голова его была узка (даже очень узка, какъ мнѣ помнится).

Я пишу теперь все это, разумѣется, безъ всякихъ научныхъ претензій, а думаю только, что все это сказать не мѣшаетъ. *Объясненія* фактовъ у Галля и учениковъ его могутъ быть ошибочны, но *сами факты* при этомъ могутъ оставаться вѣрными. Иное дѣло претензія найти на поверхности мозга возвышенія соотвѣтственныя опредѣленнымъ душевнымъ наклонностямъ; и совсѣмъ иное дѣло—*психическое* значеніе какъ *наружной краніоскопіи*, такъ и вообще всей архитектуры человѣческаго тѣла.

Млодзѣевскій былъ не только остороженъ и очень сдержанъ, но онъ производилъ на меня даже какое-то унылое впечатлѣніе. Изъ всѣхъ четырехъ клиническихъ руководителей нашихъ (Оверъ, Млодзѣевскій, Иноземцовъ и помощникъ послѣдняго — Матюшенковъ) Млодзѣевскій былъ самый кабинетный изъ кабинетныхъ людей.

Медицинскія занятія, изученіе физіологіи и анатоміи сами по себѣ уже располагаютъ мыслящаго молодаго человѣка любить здоровье, силу, красоту и досадовать нерѣдко очень сильно на печальныя физическія явленія столичной цивилизаціи. Въ одаренномъ воображеніемъ молодомъ врачѣ совмѣщаются два совершенно противоположныхъ *научныхъ* чувства. Ихъ можно назвать: одно—чувствомъ удовольствія *клиническаго*, прямой любознательности патолога, который, забывая въ данную минуту и состраданіе къ человѣку, и эстетическія требованія, и самую брезгливость,—веселится умственно разнообразіемъ болѣзней, любопытными и тонкими оттѣнками припадковъ, самымъ видомъ внутренностей какихъ-нибудь, вынутыхъ изъ трупа и обезображенныхъ болѣзненнымъ процессомъ. Другое, если хотите, тоже своего рода научное чувство, или лучше назвать его *естественно-эстетическимъ чувствомъ*, поддержаннымъ и укрѣпленнымъ раціональнымъ идеаломъ науки. Представленіе здороваго, бодраго, сильнаго, красиваго и ловкаго человѣка вообще чрезвычайно пріятно воображенію физіолога... Я говорю, что эти два умственныя чувства очень любопытно совмѣщаются въ одномъ и томъ же молодомъ наблюдателѣ и одинаково могутъ занимать его.

Очень вѣрно подмѣчена подобная двойственность медицинскихъ чувствъ Эмилемъ Зола въ его романѣ *Проступокъ аббата Мурэ*.

Докторъ, дядя молодаго аббата, видимо любитъ и уважаетъ своего идеальнаго и нервическаго племянника; онъ, какъ психіатръ, чрезвычайно интересуется, сверхъ того, его психической болѣзнью, его непостижимой для матеріалиста „религіозной мономаніей“; онъ *по своему* заботится о немъ, стараясь приблизить его къ природѣ, къ пантеистической любви; но восхищается онъ не имъ, а сестрой его,

Библиотека "Руниверс"

набитой молодой дурой, свѣжей и здоровой скотницей, и, цѣлуя ее какъ дядя, говоритъ: „о! добрая скотина! какъ бы хорошо было, еслибы люди были больше все такіе какъ ты!“ (что-то въ этомъ родѣ).

Млодзѣевскій, больше всѣхъ удовлетворявшій, какъ я сказалъ, моимъ ученическимъ потребностямъ, тому чувству клинической любознательности, которая начала, особенно съ третьяго курса, сильно проявляться во мнѣ, съ другой стороны производилъ на меня... какъ бы это сказать вѣрнѣе? положимъ, такъ, какъ на эстетика-физіолога, чрезвычайно жалкое и досадное даже впечатлѣніе.

Оверъ и Иноземцовъ, — оба были молодцы, мужчины, „кавалеры“, если можно такъ выразиться, люди *жизни*, какъ любятъ говорить въ наше время (не совсѣмъ ясно); Млодзѣевскій былъ ученый и больше ничего.

Низенькій ростомъ, худой, во всемъ тѣлѣ мелкій какой-то, *кромѣ одной головы*, которая была не то, чтобы красива, о, нѣтъ! а только очень выразительна. Голова эта была велика, несоразмѣрна съ тѣломъ; цвѣтъ лица свинцовый, сѣрый; въ экспрессіи что-то печальное, труженическое, тонкое и вмѣстѣ съ тѣмъ покорное и сдержанное. Плѣшивый, очень высокій и съ рѣзкими выпуклостями лобъ. Черты лица рѣзкія и довольно правильныя, если брать ихъ отдѣльно, но очень некрасивыя вмѣстѣ... Эта большая голова, это умное, но свинцовое, мертвенное лицо, врѣзывались сразу въ память... Кстати вспоминаю, одинъ мой пріятель, тоже врачъ и ученикъ Московскаго университета, находилъ, что лицо Модзѣевскаго, его высокое чело, его носъ съ горбинкой, какія-до рѣзкія впадины и черты щекъ напоминали портретъ Гете *въ старости*. Пожалуй было что-то „en laid“, но это во всякомъ случаѣ не комплиментъ: чрезвычайно старообразный, сѣрый Млодзѣевскій, самъ будучи въ цвѣтѣ лѣтъ, напоминалъ великаго красавца, лишь въ его преклонныхъ годахъ...

Вотъ какъ я его видѣлъ въ первый разъ. Онъ стоялъ передъ столомъ; на столѣ былъ лотокъ съ кишками, только что выпотрошеннаго тифознаго покойника. Млодзѣевскій показывалъ язвы слизистой оболочки и перебиралъ эти кишки своими маленькими, некрасивыми пальцами.

Около него стоялъ какой-то помощникъ (я его часто видалъ сначала, позднѣе онъ куда-то исчезъ, или я самъ пересталъ вовсе его замѣчать); этотъ человѣкъ, или *человѣчекъ науки* былъ ужъ до того самъ жалокъ и *патологиченъ* съ виду, что Млодзѣевскій казался передъ нимъ исполиномъ и лихимъ молодцомъ. Крошечный, худой до нельзя, кожа и кости, со впадинами изнуренія вокругъ глазъ, не знаю кто онъ былъ и зачѣмъ онъ тутъ мѣшался; это былъ, вѣроятно, какой-нибудь темный труженикъ-анатомъ, который вскрылъ умершаго и принесъ на лоточкѣ эти тифозныя кишки.

Библиотека "Руниверс"

Я, конечно, былъ доволенъ, что увидалъ въ первый разъ характеристическія язвы брюшнаго тифа. Надо же было учиться... Я даже зналъ, кому онѣ принадлежали. Тифозный больной, котораго я дня два - три тому назадъ видѣлъ, былъ съ обритой головой, ужасно худъ и что-то тихо шепталъ, перебирая пальцами. Это былъ бѣдный, неважный чиновникъ, насколько помнится, изъ студентовъ, потому что Млодзѣевскій именно упомянулъ, читая надъ умирающимъ лекцію, о томъ, что „прогностика въ высшей степени неблагопріятна, такъ какъ больной, принадлежа къ *сословію ученому*, изнуренъ еще прежде умственнымъ кабинетнымъ трудомъ". Конечно, Млодзѣевскій все это говорилъ по-латыни, но еслибы онъ говорилъ и по-русски, то этотъ человѣкъ не могъ бы уже ничего разслышать и понять. У него уже былъ тотъ отвратительный предсмертно-тифозный видъ, который былъ еще Гиппократомъ описанъ до того хорошо, что такъ и названъ былъ позднѣе: facies hyppocratica.

Я былъ доволенъ, говорю, что увидалъ эти тифозныя язвы кишокъ, о которыхъ до тѣхъ поръ только слышалъ на лекціяхъ частной патологіи у профессора Топорова. Чувство клинической любознательности было во мнѣ удовлетворено, но за то другое умственное чувство, то, которое я можетъ быть немножко и затѣйливо назвалъ — *эстетико-физіологическимъ*, оно-то какъ страдало при видѣ всѣхъ этихъ *сѣрыхъ*, свинцовыхъ лицъ — умирающаго „изъ студентовъ" и двухъ живыхъ— то есть и бѣднаго, добросовѣстнаго Млодзѣевскаго и еще болѣе его крошечнаго помощника, столь невинно стоявшаго у стола съ кишками!...

Мнѣ кажется, что такія именно зрѣлища въ старомъ университетѣ и клиникѣ имѣли большое вліяніе на всю мою жизнь и судьбу. Въ минуты подобныхъ чувствъ зрѣло мое отвращеніе къ большимъ европейскимъ городамъ, къ „прогрессу" и ко всему тому, что связано съ этими городами и съ такимъ прогрессомъ... Въ иныя минуты, даже и къ самой наукѣ, или, вѣрнѣе сказать, къ *тому образу жизни*, который слагается почти неизбѣжно при постоянныхъ и правильныхъ занятіяхъ кабинетной наукой.

— Нѣтъ!—думалъ я тогда,—Богъ съ ними и съ познаніями и даже со славой *ученаго*, если и у меня должно сдѣлаться *такое* лицо... Избави меня Боже производить на кого-нибудь другаго то впечатлѣніе, которое производятъ на меня теперь и самъ Млодзѣевскій, и этотъ несчастный „честный труженикъ", который около него стоитъ у стола...

Все это такъ. Но, несмотря на всѣ личныя претензіи моей юности, я какъ-то *почтительно* жалѣлъ Млодзѣевскаго; я уважалъ его, и мнѣ очень не нравилось, когда я замѣчалъ или слышалъ, что Оверъ обращается съ нимъ грубо.

Я помню разъ, одинъ изъ товарищей нашихъ Л—скій подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

Библиотека "Руниверс"

— Что это за свинство право со стороны Овера такъ оскорблять Млодзѣевскаго при насъ!...

— Что такое?

— Сходитъ внизъ, а сторожъ ошибкой подалъ ему шубу Млодзѣевскаго. „Ахъ, извините, ваше превосходительство! это Корнилія Яковлевича!“ А Оверъ ему: „дуракъ, еще вшей на меня напускаешь!“

Меня тоже возмущало, когда я слышалъ иной разъ громкій и сердитый крикъ Овера гдѣ-то, и мнѣ товарищи сказывали, что это онъ на *Корнилія Яковлевича* кричитъ.

Жалѣлъ я почтеннаго и скромнаго наставника нашего, но тутъ же, помню, утѣшался особой *научной* радостью: „физіогномика права! У Овера лицо непріятное и характеръ скверный“.

Я могъ по этому поводу сказать какъ сумасшедшій Гоголя: „что меня за все вознаградило сегодняшнее открытіе. Я узналъ, что у всякаго пѣтуха подъ перьями есть Испанія!!“ Я, дѣйствительно, тогда былъ почти сумасшедшимъ.

Я тогда все думалъ, что современемъ укажу людямъ возможность „устроить общество,“ на прочныхъ *физіогномическихъ* основаніяхъ, справедливыхъ, незыблемыхъ и „пріятныхъ.“ Главное—*пріятныхъ*! Тогда мнѣ было съ небольшимъ 20 лѣтъ; теперь мнѣ гораздо больше и я пришелъ къ убѣжденію, что никогда люди „справедливо и пріятно“ устроиться не могутъ, на какихъ бы то ни было основаніяхъ. Да и не *должны*; ибо въ случаѣ успѣха они забыли бы *Бога и вѣчность*...

Какъ бы то ни было, физіогномика и меня, теоретически пытавшагося ее изучить, и другихъ людей, просто наблюдательныхъ, въ данномъ случаѣ, я думаю, не обманывала: Оверъ казался характера непріятнаго и красота его была непріятна; Иноземцовъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ, и лицо его, и вся особа его были въ высшей степени привлекательны...

Контрастъ былъ такой, что его нарочно трудно было бы выдумать.

Пасха на Аѳонской горѣ.

(Русь. 1883).

I.

Непостижимый для непривычнаго, хотя бы даже и вѣрующаго человѣка, аскетизмъ большинства греческихъ и русскихъ обителей на Святой горѣ въ теченіе Великаго поста доходитъ до того, что становится въ иныя минуты страшно о немъ и подумать!

Церковныя службы и въ обыкновенное время, по нашему мірскому суду, слишкомъ долгія и слишкомъ частыя, во время поста наполняютъ почти весь день и всю ночь; ограниченіе въ пищѣ доводится до

Библиотека "Руниверс"

самаго крайняго предѣла. Въ иные дни, на первой недѣлѣ, напримѣръ, и на Страстной (по гречески на *Великой недѣлѣ*) *только*, *пѣвчимъ* дается по ломтю хлѣба, не помню, разъ или два въ день, чтобы они были въ силахъ пѣть.

„Травки и травки“ монашеской трапезы, которыя такъ ужасали г. Благовѣщенскаго (написавшаго, несмотря на всю реалистическую нищету своего міровоззрѣнія, объ Аѳонѣ много *невольной* правды, весьма лестной для его обителей),—эти „травки“, истинно ужасныя „травки“, вступаютъ въ теченіе тяжкихъ семи недѣль въ полныя права свои.

Въ это время всѣ на Аѳонѣ становятся, волей и неволей, высокими подвижниками духовными и тѣлесными. Тотъ, кому это полегче, не долженъ гордиться, а долженъ смиряться передъ высшею „благодатью“ подобнаго облегченія; тотъ, кому это очень трудно, больно и скучно, долженъ помнить, что эта боль и эта скука, это состояніе почти ежеминутнаго несноснаго *понужденія*, оно-то и есть *настоящее монашество*, т.-е. добровольное хроническое мученичество во славу Божію. Облегченіе же долгой и постепенной тѣлесной привычки и внезапные восторги душевнаго умиленія—это не *отъ насъ*. Это награда свыше за подвигъ или поддержка слабому и унылому за *доброе изволеніе понудить себя* и *покориться*. Все пріятное и утѣшительное не отъ насъ, а отъ Бога; отъ насъ все принудительное, самоограничивающее, т.-е. скучное... даже и на молитвѣ. Такова философія истиннаго аскетизма.

И мірянинъ, живущій долго на Аѳонѣ, можетъ пережить хотя и не вполнѣ, а лишь отрывками, всѣ тѣ разнообразныя минуты скорби и отрады, которыхъ глубокое и необычайно тонкое сплетеніе составляетъ науку монашеской жизни, „науку изъ наукъ“, какъ говорятъ учители-аскеты.

Греки при началѣ Великаго поста нерѣдко привѣтствуютъ другъ друга такъ: „Желаю тебѣ благополучно преплыть Четыредесятницы *великое море*“!...

Истинно великое море! Море голода и унынія, море усталости и насильственной молитвы, отъ которой однако сама совѣсть, сама личная воля не позволитъ отказаться безъ крайняго изнеможенія! И сколько невидимыхъ „камней“ духовнаго преткновенія! Надъ церковью въ Руссикѣ есть хоры; за хорами этими двѣ небольшихъ кельи; въ келіяхъ этихъ нѣтъ ничего кромѣ аналоя съ крестомъ и Евангеліемъ, и одного кресла для отдыха духовнику. Кельи эти дверями выходятъ въ корридоръ, а на хоры окнами, заклеенными тонкой и темной матеріей, сквозь которую слышно все богослуженіе безконечнаго, истинно *всенощнаго* бдѣнія (оно продолжается иногда *13—14 часовъ*!). Посмотрите, какъ тѣснятся въ корридорѣ у дверей этихъ келій скорбящіе монахи всѣхъ возрастовъ и всякихъ степеней духовнаго опыта! Они ждутъ не дождутся очереди излить души свои передъ старцами! Они

Библиотека "Руниверс"

пришли сюда признаваться въ самыхъ тонкихъ „искушеніяхъ“, открывать самые затаенные „помыслы“; или выразить свое отчаяніе, если тѣлесный подвигъ поста тому или другому изъ нихъ не по силамъ; быть-можетъ даже сознаться въ минутномъ раскаяніи, что сталъ монахомъ, въ преходящемъ, но мучительномъ порицаніи монашества и суроваго устава святогорскихъ киновій. Или еще въ худшемъ—въ гнѣвѣ *и ропотъ на самого этого старца за его требованія*. Именно на это-то и отвѣтятъ имъ *съ любовью* великаго опыта, и посмѣются немного, и разскажутъ что-нибудь подобное или изъ своей прошлой жизни, или изъ преданій.

Но вотъ близится къ концу своему плаваніе по „великому и бурному морю“ глубокой, разнообразной и таинственной борьбы могучаго духа съ безсильной и многострастной плотью.

Настаетъ „Великая недѣля“ *страданій*.

И въ честь Христа, во славу Божію человѣческія усилія становятся еще болѣе жестокими... Службы церковныя еще длиннѣе и безпрерывнѣе, пища еще ограниченнѣе, время сна и роздыха еще короче. Нравственныя требованія аскетически настроенной совѣсти еще неумолимѣе! И тутъ-то съ особенной ясностью и случается видѣть, какъ можетъ дѣйствовать сильная вѣра и аскетическая выработка на изможденную плоть!

Насъ, мірянъ-поклонниковъ, на Святой горѣ было тогда (въ 71-мъ году) довольно много; были крестьяне, купцы, были священники изъ Россіи; было двое-трое дворянъ, было двое юношей издалека: Молдаванъ съ Дуная и Грекъ изъ Эпира; сосѣднихъ Болгаръ, работавшихъ по разнымъ обителямъ, собиралось много въ Руссикъ на большія службы Страстной недѣли. И всѣ эти міряне охотно, но конечно болѣзненно несли великопостныя тяготы.

Въ великую пятницу въ соборномъ всенощномъ служеніи участвовалъ и старшій русскій духовникъ, о. Іеронимъ. Я жилъ уже давно на Аѳонѣ и ни разу не видалъ его служащимъ. Онъ и тогда уже былъ очень слабъ, страдалъ опасными и тяжкими недугами, не разъ къ ужасу всей братіи приближавшими его къ могилѣ; ѣлъ очень мало и цѣлые дни и ночи былъ занятъ выслушиваніемъ „откровеній“ *), хозяйствомъ монастыря, чтеніемъ духовныхъ и даже свѣтскихъ серьезныхъ книгъ, чтобы быть на уровнѣ современныхъ понятій, и сверхъ всего этого бремени, онъ не могъ, какъ вліятельный человѣкъ и духовный начальникъ въ единственномъ русскомъ монастырѣ, имѣющемъ представите-

*) „Откровеніемъ“ называется искреннее сообщеніе даже тончайшихъ помысловъ своихъ старцу *безъ разрѣшительныхъ дѣйствій таинства покаянія*. Это простая, но полнѣйшая *откровенность* послушника съ духовнимъ руководителемъ своимъ, *старцемъ*. Поэтому-то *старцемъ* можетъ быть и монахъ, не имѣющій *іерейскаго* сана.

Авторъ.

Библиотека "Руниверс"

ля въ Святогорскомъ *Протатѣ* (Синодѣ), устраниться вполнѣ и отъ нѣкотораго невольнаго участія въ международныхъ вопросахъ и движеніяхъ, отражающихся на Святой Горѣ неизбѣжно, вслѣдствіе общей запутанности дѣлъ Турецкой имперіи. Волей-неволей, нерѣдко вслѣдствіе внѣшнихъ давленій, о. Іерониму приходилось не быть ничему чуждымъ, *ибо онъ былъ незамѣнимъ*, и въ глазахъ всей русской братіи, начиная съ архимандрита—покорнаго ему постриженника и сына, и въ глазахъ поклонниковъ, и во мнѣніи посольства нашего, консуловъ и даже многихъ единовѣрцевъ нашихъ на Аѳонѣ: Грековъ, Болгаръ и Румынъ. Когда же ему оставалось время для богослуженія и гдѣ же было взять для этого въ обыкновенные дни тѣлесныхъ силъ?

Но въ эти великіе дни искупительныхъ страданій мощный духъ великаго старца побѣждалъ изнемогающую плоть. Въ Великую пятницу мы видѣли о. Іеронима служащимъ.

Мы всѣ удивились; мы восхищались внезапно проявившеюся въ немъ бодростью тѣлесной; онъ вдругъ помолодѣлъ, какъ будто выросъ: на красивомъ, поразительно строгомъ, необычайно выразительномъ и твердомъ лицѣ *несказанно*-чтимаго и любимаго нами пастыря свѣтилось нѣчто особое—торжественное, тихое, серьезное.

Какъ онъ твердо теперь ходилъ по храму! Какъ онъ внимательно и не спѣша кадилъ каждой кучкѣ бѣдныхъ болгарскихъ рабочихъ, и за то съ какой благодарной почтительностью они склонялись передъ нимъ! Одинъ изъ поклонниковъ, отставной воинъ, родомъ Литвинъ, замѣтилъ, что при всей тѣлесной слабости своей о. Іеронимъ еще гораздо внимательнѣе другихъ іеромонаховъ кадилъ этимъ смиреннымъ людямъ съ бритыми головами въ старыхъ курткахъ и шальварахъ.

Чтобъ не находить все это „очень простымъ“ и „очень легкимъ“, какъ готовы найти очень многіе, я совѣтую только вспомнить, какъ иной разъ тяготятъ насъ *тѣлесно* условія самаго краткаго и самаго „льготнаго“, такъ сказать, городскаго „говѣнія“ нашего: постная пища въ теченіе одной недѣли, слушаніе такъ-называемаго *правила*, тѣснота въ церкви, голодъ и усталость въ утро причащенія. Я совѣтую вспомнить этотъ примѣръ нашего ничтожнаго свѣтскаго воздержанія: эту легкую дань, которую мы не всегда безъ душевной борьбы и безъ „искушеній“ ропота платимъ разъ или много два въ годъ „умерщвленію плоти“, такъ или иначе *немощной*, то-есть немощной по недугамъ и возрасту, или *еще болѣе въ христіанскомъ смыслѣ немощной*—по нетерпѣнію юности, по многострастности крѣпкаго здоровья. Совѣтую при этомъ же вспомнить и радость свою, когда всѣ эти мелкія душевныя и тѣлесныя препоны благополучно пройдены, когда „жертва“ уже принесена, когда мы можемъ *весело* отдохнуть, разговѣться и возвратиться къ привычному образу жизни нашей. Если мы это въ городахъ такъ сильно чувствуемъ, то что же можетъ человѣкъ ощущать въ

Библиотека "Руниверс"

день Пасхи на Аѳонѣ, гдѣ все относится къ Богу — и скорбь, и радость, и постъ, и разрѣшительный праздникъ! Въ это время на Святой Горѣ уже давно весна; на верху, на гребнѣ горы, въ лѣсахъ уже давно стаялъ снѣгъ, и тѣ кусты и деревья, которые и на югѣ зимой теряютъ листья, начинаютъ одѣваться и зеленѣть. Разцвѣтаютъ давно уже иные весенніе цвѣты.

Мѣсто, гдѣ стоитъ старый Руссикъ у моря, не изъ красивыхъ мѣстъ на Аѳонѣ. Окрестности многихъ другихъ обителей гораздо живописнѣе и привлекательнѣе. Обширный монастырь (весь бѣлый, съ зеленымъ куполомъ и крышами), неправильно, туда и сюда, внизъ и вверхъ, не въ одно время и не сразу построенный, живописенъ этой самой неправильностію; но архитектурныхъ достоинствъ имѣетъ гораздо меньше, чѣмъ нѣкоторые греческіе монастыри и особенно чѣмъ превосходный болгарскій Зографъ.

Передъ монастыремъ море, нерѣдко очень унылое и загражденное на горизонтѣ длинной, однообразно синей полосой полуострова Кассандры. За монастыремъ, почти вплоть у оконъ заднихъ корпусовъ, большая гора, сплошь покрытая не лѣсомъ густымъ и красивымъ, а кустарникомъ низкимъ и частымъ, который лѣтомъ наводитъ уныніе однообразіемъ и неподвижностью своей темной зелени, непріятно блестящей подъ лучами постоянно палящаго солнца.

Но именно Великимъ постомъ и передъ Пасхой эта гора мало-помалу начинаетъ *пестрѣть* и становиться веселой и прекрасной, какъ богатый, росписной коверъ.

Сплошной и низменный кустарникъ ея на короткое время весь убирается цвѣтами бѣлыми, розовыми, желтыми. Между этими красивыми, яркими пятнами видны другіе оттѣнки, зеленые и краснобурые; это новый листъ на иныхъ кустахъ, еще не позеленѣвшій. Въ этихъ пестрыхъ кустахъ весело бродятъ монастырскіе мулы, мирно бряцая колокольчиками. Воздухъ еще не слишкомъ жарокъ и какъ-то особенно душистъ. Птицы въ лѣсу поютъ громко по утрамъ. Сама природа точно готовится пышно и весело встрѣтить „праздникъ изъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ“!

Настаетъ *послѣдній вечеръ*. Все безмолвно, монашескія кельи заперты; длинные корридоры тихи; храмы пусты; лѣсъ, гора и берегъ моря—все безлюдно.

И вотъ въ самую полночь — громкій ударъ молотомъ въ доску. За нимъ другой, чаще, чаще! Внезапно вслѣдъ затѣмъ раздается торжественный и сильный звонъ колоколовъ. Все оживаетъ мгновенно. Двери скрипятъ и стучатъ, слышны голоса, огни мелькаютъ всюду. Сіяютъ передъ нами отпертые храмы сотнями свѣчей.

Все пробуждается радостно и бодро!... У самаго усталаго является непонятная сила возбужденія!

Библиотека "Руниверс"

Конецъ „великому морю“ тѣлеснаго истязанія и нестерпимой въ иные дни душевной борьбы, унынія и туги!

Мы у берега,—у берега веселаго, цвѣтущаго! Мы отдохнемъ теперь. Мы достойны отдыха!

„Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ...“

II.

Заутреня подъ Свѣтлый праздникъ на Аѳонѣ длится всю ночь до ранняго утра. Потомъ всѣ расходятся на короткое время и опять возвращаются въ церковь къ ранней обѣднѣ. Я не знаю какъ назвать этотъ короткій перерывъ богослуженія: часомъ отдыха, или новымъ испытаніемъ? Быть-можетъ для иныхъ, напримѣръ для служащихъ и поющихъ, это необходимо; но для насъ, поклонниковъ, было бы, кажется, легче не уходить и не ложиться... *Снова* собираться къ обѣднѣ очень трудно! Опять понужденіе, опять подвигъ послѣ истинно „всенощнаго“ бдѣнія! Однако, я помню, во время самой обѣдни, не особенно для Св. Горы продолжительной, мнѣ было такъ же весело и радостно, какъ и при началѣ заутрени, когда мы въ первый разъ услыхали пасхальное пѣніе и не могли вдоволь наслушаться этихъ ни съ чѣмъ не сравнимыхъ словъ, столь часто, однако, повторяемыхъ: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ...* Но настоящее утѣшеніе—послѣ пищи, послѣ долгаго и покойнаго сна, уже безъ всякаго *принужденія* и болѣзненности—еще ждало насъ впереди: это—*Вечерня воскресная*, которую на Востокѣ зовутъ „Второе воскресеніе“ (по-гречески *Девтéра анàстасисъ*).

У насъ, въ Россіи, эта вечерня перваго дня Пасхи проходитъ для большинства едва замѣченной; на Востокѣ, напротивъ того, на нее собирается столько же народа, сколько и на самую заутреню, иногда еще и болѣе, потому что за этой службой, не слишкомъ продолжительной и совершающейся въ очень удобное время дня, происходитъ нѣчто крайне любопытное, нѣчто такое, что̀ можетъ привлечь изъ одного любопытства и вовсе не-богомольнаго человѣка: это — *чтеніе Евангелія на разныхъ языкахъ*.

Извѣстно, что на эту вечерню положено читать то Евангеліе отъ Іоанна, въ которомъ повѣствуется о *второмъ явленіи* воскресшаго Спасителя всѣмъ собравшимся ученикамъ, за исключеніемъ апостола Ѳомы, который, возвратясь потомъ, впалъ въ сомнѣніе и сказалъ, что онъ не повѣритъ этому до тѣхъ поръ, пока не вложитъ пальцевъ своихъ въ раны Христа. (Первое явленіе было Маріи Магдалинѣ.)

Вотъ почему на Востокѣ вошло въ народный обычай называть эту службу *Второе воскресеніе* (т.-е. Второе *явленіе*). На какихъ языкахъ должно читать Евангеліе, конечно, не опредѣлено и не должно быть

Библиотека "Руниверс"

опредѣляемо. Читать можно на всѣхъ—и на знакомыхъ большинству, и на незнакомыхъ. И то и другое производитъ сильное впечатлѣніе. На языкѣ понятномъ пріятно слѣдить за мыслью уже хорошо знакомой по родному языку; нарѣчіе непонятное поражаетъ иначе — какъ нѣчто полу-таинственное и странное. Читаютъ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ въ данной мѣстности есть возможность читать: на греческомъ, конечно, прежде всего, на славянскомъ, на турецкомъ, армянскомъ, албанскомъ, иногда и на арабскомъ или латинскомъ. На французскомъ или итальянскомъ очень рѣдко. Оба эти языка очень распространены въ торговомъ классѣ, преобладающемъ въ свѣтской средѣ христіанъ; но между духовными лицами мало можно встрѣтить людей хорошо говорящихъ или читающихъ правильно на этихъ „живыхъ" языкахъ Запада. У меня есть греческая маленькая книжка, изданная въ 1870 году въ Константинополѣ. Въ ней помѣщены субботняя *служба* у Плащаницы, послѣдованіе *часовъ* Великой субботы и *двѣнадцать Евангелій на разныхъ языкахъ* для той Пасхальной вечерни, о которой я пишу. Первымъ, разумѣется, въ греческомъ изданіи поставлено обыкновенное Евангеліе на греческомъ языкѣ. Потомъ слѣдуетъ то же мѣсто (о *второмъ явленіи* собраннымъ ученикамъ) въ *эллинскихъ стихахъ* (*героическимъ гекзаметромъ*, какъ сказано въ книжкѣ); третьимъ идетъ *ямбическое* греческое переложеніе того же; дальше—по-„славянорусски" („славороссисти"), потомъ на ново-болгарскомъ языкѣ, дальше по-албански, по-латыни, по-итальянски, по-французски, по-арабски, по-турецки и по-армянски.

Въ разныхъ городахъ случалось мнѣ слышать и разные языки; это зависитъ отъ того, на какихъ языкахъ могутъ читать люди мѣстнаго духовенства, находящіеся въ этотъ день налицо. Я былъ на этой вечернѣ въ Янинѣ, въ Адріанополѣ, въ Константинополѣ (въ Халкинской богословской семинаріи) и на Аѳонѣ.

Хорошо было вездѣ; но на островѣ Халки было лучше, чѣмъ въ провинціальныхъ соборахъ; а на Святой Горѣ, въ греко-русскомъ монастырѣ Св. Пантелеймона, было лучше всего.

Заутреню и раннюю обѣдню мы слушали въ бывшей домовой Покровской церкви, которая устроена русской братіей въ верхней по мѣстоположенію (въ восточной) части обширной обители, расположенной, какъ я уже сказалъ, на склонѣ горы къ морю.

Вечерню воскресную служили вмѣстѣ съ Греками внизу въ главной церкви, или въ соборѣ, воздвигнутомъ, какъ и всѣ Аѳонскіе соборы, посрединѣ мощенаго плитами двора.

Это уже одно много значило.

Въ домовой русской церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, кромѣ иконостаса и утвари, изящной и богатой, ничего нѣтъ замѣчательнаго. Эта церковь обширна, зимой тепла, удобна, ходъ въ нее пря-

Библиотека "Руниверс"

мой изъ теплаго корридора гостиницы—и только. Это очень большая зала съ бѣлыми штукатурными стѣнами, съ длиннымъ рядомъ обыкновенныхъ (*четыреугольныхъ*) большихъ оконъ, изъ которыхъ видъ на нижнюю (греческую) половину монастыря, на море и всегда темную полосу полуострова Кассандры—нѣсколько унылъ, но не лишенъ величія. Кругомъ стѣнъ „стасидіи" съ ручками и откиднымъ „сидѣньемъ", для стоянія и отдыха монахамъ и богомольцамъ.

Нѣсколько такихъ же мѣстъ, но болѣе почетныхъ, для гостей большаго чина или званія—посреди пустой залы у штукатуренныхъ колоннъ. Удобно, чисто, просторно, бѣло; но красоты или величія искать тутъ не надо. Одинъ иконостасъ, говорю я, очень хорошъ. Я готовъ сказать даже и больше этого: я готовъ назвать его прекраснымъ. Онъ очень своеобразенъ; онъ какъ-то *изящно-тяжелъ*, въ мѣру пестръ и въ мѣру одноцвѣтенъ.

Онъ не высокъ, весь сплошной золоченый; размѣры его нѣсколько тяжелы, орнаменты несложны, не кудреваты, строги. Царскія врата тоже низки и очень просторны, большія мѣстныя иконы только въ одинъ рядъ и лики въ естественную величину человѣческаго образа. Если мнѣ не измѣняетъ память, этихъ иконъ всего четыре: Спаситель, Божія Матерь, „патронъ" монастыря Св. Пантелеймонъ, котораго глава хранится внизу у Грековъ, и *русскій* святитель Митрофаній, принесенный нашими на Аѳонъ. Всѣ эти иконы превосходной троице-сергіевской *чеканной* работы. На тонко-узорномъ золотомъ полѣ выдѣляются въ высшей степени изящно вполнѣ *человѣческія* по цвѣту лица, но по выраженію — *иконописно*, таинственно покойные образы Учителя-Бога, Дѣвы съ Младенцемъ Христомъ, прекраснаго юноши-мученика и сѣдаго, преподобнаго старца. Одежды Спасителя — голубая и розовая и Св. Пантелеймона—малиновая съ зеленымъ—прелестны своей яркостью посреди сплошной, одноцвѣтной позолоты. Что касается до лика самого Христа, то я ни прежде, ни послѣ не видалъ ничего лучшаго. Это—*икона* высокаго стиля, а не картина. Нѣчто прекрасное и мужественное, и молодое, немного блѣдное, идеальное, тихое, покойное, и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то тонко-національное, семитическое, какъ бы для большей исторической наглядности, для *реальности хорошей*, счастливой въ смыслѣ возбужденія, *положительной* вѣры.

Можетъ быть у меня вкусъ нехорошъ, или технику искусства я не достаточно понимаю, но таково было мое впечатлѣніе, и я имъ дѣлюсь съ читателями откровенно.

Прекрасный иконостасъ этотъ пожертвованъ теперь уже скончавшимся игуменомъ Антоніемъ Бочковымъ (изъ купцовъ), который провелъ послѣдніе годы свои на покоѣ подъ Москвою, въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ.

Кромѣ этого иконостаса въ пустой и обширной бѣлой залѣ Покров-

Библиотека "Руниверс"

ской русской церкви ничто не можетъ произвести особенно праздничнаго или торжественнаго впечатлѣнія. (Конечно, я не говорю здѣсь *о самомъ богослуженіи*,—его порядокъ у Русскихъ на Аѳонѣ образцовый, такого я не видалъ ни въ Московскихъ соборахъ, ни въ Оптиной пустыни, ни тѣмъ болѣе у Грековъ и Болгаръ, служащихъ всегда нѣсколько „дерзновеннѣе", небрежнѣе нашихъ.)

Совсѣмъ не то въ главномъ соборѣ. Этотъ соборъ предоставленъ былъ въ то время Грекамъ, живущимъ въ нижней половинѣ монастыря, у моря, какъ старѣйшимъ въ обители. Стиль этого храма—обще-аѳонскій стиль, въ родѣ нашихъ древнихъ Московскихъ соборовъ. Высокій храмъ—величавый, обремененный убранствомъ, на видъ суровый, темный, но сіяющій золотомъ; безконечно-высокій иконостасъ; надъ срединой круглый куполъ, не широкій и отлогій, какъ въ Св. Софіи Цареградской, а покоющійся на круглой башнѣ, какъ въ Исакіевскомъ соборѣ.

Въ Аѳонскихъ соборахъ эта срединная башня, этотъ исполинскій цилиндръ, уходящій къ небесамъ надъ головой богомольца, не пустъ, какъ бываетъ у насъ... Онъ весь наполненъ сіяніемъ. Кромѣ массивнаго и драгоцѣннаго центральнаго паникадила, есть еще ближе къ стѣнамъ обширный *хорусъ* (хоръ, хороводъ, *кругъ*). Это серебряное *огромное разубранное кольцо* съ рядомъ свѣчей, которыя образуютъ въ праздники широкій вѣнецъ другихъ огней вокругъ пирамидой возносящихся огней центральной люстры. Между огнями люстры и огнями кольца ниспадаетъ надъ головою вашей еще множество отдѣльныхъ зажженныхъ лампадъ и свѣчей и *страусовыя* яйца на серебряныхъ привѣскахъ. Хорусъ тоже снизу украшенъ бахромой изъ этихъ большихъ бѣлыхъ яицъ.

Восточные единовѣрцы наши имѣютъ сверхъ того по большимъ праздникамъ обычай длиннымъ какимъ-нибудь орудіемъ приводить въ кругообразное движеніе и паникадило, и хорусъ, и все, что виситъ надъ людьми подъ куполомъ. Всѣ эти огни свѣчей и лампадъ, это серебро и золото, эти большія и твердыя какъ камень яйца—все это бѣлѣетъ, сіяетъ, свѣтится, искрится, двигается надъ вами, все это словно безмолвно ликуетъ вмѣстѣ съ людьми въ тихой, но безпрерывной и торжественной пляскѣ...

Мы не привыкли, правда, къ восточному пѣнію; оно съ непривычки намъ кажется непріятнымъ и дикимъ. Но когда хоръ пѣвчихъ хорошъ, какъ было въ то время у Грековъ въ Руссикѣ, то нельзя отказать и этому пѣнію въ силѣ и въ странной особаго рода эффектности... Конечно, богослуженіе этой вечерни достигло бы совершенства, еслибы къ нѣсколько мрачной и величавой красотѣ тяжелаго собора, къ разноцвѣтной роскоши яркихъ облаченій, къ чтенію Слова Божія на разныхъ языкахъ, къ этой простодушно-таинственной пляскѣ огней въ

Библиотека "Руниверс"

глубокомъ мракѣ купола—прибавить еще пѣніе хотя бы и на томъ же прекрасномъ эллинскомъ языкѣ, но при избранной русской музыкѣ...

Но совершенства нѣтъ ни въ чемъ на землѣ... и въ самыхъ высшихъ проявленіяхъ прекраснаго. Впрочемъ „гласъ", на который поютъ Греки и Болгары „Христосъ воскресе", съ нашимъ не схожій, довольно пріятенъ... Напѣвъ этотъ менѣе скоръ и боекъ чѣмъ нашъ: онъ медлительнѣе и даже какъ бы меланхоличнѣе; но, поживши на Востокѣ, и къ нему привыкаешь скоро, какъ къ чему-то почти родному...

Но вотъ раздается возгласъ діакона:

„И о сподобитися намъ слышанія Святаго Евангелія Господа Бога молимъ!"

И дальше:

— „Отъ Іоанна Святаго Евангелія чтеніе!

— „Вонмемъ! *(Прóсхоменъ!)*—отвѣчаетъ ему по-гречески русскій архимандритъ Макарій.

Это первое Евангеліе *по-гречески* читаетъ, *сидя* по немощи у царскихъ дверей, самъ стодесятилѣтній игуменъ Герасимъ (бывшій *священникомъ, 40-лѣтнимъ мужемъ* еще во времена Екатерины Великой).

„Усисъ опсіасъ, ти имéра экини ти міà тонъ Саввàтонъ" ... и т. д. „Ильоэнъ о Іисусъ кэ эсти исъ то мéсонъ, кэ лèги автисъ: *Эрíни иминъ!* (миръ вамъ!)"

И дальше о возвращеніи невѣрующаго апостола Ѳомы.

Едва только кончилъ древній старецъ чтеніе, какъ внезапно раздался громкій, потрясающій звонъ колоколовъ, и въ то же мгновеніе на дворѣ началась веселая пальба изъ ружей. Палятъ во славу Божію монастырскіе стражники въ фустанеллахъ. Потомъ на минуту все стихаетъ;—ни звона, ни пальбы, ни возгласовъ, ни пѣнія... Все молчитъ мгновенно... И среди этого внезапнаго замиранія всѣхъ звуковъ раздается въ самой церкви, гдѣ-то въ глубинѣ ея, какой-то странный, нигдѣ мною не слыханный и чрезвычайно пріятный, особенно переливающійся звонъ... Что-то металлическое и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то подобное музыкально падающимъ очень крупнымъ каплямъ... Это Греки ударяютъ ритмически какими-то шариками на длинныхъ ручкахъ по мѣднымъ кругамъ.

И опять тишина и ожиданіе.

И опять возгласъ по-славянски...

— И о сподобитися намъ... Отъ Іоанна Св. Евангелія чтеніе!

— Вонмемъ...

Архимандритъ Макарій читаетъ по-славянски.

— „Сущу же поздѣ въ день той, во едину отъ субботъ, и дверемъ затвореннымъ, идѣже бяху ученицы его собрани, страха ради іудейска, пріиде Іисусъ и ста посредѣ, и глагола имъ: „миръ вамъ!"

Библиотека "Руниверс"

О. Макарій кончилъ... Ап. Ѳома сказалъ, что „не будетъ вѣрить пока не вложитъ руки въ ребра Его“.

Воскликнули пѣвчіе: „*Дѐкса си, о Ѳеодсъ имѐнъ, дѐкса си...*“ (Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ!)

И снова торжественный звонъ, и опять пальба... И опять тишина на мгновеніе, и снова переливы металлическихъ капель, ниспадающихъ на металлъ...

— Теперь что̀ будетъ?

— Вонмемъ!

— Какіе это звуки?

— „*Юртдѐ гюнлеринѐ биръ индѐ акшамъ вактинтѐ ве саѝдлеръ*“. И дальше: „*ве анлерѐ дэтѐ*“: „*Селѐмъ сизѐ*“ (миръ вамъ)!

Это *турецкое* Евангеліе.

Восточные христіане его слушаютъ съ удовольствіемъ. Они привыкли къ турецкому языку; они, *по правдѣ говоря*, даже любятъ его. Въ Малой Азіи есть до сихъ поръ много *Грековъ*, *не знающихъ по-гречески*. Въ ихъ церквахъ вся служба совершается по-турецки.

Послѣ новаго звона, новой пальбы, новыхъ ударовъ милаго шарика и новыхъ возгласовъ, изъ другой стороны храма послышалось нѣчто очень знакомое, но съ непривычки для насъ гораздо болѣе странное чѣмъ Евангельская рѣчь на языкѣ нашемъ, языкѣ и наивномъ, и суровомъ. Повѣяло *Римомъ*.

— In illo tempore quum sero esset die illo, una Sabbatorum, et fores essent clausae, ubi erant discipuli...

Затѣмъ, опять—послѣ шумной, „поющей, вопіющей“, звонящей, играющей и палящей перемежки—слышу я непонятную мнѣ рѣчь...

— Какая это?...

— Это рѣчь народа безъ словесности, безъ грамматики,—рѣчь народа, имѣющаго только горныя эпическія пѣсни... Греческіе монахи опять улыбаются, какъ чему-то очень знакомому и даже немного смѣшному.

— „*Дѐги Прѐма у эръ ѐте дѐте те стуне*“.

Это рѣчь *албанская*, рѣчь знаменитыхъ *Арнаутовъ*, которыхъ такъ любилъ лордъ Байронъ, которыхъ и я, признаюсь, крѣпко люблю; рѣчь безграмотныхъ героевъ, жестокихъ разбойниковъ и вѣрныхъ до самопожертвованія слугъ: *въ Христіанствѣ*—дававшихъ самую лучшую военную стихію прежнимъ греческимъ возстаніямъ, *въ Мусульманствѣ*—свершающихъ подъ турецкими бунчуками самыя страшныя звѣрства. Странный народъ!... Полный поэзіи и безкорыстнаго рыцарства, продажности и злобы, простодушія почти смѣшнаго и самой коварной хитрости. Народъ—сирота, даже и въ прошедшемъ этнографическаго родства своего до сихъ поръ не нашедшій съ точностью *).

---

*) *Примѣч. автора*. Греки увѣряли меня, что этотъ отрывокъ изъ Евангелія ни-

Библиотека "Руниверс"

Вечерня кончилась. Звонъ и пальба прекратились. На мощеномъ дворѣ и въ длинныхъ корридорахъ келій опять воцарилось глубокое безмолвіе отдыха.

Изъ открытаго окна моего, сидя, долго смотрѣлъ я на розовые, золотые, желтые, бурые и бѣлые кусты какъ бы ликующей вмѣстѣ съ нами горы, обыкновенно столь мрачной и скучной. Я слушалъ тихое бряцаніе колокольчиковъ на шеяхъ пасущихся муловъ; но другіе образы и звуки неотступно и восхитительно владѣли душой моей во весь этотъ вечеръ.

Эти возгласы и звонъ, это чтеніе Слова Божія... Эти разнородные, несхожіе звуки: „миръ вамъ"! „*Эрѝни имѝнъ! Pax vobis! Селѧмъ сизѐ!...*" Суровый храмъ, суровые лики иконъ, сіяніе серебра и золота повсюду,—пальба, безмолвіе, перезвоны, опять безмолвіе; опять молитвенный возгласъ, опять пальба, и звонъ, и пѣніе... И тишина, и чтеніе прекрасное среди благоговѣйнаго вниманія, едва-едва нарушаемаго какой-нибудь улыбкой сочувствія или легкаго удивленія...

И надъ всѣмъ этимъ—круговая тихорадостная, не престающая *пляска безчисленныхъ огней* въ темной высотѣ...

— Нѣтъ, это въ самомъ дѣлѣ „праздникъ изъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ"!...

Разбойникъ Сотири.

(Изъ воспоминаній консула.)

(*Нива, 1884.*)

I.

Я встрѣтилъ Сотири въ первый разъ около Аѳонской горы. Мнѣ нужно было ѣхать сухимъ путемъ въ Каваллу и Серресъ, и я велѣлъ нанять себѣ верховыхъ лошадей для вьюковъ и прислуги въ деревнѣ Ериссо и привести ихъ на Ватопедскій Пиргъ, въ которомъ я ночевалъ.

Ватопедскій Пиргъ — это древняя башня, принадлежащая Ватопедскому монастырю. Она стоитъ на низменномъ берегу у моря, почти у самой „черты", отдѣляющей Аѳонъ отъ „міра". Эта черта—кусты и небольшой ручей, впадающій въ море... За эти кусты и за этотъ ручей не *ходятъ женщины*. На Ватопедскій Пиргъ ихъ допускаютъ, но и то въ случаѣ какой-нибудь крайности.

Лошади и провожатые были уже готовы; вьюки навьючены; погода зимняя была превосходна: ясное, прохладное утро, какъ у насъ въ сентябрѣ. Я уже собирался садиться на лошадь, когда ко мнѣ подошелъ

шутъ по-албански *греческими* буквами на *особомъ листкѣ* и, *вложивши въ какую-нибудь церковную книгу*, читаютъ въ церкви.

Библиотека "Руниверс"

Петраки, молодой Молдаванинъ, который всегда сопровождалъ меня, служилъ мнѣ истинно незамѣнимымъ помощникомъ и агентомъ по множеству мелкихъ, но весьма существенныхъ дѣлъ, и пользовался моимъ полнымъ довѣріемъ. Петраки говорилъ по-русски не чисто, но свободно.

Онъ подошелъ ко мнѣ и таинственно сказалъ:

— Здѣсь есть одинъ молодецъ, бѣглый изъ свободной Греціи, безъ паспорта. Онъ умоляетъ, чтобъ вы его взяли къ себѣ служить безъ жалованья, только изъ-за куска хлѣба и для безопасности. Онъ недавно перебѣжалъ границу, скитается, голодаетъ и боится, чтобы Турки не выдали его греческому правительству...

— Что же онъ сдѣлалъ тамъ?—спросилъ я.

— Не знаю,—отвѣчалъ Петраки.—Я думаю, не изъ шайки ли онъ Тако Арванитаки.

Это мнѣ показалось правдоподобнымъ.

Всего около года тому назадъ, а можетъ-быть и менѣе, въ свободной Греціи случилось извѣстное дѣло мараѳонскихъ убійствъ. Секретари англійскаго и итальянскаго посольствъ, задумавъ осмотрѣть поле *Мараѳонской битвы*, были захвачены греческими разбойниками подъ предводительствомъ Тако Арванитаки и убиты атаманомъ благодаря тому, что греческое правительство захотѣло непремѣнно разыграть роль правительства правильнаго и послало войско, вмѣсто выкупа, котораго требовали разбойники. Несчастныхъ секретарей за это убили; самъ Тако успѣлъ потомъ бѣжать съ нѣсколькими изъ товарищей, но другихъ поймали и казнили на площади.

Шайка, такимъ образомъ, была разсѣяна, и очень возможно, что и этотъ молодецъ, который просился ко мнѣ, былъ изъ числа бѣжавшихъ... Проскитавшись долго тамъ и сямъ по горамъ и лѣсамъ, замученный нуждой и опасностью, онъ, вѣроятно, попытался добраться до Аѳона и здѣсь встрѣтилъ меня по счастливой случайности.

Я велѣлъ подозвать таинственнаго бродягу. Онъ подошелъ... Я увидалъ высокаго, плечистаго, молодаго человѣка въ ужасно грязной юпкѣ (фустанеллѣ) и оборванной курткѣ. На головѣ его вмѣсто фески была какая-то темная шапочка неопредѣленнаго фасона, и тоже сальная и поношенная. Оружія на немъ не было. — Онъ былъ совсѣмъ блондинъ, какъ Нѣмецъ изъ самыхъ бѣлокурыхъ, и не имѣлъ еще ни усовъ, ни бороды; но, несмотря на все это, въ лицѣ его не было ничего юношескаго. Онъ молча и почтительно поклонился мнѣ.

— Ты хочешь у насъ служить и пользоваться моей защитой?—спросилъ я.

— Да, эффенди; не оставьте меня. Я кускомъ хлѣба буду доволенъ.

Въ тонѣ этой просьбы не было ни робости, ни подобострастія; она была выражена съ величайшей простотой, достоинствомъ и твердостію...

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ это очень понравилось, и такъ какъ я зналъ, что греческій клефтъ ничуть не похожъ на злодѣя и мошенника европейскихъ странъ, что у клефта есть „принципы“ и своего рода рыцарство въ благодарности и вѣрности слову, — то я безъ малѣйшаго колебанія и съ радостью рѣшился взять его къ себѣ въ тѣлохранители и выхлопотать ему въ Салоникахъ у паши *тескерé* на право ношенія оружія.

Но прежде всего нужно было хоть сколько-нибудь испытать — можетъ ли онъ пригодиться на что-нибудь иное, кромѣ тѣхъ ужасныхъ и таинственныхъ преступленій, въ которыхъ мы его подозрѣвали.

Путешествіе мое по Южной Македоніи,—по мѣстамъ дикимъ, пустыннымъ и мнѣ совершенно еще неизвѣстнымъ,—было какъ нельзя кстати для подобной цѣли. Въ дорогѣ такому молодцу предстояла возможность показать свой умъ, свою смѣлость и преданность и заслужить мое довѣріе. И въ самомъ медленномъ пути на коняхъ, по горамъ, полямъ и лѣсамъ, и на долгихъ ночлегахъ онъ будетъ по цѣлымъ суткамъ у меня на глазахъ...

По возвращеніи изъ этого странствія я успѣю выправить ему у Турокъ *тескерé* на ношеніе оружія; а пока пусть онъ его носитъ и безъ разрѣшенія. *При мнѣ* никакая турецкая власть не позволитъ себѣ и спросить даже объ этомъ разрѣшеніи.

Такъ я рѣшилъ и сказалъ Сотири, чтобъ онъ сбирался идти со мной и что, проѣздомъ черезъ Ериссо, я найму и для него верховую лошадь.

Ждать мнѣ молодца не пришлось... Мы тронулись въ путь; впереди всѣхъ ѣхалъ на хорошей рыжей лошади турецкій конный жандармъ, высланный мнѣ сосѣднимъ каймакамомъ, а вслѣдъ за нимъ, какъ правый человѣкъ и полноправный гражданинъ, шелъ пѣшкомъ Сотири въ сальной шапочкѣ и почернѣвшей отъ грязи юцкѣ,—ружье на плечѣ, пистолеты и ятаганъ за поясомъ... Онъ шелъ гордо и развязно по камнямъ неровной дороги той легкой и красивой поступью, которая свойственна природнымъ дѣтямъ скалистыхъ горъ...

Въ скучномъ и безлѣсномъ Ериссо мы пробыли не долго и выѣхали оттуда уже всѣ верхомъ.

Я былъ тогда боленъ, очень печаленъ, погруженъ съ утра до ночи въ однѣ и тѣ же неотвязныя и нестерпимо мрачныя мысли и потому не только не распрашивалъ Сотири объ его прошломъ и ни о чемъ другомъ, но и вообще ни съ кѣмъ, дорогой, кромѣ добраго моего Петраки, не говорилъ. Петраки зналъ близко мою личную жизнь, а въ эти дни тяжелыхъ душевныхъ испытаній все остальное,—все не относившееся къ внутренней жизни моего сердца,—было для меня какъ призракъ, какъ полусонъ на яву...

Я все видѣлъ, хотя ни на что почти внимательно не смотрѣлъ; я все замѣчалъ, по природной наблюдательности моей, но намѣренно

Библиотека "Руниверс"

наблюдать или изучать что-нибудь, какъ дѣлаютъ другіе путешественники, не имѣлъ ни малѣйшей охоты... Я ни о чемъ, кромѣ своихъ личныхъ дѣлъ, въ то время не хотѣлъ думать, но дѣлалъ все по прежнимъ мыслямъ и правиламъ, укоренившимся во мнѣ долгимъ опытомъ въ болѣе спокойные годы.— О чемъ мнѣ было тогда распрашивать Сотири?... Теперь я распросилъ бы его подробно; тогда не могъ... И на что мнѣ было знать все это? О греческихъ и албанскихъ паликарахъ и клефтахъ я имѣлъ понятіе уже въ отрочествѣ моемъ... Еще на родинѣ, въ Кудиновской „диванной", въ которой были тогда пунцовые, гладкіе и блестящіе такіе обои, съ черными арабесками наверху, среди калужскихъ снѣговъ, сидя у вечерней лампы, я зналъ, что есть такіе герои въ фустанеллахъ, которыхъ боятся Турки и которые одной съ нами вѣры... Тамъ, у сосѣдей, я видѣлъ передъ пылающимъ каминомъ вышитый экранъ: вороной конь бѣшено взвивается на дыбы, а около него молодой Грекъ, въ этой самой національной одеждѣ, которую носилъ Сотири, попираетъ побѣдною ногой мусульманскія знамена...

Въ другомъ домѣ я еще ребенкомъ былъ пораженъ и растроганъ до глубины души извѣстной картиной: „молодой Грекъ защищаетъ раненаго отца". Прекрасная картина, на которую я и теперь посмотрѣлъ бы съ чувствомъ искренняго удовольствія!

Даже въ альбомѣ сестры моей была одна очень хорошая акварель. Ее рисовалъ одинъ нашъ знакомый артиллеристъ, у котораго былъ большой самородный талантъ къ рисованію. У него было столько ума и вкуса въ выборѣ сюжета; рисунокъ такъ правиленъ и краски такія свѣжія, яркія, веселыя... И онъ, между прочими „картинками", въ альбомъ моей сестрѣ нарисовалъ такую: на каменной террасѣ, подъ тѣнью винограда, который вьется по перекладинамъ, сидитъ молодая Гречанка въ пестрой одеждѣ, на пестромъ коврѣ, сидитъ поджавъ ноги по-турецки, заплетаетъ косу и улыбается; а красивый Грекъ съ черными усами, въ бѣлой юпкѣ, присѣлъ на баллюстрадѣ террасы и глядитъ на нее съ любовью. Онъ опирается на такое же точно длинное и фигурное ружье, какимъ вооруженъ мой таинственный Сотири...

И стихи о клефтахъ я читалъ, и „Корсаромъ" лорда Байрона восхищался еще тогда, когда мнѣ было десять всего лѣтъ...

Все это я помнилъ; все это я зналъ... На Востокъ я пріѣхалъ человѣкомъ уже опытнымъ; увидалъ и Суліотовъ, и клефтовъ, и Арнаутовъ—и ничуть не разочаровался въ нихъ, потому что я уже съ ранней молодости привыкъ требовать отъ людей больше оригинальности національной, а если можно, и личной характерности, изящества, выразительности и силы, чѣмъ нравственной безупречности или какой-нибудь невозможной на землѣ неизмѣнности добрыхъ качествъ...

Что Сотири своими руками убилъ, быть-можетъ, кого-то изъ ино-

Библиотека "Руниверс"

странцевъ,—положимъ, хоть секретаря Италіи,—что мнѣ до этого?... За душу Сотири и за его прежніе грѣхи мнѣ передъ Богомъ не отвѣчать... Мнѣ въ пору о моихъ собственныхъ грѣхахъ думать...

Все это для меня было такъ просто и такъ ясно, что я гораздо больше теперь употребляю времени для того, чтобы написать все это, чѣмъ тогда, чтобы рѣшить участь Сотири. Зачѣмъ же мнѣ торопиться и пугать его разспросами о томъ, каково именно его прошлое,—бѣжалъ ли онъ только изъ шайки Тако, когда постигъ ихъ разгромъ, или въ самомъ дѣлѣ и его *руки обагрились европейской кровью*...

Я не духовникъ ему; это дѣло касается до Бога, до его собственной совѣсти и еще до аѳинскаго правительства, въ которомъ преобладали въ то время Эллины, вовсе и намъ, Русскимъ, и Православію не дружественные. Мнѣ-то что-жь до этихъ аѳинскихъ министровъ и эллинскихъ газетчиковъ, которые до того глупы, что даже и меня *(меня-то?)* считали врагомъ Грековъ и печатно звали ce fongueux Panslawiste... Но это все *тайные* помыслы мои, которыхъ никто не имѣетъ права изслѣдовать. Формально я тоже былъ правъ: Христіанинъ въ бѣдствіи, безъ хлѣба и крова, умоляетъ прокормить и спасти его... Проступки его мнѣ неизвѣстны. Онъ молчитъ объ нихъ, и я не спрашиваю... На что мнѣ все это знать?... Когда-нибудь, пожалуй, послѣ, на досугѣ... Когда-нибудь все разскажетъ... Теперь для меня гораздо важнѣе, чтобы онъ выучился толочь въ ступкѣ миндаль для моего утреннаго кофе... Вотъ что важно... А итальянскій секретарь—это что!...

Почему же для меня такъ важенъ былъ тогда миндаль, толченый въ мѣдной ступкѣ, которая ѣздила за мной вездѣ въ сумкѣ на вьючной лошади? Миндаль былъ необходимъ мнѣ потому, что я тогда былъ измученъ и разслабленъ двухлѣтней лихорадкой... Пищевареніе мое было совсѣмъ разстроено и отъ одной ложки сливокъ въ кофе, отъ самой незамѣтной простуды, отъ небольшой прогулки по мѣсту низменному или сырому, у меня возвращались пароксизмы и доводили меня, наконецъ, до отчаянія...

Когда я поутру пилъ крѣпкій кофе съ густымъ и хорошо приготовленнымъ миндальнымъ молокомъ, то могъ при этомъ ѣсть хлѣбъ, ободрялся надолго и становился на нѣсколько часовъ способнымъ на трудъ, на мысль и на всякую борьбу не хуже другихъ... Это медленное, безмолвное и почти торжественное вкушеніе кофе по утрамъ стало для меня, за это время страданій тѣлесныхъ и нравственныхъ, такою непобѣдимою физической потребностью, что позднѣе всѣ мои попытки освободиться отъ этого рабства привычкѣ не привели ни къ чему, кромѣ вреда, и я навсегда остался въ этомъ рабствѣ... Теперь понятно, я надѣюсь, почему кофе и толченый миндаль были для меня гораздо важнѣе не только итальянскаго секретаря въ Аѳинахъ, но и всей Западной Европы, вмѣстѣ взятой.

Библиотека "Руниверс"

Будетъ ли мой ужасный герой хорошо варить кофе и толочь миндаль, когда я съ полупути долженъ буду разстаться съ моимъ милымъ и всезнающимъ Петраки, котораго я, изъ желанія сдѣлать ему добро, уступилъ въ то время въ писцы консулу Якубовскому, управлявшему за меня въ Салоникахъ? Якубовскій назначилъ Петраки казенное жалованье въ шесть или семь золотыхъ, и мнѣ нельзя было его больше таскать за собою.—Я не долго смущался этимъ вопросомъ. Плечистый мой клефтъ ничуть не побрезгалъ скромнымъ занятіемъ этимъ и черезъ два-три дня выучился приготовлять мнѣ мой спасительный напитокъ не хуже другихъ.—Я съ ранняго утра, просыпаясь на ночлегахъ, слышалъ какъ онъ старательно толчетъ и звонитъ ступкой, и стоило мнѣ только крикнуть лежа на коврѣ въ углу „хана" (т.-е. постоялаго двора), какъ Сотири являлся въ дверяхъ съ подносомъ... Головой онъ доставалъ почти до потолка, плечами, на которыхъ была часто накинута тяжелая и широкая сѣрая бурка, онъ едва проходилъ въ дверь, и старый, плохо сколоченный полъ такъ и трясся подъ его полновѣсными стопами... Мнѣ, лежащему на полу, онъ снизу казался еще огромнѣе, и болѣзненность моя тогда была такъ велика, что я малодушно раздражался и говорилъ ему угрюмо: „Поставь-ка и не подходи близко; мнѣ все кажется, что ты наступишь на меня!"

Правду говорилъ Петраки еще въ первый день нашего знакомства: „Хочу я устроить при васъ этого паликара, но боюсь какъ онъ это будетъ безъ меня вамъ служить... Комнаты все маленькія тутъ, а онъ *наполняетъ* всю комнату... Каково вамъ будетъ выносить во время болѣзни такого слугу?!"

И серьезно бѣдный юноша сокрушался о томъ, что Сотири „наполняетъ всю комнату!"

Отчасти Петраки былъ правъ: я *чувствовалъ то*, о чемъ онъ говорилъ, невольнымъ чувствомъ разстроенныхъ до нельзя нервовъ, но охотно мирился съ этимъ чувствомъ и старался подавить его...

Милый Николай Ѳедоровичъ Якубовскій, консулъ нашъ въ Битоліи, былъ тоже правъ, освѣщая дѣло съ другой стороны... У него былъ въ услуженіи Николай, греческій молодой мужикъ, тоже въ фустанеллѣ, неопытный, грубый и очень плутоватый; усердствуя, онъ вымылъ ему однажды рояль горячей водой съ мыломъ и совсѣмъ было испортилъ его; другой разъ, стирая пыль съ письменнаго стола, навалился животомъ на красивую рѣзную рѣшетку и сломалъ ее въ дребезги... Взялъ въ руки любимаго чижика консульскаго, чтобы почистить клѣтку, и такъ стиснулъ его, что чижикъ издохъ.

Якубовскій страстно любилъ птицъ и, увидѣвъ чижика въ рукахъ Николая, съ ужасомъ спросилъ: „Что случилось съ птицей?"

— Издохла!—съ глупой улыбкой отвѣчалъ Николай.

— Дикій человѣкъ... Дуракъ, оселъ!...—закричалъ Якубовскій въ

Библиотека "Руниверс"

первую минуту отчаянія, но потомъ, обратясь при мнѣ къ приближеннымъ своимъ, сказалъ съ комически-серьёзнымъ видомъ: „Вотъ разразить бы эдакаго скота... Все уничтожаетъ въ домѣ... Но нельзя... Никакъ нельзя!... Константинъ Николаевичъ (это я) не велитъ... Фустанелла, шальвары, чалма, баранья шапка болгарская, либо вышитая восточными цвѣтами рубашка македонская... Нельзя!... Не велитъ... Вотъ кабы фракъ или панталоны,—ну, такъ я бы его на вѣкъ несчастнымъ сдѣлалъ... А фустанелла или шальвары—никакъ нельзя... Пусть ломаетъ“.

Всѣ засмѣялись, и я тоже смѣялся, но сказалъ: „Ну, что-жь, это правда, что у меня есть такое предубѣжденіе... Но я думаю, вся исторія наша Русская пошла бы иначе и лучше, еслибы въ Россіи больше было людей съ такими крайними вкусами какъ мои“...

Это правда, что Сотири *наполнялъ* всю комнату и служилъ тяжело и неповоротливо; но онъ не похожъ былъ на казеннаго *европейца* и этимъ онъ настолько же возбуждалъ и подкрѣплялъ мои нервы, насколько неразвязностью своею утомлялъ ихъ...

Къ тому же Петраки сначала дѣлалъ за него половину дѣла въ дорогѣ, и этимъ старался смягчить первыя впечатлѣнія нашего сожительства и знакомства. На третій же или четвертый день странствія для Сотири вышелъ случай обнаружить на дѣлѣ свою благодарность, свою приверженность и расторопность. И онъ обнаружилъ ихъ съ перваго раза вполнѣ!

II.

Я говорю, что я тогда былъ очень боленъ, очень изнуренъ и никакъ даже и не ожидалъ, что проживу послѣ этого еще цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ, очень дѣятельныхъ и наполненныхъ. А „существовать“ даже и самымъ тихимъ и скучнымъ существованіемъ мнѣ еще хотѣлось. На четвертый день ночью мнѣ сдѣлалось очень дурно. Случилось это вотъ какъ. Сначала отъ села Ериссо до села Варвары и дальше мы все ѣхали по мѣстамъ высокимъ и живописнымъ, которыя я помню очень смутно, все потому, что я ничего не хотѣлъ тогда наблюдать... Потомъ спустились къ мѣстамъ низменнымъ и ѣхали долго по какимъ-то унылымъ кустарникамъ. Лошади устали, да и намъ захотѣлось отдохнуть. Я опасался садиться въ такомъ мѣстѣ на землѣ, чтобы опять не вернулась моя возмутительная лихорадка, и сказалъ, что попробую пить чай сидя на лошади. Развели костеръ; мигомъ вскипятили воду; чай былъ готовъ; но лошадь моя не стояла спокойно и пить его на сѣдлѣ было невозможно. Я пересѣлъ на плохаго вьючнаго мула, надѣясь, что на немъ будетъ покойнѣе. Но и онъ шевелился не меньше лошади. Измученный жаждою, я рѣшился, наконецъ, сѣсть подъ кустами на коверъ и напился чаю до сыта и спокойно. Послѣ этого

Библиотека "Руниверс"

мы опять сѣли на лошадей и поѣхали. Часъ былъ уже не ранній и до хана, въ которомъ мы должны были ночевать, было еще далеко. Съ половины пути я съ ужасомъ почувствовалъ, что слабѣю, что у меня начинается ломъ въ костяхъ и ознобъ... Я ударилъ лошадь хлыстомъ, сказалъ передовому турецкому жандарму, что надо ѣхать скорѣй, и мы поскакали.

У меня и у жандарма лошади были свои, хорошія; а у Сотири, Петраки и другихъ спутниковъ нашихъ нанятыя и плохія лошади. Но и они старались не отставать. Ознобъ перешелъ въ сильный жаръ; я былъ возбужденъ, старался поддерживать въ себѣ энергію и мы мчались все быстрѣе и быстрѣе, давая только изрѣдка небольшой роздыхъ бѣднымъ конямъ. Вскорѣ показался берегъ моря, песчаный, низменный, пустой... Видѣнъ былъ на голомъ берегу большой и старый ханъ... Вѣтеръ съ моря дулъ сильный и холодный прямо въ грудь и въ горящее отъ пароксизма лицо, и пронизывалъ меня насквозь; я понималъ, что это очень дурно, и что быстрой ѣздой я только усиливалъ этотъ вредъ; но желаніе поскорѣй *лечь* подъ крышей и дать отдохнуть ноющимъ костямъ было сильнѣе всякихъ другихъ соображеній. Уже стемнѣло, когда мы подскакали къ хану... Народу въ немъ почему-то было множество. Какіе то вьюки, мулы, лошади, пестрыя цыганскія чалы, усатые оборванные люди, крикъ, шумъ, хохотъ... Турокъ и Петраки хотѣли усмирить и угомонить все это... Искали для меня сносную комнату и не нашли. Очага не было; вѣтеръ дулъ во всѣ щели... Кто-то сказалъ, что лучше отъѣхать съ дороги въ сторону въ одну греческую деревню (кажется Гациста). Тамъ будетъ тише и покойнѣе... Но и до нея было около часа ѣзды (т.-е. не нашей скачки, а тихой ѣзды шагомъ; значитъ верстъ пять).

Я сдѣлалъ надъ собой усиліе, вскочилъ на лошадь, сказалъ: ай-да!— и мы опять понеслись по камнямъ куда-то въ гору и въ сторону. Турокъ-заптіе впереди, а я за нимъ... Всѣ остальные отъ насъ скоро отстали.

Было совсѣмъ темно, когда мы пріѣхали въ эту бѣдную, унылую и разоренную деревню. Камни и низенькія каменныя хатки, каменныя хатки и камни — больше ничего... Собаки залаяли. Турокъ позвалъ людей; Греки сбѣжались и почти на рукахъ сняли меня съ лошади... Послѣднія усилія, послѣдняя побѣда энергіи надъ изнемогающей плотью совсѣмъ домучили меня... Я едва вошелъ въ низенькую комнату, въ которой ничего не было кромѣ убогой рогожи на глиняномъ полу и стараго очага... Вошелъ и легъ около очага на полъ. Легъ въ огромныхъ сапогахъ, не раздѣваясь, и до того обрадовался пристанищу, что мнѣ показалось, въ первыя минуты, будто ничего большаго ужь мнѣ и не нужно...

Я забылъ на мгновенье, что для русскаго путешественника во всякой православной деревнѣ на Востокѣ предстоитъ еще особаго рода

Библиотека "Руниверс"

пытка: почтительные визиты старшинъ, священника, учителя... Несносные разспросы о здоровьѣ; привычныя и надоѣвшія жалобы на мѣстную власть; поползновенія узнать что-нибудь о высшей политикѣ, о томъ, что намѣрена теперь дѣлать Россія, съ кѣмъ она въ союзѣ, и что замышляетъ „анаѳемская“ Англія, или *этотъ* Папа Римскій... Если это скучно въ минуту обыкновенной дорожной усталости, каково же было это вынести въ моемъ тогдашнемъ положеніи?

Оскорбить я не хотѣлъ этихъ людей — простыхъ, положимъ, но все-таки по-своему очень самолюбивыхъ и желавшихъ обнаружить все свое уваженіе къ Россіи и Русскимъ... Я отвѣчалъ плохо и страдальчески на ихъ несносные вопросы, но все-таки отвѣчалъ.

Къ счастію моему явились, наконецъ, Петраки и Сотири... Подъ Сотири лошадь изнемогла и упала, не доѣзжая деревни; онъ оставилъ ее на дорогѣ и шелъ пѣшкомъ... Оттого они и опоздали. Новая забота, новое горе... Жаль было бѣднаго хозяина лошади: еслибы лошадь эта пала благодаря моей скачкѣ, я ни за что не захотѣлъ бы стать съ нимъ на чисто юридическую почву найма и уговора (которую я въ подобныхъ случаяхъ съ раннихъ лѣтъ ненавидѣлъ и ненавижу и теперь), и мнѣ пришлось бы по совѣсти заплатить за эту загнанную клячу... Но эта самая непріятная случайность и спасла меня отъ моихъ посѣтителей. Мой милый и догадливый Молдаванинъ сейчасъ же обратился къ разсѣвшимся вокругъ меня на рогожахъ старшинамъ съ разсказомъ о несчастной лошади, которая лежитъ на дорогѣ близъ ихъ села, и выразилъ надежду, что ее еще можно спасти... Греки приняли въ этомъ дѣлѣ живое участіе и тотчасъ же всѣ ушли туда, взявъ съ собой Сотири и хозяина лошади; Петраки тотчасъ же развелъ около меня огонь; раздѣлъ меня, уложилъ покойно на ковры; приперъ дверь и сталъ молча и внимательно варить на очагѣ турецкій кофе.

Мнѣ показалось, что я блаженствую, несмотря на то, что я продолжалъ весь горѣть какъ въ огнѣ... Лошадь въ самомъ дѣлѣ какъ-то спасли, привели и вылѣчили... И скоро все успокоилось и замолкло вокругъ меня... Мои молодые люди ушли въ другую комнату вмѣстѣ съ погонщиками, а я старался заснуть у догорающаго очага...

Напрасная надежда!... Въ старой рогожкѣ было такое множество блохъ, и онѣ были до того голодны и злы, что это и вообразить трудно... Началась новая мука, а прежняя тоска отъ жара, жажды и волненія сама по себѣ не проходила... Да и не могла пройти, такъ какъ сонъ въ этихъ случаяхъ самое лучшее средство для сильной испарины и для окончанія пароксизма, а блохи спать не давали. Такъ продолжалось до разсвѣта, и когда занялась заря, то мнѣ сдѣлалось до того дурно, что я долженъ былъ кликнуть Петраки. Замѣтивъ, что я почти брежу и путаюсь въ мысляхъ, онъ тотчасъ же взялъ въ разсчетъ всѣ обстоя-

Библиотека "Руниверс"

тельства: денежныя наши средства, разстояніе отъ села Гацисты до приморскаго города Кавалы, гдѣ насъ уже ожидалъ со дня на день къ себѣ въ гости русскій почетный вице-консулъ Фосколо,—и предложилъ послать туда за докторомъ Сотири на моей лошади; я согласился и кое-какъ самъ написалъ Фосколо два слова... Сотири помчался, а я впалъ въ какое-то забытье...

Къ полудню мнѣ стало получше, а когда къ слѣдующему вечеру докторъ и Сотири явились на взмыленныхъ лошадяхъ, я уже кромѣ слабости не чувствовалъ ничего.

Докторъ, присланный вице-консуломъ, былъ молодой Итальянецъ, лѣтъ подъ тридцать, не глупый, очень вѣжливый, любезный и, въ хорошемъ смыслѣ слова, простой... Собою плотный, а съ лица румяный и веселый.

Мы вмѣстѣ поѣли, попили вина и кофе; разговорились оба охотно и отлично провели время въ этой бѣдной хаткѣ до полуночи. Почти съ первыхъ же словъ докторъ воскликнулъ:

— Однако, какой вѣрный и преданный слуга вашъ этотъ молодой Албанецъ, который за мной пріѣзжалъ... Давно ли онъ у васъ служитъ?

— Четвертый день,—отвѣчалъ я, улыбаясь.

Итальянецъ изумился.

— Четвертый день?... Какая преданность, какая любовь!...

— Въ чемъ же выразилась эта любовь?—спросилъ я, въ свою очередь, съ любопытствомъ и удивленіемъ.

Тогда докторъ разсказалъ мнѣ слѣдующее...

Вице-консулъ Фосколо, получивъ мою записку изъ Гацисты, тотчасъ же уговорилъ доктора ѣхать. Но какъ ни торопились они, все-таки часъ дня былъ уже не ранній, когда Сотири съ Итальянцемъ тронулись въ путь. — Пути этого было впереди *двенадцать часовъ* (то-есть шестьдесятъ верстъ, если ѣхать шагомъ, если же гнать лошадей, то можно было доѣхать въ восемь — девять часовъ). Тронулись въ путь. Итальянецъ былъ человѣкъ сильный и вовсе не робкій; но онъ въ Турціи былъ недавно, по-турецки и по-албански вовсе не зналъ, по-гречески очень мало; Сотири зналъ только по-албански и по-гречески.— Оружія докторъ съ собой не взялъ; съ мѣстностью вовсе не былъ знакомъ; въ дальнюю дорогу верхомъ ѣхалъ въ Турціи въ первый разъ; о разбойникахъ слыхалъ достаточно... Проѣхали около часу; начало темнѣть; въѣхали въ каменистое и пустынное ущелье... Доктору стало жутко... Онъ началъ что-то говорить Сотири; Сотири что-то отвѣчалъ. Они не понимали другъ друга... Доктору вдругъ представилось, что самая записка моя подложная, что никакого больнаго Русскаго въ Гацистѣ нѣтъ, что вся эта исторія—смѣлая выдумка греческихъ разбойниковъ съ цѣлью захватить его (такъ какъ онъ уже имѣлъ порядочныя

Библиотека "Руниверс"

средства) и взять за него выкупъ, или убить его. Чувства и мысли эти были какъ нельзя болѣе понятны при такихъ условіяхъ и смѣяться надъ докторомъ, или строго судить его за нихъ, я нахожу несправедливымъ; тѣмъ болѣе несправедливымъ, что онъ вовсе не потерялся и не пустился зря скакать назадъ въ городъ, а взвѣсилъ всѣ обстоятельства и, взявши въ разсчетъ, что Фосколо долженъ знать мой почеркъ, рѣшилъ не спасаться отъ Сотири, какъ сдѣлалъ бы потерявшійся человѣкъ, а возвратиться съ нимъ въ городъ и взять съ собой оттуда турецкаго жандарма, которымъ онъ прежде не позаботился запастись. — Онъ остановился и началъ говорить Сотири, что надо назадъ... Сотири видимо ужаснулся; началъ что-то говорить ему по-гречески, съ умоляющимъ видомъ показывая на небо, и когда увидалъ, что докторъ сердится и поворачиваетъ лошадь назадъ, то онъ соскочилъ съ своей, схватилъ его лошадь подъ устцы и остановилъ ее.

— Въ эту минуту, — разсказывалъ докторъ съ улыбкой, — я, признаюсь, еще больше испугался; я думалъ, что онъ хочетъ уже прибѣгнуть къ насилію надо мной. Въ отчаяніи я замахнулся на него хлыстомъ и хотѣлъ бороться что есть силъ; но онъ бросилъ поводъ, обхватилъ руками мою ногу и началъ цѣловать мой сапогъ, приговаривая: „во имя Божіе, докторъ,—эффенди мой очень боленъ“... Я сказалъ ему: „Заптіе, Кавалла, заптіе... Послѣ поѣдемъ“... Мы тогда вернулись; но онъ былъ все время ужасно разстроенъ и успокоился только тогда, когда явился заптіе отъ каймакама, и мы опять пустились въ путь...

Таковъ былъ разсказъ итальянца. Онъ прибавилъ еще:

— Я никогда не забуду тѣхъ униженныхъ просьбъ, съ которыми обращался ко мнѣ этотъ молодой человѣкъ... И какъ онъ почти съ плачемъ цѣловалъ мои сапоги...

Послѣ этого случая я понялъ, что я въ моей „грязной фустанелѣ“ не ошибся, и что Сотири именно изъ тѣхъ албано-греческихъ клефтовъ, на которыхъ благодѣтель или другъ можетъ положиться какъ на каменную стѣну, которыхъ врагъ или обидчикъ долженъ трепетать, а равнодушный или вовсе посторонній человѣкъ не безъ основанія остерегаться...

Въ этомъ юношѣ я предугадалъ именно тѣ черты характера, ту особую смѣсь хищничества и рыцарства, которая всѣмъ намъ нравится въ Черкесахъ, Черногорцахъ и кочующихъ Бедуинахъ.

На этотъ разъ, впрочемъ, онъ не долго мнѣ послужилъ; обстоятельства путевыя сложились такъ, что мнѣ пришлось раздѣлить мою свиту; я уѣхалъ съ докторомъ, съ жандармомъ и однимъ изъ слугъ моихъ въ Каваллу—гостить недѣли на двѣ, на три къ Фосколо. А Петраки долженъ былъ возвратиться къ Якубовскому въ Салоники, чтобы служить младшимъ переводчикомъ при консульствѣ; онъ былъ иногда очень

Библиотека "Руниверс"

полезенъ для мелкихъ и нѣкоторыхъ секретныхъ дѣлъ, особенно среди простолюдиновъ, и такъ какъ онъ не былъ Грекъ, а обрусѣлый, почти русскій Молдаванинъ, безупречно вѣренъ и очень уменъ, то иные простые Болгары предпочитали дѣйствовать черезъ него, несмотря на его молодость и невысокое званіе... Поэтому я не считалъ себя въ правѣ дольше задерживать его при себѣ... Сотири я рѣшилъ отправить съ нимъ по нѣсколькимъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы у Петраки былъ вооруженный и смѣлый провожатый,—занятіе для молодаго мальчика, записаннаго простымъ писцомъ при консульствѣ, было неудобно брать; потомъ нужно было сократить мои дорожные расходы, а лошади и вьючные мулы были и безъ того дороги; нужно было добыть для Сотири у паши въ Салоникахъ „тескере" на ношеніе оружія, которое онъ эти четыре-пять дней носилъ de facto, но не de jure; и, наконецъ, я забылъ сказать прежде, что я, съ перваго же дня нашего съ нимъ знакомства, задумалъ (если онъ окажется надежнымъ) приставить его стражемъ и тѣлохранителемъ къ одной русской дамѣ, которая заѣхала съ молодой родственницей случайно въ эти страны: отправилась молиться чудотворной иконѣ Божіей Матери въ селѣ Ровяникахъ, между Салониками и Аѳономъ, и потомъ осталась жить по обстоятельствамъ мѣсяца на два, въ пятнадцати верстахъ отъ Аѳона, въ греческомъ селѣ Ериссо, черезъ которое я проѣзжалъ дорогой въ Каваллу.

Такъ какъ я еще самъ не зналъ и не рѣшилъ — поѣду ли я изъ Каваллы въ Царьградъ на австрійскомъ пароходѣ, или вернусь опять сухимъ путемъ на Святую Гору, черезъ Серресъ и Салоники, то мнѣ самому пока Сотири былъ не нуженъ ни на Аѳонѣ, ни въ Царьградѣ, и я испытывалъ его въ теченіе этихъ дней перваго пути только на всякій случай и больше для него, чѣмъ для себя... Больше для того, чтобы найти ему дѣло и причину получать содержаніе, чѣмъ для того непремѣнно, чтобы самому пользоваться его услугами.

Итакъ, не доѣзжая Каваллы, я разстался съ Сотири и Петраки, оставилъ ихъ въ русскомъ монастырѣ, построенномъ здѣсь недавно Аѳонскими русскими монахами Андреевскаго скита, а самъ съ докторомъ поѣхалъ къ г. Фосколо.

Разстались мы, однако, не надолго; въ Константинополь я раздумалъ ѣхать и пришлось мнѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ пожить на Аѳонѣ и постранствовать по греческимъ селамъ, разсѣяннымъ по лѣсистому и прекрасному полуострову за чертою Св. Горы... И въ теченіе этого времени любопытный характеръ Сотири выразился во всей своей полнотѣ. Онъ оказался и неисправимымъ разбойникомъ, и, въ то же время, самымъ вѣрнымъ, честнымъ и преданнымъ до самоотверженія человѣкомъ.

Библиотека "Руниверс"

III.

Въ Кавалле, въ гостепріимномъ домѣ Фосколо, я прожилъ недѣли двѣ-три; въ Константинополь не поѣхалъ и возвратился опять сухимъ путемъ на Святую Гору по новой, еще незнакомой мнѣ и дальней, дорогѣ, черезъ красивый городъ Серресъ и Салоники. Про это путешествіе я могъ бы написать довольно много любопытнаго, еслибы дѣло шло о самомъ путешествіи, но я спѣшу досказать исторію Сотири и больше ничего.

Сотири за это время устроился около русской дамы въ селѣ Ериссо очень покойно, легально и привольно, благодаря моему заочному покровительству. Тескере на оружіе ему выдали, конечно, безъ всякаго труда. Консулъ Якубовскій служилъ въ Турціи лѣтъ, кажется, уже около тридцати; онъ зналъ еще лучше моего, какіе прекрасные тѣлохранители и вѣрные слуги выходятъ изъ этихъ восточныхъ разбойниковъ; вдобавокъ онъ самъ очень любилъ всякое удальство и, не входя даже ни въ какіе разспросы, откуда я взялъ этого палікара и зачѣмъ записалъ его третьимъ кавасомъ консульства, вытребовалъ ему изъ Порты свидѣтельство на ношеніе оружія и выдалъ ему отъ себя, по обычаю и праву, какъ русскому кавассу, „Permis de résidence“ на французскомъ языкѣ, для прожитія около меня на Аѳонѣ, или въ Ериссо около русской подданной г-жи *такой-то*, по моему усмотрѣнію, такъ какъ *дѣйствительнымъ* консуломъ на все Салоникское генералъ-губернаторство былъ я, а Якубовскій былъ консуломъ въ Битоліи и только управлялъ въ Салоникахъ временно, пока я, по болѣзни, считался въ отпуску.

Когда я, возвращаясь на Аѳонъ, проѣзжалъ черезъ Ериссо, у Сотири, вмѣсто одной грязной фустанеллы, было уже двѣ чистыхъ; на головѣ вмѣсто сальной, непонятнаго фасона, шапочки была длинная, эллинская, красная пре-красная феска, загнутая на бокъ, съ большой синей кистью, живописно раскидывающейся то по спинѣ, то по плечу, и на этой фескѣ уже былъ вышитъ золотомъ двуглавый орелъ въ ознаменованіе того, что онъ состоитъ на службѣ у Русскихъ, а не у кого-нибудь иного.

Русская хозяйка, зажившаяся случайно въ Ериссо, при которой я его пріютилъ, была женщина веселая, самая добрая, простосердечная и не гордая; она родилась и выросла въ Крыму, знала по-гречески и по-турецки; водила охотно компанію и дружбу съ греческими крестьянками и никѣмъ не пренебрегала кромѣ какихъ-нибудь очень скучныхъ людей, которые ей чѣмъ-нибудь надоѣдали. При ней была родственница, молодая дѣвушка лѣтъ восемнадцати; положимъ, эта родственница была нестерпимо глупа, невѣжественна, нескладна, груба и безтолкова до нельзя, но какое было дѣло до этого Сотири? Съ нимъ обращались хорошо;

Библиотека "Руниверс"

кормили, поили кофеемъ и чаемъ, дарили, и вмѣсто одного „хлѣба“, за который онъ хотѣлъ вѣрой и правдой мнѣ (или кому я велю) служить, онъ получалъ золотую лиру въ мѣсяцъ (около семи рублей). Работы отъ него не требовали почти никакой, а это для самолюбія и лѣни воинственнаго Албанца очень важно... Курить, пить кофе за воротами, провожать русскую „кокону“ (госпожу) на прогулку въ поле, за село; идти пѣшкомъ впереди, легкой, красивой поступью по камнямъ, съ ружьемъ на плечѣ, если она вздумаетъ ѣхать куда-нибудь верхомъ на наемныхъ лошадяхъ,—въ Салоники, напримѣръ, или хоть помолиться Божіей Матери въ Ровяникахъ, вотъ его обязанности!.. И знать при этомъ, что еслибы даже эллинское правительство и вздумало его разыскивать, то во-первыхъ турецкія власти вовсе не расположены либеральной и вѣчно-враждебной имъ Греціи „потрафлять“; а во-вторыхъ, что *теперь*, когда у него на фескѣ двуглавый орелъ, эти власти не позволятъ себѣ ни въ какомъ случаѣ арестовать его, не обратившись предварительно по порядку ко мнѣ или къ Якубовскому. Кавасъ консульства, пока онъ кавасъ, хотя бы онъ былъ и турецкій подданный, пользуется равной съ русскими подданными неприкосновенностью. Правила договоровъ и обычаи таковы, что въ самой настоятельной необходимости можно схватить его, напримѣръ, на мѣстѣ какого-нибудь преступленія, но тотчасъ же представить консулу, а не запирать прямо въ мѣстную тюрьму.

Вѣроятно Сотири сначала блаженствовалъ въ Ериссо... У него откуда-то вдругъ взялся тутъ и младшій братъ Аргири (Серебряный), здоровый мальчикъ лѣтъ четырнадцати, бѣлокурый, блѣдный и худощавый, какъ и старшій братъ и какъ большинство Албанцевъ. Сотири, какъ будто и основательный человѣкъ, сталъ посылать его въ сельскую школу въ Ериссо; Аргири ходилъ въ школу, читалъ тамъ, писалъ, учился Закону Божію и ариѳметикѣ на грифельной дощечкѣ; а потомъ остальное время дня лѣнился и болтался не хуже брата; выучился играть въ дураки съ русскими путешественницами и, лежа гдѣ-нибудь на полу, въ углу на старой хозяйской рогожѣ,—кричалъ хозяйкѣ дома, которой было уже за сорокъ лѣтъ, какъ какой-нибудь настоящій албанскій бей: „Эй, *морѐ*, На́шина, подай мнѣ воды!“ (Морѐ собственно значитъ глупая; но это въ Турціи вовсе не брань, а все равно что у насъ сказать просто: „Эй, ты!“ А *На́шина* значитъ: *жена—На́шо*,—славянская форма, принятая сельскими греками... Такъ звали хозяйку дома въ Ериссо.)... И пожилая На́шина, женщина вообще очень самолюбивая и сердитая, которая мужа своего, простака Грека Нашо, держала въ страхѣ, находила очень естественнымъ, что албанскій мальчикъ, что-то въ родѣ будущаго воина, лежа велитъ ей подать воды, и подавала ему.

Откуда взялся этотъ младшій братъ у Сотири, я, повторяю, не спра-

Библиотека "Руниверс"

шивалъ и до сихъ поръ не могу понять; и я, признаюсь, даже не справлялся ни разу: изъ какой провинціи Греціи или Турціи родомъ оба эти брата, турецкіе ли они были подданные первоначально, или эллинскіе. Для того-то я и былъ въ отпуску, чтобы нести меньше заботъ и принужденія.

Когда, проѣздомъ черезъ Ериссо, я увидалъ эту патріархальную и мирную картину,—эти воинственныя „фустанеллы" на покоѣ, играющія въ русскіе дурачки,—мнѣ все это очень понравилось... Но какъ?... Когда передъ умирающимъ, или жестоко больнымъ человѣкомъ ставятъ друзья неожиданно на столъ букетъ любимыхъ имъ цвѣтовъ, или прочитываютъ ему изъ книги какіе-нибудь отрывки въ его вкусѣ,—онъ, конечно, радъ и улыбается, и не забудетъ этого никогда; но если страданія его велики, или уныніе его глубоко, то онъ отвернется опять къ стѣнѣ и не станетъ, конечно, разспрашивать ничего подробно—ни о цвѣтахъ этихъ, ни объ книжкѣ...

И я такъ-то проѣхалъ черезъ Ериссо; мнѣ было получше тогда; одно видѣлъ самъ, о другомъ слышалъ; порадовался, посмѣялся немного и, вздохнувъ, опять уѣхалъ къ суровымъ и гостепріимнымъ друзьямъ своимъ—русскимъ инокамъ на Аѳонѣ...

Вскорѣ, однако, Сотири опять отличился, и гораздо серьезнѣе, и совсѣмъ иначе, чѣмъ въ первый разъ, когда онъ обливалъ слезами сапоги доктора, умоляя его не оставлять меня въ глухой деревнѣ безъ помощи.

IV.

Чтобы изобразить какъ еще отличился Сотири,—и на этотъ разъ уже не въ тѣсномъ кругу домашней жизни, а на поприщѣ политическомъ,—мнѣ необходимо разсказать о пустынной церкви Божіей Матери въ Ровяникахъ и объ русской монахинѣ, матери Магдалинѣ.

Между Салониками и Аѳономъ есть греческое село Ровяники.—Почти вслѣдъ за нимъ, ближе къ Аѳону, начинается большой каштановый лѣсъ и въ этомъ лѣсу есть небольшая, одинокая церковь Ровяникской Божіей Матери, только недавно прославленной чудесами. Церковь построена на склонѣ горы, которая вся поросла огромными каштановыми деревьями. Такихъ широковѣтвистыхъ, могучихъ деревьевъ я мало видалъ и особнякомъ растущихъ, а здѣсь ихъ цѣлый лѣсъ. Повыше церкви есть другая постройка, очень плохая, нѣчто въ родѣ пріюта для путниковъ и поклонниковъ. Въ ней нѣсколько комнатъ; всѣ онѣ холодныя и почти пустыя, кромѣ одной, въ которой есть голландская печка съ лежанкой по-русски. Эта комната тѣсна, но тепла, опрятна и уютна, какъ келья монахини. И точно, въ ней жила тогда русская женщина Евпраксія (или Евлампія), постриженная въ иноки ближайшимъ греческимъ епископомъ. Евпраксія эта—пожилая, плотная, широ-

Библиотека "Руниверс"

коплечая, простая и грубоватая баба, съ виду хитрая и вовсе не симпатичная—поселилась въ этомъ убѣжищѣ еще задолго до того времени, о которомъ я пишу: она говорила мнѣ въ 71 году, что живетъ тутъ уже около девяти лѣтъ. Откуда она пришла, что заставило ее избрать такой истинно „безмолвный“ и строгій путь — не знаю; она избѣгала разсказывать о своемъ прошломъ на родинѣ, и я, конечно, не настаивалъ. Одна русская молодая путешественница, сопровождавшая меня до Ровяниковъ во время первой моей поѣздки на Святую Гору, любила воображать, что Евпраксія или мужа своего въ Россіи убила и скрылась сюда на такое строгое покаяніе, или вообще свершила что-то необычно грѣшное. Быть-можетъ — да, быть-можетъ — нѣтъ... Бываютъ такія „призванія“ безъ всякихъ особыхъ потрясающихъ событій и приключеній, безъ „преступленій и утратъ“. Какъ бы то ни было, старая эта Евпраксія устроилась здѣсь по-монашески очень хорошо; съ ровяникскими Греками — мужиками весьма разсчетливыми, отъ которыхъ зависѣла эта церковь, она какъ-то поладила; имѣла, должно-быть, свои средства, и ее никто не безпокоилъ въ ея долгомъ пустынножительствѣ. При самой церкви, въ особой келейкѣ, жила другая женщина, тоже постриженная монахиня, одинокая Гречанка, которая и была главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при постройкѣ этого храма и пріобрѣтеніи чудотворной иконы. Не помню, какія у нея были „скорби и нужды“,—быть-можетъ болѣзнь или нищета, одиночество и безпомощность, — только она все молилась и увидала во снѣ Божію Матерь, которая сказала ей, что въ лѣсу, въ такомъ-то мѣстѣ, есть изсохшій колодезь, что въ этомъ колодезѣ скрыта Ея икона и надо эту икону найти, и тогда многимъ будетъ отъ нея помощь и утѣшеніе. Эта женщина долго и напрасно убѣждала крестьянъ села Ровяники пойти на поиски иконы; наконецъ, они рѣшились обратить вниманіе на ея слова и просьбы: нашли указанное мѣсто, обрѣли въ пустомъ колодезѣ старую икону, взяли ее, и тотчасъ же начались удивительныя исцѣленія. Даже нѣкоторые больные Турки и Турчанки, обратившіеся къ „Пророчицѣ-Маріамъ“, выздоровѣли. Собрали деньги, построили храмъ, построили пристанище для поклонниковъ и путниковъ; женщинѣ этой дали право жить при самой церкви и необходимое содержаніе. Я забылъ имя этой доброй и въ высшей степени простосердечной Гречанки, но впечатлѣніе она произвела самое пріятное; ничего нельзя было вообразить себѣ искреннѣе и простодушнѣе этого невиннаго и вѣрующаго существа. Эти двѣ старухи были давними и постоянными обитательницами уединеннаго храма и принадлежащей къ нему постройки. Жила тамъ недолго въ мое время еще одна Русская, тоже не молодая монахиня, мать Маргарита, ничѣмъ особеннымъ—ни хорошимъ, ни худымъ—себя не заявившая; но она скоро исчезла куда-то, и больше мы ее не видали.

Библиотека "Руниверс"

Теперь о молодой Малороссіянкѣ, матери Магдалинѣ. Если объ ней упомянуть слишкомъ кратко, то не будетъ понятно ни поведеніе моего героя Сотири, ни мое живое участіе во всей той исторіи, которую я хочу разсказать *). Матери Магдалинѣ было не больше двадцати трехъ, двадцати пяти лѣтъ, когда она поселилась тутъ въ холодной и пустой горенкѣ странно-пріимной постройки. Она пришла сюда во слѣдъ за отцомъ, бѣднымъ и набожнымъ человѣкомъ, который поселился на Аѳонѣ, постригся, построилъ себѣ хижину въ лѣсу, на землѣ одного изъ греческихъ монастырей, и жилъ въ ней одинъ, питаясь чѣмъ Богъ послалъ. Отъ Аѳона до Ровяниковъ будетъ верстъ, я думаю, шестьдесятъ, а можетъ-быть и больше. Отецъ съ дочерью, поэтому, видались очень рѣдко. Дочь не могла посѣщать его, такъ какъ женщины на Аѳонъ не допускаются и дальше Ватопедской башни ходить не имѣютъ права, да и сами никогда себѣ этого не позволяютъ; а бѣдный старикъ, во все время моего тамъ пребыванія, только разъ собрался посѣтить дочь. Магдалина пострижена была уже прежде, гдѣ-то на Дунаѣ; жила уже въ монастыряхъ; знала недурно, кажется, церковную службу; была грамотна, пѣла пріятнымъ и сильнымъ контральто и собой была бы очень недурна, еслибы была не такъ блѣдна и желта отъ постоянной лихорадки и безпрестанной нужды, которую она здѣсь, въ одиночествѣ, терпѣла. У нея были тонкія черты лица и черные, очень выразительные глаза... Что она была весьма набожна, терпѣлива и къ церкви усердна, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія...

Я не стану описывать сколько бѣдная молодая дѣвушка перенесла нужды и обидъ въ этомъ чужомъ мѣстѣ, лишенная всякой близкой опоры и помощи; были дни, въ которые она, голодная, становилась въ пустой церкви на колѣни передъ иконой Богородицы и просила хоть хлѣба ей послать немного. И Богъ посылалъ. Разъ, напримѣръ, она еще стояла на колѣняхъ и плакала, когда у церкви раздалось бряцаніе бубенчиковъ, которые обыкновенно навязываютъ верховымъ муламъ, и кто-то остановился у храма: это былъ одинъ пожилой греческій іеромонахъ съ Аѳона, въ сопровожденіи своего келейника. Увидавъ Магдалину, онъ воскликнулъ: „А, это ты бѣдная!... Поди сюда, поди, дочь моя! Вѣрно ужь нуждаешься, несчастная... Вотъ я тебѣ утѣшу немножко, чѣмъ могу!“... И приказалъ келейнику достать изъ сумки нѣсколько свѣжихъ бѣлыхъ хлѣбовъ и далъ ей. Такъ она перебивалась кое-какъ въ голодѣ и холодѣ. Старая, добрая Гречанка дѣлилась съ ней чѣмъ могла; отецъ выпрашивалъ что-нибудь гдѣ-ни-

*) Почти все это (кажется, впрочемъ, покороче) было уже разсказано въ I-мъ томѣ, въ статьѣ „Панславизмъ на Аѳонѣ“.—Здѣсь поневолѣ приходится все повторить: тамъ—мнѣ было жалко лишать политическую статью нагляднаго примѣра; здѣсь—исключить важное событіе изъ біографіи самого Сотири оказалось уже рѣшительно невозможнымъ!—Авт. 1885 г.

Библиотека "Руниверс"

будь. Отъ суровой соотечественницы своей, Евпраксіи, Магдалина помощи не видала, и не видала ее почти вовсе отъ сухихъ сердцемъ ровяникскихъ сельчанъ. Очень рѣдко давали они ей что-нибудь; однажды она обошла всю деревню и не добыла даже и куска хлѣба.

При мнѣ стало ей полегче. Мнѣ она очень понравилась; я жалѣлъ ее и не разъ и самъ давалъ ей по золотому, и другихъ уговаривалъ ей помогать.

Были неподалеку люди сильные, которые всё про нее знали и могли ее поддержать; но, какъ я узналъ позднѣе, преднамѣренно воздерживались отъ слишкомъ щедрыхъ пособій, и по весьма основательной причинѣ, которую я, какъ новый человѣкъ, не могъ съ перваго раза взять въ разсчетъ. Эти люди были главные духовники русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ. Отцу ея они помогали деньгами не разъ; но ей самой протежировать не хотѣли, потому что вообще опасались, чтобы въ окрестностяхъ Аѳона какъ-нибудь *не разрослась бы женская монашеская община*. Монахи и монастыри въ наше время подвергаются и безъ того столькимъ нареканіямъ, на нихъ такъ охотно клевещутъ и злобятся, что духовные пастыри ихъ *обязаны* дѣйствовать какъ можно осторожнѣе и внимательнѣе, чтобы на ихъ собственной совѣсти не лежала отвѣтственность за лишній поводъ къ злословію и напраслинѣ. „Напраслину душеспасительно выносить терпѣливо, но не должно на нее напрашиваться“. Я понялъ скоро, что русскіе духовники, не только съ духовной и нравственной, но и съ политической стороны, въ этомъ дѣлѣ были совершенно правы; я согласился, что въ ихъ положеніи они поступаютъ прекрасно, не потворствуя постепенному образованію русской женской общины въ Ровяникахъ, и что, помогая Магдалинѣ рѣдко, только въ самой крайности, да и то не прямо, а черезъ пособіе отцу ея, они идутъ тѣмъ среднимъ путемъ, который такъ хорошъ въ случаяхъ сложныхъ и запутанныхъ... Все это такъ; но мнѣ присутствіе этой красивой и набожной русской дѣвушки въ такомъ дикомъ, оригинальномъ и *не русскомъ* мѣстѣ, въ этомъ лѣсу исполинскихъ и шумныхъ каштановъ, чрезвычайно нравилось; и такъ какъ отъ двухъ монахинь: отъ молодой и бѣдствующей Магдалины, и старой и успокоенной въ теплой кельѣ съ денежками Евпраксіи,—до цѣлой женской общины было еще далеко, то я и старался всячески облегчать положеніе Магдалины. И со времени моего перваго проѣзда черезъ Ровяники на Аѳонъ ей стало, конечно, полегче. Узнали ее и тѣ русскія дамы, къ которымъ поступилъ Сотири; онѣ ее брали съ собой гостить въ Ериссо и на Ватопедскій пиргъ, угощали и утѣшали ее. Но въ то же самое почти время на нее воздвиглось гоненіе политическое со стороны Грековъ. То, что я теперь буду описывать, происходило въ 72-мъ году, лѣтомъ, то-есть во время самаго сильнаго ожесточенія греко-болгарской борьбы. Болгары въ то время взяли верхъ;

Библиотека "Руниверс"

они уже выхлопотали себѣ у Турокъ извѣстный, не совсѣмъ каноническій, фирманъ; отслужили уже свою *особливую обѣдню* въ Константинополѣ съ объявленіемъ независимости. Греки были въ изступленіи, особенно *либеральные* Греки (аѳинскаго, а не цареградскаго духа); имъ казалось, что „потокъ Панславизма", какъ они выражаются, грозитъ совершеннымъ потопленіемъ ихъ національности. Поведеніе Русскихъ возмущало ихъ до-нельзя, и они въ самыхъ простыхъ и не преднамѣренныхъ поступкахъ нашихъ видѣли интригу и дальновидный макіавелизмъ. Волненіе умовъ проникло до самыхъ отдаленныхъ и глухихъ мѣстъ болгарскихъ и греческихъ провинцій; нѣсколько позднѣе оно отозвалось очень сильно даже на аскетическомъ и чуждомъ національныхъ принциповъ Аѳонѣ. Случайно, сама не подозрѣвая конечно, что и она лицо политическое, пострадада при этомъ и наша, въ простотѣ вѣры своей совершенно искренняя, Хохлушка. Давно уже (какъ потомъ оказалось) косились на нее, подъ давленіемъ разныхъ полу-интеллигентныхъ вліяній, ровяникскіе Греки-мужики. Пока жила при церкви въ лѣсу одна старая, безобразная и, главное, безграмотная Евпраксія, они были покойны и не обращали на нее вниманія. Но вотъ явилась откуда-то молодая мать Магдалина; она пѣла *по-русски*, читала хорошо въ церкви по-славянски для проѣзжихъ Русскихъ и доставляла имъ этимъ великое утѣшеніе. Греки были, вѣроятно, недовольны, но молчали; извѣстно, что земледѣльцы во всѣхъ странахъ тяжелы на подъемъ и осторожны. Къ тому же преданія о благодѣяніяхъ Россіи и престижъ нашего вліянія были слишкомъ еще сильны въ греческомъ народѣ, чтобы ровяникскимъ сельчанамъ легко было рѣшиться на какія-нибудь открытыя противу русскихъ людей дѣйствія. (Мимоходомъ скажу, что политическая преданность греческихъ простолюдиновъ къ Россіи была еще недавно столь велика, что поколебать ее, и то не до основанія, могла только несчастная совокупность обстоятельствъ и увлеченій съ разныхъ сторонъ.) Было и еще одно дѣло, которое смущало ровяникскихъ Грековъ: случайно они были должны большую сумму денегъ одному изъ драгомановъ русскаго консульства въ Салоникахъ, тоже Греку, но Россіи и консульству очень преданному. Онъ бралъ съ нихъ проценты, но не тѣснилъ ихъ, не желая ставить консульство въ тяжкую необходимость сажать въ турецкую тюрьму православныхъ людей за долги...

Таковы были обстоятельства, когда лѣтомъ 72-го года явился въ этихъ мѣстахъ изъ свободной Греціи нѣкто Панайотаки; купецъ въ европейскомъ платьѣ; конечно, демагогъ и націоналъ-либералъ, какъ почти всѣ Эллины, надѣвшіе, вмѣсто красивой фустанеллы, гадкій пиджакъ. Человѣкъ онъ былъ со средствами; купилъ у кого-то тутъ часть лѣса на срубку и наблюдалъ самъ за ходомъ этого дѣла.

Вотъ этотъ-то Панайотаки и обратилъ особенное вниманіе ровя-

Библиотека "Руниверс"

никскихъ старшинъ на *Панславизмъ*, котораго опасной представительницей явилась здѣсь голодающая Магдалина.

— Вы смотрите,—проповѣдывалъ онъ: —видите, началось въ вашей греческой церкви уже русское чтеніе и пѣніе; за этими двумя-тремя женщинами придутъ еще другія... Это все не просто... Русское консульство въ Салоникахъ по одной постепенно собираетъ ихъ здѣсь; и русскіе монахи на Аѳонѣ, конечно, всячески поддерживаютъ въ этомъ дѣлѣ консульство... Соберется много этихъ монахинь, и Россія завладѣетъ не только этой церковью въ лѣсу, но и всей землей нашей... Боритесь теперь, пока еще не ушло время... Надо выгнать эту негодную... Вы ослы, варвары; у васъ нѣтъ патріотизма; вы не Эллины, вы не потомки великихъ Эллиновъ!!... и т. д.

Какъ нарочно, въ это самое время одинъ аѳонскій богомолецъ, русскій плотникъ, вздумалъ сходить и въ Ровяники—поклониться чудотворной иконѣ. Познакомился, конечно, съ русскими женщинами, узналъ о жалкомъ положеніи Магдалины и о томъ, что ей зимой очень холодно жить въ кельѣ безъ печки, и рѣшился самъ построить ей маленькую, но удобную хижинку. На матеріалъ у нея деньги нашлись тогда,—незадолго передъ этимъ проѣзжалъ изъ Салоникъ на Аѳонъ Якубовскій и далъ ей денегъ; плотникъ началъ работать, и хатка была уже почти готова, когда внезапно прибѣжали изъ Ровяникъ старшины, подъ предводительствомъ „европейца“ Панайотаки: они разнесли русскую постройку въ щепки; отыскали самое Магдалину въ церкви, выгнали ее оттуда, побили; побили и старую Гречанку, которая вздумала было защищать свою „сестру о Христѣ“. Панайотаки разыскалъ славянскія богослужебныя книги; рвалъ ихъ, выбросилъ все изъ церкви и, говорятъ, даже нѣкоторыя иконы русскаго письма не пощадилъ, тоже вынулъ ихъ...

Свершивъ этотъ анти-славянскій походъ, аѳинскій негоціантъ торжествовалъ и радовался; но не долго... Суровый мститель былъ близко... Сотири случайно пошелъ по своимъ дѣламъ въ богатое село Ларигово; дорогой его стала томить лихорадка, онъ захотѣлъ отдохнуть и зашелъ въ кофейню. Народу было много; были, между прочимъ, двое турецкихъ заптіе. Панайотаки сидѣлъ тутъ же, хвастался и кричалъ:

— Вотъ мы какъ эту негодную русскую дѣвку, эту анаѳемскую лицемѣрку выгнали... Еслибы не я, — эти здѣшніе варвары, слѣпые люди, дали бы Панславизму воцариться... И само турецкое начальство должно быть мнѣ признательно за это; нельзя Русскимъ позволять господствовать здѣсь...

Въ этомъ родѣ Панайотаки ораторствовалъ долго и кончилъ тѣмъ, что сталъ поносить Русскихъ и Россію самыми грубыми и ругательными словами.

Сотири сначала молчалъ въ своемъ углу; его все ломала лихорадка

Библиотека "Руниверс"

и онъ пилъ кофе, закутавшись въ бурку. Наконецъ, не въ силахъ будучи выносить ругательства эти, которыя онъ принималъ почти за личное оскорбленіе, съ тѣхъ поръ какъ находился подъ нашей защитой, онъ возвысилъ голосъ и сказалъ такъ европейскому негоціанту:

— Что *ты* хвалишься, несчастный, тѣмъ, что васъ, нѣсколько мужчинъ, обидѣли одну бѣдную бабу... И Русскихъ перестань ругать!...

— Кто ты такой?—надменно спросилъ купецъ:—Буду ли я еще говорить съ тобой?... Бродяга, мальчишка какой-то! Я свободный Эллинъ!

У Сотири, правда, какъ я уже и прежде сказалъ, не было еще усовъ и бороды, несмотря на то, что ему было навѣрное уже около двадцати пяти лѣтъ. Поэтому онъ съ усмѣшкой отвѣтилъ особаго рода мѣстной, вызывающей остротой:

— Ну, *сними свои большіе усы поскорѣе*... А то я ихъ боюсь...

— Да какъ ты смѣешь ко мнѣ привязываться!... Я тебя и не знаю...

— А я тебѣ скажу, чтобъ ты не смѣлъ при мнѣ поносить Россію и Русскихъ, потому что я ѣмъ русскій хлѣбъ и ношу, видишь, вотъ это...

Съ этими словами Сотири указалъ на двухглаваго орла, который былъ вышитъ на его эллинской фескѣ.

— Чортъ побери и тебя, и Россію, и консуловъ вашихъ и всѣхъ турецкихъ подданныхъ! Никого знать не хочу!...—воскликнулъ свободный Эллинъ и прибавилъ еще другія, непристойныя, слова...

Сотири сбросилъ бурку, выхватилъ кремневый старый пистолетъ свой изъ-за пояса и хотѣлъ въ упоръ, на повалъ, убить оскорбителя.. Къ счастью (къ *его* счастію) пистолетъ осѣкся... Сотири выхватилъ ятаганъ. Панайотаки обомлѣлъ... Турецкіе жандармы вскочили и бросились дружески уговаривать Сотири, чтобы онъ вложилъ ножъ въ ножны... Сотири имѣлъ благоразуміе ихъ послушаться, вложилъ ножъ въ ножны, но тотчасъ же, схвативъ одной рукой табуретку, а другой за шиворотъ самого „Эллина", началъ его бить этой табуреткой не на животъ, а на смерть.

Никто не вступился. Турецкіе зантіе, успокоившись, что смертоубійства не будетъ, сѣли и любовались, какъ одинъ гяуръ хорошо бьетъ другаго... Это не могло имъ не нравиться... тѣмъ болѣе, что Турки, по природѣ своей, почитатели государственнаго порядка и властей, и они, вѣроятно, находили весьма естественнымъ, что Сотири защищалъ такъ строго честь того флага, подъ сѣнью котораго онъ служилъ и „ѣлъ хлѣбъ".

Исколотивъ эллинскаго патріота табуреткой, Сотири вытолкалъ его изъ дверей кофейни въ „тьму кромѣшную" и закричалъ ему вслѣдъ: „Ты смотри, подлецъ, не пойди жаловаться въ Салоники пашѣ... Я тебя вездѣ найду, несчастный; своей головы не пожалѣю, а ужь ты живъ не будешь, если пожалуешься..."

Негоціантъ не жаловался; но вскорѣ въ одной изъ цареградскихъ га-

Библиотека "Руниверс"

зетъ появилась корреспонденція изъ Салоникъ, въ которой описывались русскія интриги для завладѣнія церковью въ селѣ Ровяники, и прославлялись патріотическія дѣйствія и тріумфъ греческаго подданнаго господина Панайотаки... Корреспонденція кончалась приблизительно слѣдующимъ описаніемъ „стычки", происшедшей „около русскихъ, разрушенныхъ патріотами, построекъ"... „*Ларгово*, такого-то числа, около Ровяникъ... и т. д.—*Русскіе, желающіе завладѣть издавна церковью Панаіи*, начали воздвигать себѣ жилища... и т. д... Жители села Ровяникъ, подъ руководствомъ г. Панайотаки, негоціанта и т. п. Во время этого спора, кавассъ русскаго консула, Сотири, выстрѣлилъ изъ пистолета въ г. Панайотаки; но Русскіе, благодаря дружнымъ усиліямъ, принуждены были, наконецъ, отступить... Воздадимъ должную честь и т. д...."

Я жилъ въ это время на Святой Горѣ, въ монастырѣ Св. Пантелеймона, и ничего объ этомъ не зналъ. Узналъ я всѣ подробности черезъ нѣсколько дней отъ Петраки, который соскучился безъ меня въ Салоникахъ и отпросился у Якубовскаго на нѣсколько дней на Аѳонъ, для свиданія со мною.

Петраки разсказалъ мнѣ о подвигѣ Сотири съ восторгомъ; не бывавши никогда въ Россіи, этотъ удивительно умный и благородный юноша любилъ и понималъ Россію и все истинно русское такъ, какъ дай Богъ многимъ изъ кровныхъ Русскихъ понимать и любить. Европеизированныхъ единовѣрцевъ нашихъ, либеральныхъ Грековъ, Болгаръ, Сербовъ и своихъ единокровныхъ Румынъ подобнаго духа, онъ ненавидѣлъ.

Какъ я ни былъ печаленъ и боленъ, какъ я ни былъ погруженъ тогда въ міръ совершенно иныхъ интересовъ, чисто „душевныхъ", сердечныхъ и духовныхъ, но его разсказъ пробудилъ во мнѣ мгновенно и всѣ русскія, и всѣ эстетическія чувства мои... Въ лицѣ Сотири Православіе, Россія, *прежняя* Греція, Греція „Корсара" и Марко Боцариса торжествовали надъ Элладой новой, фрачной, либеральной, глупой, изболтавшейся; торжествовала поэзія Востока надъ прозой западнаго прогресса... Я самъ восхитился и черезъ Петраки (который черезъ два дня долженъ былъ возвратиться въ Салоники) приказалъ, чтобы Сотири немедля явился ко мнѣ.

Сотири пришелъ. Я далъ ему два золотыхъ и сказалъ ему:

— Молодецъ Сотири! Ты умѣешь платить добромъ за добро. Продолжай такъ: защищай нашу честь—и мы о тебѣ позаботимся. Только будь остороженъ, не берись зря за оружіе. Ты хорошо сдѣлалъ, что послушался турецкихъ жандармовъ и не вынулъ ятагана; старайся ладить съ Турками,—они гораздо менѣе вредны и вамъ, Грекамъ, и намъ, чѣмъ эти ваши патріоты, въ родѣ Панайотаки... Жалко было бы не столько мерзавца этого, еслибы ты его убилъ, или бы тяжело ранилъ,—сколько тебя: ты безъ вида скитаешься въ Турціи, о прошед-

Библиотека "Руниверс"

шемъ твоемъ я не справляюсь, но въ случаѣ чего-нибудь подобнаго подвалось бы такое дѣло, въ которомъ намъ защитить тебя было бы не то чтобы невозможно,—невозможнаго, съ Божіей помощью, для русскаго консула въ Турціи нѣтъ, ну, а трудно все-таки... У тебя довольно силы и молодечества, чтобы и безъ оружія громить враговъ нашихъ.

Сотири слушалъ мою рѣчь; онъ улыбался и сѣрые, вовсе не красивые, но обыкновенно спокойные и твердые глаза его блистали отъ радости.

На прощанье я хотѣлъ пожать ему даже руку въ видѣ особеннаго вниманія, но онъ поцѣловалъ мою прежде, чѣмъ я успѣлъ ее отнять.

Изъ высокаго окна гостиницы я видѣлъ какъ онъ, закинувъ живописно на плечо свое старинное арнаутское ружье, прошелъ важной поступью по монастырскому двору къ воротамъ, и отправился опять въ Ериссо служить русскимъ путешественницамъ и „защищать нашу честь“.

Вскорѣ послѣ этого онъ защитилъ ее вовсе невпопадъ, и совсѣмъ по другому случаю.

V.

Я сказалъ, что при доброй русской госпожѣ въ Ериссо жила молодая родственница, лѣтъ восемнадцати. Я говорилъ также о нѣкоторыхъ дурныхъ ея качествахъ; но все это недостаточно живописуетъ ее. Она просто была неуловима, или неопредѣлима въ своей глупости и безтолковости, грубости и распущенности. Лицо ея было свѣжо и черты лица, отдѣльно взятыя, даже недурны; но все вмѣстѣ выходило какъ-то мясисто и топорно: ростомъ низенькая, прожорливая, сильная, она грамотѣ не знала, работать почти ничего не умѣла и не хотѣла; была очень весела, но веселость ея была вовсе не забавна; обижалась почти постоянно невпопадъ; на дѣйствительно оскорбительныя слова не обращала никакого вниманія и смѣялась, а начинала вдругъ горько плакать не изъ-за чего; воспиталась она въ Крыму въ бѣдности и почти на улицѣ и при этомъ воображала себя настоящей барышней. Говорила она большею частію нестерпимый вздоръ; вмѣсто „присяжный повѣренный“,—„пристяжной“ повѣренный; и когда ее упрекали за что нибудь непозволительное въ манерахъ, она отвѣчала басистой скороговоркой:

— „Что такое? Что такое? Я знаю одну генеральскую дочку въ Одессѣ, которая такъ дѣлаетъ!“ Иногда восклицала, хватаясь съ восхищеніемъ за голову: „Ахъ, какая я умная, какая я умная, вы вообразить не можете!... Я даже все понимаю!“ Или еще: „Ахъ, вы не знаете какая я наивная дѣвушка; я ужасно наивная!“

Замѣчательнѣе же всего было то, что хотя со стороны такъ-называемаго „поведенія“, въ тѣсномъ смыслѣ, она была еще безупречна,

Библиотека "Руниверс"

но при этомъ непостижимо неприлична въ обращеніи. Она была вовсе не зла, но и доброты въ ней не было никакой замѣтно; чувство долга ей тоже не было извѣстно; религіозности я въ ней никакой не замѣчалъ; на нее могъ дѣйствовать только страхъ. Къ счастію, я еще внушалъ ей этотъ страхъ до извѣстной степени, да и то она часто меня боялась невпопадъ: до того была безтолкова. По особенности положенія моего, я вынужденъ былъ нѣсколько разъ дѣлать ей строгія замѣчанія, потому что мнѣ на нее жаловались даже домочадцы мои, которымъ приходилось нерѣдко бывать въ Ериссо. Сотири, человѣкъ вообще цѣломудренный и, повидимому, довольно равнодушный къ женщинамъ и къ тому же привычный къ сдержанности и нравственному формализму мѣстныхъ Христіанокъ, говорилъ про нее такъ:

— Эта дѣвушка не имѣетъ въ себѣ ничего женскаго. Удивляюсь!

А Петраки—тотъ чуть не съ отчаяніемъ восклицалъ:

— Это просто ужасная, ужасная дѣвушка! Вы знаете какъ я жалостливъ, а вотъ ее никакъ не могу жалѣть.

Хотя я сказалъ, что поведеніе ея съ „извѣстной" стороны было фактически безупречно, но направленіе ея мыслей и чувствъ было вовсе не моральное. Она заискивала то у Петраки, то у другаго встрѣчнаго молодаго человѣка, то у третьяго; и всѣ они съ насмѣшкой и пренебреженіемъ отстранялись отъ нея. Наконецъ, она нашла себѣ въ Ериссо одного ничтожнаго Греченка Василаки, въ жакеточкѣ и фескѣ, полуинтеллигентнаго пролетарія, который состоялъ въ родствѣ съ однимъ изъ тамошнихъ крестьянъ. По сосѣдству жила съ родителями дѣвушка по имени Марія. Наша пріѣзжая подружилась съ нею, и онѣ довѣряли другъ другу свои сердечныя тайны. Марія устроила для крымской подруги своей свиданіе съ Василаки въ своемъ домѣ въ отсутствіе родителей. Другія сельскія дѣвушки и палікары случайно подсмотрѣли, что этотъ Василаки прошелъ украдкой въ домъ, и увидавъ Марію на крыльцѣ, догадались въ чемъ дѣло. Собралась передъ крыльцомъ цѣлая толпа и начали смѣяться и дразнить Марію. Кто-то со злорадствомъ извѣстилъ объ этомъ Сотири. Защитникъ нашей чести немедленно вооружился и пошелъ туда; онъ при всѣхъ распекъ Марію, силой вошелъ въ домъ, обратилъ Василаки въ бѣгство, вывелъ торжественно за собою нашу соотечественницу и разогналъ толпу, сдѣлавъ дѣвицѣ предварительно при всѣхъ нѣсколько строгихъ замѣчаній за то, что она безчеститъ русское имя.

При народѣ дѣвица смолчала, но какъ только они остались съ Сотири на улицѣ одни, то она сказала ему такую неслыханную фразу, которую не только отъ молодой дѣвушки, но и отъ пожилой женщины трудно было ожидать. Серьезный и цѣломудренный разбойникъ былъ такъ этимъ озадаченъ и сконфуженъ, что не отвѣтилъ ей ни слова, и потомъ съ удивленіемъ передавалъ этотъ отвѣтъ и Петраки, и мнѣ

Библиотека "Руниверс"

самому. Все это очень скоро дошло до меня (Ериссо отъ Аѳона недалеко), и я былъ вынужденъ опять въ это дѣло хоть сколько-нибудь да вмѣшаться. Самъ Сотири пришелъ мнѣ жаловаться на эту „барышню“.

Хотя это столкновеніе героя эпической поэмы съ какой-то изъ самыхъ плохихъ и комическихъ героинь Островскаго, причемъ окончательная побѣда осталась за послѣдней, было болѣе и забавно и оригинально, чѣмъ серьезно и печально; однако, взявши въ разсчетъ, съ одной стороны, здѣшніе нравы, то дѣйствительно строгіе, то лицемѣрные, а съ другой — наши привычки, откровенныя и легкія (при соблюденіи нѣкоторыхъ внѣшнихъ приличій), я сдѣлалъ Сотири небольшой выговоръ въ такомъ родѣ:

— Ты поступилъ очень глупо; впередъ этого не дѣлай. Ты сдѣлалъ гораздо больше сраму, чѣмъ пользы. Доказать никто не могъ для чего именно она пошла въ этотъ домъ. Можетъ-быть она бы вышла за него замужъ; по нашему русскому обычаю дѣвушка имѣетъ право сама себѣ выбирать жениховъ, и тебѣ никакого до этого не было дѣла. Ты бы долженъ былъ показать, что ты ничего не знаешь и не хочешь знать объ этомъ. Она, конечно дура; но и тебѣ по дѣломъ, въ другой разъ въ семейныя дѣла не мѣшайся.

— Я хотѣлъ защитить честь русскаго имени,—сказалъ съ достоинствомъ Сотири.

— И только больше унизилъ эту честь, сдѣлавши публичный скандалъ. Мало ли дуръ въ Россіи?

Сотири ушелъ на этотъ разъ не ободренный.

Немного погодя, мнѣ опять пришлось посѣтить на нѣсколько часовъ Ериссо, и я нашелъ нужнымъ, конечно, предостеречь и самое дѣвицу. Я объяснилъ ей, что здѣсь понятія и нравы совершенно не крымскіе и не наши русскіе, и что если она будетъ держать себя въ греческой деревнѣ, да еще по сосѣдству съ Аѳономъ, со слишкомъ явной необузданностью, то я насильно отправлю ее въ Салоники; а оттуда Якубовскій посадитъ ее на австрійскій пароходъ и возвратитъ къ матери въ Крымъ. Старшая родственница ея, которая была очень къ ней слаба, плакала и просила этого не дѣлать. Мнѣ стало жалко ее и я сказалъ ей, что изъ Салоникъ Якубовскій какъ знаетъ; но отсюда, т.-е. изъ греческой деревни, гдѣ все на виду, да еще по близости Аѳона, я непремѣнно ее отправлю въ городъ при первомъ же подобномъ случаѣ. Мнѣ обѣщали быть приличнѣе и, дѣйствительно, послѣ этого ничего особеннаго въ этомъ родѣ не случалось.

Осенью 1872 года я оставилъ Святую Гору и рѣшился, наконецъ, ѣхать сухимъ путемъ въ Константинополь. Ѣхали мы на долгихъ, въ фургонѣ четверней, отъ Салоникъ до Босфора *тридцать три дня*;

Библиотека "Руниверс"

ѣхали черезъ Балканы, на Филиппополь и Адріанополь; сдѣлали огромный крюкъ; сначала направлялись все на сѣверъ, а потомъ все на югъ, потому что прямой колесной дороги нѣтъ вдоль берега Архипелага и Мраморнаго моря отъ Салоникъ до Царьграда; а на пароходѣ не только день или два, но и нѣсколько часовъ я не хотѣхъ быть, особенно на иностранномъ, не русскомъ.

Такимъ образомъ, потворствуя своему этому *яко-бы психозному* состоянію, я нанялъ въ Салоникахъ вплоть до Адріанополя большой и покойный фургонъ или, какъ въ Турціи называютъ, *брошовъ* — четверней. Ямщикъ былъ молодой адріанопольскій Турокъ лѣтъ двадцати пяти, широкоплечій, высокій, стройный, одинъ изъ лучшихъ *пехлевановъ* (борцовъ) въ Адріанополѣ; усы у него были большіе, густые и широкіе, а лицо очень моложавое, пріятное, доброе, и сѣрые глаза младенчески свѣтлы и задумчивы. Петраки и Сотири опять сопровождали меня.—Петраки сидѣлъ со мной въ экипажѣ; Сотири ѣхалъ верхомъ на моей доброй лошади; брошовъ былъ просторенъ и не трясокъ. Октябрская погода прохладна и нерѣдко пріятно-пасмурна; мѣста до Филиппополя все новыя; сначала, въ Македоніи, города и села мнѣ вовсе неизвѣстныя; а потомъ, во Ѳракіи, около Адріанополя, напротивъ того, слишкомъ знакомыя по воспоминаніямъ прежней моей службы...

О самомъ путешествіи и о томъ, что я видѣлъ, я не стану здѣсь писать; о себѣ и обо всемъ побочномъ я хочу говорить здѣсь настолько, насколько это необходимо для объясненія моихъ отношеній къ Сотири — и больше ничего. Къ тому же, какъ это ни странно можетъ быть, но это долгое, тридцатидневное путешествіе оставило несравненно менѣе слѣда въ умѣ моемъ, чѣмъ трехъ или четырехъ-дневный путь отъ Каваллы до Салоникъ. Я въ эти три-четыре дня видѣлъ гораздо болѣе интереснаго, чѣмъ въ цѣлый мѣсяцъ медленнаго странствія по южной части Болгаріи. Всѣ эти дни и всѣ эти новыя мѣста, всѣ эти болгарскіе города и села слились въ памяти моей (которая вовсе, кажется, не слаба) во что-то однообразное и крайне безцвѣтное сравнительно съ тѣмъ, что я видалъ, встрѣчалъ и слышалъ въ Эпирѣ, Критѣ, на Аѳонѣ, на Дунаѣ и въ иныхъ частяхъ Македоніи; страна эта монотонна, невыразительна и скучна, какъ само болгарское населеніе. Что разница этихъ впечатлѣній зависѣла не отъ меня, не отъ разницы въ моемъ настроеніи, это ясно для меня изъ того, что я тогда, когда скакалъ верхомъ изъ Каваллы въ Салоники и отдыхалъ въ Серресѣ, былъ все такъ же душевно разстроенъ, такъ же тѣлесно боленъ, какъ и тогда, когда влачился по Балканамъ съ пехлеванъ-агою, и еще изъ того, что двѣ дѣйствительно любопытныя вещи, которыя я видѣлъ въ этотъ разъ, сохранились очень живо въ моей памяти до сихъ поръ, и я могъ бы ихъ сейчасъ же описать, еслибы не далъ себѣ слова сдерживаться. Одинъ изъ этихъ случаевъ — это былъ торжественный

Библиотека "Руниверс"

въѣздъ болгарскаго епископа въ Филиппополь послѣ объявленія схизмы и церковной болгарской независимости.

Въ этомъ путешествіи бѣдный Сотири послѣдній разъ мнѣ служилъ.

Опять пришлось моему герою тридцать три дня подъ рядъ варить кофе и толочь миндаль, чистить калоши и сапоги; опять нужно было съ опаской ходить по дрожащему и худому полу хановъ, чтобы не тревожить и не раздражать меня...

И онъ дѣлалъ все это съ такимъ усердіемъ и смиреніемъ, что когда, года черезъ полтора спустя, я проѣзжалъ снова черезъ Адріанополь, то дѣвочка, служившая у нашего тамъ консула Ив. Ал. Иванова, спросила у моего новаго слуги: „А гдѣ же тотъ высокій молодецъ, который былъ прежде у вашего эффенди и все хлопоталъ съ жестянками и ступками... Тука-тука-тукъ!—Тука-тука-тукъ!!“.

Я былъ очень доволенъ имъ; но въ разговоры попрежнему съ нимъ не вступалъ и ничего объ немъ новаго и особеннаго не зналъ до самаго Константинополя. Здѣсь мы должны были разстаться.

Мы пробыли вмѣстѣ въ гостиницѣ нѣсколько дней, и послѣ этого они вмѣстѣ съ Петраки уѣхали въ Салоники на пароходѣ.—Такъ какъ я надѣялся пробыть въ Константинополѣ долго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительно не зналъ, въ какомъ я самъ буду положеніи, то Сотири здѣсь мнѣ былъ бы безполезенъ; и для него, мнѣ казалось, выгоднѣе пристроить его окончательно при русскомъ консульствѣ въ Салоникахъ. Я написалъ объ немъ письмо Якубовскому и, сверхъ того, надѣялся на то, что ловкость Петраки и его расположеніе къ Сотири усилятъ дѣйствіе этого письма. Я не сомнѣвался въ успѣхѣ моей настойчивой рекомендаціи; въ Македоніи не такъ легко, какъ въ Эпирѣ или Критѣ, найти лихаго каваса изъ Христіанъ; и хотя двое Мусульманъ, служившіе при Салоникскомъ консульствѣ, были люди вѣрные; но одинъ изъ нихъ былъ довольно вялъ, а другой молодцоватѣе, но за то пьяница. Брать же кавасовъ изъ прежнихъ разбойниковъ считалось, вообще, дѣломъ не только весьма обыкновеннымъ, но даже и выгоднымъ, ибо, разъ оставивъ прежній родъ своей жизни, они служили вѣрой и правдой; а ужь что касается до отваги и ловкости, то развѣ безъ этихъ качествъ можно попасть въ разбойники? Формальныхъ трудностей не могло никакихъ предстоять потому, что Сотири и безъ того былъ уже записанъ въ кавасы; все дѣло было въ нѣсколькихъ казенныхъ червонцахъ, которыми Якубовскій могъ распорядиться по своему усмотрѣнію.

При всемъ своемъ мужествѣ Сотири видимо былъ разстроенъ, прощаясь со мной. Дорогой онъ говорилъ Петраки, что въ жизни своей онъ никого такъ не боялся и не любилъ какъ меня; что онъ меня боялся, то это понятно, такъ какъ его пропитаніе и безопасность за-

Библиотека "Руниверс"

висѣли вполнѣ отъ меня; и, сверхъ того, какъ говорится, что въ жизни „на всякаго мудреца довольно простоты“, то точно также и на самаго безстрашнаго человѣка всегда найдется какой-нибудь страхъ.—Это понятно; но почему я такой больной тогда и мелочно-требовательный (не шуми, не входи и т. п. д.) могъ нравиться этому молодому герою, не знавшему никакихъ тѣлесныхъ немощей,—не понимаю... Развѣ то, что я на службѣ съ собой шутить не позволялъ; былъ вообще довольно властенъ въ обращеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣлъ при случаѣ ободрить и приласкать; да недурно ѣздилъ верхомъ... А можетъ-быть и просто искренняя признательность.— Одинъ французскій зоологъ (кажется, Флурансъ) говоритъ, что хищныя животныя умѣютъ сильнѣе любить, чѣмъ травоядныя, которыя вообще грубы.

Однако надежды мои на покойнаго Якубовскаго оказались напрасны. Онъ его къ себѣ на службу не принялъ и отпустилъ на всѣ четыре стороны.—Якубовскій, несмотря на свои шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, былъ самый милый, занимательный, благородный и даже юный товарищъ. Онъ и умеръ-то шестидесяти трехъ лѣтъ отъ простуды, послѣ бала у англійскаго консула, гдѣ танцовалъ до разсвѣта. Но консулъ онъ былъ до невѣроятія легкомысленный и равнодушный до тѣхъ поръ, пока ужь слишкомъ глубоко не затрогивался его русскій патріотизмъ. Энергія его была неистощима, но она была какого-то личнаго, а не государственнаго характера; прослуживъ больше тридцати лѣтъ на Востокѣ, онъ хвастался, что пишетъ политическія донесенія очень рѣдко и, большею частію, берется за перо только три раза въ годъ, когда нужно подавать счетъ чрезвычайныхъ по консульству издержекъ. При такомъ недостаткѣ, такъ сказать, *будничнаго* рвенія, Якубовскій, понятно, не захотѣлъ просто подумать и позаботиться лишній разъ о человѣкѣ, который ему самому не служилъ. — Къ тому же я подозрѣваю, что, при всей своей рѣдкой добротѣ и довольно хорошемъ ко мнѣ расположеніи, у покойника была противъ меня небольшая досада за кое-какія мелочи. Въ глаза онъ мнѣ уступалъ, а видимо находилъ удовольствіе дѣлать мнѣ что-нибудь наперекоръ. Можетъ-быть это и повредило Сотири.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Петраки пріѣхалъ въ Константинополь, чтобы жить опять при мнѣ. Тутъ онъ разсказалъ мнѣ про Сотири нѣкоторые секреты, которые открылъ ему про себя на прощанье, по дружбѣ, этотъ отчаянный человѣкъ. Онъ признался ему, что во время службы своей въ Ериссо у русскихъ путешественницъ онъ продолжалъ понемножку разбойничать, при случаѣ и мимоходомъ, въ большихъ окрестныхъ лѣсахъ. — Однажды, напримѣръ, онъ отпросился у своей хозяйки сходить изъ Ериссо въ богатое и большое село Ларигово, недалеко отъ Ровяниковъ; онъ сочинилъ, что ему тамъ кто-то долженъ двадцать пять турецкихъ лиръ.—Его отпустили и попросили

Библиотека "Руниверс"

только принести оттуда нѣсколько бѣлыхъ хлѣбовъ, потому что бѣлый хлѣбъ въ Лариговѣ былъ лучше, чѣмъ въ Ериссо.—Сотири отправился и засѣлъ гдѣ-то въ лѣсной чащѣ. На его счастье на дорогѣ скоро показался на добромъ ослѣ богатый лариговскій Грекъ, одинъ изъ тѣхъ солидныхъ міроѣдовъ, которыхъ довольно въ греческихъ и славянскихъ селахъ Турціи. У Сотири былъ свистокъ; онъ свиснулъ, и греческій чорбаджи въ ужасѣ остановился. Увидавъ передъ собой вооруженнаго Албанца, онъ сталъ просить о пощадѣ; Сотири успокоилъ его, говоря, что убивать его онъ вовсе не намѣренъ, а „деньги подавай какія есть". — Чорбаджи развязалъ кожаный поясъ и вынулъ тридцать шесть турецкихъ лиръ.—Сотири былъ такъ вѣжливъ, что, разспросивши его куда онъ ѣдетъ и по какому дѣлу, и сколько ему нужно на путевыя издержки, отдалъ ему шесть или семь лиръ назадъ, а остальныя взялъ, конечно, себѣ и, отпуская старика, сказалъ ему такъ:

— Ты, смотри, дядя, молчи; а не то убью, найду тебя.

Тотъ обѣщался не жаловаться, и сдержалъ свое слово. Дня черезъ два они опять встрѣтились въ лариговской кофейнѣ. — Сотири пилъ кофе и важно курилъ наргиле, когда ограбленный Грекъ явился туда. Сотири радушно и почтительно привѣтствовалъ его и закричалъ тотчасъ же хозяину. „Подай такому-то раки и чашку кофею на мой счетъ". Тотъ, съ своей стороны, любезно принялъ угощеніе, приговаривая: „Благодарю тебя, сынъ мой, благодарю тебя!"

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Сотири накупилъ разныхъ вещей для себя и для брата, принесъ своей русской госпожѣ не только бѣлаго хлѣба, котораго она просила, но еще много апельсиновъ и дешевыхъ конфектъ, а всѣмъ дѣвушкамъ въ Ериссо подарилъ по печатному платку покрывать голову.

Когда Петраки мнѣ это разсказалъ, я задумался и замѣтилъ ему такъ:

— Вотъ видишь, можетъ-быть и хорошо, что Якубовскій насъ не послушался; можетъ-быть и служа при консульствѣ какъ слѣдуетъ казасомъ, онъ бы продолжалъ дѣлать такія штуки. Положимъ, что Николай Ѳедоровичъ ничего объ этомъ не зналъ, также какъ и мы, и не по недовѣрію его не взялъ, а такъ, „здорово живешь"... Да я не про распоряженіе Якубовскаго говорю, а про судьбу.

— Нѣтъ, я съ этимъ не согласенъ,—отвѣчалъ Петраки:—я, еслибы былъ русскимъ консуломъ, и знавши это взялъ бы его. Въ Ериссо ему было очень скучно безъ всякаго случая для его паликарства. Я думаю, что онъ бы отвыкъ и бросилъ бы это, какъ бросили другіе.

Я думаю и теперь, что Петраки былъ правѣе меня и что изъ Сотири вышелъ бы отличный казасъ, подобно многимъ покаявшимся разбойникамъ. Разумѣется, не нужно забывать и того, что Сотири не могъ чувствовать себя обезпеченнымъ въ своемъ положеніи: въ Салоникахъ

Библиотека "Руниверс"

управлялъ не я, а другой, я же безпрестанно то совсѣмъ умиралъ, то поправлялся; и, сверхъ того, онъ, вѣроятно, зналъ, что я думаю много объ отставкѣ и объ отъѣздѣ въ Россію.

Долго послѣ этого, живя въ Царьградѣ, мы не имѣли о Сотири никакихъ вѣстей. Наконецъ пріѣхали изъ Салоникъ люди и разсказали про него удивительныя вещи.

Отчаявшись въ Якубовскомъ и въ русской протекціи, Сотири исчезъ изъ города надолго. Никто не зналъ, гдѣ онъ. Но въ то же время начали въ окрестностяхъ усиливаться разбои. Мой бывшій протеже, увидавши, что „суетно спасеніе человѣческое", возложилъ надежды только на самого себя и возвратился къ своей опасной, но занимательной спеціальности. Онъ набралъ шайку, какъ увѣряли эти пріѣзжіе изъ Салоникъ люди, не только изъ Грековъ, но и изъ молодыхъ Турокъ, по разнымъ горнымъ и лѣснымъ солдатскимъ караулкамъ. Сначала безчинства были не очень важны и мелки... Наконецъ нашъ атаманъ отличился и привлекъ на себя уже серьезное вниманіе Измаила-паши, человѣка весьма дѣятельнаго и способнаго. Сотири потребовалъ значительную сумму денегъ съ какого-то большаго села; ему отказали; тогда онъ невзначай явился съ своими молодцами и сжегъ половину села. Измаилъ-паша встрепенулся и сдѣлалъ на него облаву.

Понявши, что дѣло его плохо, Сотири поскорѣй простился со своими товарищами и посовѣтовалъ имъ спасаться кто куда можетъ, а самъ рѣшился на чрезвычайно смѣлый поступокъ, который его и спасъ. Онъ отправился прямо въ Салоники.

Въ Салоникахъ жилъ тогда нѣкто Дж. Аб.—, очень богатый собственникъ англійскаго происхожденія, но православный по вѣрѣ, рожденный въ Македоніи и выросшій въ привычкахъ и понятіяхъ мѣстной греко-болгарской и *еврейской* интеллигенціи. У него былъ въ городѣ *большой* каменный бѣлый домъ съ красивымъ палисадникомъ, съ дорожками выложенными камешками трехъ цвѣтовъ: сѣрыми, черными и бѣлыми, со стриженными *миртами* и даже, сколько помнится, съ мраморными статуями. Средства его были, какъ слышно, очень *велики*, и, благодаря этимъ средствамъ, онъ могъ имѣть большое вліяніе въ *Портѣ*, гдѣ всегда въ *деньгахъ* нуждаются. Сотири позднимъ вечеромъ благополучно пробрался въ городъ, пришелъ къ нему и, поклонившись, сказалъ, что онъ вотъ такой-то и такой-то и что въ его рукахъ теперь его жизнь и вся будущность. Капиталисту это видно понравилось... Я видѣлъ этого богача только раза два или три и слышалъ объ немъ больше худаго, чѣмъ хорошаго; но, вспоминая теперь его краснолицую, широкоплечую, здоровенную, энергическую фигуру, понимаю, что Сотири вѣрно разсчелъ свое дѣло. Д. Аб.—рѣшился спасти его; онъ поѣхалъ въ Порту и все откровенно разсказалъ пашѣ, утверждая, что Сотири намѣренъ рѣшительно исправиться. Измаилъ-паша хо-

Библиотека "Руниверс"

тя и провелъ смолоду нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ и принадлежалъ вообще къ числу Турокъ европейскаго воспитанія, но видно понималъ восточныхъ людей лучше, чѣмъ нашъ милый и вѣтренный орловскій дворянинъ Якубовскій. Онъ *оказался* одного мнѣнія съ моимъ Петраки и не только помиловалъ Сотири, но и предложилъ ему взять подъ свое начальство отрядъ войска для розыска и усмиренія другихъ *разбойниковъ*, *Черкесовъ*, развоевавшихся тоже въ это время въ *окрестностяхъ* Олимпа и македонскаго села Катерины. Мнѣ разсказывали, что Сотири оправдалъ довѣріе паши и въ теченіе какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ переловилъ и усмирилъ разбойниковъ надолго.

Вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ въ Россію и ничего объ немъ больше не слыхалъ и не знаю.

Два представителя индустріи.

(Гражданинъ, 1883 г.)

Иногда мнѣ кажется, будто главное несчастіе въ томъ, что въ наше время всякій хочетъ быть *благодѣтелемъ* не друзей своихъ, не нѣсколькихъ бѣдныхъ людей, которыхъ онъ пожалѣлъ и полюбилъ, а *цѣлаго человѣчества*...

Куда спастись отъ *такого рода* гуманности?

Еслибы я вздумалъ передавать всѣ встрѣчи мои въ Россіи и за границей съ разными людьми образованнаго общества, то вѣрно составился бы цѣлый сборникъ не рѣдко крайне поучительныхъ и любопытныхъ бесѣдъ и разсужденій.

Я вспоминаю теперь только о двухъ представителяхъ „индустріальнаго движенія“ и предоставлю людямъ судить, который изъ нихъ лучше.

Одинъ—Еврей; я назову его только начальной буквой его фамиліи—Ф. Онъ человѣкъ семейный, живетъ то на Дунаѣ, то въ Одессѣ, то въ Царьградѣ; лѣтъ за сорокъ; всегда въ какихъ-нибудь оборотахъ и смѣлыхъ предпріятіяхъ, всегда съ акціями, съ судоходствомъ, съ желѣзными дорогами, часто теряетъ, проигрываетъ на этихъ оборотахъ очень много, можетъ-быть все, и снова поправляется. Ему мила, какъ видно, эта акціонерная и торговая борьба,—онъ этимъ дышетъ, онъ поэтъ въ такого рода дѣлахъ.

Однажды мы вмѣстѣ съ Ф. ѣхали на дунайскомъ пароходѣ часа три подъ-рядъ. Меня давно уже занимала эта мысль: „что такое всеобщая польза?“ И я никогда не умѣлъ найти на нее хорошаго объясненія.

За нѣсколько дней передъ этимъ путешествіемъ я прочелъ въ газетахъ рѣчь Бейста, въ которой былъ, между прочимъ, такой взглядъ на новые пути сообщенія: „многіе справедливо замѣчаютъ, что съ

Библиотека "Руниверс"

распространеніемъ желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ кровопролитныя войны въ Европѣ участились, вмѣсто того чтобы стать рѣже. Нельзя не согласиться, что это такъ; но *мы надѣемся, что это зло лишь временное и что настанетъ эпоха...*" и т. д. Однимъ словомъ, извѣстныя фразы о надеждахъ на всеобщій миръ и согласіе народовъ.

Послѣ чтенія этой газеты и путешествія съ Евреемъ по Дунаю, мнѣ пришлось говорить о рѣчи Бейста съ однимъ Пруссакомъ юнкерскихъ убѣжденій. Пруссакъ этотъ былъ молодецъ; онъ служилъ въ русскихъ войскахъ противъ Венгерцевъ въ 48 году; вполнѣ ли искренно, или нѣтъ, но Русскихъ хвалилъ, Французовъ ненавидѣлъ и очень вѣрно еще тогда предсказывалъ имъ гибель въ случаѣ столкновенія съ Германіей (это было, конечно, послѣ 66 года).

По поводу различныхъ механическихъ изобрѣтеній нашего времени Пруссакъ высказалъ такую мысль: „Безъ войны жить долго невозможно. И сто лѣтъ мира опять окончатся войнами. Но изобрѣтенія разрушительныхъ средствъ могутъ зайти, наконецъ, такъ далеко, дойдутъ до такой безсмысленности, что настанетъ глубокій поворотъ къ старому: люди возвратятся опять къ чему-нибудь въ родѣ холоднаго оружія, опять будутъ возвращены права личной отвагѣ, ловкости, упражненію и физической силѣ... И тогда снова и неизбѣжно выработается новая военная аристократія... Посмотрите, было время, когда всѣ граждане были воины. Быть хорошимъ гражданиномъ значило прежде всего быть смѣлымъ воиномъ. Потомъ развился государственный, спеціальный милитаризмъ отдѣльныхъ войскъ; народы распались на воиновъ и гражданъ. Теперь націи стремятся снова *къ старому—къ поголовнымъ ополченіямъ*. То же будетъ и съ механическими изобрѣтеніями,— будетъ возвратъ..."

Меня заняла эта мысль Пруссака, и я заговорилъ на пароходѣ съ Евреемъ и о ней по поводу рѣчи г. Бейста. Мнѣ очень хотѣлось знать, что скажетъ обо всемъ этомъ мой кипучій практикъ.

Говоря, я, наконецъ, замѣтилъ, что глаза у него стали слишкомъ томны и разсѣянны, что онъ смотритъ куда-то вдаль.

— Вы ничего не слышите?—сказалъ я ему смѣясь.

— Простите мнѣ, — отвѣчалъ умный Еврей, — это правда. Я задумался о другомъ. Признаюсь вамъ искренно, я не умѣю философствовать о человѣчествѣ, о прогрессѣ, и нѣтъ мнѣ дѣла даже куда идетъ человѣчество—къ худшему, или лучшему. У меня есть семья, дѣтей моихъ я люблю. Я испыталъ нужду въ жизни и хочу пріобрѣсти для нихъ побольше. Вотъ и вся моя забота. А человѣчество какъ знаетъ!

Мнѣ этотъ честный, прямой отвѣтъ ужасно понравился. Замѣчу къ тому же, что Еврей этотъ—человѣкъ добрѣйшей души, не рѣдко щедрый,

Библиотека "Руниверс"

и я знаю; напримѣръ, какъ онъ часто помогалъ и выручалъ изъ бѣды Василія Кельсіева, въ бытность его на Дунаѣ. Этотъ даровитый и увлекающійся человѣкъ страдалъ и боролся дѣйствительно изъ-за любви къ идеѣ, къ идеѣ ошибочной, отъ которой онъ позднѣе такъ смѣло и торжественно отрекся. Но, какъ бы то ни было, Еврей Ф., столь *ужій* практикъ во взглядахъ, былъ широкъ на дѣлѣ, былъ добръ, великодушенъ и умѣлъ жалѣть страдальца *за теорію*. Какъ же не хвалить и не уважать его?

Другой *буржуа*, о которомъ я хочу здѣсь упомянуть, — Французъ К. Онъ инженеръ и былъ сотрудникомъ геніальнаго фактора и составителя компаній для большихъ предпріятій—Лессепса.

Натянутый, *непріятно*-холодный въ обращеніи, онъ мнѣ и „самъ собой" уже не очень понравился... Но когда онъ заговорилъ, я просто удивился до чего эти люди *отстали* какъ-то и застыли въ понятіяхъ своихъ.—Г. К. нажился, разумѣется, хорошо, копая каналы и проводя новые и „благодѣтельные" пути сообщенія...

Я встрѣтилъ однажды его въ обществѣ, у Русскихъ, или полурусскихъ людей. Онъ долго увѣщевалъ хозяйку дома не давать ничего никогда бѣднымъ, потому что это балуетъ ихъ и отучаетъ отъ работы („le travail"!!!).

— Я полагаю, — сказалъ онъ, — что вредитъ не только раздача милостыни, но даже и устройство разныхъ заведеній для бѣдныхъ только развращаетъ ихъ. Тотъ, кто желаетъ имъ добра, не долженъ помогать имъ.

Потомъ онъ сталъ говорить противъ отдѣльныхъ національностей и государствъ (такъ, какъ говорятъ анархисты болѣе миролюбиваго оттѣнка), „Человѣчество—вотъ цѣль моей жизни!" восклицалъ онъ.

Сказалъ потомъ, что всякая метафизика никуда не годится, и что онъ принадлежитъ къ философской школѣ Огюста Конта. Что эта школа совѣтуетъ наблюдать только *явленія* и ихъ отношенія другъ къ другу, оставляя въ сторонѣ всякій вопросъ о сущностяхъ.

— Позвольте,—сказалъ ему тогда одинъ изъ нашихъ Русскихъ:—но вѣдь и геометрія, напримѣръ, безъ которой астрономія, самая точная изъ точныхъ наукъ, не могла бы развиться, геометрія начинается съ понятія вовсе не реальнаго, а мечтательнаго и условнаго—*точки*. Что такое геометрическая, идеальная точка?—Протяженіе безъ протяженія, безъ длины, безъ ширины, безъ высоты... Реально—это нуль. Точно также нуль, какъ и *объемный*, но не *протяженный* атомъ физики. Откуда же возьмемъ мы линію имѣющую самую малую длину, если, прикладывая точку-нуль къ другой точкѣ-нулю, мы получимъ все одно и то же—ничто? Съ другой стороны, вѣдь и реальныхъ линій, имѣющихъ только длину, въ природѣ тоже нѣтъ; самая тонкая линія, которой кончается тончайшее лезвее бритвы, есть вѣдь *площадь*, раз-

Библиотека "Руниверс"

смотрѣнная въ сильный микроскопъ, и площадь пилообразная, т.-е. состоящая изъ многихъ наклонныхъ плоскостей. И *площадей* отдѣльныхъ въ природѣ тоже нѣтъ,—всѣ онѣ *приросли* къ тѣламъ. *И тѣла отдѣльныя*—что такое? Мы не знаемъ, каковы они *сами по себѣ;* мы знаемъ только наши о нихъ представленія. Остановясь нѣсколько времени на *реализмѣ*, т.-е. отвергая всякое сужденіе о сущностяхъ *объективныхъ* и ограничиваясь одними *нашими* впечатлѣніями, одними *нашими* наблюденіями и заключеніями, — мы стоимъ уже *на грани* самаго крайняго *идеализма*... Одинъ шагъ, одинъ искусный, логическій поворотъ и — мы перейдемъ въ системы подобныя системѣ Фихте, которая говоритъ, что существуетъ дѣйствительно только наше „я", наше сознаніе, а весь внѣшній міръ есть не что иное какъ произведеніе этого „я", этого *сознанія*.

На все это Французъ отвѣчалъ сурово: „Monsieur, je ne fais pas de métaphysique! Я прежде всего спрошу у васъ, допускаете-ли вы, что всѣ прямые углы равны?"

— Если вы не хотите мнѣ отвѣчать на вопросъ мой объ идеальной точкѣ, разсужденіе невозможно,—сказалъ Русскій.—Прямые углы, конечно, равные. Геометрія, конечно, прекрасно разработана; она даетъ основаніе механикѣ, механика строитъ желѣзныя дороги и копаетъ каналы, которые измѣняющимъ образомъ дѣйствуютъ на бытъ обществъ человѣческихъ... Вы говорите, что не хотите и знать метафизики; а между тѣмъ безъ этой метафизики вы съ г. Лессепсомъ не могли бы прорыть столь любимый вами Суэцкій каналъ. Я беру въ свидѣтели не нѣмецкаго какого-нибудь мечтателя, а вашего Вольтера, генія такъ-называемаго „здраваго смысла"... Въ статьѣ своей Métaphisique, въ Философскомъ Лексиконѣ, онъ говоритъ такъ, если не ошибаюсь: „Къ предметамъ метафизика можно также отнести самыя начала (принципы) математики, точки безъ протяженія, линіи безъ ширины, поверхности безъ глубины, единицы дѣлимыя до безконечности" и т. д. Какъ же безъ этихъ метафизическихъ нелѣпостей вы управляли бы машинами и всѣми вашими инженерными работами въ Египтѣ?... Да! *Середина* пути, проходимаго математическими и реальными науками, изумительна своими могучими результатами. Но одинъ конецъ этихъ наукъ, *начальный*, *исходный* конецъ, погруженъ безслѣдно теоріей мечтательныхъ точекъ и невообразимыхъ атомовъ въ ту самую бездонную пропасть сущностей и метафизики, которую вы хотите отвергнуть навсегда, а другой конецъ, конецъ *практическаго выхода въ жизнь*, исполненъ сомнѣній и неожиданностей. На землѣ до сихъ поръ было такъ, что ни одно изобрѣтеніе человѣка не приносило всѣмъ равное удовольствіе и выгоду, а многимъ причиняло страданія... Страданіе и неравенство выгодъ и удовольствій мы видимъ въ реальныхъ явленіяхъ настоящаго и прошедшаго; а *всеобщая* радость и польза—все еще пока въ меч-

Библиотека "Руниверс"

тахъ будущаго. Что *научнѣе*: наблюденіе настоящаго, изученіе прошедшаго, или мечта о небываломъ?

У инженера лицо исказилось гнѣвомъ. Онъ всталъ, собрался уходить и сказалъ торжественно:

— Monsieur! Я трудился подъ палящими лучами египетскаго солнца. Я можетъ-быть повредилъ себѣ здоровье. Повѣрьте, я не сталъ бы этого переносить, торгуя сальными свѣчами. Но я твердо *вѣрю*, что я трудился на *благо всего человѣчества!*...

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣтилъ Русскій,—надо признать это вопросомъ вѣры; это своего рода религія и больше ничего.

— Это мои убѣжденія!—сказалъ Французъ раздражительно.

— Это своего рода вѣра, религія, которую можно уважать, какъ и всякую другую, если есть охота,—настойчиво повторилъ Русскій.

Когда Французъ ушелъ, Русскій собесѣдникъ нашъ прибавилъ, отведя меня въ сторону:

— Я еще умолчалъ объ одномъ... Говорятъ, будто они съ своимъ Лессепсомъ заморили тамъ на работѣ до 20,000 Феллаховъ, которыхъ „по наряду" давалъ имъ хедивъ. Что же?—Феллахи эти, мучаясь и умирая, благоденствовали что ли отъ мысли, что прославляютъ этихъ просвѣтителей и европейскую науку?.. И чѣмъ же, если это правда, эти прогрессисты лучше своихъ предковъ, избивавшихъ еретиковъ для спасенія души и прославленія Церкви?... Не понимаю, почему *ихъ вѣра въ подобный прогрессъ* лучше той вѣры... Не понимаю!

Развѣ не правъ былъ этотъ Русскій?

Итакъ, современный реализмъ на практикѣ у большинства людей, ему служащихъ, не есть только точная наука для точной науки; напротивъ того: математическія и реальныя науки, даже и понятыя въ этомъ духѣ, все-таки начинаются метафизическими условными и неизбѣжными уловками и кончаются *ремѣсѣй эвдемонизма, вѣрой въ будущее всеобщее благоденствіе на землѣ*. Не похожа ли эта вѣра на то, что вотъ-вотъ завтра всѣ круги станутъ четырехъугольны и что земля до сихъ поръ лишь „по ошибкѣ и по невѣжеству нашихъ праотцевъ" обращалась около солнца, а по воцареніи людей *добра, правды и истинной науки* она начнетъ обращаться около Сиріуса, или около одной изъ звѣздъ Лиры и Кентавра?

Итакъ, не надо строить желѣзныхъ дорогъ? Не надо проводить телеграфы?

Нѣтъ, я этого не говорю: стройте и проводите себѣ что хотите, восхищайтесь изобрѣтеніями; но, прошу васъ, не увѣряйте меня и столькихъ другихъ людей, что вы черезъ это наши благодѣтели! Многимъ, *очень* многимъ людямъ, можетъ-быть это вовсе невыгодно и непріятно. Но одни изъ нихъ еще не поняли этого, не взвѣсили еще на вѣсахъ

Библиотека "Руниверс"

разума и чувства, насколько вредъ отъ этого извращенія всего естественнаго на земномъ шарѣ, превышаетъ пользу и выгоды, доставляемыя бѣшенствомъ индустріи и умственнымъ распутствомъ всѣхъ этихъ уродующихъ жизнь изобрѣтеній; это—одни, это *многіе*, это тѣ, которые *еще не поняли* и младенчески радуются... „Разумъ-молъ!" А другіе, немногіе, это тѣ, которые *уже поняли* давно, но еще подавлены всѣмъ громомъ этимъ, шумомъ, блескомъ и смѣхомъ одурѣлаго многолюдства!

Подумаемъ. Вспомнимъ примѣры, примѣры самые простые:

По желѣзной дорогѣ пріѣдетъ, положимъ, скорѣе ко мнѣ другъ, сынъ поспѣетъ легче обнять умирающую мать; но скорѣе за то пріѣдетъ и непріятный мнѣ человѣкъ, врагъ и соперникъ въ дѣлахъ или въ привязанностяхъ моихъ. По желѣзной дорогѣ привезутъ мнѣ скорѣе изъ Германіи книгу Овербека *Свѣтъ съ Востока*; но вмѣстѣ съ ней привезутъ другому Штрауса и Ренана. По желѣзной дорогѣ я легче уѣду вылѣчиться отъ ревматизма на дальнія воды, о которыхъ я прежде не смѣлъ и помыслить; но эта же желѣзная дорога разнесетъ скорѣе прежняго по всему краю отвратительный и ужасный бичъ—холеру, отъ которой погибнетъ любимый мною человѣкъ. Во внутреннихъ городахъ Турціи Европейской, въ Янинѣ, въ Битоліи, въ Адріанополѣ—никогда не было холеры; сообщенія трудны. Горы и широкія холмистыя поля, по которымъ едва тащились мулы, верховые кони, неудобныя повозки, служили природнымъ карантиномъ для заразы. Россія, въ которой давно пути сообщенія лучше турецкихъ и сама страна несравненно ровнѣе, гораздо больше и чаще страдала отъ холеры. И чѣмъ удобнѣе сама страна для сообщенія и чѣмъ больше, сверхъ того, развиваются въ ней желѣзные пути, тѣмъ чаще и чаще возвращаются въ ней эпидеміи...

И замѣтимъ еще по поводу эпидемій эту наклонность общества при всякомъ несчастіи нападать на все старое, прежнее, охранительное, напримѣръ—на скопленіе богомольцевъ въ Меккѣ, или въ Кіевѣ, и на нерѣшительность упомянуть хоть вскользь о вліяніи какой-нибудь изъ *святыхъ прогресса*... О вліяніи выставокъ, рельсовъ, пара... Развѣ это *научно?* Какіе предразсудки! Что за фанатизмъ утилитарнаго безумія!...

Желѣзная дорога, соединяющая два важные пункта, можетъ стать при случаѣ гибелью для одного государства и условіемъ торжества для другого... Приводить ли примѣры?... Ихъ такъ много!

Желѣзныя дороги и фабрики, работающія паромъ, нещадно истребляютъ лѣса; отъ истребленія лѣсовъ мѣняется климатъ, мелѣютъ рѣки, учащаются неурожаи, измѣняется самый характеръ жителей къ худшему. Они душевно мельчаютъ отъ излишняго общенія, какъ доказываетъ Риль въ своихъ прекрасныхъ книгахъ...

Желѣзныя дороги обогащаютъ иныхъ счастливцевъ и разоряютъ многихъ...

Библиотека "Руниверс"

Съ христіанской точки зрѣнія оно, пожалуй, и не бѣда.

Помѣщикъ отправилъ большой запасъ хлѣба и удачно продалъ его. Ему скоро привезли множество денегъ.

— Не слишкомъ забывайся,—говоритъ ему Церковь,—не будь похожъ на богача евангельской притчи, который сказалъ себѣ: „ѣшь, пей и веселись",—и въ ту же ночь умеръ. Эта самая желѣзная дорога быть-можетъ завтра привезетъ холеру или оспу, которая заразитъ и убьетъ тебя. Благодари Бога, дай часть на храмы, дай людямъ, которые бѣднѣе тебя, пошли на обители дальнія, чтобы тамъ за тебя молились каждый день...

Сосѣдній троечникъ, извощикъ, который прекрасно по-крестьянски жилъ извозомъ, потерялъ весь доходъ отъ ремесла своего, которое послѣ постройки этой дороги стало ненужно. Онъ ропщетъ.

Церковь и для него имѣетъ вполнѣ здравый, вполнѣ сообразный съ дѣйствительною жизнью отвѣтъ:

— Не ропщи. Бѣдность благословлена Христомъ. Христосъ самъ былъ бѣденъ. Апостолъ Павелъ жилъ тѣмъ, что шилъ палатки. Ты прежде много веселился и пилъ. Теперь погрусти и помолись, и Богъ поможетъ. Ты все-таки не нищій, не бездомный человѣкъ. Кто же тебѣ сказалъ, что эта земля создана для радостей?... Это не сказано нигдѣ. Если тебѣ очень тягостно стало жить въ міру послѣ этого несчастія, иди въ монахи. Монахи нужны Церкви, а Церковь нужна и государству, и отдѣльнымъ лицамъ. Ставши хорошимъ монахомъ, ты многимъ людямъ будешь полезенъ... А не хочешь, такъ трудись и въ міру, *страдай* съ молитвой. Страданія твои, твоя борьба, твой трудъ будутъ *вещественно полезны другимъ, а нравственно тебе*, чтобы ты образумился и сталъ впередъ болѣе набоженъ...

Человѣкъ православный можетъ прибавить еще и вотъ что: „Россія до сихъ поръ есть главный оплотъ и надежда нашей Восточной Церкви. Сила ея правительства, характеръ нѣкоторыхъ ея учрежденій, простодушіе нашего народа съ одной стороны, съ другой стороны возрастающая образованность нашего духовенства, даже (быть-можетъ) впечатлительность и самая пресыщенность нашего дворянскаго общества, располагающія столькихъ лицъ къ душевной боли и безпокойнымъ исканіямъ, которымъ нигилизмъ *удовлетворить не можетъ*,—всѣ эти силы служатъ, или могутъ служить, Церкви... Надо *ихъ защищать*. Надо, чтобы Россія была могущественна и богата; надо, чтобы западные соперники не могли легко побѣждать *русскія войска*; поэтому нужно имѣть все то, что имѣютъ эти соперники... Нужно имѣть, къ несчастію, и *желѣзные пути*...

Итакъ, Христіанство съ этой непосредственной точки зрѣнія, пожалуй, ничего не имѣетъ противъ *новыхъ случаевъ неравенства и новыхъ формъ*

Библиотека "Руниверс"

страданія, которыя происходятъ отъ новыхъ открытій, отъ реформъ, отъ изобрѣтеній.

Но какъ помирить этого несокрушимаго, вездѣсущаго *Аримана*, это *зло*, съ надеждами на воцареніе всеобщаго блага?

Вѣдь *благоденствіе* мѣряется *чувствомъ*? Оно—дѣло *субъективное*, *признакъ неуловимый*, *жажда ненасытная*, *степень со стороны непонятная*...

Нѣтъ и не будетъ, вѣроятно, никакой статистики для опредѣленія, когда и *гдѣ больше страданій* и *у кого они глубже*... Въ какой странѣ? При какой формѣ правленія? И при какомъ соціальномъ устройствѣ?... До реформъ—у насъ, напримѣръ, или послѣ?... И еще вопросъ: кто больше, кто глубже страдалъ — крѣпостной ли крестьянинъ, котораго наказали тѣлесно, или дворянинъ и офицеръ Печоринъ, котораго пожирали ненасытный романтизмъ, разочарованіе, одиночество сердца, славолюбіе, пытливый умъ сверхъ всѣхъ тѣхъ тѣлесныхъ неудобствъ, недуговъ и опасностей, которымъ подверженъ не только кавказскій офицеръ, но и всякій царь земной?...

А если мнѣ скажутъ, что въ случаѣ тѣлеснаго наказанія надо брать не только благоденствіе, но и достоинство человѣка, то я отвѣчу: вы вводите *новое* начало, другое мѣрило, *мѣрило достоинства*,—начало *эстетическое*, *объективное*, *ограниченное*, наблюденію доступное, до котораго, строго говоря, *благоденствію субъективному*, *беззаконному и ненасытному—нѣтъ дѣла*.

Если разъ допущено въ разсужденіе подобное эстетическое начало, то я могу опереться на то, что *образъ будущаго мелкоученаго*, *поверхностно мыслящаго и трудоваго человѣчества былъ бы вовсе* и *не прекрасенъ*, и *не достоинъ!*

Да и то еще вопросъ: будетъ ли счастливо подобное человѣчество? Не будетъ ли оно нестерпимо тосковать и скучать?

Нѣтъ, я въ правѣ презирать такое блѣдное и недостойное человѣчество,—безъ пороковъ, правда, но и безъ добродѣтелей,—и не хочу ни шагу сдѣлать для подобнаго прогресса!... И даже больше: если у меня нѣтъ власти, я буду страстно мечтать о поруганіи идеала всеобщаго равенства и всеобщаго безумнаго движенія; я буду разрушать такой порядокъ, если власть имѣю, ибо я слишкомъ люблю человѣчество, чтобы желать ему такую спокойную, быть можетъ, но пошлую и унизительную будущность!

„Быть можетъ“ я сказалъ... Нѣтъ, нѣтъ! Я ошибся!

— *Быть не можетъ*, чтобы человѣчество стало такъ *отвратительно счастливо*, какъ того хочетъ Прудонъ:

„Всѣ люди равны въ первоначальной общинѣ,—говоритъ онъ,—равны своей наготой и своимъ невѣжествомъ. Общій прогрессъ долженъ вывести всѣхъ людей изъ этого первобытнаго и отрицательнаго равен-

Библиотека "Руниверс"

ства и довести ихъ до равенства положительнаго не только состояній и правъ, но даже талантовъ и познаній. *Іерархія способностей* должна отнынѣ быть отвергнута, какъ организующій принципъ; *равенство* должно быть единственнымъ правиломъ нашимъ и оно же есть *нашъ идеалъ. Равенство душъ отрицательное вначалѣ, ибо оно изображаетъ лишь пустоту, должно повториться въ положительной формѣ, при окончаніи (?) воспитанія человѣческаго рода!*"

Хорошо „воспитаніе!"

Знакомство съ Лессепсомъ.

(Гражданинъ, 1883 г.)

Объ этомъ особаго оттѣнка благодѣтелѣ рода человѣческаго, конечно, слыхалъ я еще до встрѣчи съ нимъ въ Константинополѣ въ 73 году. Онъ въ то время былъ на вершинѣ своей славы... Онъ, французскій буржуа, буржуазно-коллективными средствами исполнилъ то, чего не смогъ исполнить египетскій фараонъ Нехао: онъ соединилъ Средиземное море съ Краснымъ...

Такъ какъ эстетическое чувство было у меня всегда довольно сильно, то я не особенно интересовался видѣть этого героя индустріальнаго прогресса, и хотя зналъ, что онъ въ Константинополѣ и входитъ по какимъ-то дѣламъ въ сношенія съ русскимъ посольствомъ, но мнѣ и въ голову не приходило, что придется говорить когда-нибудь съ нимъ и слышать отъ него нестерпимый вздоръ.

Впрочемъ, незадолго до нашей встрѣчи на большой Перской улицѣ, я слышалъ разговоръ одной изъ нашихъ посольскихъ дамъ (женщины очень остроумной и наблюдательной, замѣчу мимоходомъ) съ тѣмъ самымъ французскимъ инженеромъ К.—, о которомъ я писалъ въ прошлый разъ. Я тогда сказалъ, что К.— былъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ Лессепса при прорытіи Суэцкаго канала.

Эта дама увѣряла К.—, что она „никакъ не можетъ себѣ представить Лессепса геніемъ".—„Я видѣла его нѣсколько разъ,—сказала она,—разговаривала съ нимъ. Дѣлала надъ собой усилія, чтобы вообразить его человѣкомъ великаго ума, и никакъ не могла. Многіе изъ другихъ моихъ знакомыхъ производятъ на меня впечатлѣніе гораздо болѣе сильное, чѣмъ мосье Лессепсъ".

К.— съ важностью сталъ доказывать ей, что ея впечатлѣнія ошибочны,—что Лессепсъ геній особаго рода; что никто въ мірѣ не умѣетъ и не можетъ, подобно ему, обдумать съ практической точки зрѣнія какой-нибудь гигантскій проектъ, соединить для этой цѣли людей и довести дѣло до полнаго окончанія.

Я слушалъ этотъ разговоръ и вспоминалъ, какъ я, года два-три тому назадъ, лежалъ на полу, на турецкой постели, покрытой ковромъ,

Библиотека "Руниверс"

въ горахъ Эпира, у пылающаго очага, и читалъ „Московскія Вѣдомости“, которыя мнѣ только-что привезли изъ Янины. Изъ нихъ, хотя и поздно, я узнавалъ подробности празднествъ, бывшихъ въ Египтѣ по поводу прорытія Суэцкаго канала. Признаюсь, и тогда уже празднества эти интересовали меня больше самаго прорытія, хотя въ то время я былъ еще далекъ отъ моего теперешняго систематическаго и раціонально (въ моихъ глазахъ) оправданнаго отвращенія къ индустріальнымъ открытіямъ и физико-механическому прогрессу; хотя мнѣ не было тогда такъ ясно, какъ ясно теперь, что этотъ родъ прогресса чрезвычайно вреденъ и разрушителенъ для всего человѣчества; что онъ есть лишь неизбѣжный спутникъ либеральнаго плутократизма, — гадкій и вредный плодъ сочетанія *утилитаризма въ наукѣ* со *слишкомъ свободнымъ движеніемъ капиталовъ* и *людей*, и долженъ погибнуть вмѣстѣ съ либерально-эгалитарнымъ идеаломъ нынѣшнихъ обществъ... Хотя я до этого яснаго пониманія тогда еще не доросъ, но, по какому-то полугосударственному, полуэстетическому инстинкту, я чувствовалъ, что труды подъятые и затраты сдѣланныя для соединенія Средиземнаго моря съ Краснымъ — вовсе *не всѣмъ* могутъ быть полезны или выгодны; а *прекраснаго* ужь, разумѣется, тутъ нѣтъ ничего...

И потому, минуя безъ вниманія все то, что касалось до самаго канала, я интересовался гораздо болѣе императрицей Евгеніей, ея художественными впечатлѣніями на Востокѣ и, вообще, важными лицами празднествъ, чѣмъ факторскимъ, такъ сказать, величіемъ г. Лессепса, умѣющимъ такъ блистательно составлять индустріальныя компаніи въ исполинскихъ размѣрахъ. Самъ предпочитая ѣзду верхомъ по горамъ ѣздѣ на пароходахъ, я отдыхалъ отъ машинъ и новыхъ путей сообщенія, читая, какъ императрица Евгенія ѣздила *на верблюдѣ смотрѣть пирамиды*... Но невольно я дочелъ и до того мѣста, гдѣ корреспондентъ описывалъ и самого Лессепса.

Русскій корреспондентъ, я помню, представлялъ Лессепса сидящимъ (чуть ли не верхомъ) на стулѣ во фракѣ и съ лентой Почетнаго Легіона черезъ плечо... Я помню также, какъ онъ наружность его изображалъ: „коротко остриженный и съ энергическимъ выраженіемъ лица“.

Когда я встрѣтилъ Лессепса года черезъ два послѣ того, я нашелъ, что онъ, во-первыхъ, вовсе не слишкомъ коротко остриженъ, а во-вторыхъ, что лицо его скорѣе можно назвать оживленнымъ и въ иныя минуты „любезнымъ“, чѣмъ особенно энергическимъ. Я воображалъ его совсѣмъ инымъ, т.-е. ожидалъ встрѣтить одного изъ тѣхъ грубыхъ французскихъ ébrisiers съ „жадными, скупыми“ глазами, которыхъ такъ справедливо ненавидѣлъ Герценъ и которыхъ я имѣлъ несчастіе не разъ встрѣчать и въ средѣ французскихъ чиновниковъ и торговцевъ на Востокѣ, на пароходахъ и на европейскихъ желѣзныхъ дорогахъ, и

Библиотека "Руниверс"

въ магазинахъ нашихъ русскихъ столицъ. Нѣтъ ничего отвратительнѣе грубаго европейца средней руки; ибо грубость его вовсе не наивна и не добродушна, но претендательна, злобна и раздражительна. Признаюсь, мнѣ можетъ-быть было бы даже пріятно видѣть Лессепса такимъ по ненависти моей къ индустріи и къ европейскимъ формамъ демократіи; но истина заставляетъ меня признаться, что онъ не таковъ.

Увы, онъ—пріятенъ!

Мы шли разъ съ моимъ другомъ Г—вымъ по Перской улицѣ.

Вдругъ Г—въ шепнулъ мнѣ:—„Лессепсъ! Я васъ сейчасъ познакомлю".

Мы встрѣтились. Лессепсъ былъ въ новомъ цилиндрѣ, въ черномъ, хорошо сшитомъ сюртукѣ и съ тросточкой. Съ виду ему тогда казалось лѣтъ 50 съ небольшимъ. (Это было въ 73 году.) Росту онъ небольшаго; лицо его мнѣ показалось очень блѣднымъ, желтымъ, въ морщинахъ; не помню, были ли у него усы,—кажется были; но бороды не было, и я замѣтилъ, что бѣлокурые съ просѣдью виски его были приглажены впередъ, какъ у людей 30-хъ и 40 годовъ. Эти виски впередъ, бритая борода и привѣтливая улыбка при встрѣчѣ и разговорѣ съ нами произвели на меня, какъ я уже сознался со вздохомъ, пріятное впечатлѣніе: большинство французскихъ буржуа, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться за послѣднее время, почти всѣ носили бороду и чесались какъ-то иначе.— Я былъ радъ встрѣтить человѣка хоть сколько-нибудь, хоть чѣмъ-нибудь да непохожаго на *современныхъ* своихъ соотечественниковъ!... Мой русскій пріятель познакомилъ насъ. Остановившись съ нами, Лессепсъ началъ говорить о тѣхъ наводненіяхъ, которыя тогда одно за другимъ производили опустошенія въ Южной Европѣ...

Не помню, какая именно рѣка тогда только-что выступила изъ береговъ въ Италіи или Южной Франціи... По этому поводу я сказалъ Лессепсу:

— Не вашъ ли каналъ, м-сье Лессепсъ, причиняетъ всѣ эти бѣдствія? Не измѣнилось ли что-нибудь въ гидростатикѣ и гидродинамикѣ отъ соединенія двухъ морей, никогда въ прямомъ сообщеніи не бывшихъ?... Не измѣнились ли вѣковыя какія-нибудь теченія и т. п.?...

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ Лессепсъ быстро и небрежно.—Каналъ тутъ не причемъ.

И тотчасъ же началъ говорить о своемъ проектѣ внутренняго моря въ Сахарѣ, который, конечно, оплодотворилъ бы Африку, но вѣроятно заморозилъ бы Европу, лишивъ ее этой вѣковой экваторіальной печи.

Но до этого въ минуту нашей встрѣчи на Перской улицѣ было еще далеко, и мы толковали о другомъ.

Говорилъ Лессепсъ поспѣшно и какъ будто даже легкомысленно; очень скоро перешелъ, не помню какъ, къ политическому вопросу и

Библиотека "Руниверс"

тутъ же на улицѣ объявилъ, что „черезъ какихъ-нибудь 10 лѣтъ во всей Европѣ не останется ни одного монарха,—вездѣ будетъ республика!“. „Исключая, впрочемъ, Россіи (прибавилъ онъ съ любезной улыбкой). L'Empereur de Russie останется одинъ... Онъ необходимъ...“

— Почему же именно вы дѣлаете для насъ, Русскихъ, это пріятное исключеніе?—спросилъ мой спутникъ...

Лессепсъ продолжалъ, и все тѣмъ же тономъ самоувѣренно-легкимъ, все такъ же „неглиже съ отвагой“:

— Видите ли, народы нуждаются въ царяхъ до тѣхъ поръ, пока они необразованны. Вашъ русскій народъ пока еще стадо барановъ... Разумѣется (при этомъ опять улыбка), я не говорю о людяхъ просвѣщенныхъ, подобныхъ вамъ... Пока русскій народъ подобенъ стаду барановъ, ему необходимо руководство сильной власти; но позднѣе и онъ просвѣтится какъ другіе... И тогда...

Лессепсъ не кончилъ.

Не знаю, что сказалъ бы ему въ отвѣтъ на это мой пріятель Г—въ, еслибы я не поторопился предупредить его возраженіемъ... Меня возмутила до нельзя эта болтовня великаго исказителя земной коры!

— Извините, г. Лессепсъ!—воскликнулъ я:—мы, напротивъ того, склоняемся передъ нашимъ народомъ за то, что онъ больше насъ сохранилъ въ себѣ русскаго, восточнаго; мы уважаемъ его за то, что онъ меньше европеецъ, чѣмъ мы, меньше похожъ на васъ, европейцевъ... Это наше спасенье...

Лессепсъ взглянулъ на меня мелькомъ. Въ глазахъ его выразилось на мгновенье, на самое краткое мгновенье, что-то такое... не то удивленное, не то недовольное, но онъ тотчасъ же отвернулся и возобновилъ свою „утилитарную“ рѣчь. Я не хотѣлъ слушать; меня раздражила его послѣдняя выходка, я брезгалъ его республиканскимъ пророчествомъ, въ которомъ не было ни ненависти, ни грусти и отчаянія, а, напротивъ того, слѣпая и повидимому сочувственная вѣра во благо всеобщей мелкой образованности народовъ по европейскому образцу...

Я тотчасъ же вспомнилъ о другомъ Французѣ, о главномъ поварѣ нашего посольства. Онъ говорилъ то же самое. Лѣтомъ, на дачѣ, въ Буюкъ-Дере секретари посольства жаловались послу, что онъ не даетъ имъ спать поутру. Окна ихъ квартиры приходились противъ его оконъ; онъ вставалъ рано, открывалъ свое окошко и начиналъ во все горло кричать и спорить о политикѣ съ кѣмъ-то, съ *мармитонами* своими или съ кѣмъ еще—не знаю...

Онъ кричалъ *почти слово въ слово* то же самое, что Лессепсъ:

— Encore quelques années et nous ne verrons plus de monarque en Europe... Voyons-discuttons—maintenant l'origine des Bourbons!

Библиотека "Руниверс"

Поваръ въ убѣжденіяхъ и прорицаніяхъ шелъ еще дальше Лессепса и, повидимому, не исключалъ изъ своего мрачнаго пророчества и нашего Государя.

Послѣ жалобы секретарей онъ пересталъ кричать такъ громко по утрамъ у окошка, но, вѣроятно, остался при своихъ либеральныхъ убѣжденіяхъ, подобно знаменитому краснослову Ж. Фавру, который въ гостяхъ у Бисмарка, на замѣчаніе этого послѣдняго, что „государственный человѣкъ не долженъ оставаться постоянно при однихъ и тѣхъ же политическихъ взглядахъ", воскликнулъ сентиментально:—„Однако, графъ *), прекрасенъ видъ человѣка, вѣрнаго своимъ убѣжденіямъ!"

Бисмаркъ, кажется, на это ничего не отвѣтилъ; онъ, видно, не находилъ Ж. Фавра прекраснымъ...

Я же всякій разъ, глядя при встрѣчахъ на Лессепса и слушая его, вспоминалъ слова моей посольской знакомой, которая никакъ не могла вообразить его себѣ великимъ человѣкомъ, и всякій разъ находилъ ея впечатлѣніе вѣрнымъ.—Пріятный, любезный, ловкій человѣкъ—да!..

Великій?—Нѣтъ! Еслибы онъ былъ ума великаго, то могъ ли бы не питать отвращенія къ всеобщей „мѣщанской" республикѣ?

Франція, бѣдная Франція!! Гдѣ ты, *прежняя*, дорогая намъ Франція, столь изящная и великая, грозная и неустанно-творческая? Гдѣ—ты?

Было время, когда подобно Королю Королей твоихъ, говорившему: „Государство—это я!"—могла и ты съ гордостью сказать міру: „Европа—это я"!

Пожалуй, и теперь сказать это можно, съ точки зрѣнія общихъ началъ и общей судьбы... *Но лестно ли это теперь*? Вотъ вопросъ!

Епископъ Никаноръ

о вредѣ желѣзныхъ дорогъ, пара и вообще объ опасностяхъ слишкомъ быстраго движенія жизни.

(1885 года.)

Воспоминанія мои о Лессепсѣ и другихъ европейскихъ „индустріалахъ" относятся къ 73 году.

Я жилъ тогда въ Константинополѣ. Не задолго до этихъ знакомствъ или встрѣчъ, важныхъ для меня не по значенію самихъ этихъ людей, а по роду мыслей, которыя они въ умѣ моемъ тогда пробуждали, мнѣ случилось прочесть въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* маленькую замѣтку объ открытіи гдѣ-то въ Россіи новой желѣзной дороги и объ освященіи вокзала епархіальнымъ архіереемъ. — Гдѣ, въ какой губер-

*) Тогда, въ 1871 году Бисмаркъ былъ еще графомъ.

Библиотека "Руниверс"

ніи—не помню. Преосвященный говорилъ по этому поводу небольшую рѣчь; содержаніе ея было передано газетой въ нѣсколькихъ строкахъ безъ всякихъ замѣчаній и оговорокъ. Но эти нѣсколько строкъ были таковы, что я бросилъ газету и мысленно воскликнулъ:.. „Боже мой! и архіерей!... и архіерей Русскій глаголетъ то же и все то же“!

— *Ускореніе сообщеній*; *цивилизація*... даже и *благоденствіе*...

Да, я помню, было даже и *благоденствіе*!...

— Господи!—подумалъ я тогда,—*на что же все это* Епископу?... Именно—Епископу *на что?* Его долгъ по всякому подобному поводу, напротивъ того, или напомнить намъ притчу о томъ богатомъ, который сказалъ душѣ своей: „пей, ѣшь и веселись“—и въ ту же ночь умеръ; или посовѣтовать молиться усерднѣе, садясь въ вагонъ, на случай внезапной гибели; или сказать вообще, чтобы мы не носились съ человѣческимъ „разумомъ“ какъ наивные дурни съ писаною торбой; что умѣть видѣть мрачную сторону всѣхъ этихъ высокоумій научныхъ есть тоже *разумъ*, и даже самаго высшаго порядка.

Размышляя такъ, я даже старался вообразить какого рода проповѣдь или поученіе сказалъ бы я самъ въ этомъ случаѣ на мѣстѣ Епископа, рискуя даже возбудить противъ себя то свѣтское начальство, которое пригласило меня освятить вокзалъ.

Послѣ всѣхъ этихъ печальныхъ размышленій прошло *двѣнадцать лѣтъ*. Во многомъ я оказался пророкомъ и сѣдины мои теперь многимъ утѣшены! Но ничто, кажется, изъ всѣхъ событій, перемѣнъ и *знаменательныхъ зачатій* за послѣдніе четыре года не восхитило меня такъ глубоко, какъ то, что преосвященный Никоноръ Херсонскій осуществилъ прошлаго года мою давнюю и словно какъ бы несбыточную мечту о Русскомъ іерархѣ, громящемъ паръ и всю эту оргію „обмѣна“ на какомъ-нибудь вокзалѣ, то-есть въ *самой берлогѣ* безпощаднаго чудовища.

Епископъ Никоноръ, котораго я и прежде уже глубоко чтилъ за его книгу *Позитивизмъ* и *Христіанство*, превозшелъ даже мои ожиданія въ своемъ поученіи.

Я мечталъ лишь о сухости, о холодности отношенія Іерарха къ тріумфамъ механики — и встрѣтилъ неожиданно карающіе громы! Для *понимающаго*, для человѣка хоть сколько-нибудь дальновиднаго это поученіе страшно... въ своей ученой и ораторской силѣ.

Это лучъ божественнаго свѣта въ сатанинскомъ хаосѣ индустріальнаго космополитизма и современнаго вавилонскаго *все-смѣшенія*.

Это *Мани-Фекель-Фаресъ* вселикующему и безбожно-надменному раціонализму *средняго все-европейца*.

Не зная, имѣю ли я право перепечатать въ своей книгѣ всю эту замѣчательную рѣчь сполна изъ *Православнаго Обозрѣнія* *), вос-

*) Октябрь 1884.

Библиотека "Руниверс"

пользуясь только тѣмъ сокращеніемъ ея, которое появилось въ одной очень умной, хотя и самой маленькой по размѣру изъ московскихъ газетъ, въ *Вѣстникѣ* Ѳед. Алекс. Гилярова (1884 г. 1 декабря, № 71):

„Явный вредъ и ясно предвидимая опасность быстрыхъ путей сообщенія заключаются въ томъ, что мы скоро живемъ и торопимся жить. Быстрыя современныя сообщенія развиваютъ до неимовѣрности ту быстроту, съ какою мы несемся невѣдомо куда, опасно, какъ бы не въ бездну. Излишняя быстрота всегда и вездѣ опасна.

Вообразимъ, что наша земля, кружась по своему эллиптическому пути около солнца, дѣлаетъ 26 верстъ въ секунду, болѣе 1,500 верстъ въ минуту, около 100,000 верстъ въ часъ, а въ годъ развиваетъ страшную быстроту многихъ милліоновъ верстъ своего бѣга вокругъ солнца. Но и солнце не стоитъ. По новѣйшимъ вычисленіямъ оказывается, что скорость поступательнаго движенія всей солнечной системы равняется 232.500,900 верстъ въ годъ, что составляетъ въ сутки для солнечной системы 637,000 верстъ, которую для земли нужно умножить еще на скорость ея движенія вокругъ солнца; а для каждой мѣстности на землѣ, напр., для этого пункта, на которомъ мы стоимъ, нужно умножить еще на скорость вращенія нашей широты вокругъ земной оси. Такимъ образомъ земля вращается на своей оси и носится въ пространствѣ вокругъ солнца; солнце само вращается около своей оси и совершаетъ поступательное движеніе другаго центральнаго солнца. Но и на этомъ остановиться нельзя. Безъ сомнѣнія, и солнце нашего солнца подчиняется общему закону движенія. Тутъ же въ вычисленіи скорости вселенной изнемогаетъ и воображеніе. Пусть эта скорость вращенія земли вокругъ своей оси, вокругъ солнца уже для нашего солнца нами не замѣчается и не чувствуется. Но можно ли сказать, что и эта внѣсознательная для насъ быстрота движенія вселенной не вліяетъ на нашу жизнь? Конечно, вліяетъ и оказываетъ вліяніе огромное на распредѣленіе земныхъ силъ, обнаруживающихъ прямое вліяніе на благосостояніе человѣка, на равновѣсіе суши и водъ и воздуха, на извѣстное распредѣленіе воздуха и тепла, электричества и тяготѣнія. А къ этой всемірной теллурическо-астрической скорости движенія человѣкъ присоединяетъ еще свою самодѣльную одуряющую скорость движенія по желѣзнымъ путямъ, на крыльяхъ вѣтра, на парахъ и электричествѣ, по морю и подъ водою, и подъ землею, на аэростатахъ, посредствомъ нагрѣтаго воздуха, водорода и чего-то тамъ еще: скоро, быть можетъ, понесется и посредствомъ солнечнаго свѣта. А что электричество будетъ запряжено, какъ мощный двигатель-скороходъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Это вопросъ не только близкаго будущаго, но уже и настоящаго времени. Не все же молніямъ праздно бороздить небо, а на землѣ только жечь и крошить. Скоро, скоро обуздаютъ ихъ и погонятъ и возить, и мельницы вертѣть, и всякія тяжести двигать.

Библиотека "Руниверс"

Пусть это фантазія. Но вотъ что дѣйствительно. Всякая скорость развиваетъ въ міровой системѣ мѣну силы, а на земной поверхности, а въ человѣкѣ (въ семъ послѣднемъ даже скорость мысли) развиваетъ и трату силы, такъ что чѣмъ больше быстрота дѣйствія, тѣмъ больше требуетъ она траты и силы. Въ міровой системѣ эта трата силы незамѣтна. Да ея тамъ и нѣтъ, такъ какъ полнота міровыхъ силъ, по нашимъ быть-можетъ и ошибочнымъ разсчетамъ, сама себѣ равна. Но на поверхности земной всякая скорость издерживаетъ уходящую на нее силу. Тѣмъ болѣе это замѣтно въ человѣкѣ. Увеличивая какую бы то ни было скорость, опять-таки хотя бы быстроту мысли, человѣкъ издерживаетъ уходящую на нее силу. Тутъ въ тратѣ силы на всякую скорость, на скорость даже мысли, одинъ вредъ, одна опасность. А вотъ и другая.

Всякая быстрота умножаетъ опасность развитія разрушающей силы въ случаѣ помѣхи движенію, а тѣмъ болѣе остановки. Еслибы земля въ своемъ полетѣ на своей оси и на пути вокругъ солнца была остановлена непреодолимою преградою, то она развила бы какіе-то премногіе милліоны единицъ тепла, которые, при столкновеніи земли съ равновѣснымъ или тяжелѣйшимъ тѣломъ, мгновенно превратили бы ее въ горючій газъ, превратили бы всю всецѣло, со всѣми ея водами и камнями и внутренними толщами. А еслибы солнечная наша система столкнулась съ другою таковою же при своемъ невообразимо быстромъ полетѣ, то обѣ онѣ превратились бы мгновенно въ ту тончайшую небеснаго эѳира матерію, изъ которой ткутся ново-возникающія звѣздныя системы, мелькающія легкимъ туманомъ глубже нашихъ туманныхъ звѣздныхъ планетъ. Такъ и на земной поверхности всякая развиваемая быстрота пропорціонально своему увеличенію развиваетъ и опасность разрушительнаго удара въ случаѣ затрудненія скорости, а тѣмъ болѣе въ случаѣ остановки движенія.

Приложимъ теперь эти психо-физическіе законы къ скорости человѣческой жизнедѣятельности, развиваемой увеличенною скоростію движенія посредствомъ пара и электричества. Производитъ ли современная быстрота передвиженія трату силы?—Безъ сомнѣнія, и громадную. Во-первыхъ, производитъ трату силы матеріальной, уходящей на производство этой скорости. Возьмемъ вотъ паръ. На производство его уходитъ громадное количество воды, желѣза и топлива. Пусть воды на Руси и не занимать стать, но на ея добываніе уходятъ въ огромномъ количествѣ тоже желѣзо и топливо. Пусть и желѣзной руды на Руси не занимать стать, но на производство и желѣза уходитъ, кромѣ всего прочаго, огромное же количество того же топлива! Итакъ, топливо да топливо. А что такое топливо?—Это запасъ органическаго матеріала, собранный вѣками вѣковъ бытія земнаго шара, еще прежде бытія историческаго человѣка. Древнее человѣчество тратило этотъ

Библиотека "Руниверс"

запасъ не бережно же, какъ тратимъ и мы, но умѣренно. Лѣсныя чащи выросли тогда, превышая потребность въ нихъ жившаго до насъ человѣчества. Современный же человѣкъ истощаетъ этотъ запасъ такъ, что природа явно уже отказывается возстановить его. Давно ли заведены паровые источники силы и движенія, но въ Англіи не только лѣса уже истощены, но и запасъ давнихъ вѣковъ—залежи каменнаго угля истощаются, и чрезъ 100 лѣтъ, а быть-можетъ и прежде, истощатся совсѣмъ. Что мы видимъ на Руси? Еще живое поколѣніе видѣло неисходныя, почти неизмѣримыя чащи лѣсовъ, а теперь что?—На пространствѣ отъ Оренбурга до Одессы наблюдательный путникъ не видитъ ни одного даже молодаго перелѣска. Путникъ этотъ еще видѣлъ цѣлыя пущи тысячелѣтнихъ деревьевъ-громадинъ, годныхъ на корабли и прочее. Все пожрано, особенно же около желѣзныхъ дорогъ.

Пожирая лѣса, дороги производятъ недостатокъ топлива для домовъ. Этотъ недостатокъ на огромномъ пространствѣ Руси вознаграждается потребленіемъ соломы и другихъ органическихъ остатковъ. Въ то же время запасенныя вѣками залежи тучнаго чернозема на поляхъ, которыя до нашего времени никогда не были паханы отъ начала міра, также быстро истощаются, крѣпко напоминая объ искуственномъ утучненіи полей, а истребленіе утучняющихъ веществъ повсюду на топливо производитъ недостатокъ ихъ для удобренія полей. Вся же эта логика истребленія того, чѣмъ живъ человѣкъ, живо его тѣло, будетъ имѣть въ весьма недалекомъ будущемъ, да по мѣстамъ имѣетъ уже и въ настоящемъ, своимъ роковымъ послѣдствіемъ нужду въ хлѣбѣ, въ теплѣ и въ строительномъ матеріалѣ, а быстрота современнаго движенія будетъ поглощать послѣдніе остатки запаса органическихъ веществъ на землѣ. Что же впереди?

Еще. Громадное, повсюду на нашихъ глазахъ оканчивающееся рѣшительнымъ уничтоженіемъ истощеніе лѣсовъ производитъ на Руси истощеніе водныхъ источниковъ, рѣчекъ и рѣкъ, которое въ свою очередь сопровождается часто повторяющимися засухами земли. Истребленіемъ лѣсовъ мы истребляемъ богоданное жилище для звѣрей, дикихъ и кроткихъ, для птицъ, для насѣкомыхъ. Что же отсюда? Мы знаемъ, что на землѣ исчезли многіе роды животныхъ. Нѣкоторыя исчезли на памяти живаго поколѣнія. Скоро въ Европѣ останутся только воспоминаніемъ естественной исторіи медвѣдь, волкъ, лисица, лось, зубръ, буйволъ и многое множество живыхъ родовъ. Воспоминаніемъ останутся многіе роды птицъ, гадовъ, насѣкомыхъ. Насильственно выселенные изъ лѣсовъ многіе роды, особенно насѣкомыхъ, ринулись теперь въ наши нивы, увеличивая съ каждымъ десятилѣтіемъ опасность голода для человѣчества. Истребленіе лѣсовъ, обезводненіе, жадность увеличенія пахоты производятъ повальную такъ-называемую экспеко-

Библиотека "Руниверс"

рацію, истребленіе въ образованномъ мірѣ скота, который гибнетъ отъ сокращенія и истощенія пастбищъ, гибнетъ отъ постоянныхъ повальныхъ болѣзней, происходящихъ отъ тѣхъ же причинъ, отъ недостатка влаги въ воздухѣ, отъ увеличенія около человѣческихъ жилищъ массы видимыхъ и невидимыхъ насѣкомыхъ, отъ истощенія въ воздухѣ оздоровляющаго кислорода и озона, производимыхъ дыханіемъ живыхъ растеній и обиліемъ испаряющейся чистой влаги. Кромѣ того, скотъ истребляется жадностью культивированнаго человѣка къ животной пищѣ, невоспособляемой добычею охоты, почти уничтоженной за уничтоженіемъ лѣсовъ и за истощеніемъ рыбныхъ ловлей тою же жадностью и безпощадностью увеличивающагося въ количествѣ человѣчества, какъ и болѣе искуснымъ примѣненіемъ снарядовъ для вылавливанія рыбы, такъ что почти всѣ наши рѣки, на памяти живаго поколѣнія, совершенно отощали рыбою; въ западно-европейскихъ же рѣкахъ рыба осталась только преданіемъ и темнымъ воспоминаніемъ. Мы намекнули, но не развили мысли, что и для человѣка истощеніе лѣсныхъ чащъ гибельно и тѣмъ, что эти массы самой цвѣтущей зелени производили массу живительнаго кислорода и озона, которые такъ необходимы намъ для здороваго дыханія, которые, оживляя и укрѣпляя силы человѣка, наоборотъ губительно дѣйствуютъ на незримыя массы вибріоновъ, подрывающихъ въ самомъ зернѣ человѣческую жизнь и порождающихъ повальныя болѣзни. Посмотрите теперь на наши города съ ихъ дымомъ, копотью, смрадомъ,—чѣмъ тамъ дышать? Развѣ только гибельными міазмами? Даже по селамъ теперь, при истощеніи водныхъ источниковъ и живительной растительности, когда къ нимъ приближаешься, сейчасъ же чувствуешь, что съ лона живой и животворящей и благоуханной природы вступаешь въ жилье человѣка съ его отбросами и смрадомъ, источникомъ гибели для него самого и всего живаго около него, за исключеніемъ губительныхъ вибріоновъ, источника заразъ для людей и скотовъ.

Такимъ образомъ истощеніе благотворныхъ для человѣка силъ вещественныхъ увеличеніемъ быстроты передвиженій очевидно.

Тратитъ ли эта быстрота жизни и движенія силу нравственную, силу духовную? Скажите: увеличила ли эта быстрота сообщенія внѣшнее благосостояніе людей? Повидимому, напр., желѣзныя дороги строются для увеличенія благосостоянія. Я скажу, какъ и сказалъ, что онѣ строются для удовлетворенія потребностей. И удовлетворяютъ имъ,—это правда. Но удовлетворяютъ пропорціонально же увеличивая самыя потребности, увеличивая тѣмъ, что усложняютъ жизнь болѣе и болѣе, такъ что жизнь становится дороже, затруднительнѣе и требовательнѣе. Этому доказательство въ томъ печальномъ повсюдномъ опытѣ, что вездѣ на Руси, гдѣ пока не было желѣзныхъ дорогъ, тамъ жизнь была проще и дешевле. А какъ только появится желѣзная до-

Библиотека "Руниверс"

рога, сейчасъ же всѣ цѣнности возвышаются, прежніе способы истощаются; новые если и увеличиваются, то создаютъ собою и новую потребность, напр. потребность виноградныхъ винъ, которой еще дѣды, да даже и отцы наши, не вѣдали, равно какъ новыя потребности и въ другихъ заморскихъ вещахъ, безъ которыхъ легко обходились. Такимъ образомъ желѣзная дорога, въ существѣ дѣла, нигдѣ и не возвысила благосостоянія, чувства довольства, покоя и счастія; напротивъ, породила всюду тревогу, потребность въ средствахъ жизни, погоню за наживою.

Кромѣ того, гдѣ прошла по широтѣ Русской земли безлѣсная пустынная гладь, тамъ прощай поэзія старины, поэзія нашихъ отцовъ и дѣдовъ, да еще и нашей собственной юности. Наши дѣти не поймутъ скоро поэтическаго выраженія: „не шуми ты, темный лѣсъ, зеленая дубровушка", равно не поймутъ и всего неисчерпаемаго запаса какъ миѳологической, такъ и позднѣйшей поэзіи, основанной на таинственной, то возвышающей, то грозной, то прелестной внушительности повсюдныхъ, еще недавно непроходимыхъ, лѣсныхъ чащъ. А это будетъ огромнымъ истощеніемъ душевныхъ сокровищъ нашего поэтическаго народа. Куда дѣвалась эта тысячеголосая восхитительная пѣснь хвалы Богу, пѣснь птичьихъ и всякихъ животныхъ голосовъ, какою гремѣли еще такъ недавно неисходныя зеленыя цвѣтущія чащи въ прелестныя майскія утра? Въ могильное, глухое безмолвіе погружается теперь оголяемая тупою корыстью пустынная Русская земля. Эта корысть скоро убьетъ самый вкусъ къ прелестямъ природы, какъ убиваетъ самую красоту природы. Опасно, какъ бы земля не стала скоро походить на всемірный паутинникъ, который опутываетъ весь земной шаръ, въ которомъ плаваетъ только отощалый всеядный человѣкъ, какъ голодный паукъ, не имый кого и что поглотити, такъ какъ самъ же онъ пожралъ, побилъ, истерзалъ все живое на поверхности всей земли. Эти желѣзнодорожныя линіи не похожи-ль на нити всемірной паутины?..."

Таково это удивительно смѣлое для *Русскаго духовнаго лица* поученіе.

И здѣсь еще не все. Въ самой рѣчи есть превосходные переходы къ религіознымъ идеямъ и къ великимъ примѣрамъ обще-историческаго прошлаго. Вотъ эта проповѣдь, эта рѣчь—дѣйствительно „русское слово", дѣйствительно—поученіе „современное" по предмету, православное по духу.

Это не то, что нервная и космополитическая обмолвка Достоевскаго о какомъ-то русскомъ окончательномъ словѣ: „всеобщей гармоніи". *Окончательное* слово?... Что такое *окончательное* слово на землѣ?

Окончательное слово можетъ быть одно:—*Конецъ всему на землѣ!*

Прекращеніе исторіи и жизни...

Иначе почему же и въ какомъ смыслѣ *окончательное*? Вѣдь *непо-*

Библиотека "Руниверс"

движнымъ и *неизмѣннымъ* не можетъ же стать человѣчество ни умомъ, ни вкусами и волей?

Не въ *окончательномъ примиреніи* дѣло, а въ *самобытномъ развитіи*.

Для того, чтобы нація пріобрѣла хотя бы и преходящее (какъ все на свѣтѣ), но все-таки истинное и прочнее *міровое* значеніе, ей надо *творить свое* и *для себя*. Только созданное *для себя* и *по-своему* можетъ послужить и другимъ.

Слово *міровое* я противополагаю въ этомъ случаѣ слову—*космополитическое*.

Только тогда, когда мы не будемъ обращаться къ собственной жизни и къ собственной исторіи нашей съ готовыми, взятыми у другихъ послѣдними, вчерашними идеями; когда мы не будемъ *сознательно служить* космополитизму, а, напротивъ того, скорѣе уже идти *противу* него,—только тогда-то, говорю я, мы будемъ въ силахъ сдѣлать и остальному человѣчеству *міровую* пользу; только тогда-то и будетъ признана Русская нація всѣми за націю истинно культурную, т.-е. такою, какими были въ свое время націи Египетская, древне-Эллинская, Римская, Византійская и всѣ главные народы Романо-Германскаго Запада, давшіе въ *свое время* міру не одни только орудія *всесмѣсительнаго разрушенія*, какъ даютъ они теперь (т.-е. машины, паръ, телеграфы, эгалитарную свободу, демократическіе парламенты и т. д.), а многое множество великаго, изящнаго и могучаго въ своемъ своеобразіи.

Иначе, если задаваться сознательно идеями космополитическими, то можно въ исторіи ближайшаго будущаго разыграть ту культурно-незавидную роль, которая выпала нѣкогда на долю Македоніи: все завоевать, все покорить, все *смѣшать*, все разрушить и, ничего *дѣйствительно-своего* не создавши на память вѣкамъ грядущимъ, приготовить только для другихъ (для Рима, Византіи и т. д.) почву разрыхленную чѣмъ-то среднимъ, чѣмъ-то полу-отрицательнымъ и все-допускающимъ!

Однимъ же изъ главныхъ признаковъ благотворнаго въ этомъ (ново-культурномъ) смыслѣ поворотѣ въ русскихъ умахъ должно быть прежде всего скептическое, даже до крайностей пессимизма, пожалуй, расположенное доходить, отношеніе ко всѣмъ почти европейскимъ выводамъ и продуктамъ отходящаго XIX вѣка, съ *эгалитарнымъ плутократизмомъ* его соціальнаго строя и съ обманчивымъ *утилитарнымъ идеализмомъ* его умственной жизни.

„Если дерево начало рости криво, то, чтобы выпрямить его, надо насильственно перегнуть его въ противоположную сторону"—сказалъ про наше отечество покойный Н. Я. Данилевскій въ своей монументальной книгѣ *Россія и Европа*.

Нельзя *создавать свое*, не отрицая и не отвергая въ то же время *чужихъ разрушительныхъ* началъ и пріемовъ.

Библиотека "Руниверс"

СКВОЗЬ НАШУ ПРИЗМУ.

(Такъ озаглавленъ былъ въ *Варшавскомъ Дневникѣ* 80-го года, подъ редакціей кн. Н. Н. Голицына, особый отдѣлъ, въ которомъ редакторъ и сотрудники его дѣлали разнаго рода замѣтки по поводу различныхъ слуховъ, приключеній, газетныхъ сообщеній и т. п.—Я собралъ здѣсь нѣкоторыя изъ составленныхъ въ то время мною подобныхъ замѣтокъ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СКВОЗЬ НАШУ ПРИЗМУ.

(1880 года.)

I.

Благоразумные Чехи.

Мы прочли въ газетѣ „Le Nord“ корреспонденцію изъ Вѣны (отъ 25 января н. с.), которая начинается такъ:

„Въ концѣ концовъ, конституціоналисты, опасавшіеся вліянія Чеховъ на иностранную политику монархіи, не имѣютъ основанія слишкомъ жаловаться на образъ дѣйствія этой національности. Докторъ Ригеръ и его друзья не оказались враждебными относительно соглашенія съ Германіей въ томъ видѣ, какъ опредѣлилъ его баронъ Гаймерлэ, указавшій въ немъ лишь гарантію безопасности, чуждую всякой наступательной задней мысли. Что же касается Берлинскаго трактата, то чешскіе депутаты вполнѣ солидарны съ правительствомъ и требуютъ точнаго исполненія его постановленій, клонящихся къ упроченію новаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ. Разладъ, быть-можетъ и существующій въ скрытомъ состояніи, обнаружится только въ томъ случаѣ, если кабинетъ Таафе захочетъ произвести на славянское населеніе полуострова давленіе, противное духу трактата. Существуютъ различныя воззрѣнія на миссію Австро-Венгріи въ этихъ областяхъ, и австрійскіе Славяне имѣютъ нѣкоторыя основанія бояться, чтобы въ глазахъ правительства промышленное и торговое преобладаніе, упроченное Берлинскимъ трактатомъ за монархіей Габсбурговъ, не привело къ нѣкотораго рода политической гегемоніи, которая не будетъ признана полезною населеніемъ Балканскаго полуострова. Во время преній австрійской делегаціи докторъ Ригеръ ясно высказалъ, что Чехи вовсе не намѣрены содѣйствовать попыткамъ, имѣющимъ цѣлью вовлечь Сербію, вопреки ея желаніямъ, въ экономическую сферу имперіи“.

Все это очень благонамѣренно, все это дышетъ „умѣренностью и аккуратностью“...

Библиотека "Руниверс"

„И волки сыты, и овцы цѣлы“.

Но—увы!—мы сознаемся въ одномъ чувствѣ, не совсѣмъ умѣстномъ и приличномъ, когда рѣчь идетъ о серьезныхъ вопросахъ международной политики. Мы сами не знаемъ почему эти *чешскія дѣла* наводятъ на насъ какую-то *скуку*.

Есть что-то несимпатичное въ крупныхъ претензіяхъ этой небольшой, но многограмотной славянской націи... Есть что-то мелкое въ ея колебаніяхъ между *необходимой* Австріей и *этой* Россіей, на которую глядятъ въ Прагѣ, вѣроятно, свысока, но признаютъ весьма пригодною *для легкаго устрашенія, отъ поры до времени, своего же нѣмецкаго начальства.*

Увѣряютъ, будто бы одинъ знаменитый дипломатъ сказалъ (вѣроятно, тоже по случаю какихъ-нибудь утонченностей чешской политики): „Эти бѣдные Чехи! Ils travaillent pour le Roi de Prusse!

Многозначительно и остро!

Еслибы въ этой полу-шуткѣ и заключалось серьезное *пророчество*, то намъ кажется, что и чешскіе бюргеры, давнымъ-давно и притомъ плохо переведенные съ нѣмецкаго языка на одно изъ славянскихъ нарѣчій, очень скоро примирились бы съ новыми условіями своей жизни... А съ другой стороны и Всеславянство не почувствовало бы глубокаго лишенія отъ утраты этой небольшой и болѣе ученой, чѣмъ особенно умной націи, и безъ того самой географіей такъ далеко втиснутой въ нѣмецкій Gesammt-Vaterland!...

Нѣсколькими сотнями тысячъ либеральныхъ мѣщанъ будетъ меньше...

Трудно рѣшить еще окончательно въ *наше время*, что такое *теоретическій* Панславизмъ: заря восходящаго солнца новой культуры, или далекое зарево и для насъ, Русскихъ, весьма опаснаго пожара? Но, во всякомъ случаѣ, отраженіе этого яркаго и сомнительнаго свѣта представляется намъ очень тусклымъ и неприглядным на мелкой зыби богемскаго болотца!...

II.

Японская дама.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Современныхъ Извѣстій* напечатаны очень любопытныя свѣдѣнія о „женскомъ вопросѣ въ Японіи“.

Въ этой Японіи, недавно еще столь своеобразной и таинственной, а теперь, повидимому, „безповоротно вступившей“ тоже на „всеспасительный“ путь европеизма, умы заняты, между прочимъ, и женской эманципаціей, женской равноправностью и тому подобнымъ. На *многоженство* начинаютъ смотрѣть какъ на величайшую несправедливость,

Библиотека "Руниверс"

и японскія дамы требуютъ себѣ права гражданскаго голоса на выборахъ.

Въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* разсказана по этому поводу исторія одной женщины лѣтъ сорока, благороднаго происхожденія, *Кузанозе Кита*. Эта дама—вдова, стоящая одна во главѣ своего семейства; въ виду того, что съ нея, какъ со всѣхъ, берутъ подати, и она захотѣла имѣть право голоса на выборахъ, но ее не допустили. Она подала прошеніе губернатору. Губернаторъ отвѣчалъ:

„Плата податей есть общее обязательство для всѣхъ подданныхъ государства, и такъ какъ нѣтъ такого закона, который бы опредѣлялъ бо́льшія или меньшія права каждаго индивидуума, поэтому отдаю вамъ приказъ немедленно внести должныя вами подати. Что же касается до права быть свидѣтельницей, то закона, запрещающаго это, у насъ не существуетъ“.

Г-жа Кузанозе Кита, которой, по мнѣнію *Современныхъ Извѣстій*, подобаетъ занять мѣсто во всеобщей исторіи культуры, какъ первой женщинѣ, выступающей въ Японіи за права женщинъ, этимъ отвѣтомъ не удовольствовалась и апеллировала въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Не извѣстно, чѣмъ кончится дѣло, но московская газета, повидимому, надѣется на благопріятное для японскихъ женщинъ разрѣшеніе этого вопроса.

Въ той же замѣткѣ говорится дальше о многоженствѣ въ Японіи, объ юридическихъ правахъ „наложницъ“, причисляемыхъ по мѣстнымъ законамъ къ *родственницамъ втораго разряда* и т. д.

Современныя Извѣстія приводятъ переводъ статьи изъ одной японской газеты, въ которой доказывается, что „многоженство есть величайшая несправедливость“, и что его нужно совершенно вывести изъ японскихъ нравовъ, оставляя только за микадо право имѣть по нѣсколько женъ, ибо это полезно для сохраненія династіи.

По этому поводу мы замѣтимъ слѣдующее. Еслибы уничтоженіе многоженства въ Японіи, или гдѣ бы то ни было *было лишь прямымъ слѣдствіемъ распространенія Христіанства*, то мы бы этому порадовались. Мы полагаемъ, что многоженство должно быть отвергаемо лишь на основаніи христіанскаго догмата, на основаніи *вѣры*. Ибо логика вѣры такова: „мой разумъ недостаточенъ, даже и въ случаѣ геніальныхъ способностей; а такъ какъ разумъ вообще недостаточенъ и противорѣчивъ до нельзя, то я и не выпущу его изъ желѣзныхъ предѣловъ вѣры. Христіанская вѣра наилучшимъ образомъ рѣшила *разъ* и *навсегда* отношеніе человѣчества къ Божеству, и потому я долженъ повиноваться заповѣдямъ своей вѣры“. И больше ничего.

А на основаніяхъ одного *разума* можно, *пожалуй*, и *поліандрію* проповѣдывать. Ее и проповѣдывали одно время соціалисты, напр.

Библиотека "Руниверс"

Фурье... Мы не думаемъ также, чтобы тѣ азіатскіе люди, которые, какъ слышно, живутъ въ Кашемирской долинѣ и допускаютъ законную поліандрію (по *восьми*, кажется, мужьевъ на одну жену), были бы непремѣнно глупѣе и слабѣе разумомъ, чѣмъ европейскіе „интеллигенты". Какъ это взвѣсить—кто глупѣе?... Даже взвѣшиваніе мозговъ не рѣшаетъ сомнѣнія. Остается еще много вопросовъ, напр.: *объ отношеніяхъ извилинъ* на поверхности мозга, объ ячейкахъ, о размѣрахъ остальнаго организма и т. д., и т. д.

Но если мы устранимъ вмѣшательство положительной религіи, то остается для подобнаго рѣшенія лишь одно средство—*художественное чувство*.

Съ точки же зрѣнія эстетической мы, хотя и озираясь съ нѣкоторымъ страхомъ, сознаемся, что, къ стыду нашему, намъ Султанъ Турецкій нравится больше, чѣмъ „честный" европейскій безбожникъ или даже *деистъ*, *живущій почему-то невозмутимо* со своей раціональной женою не „во славу Божію", а во славу разума, почерпнутаго изъ вчерашняго нумера какой-нибудь умѣренной газеты.

Мы и многоженца Микадо очень уважали до тѣхъ поръ, пока онъ не надѣлъ цилиндръ... Какой же это прогрессъ, когда скоро никого уже нельзя будетъ на картинѣ представить?

Вѣдь куда же дѣть намъ и искусство? Прекрасное есть не что иное какъ „одѣтая платьемъ" и „драпированная" истина.

А „прекрасное" нынче все потихоньку спускается въ тѣ скучныя *катакомбы пластики*, которыя зовутся музеями и выставками и въ которыхъ происходитъ что-нибудь одно: или снуютъ безъ толку толпы людей мало понимающихъ; или „изучаютъ" что-нибудь спеціалисты и любители, т.-е. люди быть-можетъ и понимающіе изящное „со стороны", но въ жизнь ничего въ этомъ родѣ *сами* не вносящіе... *Сами-то* они большею частію какъ-то плохи—эти серьезные люди!...

III.

Наслѣдство Хрущева.

Въ „Молвѣ" напечатана слѣдующая корреспонденція изъ Харькова, отъ 18 января, которую мы приводимъ здѣсь почти цѣликомъ: „17 января, въ Харьковской судебной палатѣ производилось дѣло, возбудившее въ мѣстномъ обществѣ самый живой интересъ. Такъ-назаваемый хрущевскій процессъ, несмотря на чисто-гражданскій его характеръ, привлекъ однако въ залу засѣданій многочисленную публику. Дѣло въ томъ, что отъ рѣшенія судебной палаты зависѣло, кому быть собственникомъ милліоннаго богатства: наслѣдникамъ Хрущева, или же духовному вѣдомству. Сущность этого замѣчательнаго процесса заключает-

Библиотека "Руниверс"

ся въ слѣдующемъ: Богатый землевладѣлецъ Харьковской губерніи Хрущевъ задумалъ основать въ своемъ великолѣпномъ имѣніи, въ Ахтырскомъ уѣздѣ, мужской общежительный монастырь для 24 монаховъ. Для того, чтобы мысль эта имѣла возможность выступить изъ широкой области неосуществимыхъ мечтаній, необходимо было преодолѣть цѣлый рядъ препятствій. Прежде всего, надо было дать монастырю имущество, безъ котораго, по закону, немыслимо устройство какого бы то ни было религіознаго учрежденія. Но все громадное имущество Хрущева было родовое и не могло миновать законныхъ наслѣдниковъ ни по завѣщанію, ни по дарственной записи. Необходимо было поэтому совершить надъ имуществомъ весьма оригинальную метаморфозу: сдѣлать изъ родоваго благопріобрѣтеннымъ. Хрущевъ достигъ этой цѣли посредствомъ продажи имѣнія „Рясного" своему бывшему крѣпостному слугѣ, совершенному бѣдняку, который немедленно же продалъ все обратно Хрущеву. Затѣмъ необходимо было принять во вниманіе законъ о монастыряхъ, по которому съ 1866 года воспрещается устройство монастырей, если при нихъ, одновременно съ ихъ основаніемъ, не будутъ устроены какія-нибудь благотворительныя заведенія. Въ виду этого, Хрущевъ представилъ въ Харьковскую духовную консисторію проектъ слѣдующаго содержанія: въ случаѣ Высочайшаго соизволенія на устройство монастыря, послѣднему будетъ уступлено по дарственной записи имѣніе Рясное и наличныхъ денегъ 100,000 руб., на часть которыхъ при монастырѣ должна быть устроена богадѣльня на 24 человѣка. Самъ же собственникъ Хрущевъ выговорилъ себѣ лишь право надзора и пожизненнаго распоряженія въ пожертвованномъ имѣніи. *Въ высшихъ сферахъ проектъ этотъ былъ встрѣченъ довольно неблагосклонно, такъ какъ Хрущеву было предложено черезъ губернатора пожертвовать имѣніе на какое-нибудь другое полезное учрежденіе.* Лишь послѣ отказа проектъ вмѣстѣ съ дарственной записью получилъ законное движеніе. Въ сентябрѣ 1867 года Святѣйшій Правительствующій Синодъ испросилъ черезъ оберъ-прокурора Высочайшее утвержденіе проекта устройства монастыря на изложенныхъ въ докладѣ основаніяхъ, т.-е. при условіи уступки въ даръ монастырю имущества Хрущева. Однако, несмотря на весьма, повидимому, искреннее желаніе Хрущева, устройство монастыря затормозилось. Дѣло въ томъ, что Хрущевъ неизвѣстно по какимъ причинамъ вдругъ рѣзко измѣнилъ свой первоначальный планъ и, вмѣсто дарственной записи, представилъ въ Синодъ духовное завѣщаніе, на основаніи котораго просилъ открыть немедленно монастырь, оставляя послѣднему имущество лишь послѣ своей смерти. Св. Синодъ отказалъ Хрущеву въ этой просьбѣ и въ своемъ опредѣленіи проводилъ ту мысль, что устройство монастыря совершенно невозможно безъ исполненія главнаго условія, послужившаго основаніемъ къ Высочайшему утвержденію, безъ дарственной записи. Въ такомъ положеніи дѣло нахо-

Библиотека "Руниверс"

дилось, когда послѣ смерти Хрущева найдено было завѣщаніе, въ которомъ сказано было, что „все имѣніе Рясное переходитъ въ собственность устраиваемаго монастыря“. Вотъ эта фраза и послужила основаніемъ иска родственниковъ умершаго объ уничтоженіи завѣщанія. Повѣренные наслѣдниковъ доказывали, что Высочайшее утвержденіе не было исполнено Хрущевымъ, который не уступилъ, какъ это было въ проектѣ, монастырю имѣнія по дарственной записи. Такимъ образомъ въ моментъ смерти завѣщателя монастырь не существовалъ ни de jure, ни de facto, и потому не можетъ быть признанъ полноправнымъ юридическимъ лицомъ, имѣющимъ право наслѣдовать и обладать собственностью. Повѣренные консисторіи возражали, что если даже стать на точку зрѣнія истцовъ, то и въ такомъ случаѣ нѣтъ основанія къ уничтоженію духовнаго завѣщанія, ибо если монастырь не долженъ считаться существующимъ въ силу Высочайшаго соизволенія, то онъ можетъ возникнуть теперь въ силу завѣщанія. *Палата признала завѣщаніе дѣйствительнымъ и все имущество перейдетъ въ пользу монастыря, къ великой радости адвоката, получающаго, говорятъ*, 15,000 р. гонорара“.

Такъ кончила „Молва“.

Теперь—мы. Что-жь?—мы понимаемъ радость адвоката: 15,000 руб. сер. годятся! Мы даже ласкаемъ себя надеждой, что образъ мыслей этого, вѣроятно, очень даровитаго юриста впредь приметъ именно тотъ болѣе охранительный оттѣнокъ, который такъ отрадно встрѣчать, хоть изрѣдка, въ современныхъ намъ дѣятеляхъ. Остается какое-то пріятное воспоминаніе о монастырѣ, какая-то сердечная связь...

Мы встрѣчали даже докторовъ, которые хотя видимо такъ и дышали атомами и эфиромъ, когда дѣло касалось до философіи мірозданія, однако по отношенію къ философіи жизни являлись консерваторами, оттого, напр., что лѣчили архіереевъ, игумновъ, предводителей дворянства или губернаторовъ, и т. д.

„Пути Господни неисповѣдимы“ даже и по отношенію къ адвокатамъ и врачамъ... Какъ же не радоваться! Мы, не получившіе ничего за эти дѣла, тоже искренно рады, что монастырь выигралъ процессъ. Но и при этомъ тревожатъ насъ нѣкоторыя мысли, вопросы и сомнѣнія. Напримѣръ: „въ Харьковскомъ обществѣ былъ возбужденъ этимъ процессомъ живѣйшій интересъ“, говоритъ корреспонденція „Молвы“; но дѣло Вѣры Засуличъ тоже возбуждало интересъ. Когда Вѣру оправдали, „интеллигенція“ береговъ Невы аплодировала и проливала слезы восторга...

Любопытно было бы знать, аплодировала ли въ этомъ случаѣ Харьковская публика серьезному и правдивому рѣшенію Харьковскаго суда?

Мы думаемъ, что нѣтъ... Монастырь—не реальное училище... Монахи это вѣдь *крайняя правая*... Въ Пантелеймоновскомъ Аѳонскомъ монастырѣ, напримѣръ, есть одинъ мулъ. Его кормятъ и хранятъ,

Библиотека "Руниверс"

но на него никто не смѣетъ садиться только потому, что *Царскій Сынъ*, Его Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ, *немною проѣхался на немъ*... Въ монастыряхъ одни вовсе не философствуютъ, а другіе думаютъ, что все злое—*въ насъ самихъ*, въ нашей природной грѣховности, а не въ томъ или другомъ общественномъ устройствѣ: считаютъ земную іерархію отраженіемъ небесной и т. д.

Какіе же тутъ могутъ быть аплодисменты? Мы полагаемъ, что самый приверженный сынъ Церкви изъ присутствовавшихъ на этомъ, въ самомъ дѣлѣ замѣчательномъ, процессѣ вышелъ изъ залы очень скромно и перекрестился гдѣ-нибудь за угломъ, озираясь.

И еще раздирающій вопросъ... что это значитъ:

„*Въ высшихъ сферахъ* проектъ этотъ былъ встрѣченъ довольно не-„благосклонно; Хрущеву было предложено пожертвовать имѣніе на какое-„нибудь другое *полезное учрежденіе*“...

Такъ пишетъ корреспондентъ „Молвы“... Что такое эти *высшія сферы*?...

Ужь не *обмолвился ли* корреспондентъ?... *Полезное* учрежденіе?

Въ Государствѣ Православномъ что же можетъ быть *полезнѣе духовно-православнаго учрежденія?*

Каковы бы ни были монахи сами (мы знаемъ, что въ наше время и они очень *ослабѣли)*, но *ученіе* ихъ уже потому правильно, что въ немъ больше практической *реальности*, чѣмъ въ ученіяхъ *уравнительнаго оптимизма*... Монахи *пессимисты* для земли... И это ужь одно превосходно, потому что учитъ покорности и терпѣнію. Монахи болѣе чѣмъ кто-либо реалисты въ хорошемъ смыслѣ этого слова,—они не мчатся за *розовымъ облакомъ* рая земнаго... Они если не всѣ умомъ понимаютъ, то сердцемъ чувствуютъ, что *вблизи* это розовое облако окажется всегда лишь сѣрымъ, сырымъ и нездоровымъ туманомъ.

IV.

Полезно ли самоуправство на улицѣ?

Надняхъ по Вержбовой улицѣ проходила сгорбясь нищая старушка. Она хотѣла перешагнуть черезъ грязь, какъ вдругъ какой-то молодой парень простаго званія, смѣясь, подшибъ ее ногою, и старушка упала въ воду. Увидавши эту сцену, одинъ изъ тѣхъ варшавскихъ коммиссіонеровъ, которые носятъ красныя фуражки, подскочилъ къ молодому негодяю, схватилъ его и побилъ тутъ же весьма основательно. Публика (въ томъ числѣ и мы, грѣшные) остались очень довольны этой карой, столь быстро послѣдовавшей за подлымъ поступкомъ.

Теперь—философія. Во-первыхъ, философія *утилитарная*. До Бога высоко, до мироваго судьи далеко; городовой тоже не всегда можетъ

Библиотека "Руниверс"

вырасти изъ земли, а великодушный человѣкъ въ красной фуражкѣ былъ близко.

Значитъ — „легальность и въ *наше время* не можетъ еще вполнѣ уничтожить *живую* правду не только на всемъ земномъ шарѣ, но даже и въ Варшавѣ“.

Во-вторыхъ, *философія художественно-историческая*. Грязи на улицѣ положимъ, нѣтъ; пауперизма и тѣмъ болѣе; малый ноги не подставлялъ' коммиссіонеръ его не билъ. Публика не смѣялась и не радовалась. Въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ не былъ бы весь этотъ случай описанъ... Что-жь бы было? — „Нирвана“ какая-то. Абсолютъ! Германскіе мыслители говорили: *достиженіе абсолюта есть прекращеніе исторіи*. Что значитъ *абсолютъ*? Ужь не то ли это царство правды и *сплошной* любви, которую намъ предлагаютъ нѣкоторые органы и русскіе, и западной печати?...

Нѣтъ, бѣдная старушка, падай лучше въ грязь! Нѣтъ, молодой негодяй, бери на себя, такъ и быть, неблаговидную роль порока!... И ты, добрый коммиссіонеръ, бей его крѣпче!... Мы предпочитаемъ сложность и драму *исторіи* безсмыслію земнаго абсолюта...

Maxima miranda in minimis!

V.

Мы „Страну“ *сглазили*!

Только-что мы позволили себѣ въ передовыхъ статьяхъ нашихъ искренно похвалить нѣкоторыя свойства этой новой и очень умной въ своемъ родѣ газеты, какъ вдругъ въ ней появилась слѣдующая выходка:

„Страна“, сообщая своимъ читателямъ извѣстіе о новомъ предпріятіи г. Каткова, т.-е. объ учрежденіи телеграфнаго агентства, выражаетъ при этомъ слѣдующее желаніе:

„Желаемъ г. Каткову, чтобы первая переданная его Агентствомъ телеграмма изъ Москвы въ Петербургъ извѣстила объ уплатѣ полностью недоимки въ свыше 100,000 рублей по арендѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ у университета. Недоимка эта не можетъ тяготить издателя „Моск. Вѣд.“ матеріально, такъ какъ она не взыскивается. Но для газеты, давно избравшей себѣ спеціальностью укорять всѣхъ и каждаго въ недостаткѣ патріотизма, не должно быть пріятно сознаніе, что въ то время, какъ она усиленно призвала весь народъ къ пожертвованіямъ во время войны, приглашая общество жертвовать даже ломаныя серебряныя ложки (sic), она сама копила въ ущербъ казнѣ стотысячную „недоимку“. Прежде всего вотъ что: когда мы рѣшаемся печатать подобныя вовсе ненужныя вещи, такъ надо по крайней мѣрѣ узнать

Библиотека "Руниверс"

основательно дѣло. Мы, напримѣръ, *слышали* обо всемъ этомъ совсѣмъ иначе. До появленія „Правительственнаго Вѣстника“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ печатались прежде (по условію, вѣроятно) всѣ казенныя объявленія. Когда учредили „Правительственный Вѣстникъ“, то всѣ ли эти объявленія, или значительная ихъ часть (не знаемъ), отошли изъ московской газеты туда. Говорятъ, что г. Катковъ вычелъ весь убытокъ, причиненный ему за нѣсколько лѣтъ этой перемѣной изъ арендной платы — и больше ничего. Выходитъ, что все это дѣло есть нечто иное какъ юридическая претензія частнаго лица на какое-нибудь казенное вѣдомство. Что же тутъ особеннаго?... Если это нѣчто въ родѣ тяжбы противу казны, то это можетъ иногда случиться со всякимъ хорошимъ человѣкомъ. Это дѣйствіе *среднее*, такъ сказать, и ни порицанія, ни особой похвалы не заслуживающее. Никому дѣла до этого нѣтъ. Если же намъ все это невѣрно передали, или г. Катковъ просто долженъ казнѣ и съ него не спѣшатъ взыскать, или онъ самъ, напримѣръ, не спѣшитъ уплатить эту огромную сумму, то и въ такомъ случаѣ мы не видимъ, съ какой стати нападать за это на него! Г. Катковъ такъ полезенъ государству, онъ такъ много заслужилъ отъ отчизны, что ему можно бы и вовсе не платить этихъ денегъ... Скидываютъ иногда и болѣе крупныя недоимки людямъ, имѣющимъ меньшія заслуги...

Его деньги дороги не ему одному; они должны быть дороги и всѣмъ людямъ, желающимъ Россіи добра...

Деньги ему нужны, чтобы поддерживать безъ утомленія ту борьбу, которую онъ такъ давно уже ведетъ противу вреднаго невскаго вздора.

Чего стоитъ одно противодѣйствіе его *тонкому яду*, отпускаемому такъ аккуратно и осторожно хотя бы только однимъ „Вѣстникомъ Европы“...

Это стоитъ, право, дороже 100,000 рублей!...

VI.

Ужасная взятка и возвышенная честность.

16 февраля *) по Краковскому предмѣстью, днемъ, шелъ быстро очень молодой человѣкъ, одѣтый по-русски. Молодая дѣвушка, догоняя его, говоритъ ему чистымъ русскимъ языкомъ: „Молодой человѣкъ! Позвольте мнѣ съ вами *поровняться*“.—„Ровняйтесь и даже обгоняйте меня, если вамъ угодно“,—сухо отвѣчаетъ недовольный этой наглостью юноша. Подходитъ городовой: „что ты ей сказалъ?“ Юноша разсказываетъ. Дѣвушка: „неправда, неправда! Онъ первый *звалъ меня*“. Споръ. Городовой ведетъ ихъ обоихъ въ часть. Это было близко отъ конторы

*) *1880 года,— не забудемъ*. (Прим. 1885 г.)

Библиотека "Руниверс"

Нелькена, и молодой человѣкъ шелъ туда по спѣшному дѣлу. Онъ проситъ, чтобы его не задерживали, и увѣряетъ, что она заговорила съ нимъ первая, а не онъ. Подошли къ какому-то крыльцу. Дѣвушка, чувствуя себя все-таки неправою, кается и просится домой.

— Я тебѣ на чай дамъ,—говоритъ она.

Городовой отпускаетъ и юношу, и дѣвицу.

Замѣтка эта вовсе не вопль и не плачъ такъ-называемой обличительной гласности, а такъ себѣ, анекдотъ. Въ наше время и взяткѣ иной будешь больше радъ, чѣмъ другой „честности".

Эта маленькая безчестность (которую мы, однако, не хвалимъ все-таки) бѣднаго городоваго par contrecoup какому-то внезапному напомнила намъ одну *великую честность*. Одинъ нашъ знакомый, съ годъ тому назадъ, говоря съ безпокойствомъ *умѣреннаго европейца* о нигилистахъ, разсказывалъ намъ: „опасно то, что многіе изъ нихъ *честны*"... И разсказывалъ слѣдующую исторію. Жилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ одинъ молодой революціонеръ. *Жилъ на 10 рублей какихъ-нибудь* въ мѣсяцъ; питался ужасно, спалъ Богъ знаетъ гдѣ и какъ; и писалъ большой memorandum о *неправдахъ* властей и о томъ, что надо сдѣлать. Кончилъ и представилъ его прямо начальству. Записка была болѣе чѣмъ нецензурна, конечно; она была безумна. Его стали судить. Онъ все называлъ *по имени* и надъ всѣмъ ставилъ *точки*.

Судьи, тронутые его благородствомъ, уговаривали его приватно не признаваться напр. на судѣ, что онъ въ Бога не вѣритъ и т. д., что это нѣсколько облегчитъ его участь. Къ счастію, онъ ихъ не послушался и былъ наказанъ строже, чѣмъ они желали. „Si non e vero, e ben trovato". Давно ли въ Европѣ смѣялись говоря: Эти „*испанскія* дѣла!" (т. е. ничего не поймешь.) Не пора ли говорить: „*русскія дѣла*".

Быстро, быстро наше поступательное движеніе!...

Надо вѣрить одной газетѣ, которая въ одномъ своемъ диѳирамбѣ высшимъ властямъ все-таки упорно *уповаетъ*, что *дѣти, вѣроятно*, наши увидятъ... какіе-то... *дни лучшіе* или *ясные* (*не помнимъ*). О, эти *дни!*... О, это *будущее*!... *Лаврецкій* обѣщалъ то же самое лѣтъ 20 тому назадъ молодому поколѣнію; *то* молодое поколѣніе состарѣлось или по крайней мѣрѣ созрѣло... и ничего *лучшаго* не видимъ пока, а все *худшее*... Почему же дальше будетъ *непремѣнно* лучше? Кто это сказалъ? *Лаврецкій* былъ, въ самомъ дѣлѣ, честный человѣкъ: онъ *вѣрилъ, но ошибся. Тогда* было простительно вѣрить въ какой-то привлекательный прогрессъ... А „Голосъ" тоже *вѣритъ и ошибается*..., или онъ вѣритъ, *но иначе какъ-то*... Намъ что-то смутно припоминается одинъ знаменитый нумеръ какой-то газеты послѣ attentat Засуличъ... Тутъ и слезы, и гадкая (стилистически даже ужасная) рѣчь Александрова, и пламенный фельетонъ какого-то Г...—не помню!... И тонкая замѣтка, „что многое

Библиотека "Руниверс"

считаемое преступнымъ въ одну эпоху становится легальнымъ въ другую". Что-то о *возвращенныхъ* декабристахъ, „которые участвовали вмѣстѣ со всѣми нами въ легальномъ освобожденіи крестьянъ", и т. д.

Жаль, что въ Варшавѣ трудно достать старыя наши газеты. Хотѣлось бы отыскать *гдѣ именно* мы это читали...

Нѣтъ, нашъ бѣдный городовой, подобно Веспасіану не брезгающій извѣстнымъ налогомъ..., право лучше иныхъ нашихъ публицистовъ и судей... Мы не говоримъ обо *всѣхъ*, а только объ *иныхъ*, объ *иныхъ*...

VII.

Революціонеры и Прогрессисты.

Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ" мы нашли выписку изъ Карлейля, вполнѣ приложимую къ нашему времени. Вотъ она:

„Когда въ эти времена упадка, гдѣ никакой идеалъ не возрастаетъ и не процвѣтаетъ, когда вѣрованіе и вѣрность исчезли и отъ нихъ остается только жаргонъ и ложный отзвукъ, когда всякое торжество обращено во внѣшній парадъ, когда *всякая вѣра въ авторитетъ* сдѣлалась однимъ изъ двухъ: или глупостью, или лицемѣріемъ, — увы, отъ такихъ временъ исторія должна отвращать свои взоры! На нихъ не стóитъ останавливаться. Ихъ нужно сокращать все больше и больше и наконецъ вычеркнуть изъ лѣтописей человѣчества, вытереть, какъ незаконныя, что они и суть на самомъ дѣлѣ. Времена безъ надежды, когда, болѣе чѣмъ въ другое время, родиться—есть несчастіе. Родиться для того только, чтобы по всякому преданію и по всякому примѣру узнавать, что Божій свѣтъ есть ложь, міръ Беліала, и что высшее шарлатанство есть верховный іерархъ человѣчества!"

Какъ хорошо! Это точно наше нынѣшнее русское образованное общество!

„Современныя Извѣстія" говорятъ, что въ такія-то времена „родятся *революціонеры*". Въ этой же замѣткѣ хвалятъ *прогрессистовъ*, утверждая, что прогрессистъ и революціонеръ—братья только кажущіеся. Они дѣти разныхъ родителей.

„Прогрессистъ", говоритъ газета, „рождается въ странѣ спокойно совершающей свое историческое развитіе, и порождается временемъ, когда равновѣсіе поступательныхъ и охранительныхъ силъ въ обществѣ достигло возможной полноты. *Онъ смѣло идетъ на встрѣчу будущаго*, съ опредѣленнымъ багажомъ изъ прошедшаго и настоящаго; онъ представляетъ поступательное движеніе своей родины въ его исторической полнотѣ. Онъ признаетъ и чувствуетъ живую связь свою съ своими отцами, дѣдами и прадѣдами, считаетъ себя ихъ наслѣдникомъ

Библиотека "Руниверс"

и продолжателемъ, не стыдится этой кровной связи. Но это потому, что отцы, дѣды и прадѣды дѣлали свое дѣло, доходили до извѣстнаго „предѣла“, отъ котораго и отправлялись ихъ преемники. Прогрессистъ есть дитя исторически-развивающейся страны, порожденіе непрерывно видоизмѣняющагося общественнаго порядка. Революціонеръ—порожденіе иныхъ обществъ и временъ. Предположите общество почему-либо застывшее въ своихъ формахъ, сдѣлавшихся мало-по-малу обременительными, утратившее нравственную власть надъ умами милліоновъ людей, которые не черпаютъ уже въ нихъ силъ для исполненія своего долга, относятся къ нимъ скептически и равнодушно и переносятъ ихъ по необходимости“ и т. д....

Такъ какъ *равновѣсіе* поступательныхъ и *охранительныхъ силъ* нарушено давно въ современномъ русскомъ обществѣ исключительно въ пользу однѣхъ поступательныхъ (это можно почти математически доказать), то значитъ у насъ и трудно быть прогрессистомъ (*хорошимъ*, т. е. органическимъ по смыслу замѣтки), а всякій прогрессистъ у насъ становится, самъ того не замѣчая, мирнымъ революціонеромъ, т.-е. *мирно разрыхляетъ почву* для не-мирныхъ или непримиримыхъ. Такъ по крайней мѣрѣ преломляетъ наша варшавская призма этотъ лучъ московской мысли.

VIII.

Свобода проповѣди.

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ читаемъ мы слѣдующее:

„Съ легкой руки лорда Редстока въ Петербургѣ въ послѣднее время учреждены публичныя проповѣди или чтенія религіознаго содержанія, имѣющія мѣсто въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ. Таковъ, напримѣръ, домъ Пашкова, на Гагаринской набережной, гдѣ по воскресеньямъ, отъ 3 до 9 часовъ, самъ г. Пашковъ предлагаетъ собирающейся у него публикѣ чтенія Евангелій съ объясненіями. Послѣднее чтеніе въ этомъ домѣ было 3 февраля. Посторонняя публика свободно допускается на чтенія г. Пашкова, ихъ слушаютъ и аристократическія барыни, и простонародье. Послѣ чтеній г. Пашковъ безплатно раздаетъ желающимъ простолюдинамъ Евангелія и другія брошюры религіознаго содержанія, что по преимуществу привлекаетъ народъ на чтенія г. Пашкова. Фактъ существованія въ Петербургѣ публичныхъ религіозныхъ чтеній безспоренъ, но онъ невольно вызываетъ на нѣкоторыя размышленія. Мы первые привѣтствовали бы такое нововведеніе, еслибы у насъ съ чисто-американскою гражданскою свободою дозволено было каждому филантропу открывать свой домъ для подобныхъ религіозныхъ чтеній, которыя, въ интересахъ просвѣщенія массы

Библиотека "Руниверс"

народа, могутъ имѣть, конечно, безспорно-положительное значеніе. Какого-либо вреда отъ подобныхъ чтеній не можетъ и быть, если даже и допустить, что могутъ явиться проповѣдники совершенно некомпетентные. Но вотъ въ чемъ вопросъ. Существуетъ ли у насъ свобода въ устройствѣ публичныхъ религіозныхъ чтеній? Имѣетъ ли, напримѣръ, такую свободу наше духовенство, которое, по существу своихъ обязанностей, должно всемѣрно пещись о религіозномъ наученіи народа? Мы скажемъ: нѣтъ и нѣтъ. Въ Петербургѣ состоитъ свыше 200 образованныхъ священниковъ, которые могли бы отлично организовать дѣло религіозныхъ чтеній для народа. Между тѣмъ роль священника ограничена у насъ однимъ церковнымъ служеніемъ, причемъ проповѣдь не составляетъ *обязательнаго* дополненія церковной службы. Затѣмъ, внѣ богослуженія, священникъ уже окончательно теряетъ роль учителя, если не упоминать о школьномъ преподаваніи священниками Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ. У насъ священникъ, какъ учитель народа, не дѣйствуетъ съ полною свободою; онъ и въ своей церкви является проповѣдникомъ лишь подъ условіемъ контроля надъ его дѣйствіями со стороны властей, каковы, напримѣръ, настоятель церкви, благочинный, консисторія, епархіальный архіерей. Внѣ своей церкви, при какомъ-либо торжественномъ служеніи, священникъ можетъ сказать проповѣдь не иначе, какъ проведя ее черезъ сложную процедуру цензуры. Такъ, напримѣръ, всѣ проповѣди, даже лучшихъ, образцовыхъ проповѣдниковъ Петербурга, какія недавно изданы каѳедрою Исакіевскаго собора, предварительно произнесенія ихъ въ церкви пропущены сквозь горнило предварительной епархіальной цензуры. Пойдемъ далѣе. Еслибы какой-либо священникъ вздумалъ устроить религіозныя чтенія для народа въ своей же церкви, но въ часы, когда нѣтъ богослуженія въ ней, для этого онъ предварительно долженъ испросить себѣ особое разрѣшеніе епархіальной власти. Если и дается такое разрѣшеніе, то надъ проповѣдникомъ обыкновенно учреждается спеціальный контроль въ этомъ отношеніи. Наконецъ, еслибы священникъ вздумалъ устроить подобныя чтенія не въ церкви, а внѣ оной, то въ этомъ случаѣ испрашивается особое разрѣшеніе не только отъ духовнаго, но и отъ гражданскаго начальства. Когда кто-либо учреждаетъ публичныя чтенія, даже и религіозныя, отъ него подлежащими властями требуется представленіе на предварительную цензуру подробной программы такихъ чтеній.

Спрашивается теперь: почему г. Пашковъ свободно предлагаетъ народу публичныя религіозныя чтенія, между тѣмъ какъ священники, спеціалисты этого дѣла, не уполномочены существующимъ порядкомъ на такую же свободу? Ужели г. Пашковъ, отставной полковникъ гвардіи, можетъ быть признаваемъ болѣе компетентнымъ проповѣдникомъ религіи, чѣмъ священники, получившіе спеціально богословское образо-

Библиотека "Руниверс"

ваніе? Все это вопросы и вопросы. Мы не противъ свободы, какою пользуется г. Пашковъ, но желали бы видѣть ее распространенною на священниковъ прежде всего.

Обращаясь собственно къ содержанію Пашковскихъ чтеній, мы должны сказать, на основаніи нашихъ свѣдѣній о нихъ, что подобныя чтенія суть часто школьныя упражненія съ Евангеліемъ. Любой семинаристъ дастъ болѣе обстоятельное и дѣльное объясненіе Евангелій, чѣмъ то, какое даетъ г. Пашковъ. Мистическое направленіе въ его объясненіяхъ, въ духѣ ученія Редстока, выдается, повидимому, за новизну. Между тѣмъ наши священники могли бы въ той же залѣ г. Пашкова, гдѣ онъ ведетъ свои чтенія, дать ему самому и его публикѣ отличныя лекціи съ изложеніемъ ученій всѣхъ мистическихъ сектъ протестантства, каковы, напримѣръ, секты анабаптистовъ, піэтистовъ, квакеровъ, гернгутеровъ и т. п. Проштудированіе подобныхъ сектъ отняло бы у проповѣдей г. Пашкова всякое обаяніе, потому что религіозный мистицизмъ (?) давно уже устарѣлъ въ ряду другихъ болѣе современныхъ богословскихъ системъ. Во всякомъ случаѣ мы желали бы, чтобы наша пресса обратила серьезное вниманіе на появленіе въ домахъ Петербурга стремленія къ религіозной проповѣди. Явленіе это весьма характеристично и заслуживаетъ спеціальнаго изученія".

Къ сожалѣнію, мы не можемъ согласиться во всемъ съ уважаемою газетою.

Мы согласны, что священники могутъ сдѣлать больше пользы подобными чтеніями и толкованіями, чѣмъ Редстокъ и г. Пашковъ, но не столько при *личной* неограниченной свободѣ *каждаго проповѣдника*, сколько при наибольшей независимости *всей Церкви въ ея совокупности*. Мы думаемъ, что благія послѣдствія были бы неисчислимы, еслибы въ этомъ вопросѣ свобода высшая, то-есть *всей великой корпораціи, именуемой духовенствомъ*, была предпочтена индивидуальной независимости. *Та общая независимость* Іерархіи и Церкви, о которой такъ много думали настоящіе Славянофилы, укрѣпила бы вездѣ ослабшее единство Православія, а *личное своеволіе* въ проповѣди могло бы только умножить наши секты и расколы... Къ расколу крестьянскому прибавился бы расколъ интеллигентный, столичный.

Свобода проповѣди досталась бы на долю духовенства бѣлаго; а іеромонахамъ и вообще монахамъ, заключеннымъ въ стѣнахъ отдаленныхъ обителей, было бы трудно противодѣйствовать въ этомъ случаѣ духовенству женатому и свѣтскому, къ несчастію, и безъ того весьма расположенному у насъ — я не смѣю сказать къ Протестантству (это было бы слишкомъ), а проще и скромнѣе—къ *протесту*, т.-е. именно къ тому, что при неосторожности и къ Протестантству ведетъ.

Въ предыдущей замѣткѣ нашей мы сказали, что обстоятельства наши сложились теперь такъ, что равновѣсія вовсе нѣтъ между охрани-

Библиотека "Руниверс"

тельными началами и поступательными. Поступательныя все свободнѣе и свободнѣе, а охранительныя все по-*прежнему связаны*... И поправлять дѣло даже совѣтуютъ не такъ, какъ надо — не *справа*, а все *слѣва же*. Дайте всей Церкви независимость и будьте покойны,—тогда она въ совокупности своей станетъ несокрушима!

IX.

Общество Болгарскихъ естествоиспытателей.

Фельетонистъ „С.-Петерб. Вѣд." сообщаетъ изъ „Цѣлокупной Болгаріи" слѣдующія извѣстія *о первомъ* учреждаемомъ *Болгарскомъ Обществѣ естествоиспытателей*. „Мысль объ ученомъ обществѣ въ Софіи, какъ о средствѣ общенія между людьми, получившими естественно-научное образованіе, давно возникла въ средѣ софійскихъ врачей и натуралистовъ, но только теперь приведена къ осуществленію. Послѣдніе два мѣсяца софійскіе врачи и натуралисты много разъ собирались для обсужденія этого вопроса и выработали уставъ Общества, цѣлью котораго указывается поддержаніе, посредствомъ постояннаго общенія, научнаго интереса между членами Общества и обсужденіе медицинскихъ и естественно-научныхъ вопросовъ, преимущественно такихъ, которые имѣютъ общественный интересъ. Общественная и частная гигіена и діэтетика, санитарная часть, метеорологія—какъ сами по себѣ, такъ и по отношенію къ народному здравію—вотъ предметы, которыми намѣрено заниматься Общество. Оно будетъ печатать сообщенія о своихъ засѣданіяхъ, протоколы, публичныя рѣчи и пр.; въ засѣданія доступъ свободный для всѣхъ желающихъ. Общество состоитъ: 1) изъ членовъ учредителей; 2) изъ дѣйствительныхъ членовъ со взносомъ по 100 франковъ въ годъ (дѣйствительными членами могутъ быть избраны врачи и натуралисты, которые представятъ въ Общество два научныя сообщенія устно или письменно); 3) изъ членовъ-корреспондентовъ, живущихъ внѣ Софіи; 4) изъ членовъ-соревнователей, которые платятъ въ Общество 50 фр. въ годъ и получаютъ право безплатно пользоваться библіотекой и лѣчебницей, которыя будутъ открыты при Обществѣ, если окажется достаточно средствъ; наконецъ 5) въ почетные члены Общество будетъ избирать тѣхъ ученыхъ, которые своими учеными трудами оказали большіе услуги Болгарскому народу. Предполагается также издавать при Обществѣ „Медицинскій Вѣстникъ". Пожелаемъ первому ученому Болгарскому Обществу всякаго успѣха, а главное—денежныхъ средствъ, безъ которыхъ трудно что-нибудь сдѣлать".

Все это прекрасно; но самый главный *общественный* интересъ для „Цѣлокупной" Болгаріи должна бы представлять *исторія*, разсматриваемая не съ точки зрѣнія господствующихъ партій, а *именно* какъ *естест-*

Библиотека "Руниверс"

венная, реальная наука. Поученія такой исторіи доказали бы имъ, что нація ихъ сразу вышла на самый гибельный путь, — на путь *конституціонной демократіи*,—и что лучше бы имъ еще 20 лѣтъ пробыть подъ Туркомъ и подъ *игомъ* такъ-называемыхъ Фанаріотовъ, чѣмъ начать сразу страдать *собачьей старостью эгалитарнаго прогресса*... Хоть бы Россію пожалѣли немного!

X.

Небывалое торжество.

Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ мы нашли описаніе *небывалаго торжества* въ одномъ селѣ Новгородской губерніи. — Вотъ оно: „*Небывалое торжество въ захолустьи*. — Въ селѣ Вашкахъ (Новгородской губерніи, Кирилловскаго уѣзда) 19-е февраля, этотъ великій и знаменательный для всей Россіи день, праздновался съ небывалымъ доселѣ торжествомъ. Наканунѣ его среди площади была устроена изъ зелени роскошная арка, въ срединѣ которой находилось *изображеніе Святаго Духа, въ видѣ голубя*; кромѣ этого вся площадь была убрана зеленью и флагами. Въ самый день торжества послѣ божественной литургіи совершенъ крестный ходъ на площадь, гдѣ мѣстнымъ священникомъ, І. Разумовскимъ, въ сослуженіи двухъ сосѣднихъ священниковъ, отслуженъ благодарственный молебенъ при многочисленномъ стеченіи народа, пришедшаго сюда изъ окрестныхъ мѣстностей не по зову, а по собственному влеченію. Сюда же прибылъ мировый судья, многоуважаемый Д. Н. С., служащій въ районѣ безсмѣнно со дня учрежденія мироваго института, а также нѣкоторые представители Министерства Народнаго Просвѣщенія. Послѣ молебна ученики Вашкинскаго одноклассного училища, подъ руководствомъ мѣстнаго священника, превосходно пропѣли: „Боже, Царя храни“ и „Славься, славься, нашъ Русскій Царь“. Многочисленная публика слушала это стройное пѣніе дѣтей съ благоговѣніемъ и съ открытыми головами, а когда мальчики въ четвертый разъ пропѣли „ура“, — голоса всѣхъ стоящихъ на площади слились съ дѣтскими голосами, и громкое, несмолкаемое „ура“ далеко разнеслось по всей окрестности. Вечеромъ все село было иллюминовано.

Въ этотъ же день составленъ былъ всеподданнѣйшій адресъ Государю Императору. Въ память совершившагося двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора сельчане постановили пріобрѣсти образъ Св. Александра Невскаго и ежегодно великій день 19-го февраля сопровождать особымъ торжествомъ“.

Иванъ Арсеньевъ.

Библиотека "Руниверс"

Это дѣйствительно прекрасно, и намъ особенно нравится оригинальная, православная мысль *украсить арку изображеніемъ Св. Духа.*— Сочетаніе словъ „оригинальная“ и „православная“ вырвалось у насъ нечаянно, инстинктивно. Но потомъ, задумавшись надъ этимъ какъ бы lapsus calami, мы сказали себѣ съ горестью: „Да, мы, сами того не замѣчая, ужасно скоро дожили до того, что серьезное Православіе въ Россіи становится въ самомъ дѣлѣ явленіемъ очень оригинальнымъ. Его просто не знаютъ и не понимаютъ у насъ даже и большинство тѣхъ, которые ходятъ въ церковь“.

Иконоборческія проповѣди гг. Пашковыхъ могутъ стать убійственными, замѣтимъ кстати, даже и для искусства,—не найдутъ нужнымъ *изображать* и *Св. Духа*...

Сообщеніе г. Арсеньева доставило намъ истинное удовольствіе. Насъ огорчило только это гадкое слово „Захолустье“. Неужели у насъ не могутъ догадаться до сихъ поръ, что грубость и литературная избитость подобныхъ выраженій—вовсе *не народны.* Намъ очень досадно и на г. Арсеньева, что онъ этимъ заглавіемъ испортилъ намъ впечатлѣніе своей милой замѣтки. Точно клопъ травяной сѣлъ на свѣжую и душистую ягоду!

XI.

Одиночное заключеніе.

Въ „Молвѣ“ мы читаемъ слѣдующее:

„Г. Мержеевскій, профессоръ душевныхъ болѣзней при Медико-Хирургической академіи, коснулся недавно въ своихъ лекціяхъ вопроса о вліяніи одиночнаго заключенія на развитіе душевныхъ болѣзней. Почтенный профессоръ, какъ передаетъ „Русская Правда“, горячо возставалъ противъ раціональности подобной системы заключенія, находя ее однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и скорыхъ способовъ довести человѣка до сумашествія. Система одиночнаго заключенія практикуется, какъ извѣстно, во многихъ государствахъ и даетъ вездѣ, даже въ самыхъ образцовыхъ тюрьмахъ, до 6% умопомѣшательствъ. Помимо трудно устранимыхъ дурныхъ гигіеническихъ условій, уже самая обстановка жизни въ казематахъ разрушительно дѣйствуетъ на мозгъ. Абсолютное лишеніе общества себѣ подобныхъ многими положительно не переносится, особенно одиночное заключеніе людьми съ слабою волею, людьми привыкшими къ постоянной кипучей дѣятельности и, наконецъ, людьми мучимыми угрызеніями совѣсти. Душевное разстройство начинается обыкновенно появленіемъ галлюцинацій. Глухая тишина камеры и невозможность пользоваться способностью рѣчи вызываетъ въ большинствѣ случаевъ галлюцинаціи слуха. Заключеннымъ слышатся, осо-

Библиотека "Руниверс"

бенно по ночамъ, постоянные шорохи, стоны, плачъ, и эти ложныя представленія иногда достигаютъ такой реальности, что самые интеллигентные заключенные принуждены бываютъ вставать съ койки и осматривать свое помѣщеніе. Эти галлюцинаціи часто служатъ переходною ступенью къ болѣе тяжкимъ душевнымъ разстройствамъ и ведутъ къ глубокой меланхоліи и паралитическому слабоумію, убивающему въ конецъ всѣ духовныя силы заключеннаго. Почтенный профессоръ приглашалъ слушателей бороться въ своей будущей дѣятельности противъ установившагося рутиннаго взгляда на пригодность широкаго примѣненія одиночныхъ заключеній, какъ системы наказанія, отнимающей у заключеннаго не только одну свободу, но часто и всѣ высшія человѣческія способности".

Но что же прикажете дѣлать съ преступниками? Казнить—не надо, заключеніе одиночное губительно,—что-жь дѣлать съ ними? Многіе уже не разъ указывали на то, что о преступникахъ общества нынѣшнія больше заботятся чѣмъ о людяхъ мучительно-бѣдныхъ, но предпочитающихъ страданія свои преступной жизни. *Вотъ еслибы общества человѣческія и люди науки придумали поскорѣй такое устройство, при которомъ трудъ, хотя бы и нѣсколько принудительный, былъ умѣреннѣе и обезпеченнѣе, а свобода подвижнаго капитала ограниченнѣе (какъ она и была прежде, при сословномъ строѣ всѣхъ обществъ), то у разрушителей вырвано было бы изъ рукъ самое сильное ихъ орудіе въ ближайшемъ будущемъ.* А о преступникахъ можно бы позаботиться и позднѣе.

XII.

Дама куритъ въ церкви.

По словамъ „Моск. Вѣд.", „Оренбургскій Листокъ" сообщаетъ о слѣдующемъ скандалѣ, случившемся въ Уфѣ: „Въ церкви Св. Спаса, на Казанской улицѣ, 22 февраля происходило вѣнчаніе. Въ числѣ приглашенныхъ была одна дама изъ интеллигентнаго слоя общества и къ тому же *супруга педагога*. Этой бойкой барынѣ вдругъ вздумалось закурить папиросу въ церкви, и она закурила. Скандалъ произошелъ не малый. Вмѣшалась, конечно, полиція, составила актъ и передала по принадлежности".

Впередъ! Впередъ! Вы, присяжные, и вы, мировые, оправдайте поскорѣе, оправдайте пожалуйста эту... даму... даму... чтобы не сказать хуже...

Библиотека "Руниверс"

XIII.

Пророчество одного кѣлецкаго сапожника.

„Одинъ изъ почтенныхъ кѣлецкихъ „фабрикантовъ обуви“, основываясь, какъ онъ утверждаетъ, на глубокомъ знаніи Библіи и Талмуда, котораго, впрочемъ, онъ не читалъ, но достаточно знакомъ съ нимъ, по его собственнымъ словамъ, изъ частыхъ бесѣдъ съ нѣкоторою еврейкой (sic), — этотъ-то почтенный мыслитель предсказываетъ близость страшной и всеобщей войны!... Она должна вспыхнуть, по его словамъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, именно лѣтъ черезъ шесть, когда Пасха будетъ праздноваться въ день Св. Марка... Почтенный мыслитель не ограничивается простымъ предсказаніемъ войны, основываясь на совпаденіи праздника Пасхи со днемъ Св. Марка; онъ опредѣляетъ и ближайшія причины неминуемой войны. „Жить на свѣтѣ тяжело,—говоритъ онъ.—Дѣла такъ не могутъ идти дальше, и нужно ждать перемѣны. Прежде я платилъ пять рублей податей и много пилъ водки, а теперь плачу двадцать рублей податей и... (??) Словомъ, жить тяжело. Главная причина — людей на свѣтѣ расплодилось очень много. Настанетъ война, земля очистится, сдѣлается просторнѣе, и хлѣба будетъ больше“.

Приводя это пророчество, „Gazeta Kielezka“ утверждаетъ, „что почтенный кѣлецкій мыслитель не вполнѣ искрененъ. Сапоги онъ и прежде шилъ плохо, а теперь сталъ шить ихъ еще хуже,—вотъ главная причина, по которой ему плохо живется на свѣтѣ... Въ оптимистическомъ воззрѣніи своемъ на результаты пророчествуемой имъ войны онъ — увы!—тоже будто крѣпко ошибается: обиліе и доступность влаги обусловливающей болѣе примирительный взглядъ его на жизнь вовсе не создается войною...“

Мы что-то не очень сочувствуемъ глумленію кѣлецкаго газетчика надъ кѣлецкимъ пророкомъ-мыслителемъ... Мы такъ рады всякой, даже и неправильной, но самобытной мысли, посреди того всеобщаго прогрессивнаго идіотизма, который съ такимъ успѣхомъ сѣется всюду современными дѣятелями пера и изустнаго слова!—Дж. Стюартъ Милль еще прежде насъ сказалъ, что нынче передъ *эксцентричностью* надо преклоняться,—до того всѣ люди, всѣ умы становятся пошлыми и схожими.

Не знаемъ правъ ли кѣлецкій „пророкъ-сапожникъ“ относительно *срока;* но относительно неизбѣжности великой и дѣйствительно всеобщей уже на этотъ разъ войны—онъ, конечно, правъ... Этой войны не избѣгнуть никому, и XIX-й вѣкъ, *передъ концомъ своимъ*, *подведетъ свои политическіе итоги...*

Милый пророкъ-сапожникъ!... Не бойся!... Ты, вѣдь, гораздо интереснѣе того, кто съ улыбкой подтруниваетъ надъ тобой.

Библиотека "Руниверс"

Насчетъ того, что *людей развелось очень много*, и въ этомъ ты, кажется мнѣ, правъ...

Особенно развелось вездѣ много „интеллигентовъ“ средней руки. Это ужасно!... Ну, что, если всѣ милые и умные оригиналы, въ родѣ кѣлецкаго пророка, переведутся и не будетъ, благодаря „цивилизаціи“, никакой разницы во взглядахъ на жизнь между сапожникомъ будущаго и либеральнымъ публицистомъ будущаго? *Эстетической* разницы, положимъ, и теперь между ними очень мало... Но есть еще нѣчто..., брезжится еще что-то *живое*, отстаивающее себя отъ *общаго, противнаго стиля!*... А когда и этого не будетъ, то что произойдетъ? И подумать жутко!

XIV.

Прозрачная щука.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ мы читаемъ слѣдующее извѣстіе: „*Освѣщеніе электричествомъ внутреннихъ полостей тѣла*. Въ послѣднемъ засѣданіи Германскаго Электротехническаго Союза, происходившемъ 23 марта въ Берлинѣ, подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго почтовымъ вѣдомствомъ, докт. Стефана, были произведены любопытные опыты съ новыми электрическими приборами. Въ полости тѣла животныхъ вводились платиновыя спирали, прикрѣпленныя къ рефлекторамъ, и внутренности освѣщались электрическимъ свѣтомъ гораздо ярче, нежели это удавалось сдѣлать до настоящаго времени. Такъ, въ желудокъ живой щуки была введена посредствомъ зонда платиновая проволока, помѣщенная въ стеклянномъ резервуарѣ. Едва успѣлъ электрическій токъ пробѣжать по этой проволокѣ, какъ щука сдѣлалась *совершенно прозрачною*, такъ что простымъ глазомъ можно было видѣть дѣйствіе всѣхъ внутреннихъ органовъ. Въ продолженіе опыта щука держалась совершенно смирно, а когда проволока была вынута обратно изъ желудка, щука принялась опять плавать какъ ни въ чемъ не бывало“.

Это очень любопытно! Въ первую минуту нельзя не восхититься при мысли о томъ, что не только щучьи, но и наши собственныя внутренности могутъ когда-нибудь до того озариться электричествомъ, что и мы сдѣлаемся совершенно прозрачными. Радость наша простирается въ этомъ случаѣ до того, что мы мечтаемъ даже о какомъ-нибудь блестящемъ излѣченіи отъ какой бы то ни было опасной и темной внутренней болѣзни.

„Кто хорошо распознаетъ—хорошо лечитъ!“ Старинное изреченіе! Но скептицизмъ шепчетъ намъ иное; онъ говоритъ: „Но можетъ-быть это излѣченіе ваше вовсе и не нужно?“ Мальтусъ, Дж. Стюартъ Милль отчасти, кѣлецкій пророкъ-сапожникъ и другіе мыслители правы:

Библиотека "Руниверс"

народу развелось слишкомъ много. Тѣсно, дорого... Къ тому же мы-то, собственно мы — консерваторы; а развѣ консерваторамъ, настоящимъ, понимающимъ, *что такое консерватизмъ*,—въ Россіи *нынѣшней* можно долго жить и дѣйствовать?... Вотъ еслибы придумать какой-нибудь приборъ для освѣщенія многихъ *душъ умѣренно-либеральныхъ*,—ну, тогда... полиціи и политическимъ судамъ прибавилось бы дѣла... А теперь что!... Такъ отвѣчаетъ намъ скептическій разумъ, и нашъ восторгъ при видѣ прозрачной щуки хладѣетъ!

XV.

Человѣкъ въ бараньей шкурѣ.

Мы нашли въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" слѣдующую исторію:

„Пермскія Губернскія Вѣдомости" приводятъ слѣдующее рѣшеніе одного волостнаго суда въ Пермской губерніи: Крестьянинъ Н — въ принесъ волостному суду жалобу, что потерявшагося у него барана, стóящаго два рубля, онъ нашелъ уже заколотымъ въ амбарѣ у крестьянина Ю—ва, котораго и подозрѣваетъ, что тотъ закололъ барана, и проситъ поступить съ нимъ по закону. Отвѣтчикъ на судѣ объяснилъ, что баранъ забѣжалъ къ нему въ ограду съ его овцами, почему онъ закололъ его на пищу. Волостной судъ, имѣя въ виду собственное сознаніе виновнаго, постановилъ: „крестьянина Ю—ва за означенный поступокъ наказать розгами 20-ю ударами, затѣмъ надѣть на него шкуру заколотаго барана, провести по улицамъ села съ барабаномъ, подводя его къ окну каждаго жителя, и предъ каждымъ домомъ давать ему по одному удару". *Рѣшеніемъ истецъ и отвѣтчикъ остались довольны.*

Вотъ прекрасный случай нашимъ газетамъ возопить: „отсталость, варварство, „*безобразіе*!" „мракъ!" „школы!" „просвѣщеніе!" и т. д. А по-нашему это—*ничего* что человѣка поводили въ бараньей шкурѣ. Нашему эстетическому чувству до того надоѣла *безличность* нашего *европеизированнаго* общества (стоящаго при этомъ вовсе невпопадъ за какое-то *развитіе личности?*), что мы ужасно рады всему живому и не похожему на *все другое*, какъ похоже въ Петербургѣ! Въ этой выдумкѣ есть хоть маленькое творчество національной мысли, а *у всѣхъ* либеральныхъ ученыхъ нашихъ, вмѣстѣ взятыхъ, вовсе его не видно. Многіе изъ нихъ не понимаютъ даже разницы между *юридической свободой лица* и *живымъ развитіемъ личности*, которая возможна *даже и при рабствѣ*,—и не только въ рабовладѣльцѣ, но и въ *самомъ рабѣ*. Развитіе есть *полнота*, *содержательность*, *или интензивность*

Библиотека "Руниверс"

и своеобразіе. Наши „образованные люди“ не знали даже до сихъ поръ, что „либерализмъ“ вездѣ въ Европѣ повредилъ *національности*; ибо *государственная независимость и племенное объединеніе* погубили вездѣ *умственную и бытовую* независимость и способствовали скорѣйшему претворенію націй, областей, городовъ, умовъ, обычаевъ, модъ, построекъ въ одинъ и тотъ же *европейскій* или даже *космополитическій типъ*. Что же тутъ общаго между *свободой лица и развитіемъ личности* въ народѣ и отдѣльныхъ людяхъ,—между *объединеніемъ* Германіи, напримѣръ, и ея *культурно-національнымъ своеобразіемъ*?... Развѣ то, что первое убило второе?

Нѣтъ, пермскій мужикъ въ бараньей шкурѣ, довольный тѣмъ, что его еще и побили, гораздо лучше, глубокомысленнѣе, національнѣе русскихъ цивилизаторовъ! Этимъ бы подъ-стать только какой-нибудь изнуренный *увріе*, съ козлиной бородкой и злыми отъ зависти глазами, который кричитъ: „Monsieur! Tous les hommes sont égaux!...“

XVI.

Волки въ овечьихъ шкурахъ.

Русскій добрый человѣкъ въ бараньей шкурѣ—это ничего; а вотъ „волки въ овечьей“—это худо!...

Въ газетѣ „Востокъ“ есть нѣчто объ этихъ *радикальныхъ европейцахъ въ славянской шкурѣ*.

„Константинопольскія газеты въ образованіи въ Болгаріи новаго министерства изъ радикальной, или, какъ они называютъ, „красной“, партіи не предвидятъ ничего хорошаго какъ для Болгаріи, такъ и для спокойствія Балканскаго полуострова. По ихъ словамъ, нынѣшніе полоумные болгарскіе министры, какъ Цанковъ и Каравеловъ, будутъ слѣдовать слѣдующей програмѣ: 1) посредствомъ печати вводить въ обманъ общественное мнѣніе Европы относительно положенія дѣлъ въ Македоніи и Ѳракіи; 2) будутъ жаловаться на притѣсненія со стороны Турокъ и обвинять въ этомъ же всѣ прочія христіанскія народности полуострова, какъ Грековъ, Сербовъ и Румынъ; 3) будутъ печатать жалобы отъ мнимыхъ Болгаръ—преимущественно изъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ ихъ нѣтъ; 4) примутъ всевозможныя мѣры къ притѣсненію не-болгарскихъ народностей въ Болгаріи и Восточной Румеліи и будутъ стараться вызвать между ними возмущеніе; 5) будутъ агитировать въ Россіи, посредствомъ печати, въ пользу необходимаго соединенія Восточной Румеліи съ Болгаріею, и проч. Главная же цѣль, пре-

Библиотека "Руниверс"

слѣдуемая вожаками велико-болгарской партіи, та, что столицею ея долженъ быть Константинополь. Говоря это, газеты справедливо замѣчаютъ, что подобныя мечты только и могли народиться въ головахъ тупоумныхъ Болгаръ".

Все это *отчасти* можетъ быть и такъ; но мы не согласны съ цареградскими газетами ни въ томъ, что Каравеловъ и Панковъ *полоумны*, ни въ томъ, что Болгары вообще *тупо*-умны.

Они, положимъ, не *остро*-умны; но за то они *хитро*-умны, какъ древній *Улиссъ*.

Они знаютъ *чего хотятъ и добиваются*... Они очень ловки и лукавы!

Они *хотѣли* во что бы то ни стало *схизмы*—и добились ея; они хотѣли независимости—и русской кровью пріобрѣли ее; они желали поссорить и насъ съ Вселенской Патріархіей, которая такъ долго и во многихъ случаяхъ предпочитала монархическую Россію аѳинской демагогіи,—они желали насъ поссорить—и разномысліе едва-едва не дошло до разрыва!... Болгарская „интеллигенція" была всегда *не настоящаго* славянофильскаго духа; она его не *постигала вовсе*; она и *подъ Туркомъ* жила западными идеалами. Она мечтала *о конституціи* — и получила ее. Теперь, если вѣрить Грекамъ, болгарская интеллигенція ждетъ отъ насъ чуть-чуть не Царьграда въ даръ любви! Конечно, Греки, вѣроятно, клевещутъ, упоминая о подобныхъ болгарскихъ претензіяхъ *даже и на Царьградъ*... Это ужь слишкомъ! Но все-таки, даже и отвергая подобное преувеличеніе, нельзя не сказать и здѣсь еще разъ, что болгарская „интеллигенція" *очень вредна* и *очень опасна* и для Россіи, и *для своего собственнаго народа*. Но она не *полоумна и не опрометчива*... О, нѣтъ! Она очень разсчетлива и очень смѣла. Болгары—народъ ничѣмъ до сихъ поръ особеннымъ, конечно, не замѣчательный, если прилагать къ нимъ мѣрило національной самобытности въ идеяхъ, вкусахъ и бытовыхъ формахъ, мѣрило *культурной обособленной выразительности*; ихъ „интеллигенція"—самая обыкновенная, западная, либеральная въ этомъ смыслѣ. Но Болгары—въ отношеніи *историческихъ судебъ своихъ*—народъ *роковой* и опасный.

„Во дни оны" они были главнымъ поводомъ къ раздѣленію Церквей Восточной и Западной. И теперь они такъ искусны, такъ тверды и такъ рѣшительны въ политическихъ „оборотахъ" своихъ, что заставляютъ и самое Россію вотъ уже около двадцати лѣтъ идти за собою въ дѣлахъ международной политики.

Ни Греки, ни Черногорцы, ни Сербы не могли заставить насъ воевать, *а беззащитные* Болгары, при *этой самой беззащитности своей*, *взбунтовавшись* такъ *рѣшительно*, принудили и насъ обнажить противу Турціи привычный намъ мечъ!

Библиотека "Руниверс"

Одно время любимой мечтой ихъ было, втеревшись посредствомъ Экзархата въ Царьградъ, окрестить Султана и другихъ Турокъ власти и вліянія и стать самимъ во главѣ великой и новой Православной Имперіи, которая могла бы постепенно отбросить „старѣющую“ Россію далеко на Сѣверъ.

„Берегитесь, — сказалъ Сулла (про юношу Цезаря): — въ этомъ мальчишкѣ сидятъ десять Маріевъ!“ Берегитесь!—говорю и я уже не въ первый разъ...

Конецъ 2-го тома.

Опечатка на стр. 344.

На строкѣ 21 сверху напечатано: „на языкѣ нашемъ“; слѣдуетъ читать: „на языкѣ нашей.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"